

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

19
(2013)

SAINT-PETERSBURG
2013

Археологические вести

19
(2013)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. НОСОВ (главный редактор),
академик РАН Н. А. МАКАРОВ, академик РАН В. Л. ЯНИН,
Н. В. ХВОЩИНСКАЯ (зам. главного редактора), М. Ю. ВАХТИНА,
Т. С. ДОРОФЕЕВА (ответственный секретарь), Н. Ю. СМИРНОВ, Л. Г. ШАЯХМЕТОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук И. Л. Тихонов

Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992–.

Вып. 19 / [гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013. – 312 с., ил.

ISBN 978-5-86007-750-8

«Археологические вести» № 19 – очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН. В выпуск включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Вводятся в научный оборот материалы палеолитического комплекса западного Забайкалья, Жоховской арктической стоянки на острове Де-Лонга (Восточная Сибирь), могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан), сельских некрополей Ольвии, а также результаты изучения железного века на острове Сокотра (Йемен). В ряде статей дается анализ различных категорий археологического материала. В частности рассматриваются чаша из Ольвии, сосуды типа «Татинг» из Нижнего Поволжья, восточная керамика и привеска-амулет с руническими знаками с Рюрикова городища под Новгородом, железные элементы оголовий из раскопок Гнёздово, поздние монеты, полученные при охранных исследованиях в Санкт-Петербурге. Специальный раздел сборника содержит две статьи по актуальным проблемам археологии. Одна из них посвящена вопросам хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии, а вторая – некоторым скульптурным образам в кобано-колхидском искусстве. Дается информация о международных конференциях, об организации науки в Польше. Специальный раздел посвящен истории науки. Среди авторов ежегодника ученые из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Читы, Владивостока), Украины, Молдовы, Англии, Польши.

Для археологов, этнографов, историков, искусствоведов.

“Archaeological News” 19 is a regular issue of the year-book published by the Institute of the History of Material Culture RAS. The present volume includes articles concerned with the most recent studies in archaeology, history and culture. Among the presented materials are finds from a Palaeolithic complex in the western Trans-Baikal region, Zhokhov Arctic camp-site on the De Long islands (Eastern Siberia), Kumsay burial ground of the Late Bronze Age (Tajikistan), rural necropoleis of Olbia, and the results of studies of Iron Age sites on the Island of Socotra (Yemen). A number of papers include analysis of different categories of archaeological finds. In particular, the considered objects comprise a bowl from Olbia, vessels of the ‘Tating’ type from the lower Volkhov reaches, oriental pottery and an amulet-pendant with runic signs from Rurik Hillfort near Novgorod, iron parts of bridles from excavations in Gniozdovo, coins of the recent period yielded by protective excavations in Saint Petersburg. A special section of the collection includes two articles on the urgent problems in archaeology. One involves questions of chronology of the early agricultural sites in Central Asia and the other considers some sculptural imagery in the Koban-Kolkhida art. In addition, this volume informs about international conferences and organization of the science in Poland. A special section treats the history of science. Among the authors of the presented annual are scholars from Russia (Moscow, Saint Petersburg, Petrozavodsk, Chita and Vladivostok), Ukraine, Moldova, Britain and Poland.

The issue is intended for archaeologists, ethnographers, historians and art researchers.

Обложка:

Лицевая сторона – Фрагменты чаш Сиана из Ольвии (к статье А. В. Буйских)
Обратная сторона – Трасологическое обследование бронзовой привески-амулета
(к статье Е. Ю. Гири, Н. С. Курганова)

ISBN 978-5-86007-750-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2013

© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», продолжающееся издание «Археологические вести» (оформление), 1992 (год основания), 2013

© Редакционно-издательское оформление.

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Наши юбиляры

Кузнецова Галина Алексеевна. К 70-летию со дня рождения	11
--	----

Новые открытия и исследования

<i>И. И. Разгильдеева</i> Планиграфия палеолитического комплекса западного Забайкалья	12
<i>В. В. Питулько, В. В. Иванова, А. К. Каспаров, Е. Ю. Павлова</i> Тафономия, пространственное распространение, состав и сезонность фаунистических остатков из раскопок Жоховской стоянки (сезоны 2000–2005 гг. с добавлением материала 1989 и 1990 гг.)	26
<i>Ю. Г. Кутимов</i> Новые исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (Таджикистан)	75
<i>А. И. Нечвалода</i> Половозрастная диагностика палеоантропологических материалов из могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (раскопки 2012 г.) (Приложение к статье Ю. Г. Кутимова)	90
<i>И. А. Снытко</i> Погребальные сооружения сельских некрополей Ольвии в контексте древнегреческой ритуальной практики населения Нижнего Побужья позднеархаической, классической и эллинистической эпох (VI–III вв. до н. э.)	91
<i>А. В. Буйских</i> Новые находки чаш Сиана в Ольвии	105
<i>Ю. А. Виноградов, В. А. Жуков, А. В. Сарабьев</i> Результаты изучения железного века на острове Сокотра (2006, 2008–2012 гг.)	115
<i>В. Гимпу</i> Древнейшая церковь Пещеры Бекира возле города Сорока	135
<i>М. А. Кулькова, А. В. Плохов</i> Сосуды типа «Татинг» из Нижнего Поволжья и Сен-Дени по данным естественнонаучных исследований	139
<i>В. М. Горюнова</i> О восточной неполивной керамике Рюрикова городища X в.	150
<i>Т. С. Дорофеева, С. И. Стеблин-Каменская</i> Новая находка привески-амулета с руническими знаками на Городище под Новгородом	159

<i>Е. Ю. Гиря, Н. С. Курганов</i> Наблюдения и проблемы, связанные с интерпретацией следов на привеске-амулете с Городища под Новгородом (Приложение к статье Т. С. Дорофеевой и С. И. Стеблин-Каменской)	176
<i>В. В. Новиков</i> Оголовья с железными элементами X в. из раскопок в Гнездове	181
<i>Н. С. Курганов, К. В. Горлов</i> Изучение монет как археологического материала в процессе реставрации (на примере материалов раскопок по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17)	188

Актуальные проблемы археологии

<i>А. Ю. Тарасов, М. Б. Зобков</i> Методика потокового анализа продуктов расщепления камня с использованием программ распознавания изображений	195
<i>В. А. Алёшкин</i> Бусины-пряслица Алтын-депе и вопросы хронологии древнеземледельческих памятников Центральной Азии	211
<i>А. Ю. Скаков</i> О некоторых образах кобано-колхидского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики	229

Обзоры и рецензии

<i>А. В. Курбатов</i> Изучение древнего кожевенного ремесла сегодня: опыт консолидации специалистов	246
---	-----

Организация науки

<i>Х. Тарас, В. Тарас</i> Право собственности на археологические памятники в Республике Польша и проблема их популяризации.....	255
---	-----

Сотрудничество Восток–Запад

<i>Ан. В. Гусев</i> Конференция «Древнее святилище Усть-Полуй»: к 80-летию открытия памятника	265
<i>Стивен Д. Лич</i> Международная конференция 2011 г. в Бирмингеме: Вклад Л. С. Клейна в археологию	268
<i>О. И. Богуславский, А. А. Бессуднов, И. А. Гарбуз</i> Научная конференция молодых ученых Санкт-Петербурга «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования» (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.)	270

История науки

<i>В. Г. Ананьев</i> «Идеальный археологический музей» В. А. Городцова: Из истории дискуссий 1920-х гг.	272
<i>А. А. Хисамудинов</i> Русские археологи-эмигранты в Китае	278
<i>С. С. Бессонова, С. А. Скорый.</i> Она не представляла своей жизни без археологии (памяти Галины Ивановны Смирновой)	284
<i>Н. Ю. Смирнов.</i> Заметки М. А. Тихановой по истории РАИМК–ГАИМК в 1920–1930-е гг. (публикация полного текста статьи 1980 г.).....	292

Хроника

<i>С. А. Кулаков</i> Институт истории материальной культуры РАН в 2012 г.	301
Список сокращений	311

CONTENTS

Our jubilees

Kuznetsova Galina Alekseevna To the 70th Anniversary	11
---	----

New discoveries and studies

<i>I. I. Razgil'deeva</i> Plan View of the Palaeolithic Complex of the Western Trans-Baikal Region	12
<i>V. V. Pitul'ko, V. V. Ivanova, A. K. Kasparov, E. Yu. Pavlova</i> Taphonomy, Spatial Distribution, Species Composition and Seasonality of Faunal Remains from Excavations of the Zhokhov Site (Field Seasons 2000 through 2005 Supplemented with the Materials Obtained in 1989 and 1990)	26
<i>Yu. G. Kutimov</i> New Investigations of the Late Bronze Age Cemetery of Kumsay (Tajikistan)	75
<i>A. I. Nechvaloda</i> Sex and Age Diagnostics of Paleoanthropologic Materials from the Late Bronze Age Cemetery of Kumsay (Excavations of 2012) (Appendix to the Paper by Yu. G. Kutimov)	90
<i>I. A. Snytko</i> Funerary Structures at Rural Necropoleis of Olbia in the Context of the Ancient Greek Ritual Practices among the Population of the Lower Bug Region in the Late Archaic, Classical and Hellenistic Periods (6th –3rd Centuries BC)	91
<i>A. V. Buyskikh</i> New Finds of Siana Cups in Olbia	105
<i>Yu. A. Vinogradov, V. A. Zhukov, A. V. Sarab'ev</i> Archaeological Investigation of Iron Age Sites on the Island of Socotra in 2006 and 2008–2012	115
<i>V. Ghimpu</i> The Ancient Church of the Bechir's Cave near the Town of Soroca	135
<i>M. A. Kulikova, A. V. Plokhov</i> «Tating» Type Ware from the Lower Volkhov Area and Saint-Denis in the Light of Natural-Science Investigations	139
<i>V. M. Goryunova</i> Eastern Unglazed Pottery from Ryurik Gorodishche of the 10th Century	150
<i>T. S. Dorofeeva, S. I. Steblin-Kamenskaya</i> New Find of an Amulet Pendant with Runic Signs from Gorodishche near Novgorod	159

<i>E. Yu. Giryа, N. S. Kurganov</i> Notes and Problems Concerned with Interpretation of Traces on the Amulet Pendant from Gorodishche near Novgorod (Appendix to the Paper by T. S. Dorofeeva and S. I. Steblin-Kamenskaya)	176
<i>V. V. Novikov</i> Bridle Straps with Iron Elements of the 10th Century from Excavations in Gniozdovo	181
<i>N. S. Kurganov, K. V. Gorlov.</i> Investigation of Coins as Archaeological Evidence in the Course of their Restoration (Finds from Excavations in St. Petersburg, Smolrny Avenue, 17)	188

Topical problems of archaeology

<i>A. Yu. Tarasov, M. B. Zobkov</i> Mass-Analysis of Chipped Stone Assemblages with the Aid of Image-Recognition Software	195
<i>V. A. Alyokshin</i> Beads/Spindle whorls from Alyn-Depe and the Problems of Chronology of the Early Agricultural Sites in Central Asia	211
<i>A. Yu. Skakov</i> Some Representations in Koban-Colchidic Art: Sculptural Figures of Recumbent Animals and Zoomorphic Swastikas	229

Review articles and book reviews

<i>A. V. Kurbatov</i> Modern Studies of Ancient Leather Processing: Essay of Consolidation of Researchers.	246
---	-----

Organization of Science

<i>H. Taras, W. Taras</i> Ownership of Archaeological Objects in the Republic of Poland and the Problem of their Popularization	255
---	-----

The East-West cooperation

<i>An. V. Gusev</i> Conference «Ancient Sanctuary of Ust-Poluy»: the 80th Anniversary of the Site's Discovery	265
<i>Steven D. Lich</i> International Conference of 2011 in Birmingham: Contribution of L. S. Klein to Archaeology	268
<i>O. I. Boguslavskiy, A. A. Bessudnov, I. A. Garbuz</i> Scientific Conference of Young Scientists of St. Petersburg «Topical Archaeology: Archaeological Discoveries and Modern Methods of Research» (St. Petersburg, April 22–23, 2013).	270

History of science

<i>V. G. Anan`ev.</i> «The Ideal Archaeological Museum» of V. A. Gorodtsov: the History of Discussions in the 1920s.	272
<i>A. A. Khisamutdinov</i> Russian Archaeologists Émigrés in China.....	278
<i>S. S. Bessonova, S. A. Skoryy</i> She Could not Imagine her Life without Archaeology (in Memory of Galina Ivanovna Smirnova)	284
<i>N. Yu. Smirnov</i> Notes by M. A. Tikhanova on the History of RAIMK–GAIMK in 1920–1930s (Publication of the Complete Text of the Article of 1980).....	292

Chronicle

<i>S. A. Kulakov</i> Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS in 2012	301
List of Abbreviations	311

Наши юбиляры

КУЗНЕЦОВА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА. К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

От всей души поздравляем члена нашей редакционной группы Галину Алексеевну Кузнецову с юбилеем!

Галина Алексеевна является высококвалифицированным профессиональным художником. После окончания в 1961 г. Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухомовой («Мухомовское училище»), она связала свою творческую деятельность с научными учреждениями: Зоологическим институтом РАН (с которым она сотрудничает по сей день) и с 1982 г. с Институтом истории материальной культуры РАН. С 1966 г. ею было проиллюстрировано несколько десятков книг, как в области биологии, так и в археологии. Среди археологических публикаций следует отметить книги: «Каменные изваяния Семи-речья» (автор Я. А. Шер, 1966 г.), Новгородское (Рюриково) городище (автор Е. Н. Носов, 1990 г.), «Финны на западе Новгородской земли» (автор Н. В. Хвоцинская, 2004 г.), а также огромный труд по созданию таблиц для различных томов многотомного издания «Археология СССР».

Работы Г. А. Кузнецовой отличаются тонким художественным вкусом и мастерством графики, учитывающим особенности отдельных изданий. Не случайно она является автором иллюстраций к популярным занимательным книгам как «Непослушное дитя биосферы» (автор В. Р. Дольник, 1992 г.), выдержавшего пять переизданий, и «Париж для зевак» (автор Р. Аллой, 2000 г.), переизданного дважды.

Трудно перечислить все виды графических работ, выполненных Галиной Алексеевной за годы пребывания в стенах ИИМК. Это подготовка иллюстраций к докладам и различным отчетам сотрудников, к зарубежным и отечественным изданиям, оформление выставочных стендов, обложек и поздравительных адресов и др. Она является автором эмблемы института «кораблика» и обложки институтского издания ЗИИМКа.

В жизни Галина Алексеевна очень скромный и застенчивый человек, обладающий редким даром художественного новаторства. Работа с таким талантливым художником всегда превращается в радость творчества. Пожелаем нашему юбиляру жизненной энергии, здоровья и бодрости духа на благо служения науке.

Новые открытия и исследования

ПЛАНИГРАФИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

И. И. Разгильдеева¹

Теория и практика исследования палеолита разрабатывает важнейшие аспекты жизнедеятельности древних коллективов. Особое место среди них занимает проблематика изучения хозяйственных комплексов и их главной составляющей структуры – «жилища». Археологически жилища палеолита чаще всего представлены в культурном слое условной плоскостной проекцией в виде пола-основания с локализованными в пространстве остатками конструктивных элементов и связанными с ними скоплениями артефактов. При этом информация, заключенная во внутреннем пространстве жилищ (т. е. преднамеренно созданных условиях), содержит совокупность данных о сферах и формах жизнедеятельности древних обитателей, играющих ведущую роль в ее формировании.

История изучения древнейшего прошлого человека на территории Забайкальского края тесным образом связана с проблемой выявления и анализа жилищно-хозяйственных комплексов (ЖХК) палеолитического времени. Развитие идей «жилищной» тематики в палеолите сопровождалось совершенствованием методик полевых исследований и использованием новых методов систематизации материалов. Комплексный подход значительно повысил и расширил информативность данных и актуализировал направление структурного планиграфического анализа.

На многослойных памятниках западного Забайкалья в объективно сложившейся хронологической последовательности представлены раз-

ноструктурные остатки древних поселений, формировавшихся в близких ландшафтных и природно-климатических условиях (Константинов М., 1994; Константинов А., 2001). Относительная кратковременность их обитания, условия быстрой консервации горизонтов в рамках активной паводковой динамики рек обеспечили археологическую «чистоту» и хорошую сохранность комплексов, что стало определяющим фактором для изучения общей организации поселений и исследования внутренней планиграфии собственно жилищ.

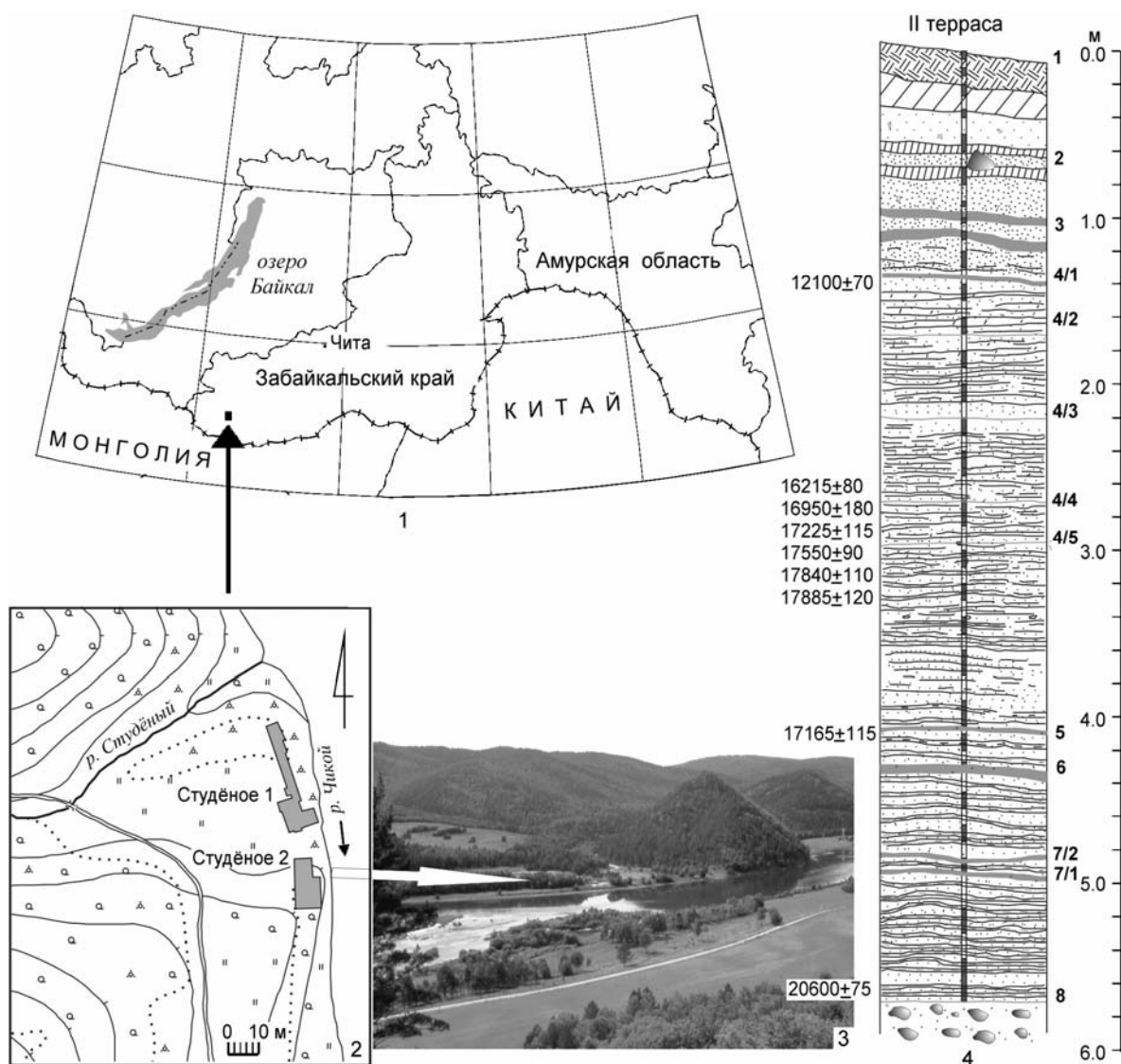
Поселение Студеное-2 находится в Красночикойском районе Забайкальского края (50°03'31" с. ш., 108°15'16" в. д.). Оно связано с отложениями II правобережной надпойменной террасы р. Чикой, в устье руч. Студеного. Высота террасы 9 м. Поселение изучено на площади 817 кв. м, в разрезе выявлено 15 культурных горизонтов (к/г) периода палеолита-бронзы (рис. 1). Семь палеолитических горизонтов включали остатки ЖХК с выразительными коллекциями археологических материалов. Комплексы локализованы в пространстве горизонтов и охватывают от 15,3 кв. м (к/г 3) до 74,5 кв. м (к/г 4/5).

Культурный горизонт 5 связан со средней частью аллювия (лит./слой 7) II надпойменной террасы р. Чикой. Он залегал на глубине 5,25 м от поверхности. Вмещающие культурные остатки отложения представляли собой прослойку разнородного песка (мощностью 4–7 см) без видимой микрослоистости. Нижней границей являлась трехсантиметровая стерильная прослойка более светлого песка (полное описание разреза см. Константинов и др., 2003. С. 16–17). Общая площадь вскрытия горизонта составила

---

¹ Россия, 672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александровская, 30. Забайкальский государственный университет.

Рис. 1. Забайкальский край, урочище Студеное:

1 – карта-схема; 2 – топоплан; 3 – вид с востока; 4 – стратиграфическая колонка.

Fig. 1. Zabaikalsky Krai. Studenoye. Plan and stratigraphy of Studenoye settlement:

1 – schematic map; 2 – topoplan; 3 – view from east; 4 – stratigraphic column.

287 кв. м. Эко- и артефакты связаны с ЖХК овальной формы (11,5 × 7 м), который располагался в центральной части мысовидного участка II террасы на расстоянии 5 м от ее бровки. Со структурными элементами площадки обитания связано 90 галек и речных валунов размерами от 7 × 10 до 30 × 65 см (рис. 2).

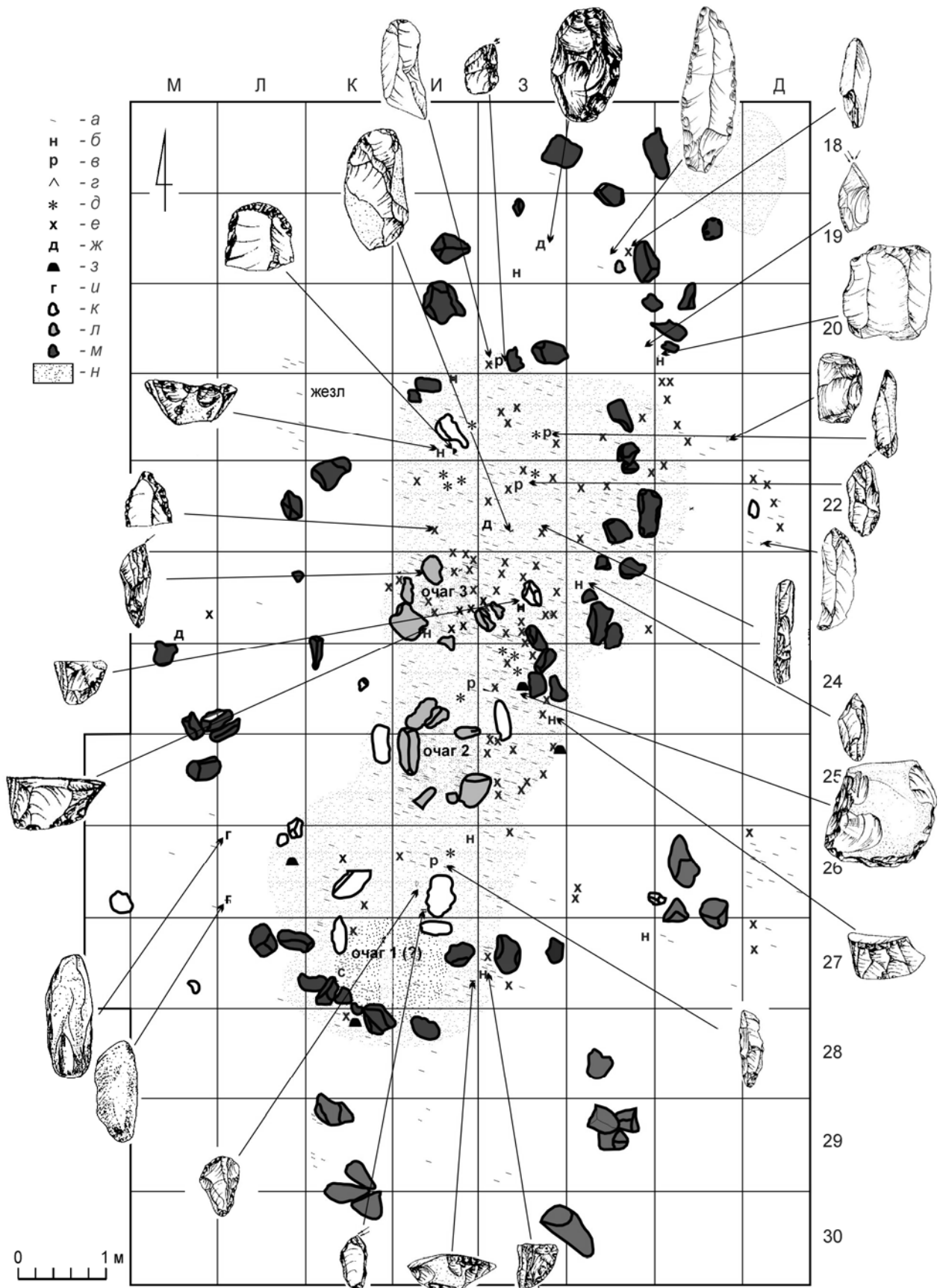
Комплекс был вытянут вдоль древнего уступа террасы по длинной оси с севера на юг и имел сложное строение. Общая его площадь составила около 37 кв. м.

В планиграфии поселения выделялись очаги, углисто-золистые пятна, отдельно и группами лежащие камни, формирующие обкладки хозяй-

ственных структур, скопления каменных артефактов, фаунистические остатки.

С юга и востока внешнюю границу ЖХК отмечали группы камней (рис. 2). В кв. 26-е – четыре фрагмента базальтового валуна, рядом с которыми найдены раздробленные фрагменты костей. В кв. 28-ж – гранитный валун, к нему примыкала группа из трех базальтовых валунов в кв. 29-ж. В одном метре от них, на границе кв. 30-ж/з, лежал крупный базальтовый валун. Рядом были найдены мелкие неопределимые фрагменты костей и пяточная кость архара.

С южной стороны комплекса в кв. 29/30-к компактно располагались три массивных базаль-

товых валуна и чуть в стороне от них еще один. Эти группы камней не образуют четкой границы. Их положение наталкивает на мысль о возможности закрепления с их помощью неких конструктивных элементов существовавшего ранее наземного сооружения. Рядом были найдены отдельные фрагменты костей крупных животных семейства полорогих (*Bovidae*) и фрагмент челюсти жвачного парнокопытного.

По западной линии обкладки выделялись три массивных базальтовых валуна, которые ребрами налегали друг на друга (кв. 24/25-л/м). Чуть в стороне находился слегка окатанный валун (в кв. 25-м). Возможно, он относился к этой группе и был еще в древности смещен в сторону. Отдельно лежали гранитный валун в кв. 24-м, в 2 м к северо-востоку от него – два базальтовых валуна (кв. 22-к/л), через 0,5 м к югу от них – еще два. В 1,20 м от них находился уплощенный массивный гранитный валун (кв. 24/25-к).

Более сложная картина наблюдалась с северной стороны вскрытого комплекса. Здесь камни сформировали две условные дуги. Внутреннюю дугу по контуру углисто-золистого пятна обозначили 12 валунов, лежащих на расстоянии 20–30 см друг от друга. Внешнюю дугу диаметром в 2 м составляли 13 разреженно лежащих камней. Максимально удаленная точка внутренней дуги находилась на расстоянии 2,4 м от очага № 3, максимально удаленная точка внешней – в 4,5 м от очага № 3. С внешней дугой связаны немногочисленные находки фрагментов костей и единичные каменные орудия.

Таким образом, внешнюю границу комплекса отмечали 52 разреженно лежащих камня. Большинство лежали на широких плоскостях, занимая устойчивую позицию. Только несколько из них, расположенных первоначально вдоль края уступа террасы, были смещены и лежали на ребре (Константинов А., 2001. С. 115). Камни, использованные в обкладках, отличались массивностью. Древние обитатели при выборе «строительного камня» отдавали предпочтение базальтовым и гранитным валунам, вероятно, из-за их плотной поверхностной корки, практически не подвергающейся естественному разру-

шению. Камни аналогичного качества, но меньшего размера использовались в обкладках очагов.

Очаги занимали центральную часть комплекса и располагались вдоль его длинной оси в направлении север–юг. При раскопках южной части ЖХК было выделено углисто-золистое пятно с отнесенными к нему камнями. В ходе полевых работ структуру интерпретировали как очаг № 1 (кв. 27-и/к). Он имел овальную форму (1,2 × 1,6 м), вытянутую с востока на запад. Углисто-золистое заполнение мощностью 2 см содержало мелкие обожженные фрагменты костей и единичные отщепы. По углу из заполнения была получена дата 17165 ± 115 (AA-23657) (Goebel et al., 2000). К обкладке очага были отнесены 10 камней. 8 базальтовых и гранитных валунов формировали вытянутую с востока на запад линию, 2 камня лежали отдельно от них, примерно в метре к северо-востоку (кв. 27-з/и).

В центральной части комплекса в 60 см друг от друга располагались остатки еще двух очагов: № 2 и № 3. Очаг № 2 (кв. 25-и) находился в одном метре к северу от очага № 1. Он имел округлую чашевидную форму (1 × 1,2 м). Мощность супесчаного с углисто-золистыми включениями заполнения до 3 см. К обкладке очага отнесены 5 крупных и 2 средних камня. 2 крупных валуна (кв. 25-и) были положены на начальной стадии функционирования очага (под ними не было углистой прослойки), остальные – уложены позже. В заполнении очага – мелкие чешуйки, фрагменты микропластинок и осколки обожженных костей.

По центру между очагами № 1 и № 2 на расстоянии 60 см друг от друга лежали параллельно 2 крупных уплощенных валуна (40 × 26 × 10 см, 50 × 22 × 8 см). Под ними прослеживалась золистая прослойка мощностью 1–2,5 см, в которой найдены чешуйки, микропластинки и мелкие фрагменты обожженных костей. Камни были принесены уже при функционировании структуры обитания и, на наш взгляд, имели интерьерное значение – использовались в качестве сидений. Рядом с ними были найдены орудия: скребок, срединный резец, пластина с ретушью и 2 отщепы с ретушью.

Рис. 2. Студеное-2. План жилищно-хозяйственного комплекса культурного горизонта 5.

Условные обозначения: *a* – отщеп; *b* – нуклеус; *в* – резец; *г* – игла; *д* – бусинка; *е* – пластинка; *жс* – долото; *з* – скребло, скребок; *и* – галечка-пест; *к-м* – камни: *к* – «интерьерные» камни; *л* – обкладки очагов; *м* – внешние обкладки; *н* – углисто-золистый слой

Fig. 2. Studenoye-2. Plan of the dwelling complex, horizon 5.

Notations: *a* – flake; *b* – nucleus; *в* – burin; *г* – needle; *д* – bead; *е* – platelet; *жс* – chisel; *з* – scraper; *и* – pebble/pebble; *к* – ‘interior’ stones; *л* – facing of fireplaces; *м* – external facings; *н* – ash-and-charcoal layer.

Очаг № 3 округлой чашеобразной формы (1 × 1,3 м). В заполнении мощностью до 3 см найдены отщепы, чешуйки, фрагменты микропластинок, бусинка из скорлупы яйца страуса, обожженные косточки. По периметру заполнения, образуя дугообразную обкладку, лежали 6 камней. С северной стороны камни отсутствовали. С южной стороны (кв. 23-и) в обкладке очага выделялся крупный плоский валун (46 × 40 × 15 см). Камень был принесен на «чистый» слой, после чего не перемещался. Рядом с очагом в восточном секторе найдены серия орудий, бусинки из скорлупы яиц страуса, риолита и туфита, скопления дебитаж.

В южной части ЖХК между внешними группами камней и камнями, отнесенными ранее к обкладке очага № 1, находки единичны.

В северной части, между обкладкой очага № 3 и камнями внутренней дуги обкладки ЖХК, поверхность горизонта представляла собой тончайшую прослойку золистого цвета, включающую скопление отщепов, чешуек, микропластинок, а также круглые бусинки, выполненные из разных материалов. Здесь участок поверхности, окрашенной микрочастицами золы, на 0,5 м выходил за линию внешних камней в сторону реки (кв. кв. 21/22-е).

Поверхность «пола» внутри комплекса в межочажном пространстве представляла собой углито-золистое пятно мощностью до 1,5–2 см возле очагов и уменьшалась до тончайшей «пленки» по мере удаления от них. Еще одно углистое пятно округлой формы (1,2 × 1,3 м) мощностью в 1 см находилось в квадратах 18-д/е. Оно располагалось по краю уступа террасы и примыкало к двум крайним камням внешней дуги обкладки. На его поверхности были найдены 2 отщепы. Возможно, данное пятно являлось частью сопутствующего хозяйственного участка.

Находки, в основном, тяготели к очагам и углито-золистой прослойке центральной части комплекса, что подтвердили и статистические диаграммы распространения каменного инвентаря. Вдоль западной линии внешней обкладки было отмечено свободное пространство с единичными артефактами.

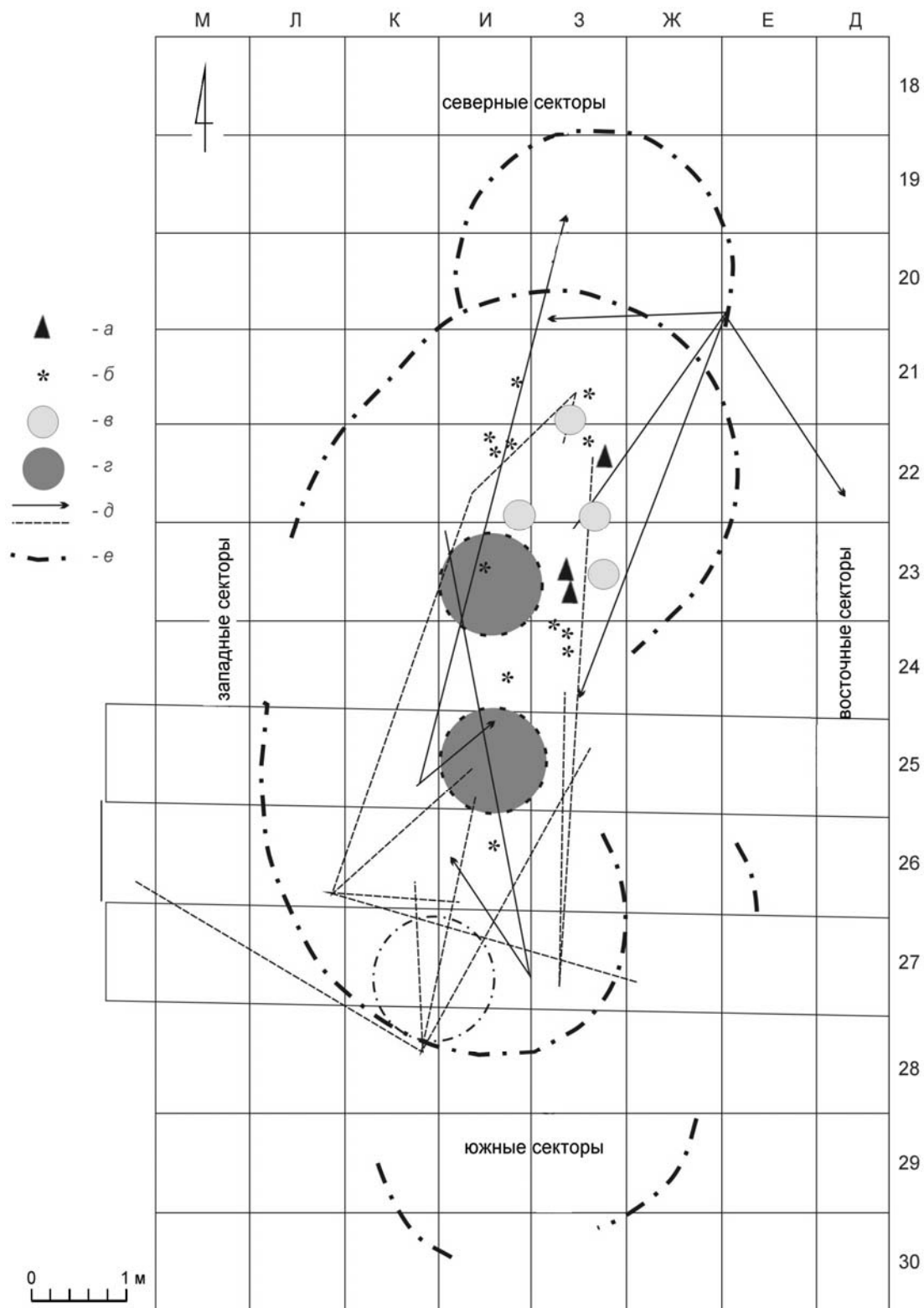
Наблюдения за микрорельефом слоя непосредственно в ходе полевых работ при проведении зачистки и нивелировочные отметки находок показали, что культурный компонент слоя в центральной части комплекса в квадратах со скоплениями достигал мощности 13 см. Мелкие

артефакты в виде осколков костей, чешуек и фрагментов микропластин присутствовали во всей указанной толще. Степень «миграции» находок не превышала параметров высот, использованных в конструкциях камней, и была не ниже 5 см уровня их основания. Подобное «растяжение» культурных отложений, учитывая их преимущественно микродебитажный характер, представляется естественным результатом процесса формирования культурного слоя в условиях аллювиальных отложений.

Планиграфический анализ ЖХК включал анализ скоплений каменного инвентаря. По характеру сырья (в том числе по цветовым различиям) были прослежены «родственные» связи, установившие распределение аналогичных видов сырья по всему ЖХК. Аппликативные связи между орудиями и микродебитажом по всей изученной площади горизонта подтвердили одновременность формирования структур данного участка (рис. 3).

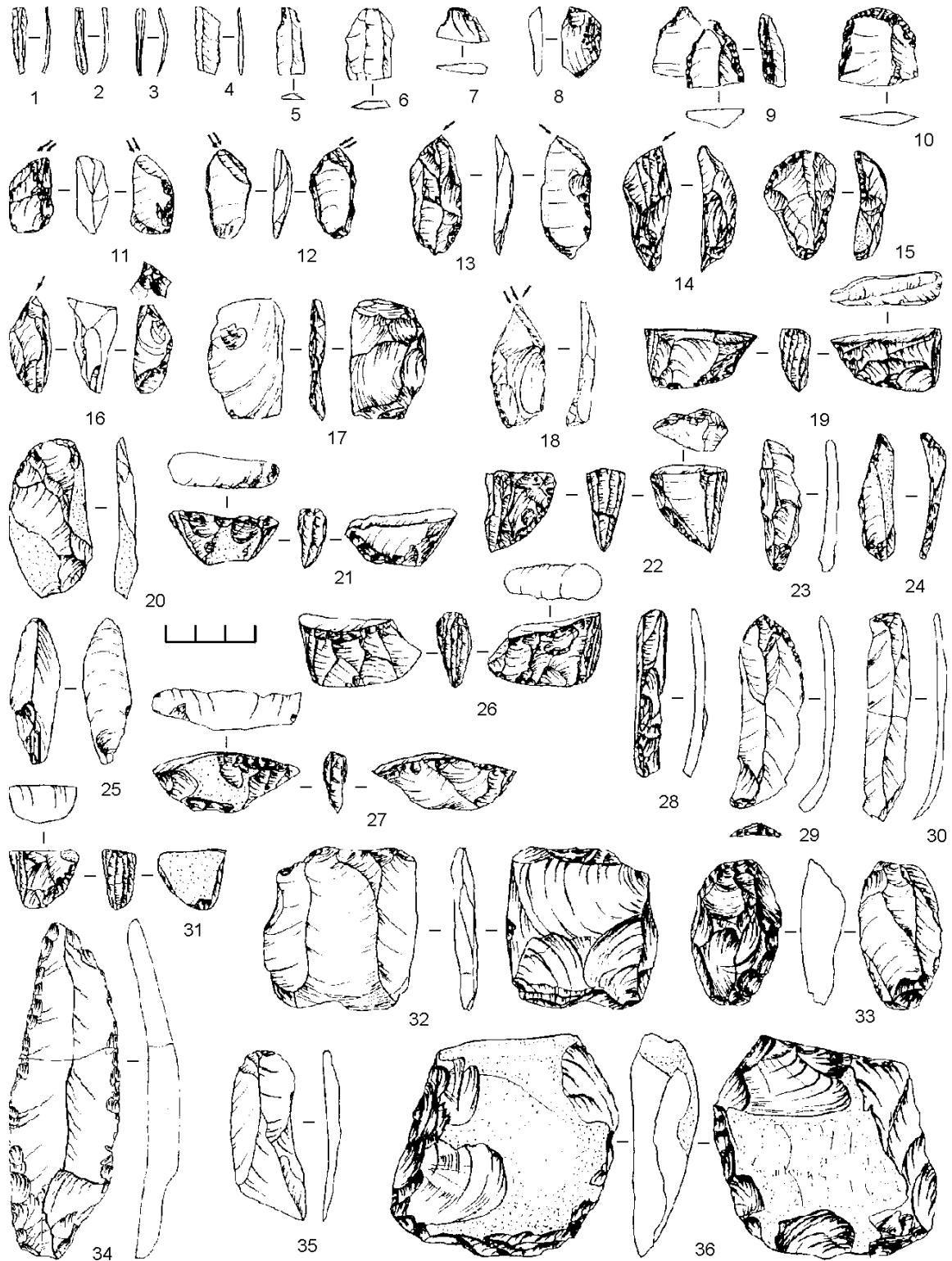
Абсолютное большинство находок в горизонте – 83 % – составляют каменные артефакты, 17 % – фаунистические остатки. Коллекция каменного инвентаря, связанного непосредственно с ЖХК, насчитывает 789 экз. В том числе: орудия – 42 экз. (5,3 %), нуклеусы и их фрагменты – 12 экз. (1,5 %), отщепы – 138 экз. (17,6 %), чешуйки – 332 экз. (42,1 %), микропластинки и их фрагменты – 235 экз. (29,8 %), пластинки – 12 экз. (1,5 %), сколы – 6 экз. (0,6 %), бусинки – 12 экз. (1,5 %).

Техника расщепления представлена одним двуфронтальным уплощенным нуклеусом и серией клиновидных микронуклеусов и их фрагментов (рис. 4). Сырьем для всех являлись разноцветные яшмы и кремь. 5 клиновидных микронуклеусов (высота фронта от 1,8 до 2,5 см, длина латералей от 2 до 3,6 см) по фронту имели по 3–5 негативов микропластинчатых снятий (рис. 4, 19, 21–22, 26, 31). В одном случае правая латераль сохранила галечную корку, у остальных – бифасиальная обработка клина. Расщепление клиновидных микронуклеусов проводилось методом отжима. У всех нуклеусов имелась легкая зашлифовка по килю. Но лишь 1 экз. после истощения использовался в качестве орудия, предположительно проколки. Рабочая кромка выделена на углу между гребнем и ударной площадкой, которая имела два негатива пластинчатых снятий. Размер изделия 1,9 × 0,8 × 3,5 см (рис. 4, 19). Учитывая фрагменты, общее число

Рис. 3. Студеное-2. Апликативные связи каменного материала. Расположение бусин и фрагментов игл.
 Условные обозначения: *a* – фрагмент костяной иглы; *b* – бусинки и их фрагменты; *v* – скопления микродебитаж; *z* – очаг;
d – апликативные связи; *e* – линия камней внешней обкладки

Fig. 3. Studenoye-2. Applicative links between stone materials. Arrangement of beads and fragments of needles.
 Notations: *a* – fragment of a bone needle; *b* – tiny beads and their fragments; *v* – accumulations of microdebitage; *z* – fireplace;
d – applicative links; *e* – the outline of stones of the external facing.

Рис. 4. Студеное-2. Каменный инвентарь культурного горизонта 5:

1-6 – микропластины и их фрагменты; 7-9 – фрагменты орудий; 10, 15 – скребки; 11-14, 16, 18 – резцы; 17, 20 – отщепы с ретушью; 19, 21-22, 26-27, 31-32 – нуклеусы; 23-25, 28-30, 35 – орудия на пластинках; 33 – долотовидное орудие; 34 – пластина с ретушью; 36 – рубящее орудие.

Fig. 4. Studenoye-4. Stone artefacts of cultural horizon 5:

1-6 – microblades and their fragments; 7-9 – fragments of tools; 10, 16 – scrapers; 11-14, 16, 18 – incisors; 17, 20 – retouched flakes; 19, 21-22, 26-27, 31-32 – cores; 23-25, 28-30, 35 – tools on blades; 33 – chisel-like tool; 34 – retouched blade; 36 – chopping tools.

клиновидных нуклеусов 11 экз. Микропластинки составляли устойчивые серии. Они распределялись небольшими скоплениями и являлись результатом расщепления данных нуклеусов, с которыми соотносятся по размерам (0,4 × 2,2 см) и по цвету.

Сработанный уплощенный нуклеус из темно-вишневой яшмы использовался как орудие по дереву (рис. 4, 32). Изделие размерами 4,5 × 5 см с тремя негативами пластинчатых снятий по фронту, контрфронт покрыт фасетками отщеповых снятий. Почти все относительно крупные – длиной до 5 см – пластинки были сняты с данного нуклеуса.

Коллекция каменных и костяных орудий составляет 48 экз. Скребки – 3 экз. (6 %), долото-видные орудия – 4 экз. (8 %), резцы + резчик – 6 экз. (12 %), микропластинки с ретушью – 3 экз. (6 %), пластинки с ретушью – 9 экз. (20 %), отщепы с ретушью – 12 экз. (26 %), орудия на нуклеусах – 2 экз. (4 %), рубящие – 2 экз. (4 %), песты – 2 экз. (4 %), ретушеры – 1 экз. (2 %), фрагменты игл и шил – 4 экз. (8 %). Трасологический анализ, выполненный Е. Ю. Гирей (Санкт-Петербург, ИИМК РАН), позволил выделить орудия со следами работы по рогу/кости (резцы), от скобления и резания шкур (скребки, скобель), ножи по мясу/мокрой шкуре, ножи по дереву. Большинство орудий крепилось в рукоятках, роговых или деревянных, с вероятным использованием в креплении мягкого материала – кусочка кожи. Орудия долго находились в работе и неоднократно переоформлялись (Kimura, 2012. P. 175–187). Из костяных орудий найдены обломок трубчатой кости со следами замятости (ретушер?), фрагменты иглы и шила, фрагмент кости с заостренным краем, возможно проколка.

Следует отметить, что обитатели поселения активно использовали только готовые орудия и минимальные запасы принесенного высококачественного сырья. Цикл первичного расщепления в изученной части поселения полностью отсутствует.

Высокохудожественное мастерство демонстрирует находка орнаментированного фрагмента рога оленя. Подобные вещи в археологии получили условное название «жезл начальника». Находки «жезлов» известны на многих стоянках верхнего палеолита Евразии (Елинек, 1982; L'Art..., 1987; Abramova, 1995. Fig. 56, 58, 87, 99). Эта особая «изобразительно-символическая форма», широко распространенная «от Испании

до Закавказья и Енисея» (Столяр, 1985), впервые в Забайкалье была обнаружена в рассматриваемом комплексе. Артефакт изготовлен из правой ветви рога северного оленя (определение Э. А. Вангенгейм, ГИН РАН), средней ее части у места сочленения основного стержня с отростком (рис. 5, 12). «Жезл» фрагментирован косым сломом, который по диагонали почти наполовину рассек предмет. Сохранившаяся часть размерами 2,0 × 4,7 × 10 см имеет круглое сквозное отверстие. Поверхность изделия изящно орнаментирована, несет следы заполировки и местами окрашена охрой (Мещерин, Разгильдеева, 2002. С. 116–120).

Украшения представлены 12 круглыми бусинками и их фрагментами, выполненными из талькового сланца, туфита и скорлупы яйца страуса (рис. 5, 1–11). Диаметр бусин 0,3–0,6 см, диаметр биконических отверстий 0,2–0,3 см, толщина 0,15–0,2 см. Бусинки изготавливались из небольших кусочков материала, чаще пришлифованных с одной стороны.

Условно к предметам искусства отнесена также левая пяточная кость архара (*Ovis ammon*), размерами 8,8 × 3,2 × 3,1 см (рис. 5, 13). Она не подвергалась специальному оформлению, но ее естественная форма напоминает голову животного. Трасологический анализ показал,

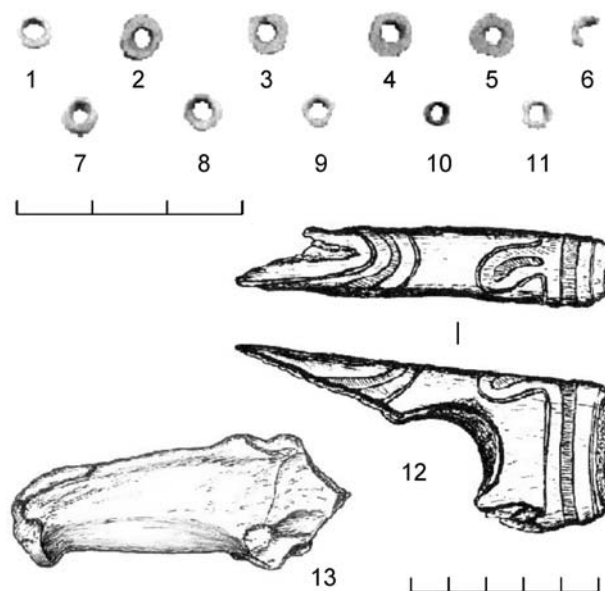

Рис. 5. Студеное-2. Культурный горизонт 5, изделия из кости: 1–11 – бусы; 12 – фрагмент орнаментированного рога – «жезл начальника»; 13 – пяточная кость архара.

Fig. 5. Studenoye-2. Cultural horizon 5, horn objects: 1–11 – beads; 12 – fragment of ornamented horn ('pierced baton'); 13 – heelbone of argali.

что поверхность кости заполирована. Это обеспечило ее хорошую сохранность (*Константинов и др.*, 2007; Малая энциклопедия Забайкалья, 2011. Фото 59).

На активное использование древними поселенцами минеральной краски указывало наличие двух галечек-пестов для растирания охры и кусочков самого минерала, обнаруженных при зачистке слоя. Галечки овальной формы (8 × 3 см и 6,4 × 2,5 см). Они слегка уплощены, удобно ложатся в руку. Поверхность их местами заглажена, окрашена в оранжевый цвет и содержит вкрапления охры. Следует отметить близость форм и размеров пестов, некое стремление к стандартизации, что проявляется в целом во всей орудийной коллекции горизонта.

Фаунистический материал, учитывая площадь комплекса, очень незначительный. Только у очагов количество осколков костей составляло от 7 до 20 экз., на остальных квадратах они были единичны. По определению палеонтолога Н. Д. Овдова (Красноярск), здесь присутствовали кости благородного оленя (*Cervus elaphus*), мелкого парнокопытного (*Ovis?*), крупных представителей семейства полорогих (*Bovidae*), фаланга носорога (*Coelodonta sp.*). Крупных и средних фрагментов костей крайне мало. Либо разделка туш животных происходила на месте добычи, либо участки, связанные с этим родом деятельности, остались за пределами раскопа. Сохранившиеся мелкие раздробленные и обожженные осколки костей показывают высокую степень утилизации продуктов охоты.

Отмечается и большая избирательность поселенцев в сырье для изготовления орудий (яшмы и кремнь), а также утилизация нуклеусов и самих орудий до полного истощения. Присутствие только мелких форм продуктов дебитаж, отсутствие цикла первичного расщепления на базе местного сырья указывают на активное использование обитателями поселения принесенных готовых орудий, а также минимальных запасов сырья в виде нуклеусов и пластин. Коллекция демонстрирует явную выборку изделий. В жилище высок процент орудий: 5 % от общего числа каменных артефактов (в то же время это 9 % – без учета

чешуек (результат дебитаж) или 21 % – без учета микропластинок и чешуек). В процентном соотношении 60 % продуктов дебитаж в коллекции представляется, на первый взгляд, значительной цифрой, однако следует оценивать метрические характеристики. Фактически это микродебитаж, размер которого не превышает 0,5 см. Создавая количественный перевес, он теряет значимость при оценке орудийного потенциала каменного инвентаря. Как показал трасологический анализ, практически все каменные артефакты (за исключением микропластин, назначение которых осталось не ясным) размером более 1,5 см имеют трасологически определяемые следы, т. е. функционально использовались.

Выразительность материалов культурного горизонта 5 способствовала детальному анализу планиграфии поселения. Наряду с традиционными методами был использован метод построения круговых моделей (*Разгильдеева*, 2008. С. 170–174). Это позволило уточнить структуру изучаемого комплекса. В конкретной ситуации можно предполагать одновременное и взаимосвязанное существование отдельных элементов.

Построение круговых моделей показало наложение зон скопления артефактов в секторах (обозначение секторов по сторонам света) очага № 2 «С 1–2» и очага № 3 «Ю 1–2» (рис. 6). Хозяйственные зоны были соотнесены: с южным сектором первого-второго периметров очага № 2 – участок, связанный с мелко дебитажными работами; в южном секторе третьего-пятого периметров определена зона вторичной эвакуации. По отношению к очагу № 3 в секторах «С 1–2/2» и «В 1–2» выделена зона активной хозяйственной деятельности, сектора «С 3–4/2» и «В 3–4/1» – зоны вторичной эвакуации. При работе с моделью стало очевидным, что в месте расположения обозначенного в полевых условиях очага № 1 не образуется периметров тяготения археологического материала, но зато с учетом внешних каменных обкладок выявляется симметрия структуры двухочажной конструкции с определяемыми зонами скопления находок и участков, свободных от них. При этом отдельно выделилась северная производственная зона, прилегающая

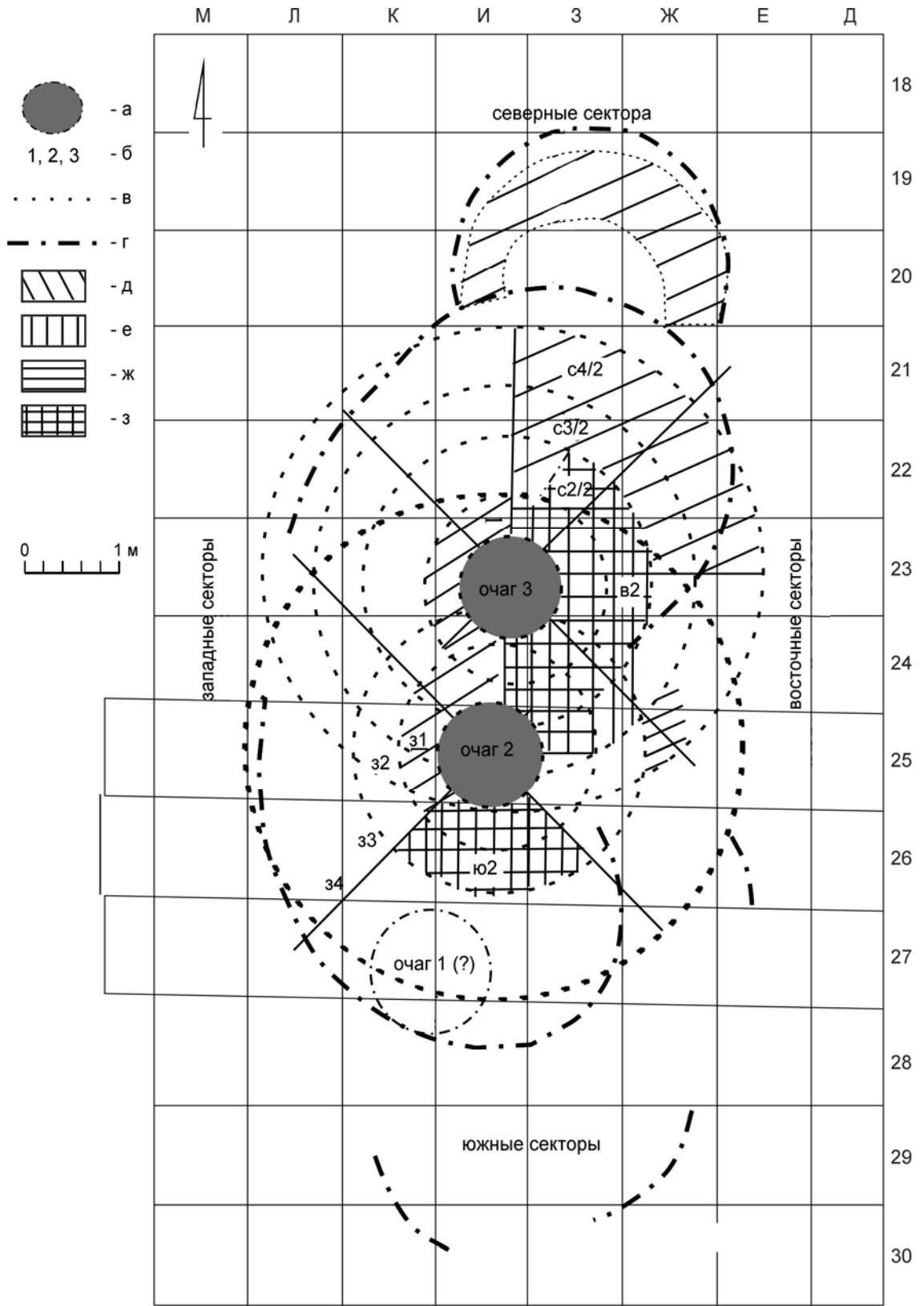
Рис. 6. Студеное-2. Жилищно-хозяйственный комплекс культурного горизонта 5: схема круговых моделей.

Условные обозначения: *a* – очаг; *b* – номера периметров; *в* – линии периметров; *г* – линия камней внешней обкладки; *д–з* – количество находок: *д* – до 10 экз.; *е* – от 10 до 20 экз.; *жс* – от 20 до 40 экз.; *з* – свыше 40 экз.

Fig. 6. Studenoye-2. Dwelling complex of cultural horizon 5: chart of circular models.

Notations: *a* – fireplace; *b* – perimeter numbers; *в* – lines of perimeters; *г* – line of stones of the external facing; *д–з* – concentration of finds: *д* – up to 10 specimens; *е* – from 10 to 20 specimens; *жс* – from 20 to 40 specimens; *з* – over 40 specimens.

к предполагаемой жилой конструкции, связанная с внешней дугой каменной обкладки.

Таким образом, центральное место в комплексе занимало вытянутое двухочажное жилище, площадь которого составила 26,5 кв. м. Основной вход в жилище располагался с восточной стороны, напротив очага № 2. От очагов в эту сторону развернуты зоны скопления находок и протянулся шлейф выноса. Вероятно, полог в этом месте вообще мог отсутствовать – камни, которые ограничивали область входа, находились достаточно далеко.

Хозяйственная деятельность людей проходила внутри жилища. Рядом с очагами были найдены ножи по мясу, скребки по шкурам и коже, резцы по рогу-кости. Линейные графики количественного распределения находок в комплексе подтвердили существование зон скопления. В южном секторе очага № 1 количество находок колеблется от 3 до 50 экз. Поверхность пола вокруг очага № 1 и южной части комплекса представляла собой углисто-золистый слой мощностью до 2 см, что указывало на тесную связь хозяйственной деятельности в этой части жилища с очагом. Здесь же располагались два валунчика-«сидения» (кв. 26-и/к), которые имели парные камни – подставки (?). Из орудий найдены: нож по мясу, скребок по шкуре. Между очагами № 1 и № 2 лежали отщепы с ретушью. Они вместе с резцом по кости-рогу найдены рядом с камнями-«сиденьями», возле которых выполнялись небольшие работы (в наличии резцовые сколы оживления орудий, мелкий дебитаж). На наш взгляд, этот участок жилища связан с бытовой деятельностью, приготовлением пищи. Возможно, в эту сторону вынималась часть заполнения очага № 2, или слой «затапывался» в процессе активного движения вокруг него.

Обитатели поселения использовали в быту минеральную краску. Рядом с очагом № 2 были найдены кусочки охры, а по границе западного сектора, у линии внешней обкладки (кв. 26-л) лежали галечки-песты для растирания охры. Разнообразная хозяйственная деятельность проходила рядом с очагом № 3, где графики распространения каменного и костяного инвентаря подтвердили выделение второй производственной зоны. Сочетание фрагментов костяных игл, шил и круглых бусинок позволяет говорить о том, что в восточном секторе очага № 3 выполнялись швейные/ремонтные работы по шкурам (одежде). Процесс изготовления бусин в ком-

плексе выделен не был. Как показал планиграфический анализ, готовые бусинки вместе с фрагментами костяных игл находились рядом с очагом (рис. 3). Скорее всего, они использовались для украшения одежды и были «потеряны» при ее починке.

По мнению трасологов В. Е. Щелинского и Е. Ю. Гири (Санкт-Петербург, ИИМК РАН), орудием на пластинке, найденным в жилище (рис. 4, 34), выполнялось прецизионное резание – тонкий раскрой по сильно натянутой шкуре или рисунок по коже. Под микроскопом выделены ярко выраженные линейные следы на самом кончике, по брюшку – следы скобления кости, по граням спинки – следы заполировки от шкуры. Пластинка крепилась в костяной рукояти с использованием тонкой прокладки из шкурки при закреплении в паз.

В северо-восточном секторе рядом с очагом № 3 выделен производственный участок с тремя точками: скоплениями микропластинок и чешуек, которые по характеру сырья соотносятся с клиновидными нуклеусами. Как уже отмечалось, рабочие кромки всех орудий многократно оживлялись. В кв. 22/23-з выделена серия резцовых отщепов, частично апплицируемых между собой. Рядом с очагом найдены четыре ножа по мясу, резцы по рогу-кости, на поверхности пола – мелкие осколки костей, традиционно относимые к кухонным остаткам.

В западных секторах очагов третьего-четвертого периметров выделялись полностью свободные от находок пространства площадью чуть больше 1 кв. м, скорее всего – места лежанок. Рассеянные мелкие фрагменты костей по линии «пристеночных» квадратов являются как остатками «утренних трапез», так и результатом «стряхивания» мелкого «мусора» (Binford, 1983). Узкий шлейф выноса мелких находок в кв. 23-л указывает на возможность существования здесь дополнительного небольшого входа.

Как отмечалось выше, к жилищу с северной стороны примыкал рабочий участок с внешним ограждением. Интересным представляется расположение орудий по дереву в периферийных зонах комплекса. Сочетание орудий во внешнем северном периметре указывает на отдельный производственный участок: здесь найдены долотовидное орудие, резец по рогу-кости, фрагмент орудия по шкуре и пластинка (перочинный нож) по дереву (рис. 4, 25). Можно предположить, что на данном участке выполнялись комбинирован-

ные работы по разным материалам, связанные с изготовлением охотничьего вооружения: закрепление камня в костяных или деревянных основах, обработка древков и т. д. В южном периметре жилища рядом с обособленными группами камней также определяются места, связанные с кратковременной хозяйственной деятельностью.

Диаграмма уровня поверхности «пола» ЖХК продемонстрировала сложный выпукло-вогнутый рельеф участка. Имея тенденцию к резкому понижению слоя вдоль древней бровки террасы в сторону р. Чикой (по линиям квадратов А–В), сам комплекс занимает более пологий участок. При этом в центральной части ЖХК выделяются две зоны повышения микрорельефа: в местах расположения очагов № 2 и № 3, с круговыми зонами микропонижения (разница в промерах до 5 см) вокруг них, и более «пониженными» (до 10 см) участками в области очага № 1 и в юго-западном секторе очага № 2. Отмеченные микростратиграфические изменения рельефа сформировались в результате человеческой деятельности различной интенсивности в условиях замкнутого жилого пространства.

А. В. Константинов в монографии, посвященной жилищам Забайкалья, предлагал различные варианты реконструкции данного ЖХК (2001): вытянутое трехочажное; совмещенные остатки двух комплексов, сменивших одно другое – округлого одноочажного жилища (вокруг очага № 1), затем – овального двухочажного (вокруг очагов № 2 и 3). Наличие второй линии внешней обкладки в северной части, по его мнению, указывало на «остатки еще одной хозяйственной или производственной площадки» (Константинов А., 2001. С. 120).

Представленный планиграфический анализ позволяет довольно точно реконструировать овальное двухочажное жилище длиной около 8 м. Два очага (№ 2 и 3) располагались в центральной части. Выделенная в ходе раскопок в южной части комплекса структура, обозначенная как очаг № 1, по нашему мнению, имела иную функцию. Этот участок являлся хозяйственной зоной с активной приочажной деятельностью, что определило и наличие выраженного углисто-золистого пятна. Линия камней, отнесенная к южной стороне обкладки очага, представляла часть внешней обкладки жилища, занимающего центральное место в комплексе. С восточной стороны располагался основной вход. Второй

вход находился с запада от очагов, на это указывает участок слоя с рассеянным элементарным заполнителем. Он имел небольшие размеры и мог прикрываться пологом. Так как расстояние от очагов до камней внешней обкладки по длинной оси жилища одинаковое – 2,8 м, то конструкция могла представлять собой два одноочажных конусообразных сооружения, развернутых друг к другу, с небольшой коньковой жердью (длиной до 1,5 м) посередине. Подтеканье углисто-золистого пятна под камни южной стороны внешней обкладки могло произойти как в постантропогенный период существования остатков, так и при смещении камней при снятии полога. «Спальные» места хорошо проявляются по схемам распределения находок. Они располагались за очагами возле западной стенки. В южной части жилища готовили пищу, в северной – выполняли другие хозяйственные работы. Возможно, за жилищем с северной стороны было небольшое сооружение типа калтамы (получума), в котором осуществлялся ремонт и изготовление/хранение охотничьего вооружения.

Учитывая все вышеизложенное, можно говорить о единовременном функционировании жилищно-хозяйственного комплекса горизонта 5 поселения Студеное-2, включающего собственно двухочажное жилище и связанные с ним хозяйственно-производственные участки. На непродолжительность периода обитания косвенно указывает слабая насыщенность слоя фаунистическими остатками (при этом принесенные части туш полностью утилизировались), незначительным количеством и сырьевой однородностью каменного инвентаря. Древние обитатели отличались большой избирательностью как в сырье для орудий (высококачественные яшма, кремль), так и строительного камня.

О сезоне обитания поселения можно говорить только с определенной долей условности. Косвенно на весну–начало лета указывает слабая насыщенность слоя, что происходит не только в результате кратковременности стоянки, но и при выполнении основных работ под открытым небом. Значительный разрыв восточной линии внешней обкладки позволяет предположить наличие с этой стороны входа, в конкретной ситуации даже отсутствие привходового полога.

Палинологические спектры реконструируют растительность сартана: сочетание влажных заболоченных осоково-злаковых ассоциаций и

остепенных – с участием маревых и эфедры в условиях холодного климата с недостаточным атмосферным и высоким почвенным увлажнением. В долине р. Чикой были распространены мохово-травяные сообщества с ивой, на склонах гор – редколесья из лиственницы. В то же время полный палинологический анализ разреза II террасы Студеного-2 позволил выделить внутри сартанского времени периоды кратковременных потеплений, с одним из которых и связан культурный горизонт 5 (Разгильдеева, Решетова, 2011. С. 81–83).

- Елинек*, 1982 – *Елинек Ян*. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1982.
- Константинов А.*, 2001 – *Константинов А. В.* Древние жилища Забайкалья: Палеолит, мезолит. Новосибирск, 2001.
- Константинов М.*, 1994 – *Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита, 1994.
- Константинов и др.*, 2003 – *Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И.* Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью // Путеводитель полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Чита, 2003.
- Константинов и др.*, 2007 – *Константинов М. В., Константинов А. В., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И.* Итоги исследования Студеновского археологического комплекса (Забайкалье) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, гео-

- экология, этнография и антропология / Всероссийская конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. Иркутск, 2007. Т. 1.
- Малая энциклопедия Забайкалья, 2011 – Малая энциклопедия Забайкалья: Археология / Гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск, 2011.
- Мецгерин, Разгильдеева*, 2002 – *Мецгерин М. Н., Разгильдеева И. И.* О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студеное 2 // История и культура Востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. Т. 2.
- Разгильдеева*, 2008 – *Разгильдеева И. И.* Планиграфия жилищно-хозяйственных структур: метод кругового моделирования // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3.
- Разгильдеева, Решетова*, 2011 – *Разгильдеева И. И., Решетова С. А.* Палеоклимат и планиграфия древних поселений // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1.
- Столяр*, 1985 – *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Abramova*, 1995 – *Abramova Z. A.* L'art paléolithique d'Europe orientale et de Sibérie. Grenoble, 1995.
- Binford*, 1983 – *Binford L. R.* In pursuit of the Past. Decoding the Archaeological Record. London, 1983.
- Goebel et al.*, 2000 – *Goebel T., Waters M. R., Buvit I., Konstantinov M. V., Konstantinov A. V.* Studenoe-2 and the origins of microblade technologies in the Transbaikal, Siberia // *Antiquity*. September 2000. Vol. 74.
- Kimura*, 2012 – *Kimura H.* The Decipherment of «Shirataki Code». The Archeological study on Obsidian Mine Site // Excavation of Paleolithic Culture on Toma locality of Horokazawa site, Hokkaido, Japan. Tokyo, 2012.
- L'Art..., 1987 – L'Art des Objets au Paleolithique. T. 2: Les voies de la recherche. Colloque international Foix – Le Mas-d'Azil (16–21 novembre, 1987) // Actes des colloques de la Direction du Patrimoine. Paris, 1987.

Plan View of the Palaeolithic Complex of the Western Trans-Baikal Region

I. I. Razgil'deeva

The investigation of multilayered settlements of Western Transbaikal allowed to allocate a series of housing and economic complexes of the Upper Palaeolithic. Expressiveness and integrity of cultural horizons became defining factors for studying the general organization of settlements. The results of the investigation of the 5th horizon at the Studenoye-2 site's compound household unit which dates back to the Paleolithic period (18 ths. yrs) are presented in the article. The combination of statistical data, technical and typological method of analysis, results of functional analysis and the study of spatial organization patterns allowed to allocate zones of economic and household specialization of the ancient settlement. Special attention was paid to the analysis of inner spatial organization of the structures of the «dwelling» type. The application of the method of building circular models led to critical reconsideration of how the constructive elements of the cultural horizon had been interpreted before. The functional determining of tools' collection and the character of faunal remains determined the ancient dwellers' specialization in hunting.

Represented spatial analysis made it possible to reconstruct the dwelling which is oval in the base and approximately 8 m by the long axis. It had two hearths in the centre. The main entrance of the dwelling faced eastwards towards the river. Supposedly there was supplemental entrance of smaller size from another side. Behind the hearths near the west wall there were sleeping areas. The planigraphy of the settlement led to the assumption that there was a small construction of the semi-plague

type along the northern side of the dwelling where hunting tools were made, stored and repaired.

Applicative and raw materials' links of stone assemblage and the character of faunal remains are evidences of the simultaneous functioning of the dwelling complex and indicate the short term of the inhabitation period. Archeological material includes an imposing tool kit wholly made of transported raw material. The dwellers used high-quality raw materials, such as jasper, for tool-making and were notable for selectiveness even when choosing the «building» stones.

Knapping technology is represented by flat core with two fronts and a series of wedge-shaped microcores and detached microblades. The functional analysis allowed to allocate tools with traces of working with antler/bone, scraping and cutting hides, knives for cutting meat, wet hides and wood. Most of the tools were fixed in handles. The tools were in use for a long time and were often rejuvenated. Bone tools are represented by one retoucher, fragments of needles and awls.

Stone materials show not only careful processing, but esthetically attractive color spectrum. Unutilitarian items such as the fragment of the ornamented antler «pierced baton», beads of different material, the use of mineral paint indicate high level of the ancient dwellers' imaginative perception of the world.

It is possible to talk about habitation season only provisionally. Palynological spectra of the horizon reconstruct the vegetation of the Sartan period.

**ТАФНОМИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ,
СОСТАВ И СЕЗОННОСТЬ ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ
ИЗ РАСКОПОК ЖОХОВСКОЙ СТОЯНКИ,
(СЕЗОНЫ 2000–2005 гг. С ДОБАВЛЕНИЕМ МАТЕРИАЛА 1989 И 1990 гг.)**

В. В. Питулько, В. В. Иванова, А. К. Каспаров, Е. Ю. Павлова¹

Введение. Жоховская стоянка, расположенная под 76° с. ш. в Восточно-Сибирской Арктике на о. Жохова (о-вах Де Лонга, Новосибирские о-ва), является одним из наиболее северных археологических памятников мира (рис. 1) и древнейшим следом пребывания человека в высоких широтах, свидетельствующим об освоении человеком этих территорий еще в эпоху раннего голоцена, около 8000 л. н. (*Pitulko, Makeyev, 1991*). Как это часто бывает с уникальными археологическими объектами, первые находки были сделаны при случайных обстоятельствах (*Питулько, 1998; 2000*).

Начало систематическим исследованиям Жоховской стоянки было положено в 1989–1990 гг. в ходе работ экспедиции ААНИИ А-162, проводившей их на о-вах Новосибирского архипелага. Были получены первичные представления о геологии памятника и археологический материал, позволивший прийти к определенным выводам относительно культурной принадлежности памятника, особенностях системы жизнеобеспечения его обитателей (*Pitulko, Kasparov, 1996; Питулько, Каспаров, 1998*). Эти работы предполагалось продолжить, но, в связи с последовавшими неблагоприятными переменами в судьбе нашей Родины, исследования оказались надолго прерваны. Их удалось возобновить в 2000 г., когда по инициативе видного американского ан-

трополога Э. С. Карпентера (Edmund S. Carpenter) и при поддержке Rock Foundation (Нью-Йорк, США) были начаты работы по проекту Zhokhov-2000 (экспедиция «Высокоширотная Арктика: природа и человек»).

В рамках этого многолетнего междисциплинарного научно-исследовательского проекта в период с 2000 по 2012 г. включительно были проведены масштабные работы на о-вах Новосибирского архипелага (*Анисимов и др., 2009а; Павлова и др., 2010; Питулько, 2011*) и на севере Яно-Индибирской низменности, от нижнего течения р. Яны на западе до бассейна р. Индибирки на востоке (*Питулько, Павлова, 2010; Питулько и др., 2011; Nikolskiy et al., 2010; Pitulko et al., 2004*), с целью поиска и раскопок стоянок каменного века, изучения геологии и стратиграфии четвертичных отложений, изучения палеогеографии региона и его былых природных обстановок. Раскопки Жоховской стоянки и сопряженные исследования на о. Жохова проводились в период с 2000 по 2005 г. (*Pitulko, 2000; Pitulko, Odess, 2001; Анисимов и др., 2009 а, б; и др.; Питулько и др., 2012; см. также отчеты В. В. Питулько за соответствующие годы*).

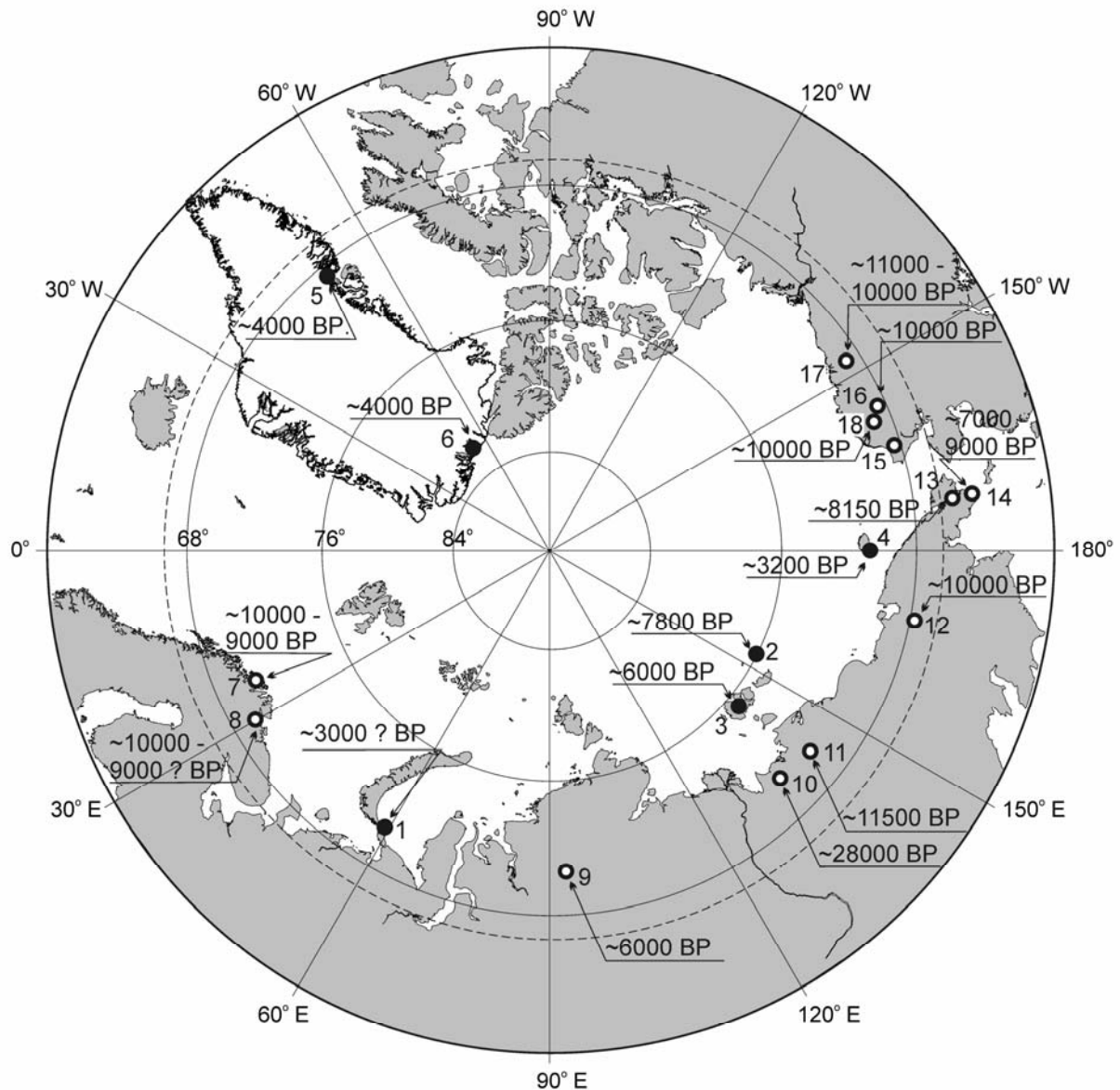
В результате исследований стоянки в 2000–2005 гг. объем коллекции, по сравнению с материалами раскопок 1989 и 1990 гг., значительно увеличился. В дополнение к изученному ранее участку площадью 144 кв. м сплошной площадью было раскопано 427 кв. м, таким образом общая раскопанная площадь на Жоховской стоянке составила 571 кв. м. Общая площадь распространения культуросодержащих отложений на основании визуальных оценок составляет около 8000 кв. м (хотя в реальности может быть и большей). В ее пределах отмечаются концентрации, первоначально воспринимавшиеся как

¹ Питулько В. В. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

Иванова В. В. Россия, 190121, Санкт-Петербург, Английский проспект, д. 1. ВНИИОкеангеология.

Каспаров А. К. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологических технологий.

Павлова Е. Ю. Россия, 199397, Санкт-Петербург, ул. Бетринга, 38. Арктический и антарктический НИИ.

Рис. 1. Древнейшие археологические памятники каменного века:

1–6 – Высокоширотная Арктика: 1 – Малый Болванский Нос, о. Вайгач (Питулько, 1988); 2 – Жоховская стоянка, о. Жохова, Новосибирские о-ва (Pitulko, Makeyev, 1991); 3 – стоянка Тугуттах, о. Котельный, Новосибирские о-ва (Питулько, 2004, отчет); 4 – стоянка Чертов Овраг, о. Врангеля (Диков, 1979); 5 – памятники в заливе Диско, Западная Гренландия (Grønnow, 1988); 6 – стоянки на Земле Пири, Северная Гренландия (Knuth, 1962; Grønnow, Jensen, 2003).
 7–18 – Памятники материковой арктической области: 7 – стоянки Северной Норвегии (Rankama, 2003); 8 – памятники Кольского п-ва (Šumkin, 1990); 9 – Тагенар VI, п-в Таймыр (Хлобыстин, 1998); 10 – Янская стоянка (Pitulko et al., 2004); 11 – Берелех (Питулько и др., 2011); 12 – Тыгтыльваамский комплекс (Кирьяк и др., 2003); 13 – Челькун IV (Диков, 1993); 14 – Найван (Gusev, 2002); 15 – стоянки 65 и 121, Северная Аляска (Solecki, 1996); 16 – стоянка Мейса, северный склон хребта Брукса, Северная Аляска (Kunz, Renier, 1996); 17 – стоянка Путу, хребт Брукса, Северная Аляска (Renier, 1996); 18 – Галлагер Флинт Стэйшн, хребт Брукса, Северная Аляска (Dixon, 1975).

Примечание: знаком вопроса отмечены объекты, не имеющие прямых определений возраста.

Fig. 1. The oldest Stone Age archaeological sites of the High Arctic (1–6) and continental arctic regions (7–18), respectively.

1–6 – For the High Arctic regions, from west to east: 1 – Maly Bolvansky Nos, Vaigach Island; 2 – Zhokhov site, Zhokhov Island, New Siberian Islands; 3 – Tuguttakh site, Kotelny Island, New Siberian Islands; 4 – Devil's Gorge site, Wrangel Island; 5 – archaeological sites in Disco Bay, Western Greenland; 6 – Peary Land archaeological sites.

7–18 – Archaeological sites of the continental arctic regions, from west to east: 7 – sites of the Northern Norway; 8 – sites of the Kola Peninsula; 9 – Tagenar VI site, Taimyr Peninsula; 10 – Yana RHS site; 11 – Berelekh site; 12 – Tytylvaam complex; 13 – Chelkun IV site; 14 – Naivan site; 15 – sites 65 and 121, Northern Alaska; 16 – Mesa site, Brooks Range, Northern Alaska; 17 – Putu, Brooks Range, Northern Alaska; 18 – Gallagher Flint Station, Brooks Range, Northern Alaska.

Note: question mark means age estimate.

отдельные жилые площадки, захороненные на незначительной глубине. Зрительно они распознаются благодаря криогенному выпучиванию длинномерных предметов и каменных артефактов на современную дневную поверхность (Pitulko, 1993). Несмотря на то что механизм процесса был определен верно, подлинны причины формирования этого планиграфического рисунка оказались несколько иными.

Раскопки проводились с использованием методики, разработанной для условий многолетнемерзлых отложений (Pitulko, 2008; 2012). Общий объем коллекции за все годы работ на Жоховской стоянке составляет десятки тысяч единиц материала, среди которых имеется свыше 54 000 ед. фаунистических остатков (из них определимых около 22 000 шт.), около 19 000 ед., характеризующих каменную индустрию (Pitulko и др., 2012), изделий из рога, бивня мамонта, кости – более 300, изделий из дерева – около 1000, а также единичные плетеные и брезентовые артефакты.

Особенности геологии и планиграфии Жоховской стоянки. Прежде чем перейти к рассмотрению основных характеристик фаунистической коллекции Жоховской стоянки, необходимо коснуться особенностей геологии и тафономии памятника, истории формирования его культуросодержащих отложений. Это обстоятельство представляется важным, ибо взгляды на сущность данных процессов в ходе последнего цикла работ заметно изменились благодаря обретению новой информации. Формат данной публикации не позволяет представить сведения в полном объеме, по этой причине авторы намерены ограничиться лишь той их частью, которая существенна для правильного понимания контекста памятника. Приступая к их изложению, необходимо дополнительно подчеркнуть, что все радиоуглеродные датировки (табл. 1) и любые оценки возраста излагаются авторами в радиоуглеродных годах от наших дней.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки Жоховской стоянки, полученные сцинтилляционным и ^{14}C AMS методом. Источник: (1) по В. В. Питулько (1998), с дополнениями; (2) по В. В. Питулько и др. (2012). Датировки получены в лабораториях ИИМК РАН (ЛЕ), СПбГУ (ЛУ), ГИН РАН (ГИН), Beta Analytic Inc. (Miami, Florida, USA). Все датировки Beta получены ^{14}C AMS методом

Table 1. Radiocarbon dates of the Zhokhov site, received by scintillation and ^{14}C AMS method. Source: (1) after V. V. Pitulko (1998) with additions; (2) after V. V. Pitulko et al. (2012). Dates received in the Institute for the History of Material Culture, RAS (LE), St Petersburg University (LU), Geological Institute, RAS, Moscow (GIN), and Beta Analytic Inc., Miami, Florida, USA (Beta). All Beta dates are AMS

№ п/п	Образец	Материал	^{14}C возраст	Место отбора	Источник
1	ЛЕ-3527	древесный уголь	8,563 ± 180	раскоп 1990 г. (западный участок), кв. В12, 0,6 м	1
2	ЛЕ-3528	фрагменты костей	8,740 ± 190	раскоп 1989 г. (западный участок)	1
3	ЛЕ-3529	фрагменты костей северного оленя	8,050 ± 70	раскоп 1990 г. (восточный участок)	1
4	ЛЕ-3530	древесина	12,600 ± 250	термокарстовая котловина на вершине мыса	1
5	ЛЕ-3531	древесина	7,520 ± 150	«жилище 6», куски дерева, выдавленные на поверхность криогенным выпучиванием	1
6	ЛЕ-3532	древесина	7,640 ± 55	«жилище 7», то же самое	1
7	ЛЕ-3533	древесина	9,010 ± 140	«жилище 8», то же самое	1
8	ЛЕ-3534	фрагменты костей северного оленя	7,810 ± 180	«жилище 9», осыпь борта термокарстовой котловины	1
9	ЛЕ-3535	дерево	7,910 ± 180	«жилище 9», осыпь борта термокарстовой котловины	1
10	ЛЕ-3536	рог северного оленя	8,610 ± 220	«жилище 13», куски дерева, выдавленные на поверхность криогенным выпучиванием	1
11	ЛЕ-4048а	древесина	8,930 ± 180	подъёмный материал (сборы С. А. Кесселя, 1987 г.)	1
12	ЛЕ-4048б	древесина	7,880 ± 180	–	1
13	ЛЕ-4533а	фрагменты костей	10,810 ± 390	–	1
14	ЛЕ-4533б	фрагменты костей	7,940 ± 170	–	1
15	ЛЕ-4534а	древесина	7,450 ± 220	–	1

Таблица 1. Окончание

Table 1. Ending

№ п/п	Образец	Материал	¹⁴ C возраст	Место отбора	Источник
16	ЛЕ-45346	древесина	7,890 ± 150	–	1
17	ЛУ-2432	древесина	7,870 ± 60	«горизонт 3» раскопок 1989 г. (мыс), разрез В1–В5, ~0,2м от дневной поверхности	1
18	ЛУ-2433	древесина	7,860 ± 40	«горизонт 3» раскопок 1989 г. (мыс), разрез В1–В5, ~0,4м от дневной поверхности	1
19	ЛУ-2499	древесина	8,020 ± 50	«горизонт 3» раскопок 1989 г. (мыс), разрез В1–В5, ~0,4м от дневной поверхности	1
20	ЛУ-2502	растительный детрит (окатыш аллохтонного торфа светло-коричневого цвета, плотный, слоистый)	8,790 ± 90	«горизонт 4» раскопок 1989 г. (мыс), разрез В1–В5, ~0,5м от дневной поверхности	1
21	ГИН-6399	древесина	8,200 ± 40	«горизонт 3» раскопок 1989 г. (мыс), разрез В1–В5, ~0,4м от дневной поверхности	1
22	ГИН-6400	плечевая кость северного оленя	7,930 ± 40	раскоп 1989 г., «культурный слой» (мыс)	1
Датировки нового цикла работ					
23	Beta-190088	растительные остатки	8,020±60	расчистка CD130–G130, глубина 0,25 м	2
24	ЛЕ-6822	древесина	7,860±50	расчистка CD130–G130, глубина 0,15 м	2
25	Beta-190087	мох из черепа белого медведя	7,950±40	расчистка CD130–G130, глубина 1,5–1,6 м	2
26	ЛЕ-6842	торф	8,480±80	расчистка CD130–G130, глубина 0,62–0,68 м	2
27	ЛЕ-6840	торф	22,400±350	расчистка CD130–G130, глубина 1,08–1,12 м	2
28	ЛЕ-6821	древесина	8,010±20	расчистка CD130–G130, глубина 0,82–0,86 м	2
29	ЛЕ-6824	древесина	7,610±30	расчистка CD130–G130, глубина 0,20 м	2
30	ЛЕ-6820	древесина	7,480±40	расчистка CD130–G130, глубина 0,25–0,34 м	2
31	ЛЕ-6825	древесина	7,960±25	расчистка CD130–G130, глубина 0,20 м	2
32	ЛЕ-6823	древесина	7,990±20	расчистка CD130–G130, глубина 1,90–2,0 м	2
33	Beta-173075	древесный уголь	7,980±40	расчистка F100–F13, глубина 1,28–1,25 м	2
34	ЛЕ-6483	растительный детрит	8,610±160	расчистка F100–F13, глубина 1,20–1,18 м	2
35	ЛЕ-6479	растительный детрит	7,380±130	расчистка F100–F13, глубина 1,03–0,99 м	2
36	ЛЕ-6482	торф	8,520±50	расчистка F100–F13, глубина 0,84–0,79 м	2
37	ЛЕ-6475	древесина	8,000±140	расчистка F100–F13, глубина 0,80–0,79 м	2
38	ЛЕ-6468	торф	8,070±110	расчистка F100–F13, глубина 0,87–0,82 м	2
39	ЛЕ 6471- 6472	растительный детрит	8,260±80	расчистка F100–F13, глубина 0,85–0,75 м	2
40	ЛЕ-6481	растительный детрит	8,610±90	расчистка F100–F13, глубина 0,65–0,60 м	2
41	ЛЕ-6484),	растительный детрит	7,810±90	расчистка F100–F13, глубина 0,75–0,68 м	2
42	Beta-173072	древесный уголь	8,050±40	расчистка F100–F13, глубина 0,68 м	2
43	Beta-173074	древесный уголь	8,210±50	расчистка F100–F13, глубина 0,45 м	2
44	ЛЕ-6478	растительный детрит	8,650±130	расчистка F100–F13, глубина 0,45–0,42 м	2
45	ЛЕ-6463	растительный детрит	8,300±150	расчистка F100–F13, глубина 0,37–0,32 м	2
46	Beta-173077	растительный детрит	22,260±80	расчистка LZ2–4, 0,95 м	2
47	Beta-216800	растительный детрит	19,650±70	расчистка LZ2–4 0,20 м	2
48	Beta-177024	древесина	7,960±50	древко с трехгранным наконечником in situ, кв. АА–130, раскопки 2002 г.	2

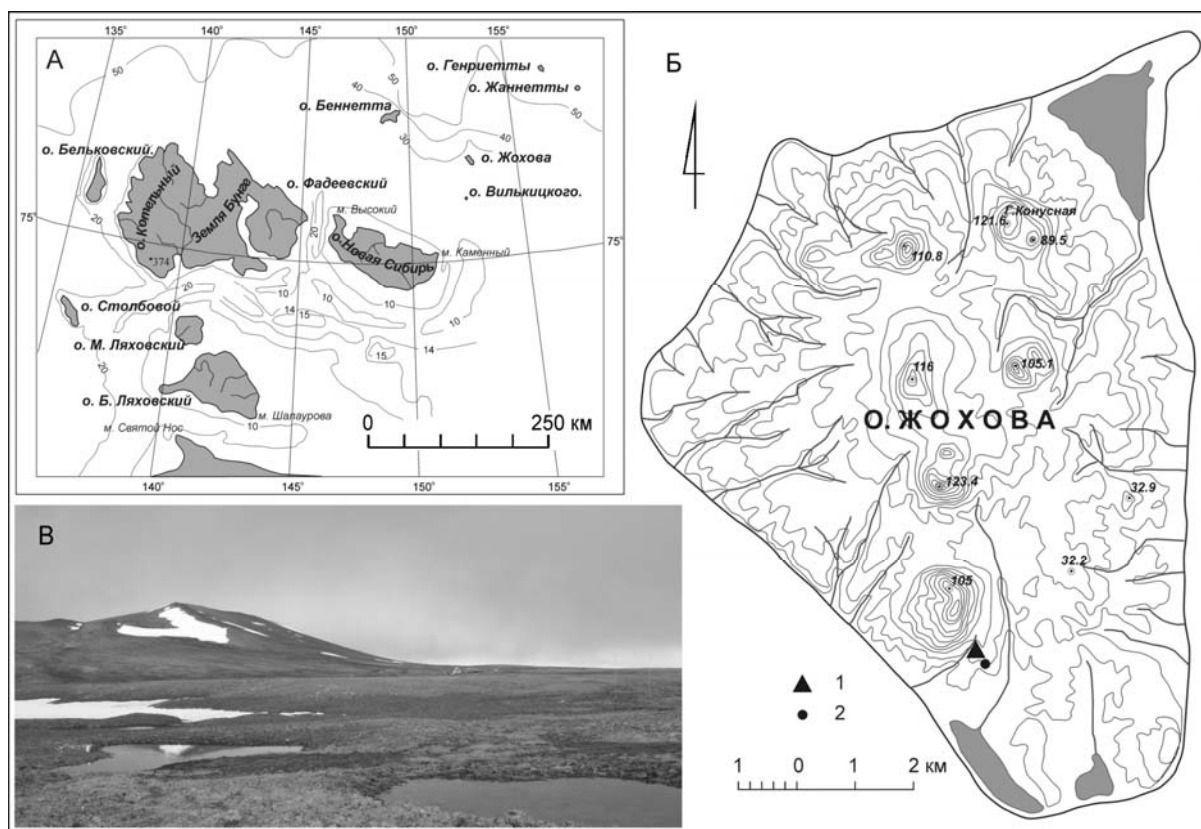
Жоховская стоянка располагается на юго-западе о. Жохова, ее местоположение приурочено к поверхности, сложенной чехлом рыхлых

четвертичных отложений, перекрывающим скальный цоколь. Стоянка расположена на стыке этой поверхности и склона грядобразной возвыше-

ности высотой ~120 м, ориентированной с юго-запада на северо-восток. Последняя имеет вулканогенное происхождение и сложена вулканическими агломератами и туфами. Угол наклона склона холма 15–30°. На поверхности склона в результате интенсивного воздействия криогенных процессов формируется покров рыхлых отложений с образованием таких микроформ рельефа, как мелкие несортированные круги и полигоны, мелкие сортированные каменные полигоны, сортированные полосы. Расположение стоянки удобно с точки зрения наличия наблюдательного пункта, обеспечивающего контроль за десятками кв. км территории, а также благодаря наличию ветрозащиты, прикрывающей поселение от ветров северного и северо-западного направлений (рис. 2).

Ряд особенностей геологии Жоховской стоянки определяется ее местоположением. Ранее отмечалось (Pitulko, 1993; Питулько, 1998), что стоянка приурочена к левому берегу небольшого

сезонного ручья со снеговым питанием, стекающего с упомянутой каменной гряды. Как выяснилось, это не совсем так, поскольку он сформировался в относительно недавнее время и оказался врезан в отложения, уже содержавшие к тому моменту культурный материал Жоховской стоянки. Таким образом, в левом борту ручья и в его русле на отдельных участках в недавнем прошлом были в естественных обнажениях вскрыты культуросодержащие отложения, материал из которых в течение некоторого времени вымывался ручьем и захоранивался в отложениях его дна. К моменту начала раскопок в 1989 г. и позже, в 2000–2005 гг., активных обнажений не наблюдалось, за исключением тыловой стенки нивальной ниши на мысовидном выступе берега в наиболее возвышенной (северной) части стоянки, где он имеет южную экспозицию, и южных и западных бортов термокарстовых котловин, вложенных в верхнюю часть отложений поверхности, содержащих культурные остатки.

Рис. 2. Местоположение Жоховской стоянки:

А – карта-схема архипелага Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика; Б – карта-схема о. Жохова; Б' – вид на стоянку с юга. Условные обозначения: 1 – Жоховская стоянка; 2 – местоположение расчистки LZ02-4.

Fig. 2. Zhokhov site location:

А – New Siberian Islands; Б – Zhokhov Island; Б' – Zhokhov site viewed from South. Notations: 1 – Zhokhov site; 2 – location of LZ02-4 stripping.

Жоховская стоянка находится на одном из фрагментов (останце) аккумулятивно-денудационной едомной полого-волнистой равнины, развитой на отложениях ледового комплекса присклонового типа. Отложения ледового комплекса представлены сингенетично-промерзшими горизонтально-волнисто-слоистыми глинисто-песчаными и песчано-глинистыми алевролитами с незначительной примесью гравия и дресвы, содержащими редкие тонкие корешки трав. В отложениях развиты мощные сингенетичные полигонально-жильные льды (ПЖЛ). Формирование отложений, слагающих субгоризонтальную едомную равнину с абсолютными высотами 16–23 м, происходило в конце позднего неоплейстоцена, о чем свидетельствуют результаты радиоуглеродного датирования. Так, в 200 м к востоку от Жоховской стоянки из расчистки LZ2-4 (рис. 2, Б), сделанной в одном из байджарахов термоденудированного склона останца равнины, с глубины 0,95 и 0,2 м соответственно, получены даты $22\ 260 \pm 80$ ^{14}C л. н. (Beta-173077) и $19\ 650 \pm 70$ ^{14}C л. н. (Beta-216800). Поверхность едомной равнины была подвержена как минимум двукратному воздействию термокарстовых процессов, вызванных существенными потеплениями в начале голоцена (на рубеже 9000 л. н.) и его середине (в интервале 7000–6500 л. н.), которые реконструируются по результатам радиоуглеродного датирования, диатомового и геохимического анализов колонки донных отложений северной лагуны о. Жохова (Анисимов и др., 2009б).

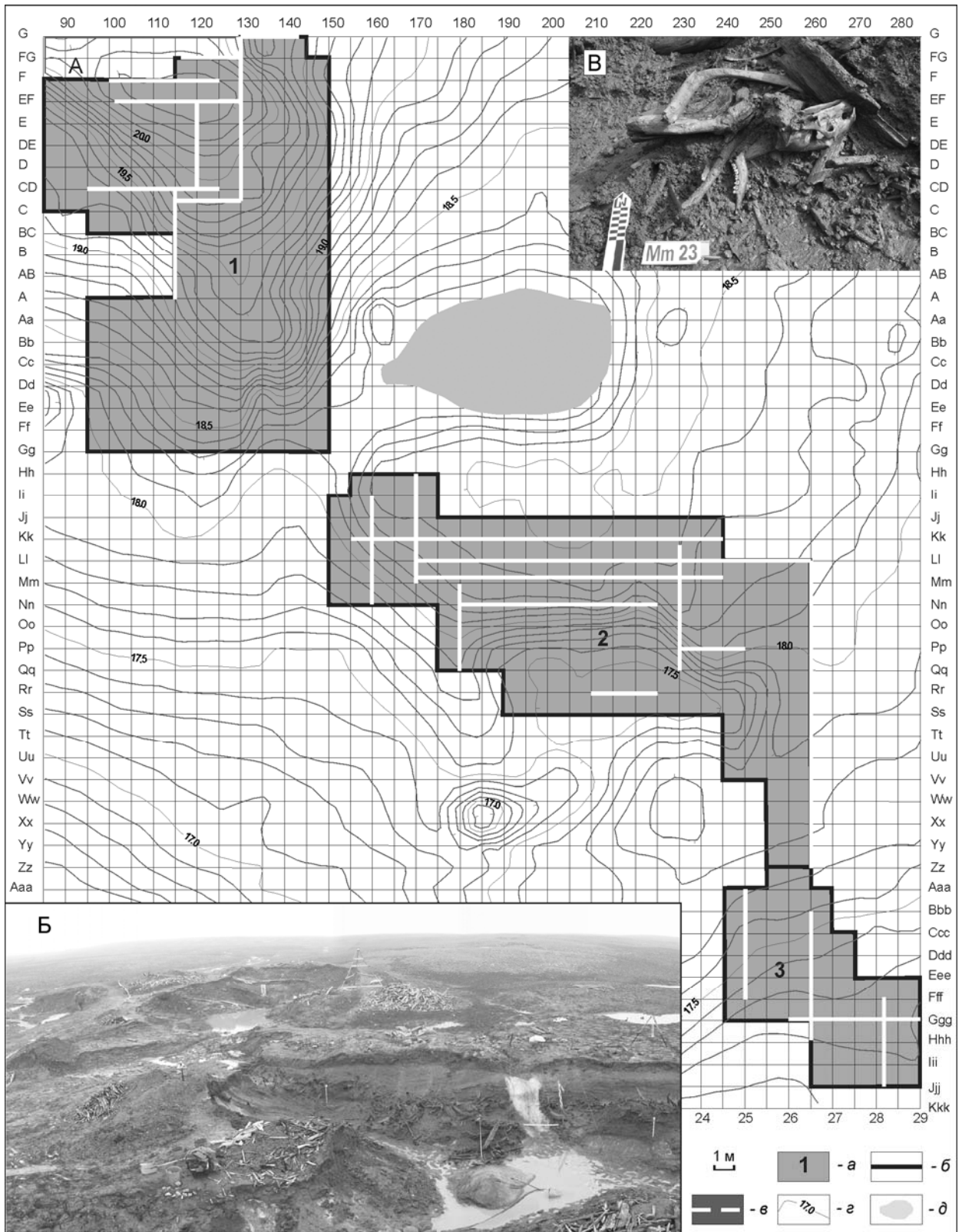
За все время работ на Жоховской стоянке в течение 2000–2005 гг. были детально изучены и задокументированы 24 расчистки, сделанные по линиям сетки раскопа, общей протяженностью 163 м в пределах вертикальной мощности вскрытых отложений 1–2,7 м (рис. 3; 4). Из расчисток были отобраны серии образцов для определения радиоуглеродного возраста, проведения гранулометрического и геохимического анализов, на основании результатов которых сформированы представления о характере этих отложений. Следует подчеркнуть, что отложения, вмещающие культурные остатки Жоховской стоянки, имеют сложное криолитологическое строение, характеризующееся разнообразным составом осадков и генетически разнородными подземными льдами (Питулько и др., 2012).

Культурный материал, представленный каменными артефактами, изделиями из кости,

бивня и дерева, а также многочисленные фаунистические остатки не приурочены к какому-то отдельно выделяемому слою. Напротив, многочисленные свидетельства деятельности человека встречаются в литологически разнообразных горизонтах практически на всю глубину вскрытых отложений то в рассеянном виде (рис. 3; 4), то образуют обширные концентрации культурного материала в виде завалов и нагромождений дерева. Следует также отметить, что культурные остатки имеют признаки явного, но недолговременного перебива поверхностными и внутригрунтовыми водами, о чем свидетельствуют находки рассеянного древесного угля, например, в слоях 11, 13, 14, 17, 22 расчистки LZ2-7S и слоях 1, 2, 6, 12 расчистки LZ3-130-4; шерсти в виде обрывков и отдельных волос (сл. 14 расчистки LZ2-7S и сл. 2 и 15 расчистки LZ3-130-4).

На перемещение осадков указывают многочисленные линзы торфа и погребенной дернины, залегающие в разнообразных слоях на различной глубине. Подобная картина отмечается для всех расчисток, сделанных в пределах раскопа. В то же время, несмотря на явные следы участия текучей воды в формировании культуросодержащих отложений, необходимо указать на отсутствие признаков дальнего переноса культурного материала. Во-первых, это отсутствие следов окатанности не только каменных артефактов, но и великолепно сохранившихся изделий из кости, бивня и дерева. Во-вторых, отличная сохранность собачьих экскрементов, встреченных в различных слоях на разной глубине. В-третьих, факт компактного залегания мелких частей или фрагментов более крупных объектов, которые не разнесены друг от друга на значительное расстояние. Это касается как каменного материала (чешуйки, отщепы залегают компактно вместе с нуклеусами в одном слое), так и костного (сл. 6 расчистки LZ3-130-4 – кость белого медведя с сохранившимися *in situ* мелкими осколками кости внутри отверстия, образованного ударом), а также растительного (находка в сл. 6 расчистки LZ3-130-4 черепа белого медведя с вросшим в него мхом). На отсутствие длительного перебива и дальнего переноса указывает также находка в сл. 12 расчистки LZ3-130-4 растительных остатков, сохранивших острый запах рыбьего жира, показавших ^{14}C возраст 8020 ± 60 л. н. (Beta-190088).

Результаты гранулометрического анализа образцов, отобранных из трех сегментов расчистки

G
FG
F
EF
E
DE
D
CD
C
BC
B
AB
A
Aa
Bb
Cc
Dd
Ee
Ff
Gg
Hh
Ii
Jj
Kk
Ll
Mm
Nn
Oo
Pp
Qq
Rr
Ss
Tt
Uu
Vv
Ww
Xx
Yy
Zz
Aaa

G
FG
F
EF
E
DE
D
CD
C
BC
B
AB
A
Aa
Bb
Cc
Dd
Ee
Ff
Gg
Hh
Ii
Jj
Kk
Ll
Mm
Nn
Oo
Pp
Qq
Rr
Ss
Tt
Uu
Vv
Ww
Xx
Yy
Zz
Aaa
Bbb
Ccc
Ddd
Eee
Fff
Ggg
Hhh
Iii
Jjj
Kkk

1 M

1 - a

- b

- c

170 - d

- e

LZ2-7S (рис. 4, А), показали динамически различающиеся чередующиеся обстановки осадконакопления на протяжении времени формирования вскрытых отложений и резко отличные от условий аккумуляции отложений ледового комплекса, вскрытого в расчистке LZ2-4. Если формирование осадков ледового комплекса присклонового типа происходило в довольно спокойной обстановке с образованием преимущественно глинисто-песчаных и песчано-глинистых алевритов при крайне незначительном поступлении обломочного материала с выше лежащего склона, то совершенно иная картина наблюдается в пределах раскопа Жоховской стоянки.

В расчистке LZ2-7S, вскрывающей сложно построенные ритмично-слоистые склоновые отложения, отмечено три эпизода динамически активных условий накопления осадков, когда с прилегающего склона возвышенности происходило интенсивное поступление обломочного материала в виде щебня, дресвы, разнозернистого песка с незначительной примесью алеврита. Каждый из этих эпизодов сменялся условиями более спокойного осадконакопления с формированием преимущественно наклонно-тонкослоистых алевритов и песчаных алевритов, образование которых связано преимущественно с морозным выветриванием и плоскостным смывом. Каждый ритм завершался образованием поверхностного озерного льда. В результате следующей активизации склоновых процессов и поступлений новых порций обломочного материала со склона первично поверхностный озерный лед переходил в погребенное состояние. Определить длительность обозначенных эпизодов не представляется возможным, однако начало активизации процесса накопления вскрытых осадков в данной части раскопа может быть оценено самой молодой ^{14}C датировкой, полученной по растительному детриту с глубины 1,03 м, показавшей возраст 7380 ± 130 ^{14}C л. н. (ЛПЕ-6479).

Ритмичность строения отложений обусловлена климатическими факторами.

Судя по составу и строению отложений, вскрытых в нижних частях расчисток, например, расчистки LZ3-130-4 (рис. 4, Б), можно заключить, что время начала формирования наблюдаемых в настоящий момент культуросодержащих отложений характеризовалось активными термокарстовыми, термоэрозионными и склоновыми процессами, активизацией временных водотоков. В результате их воздействия кровля древних мощных плейстоценовых повторно-жильных льдов в отдельных местах (вероятно, ранее наиболее освоенных человеком) протаяла. В теле ПЖЛ оказались выработаны обширные полости, карманы, термоколодцы и каналы, заполнявшиеся многочисленным материалом культурного слоя вперемежку с грубообломочным материалом (в том числе мелкими валунами), поступавшим со склона возвышенности, и пролювиальными отложениями. Иными словами, культуросодержащие отложения Жоховской стоянки представляют собой вторично промороженные осадки (заполнение псевдоморфоз по ПЖЛ) и в пространственном плане выполняют рисунок протаявшей плейстоценовой сети ПЖЛ.

Изученная территория памятника (571 кв. м) составляет, по-видимому, чуть менее 10% общей площади распространения культуросодержащих отложений. Раскопанный участок подразделяется нами на первую (северную), вторую (центральную) и третью (южную) площади (рис. 3). Эти подразделения используются в дальнейшем изложении материала для упрощения пространственной ориентации. Характерной чертой топографии памятника является общий пологий наклон поверхности в направлении северо-западно-юго-восток (рис. 3) и незначительный уклон в западном направлении (склон левого борта ручья).

Анализ распространения ^{14}C датировок, полученных из расчисток LZ2-7S и LZ3-130-4 по различным материалам (древесина, торф, расти-

Рис. 3. Схема участка Жоховской стоянки, раскопанного в 1990 и 2000–2005 гг. (А), вид на раскоп 2004 г. с юго-запада; (Б) и находки черепа белого медведя, фрагментов рога и челюсти северного оленя и деревянной заготовки для производства посуды в квадрате ММ 23 (В).
Условные обозначения: а – раскопанная площадь и ее номер; б – граница раскопанной площади; в – линии разрезов; г – горизонталь (горизонталь проведены через 0,1 м); д – термокарстовое озеро.

Fig. 3. Excavation chart of the Zhokhov site with indication of excavations of 1990 and 2000–2005 (А) and (Б) excavation viewed from SW in 2004; (В) – cultural deposits in MM23 unit bearing polar bear skull, reindeer antler and mandible, and wooden scoop preform.

Notations: а – excavation area and its number for 2000 through 2005 field seasons; б – borders of the excavated area; в – studied geological profiles; г – isohypses plotted with 0,1 m increments; д – thermokarst pond.

тельный детрит, уголь), показал, что во вскрытых отложениях отсутствуют неинверсионные серии датировок, при этом чаще всего наиболее молодые даты залегают глубже более древних (рис. 4; табл. 1). Этот важный факт свидетельствует о поэтапном сползании культурного слоя в термокарстовые депрессии, когда более молодые отложения, сползая в депрессию, оказывались в нижней части, а более древние сползали вслед за ними следующей порцией материала и оказывались выше более молодых. Данный механизм исчерпывающим образом объясняет природу инверсий ^{14}C датировок в разрезах Жоховской стоянки и иллюстрирует происхождение наблюдаемых отложений.

Сами же радиоуглеродные датировки, выполненные по материалам, несомненно связанным с деятельностью человека (артефактам, остаткам добычи, костным остаткам собак), подтверждают ранее сделанные наблюдения и позволяют уверенно датировать эпизод присутствия в прошлом человека на территории современного о. Жохова около 7900–7800 ^{14}C л. н. (табл. 1). Необходимо отметить близкое соответствие датировок, полученных по древесному углю, древесине, костям северного оленя, экскрементам собак, непосредственно относящихся к эпизоду обитания и деятельности человека на о. Жохова. Датировки, полученные по растительному детриту и торфу, более разнообразны, но в целом соответствуют ожиданиям.

Изучением отложений, вскрытых в расчистках, и результатами гранулометрического ана-

лиза подтвержден вывод о том, что погребение культурного материала склоновыми, солифлюкционными, пролювиальными отложениями в результате активизации солифлюкционных, термокарстовых и термоэрозионных процессов происходило в несколько этапов и протекало с затухающей интенсивностью. В районе стоянки поступление склоновых отложений прекратилось, по всей видимости, после 2500 ^{14}C л. н., на что указывает датировка торфяника, вложенного в кровлю культуросодержащих отложений в раскопе 1989 г. (Питулько, 1998), что произошло уже после заложения у подножья возвышенности современной долины ручья. В настоящее время ручей активно размывает и выносит не только обломочный материал, поступающий со склона возвышенности к ее подножью, но и вносит определенный вклад в размыв северной части Жоховской стоянки.

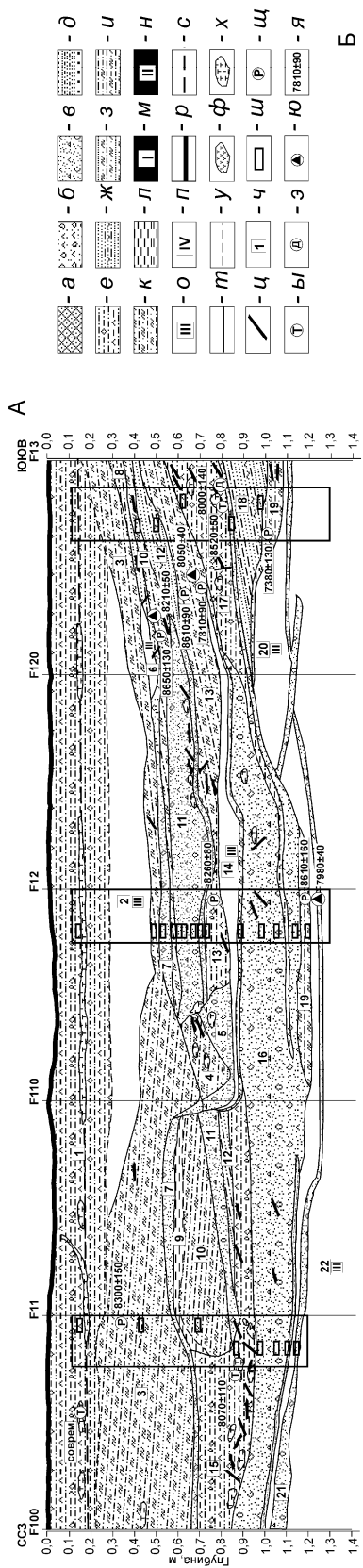
В момент эпизода (-ов) посещения нынешнего о. Жохова древним человеком около 8000 л. н. остров сохранял соединение с материком. Его территория составляла часть окраинной области приморской низменности, сформировавшейся в результате глубокой регрессии Полярного бассейна в эпоху последнего ледникового максимума и впоследствии уничтоженной затоплением и береговой эрозией (Дегтяренко и др., 1982; Анисимов и др., 2009б; Гаврилов и др., 2006; Vauch et al., 2001). Динамика этих процессов известна лишь в общих чертах, однако благодаря детальным работам, проведенным на о-вах Де Лонга (Питулько, 2011), на основании результатов

Рис. 4. Жоховская стоянка. Площадь 1. Раскопки 2000–2005 гг. Схематические геологические профили расчистки LZ2-7S по линии F100-F13 (А) и расчистки LZ3-130-4 по линии CD130-G130 (Б).

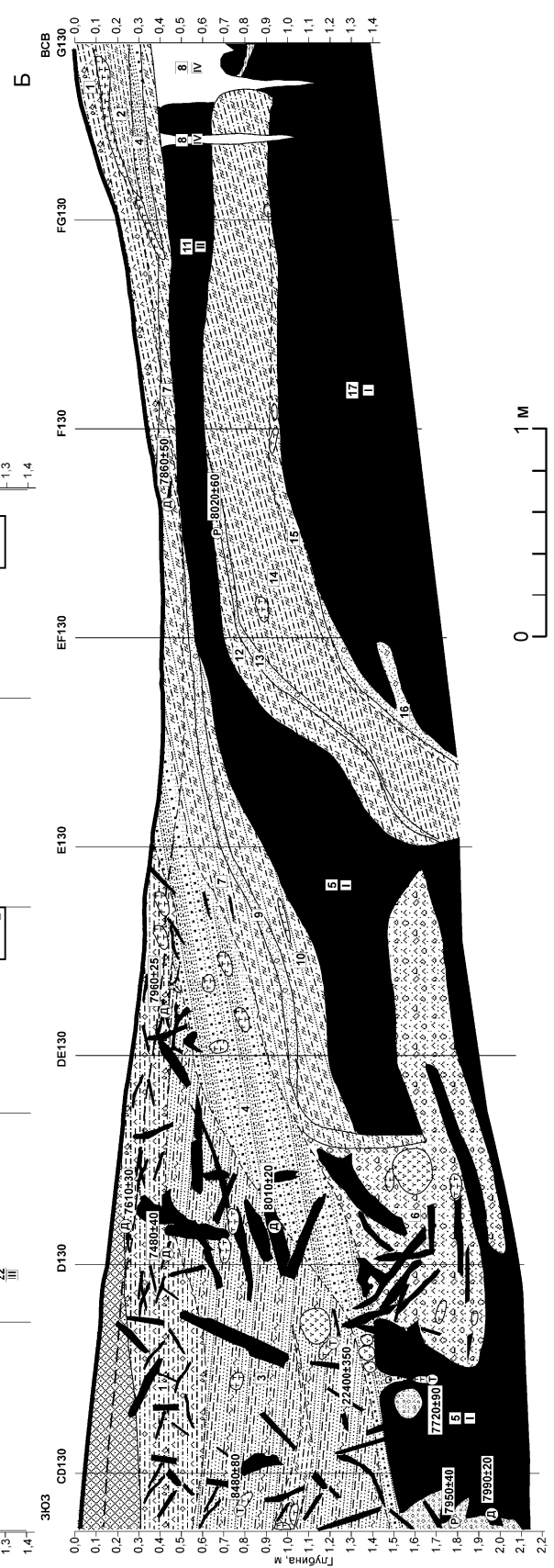
Условные обозначения: *a* – отвал 1990 г.; *b* – грубообломочный материал в виде щебня, дресвы, грубо- и крупнозернистого песка; *v* – разнозернистый песок с дресвой и щебнем; *d* – разнозернистый песок с тонкими прослойками алеврита; *e* – суглинок с дресвой и щебнем; *жс* – разнозернистый песок с тонкими прослойками алеврита и растительного детрита; *з* – переслаивание прослоек алеврита, прослоек тонко-, мелкозернистого песка и прослоек перемытого растительного детрита; *и* – тонкослойчатое переслаивание прослоек алеврита с прослойками алеврита, насыщенными растительным детритом; *к* – переслаивание прослоек алеврита и растительного детрита; *л* – глинистый алеврит; *м* – древний (позднеплейстоценовый) повторно-жильный лед; *н* – термокарстовый лед голоценового возраста; *о* – первичноповерхностный погребенный озерный лед голоценового возраста; *п* – повторно-жильный лед голоценового возраста; *p* – почвенно-растительный слой; *c* – граница сезонно-талого слоя; *m* – контакт четкий; *y* – контакт нечеткий; *ф* – валуны туфолов; *x* – линзы торфа; *и* – щепки, куски древесины; *ч* – индекс слоя; *ш* – местоположение отбора образцов на гранулометрический анализ. Местоположение и материал датированных образцов: *щ* – растительные остатки (детрит); *ы* – торф; *э* – древесина; *ю* – уголь; *я* – ^{14}C датировки.

Fig. 4. Zhokhov site. Excavation area 1. Schematic geological profiles LZ2-7S from F100 to F13 (A), and LZ3-130-4 from CD130 to G130 (B):

Notations: *a* – dump left after the excavations of 1990; *b* – deposits composed of rock debris, gravel, and coarse-grained sand; *v* – sand of diverse grain size with rock debris and gravel; *d* – sand of diverse grain size with thin silt slices; *e* – clay loam with rock debris and gravel; *жс* – sand of diverse grain size with thin slices of silt and plant detritus; *з* – band of interstratified slices of silt, fine-grained sand and water-washed plant detritus; *и* – thin-sliced interstratifications of silt saturated with plant detritus; *к* – interstratifications of silt and plant detritus; *л* – clayey silt; *м* – portions of old (Pleistocene) ice wedge; *н* – thermokarst-cave ice of Holocene age; *о* – layer of ancient surface ice (buried Holocene lacustrine ice); *п* – Holocene ice wedges; *p* – active layer; *c* – bottom of seasonally-thawed layer; *m* – sharp contact; *y* – unclear contact; *ф* – tuff rubbles; *x* – peat lenses; *и* – wooden splinters and diverse wood fragments; *ч* – layer index; *ш* – location of granulometric samples. Location and material of dated samples: *щ* – plant remains; *ы* – peat; *э* – wood; *ю* – charcoal; *я* – radiocarbon dates.

	- а		- б		- в		- г
	- е		- ж		- з		- и
	- к		- л		- м		- н
	- о		- п		- р		- с
	- т		- у		- ф		- х
	- ц		- ч		- ш		- щ
	- ы		- э		- ю		- я

изучения лагунных отложений о. Жохова (*Анисимов и др.*, 2009б) и датировки плечевой кости лошади с о. Вилькицкого, расположенного в 45 км к юго-западу от о. Жохова, можно предполагать, что он сохранял соединение с материком еще 7900±40 л. н. (Beta-191338), что объясняет широкое применение обитателями стоянки плавникового леса и использование в качестве пищевого ресурса местной популяции белого медведя (*Pitulko*, 1993; 2003).

Характеристика фаунистической коллекции Жоховской стоянки. В настоящей работе рассматриваются фаунистические материалы Жоховской стоянки, полученные в ходе раскопок 2000–2005 гг., с добавлением материалов первого цикла работ в 1989 и 1990 гг. Эта небольшая коллекция описывалась ранее (*Pitulko*, *Kasparov*, 1996; *Питулько, Каспаров*, 1998). Было отмечено, что в материалах памятника примерно в равной пропорции представлены костные остатки белого медведя и северного оленя, с небольшой долей остатков птиц, также было отмечено присутствие костных остатков собак (*Макеев и др.*, 1991). В отношении двух основных промысловых видов были охарактеризованы способы разделки, вытекающие из особенностей повреждений, зафиксированных на костях животных, и высказаны предварительные сообщения о сезонности. Благодаря наличию ос-

татков птиц и характерным стадиям смены молочных зубов постоянными, установленным для остатков северного оленя, на основании которых возможно суждение о времени смерти животного, было показано, что эпизоды обитания на стоянке определенно имели место в весенне-летний период (*Питулько, Каспаров*, 1998). Тактика охоты на белого медведя, реконструированная по его костным остаткам, несомненно указывала на добычу этого зверя на берлогах, но такая возможность имеется в том числе в марте–апреле и даже в мае, когда жоховские охотники определенно вели промысел оленей. Таким образом, вопрос о зимних эпизодах обитания оставался открытым. В 1989 и 1990 гг. на стоянке была изучена небольшая площадь, что не оставляло возможностей для суждений об особенностях пространственного распространения фаунистических остатков. Масштабные раскопочные кампании 2000–2005 гг. доставили коллекцию, многократно превосходящую прежние сборы в количественном и качественном отношении (табл. 2; 3; рис. 5), существенно увеличилась и изученная площадь (рис. 3), что позволяет сделать определенные выводы об особенностях пространственного распространения материала. Данное обстоятельство представляется исключительно важным в связи с особенностями геологии стоянки.

Таблица 2. Общая количественная характеристика остеологической коллекции из Жоховской стоянки. Видовые определения выполнены А. К. Каспаровым, за исключением остатков птиц (определения О. Р. Потаповой для коллекции 1989–1990 гг. и А. В. Пантелеева (ЗИН РАН), для коллекции 2000–2005 гг.) и рыб (определения М. Н. Назаркина, ЗИН РАН)

Table 2. General osteological statistics and MNI for fauna species observed among the bone collection from the Zhokhov site. Species identification by A. K. Kasparov except for the birds (identifications by O. R. Potapova for collection of 1989 and 1990, and by A. V. Panteleev, Zoological Institute, RAS, for collection of 2000–2005). Fishes were identified by M. N. Nazarkin (Zoological Institute, RAS)

Общепотребительное название	Вид	NISP	MNI
грызуны, ближе не определимые	<i>Rodentia sp.</i>	6	?
заяц	<i>Lepus timidus L.</i>	11	4
тюлень	<i>Phocidae sp.</i>	6	1
медведь белый	<i>Ursus maritimus Phipps</i>	5915	130
росомаха	<i>Gulo gulo L.</i>	1	1
песец	<i>Alopex lagopus L.</i>	92	12
волк	<i>Canis lupus L.</i>	3	1
лошадь	<i>Equus sp.</i>	9	1
северный олень	<i>Rangifer tarandus L.</i>	14 614	245
лось	<i>Alces alces L.</i>	2	1
мамонт	<i>Mammuthus primigenius Blum.</i>	6	1
собака	<i>Canis familiaris L.</i>	150	4
тундряной лебедь	<i>Cygnus bewickii Yarr.</i>	1	1
гусь-гуменник	<i>Anser fabalis Lath.</i>	26	1
белолобый гусь	<i>Anser albifrons Scop.</i>	7	1

Таблица 2. Окончание

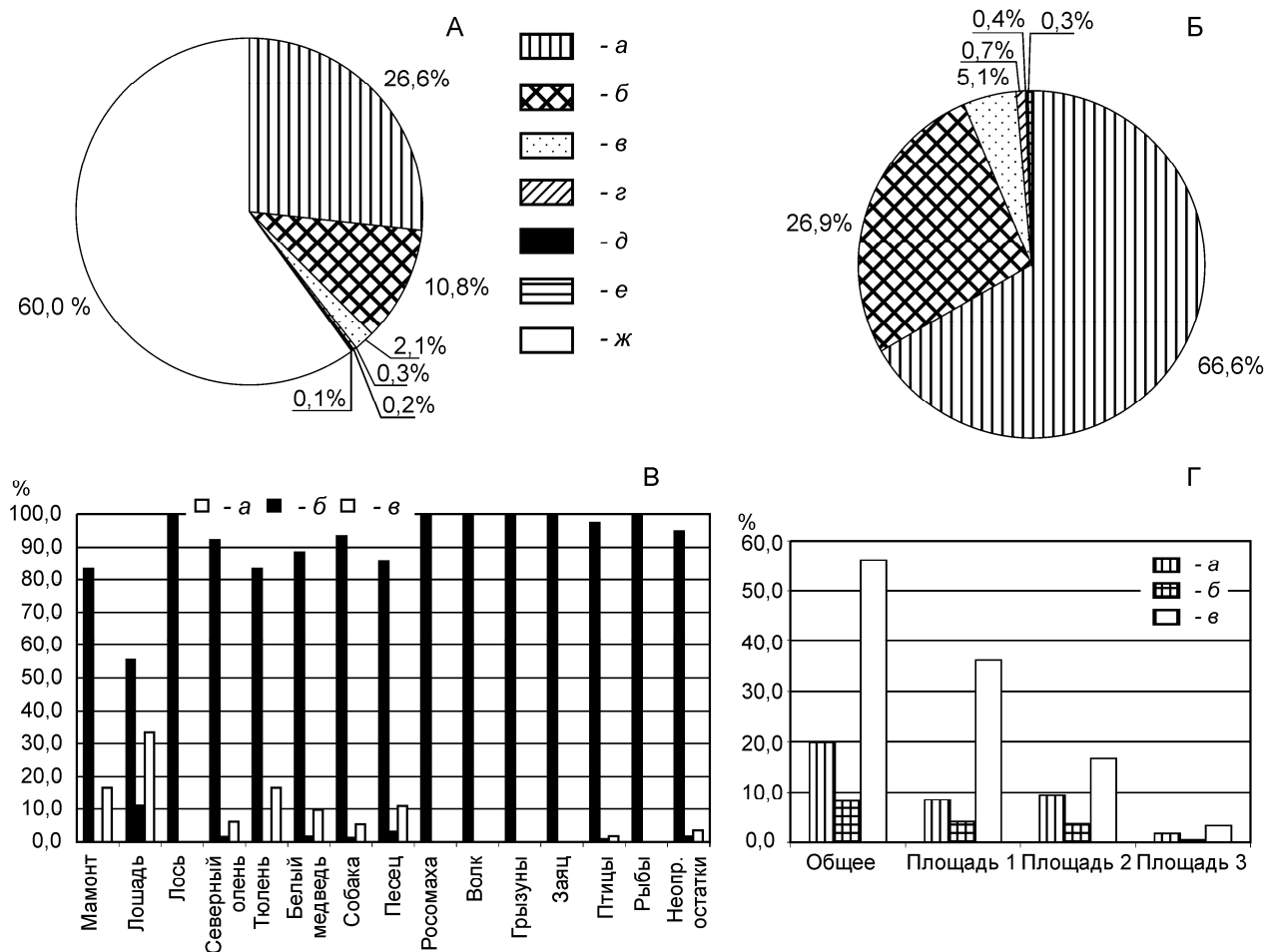
Table 2. Ending

Общепотребительное название	Вид	NISP	MNI
черная казарка	<i>Branta bernicla L.</i>	1	1
гусиные	<i>Anserinae sp.</i>	2	2
гага-гребенушка	<i>Somateria spectabilis L.</i>	5	1
гага	<i>Polysticta stelleri Pall.</i>	1	1
песочник	<i>Calidris sp.</i>	2	1
чайки	<i>Laridae sp.</i>	1	1
птицы, ближе не определимые	<i>Aves sp.</i>	1080	?
рыбы, ближе не определимые	<i>Pices sp.</i>	13	?
всего определимых		21 994	
неопределимые			
обломки мелких костей		7729	
обломки крупных костей		2445	
мелкие фрагменты		22 722	
всего неопределимых		32 896	
всего учтено		54 850	

Таблица 3. Распространение находок редких видов (в шт.) из раскопок, сборов подъемного материала (русло ручья и поверхность памятника), и из расчисток на мысовидном выступе берега («мыс») в северной части Жоховской стоянки (рис. 3)

Table 3. Spatial distribution of rare species (items) from the excavations, surface collecting (creek channel and surface of the site), and from stripping at the cape-like locality ('Cape') in the northern part of the Zhokhov site

	Заяц	Лошадь	Лось	Росомаха	Мамонт
Квадрат					
AA14	1				
BA14	1				
C140					1
CCC250	1				
CD13		1			
CD130		1			
CD14		2			
CD140		1			
D14	1				
E11	1				1
E13	1				1
E140	1				
EE14				1	
FE100	1				
FF120					1
II28			1		
JJJ28					1
KK18	1				
LL220			1		
NN230	1				
QQ24	1				
Подъемный материал		3			1
«Мыс»		1			

Рис. 5. Общая характеристика фаунистической коллекции Жоховской стоянки:

А – процентное соотношение определенных видов в пределах всей коллекции с учетом неопределимых фрагментов (а – северный олень; б – белый медведь; в – птицы; г – собака; д – песец; е – остальные виды; ж – неопределимые кости); Б – то же без учета неопределимых фрагментов; В – доля различных видов фауны в коллекции подъемного материала (а – раскоп; б – мыс; в – поверхность); Г – процентное соотношение костных остатков северного оленя (а), белого медведя (б) и неопределимых фрагментов (в) по площадям раскопа

Fig. 5. General characteristics for bone remains excavated from Zhokhov site:

А – per cent chart for all identified fauna species together with unidentified fragments (а – reindeer; б – polar bear; в – birds; г – domestic dog; д – arctic fox; е – other species; ж – unidentified bone fragments); Б – per cent chart for identified bones only; В – fauna composition found from surface finds (а – excavation area; б – headland; в – surface); Г – per cent composition for bone remains of reindeer (а) and polar bear (б) together with unidentified bone fragments (в) for excavation areas

Прежде чем перейти к анализу материала и иным сюжетам, связанным с прошлой деятельностью обитателей Жоховской стоянки, необходимо коснуться общей характеристики коллекции. Костные остатки, как извлеченные при раскопках, так и происходящие из сборов, отличает хорошая сохранность, являющаяся следствием их пребывания в многолетнемерзлых условиях, среди них нередко образцы с сохранившимся жиром и фрагментами тканей. Процент костей с сильно выветрелой поверхностью в целом невысок, хотя и повышается закономерно в части коллекции, полученной в ходе сборов подъемного

материала, который составляет лишь 0,3 % общего количества фаунистических остатков и существенного вклада в пропорциональные отношения внутри коллекции не вносит (рис. 5, В).

Характерной чертой материала является наличие корочек и пятен вивианита, образовавшихся в результате его быстрого захоронения в солифлюкционных толщах, заполняющих рывины, возникшие вследствие протаивания сети плейстоценовых ПЖЛ. Их появление связано с разложением собственной органики в бескислородных условиях. Лишь небольшая часть костей имеет характерный «болотный» тип со-

хранности с глубокой окрашенностью окислами железа в темно-коричневый цвет с частичным растворением поверхности костей.

Заметное количество находок является неопределимыми фрагментами (рис. 5, А). В определенной части коллекции массово представлены костные остатки северного оленя и белого медведя, явно связанные с прошлой человеческой деятельностью, имеются также остатки птиц и рыб (табл. 2; рис. 5, Б). Ряд видов представлен единичными находками (табл. 2).

Для массово встречающихся видов можно отметить, что их частотные характеристики в материале из раскопок и в поверхностных сборах примерно одинаковы, а редко встречающиеся виды происходят почти исключительно из раскопок (табл. 2; 3; рис. 5, В). Среди них отмечены мамонт, лошадь, плейстоценовый заяц, лось, россомаха. По крайней мере часть костных остатков данной группы заведомо несовременна деятельности древнего населения территории о. Жохова и происходит из отложений, вмещающих культуросодержащие толщи. Таковы, определенно, остатки мамонта, прекратившего свое существование на территории современных Новосибирских о-вов вскоре после 10 000 л. н. (Никольский, Питулько, 2013). Датированные остатки зайца с о. Жохова имеют сартанский возраст (Павлова, Питулько, 2013).

Вопрос о возрасте остатков лося и россомахи в данный момент является открытым – они могут быть как асинхронны обитанию, так и одновременно ему. В любом случае находка россомахи примечательна тем, что является, вероятнее всего, самым северным свидетельством былого расселения этого хищника. Датированные остатки лошади с о. Жохова имеют запредельный возраст, однако это животное обитало на о. Вилькицкого около 7900 л. н. (см. выше), а на Новосибирских о-вах (например, на Бол. Ляховском о.) встречалось, по данным Т. Н. Кузнецовой, еще сравнительно недавно, около 2200 л. н. (Andreev et al., 2009). Впрочем, костные остатки лошади из раскопок Жоховской стоянки настолько малочисленны, что вряд ли могут указывать на охотничью эксплуатацию этого вида ее обитателями; кроме того, они заметно более фоссилизированы, чем остальные материалы коллекции, а их тип сохранности близок таковому плейстоценовых костей.

Чрезвычайно интересны и важны для понимания палеогеографической ситуации, в которой

находилась территория нынешнего о. Жохова, костные остатки птиц из стоянки. Так, А. В. Пантелеевым и, ранее, О. Р. Потаповой (Питулько, Каспаров, 1998) определено довольно большое количество видов орнитофауны (табл. 2), однако все они – типичные обитатели арктотундровых прибрежных экотопов (главным образом гусеобразные: лебедь, гуси, различные утки), среди них нет видов морских колониальных птиц, идентифицирована единственная особь чайковых, а в культуросодержащих отложениях стоянки полностью отсутствуют остатки яичной скорлупы. В то же время на о. Жохова сейчас имеются птичьи базары (ближайший – примерно в 3 км от стоянки, на мысе Таймыр, южной оконечности острова), населенные в том числе кайрами, яйца которых представляют собой ценный пищевой ресурс и при возможности всегда собираются обитателями арктической зоны. Наличие этого ресурса являлось, например, важным критерием поселенческой стратегии эскимосов (Крупник, 1988). Таким образом, отсутствие следов использования данного ресурса, при том, что место стоянки, как показано ранее (Pitulko, Kasparov, 1996; Питулько, Каспаров, 1998), было достоверно посещаемо людьми по крайней мере весной и летом, говорит о том, что птичьи базары появились уже после того, как территория острова обособилась от материковой суши, а прибрежно-морскими абразионными процессами в ходе стабилизации береговой линии острова были обнажены скальные цоколи прибрежных поверхностей.

Распределение костных остатков Жоховской стоянки по площадям 1–3 (рис. 3) в качественном соотношении между отдельными видами практически идентично, хотя и различается количественно, в определенном смысле пропорционально раскопанной площади (рис. 5, Г). Полная генерализация выборки дает ту же картину, что указывает на отсутствие резко различных по специализации участков памятника. Из приведенных материалов (табл. 2; рис. 5) со всей очевидностью следует, что основными промысловыми видами для обитателей Жоховской стоянки были северный олень (NISP = 14 614) и белый медведь (NISP = 5915). На фоне приведенных значений теряются довольно многочисленные остатки собаки (NISP = 150, MNI = 4, подсчитано по черепам). Находки собак описывались для стоянки и прежде (Pitulko, Kasparov, 1996), а новые материалы будут представлены

отдельно. В настоящий момент можно отметить, что остатки собак рассеяны в пределах раскопанной площади и концентраций не образуют, в отличие от скоплений их помета.

Ранее отмечалось, что и количественные характеристики костных остатков, и оценочные значения возможного числа добытых зверей указывают на их промысел в примерно равных долях (Pitulko, 1993; Питулько, 1998; Pitulko, Kasparov, 1996; Питулько, Каспаров, 1998). Материалы, анализированные в ходе обработки коллекции, позволяют несколько уточнить пропорцию.

В настоящем исследовании определение минимального количества особей двух основных видов животных Жоховской стоянки производилось по наиболее многочисленным костям одной стороны тела. У белого медведя для взрослых особей такой костью оказалась левая нижняя часть плеча (за все сезоны найдена 121 шт.). Количество молодых особей было определено по обломкам левой лопатки (5 экз.). Детеныши белого медведя представлены в материале четырьмя разрозненными молочными зубами. Поскольку эти зубы были найдены в разные годы и на разных площадях раскопа, авторы считают возможным предполагать, что все они принадлежат разным особям. Таким образом, можно констатировать присутствие в наших материалах остатков еще и четырех особей белого медведя ювенильного возраста.

У северных оленей самыми многочисленными костями для одной стороны тела оказались: у взрослых – правый диафиз лучевой кости, 214 экз., для молодых – дистальный конец правой лучевой кости, 21 фрагмент, для детенышей – обломки нижней челюсти с третьим молочным коренным зубом без признаков прорезки первого постоянного моляра (шесть фрагментов). Кроме того, было найдено два обломка челюсти с сильно стертими зубами и два изолированных сильно сточенных премоляра, принадлежавшие явно старым особям. Как и в случае с остатками медвежат, эти находки были сделаны в разных местах раскопа в различные сезоны и, скорее всего, принадлежат четырем разным особям. Таким образом, минимально возможное число особей (MNI) для северного оленя нами оценивается как 245 особей, а для белого медведя MNI=130 (табл. 2), иначе говоря, отношение составляет 2: 1. Однако в плане пищевого значения медведь, несомненно, был более ценен, по-

скольку «выход» продукции можно минимально оценить как не менее чем 3: 1 в пользу медведя.

Для учета, описания и анализа фаунистической коллекции Жоховской стоянки с использованием оболочки Microsoft Access была разработана специализированная база данных (В. В. Иванова, А. К. Каспаров, В. В. Питулько). В нее были внесены, с поквдратной привязкой, формализованные описания костных остатков, извлеченных при раскопках. В процедурах анализа они были объединены в анатомические группы по частям скелета, с целью получить более компактные данные (табл. 4; 5 и др.; рис. 6 и др.). Подобная генерализация, с нашей точки зрения, вполне допустима, поскольку объектом прошлой деятельности людей Жоховской стоянки являлись именно анатомические части тел добытых животных, а не составляющие их отдельные кости (однако некоторые из них, в свою очередь, могли быть важным производственным материалом. Так, рога северного оленя и его метаподии были востребованы при производстве основ для предметов охотничьего вооружения). Следовательно, анатомические группы и должны быть единицей анализа.

Всего выделено 12 групп (для северного оленя дополнительно выделяются рога и их обломки). Состав большинства из них не требует специального комментария (краниальная область, позвонки, ребра, лопатки и т. д.). Необходимо пояснить, что в группе 9 («голень») у копытных (в том числе и оленя) имеется только большая берцовая кость, тогда как у хищных – это большая и малая берцовые кости. Кости предплечья (группа 5) для копытных представлены лучевой и верхней частями локтевой кости (у копытных локтевая примерно на первой трети длины сливается с лучевой), а для хищных – это просто локтевая и лучевая кости.

Под «мелкими костями конечностей» (группа 12) понимаются первые, вторые и копытные (или когтевые) фаланги пальцев, сесамовидные косточки, запястные и заплюсневые кости (в том числе таранные, пяточные, центральнозаплюсневые и некоторые другие). Отдельно они выделены потому, что части туши, включающие их, с одной стороны, абсолютно несъедобны, а с другой – эти кости довольно многочисленны. Соответственно, их наличие и количество в коллекции является сигналом, отражающим прошлые деятельностные акты, связанные с промыслом и обработкой добычи.

Для остатков северного оленя выделяется группа «обломки рогов» (фактически это обломки и целые рога). В межвидовом сравнении она значения не имеет, однако также позволяет сделать некоторые наблюдения. Так, необходимо отметить, что среди обломков рогов присутствуют как рога, попавшие на стоянку вместе с черепами (т. е. принадлежащие животным, убитым осенью), так и собранные обитателями стоянки сброшенные рога (отличить их легко по характерной форме основания). Последние весьма многочисленны. Интересно, что расчет корреляционного коэффициента в паре «обломки краниальной области» – «обломки рогов» выявил по-

ложительную, но низкую, менее 0,5, связь (значение 0,41), что вызвано, вероятно, с одной стороны, привнесом в коллекцию сброшенных рогов, а с другой – с «непищевой» деятельностью, определившей пространственное положение рогов и их обломков. Рога северного оленя активно использовались на Жоховской стоянке для изготовления предметов производственного и охотничьего инвентаря (Питулько, 1998) и в этой связи доставлялись на стоянку во множестве. Возможно, использование сброшенных рогов было даже более технологичным с точки зрения качества сырья за счет естественного обезжиривания, достижения определенной влажности и т. д.

Таблица 4. Сравнительная характеристика количества костных остатков северного оленя (без учета обломков рогов) и белого медведя в материалах Жоховской стоянки и общая характеристика степени их фрагментации (приведено по анатомическим частям скелета (1)–(12), та же нумерация позиций использована в последующих таблицах и рисунках)

Table 4. Proportions between the skeletal remains of reindeer (without account of antler fragments) and polar bear among the materials from the Zhokhov site, and general characteristics of their fragmentation extent (listed in the anatomical sequence (1)–(12), the same numeration used elsewhere in the text, tables, and diagrams)

Вид	Количество			Процент	
	целые	обломки	всего	целые	обломки
Северный олень					
(1) обломки краниальной области	24	1369	1393	1,72 %	98,28 %
(2) позвонки	3	265	268	1,12 %	98,88 %
(3) ребра		1314	1314	0,00 %	100,00 %
(4) лопатка		472	472	0,00 %	100,00 %
(5) предплечье	1	370	371	0,27 %	99,73 %
(6) плечо	6	1146	1152	0,52 %	99,48 %
(7) обломки таза	4	249	253	1,58 %	98,42 %
(8) бедро	2	575	577	0,35 %	99,65 %
(9) голень	38	574	612	6,21 %	93,79 %
(10) метаподии	36	2440	2476	1,45 %	98,55 %
(11) фаланги	285	750	1035	27,54 %	72,46 %
(12) мелкие кости конечностей	286	658	944	30,30 %	69,70 %
Всего	685	10 182	10 877	6,3 %	93,7 %
Белый медведь					
(1) обломки краниальной области	81	626	707	11,46 %	88,54 %
(2) позвонки	9	152	161	5,59 %	94,41 %
(3) ребра		619	619	0,00 %	100,00 %
(4) лопатка		66	66	0,00 %	100,00 %
(5) предплечье	19	251	270	7,04 %	92,96 %
(6) плечо	37	318	355	10,42 %	89,58 %
(7) обломки таза		36	36	0,00 %	100,00 %
(8) бедро	5	138	143	3,50 %	96,50 %
(9) голень	23	202	225	10,22 %	89,78 %
(10) метаподии	42	361	403	10,42 %	89,58 %
(11) фаланги	311	819	1130	27,52 %	72,48 %
(12) мелкие кости конечностей	69	354	423	16,31 %	83,69 %
Всего	596	3942	4538	13,13 %	86,87 %

Таблица 5. Матрица коэффициентов корреляции, рассчитанных для различных анатомических частей тела северного оленя (1d–12d, deer) и белого медведя (1b–12b, bear)
 Table 5. Correlation matrix for different anatomical body parts of reindeer (1d–12d, deer) and polar bear (1b–12b, bear)

	1d	2d	3d	4d	5d	6d	7d	8d	9d	10d	11d	12d	1b	2b	3b	4b	5b	6b	7b	8b	9b	10b	11b	12b	deer	bear
1d	1,00	0,71	0,82	0,71	0,66	0,82	0,58	0,74	0,74	0,85	0,76	0,74	0,60	0,49	0,67	0,39	0,44	0,44	0,31	0,34	0,46	0,66	0,61	0,49	0,91	0,71
2d	0,71	1,00	0,72	0,54	0,65	0,67	0,53	0,74	0,68	0,68	0,73	0,70	0,43	0,34	0,55	0,38	0,35	0,31	0,12	0,18	0,33	0,53	0,44	0,36	0,78	0,53
3d	0,82	0,72	1,00	0,74	0,70	0,81	0,64	0,75	0,76	0,87	0,80	0,75	0,64	0,48	0,71	0,31	0,48	0,45	0,32	0,41	0,49	0,67	0,59	0,51	0,92	0,72
4d	0,71	0,54	0,74	1,00	0,65	0,74	0,56	0,62	0,67	0,79	0,69	0,63	0,69	0,56	0,70	0,30	0,51	0,53	0,22	0,39	0,53	0,63	0,60	0,48	0,81	0,74
5d	0,66	0,65	0,70	0,65	1,00	0,74	0,58	0,73	0,72	0,75	0,72	0,65	0,56	0,47	0,62	0,30	0,42	0,47	0,23	0,35	0,43	0,58	0,55	0,48	0,80	0,66
6d	0,82	0,67	0,81	0,74	0,74	1,00	0,59	0,74	0,74	0,88	0,80	0,77	0,67	0,52	0,74	0,37	0,55	0,54	0,30	0,43	0,58	0,72	0,69	0,62	0,92	0,81
7d	0,58	0,53	0,64	0,56	0,58	0,59	1,00	0,59	0,63	0,61	0,64	0,54	0,48	0,38	0,56	0,24	0,32	0,34	0,14	0,25	0,36	0,50	0,46	0,40	0,69	0,55
8d	0,74	0,74	0,75	0,62	0,73	0,74	0,59	1,00	0,73	0,76	0,76	0,68	0,54	0,41	0,61	0,30	0,39	0,40	0,24	0,29	0,40	0,56	0,50	0,45	0,84	0,61
9d	0,74	0,68	0,76	0,67	0,72	0,74	0,63	0,73	1,00	0,79	0,75	0,72	0,60	0,44	0,65	0,36	0,46	0,47	0,19	0,29	0,46	0,63	0,52	0,50	0,85	0,67
10d	0,85	0,68	0,87	0,79	0,75	0,88	0,61	0,76	0,79	1,00	0,82	0,77	0,68	0,48	0,72	0,36	0,53	0,53	0,25	0,41	0,54	0,71	0,68	0,61	0,95	0,79
11d	0,76	0,73	0,80	0,69	0,72	0,80	0,64	0,76	0,75	0,82	1,00	0,77	0,61	0,42	0,68	0,31	0,47	0,46	0,25	0,30	0,50	0,66	0,59	0,53	0,90	0,71
12d	0,74	0,70	0,75	0,63	0,65	0,77	0,54	0,68	0,72	0,77	0,77	1,00	0,57	0,49	0,60	0,31	0,48	0,43	0,20	0,27	0,55	0,68	0,57	0,50	0,85	0,68
1b	0,60	0,43	0,64	0,69	0,56	0,67	0,48	0,54	0,60	0,68	0,61	0,57	1,00	0,55	0,72	0,28	0,59	0,62	0,25	0,44	0,63	0,70	0,71	0,58	0,69	0,87
2b	0,49	0,34	0,48	0,56	0,47	0,52	0,38	0,41	0,44	0,48	0,42	0,49	0,55	1,00	0,54	0,28	0,50	0,51	0,16	0,35	0,52	0,54	0,45	0,32	0,53	0,64
3b	0,67	0,55	0,71	0,70	0,62	0,74	0,56	0,61	0,65	0,72	0,68	0,60	0,72	0,54	1,00	0,36	0,55	0,54	0,33	0,46	0,66	0,69	0,67	0,59	0,76	0,86
4b	0,39	0,38	0,31	0,30	0,30	0,37	0,24	0,30	0,36	0,36	0,31	0,31	0,28	0,28	0,36	1,00	0,26	0,32	0,09	0,17	0,30	0,31	0,32	0,25	0,38	0,40
5b	0,44	0,35	0,48	0,51	0,42	0,55	0,32	0,39	0,46	0,53	0,47	0,48	0,59	0,50	0,55	0,26	1,00	0,53	0,21	0,38	0,47	0,57	0,56	0,40	0,54	0,70
6b	0,44	0,31	0,45	0,53	0,47	0,54	0,34	0,40	0,47	0,53	0,46	0,43	0,62	0,51	0,54	0,32	0,53	1,00	0,26	0,44	0,54	0,54	0,59	0,46	0,52	0,73
7b	0,31	0,12	0,32	0,22	0,23	0,30	0,14	0,24	0,19	0,25	0,25	0,20	0,25	0,16	0,33	0,09	0,21	0,26	1,00	0,30	0,19	0,32	0,19	0,22	0,28	0,33
8b	0,34	0,18	0,41	0,39	0,35	0,43	0,25	0,29	0,29	0,41	0,30	0,27	0,44	0,35	0,46	0,17	0,38	0,44	0,30	1,00	0,36	0,39	0,39	0,40	0,39	0,54
9b	0,46	0,33	0,49	0,53	0,43	0,58	0,36	0,40	0,46	0,54	0,50	0,55	0,63	0,52	0,66	0,30	0,47	0,54	0,19	0,36	1,00	0,55	0,58	0,53	0,56	0,74
10b	0,66	0,53	0,67	0,63	0,58	0,72	0,50	0,56	0,63	0,71	0,66	0,68	0,70	0,54	0,69	0,31	0,57	0,54	0,32	0,39	0,55	1,00	0,67	0,60	0,74	0,82
11b	0,61	0,44	0,59	0,60	0,55	0,69	0,46	0,50	0,52	0,68	0,59	0,57	0,71	0,45	0,67	0,32	0,56	0,59	0,19	0,39	0,58	0,67	1,00	0,68	0,67	0,88
12b	0,49	0,36	0,51	0,48	0,48	0,62	0,40	0,45	0,50	0,61	0,53	0,50	0,58	0,32	0,59	0,25	0,40	0,46	0,22	0,40	0,53	0,60	0,68	1,00	0,59	0,75
deer	0,91	0,78	0,92	0,81	0,80	0,92	0,69	0,84	0,85	0,95	0,90	0,85	0,69	0,53	0,76	0,38	0,54	0,52	0,28	0,39	0,56	0,74	0,67	0,59	1,00	0,80
bear	0,71	0,53	0,72	0,74	0,66	0,81	0,55	0,61	0,67	0,79	0,71	0,68	0,87	0,64	0,86	0,40	0,70	0,73	0,33	0,54	0,74	0,82	0,88	0,75	0,80	1,00

Сравнительная характеристика количества костных остатков северного оленя (без учета обломков рогов) и белого медведя в материалах Жоховской стоянки приведена в табл. 4. На основании этих данных был проведен расчет корреляционных коэффициентов (табл. 5), отражающих, как представляется, идентичные действия, предпринимавшиеся в отношении костных остатков (анатомических частей скелета) обоих видов, что прекрасно отражают частотные характеристики, подсчитанные по анатомическим группам костей скелета северного оленя и белого медведя (рис. 6). Подавляющее большинство групп имеет высокие положительные связи как в пределах вида, так и межвидовые. Очевидно, это отражает определенную стратегию разделки туш и обращения с добычей. Эта практика, судя по всему, была единой в отношении обоих видов, в ней использовались определенные стандартные операции.

Добытых зверей в большинстве случаев разделяли на месте охоты, доставляя в лагерь части туши, имеющие пищевую ценность. На месте разделки оставались позвоночный столб (о чем говорит малое количество позвонков как оленя, так и медведя, абсолютно несопоставимое с числом убитых животных) и несъедобные части конечностей – карпальный и тарзальный отделы, косточки запястья и заплюсны, фаланги пальцев (последние две категории и составляют группу «мелкие кости конечностей», группа 12), в противном случае их количество измерялось бы тысячами, тогда как в реальности для группы 12 подсчитано $N=944$ и $N=423$ (соответственно, олень и медведь). Столь малое, в сравнении с числом добытых животных, количество мелких костей конечностей говорит в том числе и о том, что часть животных добывалась вблизи лагеря и их туши доставлялись туда целиком. Примечательно, что среди остатков медведя практически отсутствуют обломки таза ($N=36$), тогда как $MNI=130$. Напротив, для северного оленя число обломков таза ($N=253$) сопоставимо с числом добытых особей ($N=248$). Можно предполагать, что с добытого медведя снимали задние окорока (забирали также голову, передние окорока, грудные стенки) и оставляли тазовые кости на месте вместе с позвоночником, тогда как оленя чаще разбирали на голову, передние окорока с лопаткой, грудные стенки и задок и завершали разделку на стоянке. Можно заключить, что сделанные выводы подтверждают

предположения (Питулько, Каспаров, 1998), сформулированные по материалам раскопок 1989 и 1990 гг., и существенно уточняют их.

Даже самая грубая оценка общего состояния коллекции с точки зрения целостности костных остатков (рис. 5, А, В, Г; табл. 2; 5) показывает, что костные остатки Жоховской стоянки характеризуются исключительно высокой степенью фрагментации. До 60 % материала представлено неопределимыми обломками (рис. 5, А), а среди определимых костных остатков двух основных видов целые кости и их обломки составляют 6,3 % и 93,7 %, и 13,13 % против 86,87 %, соответственно для северного оленя и белого медведя (табл. 3). Следует подчеркнуть, что как «целые»

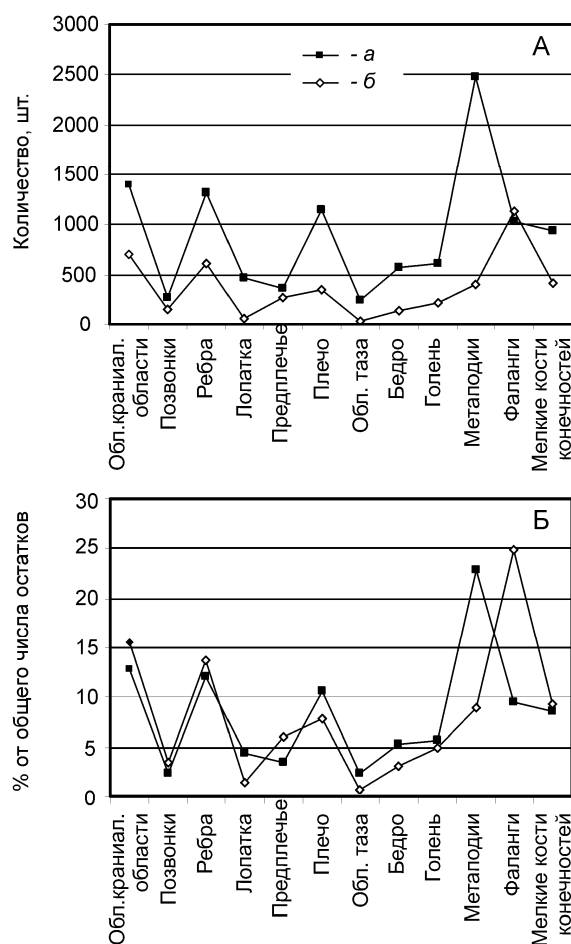

Рис. 6. Общее распределение костных остатков основных промысловых видов Жоховской стоянки (северного оленя – а, белого медведя – б) по анатомическим частям скелета:

А – количественное (в шт.), Б – процентное.

Fig. 6. General partitioning of bone remains for two major prey species at Zhokhov site (reindeer – a, polar bear – b) observed through anatomical body parts:

A – quantitative description; B – per cent composition.

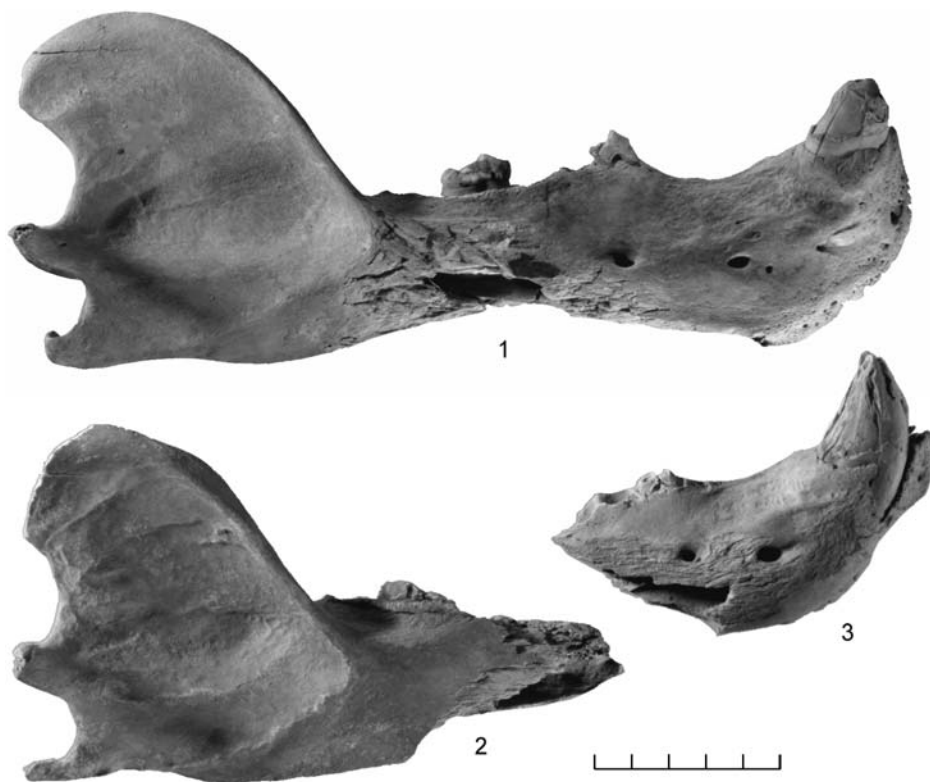
были фактически учтены образцы с различными повреждениями, в том числе минимально пригодные для промеров. Показательно, что, например, среди фрагментов плечевых костей белого медведя, по которым производился подсчет особей (N=121), промеры суставного блока (и то не все!) оказалось возможным взять только на 9 экз.

Ожидаемо высоким количество целых костей оказывается в анатомических группах 11 и 12, имеющих малую пищевую ценность, – преимущественно мелкие кости стопы, запястные, заплюсневые и др. Напротив, целых ребер и лопаток ни для медведя, ни для оленя не найдено ни одной, а целые кости плеча, предплечья или бедра единичны или крайне немногочисленны (табл. 4). Количество обломков ребер и для оленя (N=1314), и для медведя (N=619) оказывается существенно ниже ожидаемого для имеющих значения MNI (табл. 2), определенных для этих видов, что указывает на высокую степень утилизации конкретно этой категории материала людьми и, особенно, собаками. В помете жохов-

ских собак, извлеченном при раскопках, количество костной крошки и мелких фрагментов костей, среди которых часто опознаются ребра, необыкновенно велико.

Количество «целых» (т. е. минимально поврежденных черепов) для медведя крайне невелико, а для оленя таковые вообще неизвестны. В табл. 4 для краниальной области как «целые» обозначены, в основном, челюсти, для медведя – преимущественно нижние, а для оленя, наоборот, верхние, что определяется низкой пищевой ценностью этих костей. Они не содержат фактически ничего, кроме собственно костной ткани (рис. 7). Кости краниальной области медведя и оленя встречаются достаточно равномерно, однако следует отметить скопление целых черепов крупных медведей в центральной части второй площади.

Кости краниальной области для обоих видов также отличает высокая степень утилизации человеком – поедание мозга, языка, костного мозга в челюстях (для северного оленя) и т. д., что

Рис. 7. Жоховская стоянка:

1 – Правая сторона нижней челюсти белого медведя с характерными следами разрушения в средней части; 2–3 – типичные фрагменты, появляющиеся в результате разрушения, соответственно «задний», область венечного отростка (2) и «передний» (3).

Fig. 7. Zhokhov site:

1 – Polar bear mandible (right side) with typical human-produced destruction pattern; 2–3 – typical fragments produced by human activities: ‘rear’ or coronoid area fragment (2) and accordingly the ‘frontal’ one (3).

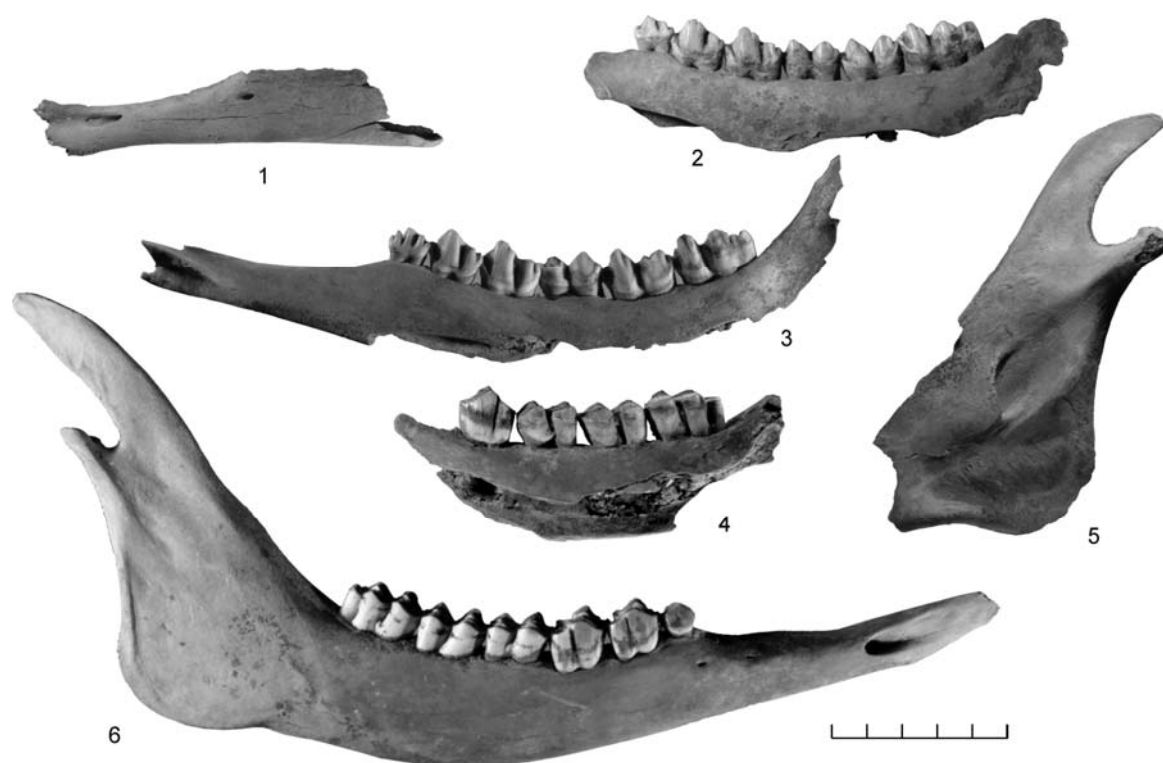

порождает, в частности, типичную морфологию повреждений. Так, имеющие нулевую пищевую ценность нижние челюсти белого медведя оказываются тем не менее разрушены в средней части (рис. 7, 1) и разбиты на «передний» и «задний» фрагменты (рис. 7, 2, 3). Данный способ фрагментации связан, очевидно, с извлечением языка (Питулько, Каспаров, 1998).

Нижние челюсти северных оленей (рис. 8, б) сами по себе являются лакомством, поскольку содержат во внутренней полости ниже зубного ряда костный мозг и жир, в связи с этим их разрушение носит специфический характер: удаляется область венечного отростка, передняя часть челюсти до начала зубного ряда, после чего вскрывается нижняя часть челюсти, а фрагмент зубного ряда может быть также разделен примерно пополам (рис. 8, 1–5). В отличие от прочных медвежьих челюстей, которые перебивали нанесением ударов рубящим каменным орудием примерно в середине, гораздо более хрупкие нижние челюсти оленей разрушались простым

разламыванием, а вскрытие нижней части выполнялось нанесением удара (-ов) подручным заостренным инструментом (например, фрагментом массивной кости) с уплощенной лингвальной стороны. Данный метод практиковался чрезвычайно широко во времени и пространстве.

Важно отметить, что фрагменты «передней» и «задней» частей нижней челюсти северного оленя, равно как сломанные пополам или расслоенные его нижние челюсти, могут образовываться в природе в результате фрагментации костей под воздействием тех или иных тафономических процессов, но фрагменты зубного ряда нижней челюсти северного оленя без нижней поверхности (рис. 8, 3, 4), не будучи связанными с деятельностью человека, не встречаются в природе никогда. Таким образом, присутствие подобных фрагментов в комплексах костных остатков, не сопровождающихся артефактами, является однозначным свидетельством прошлой человеческой деятельности и говорит об антропогенной природе такого комплекса.

Рис. 8. Жоховская стоянка. Характерные обломки нижних челюстей северного оленя, образующиеся в результате их утилизации человеком. Нижняя челюсть северного оленя (правая сторона) и характерные фрагменты, образующиеся в результате пищевой утилизации данной кости человеком (6) и соответствующие фрагменты (1–5). Замечание: номера 2, 3, 4 никогда не образуются в результате естественных процессов.

Fig. 8. Zhokhov site. Typical reindeer mandible fragments resulted from their utilization by humans. Reindeer mandible (right side), on which breakage lines are shown (6), and typical fragments resulted from this (1–5).

Note: № 2, 3, 4 that never come from the natural processes.

Таблица 6. Дополнительное воздействие на костные остатки северного оленя и белого медведя Жоховской стоянки (помимо следов охотничьего воздействия, разделки, разламывания и разбивания в кулинарных целях)

Table 6. Additional impact on reindeer and polar bear skeletal remains excavated at Zhokhov site (except for hunting lesions, butchering marks, breakage and crashing for food)

Анатомическая группа	Воздействие собаки		Воздействие огня		Обработка человеком	
	олень	медведь	олень	медведь	олень	медведь
1	7	82			7	2
2	19	80			1	1
3	21	113				4
4	72	41			6	1
5	70	169		1	1	1
6	72	252		1	1	
7	55	19			1	
8	15	22		1	3	
9	18	50		3	3	6
10	55	325	4	2	15	1
11	113	495	3	3	1	2
12	190	128	1		1	2
Всего	700	1776	8	11	40	20

Важной чертой свидетельства глубокой утилизации добычи древних охотников является наличие большого числа погрызов собаки на сохранившихся костных остатках. Весьма показательно в этом плане существенно большее воздействие, оказанное собакой на костные остатки белого медведя (табл. 6, сравни также рис. 9 и 10). Практически по всем анатомическим группам количество погрызов собаки, наблюдаемое на медвежьих костях, заметно превосходит число подобных наблюдений для северного оленя, за исключением группы 12, в которой учтены мелкие кости скелета, преимущественно конечностей.

Следы огня на костях и обожженные кости обоих видов животных редки (табл. 6), а среди костей с обработкой ожидаемо доминируют кости северного оленя (группа 10), особенно метаподии передних и задних конечностей, использовавшиеся для получения заготовок игловидных метательных остриев (*Питкулько*, 1998). Эти кости, кроме того, обладают повышенной пищевой ценностью из-за содержащегося в них костного мозга и жира. Невысокое количество обожженных костей и их обломков говорит о том, что кости на Жоховской стоянке в качестве топлива не использовались, вероятнее всего, топливом служил плавниковый лес и, возможно, жир. В культуросодержащих отложениях стоянки во множестве встречаются рассеянный древесный уголь, обугленные фрагменты дерева и деревянные артефакты.

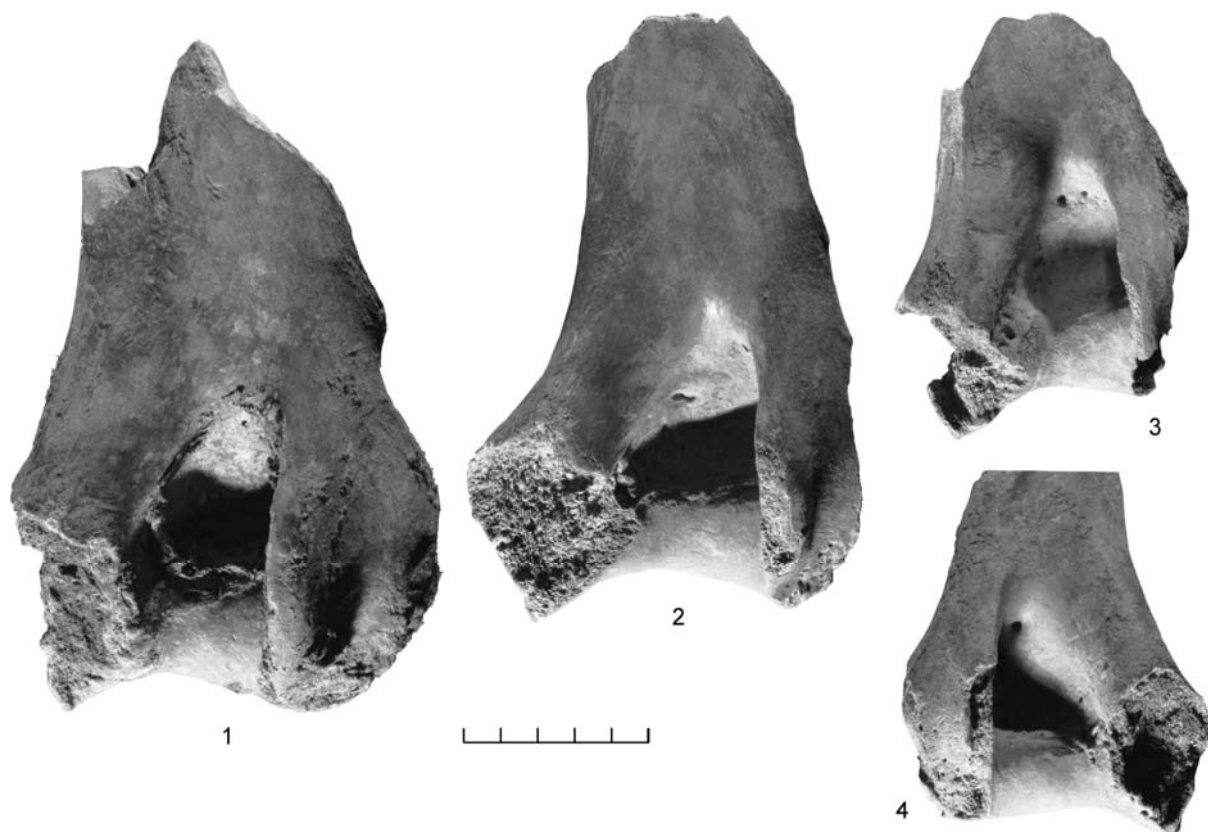
Обсуждение результатов. Приведенные материалы из раскопок Жоховской стоянки были проанализированы с точки зрения наиболее важных вопросов, возникающих при оценке фаунистических (и иных массовых) коллекций археологических находок, а именно: в какой мере их пространственное распространение отражает прошлую человеческую деятельность, в какой мере с помощью данного материала можно оценить сезон посещения этой местности (для территорий высокоширотной Арктики этот вопрос весьма существен), какую стратегию жизнеобеспечения (адаптационную модель) использовали эти люди, и, наконец, можно ли выявить, на основании материальных свидетельств промысла и сведений о биологии и поведении добытых животных, особенности практиковавшихся обитателями стоянки промысловых действий. Ответы на эти вопросы создают основу для реконструкции прошлого поведения человека, населявшего северные пределы раннеголоценовой материковой области евразийской Восточной Арктики. Рассмотрим первоначально планиграфию костных остатков, добытых при раскопках памятника за все годы работ.

Выше показано, что генеральное распространение фаунистических остатков в пределах стоянки, их видовой и анатомический состав, а также фрагментация носят характер, предопределенный прошлым поведением ее обитателей и, следовательно, могут служить основанием для реконструкции былых деятельностных

Рис. 9. Типичные дистальные фрагменты плечевых костей северного оленя из раскопок Жоховской стоянки (1–4).

Fig. 9. Typical distal fragments of reindeer humeri excavated from Zhokhov site (1–4).

Рис. 10. Типичные дистальные фрагменты плечевых костей белого медведя из раскопок Жоховской стоянки (1–4).

Fig. 10. Typical distal fragments of polar bear humeri excavated from Zhokhov site (1–4).

актов. В то же время условия формирования культуросодержащих отложений памятника, являющихся фактически заполнением псевдоморфоз по плейстоценовым повторно-жильным льдам (т. е. результатом аккумуляции рыхлых

отложений, заполнявших депрессии, образовавшиеся вследствие протаивания верхних частей ПЖЛ вскоре после того, как был отложен культурный слой), вынуждают проанализировать дополнительно особенности пространственного

распространения костных остатков в пределах стоянки с тем, чтобы понять, в какой мере оно отражает прошлую деятельность людей, посещавших эту местность около 8000 л. н. Поверхность, к которой приурочены культуросодержащие отложения памятника, имеет сложную конфигурацию. Так, имеется заметный уклон в направлении северо-восток–юго-запад (рис. 3), она наклонена также по падению склона ручья. Генеральный уклон не превышает 5° ни в одном из

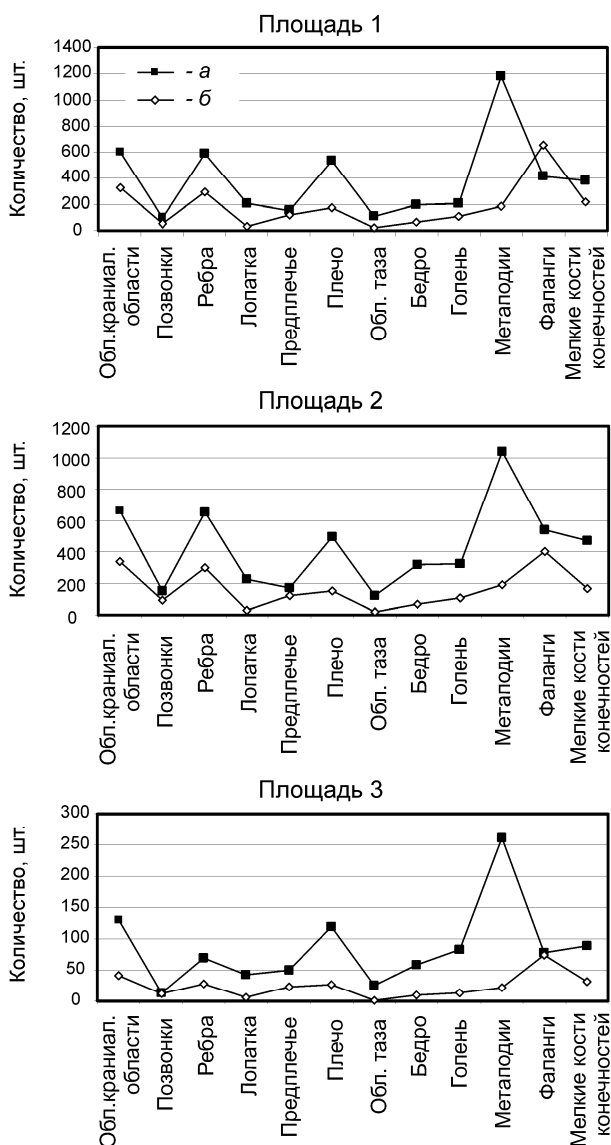
направлений, но локальные, тем более былые, уклоны могут быть существенно большими. Это обстоятельство может быть важным, поскольку могло способствовать формированию вторичных природных концентраций материала под воздействием водных и гравитационных процессов.

Анализ распространенности анатомических групп костей скелета северного оленя и белого медведя в пределах раскопа Жоховской стоянки для площадей 1, 2 и 3 (рис. 11) показал, что любая из 12 групп представлена на этих участках не просто равноценно, а с совпадением экстремумов. Данное наблюдение в первом приближении служит указанием на то, что, несмотря на вторичность изученных концентраций костных остатков, они сохраняют, хотя бы в общих чертах, некий изначальный рисунок, возникший в ходе человеческой деятельности.

Можно отметить также, что кости северного оленя закономерно более многочисленны. Некоторая разница между площадями раскопа наблюдается в количественном выражении значений, полученных для анатомических групп (рис. 11), а также и в целом для группировок по площадям (рис. 5, Г). Данные различия, скорее всего, до определенной степени пропорциональны раскопанной площади участков. В любом случае на весьма обширной площади раскопа (рис. 3) не выявлено мест, специфичных по виду утилизированной добычи (олень или медведь).

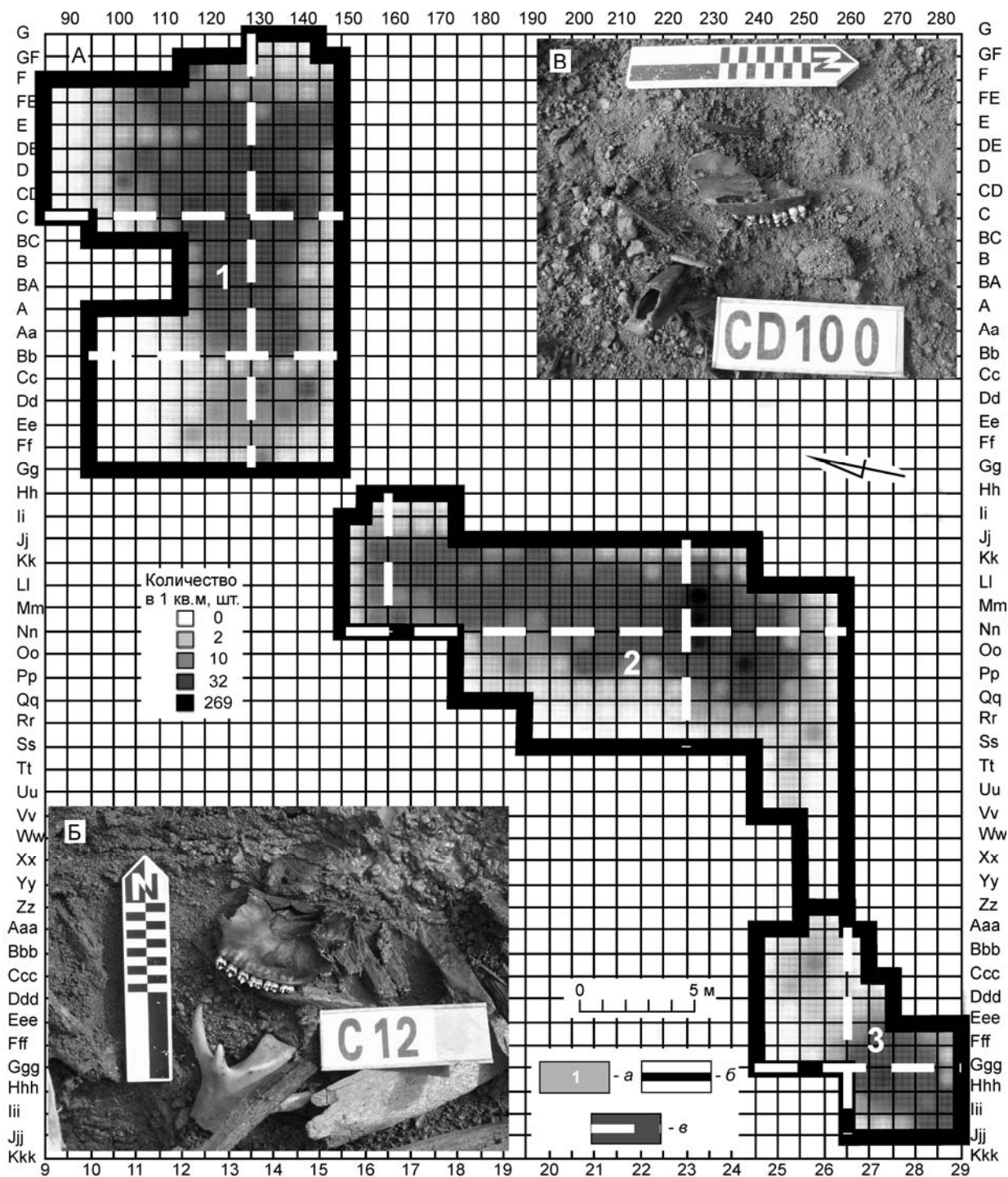
На основании статистики поквadratного учета фаунистических остатков по 12 единицам анализа (анатомическим группам) с помощью математического аппарата программы MapInfo были построены генерализованные (суммарные) карты плотности их распределения (рис. 12; 13). Плотность находок костных остатков на квадрат сильно варьирует, в связи с этим при построении поверхностей плотности был использован метод крайгинга – геостатистический метод создания регулярных сетей.

На эти же карты нанесены профили, по которым поквadratные количественные характеристики костных остатков вынесены на графики (рис. 14–16), отражающие изменения плотностей в направлениях сноса материала, происшедшего в ходе формирования культуросодержащих толщ (рис. 12; 13). Выполненное картирование находок показывает, что распределения плотностей находок примерно одинаковы для обоих видов, некоторое повышение отмечается для оленя в восточной части площади 2

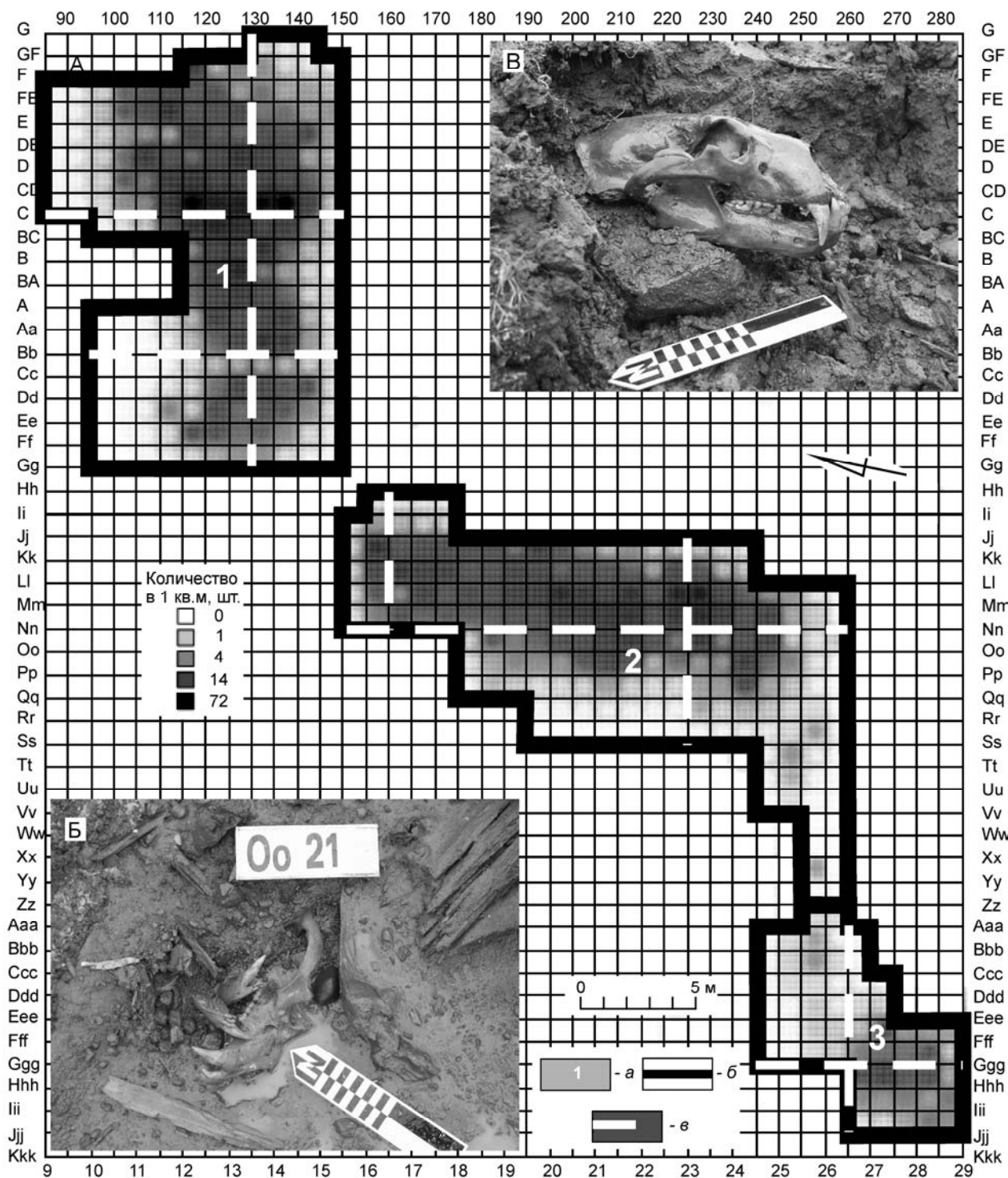
Рис. 11. Количественное соотношение костных остатков белого медведя (б) и северного оленя (а) по анатомическим частям скелета в пределах площадей 1, 2, 3 Жоховской стоянки.

Fig. 11. Zhokhov site. Proportion between polar bear (b) and reindeer (a) bone remains by anatomical body parts found for excavation areas 1, 2, 3.

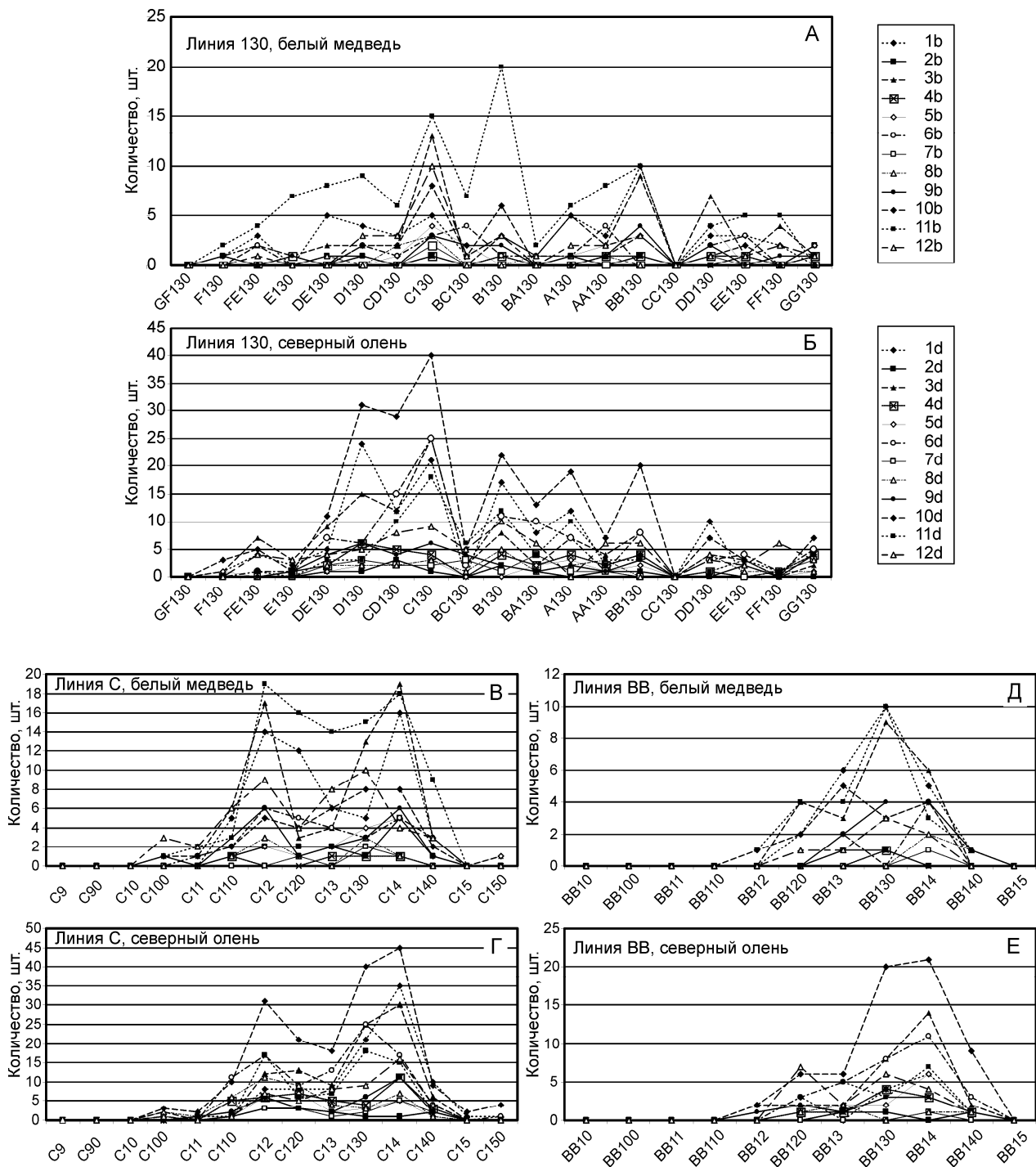
Рис. 12. Пространственное распределение костных остатков северного оленя в пределах раскопанной части Жоховской стоянки на площадях 1–3 (А), находки фрагмента черепа (верхняя челюсть, левая сторона) и рога северного оленя в квадрате С12 (Б) и находки фрагментов черепа (верхняя челюсть, левая сторона) и задней метаподии северного оленя в квадрате CD100 (Б).
Условные обозначения: *a* – номер площадки; *б* – граница раскопанной площадки; *в* – линии положения графиков, приведенных ниже на рис. 14, 15 и 16.

Fig. 12. Spatial distribution of reindeer bone remains within excavated part of the Zhokhov site for area 1, 2, and 3 (A); reindeer skull (upper jaw, right side) and antler fragments in C12 unit (Б), and reindeer skull (upper jaw, left side) and metacarpal bone fragment in CD100 unit (Б).
Notations: *a* – № of excavation area; *б* – border of excavation area; *в* – projection line for diagrams shown at Figures 14, 15, and 16.

Рис. 13. Пространственное распределение костных остатков белого медведя в пределах раскопанной части Жоховской стоянки на площадях 1–3 (А), находки черепов белого медведя в квадрате ОО21 (Б) и в квадрате YY250 (В).
Условные обозначения: а – номер площадки; б – граница раскопанной площадки; в – линии положения графиков, приведенных ниже на рис. 14, 15 и 16.

Fig. 13. Spatial distribution of polar bear skeletal remains within excavated part of the Zhokhov site in areas 1, 2, and 3 (A); finds of polar bear skulls in OO21 unit (B) and in YY250 unit (B):
Notations: а – № of excavation area; б – border of excavation area; в – projection line for diagrams shown at Figures 14, 15, and 16.

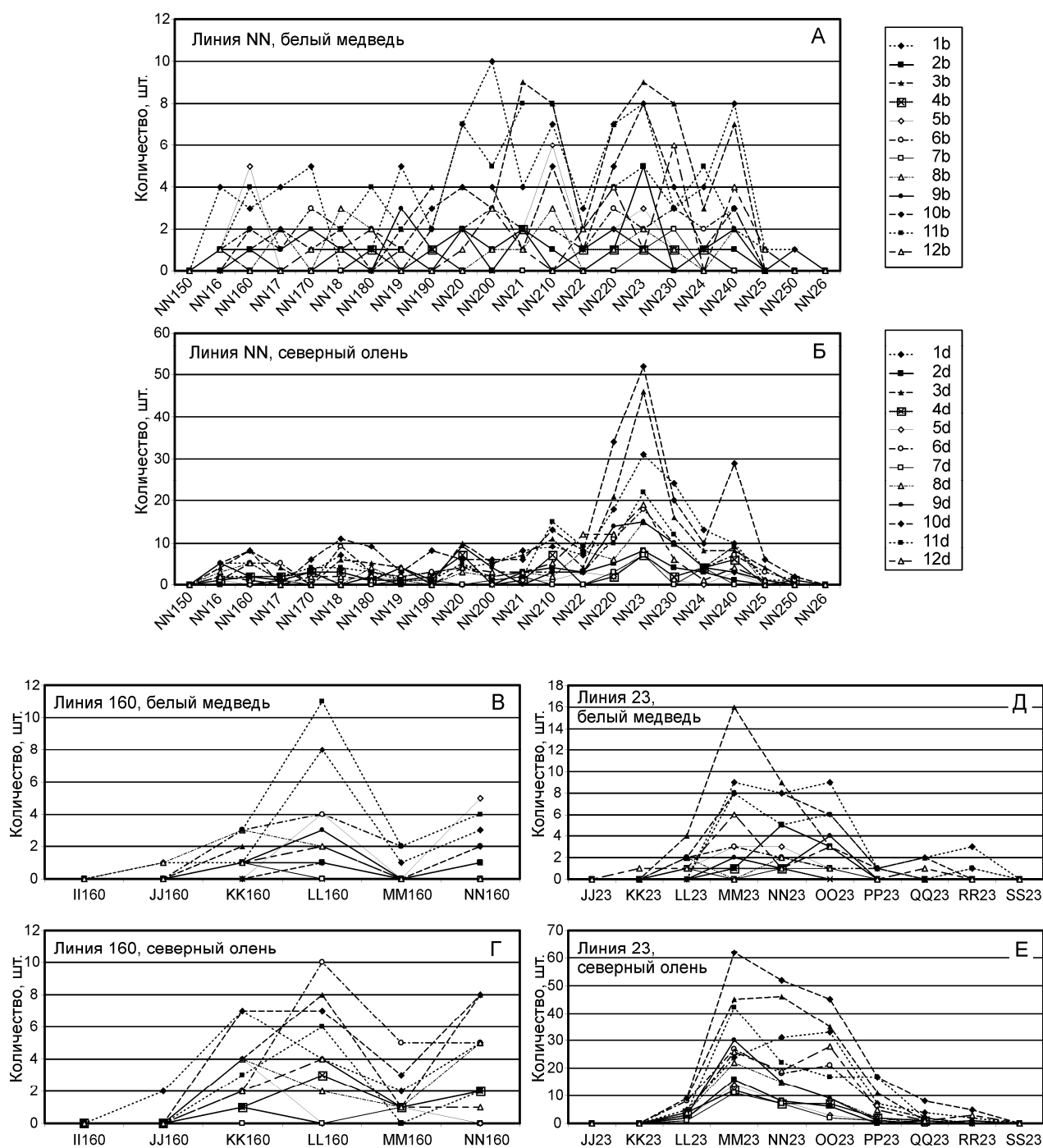

Рис. 14. Распределение костных остатков белого медведя и северного оленя в пределах площади 1 Жоховской стоянки по анатомическим частям скелета: в квадратах по линии 130 (А, Б), в квадратах по линии С (В, Г) и в квадратах по линии ВВ (Д, Е).

Условные обозначения: (b) – белый медведь; (d) – северный олень: 1 – обломки краниальной области; 2 – позвонки; 3 – ребра; 4 – лопатка; 5 – предплечье; 6 – плечо; 7 – область таза; 8 – бедро; 9 – голень; 10 – метаподии; 11 – фаланга; 12 – мелкие кости конечностей.

Fig. 14. Spatial distribution of polar bear and reindeer bone remains within excavation area 1 of the Zhokhov site by anatomical body parts: for grid line 130 units (A, Б); for grid line C units (B, Г); for grid line BB units (Д, E).

Notations: (b) – polar bear; (d) – reindeer: 1 – bone fragments of cranial area; 2 – spinal column; 3 – ribs; 4 – shoulder blade; 5 – lower arm; 6 – shoulder; 7 – pelvis bones; 8 – femur bones; 9 – tibiotarsus; 10 – metatarsal and metacarpal bones; 11 – phalanges; 12 – little limb bones (including ankle bone, heel bone etc).

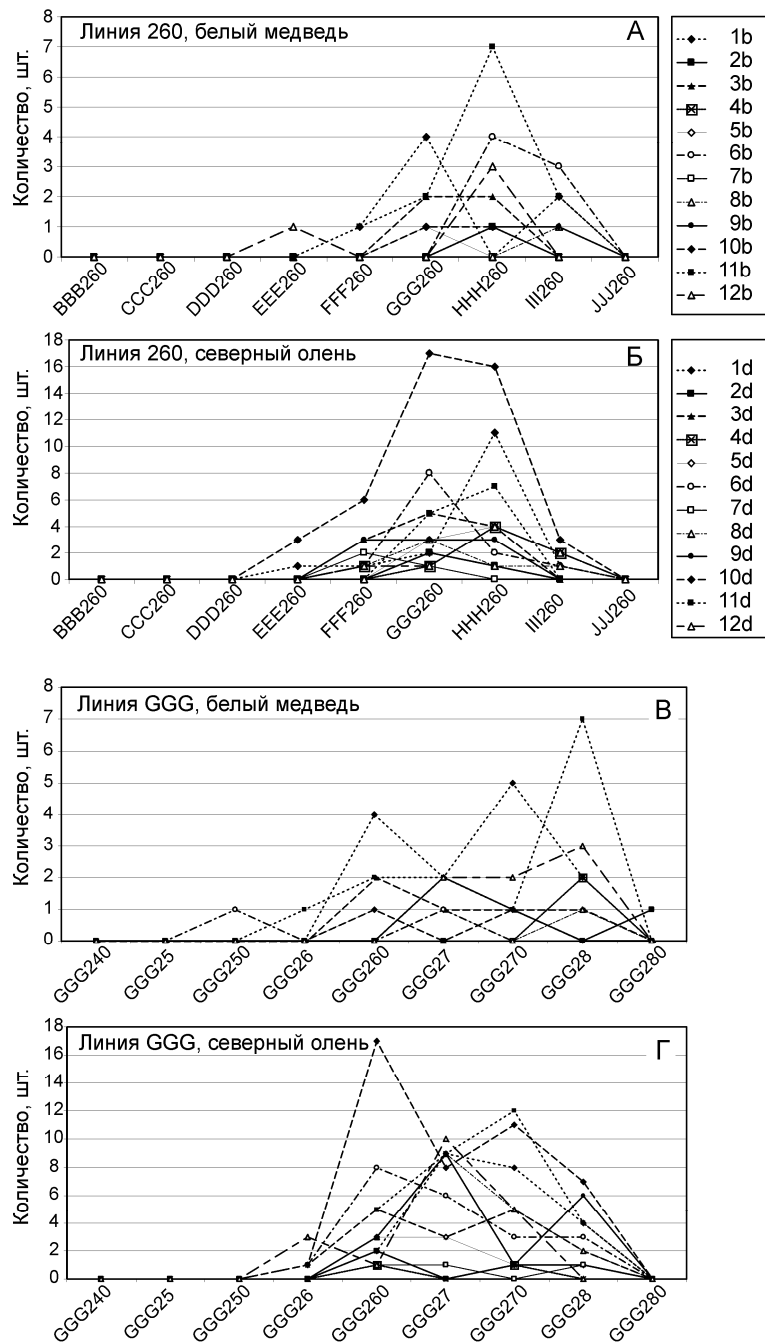
Рис. 15. Распределение костных остатков белого медведя и северного оленя в пределах площади 2 Жоховской стоянки по анатомическим частям скелета: в квадратах по линии NN (А, Б), в квадратах по линии 160 (В, Г) и в квадратах по линии 23 (Д, Е).

Условные обозначения: (b) – белый медведь; (d) – северный олень: 1 – обломки краниальной области; 2 – позвонки; 3 – ребра; 4 – лопатка; 5 – предплечье; 6 – плечо; 7 – область таза; 8 – бедро; 9 – голень; 10 – метаподии; 11 – фаланга; 12 – мелкие кости конечностей.

Fig. 15. Spatial distribution of polar bear and reindeer bone remains within excavation area 2 of the Zhokhov site by anatomical body parts: for grid line NN units (A, Б); for grid line 160 units (B, Г); for grid line 23 units (D, E).

Notations: (b) – polar bear; (d) – reindeer: 1 – bone fragments of cranial area; 2 – spinal column; 3 – ribs; 4 – shoulder blade; 5 – lower arm; 6 – shoulder; 7 – pelvis bones; 8 – femur bones; 9 – tibiotarsus; 10 – metatarsal and metacarpal bones; 11 – phalanges; 12 – little limb bones (including ankle bone, heel bone etc).

Рис. 16. Распределение костных остатков белого медведя и северного оленя в пределах площади 3 Жоховской стоянки по анатомическим частям скелета: в квадратах по линии 260 (А, Б) и в квадратах по линии GGG (B, Г). Условные обозначения: (b) – белый медведь; (d) – северный олень: 1 – обломки краниальной области; 2 – позвонки; 3 – ребра; 4 – лопатка; 5 – предплечье; 6 – плечо; 7 – область таза; 8 – бедро; 9 – голень; 10 – метаподии; 11 – фаланга; 12 – мелкие кости конечностей.

Fig. 16. Spatial distribution of polar bear and reindeer bone remains within excavation area 3 of the Zhokhov site by anatomical body parts: for grid line 260 units (A, B); for grid line GGG units (B, Г). Notations: (b) – polar bear; (d) – reindeer: 1 – bone fragments of cranial area; 2 – spinal column; 3 – ribs; 4 – shoulder blade; 5 – lower arm; 6 – shoulder; 7 – pelvis bones; 8 – femur bones; 9 – tibiafibula; 10 – metatarsal and metacarpal bones; 11 – phalanges; 12 – little limb bones (including ankle bone, heel bone etc).

(профиль 220), а для медведя – в северной части площади 1 (профиль С).

Профили выбраны на основании данных о геологии и рельефе поверхности памятника. Для площади 1 приведен поквдратный учет для профилей по линиям 130, линии С, линии Вв. Профиль 130 отвечает максимальной протяженности раскопанного участка в направлении север–юг, соответствует генеральному уклону поверхности и простираию ПЖЛ, в кровлю которой вложена культуросодержащая толща с мощностью, превышающей 3 м в средней части профиля. Профили С и Вв ориентированы в крест простираия ПЖЛ и профиля 130.

Аналогичным образом обоснован выбор профилей для площадей 2 и 3. Так, для площади 2 основным является профиль Nп (максимально протяженный центральный участок, ориентированный по простираию ПЖЛ), а профили 160 и 220 ориентированы ему в крест. Таким образом, профилем Nп контролируется уклон в направлении ручья, а профили 160 и 220 отвечают генеральному уклону поверхности. Для площади 3 выбраны два направления, ориентированные в крест, согласно уклонам поверхности, сам же участок дал достаточно аморфную концентрацию материала, которая, вероятнее всего, является вложением в узел решетки плейстоценовых ПЖЛ (как это называли в пору становления геокриологической науки, «ископаемая залежь льда») площадью около 40 кв. м.

Как представляется, полученная картина весьма интересна и показательна. Так, для площади 1 можно отметить, что костные остатки, вынесенные на профиль 130, концентрируются в левой части графика, т. е. в части профиля, расположенной выше по склону, а в нижней его части (правая часть) количество остатков и оленя, и медведя оказалось существенно более низким (средние соответственно 10 и 4). Профили, выполненные в крест относительно линии 130, имеют ожидаемо высокие значения в узкой полосе квадратов (на протяжении 4 м), что идеально соответствует заполнению термоэрозионного канала в кровле ПЖЛ, имеющей поперечную мощность около 3 м, – образование, типичное для севера Яно-Индибирской низменности и Новосибирских о-вов. Иными словами, очевиден факт формирования повышенных плотностей материала во вторичных, солифлюкционных по природе концентрациях, однако столь же очевидно отсутствие существенного перемещения

материала по уклону (в противном случае максимальные концентрации были бы обнаружены в нижней по склону части профиля). Следовательно, пространственное распределение костных остатков, найденных на площади 1, в известной степени сохраняет черты изначальной планиграфии памятника. Можно предполагать, что здесь располагалась одна из жилых площадок.

Вторая такая площадка вскрыта в квадратах площади 2 (рис. 3; 12; 13). Композиции, вынесенные на графики, несколько различаются по максимумам для отдельных анатомических групп, однако распределения в любом случае весьма близки (рис. 15). Пространственно они организованы столь же логично, как и в случае с площадью 1. Так, в базовом профиле по линии Nп область максимальных значений резко смещена вправо, т. е. она и в данном случае расположена выше по склону (имеется в виду левый склон ложбины ручья). Профили 160 и 23 показывают закономерное повышение плотностей на протяжении 4–5 м (рис. 15), соответствующих пространственному положению ПЖЛ, в кровлю которых вкладывались культурные остатки. Таким образом, и в случае площади 2 относительно картины распределения плотностей костных остатков можно говорить о наследовании изначальной планиграфии памятника и выделять эту зону как отдельную жилую площадку или, возможно, след другого эпизода обитания.

Если площади 1 и 2 сопоставимы по размеру, то площадь 3 существенно уступает им. Тем не менее коллекция фаунистических остатков, происходящая из этих квадратов, отличаясь относительной немногочисленностью (рис. 5, Г; 11), в главных чертах идентична показателям материалов с площадями 1 и 2. Планиграфически это небольшой, слабонасыщенный кластер, в котором представлены далеко не все анатомические группы (особенно для медведя), а остатки оленя преобладают существенно (рис. 12; 13; 16). Складывается впечатление, что это мультимодальное тело, сформированное при заполнении полости, вытаявшей когда-то в узле решетки ПЖЛ. Направление перемещения материала по профилям не реконструируется, однако ясно, что и в этом случае мы имеем дело с фрагментом изначального планиграфического рисунка стоянки.

Таким образом, можно говорить о как минимум четырех отдельных участках памятника – «мысовая» область (рис. 3), с раскопом 1989–1990 гг., видимо, частично уничтоженная ручьем,

а также участки, названные площади 1, 2, и 3 (рис. 3; 12; 13). Эти участки представляют собой элементы изначальной структуры Жоховской стоянки, во всяком случае – структуры ее раскопанной части. Эти участки, возможно, отражают также различные эпизоды обитания. Несмотря на то что точность радиоуглеродного метода, даже при большом количестве ^{14}C датировок (табл. 1), не позволяет выделить такие эпизоды на основе анализа рядов ^{14}C дат, данное предположение выглядит логически допустимым.

Такие эпизоды могли иметь место на протяжении короткого промежутка времени, скорее всего, не превышающего 100–200 лет (в противном случае они были бы заметны в статистике ^{14}C дат). Смещение обитаемого участка от визита к визиту вполне рационально с поведенческой точки зрения, поскольку вследствие интенсивного использования поверхности в ходе цикла обитания в многолетнемерзлых условиях происходит нарушение термоизоляционного слоя, возрастает мощность сезонно-талого слоя, увеличивается влажность отложений, поверхность становится неровной, заболоченной, т. е. непригодной для жилья, и в результате при повторном визите возникает необходимость осваивать новый участок, расположенный по соседству с первым. Дополнительным стимулом для освоения нового участка являются также санитарные соображения. Это классическая схема использования пространства, широко практиковавшаяся прежде и практикуемая по сию пору, видимо, лежит в основе формирования комплексов стоянок в местах, бывших особенно привлекательными для древних охотников по тем или иным причинам, т. е. выбор места для лагеря, в особенности постоянного, был обоснован, как правило, разноплановыми ресурсными факторами (пищевыми, хозяйственными и производственными) и удобством местности с точки зрения практикуемой стратегии жизнеобеспечения.

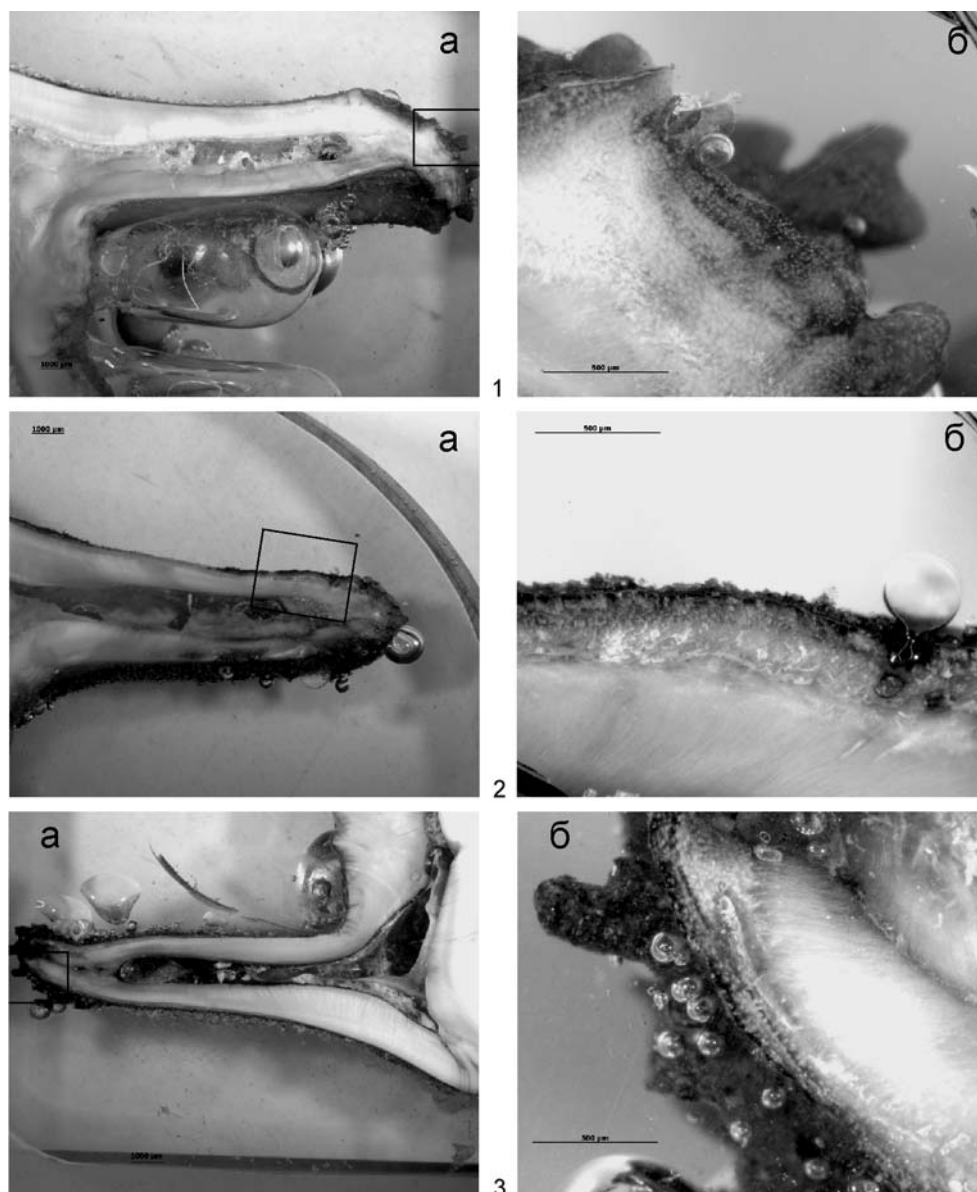
Как было показано, основу жизнеобеспечения обитателей Жоховской стоянки составлял промысел северного оленя и белого медведя. Этот весьма своеобразный вариант охотничьего поведения в целом вписывается в рамки адаптационной стратегии сухопутных охотников в ее высокоразвитой форме, когда уже достоверно используются транспортные средства – нарты и упряжные собаки (Питулько, 1998; Pitulko, Kasparov 1996 и др.). И. И. Крупник называет подобные формы охоты «продвинутыми охотни-

ками» (Крупник, 1988). Следует подчеркнуть, что белый медведь является крупнейшим наземным хищником, по этой причине попытки рассматривать культуру жоховских охотников как свидетельство ранней морской адаптации (Орехов, 1998) бессмысленны, на что уже обращалось внимание (Питулько, 2001).

Роль северного оленя в хозяйстве жоховских охотников оказалась более существенной, чем предполагалось, его добыча составляла практически две трети от общего объема добытых животных. На основе сведений о последовательности смены молочных зубов постоянными и анализа под этим углом зрения костных остатков северного оленя ранее было показано, что животные, представленные в материалах Жоховской стоянки, были добыты в основном в весенне-летний период (Питулько, Каспаров, 1998). Анализ коллекции из раскопок 2000–2005 гг. не противоречит этому заключению и позволяет существенно уточнить его благодаря исследованию сезона смерти животных по регистрирующим структурам живых организмов, в данном случае – на основании подсчета слоев цемента, отлагающегося в корневой области постоянных зубов. Скорость формирования этих слоев различается по сезонам (Клевезаль, 2007).

Методика изучения регистрирующих структур описана Г. А. Клевезаль (Клевезаль, 1988). Исследование дает возможность установить возраст животных на момент гибели и время года, когда смерть наступила, с приемлемой разрешающей способностью, зима, весна, лето или осень. Для целей данного исследования были подготовлены односторонние шлифы нижних постоянных коренных зубов (M_1), выполненные в их продольной плоскости и закрепленные канадским бальзамом. Они были просмотрены под бинокулярной лупой МБС-2 с окулярами $\times 12,5$ и степенью увеличения 4. Изучались слои зубного цемента на корнях зубов, преимущественно на концевых областях корней или в их районе. Фотографирование информативных участков шлифов корневой области зуба было проведено цифровой камерой в отраженном свете под бинокулярным микроскопом Zeiss Stemi 2000-CS в БИН РАН с увеличением $\times 40$ (рис. 17).

Результаты оказались довольно примечательными. Для северного оленя было изучено 29 образцов. Оказалось, что в этой случайной выборке 12 животных погибли в весеннее время, 11 – осенью, 3 – в течение зимы и еще 3 – летом.

Рис. 17. Шлифы нижнего M_1 северного оленя, по которым установлен сезон гибели животного: 1 – весна (образец Ж 2005_CO 2_4 и Ж 2005_CO 2_2); 2 – лето (образец Ж 2004_5_4 и Ж 2004_5_3); 3 – осень (образец Ж 2004_7_5 и Ж 2004_7_3); а – масштаб 1000 мкм; б – масштаб 500 мкм

Fig. 17. Thin sections of low M_1 (reindeer), on which individual season of death was found: 1 – spring (samples Zh2005_CO 2_4 and Zh2005_CO 2_2); 2 – summer (samples Zh2004_5_4 and Zh2004_5_3); 3 – fall (samples Zh2004_7_5 and Zh2004_7_3); а – 1000 μm scale; б – 500 μm scale.

Дополнительные данные по сезонности добычи северного оленя были получены при помощи измерений высоты коронки третьего молочного зуба (D_4) у полувзрослых особей этого животного.

Этот зуб, вполне сформированный, имеется уже у новорожденных животных. Его выпадение при смене молочных зубов на постоянные происходит у северных оленей в возрасте примерно 36 месяцев, и за это время он стирается почти до основания коронки. Таким образом, зная время

появления на свет детенышей северного оленя (это примерно май–июнь) и время выпадения третьего молочного моляра – 36 месяцев (Сыроечковский, 1986), по высоте его коронки можно приблизительно судить о возрасте животного и о времени года, когда оно было убито.

Сезонность гибели животных, устанавливаемая таким образом, весьма приближительна, однако несомненно, что из 48 экземпляров, взятых для исследования, 24 погибли осенью в период

времени с сентября по начало декабря, 9 особей – весной, с апреля по май, 4 – во второй половине лета и 13 особей – зимой, в период с конца декабря по конец января. В данном случае, так же как и по кольцам зубного цемента, можно видеть, что охота на северных оленей велась и зимой.

Северный олень обитает кругополярно, но это, в общем, разные животные, относящиеся к одному виду, обладающему гигантской пластичностью, прежде всего в отношении кормовой базы. Так, насчитывают почти 500 видов одних только зеленых растений, которые он способен употреблять в пищу (Там же). В настоящий момент выделяют более десятка его подвидов (*Баскин, 2009*). Несмотря на то что он традиционно воспринимается в качестве животного с хорошо выраженным маятниковым типом миграции (в направлении север–юг весной и обратном осенью), на чем, в частности, основана стратегия промысла многих аборигенных народов Арктики («поколок»), данная черта биологического поведения не является абсолютно универсальной (видимо, и повсеместность подобных охотничьих практик существенно преувеличена исследователями). Маятниковый тип миграции лучше всего выражен в Таймырской и северо-западных популяциях Северной Америки, а в иных местах северные олени скорее привязаны к своей территории (Там же) и начинают активно перемещаться только в случае быстрого роста популяции.

Имеются и практически оседлые группировки, чаще всего островные – Канадская Арктическая, Гренландская, Шпицбергенская (существовала на момент открытия этих островов в 1194 г.), Североземельская, Новосибирская (*Сыроечковский, 1986*). Все эти популяции периодически испытывают серьезный трофоклиматический стресс, часто приводящий к многократному падению численности.

Так, популяция северного оленя, интродуцированного в 40-е гг. XX в. на о. Врангеля, до двух подряд неблагоприятных лет в начале тысячелетия процветала (*Груздев, Ситко, 2007*), но затем испытала резкое сокращение. Следует особо подчеркнуть, что северные олени, несомненно, обитали на этом острове и ранее, в том числе в те времена, когда территория острова уже обособилась от материковой равнины, однако на момент появления там первопоселенцев в 1920-х гг. олени на острове отсутствовали. Это

локальное вымирание не было связано с деятельностью человека, а только лишь с природно-климатическими факторами, которые неоднократно ставили на грань вымирания и новосибирскую популяцию северных оленей (*Сыроечковский, 1986*).

Таким образом, данные, полученные в результате оценки сезона гибели северных оленей из Жоховской стоянки, говорят о том, что в регионе современных Новосибирских о-вов в раннем голоцене существовала полуоседлая группировка северного оленя. В любом случае какая-то ее часть оставалась на зимовку в районе небольшой прибрежной возвышенности – современно о. Жохова.

Во все сезоны она служила важным (одним из двух главных) пищевым ресурсом для обитателей Жоховской стоянки. Добывались либо отдельные особи, либо уничтожались их небольшие группы. Судя по относительно небольшому количеству костных остатков, накопившихся, видимо, всего за несколько лет, охота всегда была индивидуальной, с подхода или из засады, с применением оружия дистанционного действия – лука и стрел (*Pitulko, 1993*). Археологически видимых следов поражения не встречено, что, скорее всего, можно объяснить тем, что большинство попаданий было в грудной отдел тела и могло оставить следы преимущественно на ребрах, подвергавшихся впоследствии глубокой утилизации. Массовых забоев, подобных тем, что этнографически описаны для охот на миграционных потоках, не было. Эти действия оставляют совершенно иные следы, в евразийской Арктике археозоологически известные, в частности, для стоянки Олений Ручей в Центральном Таймыре (*Питулько и др., 2004*).

Не исключено, что осенняя охота на оленя, в результате которой было добыто около половины особей с установленным сезоном гибели (35 животных), осуществлялась на некотором удалении от лагеря, куда впоследствии было доставлено готовое к употреблению мясо. Судя по общему плану рельефа территории современных Новосибирских о-вов, к югу от о. Жохова, скорее всего, имелась небольшая река субширотной ориентации, удобная для осеннего промысла. Наличие такого водотока косвенно подтверждают остатки щуки (табл. 2) и рыболовного снаряжения (острог, «гарпунов»), имеющиеся в материалах стоянки (*Питулько, 1998*). Практика доставки в лагерь наиболее

ценной части добычи отчетливо просматривается в остеологической коллекции (см. выше) и серьезно облегчалась благодаря наличию транспортных средств в виде нарточных упряжек (Там же).

Весьма интересно, что объем промысла северного оленя жоховскими охотниками, более или менее успешный от сезона к сезону, в летний период при любой системе подсчета сезона гибели животных остается минимальным. Это, безусловно, заслуживает внимания. Примечательно также, что среди 48 исследованных животных, не достигших взрослого состояния, нет ни одной особи моложе года, а это практически 25 % от общего реконструированного числа добытых оленей (минимально возможного). Остатки сегментов в коллекции присутствуют, но крайне малочисленны. Это говорит об избирательности действий охотников, которые, видимо, старались убивать оленей не меньше определенной величины. Годовалые, а тем более двух-трехлетние олени уже имеют размеры и вес, сопоставимые со взрослыми животными, но при этом их мясо еще мягкое, и его отличают хорошие вкусовые качества.

С целью изучения половозрастной структуры группировки северного оленя, добываемого на о. Жохова, была проанализирована статистика промеров костных остатков для некото-

рых групп костей, где результаты были бы наиболее очевидны. Одной из наиболее показательных для разных размерных классов животных является плечевая кость. Целые экземпляры в коллекции отсутствуют, по этой причине были использованы промеры для дистальных фрагментов (N=77): ширина диафиза (N=14), ширина дистального эпифиза (N=73), ширина дистального блока (N=77), высота сужения блока (N=77), высота блока наибольшая (N=76).

Изучение описательных статистик по выборкам (табл. 7) показывает, что все распределения относятся к нормальным (низкие значения асимметрии и эксцесса, среднее и медиана практически одинаковы). Выборки отличаются незначительной вариабельностью, значения коэффициента вариации везде менее 10 %. Однако выборки по промерам: ширина дистального эпифиза, высота сужения блока, высота блока наибольшая – полимодальны, что дает возможность группировки данных по этим параметрам. Значения величины моды для ширины дистального эпифиза – 43; 46,7; 46,8; 47; 48,8; для высоты сужения блока – 24,3; 26; для наибольшей высоты блока 34,8; 35,5. Соответственно, если объединить близкие моды 46,7 46,8 и 47 для ширины дистального эпифиза, вероятно наличие трех групп.

Таблица 7. Статистические параметры выборок по промерам плечевой кости северного оленя из раскопок Жоховской стоянки

Table 7. Statistical parameters measured in samples of reindeer humeri excavated at Zhokhov site

	Среднее	Медиана	Мода	Стат. откл.	Коэф. вар.	Асимметрия	Эксцесс
ширина диафиза	22,5	22,1	22,7	1,9	8,6	0,6	0,3
ширина дистального эпифиза	47,1	47	multiple	3,1	6,6	0,2	0
ширина дистального блока	44,9	44,5	44,5	2,7	5,9	0,2	0,4
высота сужения блока	25,8	25,9	multiple	1,6	6,1	0,1	-0,6
высота блока наибольшая	34,6	34,5	multiple	2,2	6,5	0,3	-0,4

Таблица 8. Матрица коэффициентов корреляции промеров плечевой кости северного оленя из раскопок Жоховской стоянки

Table 8. Correlation matrix for measurements on reindeer humeri excavated from Zhokhov site

	Ширина дистального эпифиза	Ширина дистального блока	Высота сужения блока	Высота блока наибольшая
ширина дистального эпифиза	1,0	0,9	0,8	0,9
ширина дистального блока	0,9	1,0	0,8	0,9
высота сужения блока	0,8	0,8	1,0	0,9
высота блока наибольшая	0,9	0,9	0,9	1,0

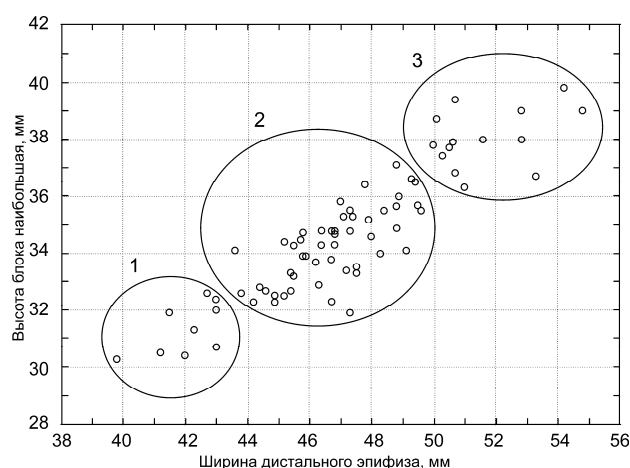
Таблица 9. Значения критерия Стьюдента для выделенных размерных классов плечевых костей северного оленя из раскопок Жоховской стоянки**Table 9.** Student's test values for size classes recognized in reindeer humeri excavated from Zhokhov site

	Группы 1 и 2					
	среднее гр. 1	среднее гр. 2	$T_{0,05}$	число степеней свободы	число промеров гр. 1	число промеров гр. 2
ширина дистального эпифиза	42,1	46,9	-8,2	58	9	51
ширина дистального блока	40,9	44,6	-6,4	62	9	55
высота сужения блока	23,7	25,6	-4,6	62	9	55
высота блока наибольшая	31,3	34,3	-6,2	61	9	54
	Группы 1 и 3					
	среднее гр. 1	среднее гр. 3	$T_{0,05}$	число степеней свободы	число промеров гр. 1	число промеров гр. 3
ширина дистального эпифиза	42,1	51,7	-15,2	20	9	13
ширина дистального блока	40,9	48,6	-10,4	20	9	13
высота сужения блока	23,7	27,7	-10,0	20	9	13
высота блока наибольшая	31,3	38,0	-15,2	20	9	13
	Группы 2 и 3					
	среднее гр. 2	среднее гр. 3	$T_{0,05}$	число степеней свободы	число промеров гр. 2	число промеров гр. 3
ширина дистального эпифиза	46,9	51,7	-9,1	62	51	13
ширина дистального блока	44,6	48,6	-7,7	66	55	13
высота сужения блока	25,6	27,7	-5,7	66	55	13
высота блока наибольшая	34,3	38,0	-9,0	65	54	13

Расчет корреляций между параметрами дает практически прямую зависимость: $r = 0,8-0,9$ (табл. 8). Графическая визуализация данных с помощью диаграммы рассеяния «наибольшая высота блока» – «ширина дистального эпифиза» позволяет выделить три размерных класса северных оленей, добытых жоховскими охотниками (рис. 18). Проверка достоверности различия между группами, проведенная по критерию Стьюдента, показала, что выявленные различия статистически значимы (табл. 9).

Можно предполагать, что выявленные по данной выборке размерные классы животных отражают общую картину для остатков северного оленя из Жоховской стоянки, где $MNI=245$, тогда как для дистальных плечевых фрагментов $N=77$, что составляет около трети выборки (возможно, чуть менее, так как в данном случае учтены кости обеих сторон скелета). Крупные звери, вероятнее всего, являются самцами, мелкие – сеголетками, наиболее многочисленная группировка объединяет зверей среднего размера, в которую входят, очевидно, и полувзрослые, и взрослые особи обоих полов, удовлетворявшие критериям размера, который задавался, видимо, разумным стремлением добыть молодого (вкус-

ного), но крупного зверя. Это, несомненно, говорит о том, что пищевые ресурсы в окрестности Жоховской стоянки были если не избыточны, то достаточны, а их использование допускало определенную разборчивость.

Рис. 18. Размерные классы северных оленей Жоховской стоянки (выделены на основании статистики промеров дистальных обломков плечевой кости).**Fig. 18.** Size classes found for reindeer bone remains from the Zhokhov site (recognized by statistics of measurements on distal fragments of humeri).

Вторым главным пищевым ресурсом для жоховских охотников, как отмечалось ранее (*Pitulko*, 1993; *Pitulko, Kasparov*, 1996), служил белый медведь. Анализ фаунистических остатков показал, что его доля в объеме добычи (сравнительная количественная характеристика добытых зверей) оказалась несколько меньшей, чем считалось ранее. На основании сводной таблицы материала (табл. 2) соотношение между остатками северного оленя и белого медведя составляет 2: 1, однако понятно, что сравнительная пищевая ценность этих зверей существенно различается. Масса оленя изменчива регионально и по сезону, максимальной бывает осенью и может достигать, у крупных быков, 200–230 кг (*Сыроечковский*, 1986), однако, как правило, не превышает 150–170 кг. Самки значительно легче самцов. За минусом несъедобных частей (шкура, жидкости, кишечник, кости) полезная масса составит около половины, т. е. для крупного оленя не превысит 80 кг, а для основного добываемого размерного класса (рис. 18) составит только 50–60 кг.

Масса тела у самцов белого медведя достигает 500 кг при длине тела около 3 м, хотя в отдельных случаях может существенно превышать это значение; встречаются гиганты весом более 700 кг (*Кищинский*, 1976). Самки гораздо меньше, их масса тела изменяется в пределах 180–300 кг (*Успенский*, 1989). Приняв в качестве среднего 250 кг и допустив потерю 30 % на несъедобные компоненты туши, получим не менее 160 кг полезного выхода для самок и некрупных самцов. Таким образом, пищевая ценность этого зверя для жоховских охотников фактически в три раза превосходила таковую для северного оленя и могла быть, в отдельных случаях, существенно большей и, следовательно, потенциальные риски, связанные с добычей этого опасного крупного хищника «на мясо» были вполне оправданны, тем более что промысел оленя в зимнее время вряд ли был стабилен.

В плане возможных рисков следует отметить, что они были сведены к минимуму самой стратегией и тактикой промысла белого медведя. Результатами изучения фаунистической коллекции из раскопок 1989–1990 гг. (*Pitulko, Kasparov*, 1996; *Питкулько, Каспаров*, 1998) было установлено, что добывались, в основном, взрослые, но некрупные звери. Подобную избирательность в отношении живущего одиночно, постоянно перемещающегося зверя практиковать довольно сложно.

Ее, однако, обосновывают биология и поведение этих зверей. Самцы, холостые самки и молодые звери, не участвующие в размножении (самки – до четырех лет, самцы – до пяти-шести), в большинстве популяций белого медведя действительно находятся в движении круглогодично, лишь время от времени укрываясь в подснежных убежищах от непогоды или на наиболее неблагоприятный промежуток зимнего времени. Это, естественно, в основном крупные звери.

Подобное поведение является регулярным не во всех регионах Арктики. Так, А. А. Кищинский сообщает, что на о. Врангеля данный факт ни разу не был отмечен, для Новосибирских о-вов подобного не описано, но на севере Таймыра и в Гренландии это бывает довольно часто, а в Канадской Арктике – является нормой (*Кищинский*, 1976). Самки ложатся на зимовку в родильные берлоги (*Успенский*, 1989; *Барышников*, 2007 и др.) и в декабре–феврале производят на свет одного–двух медвежат (иногда более, до четырех). Медвежата-сеголетки проводят с матерью в берлоге и следующую зиму, а в возрасте 2–2,5 лет начинают вести самостоятельный образ жизни. Самки достигают взрослого веса на пятый год жизни, самцы – после восьми лет. Продолжительность жизни в природе, как считается, не превышает 10–12 лет (*Барышников*, 2007). Видимо, это так, поскольку в обширной жоховской коллекции практически отсутствуют остатки зверей с заметно сношенными зубами, хотя встречаются, и нередко, челюсти с прижизненно утраченными (частично) коренными зубами. Постоянная потребность в пище и развитый каннибализм способствуют действию естественного отбора, и звери просто не доживают до возраста, когда изношенность зубов становится заметной.

В добыче жоховских охотников, как было установлено, преобладают некрупные взрослые особи, и это, без сомнения, самки, проводящие зиму в берлогах, в которые укладываются в октябре–ноябре и где остаются до марта–апреля (*Кищинский*, 1976). Данная особенность поведения и позволяет вести избирательный промысел, осуществляемый по мере необходимости в районе, где имеется достаточное количество берлог. Эти взгляды последовательно развивались в прежних публикациях (*Pitulko, Kasparov*, 1996; *Питкулько*, 1998; *Pitulko*, 2003), а в результате проведенных исследований получили, как представляется, полное подтверждение.

Берлоги или выкапываются в снегу, или устраиваются под невысокими бровками берегов, или просто в углублениях крутых (20° и более) склонов с подветренной стороны, т. е. в любом месте, где происходит интенсивная аккумуляция снега. Идеально подходят для этой цели склоны холмов с солифлюкционными террасами или с развитыми нивальными формами рельефа поверхности. Накопившийся снег обминается изнутри, в результате формируется жилистая камера, в потолке которой имеется вентиляционный колодец (бывают и многокамерные берлоги). Кровля берлоги может быть как очень мощной, так и слабой (5–10 см), чаще всего перекрытие имеет мощность 30 см, и медведица может легко проломить его при необходимости и выйти, однако при достижении мощности 40 см ей удается только высунуть голову (Беликов, 1993), что в определенных ситуациях очень удобно.

Берлоги устраиваются медведями на арктических островах и материковых побережьях не дальше 10–15 км от побережья, чаще всего – в пределах первых километров, очень редко – дальше, чем 15 км (Кишинский, 1976). В местах, удобных для их устройства, плотность берлог может быть очень высокой. Так, С. Е. Беликов (1993) указывает плотность две-три берлоги и более на 1 кв. км для ряда участков о. Врангеля, упоминая о группах из шести берлог на 300 кв. м, описанных Кишинским и Успенским, группе из 12 берлог на снежнике протяженностью 2,5 км, шесть из которых были сосредоточены на 400-метровом его участке, описанных О. Б. Луцюком, и др. А. А. Кишинский (1976) для горного массива Дрем-Хед на северо-западе о. Врангеля приводит сведения о наблюдениях последовательно в разные годы 60, а затем 45 родильных берлог.

Этот пример интересен для нас тем, что размеры массива Дрем-Хед составляют 3×8 кв. км, что сопоставимо с площадью нынешнего о. Жохова (9×11 км). Во времена, когда на острове существовала полярная станция и работала база ААНИИ, присутствие человека ограничивало возможность использования острова для устройства берлог. После того как остров был покинут в 1994 г., звери вернулись, и в 2004 г. мы наблюдали на склоне вблизи лагеря экспедиции семь вскрытых берлог, располагавшихся тесной группой на площади нескольких сотен кв. м. Как представляется, это говорит о том, что о. Жохова в эпоху существования на нем стоянки древнего человека вполне мог быть участком с высо-

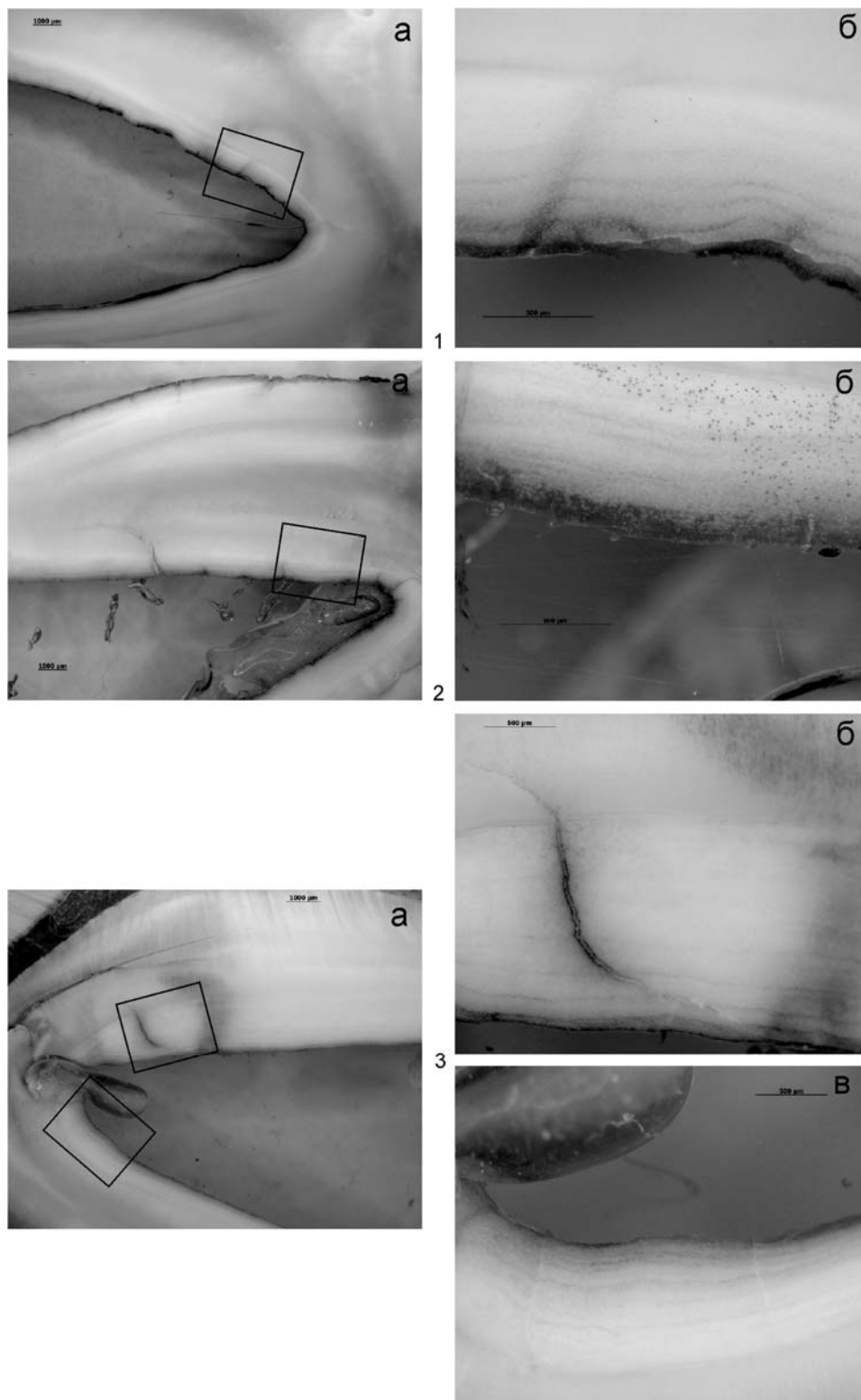
кой концентрацией родильных берлог и, следовательно, в прошлом там имела возможность эксплуатации столь необычного пищевого ресурса, причем исключительно в зимнее время.

Выполненный по методике Г. А. Клевезаль (1988; 2007) анализ регистрирующих структур зубного цемента белых медведей из раскопок Жоховской стоянки полностью убеждает в этом. Подготовка образцов, приемы и оборудование, использованные для исследования, полностью идентичны тем, что применялись для изучения шлифов зубов северного оленя. Было подготовлено и изучено 28 шлифов нижнего первого моляра (M_1) белых медведей из коллекции фаунистических остатков Жоховской стоянки (рис. 19). Установлено, что 18 из них были убиты зимой, 5, вероятно, ранней весной, и еще 5 – осенью (вероятнее всего, поздней).

На основании морфометрии костных остатков можно предполагать, что кости белых медведей на стоянке в основном принадлежат самкам и молодым животным, хотя встречаются и очень крупные экземпляры, несомненно, – самцы. Такие находки, однако, редки.

С целью изучения половозрастной структуры группировки белого медведя, добывавшегося на о. Жохова, была дополнительно проанализирована статистика промеров нижних челюстей ($N=40$, табл. 10). Никакие другие кости для этой цели оказались непригодны, поскольку несут следы глубокой пищевой утилизации человеком и, особенно, собакой (табл. 6; рис. 9) и для промеров малопригодны. Выборка по нижним челюстям охватывает, таким образом, примерно треть уценных животных ($MNI=130$). Изучение описательных статистик по выборкам показывает, что все распределения относятся к нормальным (низкие значения асимметрии и эксцесса, среднее и медиана практически одинаковы).

Выборки отличаются незначительной вариабельностью, значения коэффициента вариации везде менее 10%. Расчет корреляций между параметрами показывает, что практически прямая зависимость наблюдается между параметрами «общая длина от суставного мыщелка» – «длина зубного ряда от переднего края альвеолы клыка», слабая положительная связь наблюдается между параметрами «общая длина от суставного мыщелка» – «высота диастемы» (табл. 11). Это дает возможность предположить, что данные параметры будут влиять на дискриминацию выборки главным образом. Графическая визуализация

Рис. 19. Шлифы нижнего нижнего M_1 белого медведя, по которым установлен сезон гибели животного: 1 – осень (образец Zh 2004_9_4 и Zh 2004_9_3); 2 – зима (образец Zh 1990_3_4 и Zh 1990_3_3); 3 – весна (образец Zh 1990_6_6, Zh 1990_6_4 и Zh 1990_6_7); а – масштаб 1000 мкм; б–в – масштаб 500 мкм.

Fig. 19. Thin sections of low M_1 (polar bear), on which individual season of death was found: 1 – fall (samples Zh2004_9_4 and Zh2004_9_3); 2 – winter (samples Zh1990_3_4 and Zh1990_3_3); 3 – spring (samples Zh1990_6_6, Zh1990_6_4, and Zh1990_6_7); а – 1000 μm scale; б and в – 500 μm scale.

Таблица 10. Статистические параметры промеров нижней челюсти белого медведя из раскопок Жоховской стоянки**Table 10.** Statistical parameters measured in samples of polar bear mandibles excavated from Zhokhov site

	Общая длина от суставного мыщелка	Длина зубного ряда от переднего края альвеолы клыка	То же от переднего края альвеолы РМ ₁	Длина М ₁ по альвеоле	Ширина М ₁ по альвеоле	Высота нижней челюсти за М ₁ (по внутр. стороне)	Высота диастемы
кол-во изм.	37	42	42	40	40	40	42
среднее	223,1	131,1	68,7	21	8,3	40,9	38,8
медиана	222,3	131,1	69,4	21,1	8,2	41	38,2
мода	230	126,9	69	21,2	8,2	38,1	38,1
минимум	206	112,1	55	19,3	6,9	30,4	34,4
максимум	268	160,5	77,3	23,3	9,9	56,6	49,1
стат. откл.	10,9	7,6	3,6	0,9	0,6	3,8	3
коэф. Вар.	4,9	5,8	5,3	4,2	7	9,2	7,7
асимметрия	1,9	0,9	-1,4	0,5	0	1,5	1,2
эксцесс	7,1	5,2	5,1	0,5	0,6	8,2	2,4

Таблица 11. Матрица коэффициентов корреляции промеров нижней челюсти белого медведя из раскопок Жоховской стоянки**Table 11.** Correlation matrix for measurements on polar bear mandibles excavated from Zhokhov site

	Общая длина от суставного мыщелка	Длина зубного ряда от переднего края альвеолы клыка	То же от переднего края альвеолы РМ ₁	Длина М ₁ по альвеоле	Ширина М ₁ по альвеоле	Высота нижней челюсти за М ₁ (по внутр. стороне)	Высота диастемы
общая длина от суставного мыщелка	1	0,86	0,25	0,11	0,2	0,16	0,51
длина зубного ряда от переднего края альвеолы клыка	0,86	1	0,43	-0,02	0,25	0,05	0,47
то же от переднего края альвеолы РМ ₁	0,25	0,43	1	0,27	0,25	-0,29	0,24
длина М ₁ по альвеоле	0,11	-0,02	0,27	1	-0,07	0,08	0,09
ширина М ₁ по альвеоле	0,2	0,25	0,25	-0,07	1	-0,02	0,24
высота нижней челюсти за М ₁ (по внутр. стороне)	0,16	0,05	-0,29	0,08	-0,02	1	0,49
высота диастемы	0,51	0,47	0,24	0,09	0,24	0,49	1

данных с помощью диаграммы рассеяния «общая длина от суставного мыщелка» – «длина зубного ряда от переднего края альвеолы клыка» позволяет выделить четыре размерных класса белых медведей, добытых охотниками о. Жохова (рис. 20).

Обработка выборки методом кластерного анализа в модели иерархической классификации по набору всех признаков также позволяет выделить две группы объектов, каждая из которых содержит две подгруппы (рис. 21). Проверка достоверности различия между группами, проведенная по критерию Стьюдента, показала, что

выявленные различия статистически значимы по параметрам «общая длина от суставного мыщелка» – «длина зубного ряда от переднего края альвеолы клыка» – «высота диастемы».

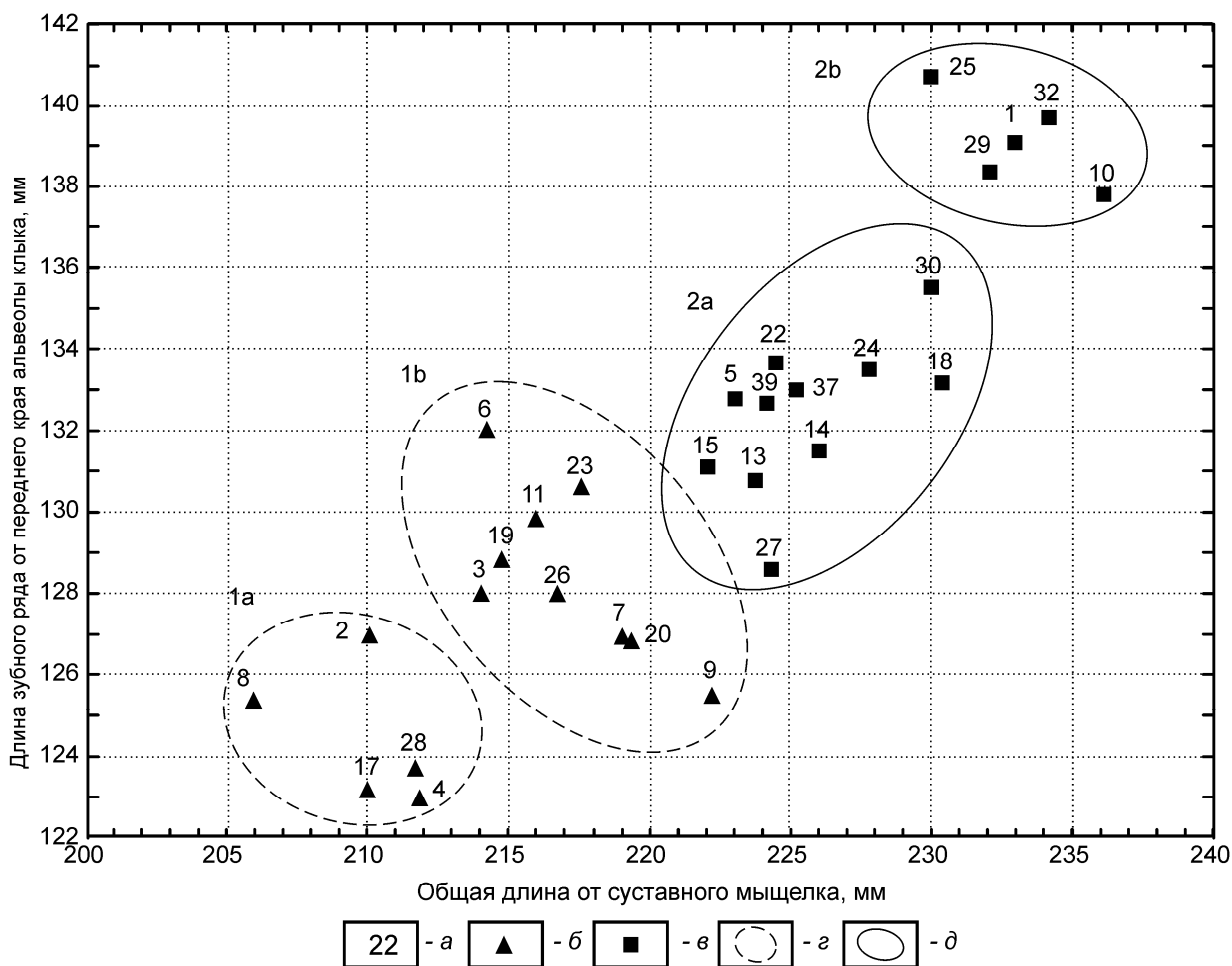
Эти четыре размерных класса (рис. 20; 21), скорее всего, соответствуют следующим половозрастным группам – взрослые самцы (редкие экземпляры), взрослые самки, молодые самки, подростки возраста около двух лет, добытые вместе с матерью на берлоге. В обе группы самок, скорее всего, могли попасть и мелкие (молодые) самцы возрастом менее восьми лет, еще не достигшие полного размера и массы, которых

могли добывать индивидуальной охотой при встрече или выслеживанием, а также ловушками той или иной конструкции, подобными тем, что сооружают жители Гренландии, используя природное любопытство зверя, его постоянную голодность и склонность к поеданию падали. Такая ловушка представляет собой домикообразное сооружение с узким входом, в котором невозможно развернуться, пахнувшей приманкой и оконцем, через которое зверь может быть поражен копьём или застрелен (Sandell H., Sandell B., 1996).

Это тем не менее была вспомогательная тактика охоты. Основным был промысел на берлогах, дающий стабильный результат и полностью

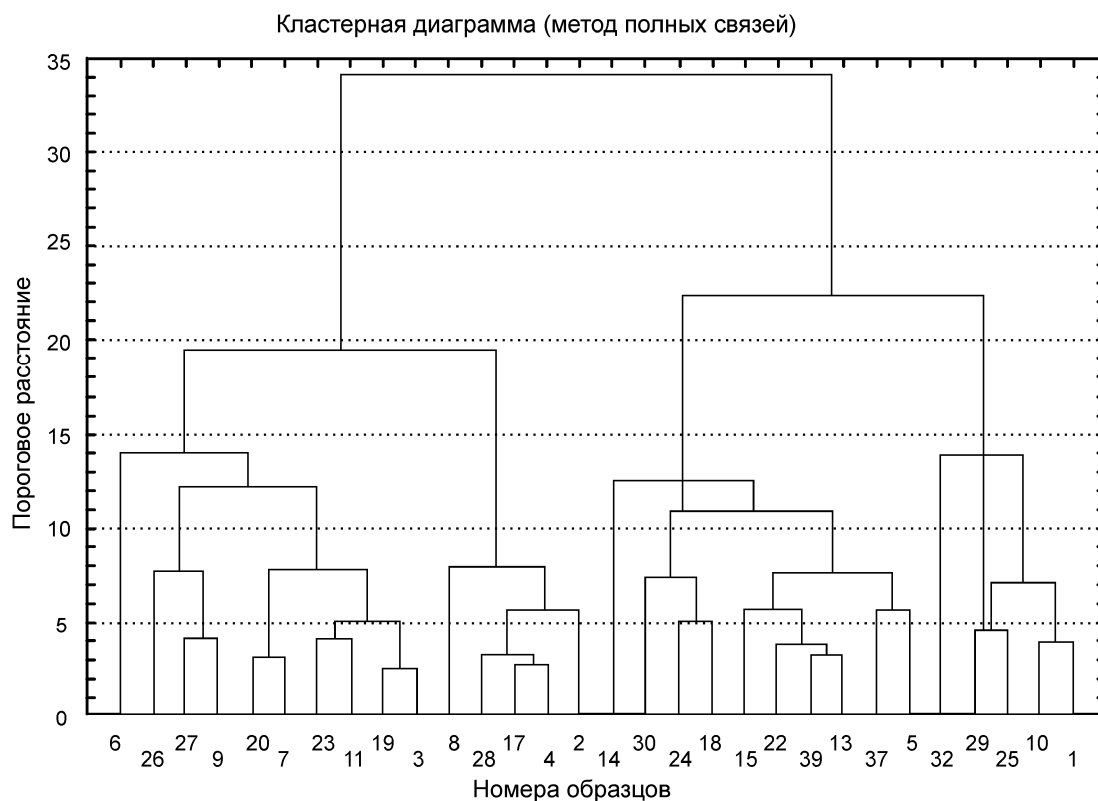
предсказуемый. Поиск их труда не составлял, особенно при наличии собак.

Вероятнее всего, жоховские охотники использовали метод охоты, напоминающий приемы, практикуемые при мечении и изучении белых медведей на о. Врангеля. Он был описан А. А. Кищинским (1976) как альтернатива применяемому повсеместно способу работы с вертолета и состоит в следующем. В уже вскрытой медведицей в весеннее время берлоге снегом забивают входное отверстие, таким образом ее вспугивают и вынуждают к выходу через перекрытие, которое она будет разрушать в точке вентиляционного отверстия. Если свод окажется

Рис. 20. Жоховская стоянка. Размерные классы белого медведя, выделяемые на диаграмме рассеяния в пространстве «общая длина от суставного мыщелка» – «длина зубного ряда» нижней челюсти. Условные обозначения: 1 – номер образца; 2 – размерный класс группы 1; 3 – размерный класс группы 2; 4 – области подгрупп в пределах группы 1; 5 – области подгрупп в пределах группы 2.

Fig. 20. Zhokhov site. Size classes identified for polar bear skeletal remains by scatter chart within space 'total length from mandibular condyle – total dentition length':
Notations: 1 – sample number; 2 – size class 'group 1'; 3 – size class 'group 2'; 4 – subgroup zone within group 1; 5 – subgroup zone within group 2.

Рис. 21. Размерные классы костных остатков белого медведя из раскопок Жоховской стоянки и их соподчинение (кластерная диаграмма).

Fig. 21. Size classes found for polar bear bone remains from the Zhokhov site and their relationship (cluster diagram).

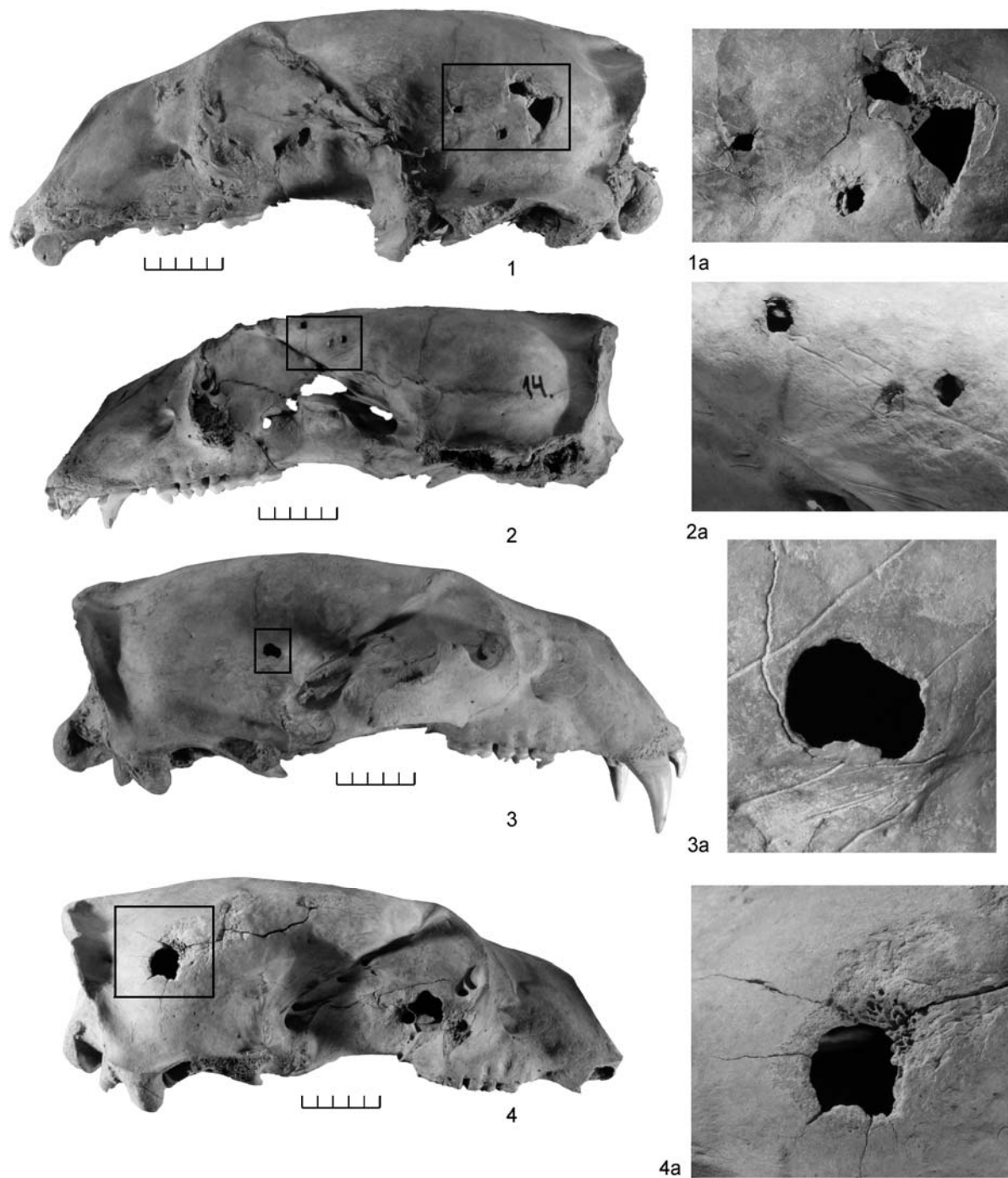
мощным, то проломить его она не сможет, и на поверхности окажутся голова и шея, которые удобно поразить шприцем из ружейного транквилизатора. Если свод окажется сломан, то все равно сначала на поверхности окажутся голова и шея, которые в этот момент удобно поразить.

По сути, эта процедура мало отличается от охоты на бурого медведя на берлоге, которого следует тем или иным способом вспугнуть и вынудить к выходу. Дальнейшее зависит от решительности охотников, точности и слаженности действий. Данный способ был, видимо, хорошо известен людям Жоховской стоянки и был успешно перенесен на его белого сородича, позволяя добывать его без ограничений и, скорее всего, с минимальным «производственным травматизмом».

Тактику такой охоты, как представляется, подтверждают следы охотничьего оружия, оставленные на костях белого медведя оружием обитателей Жоховской стоянки (рис. 22; 23). Прежде всего следует подчеркнуть, что на данный момент такие следы выявлены почти исключительно на черепках медведя, имеется всего

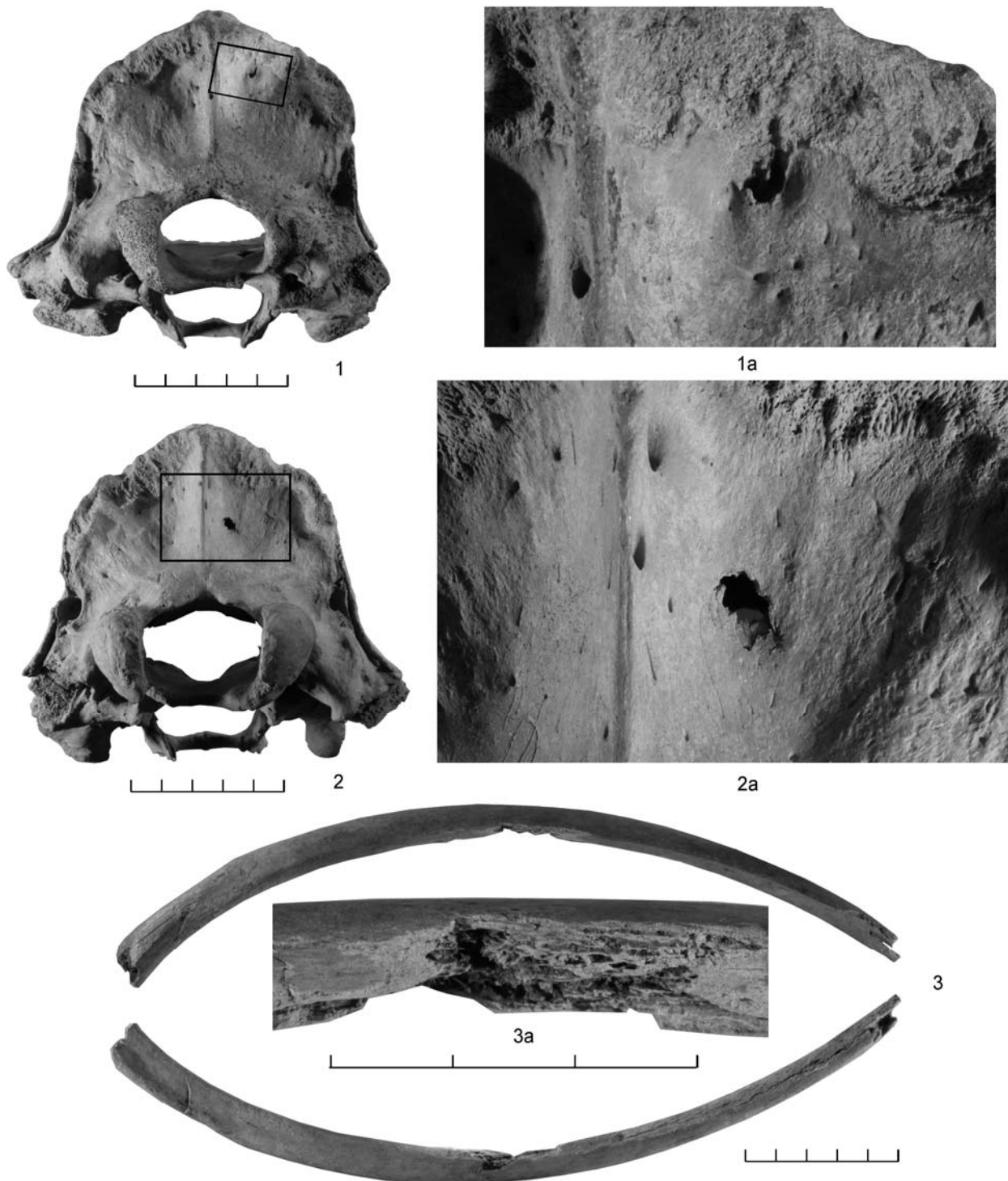
одно ребро со следом охотничьего воздействия (рис. 23, 3). Вероятно, могли бы быть найдены и иные, но отличить их от следов, оставленных разделкой и пищевой утилизацией, практически невозможно. Разрушение черепов медведей – в пищевых и, быть может, в ритуальных целях также присутствует, особенности этих процедур были рассмотрены ранее (*Pitulko, Kasparov, 1996; Питулько, 1998* и др.).

В данном случае, однако, описываемые следы являются несомненным результатом охотничьего воздействия (рис. 22; 23, 1, 2), непосредственно вытекающего из изложенной выше стратегии и тактики промысла. Один такой образец был описан ранее (*Pitulko, 1993*). Череп часто сильно разрушены, и даже те, что были использованы нами для морфометрического анализа ($N=19$), обычно не имеют удовлетворительно сохранившихся стенок мозговой капсулы, что затрудняет выявление следов охотничьего воздействия. Во всех случаях, когда это возможно установить, поражение стремились нанести в мозговую капсулу сзади-сбоку, слева (рис. 22, 1, 1a, 2, 2a) или справа (рис. 22, 3, 3a, 4, 4a),

Рис. 22. Черепа белого медведя из раскопок Жоховской стоянки с примерами следов охотничьего воздействия (1-4 – общий вид, 1a-4a – крупный план):
 1 – поражение в мозговую капсулу слева-сзади; 2 – поражение в область границы слева; 3, 4 – поражение в мозговую капсулу справа-сзади.

Fig. 22. Polar bear skulls excavated from the Zhokhov site with traces of hunting lesions (1-4 – general view, 1a-4a – large-scale view):
 1 – rear-left lesion of the brain capsule; 2 – affection of the eye area from the left; 3, 4 – rear-right affection of the brain capsule.

Рис. 23. Черепа белого медведя из раскопок Жоховской стоянки с примерами следов охотничьего воздействия (1, 2) и ребро со следом поражения охотничьим оружием (3):

1a, 2a – попадания в затылочную область черепов молодых медведей, вероятнее всего, промахи при попытке нанести ранение в шею в основание черепа; 3 – общий вид фрагмента ребра белого медведя со следом травматического повреждения в результате проникающего ранения грудной клетки; 3a – крупный план участка с повреждением.

Fig. 23. Polar bear skulls excavated from the Zhokhov site with traces of hunting lesions (1, 2) and a rib with a hunting lesion (3): 1a, 2a – hunting lesions on the occipital bones of young bears' skulls probably resulted from missing the target which was the neck or the skull base of the animal; 3 – general view of the polar bear rib bearing a lesion resulted from piercing the thorax with some pointed weapon; 3a – close-up view of the lesion.

направляя удар или непосредственно в мозговую капсулу (рис. 22, 1, 3, 4) или в глаз (рис. 22, 2), шею, и в затылок (рис. 23, 1, 2), при этом последние, скорее всего, являются промахами. Такое значительное количество попаданий именно в голову является весьма необычным фактом, поскольку любого зверя охотники всегда (и в прошлом, и в настоящем) стремятся поразить в область грудной клетки, легко проницаемой, наполненной большим количеством жизненно важных органов, и где фатальное ранение наиболее вероятно. Голова же во всех случаях является неудобной и прочной мишенью.

Необходимо заметить, что такое на системном уровне возможно только в том случае, когда зверь ограничен в движении. Выход медведицы из берлоги через пролом перекрытия является в этом смысле идеальной ситуацией. Во всех остальных случаях это было бы невозможно. Белый медведь – вообще очень подвижный и быстрый зверь, а голова его постоянно пребывает в движении, поскольку он ориентируется в пространстве в значительной степени за счет обоняния. Кроме того, вследствие специфического (полуводного) образа жизни белого медведя его голова, насаженная на довольно длинную шею, имеет обтекаемую форму и малые размеры относительно туловища.

Столь точные и сильные попадания метательным оружием в свободно движущегося зверя маловероятны, ибо цель очень маленькая, и, следовательно, это были удары ручным оружием с близкой дистанции. Белый медведь от противника либо убегает, либо атакует его сам, причем на дистанции прыжка, дальность которого превосходит длину древка копья (прыжок на расстояние 5–7 м для него вполне рядовой), с целью сбить с ног, и это плохое приключение, поскольку на охотника прыгает примерно 300–400 кг в среднем случае. Знание этих фактов, безусловно, способствовало выработке стратегии промысла, описанной выше.

Разделяли убитых зверей на месте добычи. Новорожденные медвежата становились законной добычей собак, принимавших участие в охоте, а медвежата второго года жизни, имеющие массу в пределах 70–140 кг (*Барышников, 2007*), уже представляли собой определенный «бонус», увеличивая объем разовой добычи. Кости молодых медведей, в частности небольшие черепа с незаросшими швами, встречены при раскопках. Выше отмечалось, что кости белых медве-

дей имеют существенно большее число погрызов собакой, чем кости северного оленя (табл. 6; рис. 8; 9). Данное обстоятельство легко объяснимо двумя важными причинами – во-первых, условия зимы предполагают максимально полную утилизацию пищевых ресурсов; во-вторых, использование мяса и костей медведей для кормежки собак имеет существенное значение – их приучают к этому зверю, следовательно, собака не только не будет его бояться, но и будет знать, что этого зверя можно победить и съесть. Это элемент охотничьей дрессуры, нимало не изменившийся за прошедшие тысячи лет.

Понятно, что добыча на берлогах не могла вестись на одном и том же месте годами и быть одинаково успешной. Присутствие человека и постоянное давление на местную группировку зверей не могло не становиться со временем отпугивающим фактором. При ухудшении ресурсной базы люди могли временно покидать территорию и затем возвращаться через какое-то время. Как показывает история появления берложного участка на о. Жохова, десятилетней паузы вполне достаточно.

Изучение костных остатков северного оленя и белого медведя в плане скелетной морфологии и морфометрии также дает весьма интересные результаты. Частично они были введены в научный оборот ранее (*Питулько, Каспаров, 1998*). Было выяснено, что оба эти вида являются практически уже современными формами. Северный олень, добывавшийся на о. Жохова 8000 л. н., соответствует по размерам современной форме тундровой популяции, но оказывается лишь несколько более грацильным (Там же). Косвенно это может говорить о большей мощности снежного покрова в регионе Новосибирских о-вов на рубеже голоцена.

Чрезвычайно интересны данные, полученные по промерам черепов белого медведя. Возможно, из-за того, что выборка является фактически результатом избирательного промысла, раннеголоценовые жоховские медведи кажутся несколько более мелкими, чем гренландские и шпицбергенские, и заметно уступают врангельским, которых, на основании данных, анализированных Барышниковым (2007), можно считать крупнейшими. Весьма интересно, что в том же секторе северного полушария встречаются и крупнейшие в Евразии бурые медведи (камчатский), обитает крупный полярный волк, водятся самые

мощные в Евразии лоси (северовосточноазиатские), а также обитает и крупная форма северного оленя (п-в Сахалин), отмеченная Сыроечковским (1986), как, возможно, самая крупная среди северных оленей Евразии. Вероятно, это можно связывать с тем, что в этих местах существуют условия, наиболее благоприятные для развития перечисленных видов. Занимая оптимальные экологические ниши, они достигают максимальных размеров, допустимых их биологической программой.

Заключительные выводы. Выше были рассмотрены фаунистические остатки Жоховской стоянки в связи с их тафономией, пространственным распространением, видовым и половозрастным составом. Культурные отложения стоянки, сформировавшиеся около 8000 л. н., подверглись разрушительному воздействию термоэрозионных и термокарстовых процессов и в результате этого были полностью разубожены. Материал, в итоге, сохранился во вторично замороженном состоянии в виде культуросодержащих толщ, заполнивших термокарстовые понижения рельефа. Тем не менее, несмотря на своеобразие геологии и тафономии, костные остатки стоянки сохраняют в главных чертах элементы изначальной пространственной структуры памятника и не являются следствием переотложения материала. Данный вывод подтверждает заключение, сформулированное ранее на основе изучения особенностей пространственного распространения массового каменного материала (Питулько и др., 2012). Таким образом, показано, что в его пределах имеется как минимум четыре участка (фактически отдельных стоянки), отражающих, вероятно, различные по времени эпизоды обитания, на настоящий момент неразличимые на основании статистики радиоуглеродных датировок. Подобный взаимный контроль выводов, полученных на основании анализа черт планиграфии массовых разновидностей культурных остатков, создает, как представляется, надежную основу для дальнейших интерпретаций материала стоянки. Данная методология может быть приложена к анализу иных стоянок каменного века Евразии.

Удалось существенно уточнить данные о характере стратегии жизнеобеспечения, использовавшейся обитателями Жоховской стоянки. Это своеобразная адаптационная модель подвижных сухопутных охотников, практиковавших промы-

сел северного оленя и белого медведя в отношении 2: 1, однако промысел медведя имел существенно большее значение и осуществлялся преимущественно в зимнее время на берлогах. Нигде более такая охотничья специализация не встречается, находки костей белого медведя в слоях эскимосских поселений повсеместно единичны (Питулько, 1998), в качестве пищевого ресурса белый медведь используется лишь в Гренландии (Sandell H., Sandell B., 1996). Благодаря выявленным следам охотничьего воздействия, удалось реконструировать не только стратегию, но и тактику промысла.

При приведенных минимальных значениях количества добытых животных (олень, MNI=245, медведь, MNI=130) обитателями стоянки было использовано около 15 тонн оленины и примерно 23 тонны медвежатины, т. е. суммарно около 40 тонн мяса. По оценке Н. К. Верещагина (Верещагин, 1971; Верещагин, Барышников, 1985), для палеолитических охотников Русской равнины норма дневного потребления могла составлять около 0,7 кг на человека. Она может быть и большей, но даже при подушевой норме 0,7 кг это эквивалент примерно 5700 человеко-дней, или менее года для группы из 20 человек, при условии равного потребления. Фактически ее численность вряд ли превышала 25–30 человек, это значение часто оказывалось оптимальным в практике жизнедеятельности арктических народов, что, вероятно, не случайно, поскольку находит подтверждение с точки зрения теорий психологии управления (Скопылатов, Ефремов, 2000). Таким образом, на основании приведенных цифр можно реконструировать примерно годовое пребывание людей на стоянке. Все это довольно условно, но, скорее всего, речь идет о нескольких (но немногих) годовых циклах обитания – во-первых, стоянка раскопана далеко не полностью, во-вторых, далеко не все добытое потреблялось именно на стоянке.

На основании уточненных данных о сезонности промысла северного оленя и белого медведя, полученных в результате оценки сезона гибели животных по регистрирующим структурам (табл. 12; рис. 17; 19), оказалось возможным реконструировать особенности годового хозяйственного цикла обитателей Жоховской стоянки. Ранее (Питулько, Каспаров, 1998) было не ясно, была ли она обитаема в зимнее время. Считалось, что это был базовый лагерь, использовавшийся, как минимум, в весенне-летний период.

Таблица 12. Структура добычи охотников Жоховской стоянки по сезонам

Table 12. Structural components of the prey of Zhokhov hunters by seasons

Вид + MNI	Метод определения сезона гибели	Весна	Лето	Осень	Зима
северный олень (MNI=245)	структура зубного цемента (N=29)	12	3	11	3
	износ коронки D ₄	9	4 (2-я половина)	24	13 (декабрь–январь)
всего с установленным сезоном гибели (N=77)		21	7	36	16
белый медведь (MNI=130)	структура зубного цемента (N=28)	5 (ранняя весна)	0	5	18
всего добыто (олень + медведь)		21 + 5	7 + 0	36 + 5	16 + 18
дополнительные ресурсы			птицы, рыба		

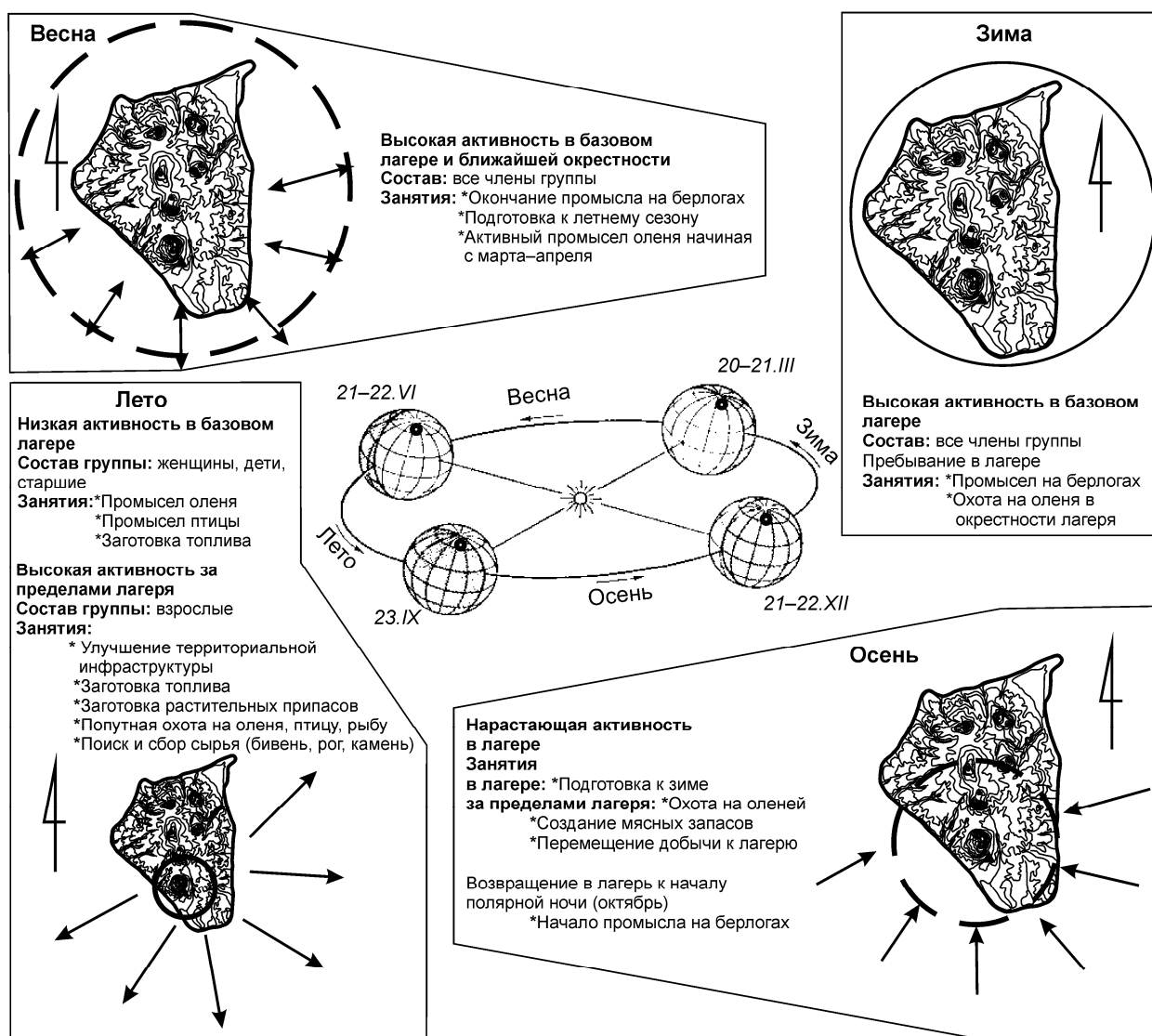

Рис. 24. Реконструкция годового хозяйственного цикла обитателей Жоховской стоянки.

Fig. 24. Reconstructed annual cycle of subsistence economy practiced by the inhabitants of the Zhokhov site.

Как оказалось, летняя активность в лагере была минимальной, за летние месяцы было убито 7 оленей и некоторое количество тундровых птиц, что возможно только летом. Напротив, зимний период характеризуется значительным объемом добычи (16 оленей, что много, хотя и уступает весенним месяцам, когда их добыто 21), в эти же месяцы добыта большая часть белых медведей (18 особей), и по 5 – осенью и весной. Осенняя добыча оленей характеризуется максимальным показателем – 36 особей.

Видимо, годовой хозяйственный цикл древних обитателей Жоховской стоянки выглядел следующим образом (рис. 24). В летний период на базовом лагере оставалась небольшая часть группы (женщины, дети, старшие), осуществлявшая вблизи лагеря промысел оленей (по потребности), птицы и рыбы для текущих нужд, в то время как группы взрослых находились на удалении от лагеря, занимаясь улучшением территориальной инфраструктуры (строительством и ремонтом временных убежищ, ловушек), сбором полезных растений, сбором сырья (ископаемого бивня мамонта и его длинных костей, использовавшихся для производства орудий, сброшенных рогов северного оленя, пригодного камня), организацией запасов топлива с попутным самоснабжением продукцией летней охоты и рыбной ловли. Отсутствие значительной части группы в базовом лагере позволяло снизить давление на местную группировку северного оленя и сохранить ее для зимнего использования.

В осенний период часть группы, находящаяся за пределами лагеря, начинала промысел северных оленей с целью создания запасов. Это осуществлялось после перехода ночных температур через 0°C, установления холодной погоды без мух, являющейся условием сохранения мяса простейшими средствами. Заготовленное мясо и иные припасы перемещали на базовый лагерь по нартенному пути после установления снежного покрова, но до начала полярной ночи. Видимо, к концу октября вся группа оказывалась в лагере. В ноябре–декабре начинали промысел на берлогах, который продолжали зимой, дополняя его охотой на оленей в окрестности лагеря. Возможно, также охотились на медведя с помощью ловушек.

Весной начинали подготовку к летнему сезону, охота на берлогах заканчивалась к апрелю месяцу, но в это время уже становилось совсем светло, появлялся олень, и начинался его актив-

ный промысел. Похожая организация хозяйственной деятельности в летнее время характерна, по наблюдениям одного из авторов (В. В. Питулько, р. Пегтымель на западной Чукотке, 1999 г.), для современных оленеводческих групп, с той лишь разницей, что взрослые мужчины группы заняты пастьбой стада, а не промыслом оленя-дикаря. Сходную практику документировали и кинографировали в Гренландии в 40–50-е гг. XX столетия Ж. Малори (2002), Й. Мелгард (*Meldgaard, 1952*) и Р. Эмерик (*Meldgaard, Emerick, 1954*).

Жизнедеятельность жоховских охотников существенно облегчалась тем, что территория о. Жохова тогда была еще окраиной прибрежной материковой равнины. Это мнение (*Анисимов и др., 2009б*) подтверждают, как представляется, рассмотренные в настоящей работе данные. Местные условия были достаточны для того, чтобы поддерживать небольшие группы охотников. Помимо необходимых пищевых и сырьевых ресурсов здесь имелся в достатке и важнейший в открытых пространствах ресурс, доступный вдоль береговых линий, – топливо в виде плавникового леса. Какова была территория группы, сказать невозможно, но, вероятно, речь может идти о площади, включавшей в себя крупные острова современного Новосибирского архипелага – о. Новая Сибирь и, возможно, о-ва Фаддеевский и Котельный.

Реконструированный годовой хозяйственный цикл обитателей Жоховской стоянки, сложившийся в рамках адаптационной модели «подвижных» сухопутных охотников, обладавших развитыми транспортными возможностями в форме упряжного собаководства, вряд ли может быть экстраполирован на все группировки населения арктических равнин Северо-Востока. Скорее можно полагать, что адаптации, практиковавшиеся данным населением, были вариabельны, а их основой в зоне тундры служил промысел северного оленя. В то же время стремление к использованию разнообразных, в том числе необычных пищевых ресурсов, подобных белому медведю, говорит о том, что основной традиционный ресурс – северный олень – был, скорее всего, в эпоху раннего голоцена недостаточен. Его убыль предположительно можно связывать с радикальной перестройкой природной среды на рубеже и в начале голоцена, в эпоху окончательного исчезновения в регионе многих видов фаунистического комплекса позднего неоплейстоцена.

Поиск альтернатив понуждал к освоению ресурсов прибрежной полосы, распределенных в Восточно-Сибирской Арктике крайне неравномерно. Тысячелетия спустя это привело к появлению на Северо-Востоке Азии форм морской адаптации, достигших совершенного воплощения в эскимосских культурах зоны Берингова пролива.

Благодарности. Исследования Жоховской стоянки, результаты которых обсуждаются в данной статье, были проведены в рамках исследовательского проекта «Zhokhov-2000» в 2000–2005 гг. С 2000 г. и по настоящее время эти работы поддерживаются научно-исследовательским неправительственным фондом Rock Foundation (Нью-Йорк, США), а также грантами Программы фундаментальных исследований РАН и Российского Фонда фундаментальных исследований. Авторы глубоко признательны всем участникам полевых работ на о. Жохова, благодаря трудолюбию которых был получен этот разносторонний материал. Отдельное спасибо агентству «ВИКААР», Санкт-Петербург, и лично Е. П. Савченко за логистическое сопровождение полевых работ. Специальная благодарность М. П. Журбенко (БИН РАН) за помощь, оказанную при подготовке фотодокументации результатов микроскопического исследования для установления сезона гибели животных Жоховской стоянки на основе анализа регистрирующих структур.

- Анисимов и др.*, 2009а – *Анисимов М. А., Павлова Е. Ю., Питулько В. В.* Голоцен Новосибирских островов // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы VI Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода / А. Э. Конторович, В. С. Волкова, И. В. Хазина, Л. Б. Хазин (ред.). Новосибирск, 2009.
- Анисимов и др.*, 2009б – *Анисимов М. А., Иванова В. В., Пушина З. В., Питулько В. В.* Лагунные отложения острова Жохова, их возраст, условия формирования и значение для палеогеографических реконструкций региона Новосибирских островов (Восточно-сибирский сектор Арктического шельфа Евразии) // Изв. РАН, сер. геогр. 2009. № 5.
- Барышников*, 2007 – *Барышников Г. Ф.* Семейство медвежьих (Carnivora, Ursidae). СПб., 2007 (Фауна России и сопредельных стран. Нов. сер., № 147; Млекопитающие; Т. 1, вып. 5).
- Баскин*, 2009 – *Баскин Л. М.* Северный олень. Управление поведением и популяциями. Оленеводство и охота. М., 2009.
- Беликов*, 1993 – *Беликов С. Е.* Белый медведь // Медведи: бурый медведь, белый медведь, гималайский медведь / М. А. Вайсфельд, И. Е. Честин (ред.). М., 1993.
- Верещагин*, 1971 – *Верещагин Н. К.* Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Труды ЗИН. Л., 1971. Т. 49.
- Верещагин, Барышников*, 1985 – *Верещагин Н. К., Барышников Г. Ф.* Вымирание млекопитающих в четвертичном периоде северной Евразии // Труды ЗИН. Л., 1985. Т. 93.
- Гаврилов и др.*, 2006 – *Гаврилов А. В., Романовский Н. Н., Хуббертен Х.-В.* Палеогеографический сценарий послеледниковой трансгрессии на шельфе моря Лаптевых // Криосфера Земли. 2006. Т. 10. № 1.
- Груздев, Сипко*, 2007 – *Груздев А. Р., Сипко Т. П.* Северный олень (*Rangifer tarandus L.*) острова Врангеля: динамика популяции и современное состояние // А. Р. Груздев (ред.). Природа острова Врангеля: современные исследования. СПб., 2007.
- Дегтяренко и др.*, 1982 – *Дегтяренко Ю. П., Пуминов А. П., Благовеценский М. Г.* Береговые линии восточноарктических морей в позднем плейстоцене и голоцене // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. М., 1982.
- Диков*, 1979 – *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Диков*, 1993 – *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993.
- Кирьяк и др.*, 2003 – *Кирьяк М. А., Глушкова О. Ю., Браун Т. А.* Верхнепалеолитические комплексы долины реки Тытыльваам (Заполярная Чукотка) // АЭАЕ. 2003. № 3 (15).
- Кищинский*, 1976 – *Кищинский А. А.* Белый медведь // *Шикин И. Б., Слудский А. А., Покровский В. С., Алеев Ф. Ф., Кищинский А. А., Кучеренко С. П., Попов Л. Б.* Крупные хищники. М., 1976.
- Клевезаль*, 1988 – *Клевезаль Г. А.* Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М., 1988.
- Клевезаль*, 2007 – *Клевезаль Г. А.* Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М., 2007.
- Крупник*, 1989 – *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. М., 1989.
- Макеев и др.*, 1991 – *Макеев В. М., Питулько В. В., Каспаров А. К.* Архипелаг Де-Лонга: природная среда и человек в раннем голоцене // Известия РГО. СПб., 1991. Т. 124, вып. 3.
- Малори*, 2002 – *Малори Ж.* Последние короли Туле. С полярными эскимосами навстречу их судьбе. СПб., 2002.
- Никольский, Питулько*, 2013 – *Никольский П. А., Питулько В. В.* Зависимость численности мамонтов от климата в связи с проблемой их вымирания (по массовому ¹⁴C датированию остатков мамонтов из Арктической Сибири) // Stratum Plus. Кишинев, 2013. № 1.
- Орехов*, 1998 – *Орехов А. А.* Приморская адаптация древнего человека Северной Пацифики // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения. Магадан, 1998. Т. 2.
- Павлова, Питулько*, 2013 – *Павлова Е. Ю., Питулько В. В.* Ландшафтно-климатические условия сартанского криохрона Новосибирских островов и Яно-Индиригской низменности // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов н/Д, 2013.
- Павлова и др.*, 2010 – *Павлова Е. Ю., Анисимов М. А., Дорожкина М. В., Питулько В. В.* Следы древнего оледенения на о. Новая Сибирь (Новосибирские острова) и природные условия района в позднем неоплейстоцене // Лед и Снег. 2010. № 2.
- Питулько*, 1988 – *Питулько В. В.* Новые стоянки с каменным инвентарем на Крайнем Северо-Востоке Европейской части СССР // Памятники неолита и бронзы. М., 1988 (КСИА; Вып. 193).
- Питулько*, 1998 – *Питулько В. В.* Жоховская стоянка. СПб., 1998.
- Питулько*, 2000 – *Питулько В. В.* Миражи неоткрытых земель // Северные просторы. М., 2000. № 4.
- Питулько*, 2001 – *Питулько В. В.* Морские адаптации на северо-востоке Азии // Диковские чтения: Материалы научно-практич. конф. / А. И. Лебединцев, Т. Ю. Гоголева (ред.). Магадан, 2001.
- Питулько*, 2004 – *Питулько В. В.* Отчет об археологических исследованиях, предпринятых в 2003 г. на о. Жохова и прилегающих островах, а также в нижнем течении р. Яны // Архив ИА РАН.
- Питулько*, 2008 – *Питулько В. В.* Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту ра-

- бот на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 2 (34).
- Питулько, 2011 – Питулько В. В. О работах экспедиции «Высокоширотная Арктика: природа и человек» (проект «Жохов-2000») на Новосибирских о-вах в 2000–2005 гг. // Полярный альманах / Р. Алиев, Ю. Бурлаков (ред.). М., 2011.
- Питулько, 2012 – Питулько В. В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // Методика полевых археологических исследований. М., 2012. Вып. 7: Исследования памятников эпохи палеолита.
- Питулько, Каспаров, 1998 – Питулько В. В., Каспаров А. К. Древние охотники высокоширотной Арктики: материальная культура и стратегия жизнеобеспечения // АВ. СПб., 1998. № 5.
- Питулько, Павлова, 2010 – Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.
- Питулько и др., 2004 – Питулько В. В., Каспаров А. К., Анисимов М. А. Стоянка Олений Ручей в Центральном Таймыре // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене / П. А. Никольский, В. В. Питулько (ред.). М., 2004.
- Питулько и др., 2011 – Питулько В. В., Базилян А. Э., Павлова Е. Ю. Результаты изучения Берелехского геоархеологического комплекса объектов в 2009 году // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: Материалы Всероссийской науч. конф. «Марковские чтения 2010 года» / Н. С. Болиховская, С. С. Фаустов (ред.). М., 2011. Вып. 3.
- Питулько и др., 2012 – Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Иванова В. В., Гиря Е. Ю. Жоховская стоянка: геология и каменная индустрия (предварительный обзор работ 2000–2005 гг.) // Stratum plus. Кишинев, 2012. №1.
- Скопылатов, Ефремов, 2000 – Скопылатов И. А., Ефремов О. Ю. Управление персоналом. СПб., 2000.
- Сыроечковский, 1986 – Сыроечковский Е. Е. Северный олень. М., 1986.
- Успенский, 1989 – Успенский С. М. Белый медведь. М., 1989.
- Хлобыстин, 1998 – Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья. СПб., 1998.
- Andreev et al., 2009 – Andreev A. A., Grosse G., Schirmermeister L., Kuznetsova T. V., Kuzmina S., Bobrov A. A., Tarasov P. A., Novenko E. Y., Meyer H., Derevyagin A. Y., Kienast F., Bryantseva A., Kunitsky V. V. Weichselian and Holocene palaeoenvironmental history of the Bol'shoy Lyakhovskiy Island, New Siberian Archipelago, Arctic Siberia // Boreas. 2009. Vol. 38.
- Bauch et al., 2001 – Bauch H. A., Mueller-Lupp T., Taldenkova E., Spielhagen L. F., Kassens H., Grootes P. M., Thiede J., Heinemeier J., Petryashov V. V. Chronology of the Holocene transgression at the North Siberian margin // Global and Planetary Change. 2001. Vol. 31.
- Dixon, 1975 – Dixon J. R. The Gallagher Flint Station, an Early Man Site on the North Slope, Arctic Alaska, and Its Role in Relation to the Bering Land Bridge // Arctic Anthropology. 1975. Vol. 12. No. 1.
- Grønnow, 1988 – Grønnow B. Prehistory in Permafrost. Investigations at the Saqqaq Site, Qeqertasussuk, Disco Bay, West Greenland // Journal of Danish Archaeology. 1988. Vol. 7.
- Grønnow, Jensen, 2003 – Grønnow B., Jensen J. F. The Northernmost Ruins of the Globe. Eigel Knuth's Archaeological Investigations in Peary Land and Adjacent Areas of High Arctic Greenland. National Museum of Denmark. Copenhagen, 2003.
- Gusev, 2002 – Gusev S. V. The Early Holocene site of Naivan: the earliest dated site in Chukotka // University of Oregon Anthropological Papers. 2002. Vol. 59.
- Knuth, 1962 – Knuth E. A Report of the First Peary Land Expedition // Polar Record. 1962. Vol. 6. No. 44.
- Kunz, Renier, 1996 – Kunz M., Renier R. Mesa Site, Iterial Creek // American Beginnings / F.-H. West (ed.). Chicago; London, 1996.
- Meldgaard, 1952 – Meldgaard J. Nuuk Fjord film (1952).
- Meldgaard, Emerick, 1954 – Meldgaard J., Emerick R. Igloodik sammendrag film (1954).
- Nikolskiy et al., 2010 – Nikolskiy P. A., Basiyan A. E., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V. Prelude to the Extinction: Revision of the Achchagyi-Allaika and Berelyokh mass accumulations of mammoth // Quaternary International. 2010. Vol. 219.
- Pitulko, 1993 – Pitulko V. V. An Early Holocene Site in the Siberian High Arctic // Arctic Anthropology. 1993. Vol. 30. N 1.
- Pitulko, 2000 – Pitulko V. V. The Zhokhov-2000 Project: history, research and results // Terra Nostra. 2000. N 8.
- Pitulko, 2003 – Pitulko V. V. The Bear-Hunters of the Zhokhov Island, East Russian Arctic // Hunter-Gatherers of the North Pacific Rim / J. Habu, J. Savelle, S. Koyama, H. Hongo (eds.). Senri Ethnological Series. 2003. N 63.
- Pitulko, Kasparov, 1996 – Pitulko V. V., Kasparov A. K. Ancient Arctic Hunters: Material Culture and Subsistent Strategy // Arctic Anthropology. 1996. Vol. 33. N 1.
- Pitulko, Makeyev, 1991 – Pitulko V. V., Makeyev V. M. Ancient Arctic Hunters // Nature. 1991. Vol. 349. No. 6308.
- Pitulko, Odess, 2001 – Pitulko V. V., Odess D. P. Zhokhov 2000: A Progress Report on the Interdisciplinary Research // LAII All-Hands Meeting Abstracts. Salt Lake City. November 2001. Salt Lake City, 2001.
- Pitulko et al., 2004 – Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Giryа E. Y., Basiyan A. E., Tumskey V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Y., Anisimov M. A. The Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. 2004. Vol. 303. N 5654.
- Rankama, 2003 – Rankama T. The Colonization of Northernmost Finnish Lapland and the Inland Areas of Finnmark // Mesolithic on the Move / L. Larsson, H. Kindgren, K. Knutsson, D. Loeffler, A. Åkerlund (eds). Oxbow Books: Oxford, 2003.
- Renier, 1996 – Renier R. Putu and Bedwell // American Beginnings / F.-H. West (ed.). Chicago; London, 1996.
- Sandell H., Sandell B., 1996 – Sandell H., Sandell B. Polar Bear Hunting and Hunters in Ittoqqortoormiit/Scoresbysund, NE Greenland // Arctic Anthropology. 1996. Vol. 33. N 2.
- Solecki, 1996 – Solecki R. S. Prismatic Core Sites on the Kukpowruk and Kugururok // American Beginnings / F.-H. West (ed.). Chicago; London, 1996.
- Šumkin, 1990 – Šumkin V. Y. On the Ethnogenesis of the Saami: An Archaeological View // Acta Borealia. 1990. Vol. 2.

Taphonomy, Spatial Distribution, Species Composition and Seasonality of Faunal Remains from Excavations of the Zhokhov Site, De Long Islands, East Siberian Arctic (Field Seasons 2000 through 2005 Supplemented with the Materials Obtained in 1989 and 1990)

V. V. Pitul'ko, V. V. Ivanova, A. K. Kasparov, E. Yu. Pavlova

The site of Zhokhov situated at latitude 76 degrees N in the Arctic Siberia (Zhokhov Island, De Long Islands, New Siberian Archipelago) is one of the northernmost archaeological sites in the world and a very ancient vestige of occupation of high latitudes by man. Indeed, this territory was settled as early as about 8000 BP – in the beginning of the Holocene. Systematic studies of the Zhokhov site started in 1989-90 during expedition A-162 of the Arctic and Antarctic Research Institute which conducted investigations on islands of the New Siberian Archipelago. The results of the works discussed in this article were obtained in 2000–2005 according to the research project «Zhokhov-2000» initiated by the prominent American anthropologist Edmund S. Carpenter with a support of the Rock Foundation (New-York, USA).

The present paper considers the faunal remains from the Zhokhov site in terms of their taphonomy, spatial distribution, species and age- and sex-related composition. The cultural deposits at the site arose about 8000 BP. They suffered from destructive effects of thermo-erosion and thermokarstic processes having survived in a re-frozen state in the form of strata filling thermokarstic depressions of the relief. Nevertheless, despite the peculiarity of the geology and taphonomy, they largely retain elements of the original spatial structure of the site. It has been demonstrated that within the territory studied there are areas concerned with cycles of human occupation of different periods.

It became possible to obtain considerably more precise data on the character of the subsistence strategy practised by inhabitants of the Zhokhov site. This was a peculiar adaptation model of mobile land hunters occupied with hunting reindeer and

polar bears, the ratio of these species having been 2 : 1. Owing to the studied traces of hunting activities it was possible to reconstruct not only the strategy but also the tactic of hunting. Reindeer hunting was all-seasonal whereas hunting of bears was conducted mostly in winters and, mostly, at lairs.

On the basis of more precise data on seasonality of hunting of reindeer and polar bears, as identified through evaluation of the seasons of the death of the animals through certain indicative marks, it has proved possible to reconstruct the character of the annual economic cycle of the dwellers of the site of Zhokhov. It has been established that we are dealing with a base camp occupied all year round. The summer activities at the site were rather not intensive. On the contrary, winter periods were characterized by a considerable increase of the amounts of killed animals and it was during the same months that most of polar bears were butchered. Most of reindeer were hunted in autumn.

The mode of subsistence of the Zhokhov hunters was essentially facilitated by the fact that the area of Zhokhov Island, during the period under study, still was a margin of a coastal continental plain. This supposition, as it seems, is confirmed by the evidence obtained during the investigations here presented. The local natural conditions were satisfactory for subsistence of small groups of hunters. In addition to the necessary amounts of food and raw materials, there was here abundant fuel in the form of coastal driftwood — extremely important material in the open spaces. It is impossible to tell about the area occupied by the group; perhaps it included the larger islands of what is now the New Siberian Archipelago — New Siberia Island, and possibly the islands of Fadeyevsky and Kotelny.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КУМСАЙ (ТАДЖИКИСТАН)¹

Ю. Г. Кутимов²

Осенью 2012 г. Таджикистанская экспедиция ИИМК РАН³ проводила археологические исследования в окрестностях кишлака им. М. Горького Турсунзадевского района Республики Таджикистан. Полевой проект осуществлялся за счет финансовых средств, выделенных Российским гуманитарным научным фондом (проект №12-01-18003е), а также при организационной поддержке со стороны Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан и Министерства культуры Республики Таджикистан.

Основная цель полевых работ заключалась в исследовании могильника эпохи поздней бронзы Кумсай. Памятник был открыт местными жителями в середине 80-х гг. XX в. на восточной окраине кишлака им. М. Горького при строительстве одного из участков мелиоративного канала Ямчи. Спасательные археологические раскопки могильника проводились в 1987–1988 гг. под руководством Н. М. Виноградовой и Л. Т. Пьянковой. В результате этих раскопок было обнаружено 21 погребение эпохи поздней бронзы (Виноградова, Пьянкова, 1990; Виноградова, 2004. С. 77–83). Осенью 2007 г. на могильнике Кумсай проводились кратковременные разведывательные раскопки под руководством Ю. Г. Кутимова, в ходе которых было открыто еще одно погребение эпохи поздней бронзы

(Виноградова и др., 2009). Исследования 2007 г. показали, что данный памятник раскопан частично и требует дальнейшего археологического изучения.

Могильник Кумсай находится в 400 м к востоку от кишлака им. М. Горького Турсунзадевского района Республики Таджикистан⁴ (рис. 1). Памятник лежит в западной части Гиссарской долины, в предгорной зоне южных склонов Гиссарского хребта, в междуречье Каратага и Ширкента.

Могильник расположен на южном склоне большого лессового холма, верхняя часть которого в настоящее время используется местными жителями в качестве кладбища-мазара (рис. 2). Естественный рельеф в месте расположения могильника в значительной степени был изменен строительными работами, связанными с прокладкой сельскохозяйственного канала Ямчи в первой половине 80-х гг. XX в. При сооружении канала нижняя часть склона холма, на которой находится могильник Кумсай, была террасирована, затем по созданной террасе был прокопан канал шириной около 7 м и глубиной около 3 м. В настоящее время канал не используется. По сообщениям местных жителей, в ходе строительства канала на поверхность земли ковшем экскаватора были извлечены человеческие кости и обломки керамической посуды. Очевидно, что значительная часть могильника Кумсай была уничтожена строительными работами.

Археологические раскопки 2012 г. являются продолжением раскопок 1987–1988 и 2007 гг. Основная задача исследования состояла в определении возможных границ могильника с северной и западной сторон. К раскопу 1987–1988 гг. была сделана прирезка в северо-западном направлении, вверх по склону холма (рис. 3).

⁴ Точные GPS координаты могильника: N 38° 34' 46.2" – E 68° 14' 40.9", средняя высота 845 м (в системе WGS 84).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №12-01-18003е).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

³ Состав экспедиции: начальник экспедиции – к. и. н. Ю. Г. Кутимов (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), научный сотрудник – к. и. н. Н. М. Виноградова (ИВ РАН, Москва), полевой архитектор – М. Н. Никитина (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), антрополог – А. И. Нечвалода (ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа).

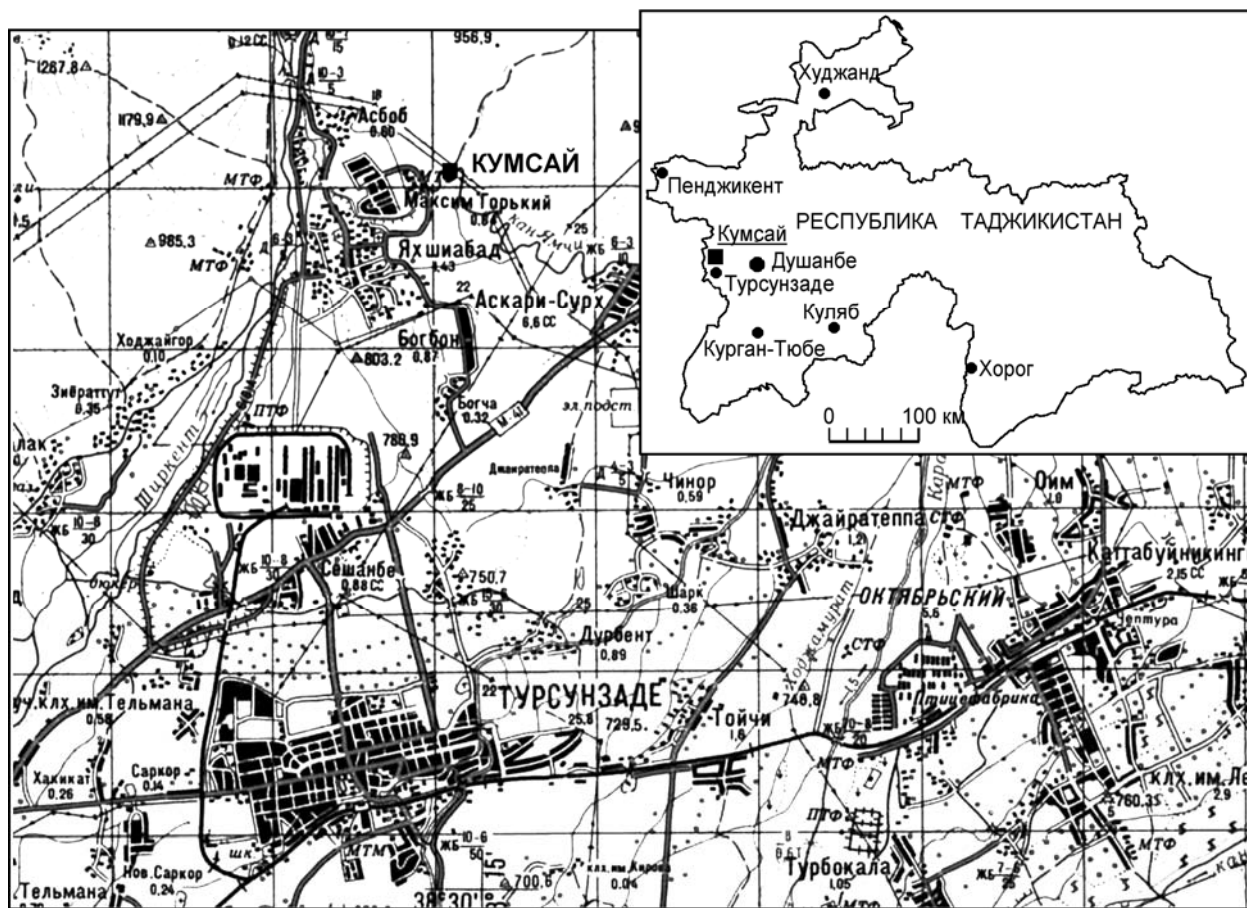

Рис. 1. Могильник Кумсай. Географическое положение

Fig. 1. Cemetery of Kumsay. Geographic situation

Поквадратная разбивка новых участков (квадраты от А до М) основана на сетке квадратов раскопа 1987–1988 гг. Общая площадь раскопанного в 2012 г. участка составила 204 кв. м (рис. 4).

Стратиграфическая ситуация в данном месте в целом соответствует структуре лессовых почв Таджикистана. Сверху располагается современный гумусный слой толщиной около 5–10 см, под ним расположен древний гумусный слой толщиной около 15–20 см, ниже него идет слой лесса толщиной 100–130 см с мелкими кальцинированными включениями (лесс с «журавчиками»), далее начинается чистый лесс светло-коричневого цвета (рис. 5).

В ходе раскопок были найдены пять погребений, которые датируются поздним бронзовым веком. Нумерация погребениям дана сквозная, начиная с номера 23, с учетом раскопанных в 1987–1988 гг. погребений 1–21 и раскопанного в 2007 г. погребения 22.

Описание погребений

Погребение 23 (рис. 6). Расположено в квадратах Д-Е/7-8.

Погребение находилось на глубине 140 см от современной поверхности. Конструкция захоронения – катакомбная, входная яма в нижней части имеет ступеньку. При сооружении погребения входная яма была заложена большим количеством камней – крупной речной галькой. На уровне древней поверхности погребение было отмечено выкладкой из камней. Каменный заклад входной ямы частично провалился внутрь погребальной камеры. Погребальная камера овальной формы, максимальный диаметр около 160 см, выкопана в сторону повышения склона. Входная ступенька высотой 16 см, трапециевидной в плане формы. Заполнения могилы составлял лесс с «журавчиками». В могиле находились отдельные разрозненные детские кости черепа, рук и ног в сильно потревоженном состоянии. Положение умершего в могиле не ясно.

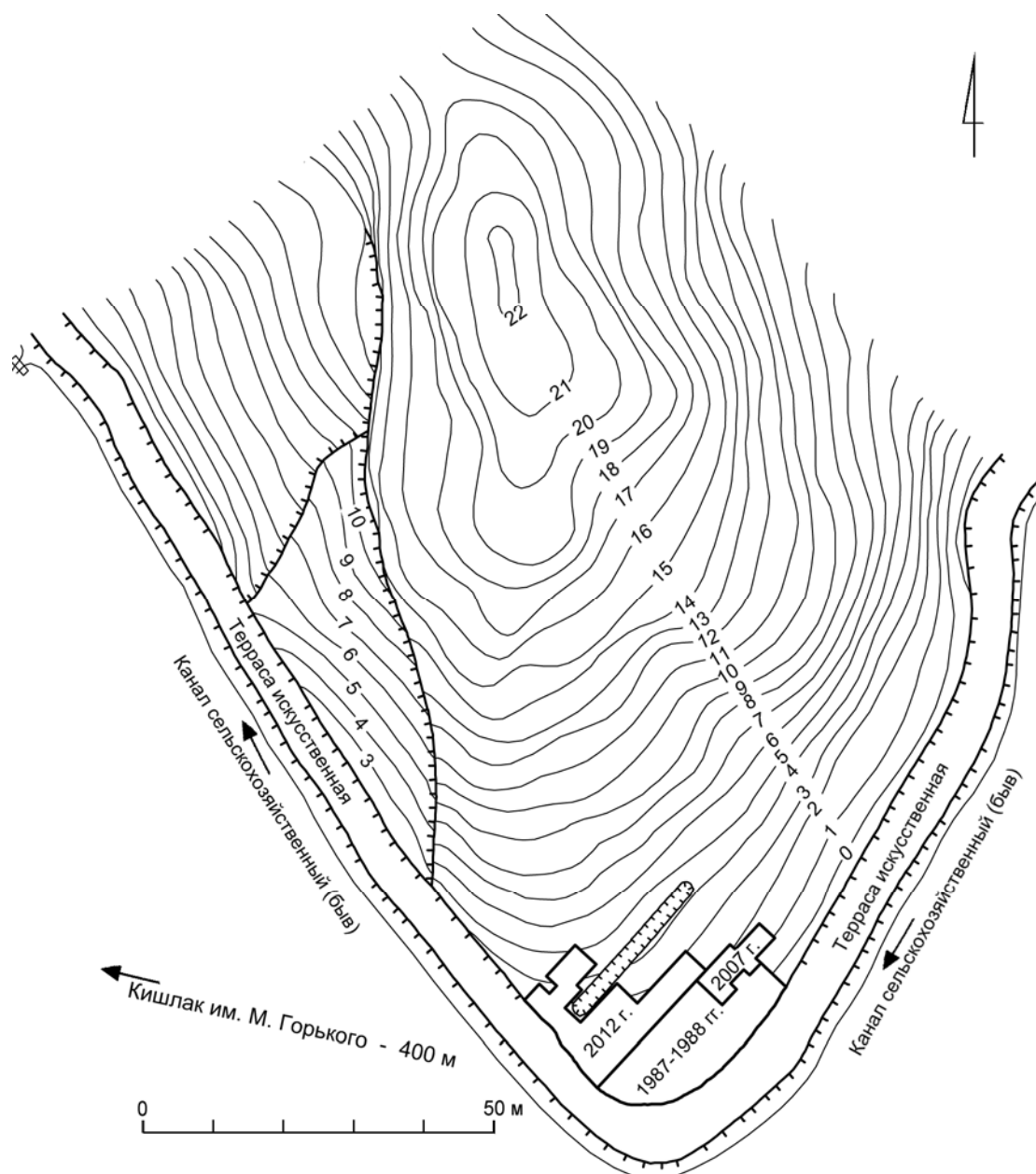

Рис. 2. Могильник Кумсай. Топографический план.

Fig. 2. Cemetery of Kumsay. Topographic plan.

Остатки черепа лежали в юго-западной части погребальной камеры. Пол: не определен (?), возраст: 6–8 лет.

Сопроводительный инвентарь:

Обломок бронзовой бусины – 1 экз. (рис. 6, 4), цилиндрической формы, длиной 10 мм, диаметром 5 мм. Бусина найдена в центральной части погребальной камеры.

Погребение 24 (рис. 7). Расположено в квадрате Ж/8.

Погребение находилось на глубине 150 см от современной поверхности. Конструкция захоро-

нения – катакомбная, входная яма в нижней части имеет ступеньку. При сооружении погребения входная яма была заложена большим количеством камней – крупной речной галькой. На уровне древней поверхности погребение было отмечено выкладкой из камней. Каменный заклад входной ямы частично провалился внутрь погребальной камеры. Погребальная камера овальной формы, максимальный диаметр около 160 см, выкопана в сторону повышения склона. Входная ступенька высотой 12 см, овальной в плане формы. Заполнение могилы составлял

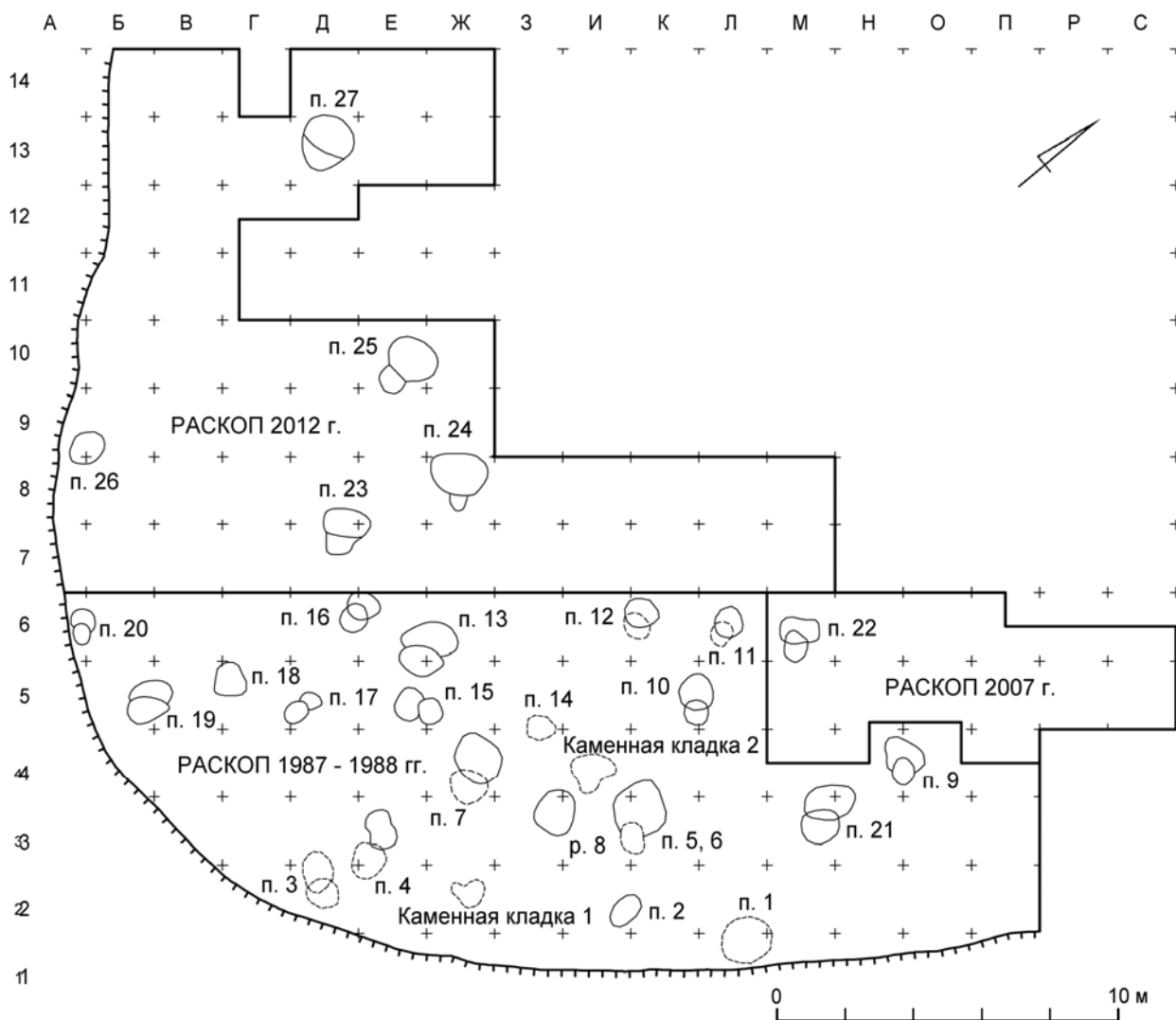

Рис. 3. Могильник Кумсай. Раскопы 1987–1988, 2007 и 2012 гг. Сводный план раскопов

Fig. 3. Cemetery of Kumsay. Excavations of 1987–1988, 2007 and 2012. Composite plan of excavations.

лесс с «журавчиками». В могиле обнаружен скелет погребенного в скорченном положении человека. Умерший лежал на правом боку, ноги поджаты к тазу, кисть правой руки около лица, кисть левой руки в области живота. Головой погребенный был ориентирован на восток. Пол: женский, возраст: 20–25 лет.

Сопроводительный инвентарь:

1) Бронзовые бусины – 8 экз. (рис. 7, 3–10), биконической формы, шириной около 5 мм, диаметр около 8–9 мм. В одну из бусин вставлена другая, меньшего диаметра. Семь бусин найдены в области щиколотки правой ноги, одна бусина – около пяточной кости левой ноги.

2) Керамический сосуд – 1 экз. (рис. 7, 11) – гончарный горшок молалинского типа, плоско-

донный, с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, светло-коричневого цвета. На стенках сосуда есть три округлых отверстия диаметром около 5 мм – следы сверления. Придонная часть несколько деформирована – вероятный брак при изготовлении. Высота сосуда – 185 мм, диаметры: венчика 101 мм, тулова 197 мм, днища 80 мм. Сосуд лежал в могиле на боку, между коленями и локтем правой руки умершей. Сверху сосуд был придавлен камнем от провалившегося внутрь заклада погребальной камеры.

Погребение 25 (рис. 8). Расположено в квадратах Е-Ж/9-10.

Погребение находилось на глубине 150 см от современной поверхности. Конструкция погребения – катакомбная, входная яма со ступенькой

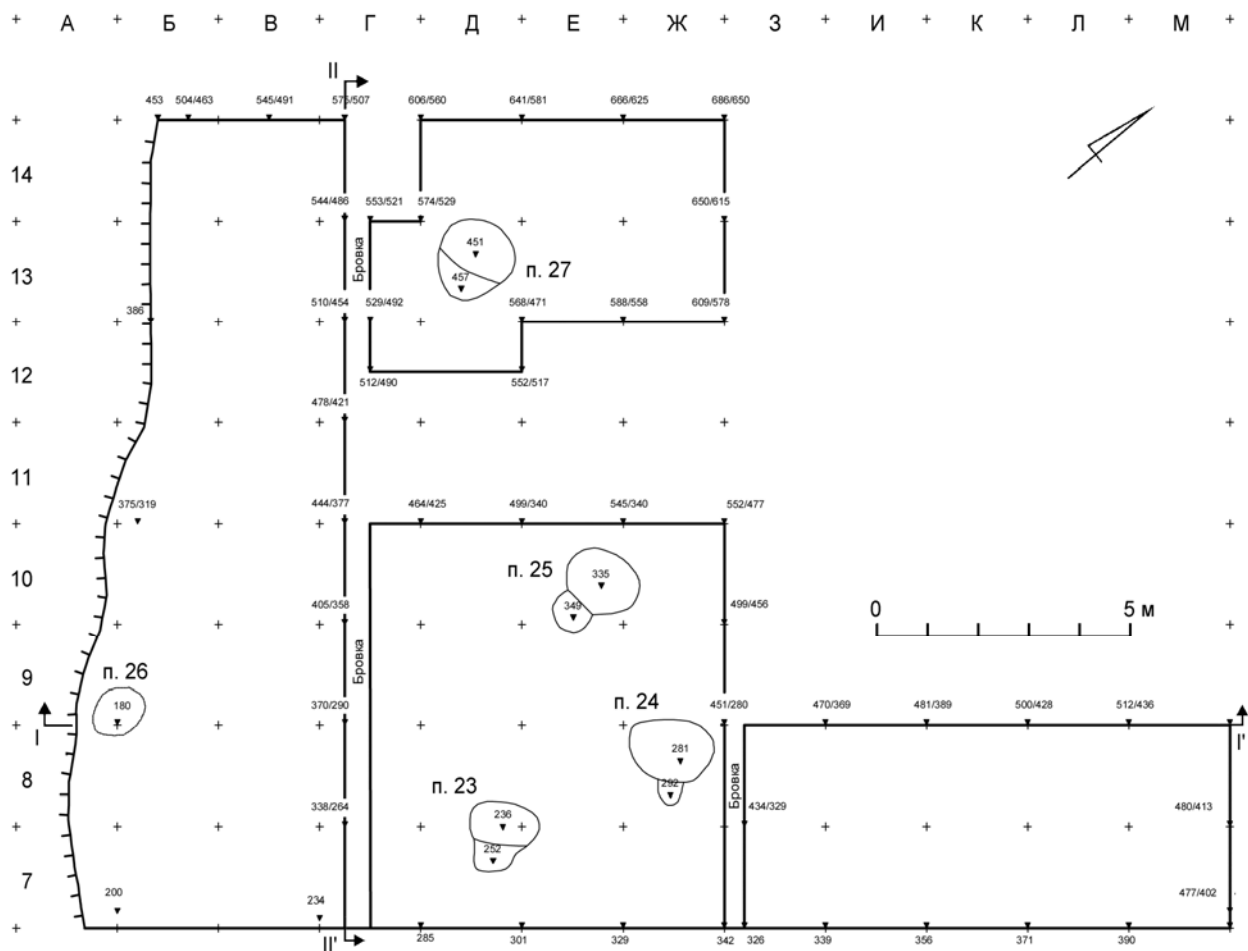

Рис. 4. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г. План

Fig. 4. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012. Plan.

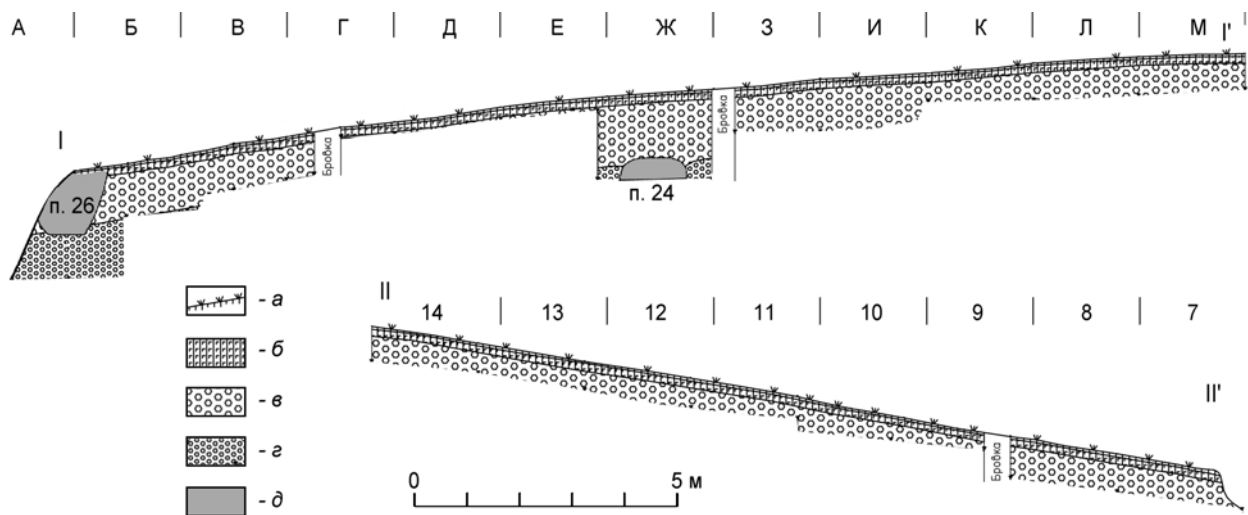

Рис. 5. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г. Разрезы I-I' и II-II'.

Условные обозначения: а – гумус современный; б – гумус древний; в – лесс с «журавчиками»; г – лесс чистый; д – лесс перетотложенный (заполнение погребальной ямы)

Fig. 5. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012. Sections I-I' and II-II'.

Notations: а – modern humus; б – ancient humus; в – loess with loess-concretions; г – pure loess; д – re-deposited loess (fill of the burial pit).

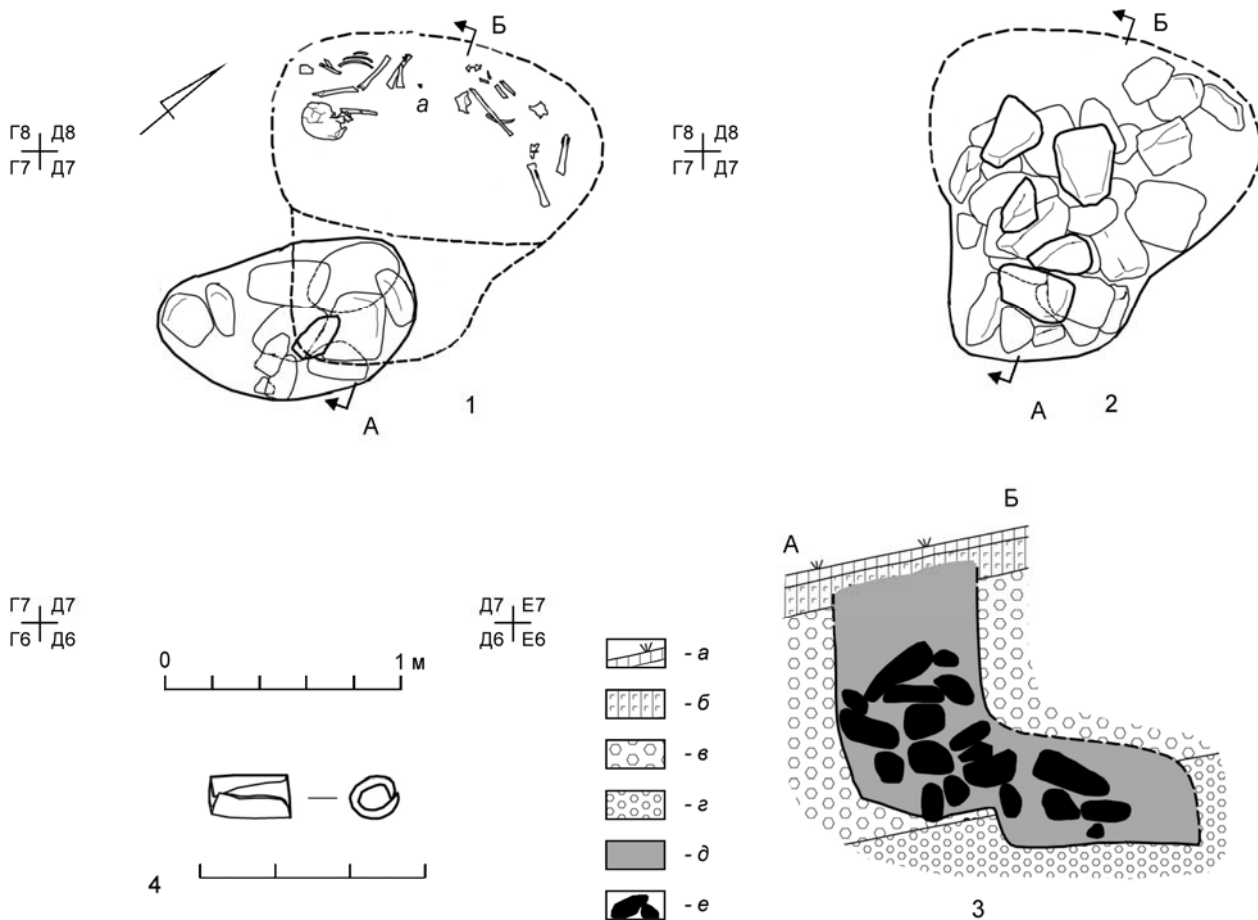

Рис. 6. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г. Погребение 23:

1 – план (а – бронзовая бусина); 2 – разрез; 3 – каменный заклад; 4 – бронзовая бусина. Условные обозначения: а – гумус современный; б – гумус древний; в – лесс с «журавчиками»; з – лесс чистый; д – лесс переотложенный (заполнение погребальной ямы); е – камни.

Fig. 6. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012. Burial 23.

1 – plan (a – bronze bead); 2 – section; 3 – stone blockage; 4 – bronze bead. Notations: a – modern humus; б – ancient humus; в – loess with loess- concretions; з – pure loess; д – re-deposited loess (fill of the burial pit); e – stones.

заложена крупными камнями. Погребальная камера овальной формы, максимальный диаметр около 150 см, выкопана в сторону повышения склона. Входная ступенька высотой 15 см, овальной в плане формы. Заполнение могилы составлял лесс с «журавчиками». На дне погребальной камеры лежал скелет погребенного в частично потревоженном состоянии, плохой сохранности. Сохранились только отдельные крупные кости рук и ног, частично позвонки и ребра, нижняя челюсть. Череп был разрушен в результате деятельности грызунов: на месте, где он находился, была обнаружена большая нора, из заполнения которой были извлечены отдельные фрагменты черепной коробки и обломки керамического сосуда. Последний, вероятно, стоял в могиле около головы умершего. Погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении, ноги

поджаты к телу, положение рук не ясно. Головой он был ориентирован на северо-восток–восток. Пол: женский, возраст: 20–25 лет.

В 50 см к западу от входной ямы на глубине 20 см от современной дневной поверхности было обнаружено скопление из шести небольших камней, а в 150 см к северо-востоку от погребальной камеры на такой же глубине был найден маленький фрагмент гончарной керамики с красным ангобом земледельческого (молалинского) типа.

Сопроводительный инвентарь:

1) Пастовые бусины – 5 экз. (рис. 8, 3–7), различной формы: овально-цилиндрической – 2 экз. (длина около 10 мм, диаметр 5–8 мм); круглой – 1 экз. (длина 3 мм, диаметр 6 мм); круглой формы двусоставная – 1 экз. (длина 5 мм, диаметр 7 мм); круглой формы четырехсоставная (обломок) – 1 экз.

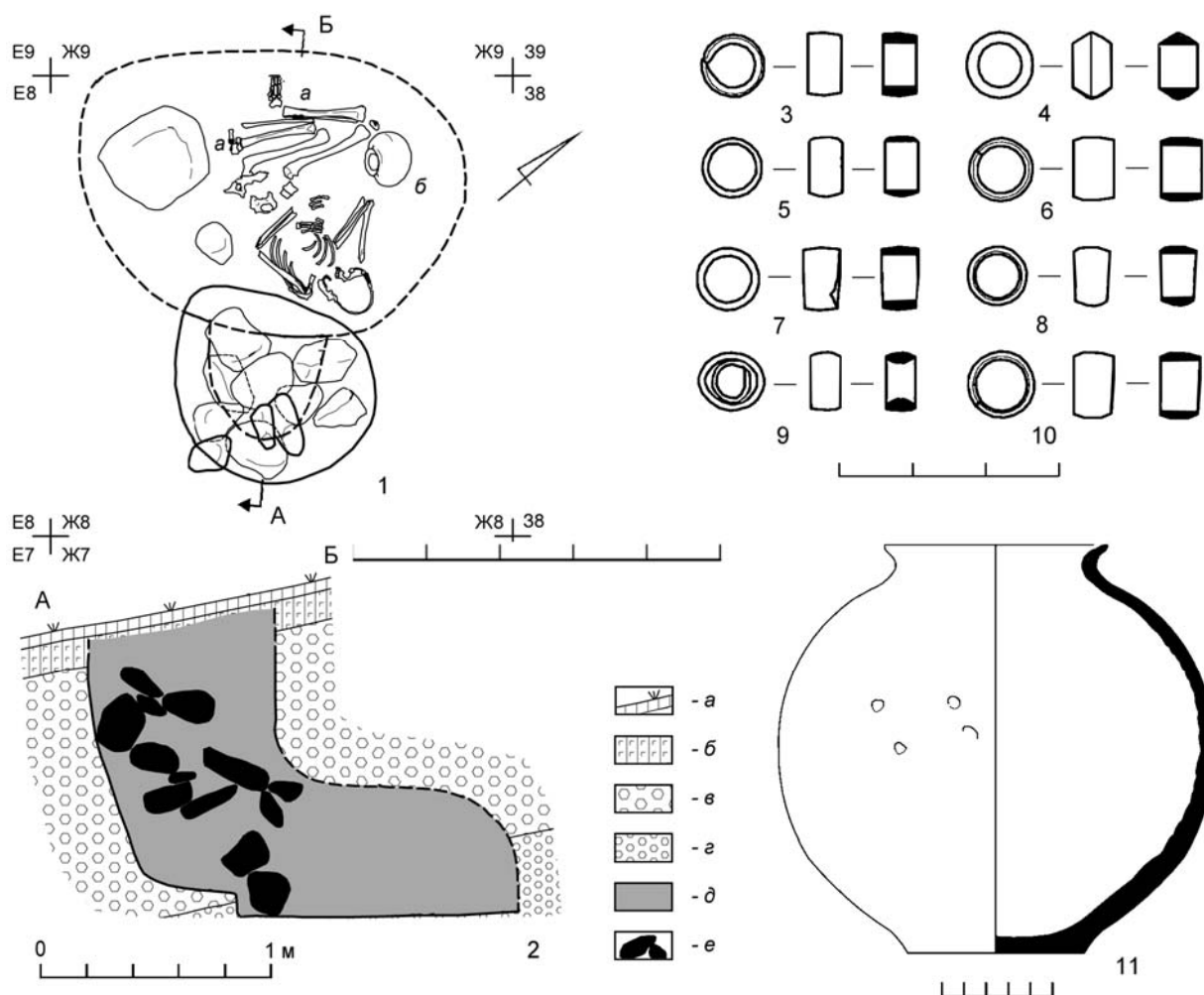

Рис. 7. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г. Погребение 24:

1 – план (а – бронзовые бусины; б – керамический сосуд); 2 – разрез (условные обозначения см. рис. 6); 3–10 – бронзовые бусины; 11 – сосуд

Fig. 7. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012. Burial 24:

1 – plan (a – bronze beads; b – ceramic vessel); 2 – section (for notations see Fig. 6); 3–10 – bronze beads; 11 – jar.

(длина 10 мм, диаметр 6 мм). Одна пастовая бусина круглой формы была найдена около костей рук, остальные – около предполагаемого местонахождения головы умершей.

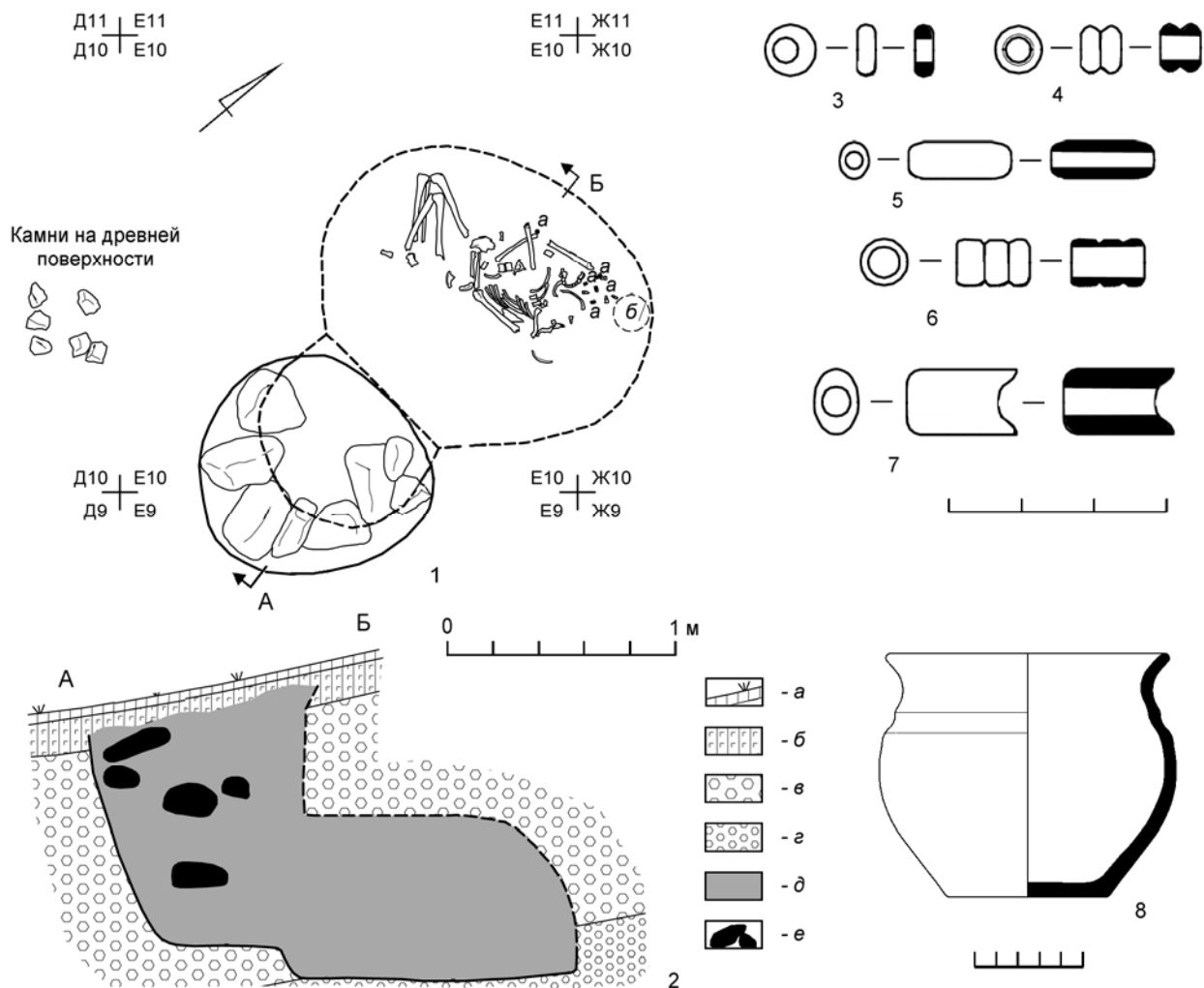
2) Обломки одного керамического сосуда (рис. 8, 8). Это лепной, темно-серого цвета плоскодонный горшок андроновского типа, с отогнутым наружу венчиком. Под венчиком расположены два ряда так называемых каннелюр, в тесте имеется значительная примесь дресвы, обжиг неравномерный, внешняя поверхность сосуда сильно закопчена. Сосуд имеет плохую сохранность: выделяются два фрагмента верхней части венчика с туловом и днище, остальная часть – в мелких обломках.

Погребение 26 (рис. 9, 1). Расположено в квадратах А-Б/8-9.

Остатки разрушенного погребения были обнаружены на краю обрыва. На глубине 90 см от современной поверхности был найден камень, в 40 см к северу от камня, на глубине 120 см были обнаружены небольшие фрагменты костей ног взрослого человека. Находок нет. Пол и возраст не определяются.

Погребение 27 (рис. 10). Расположено в квадратах Д/13-14.

Погребение находилось на глубине 140 см от современной поверхности. Конструкция погребения – катакомбная, входная яма со ступенькой заложена камнями. Погребальная камера овальной формы, максимальный диаметр около 150 см, выкопана в сторону повышения склона. Входная ступенька невысокая, около 7 см. Вдоль ступеньки, на полу погребальной камеры, был выложен

Рис. 8. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г. Погребение 25:

1 – план (*a* – пастовые бусины; *b* – развал керамического сосуда); 2 – разрез (условные обозначения см. рис. 6); 3–10 – пастовые бусины; 11 – сосуд

Fig. 8. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012. Burial 25:

1 – plan (*a* – paste beads; *b* – crushed ceramic vessel); 2 – section (for notations see Fig. 6); 3–10 – paste beads; 11 – vessel.

ряд специально подобранных уплощенных камней, которые, вероятно, представляли собой опоры в основании заклада входной ямы, подпиравшие вышележащие камни заклада изнутри погребальной камеры. Заполнение могилы составлял лесс с «журавчиками». На дне погребальной камеры лежал скелет погребенного на левом боку, лицом ко входу в камеру, в скорченном положении, ноги поджаты к телу, руки сложены перед лицом. Головой умерший был ориентирован на северо-восток–восток. Пол: женский, возраст: 20–25 лет.

Сопроводительный инвентарь:

1) Бронзовые бусины – 8 экз. (рис. 10, 3–10), круглой, биконической формы, длиной от 5 до 7 мм, диаметром от 6 до 11 мм. Три бусины были

найлены перед лицом умершей (рис. 10, 7, 9, 10), пять бусин – в ногах, в области щиколоток (рис. 10, 3–6, 8).

2) Пастовые бусины – 6 экз. (рис. 10, 11–16), различной формы: трехрядные – 2 экз., в два звена – 1 экз., отдельные пронизи – 3 экз. Найлены в области шейных позвонков.

3) Бронзовый браслет – 1 экз. (рис. 10, 18), круглой формы, выпуклый, желобчатого типа, незамкнутый, со сведенными концами. Максимальная ширина 21 мм, диаметр 56 мм. Располагался на запястье правой руки умершей.

4) Бронзовая височная подвеска – 1 экз. (рис. 10, 17), с тремя круглыми конусообразными выступами. Длина – 30 мм, диаметр кольца – 15 мм. Найлена под черепом, около левого уха.

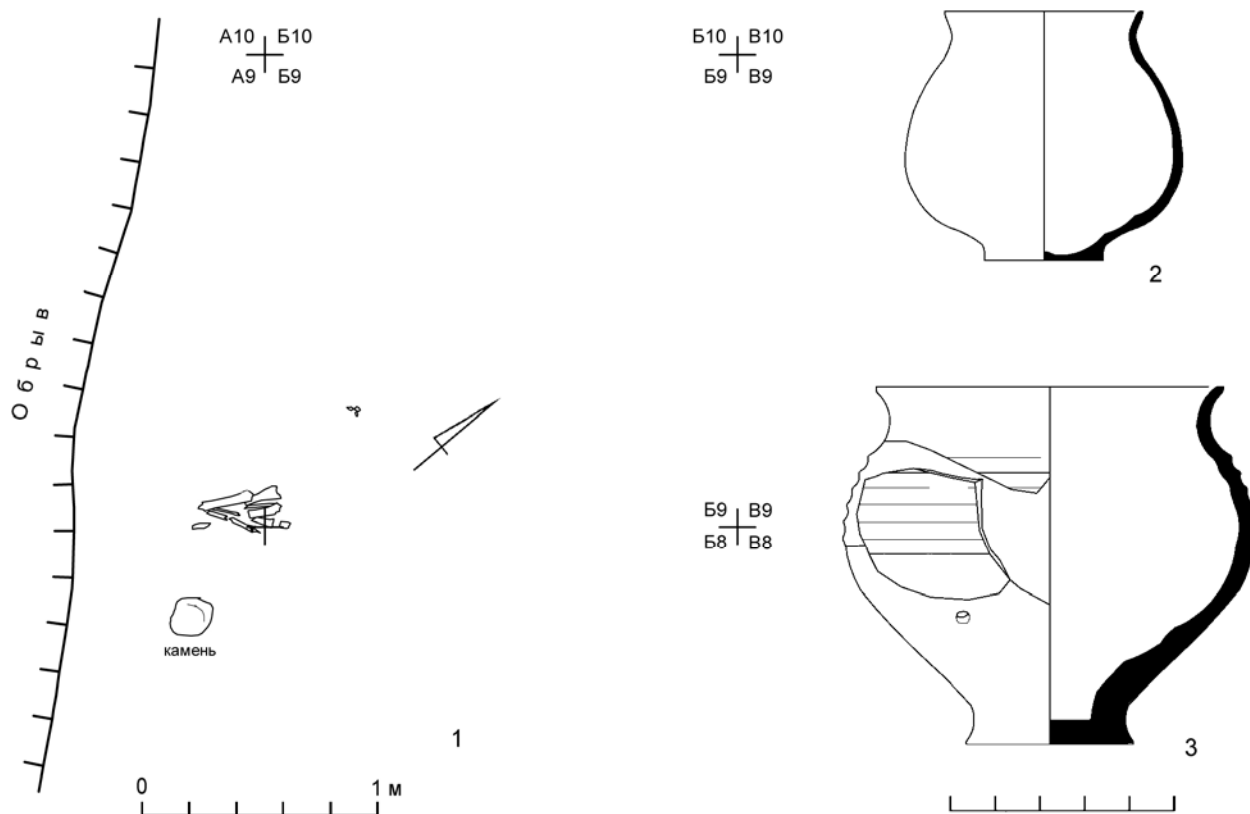

Рис. 9. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г.

1 – погребение 26, план; 2–3 – подъемный материал: керамические сосуды

Fig. 9. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012.

1 – burial 26, plan; 2–3 – surface finds: pottery.

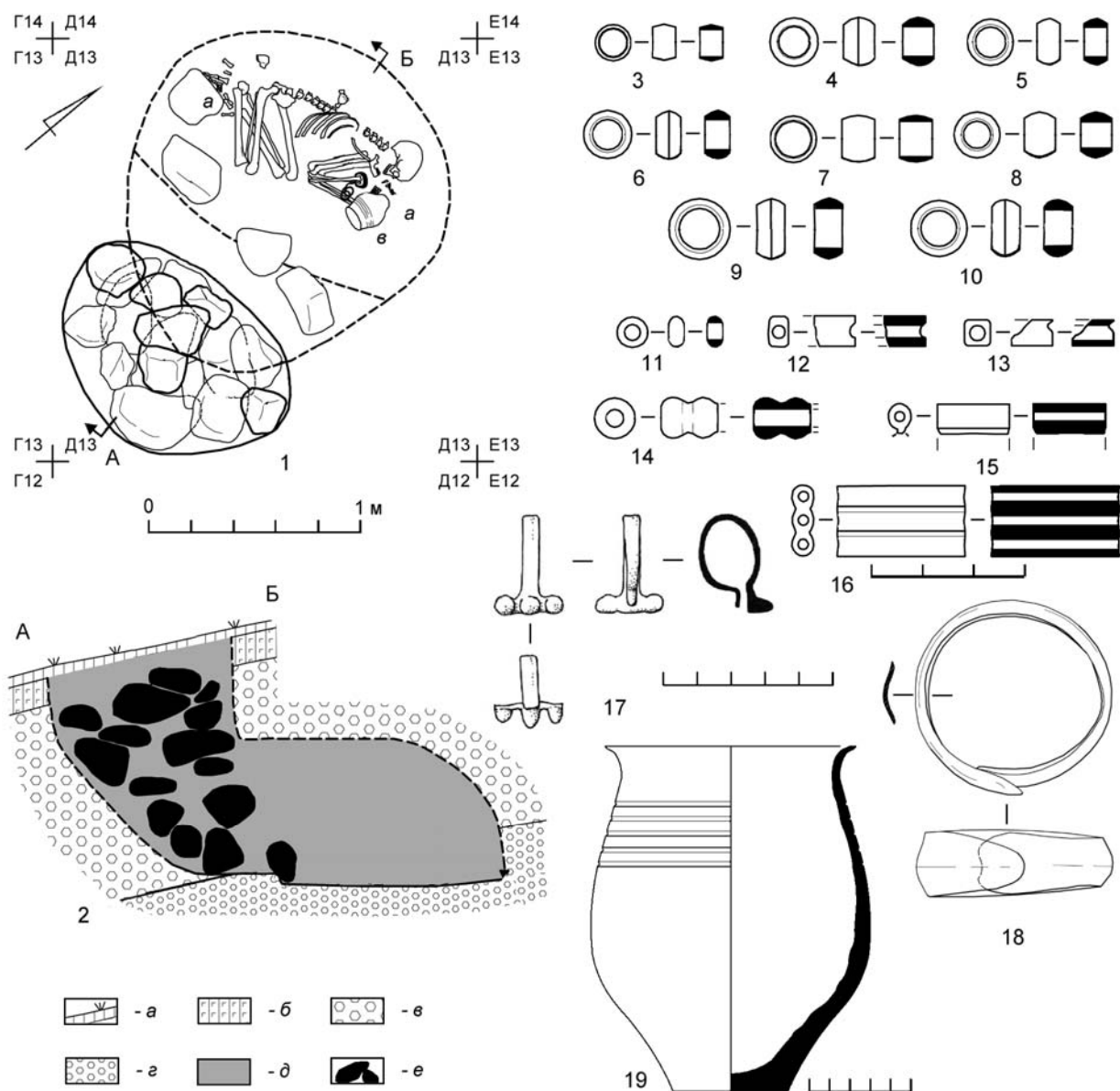
5) Керамический сосуд – 1 экз. (рис. 10, 19) – гончарный горшок светло-коричневого цвета, плоскодонный, с отогнутым наружу венчиком, под венчиком расположены четыре ряда так называемых каннелюр, в тесте незначительная примесь дресвы, обжиг равномерный, внешняя поверхность сосуда в некоторых местах имеет следы лощения. Горшок в могиле лежал перед лицом умершей.

Подъемный материал. В верхней части холма, на котором расположен могильник эпохи поздней бронзы Кумсай, находится современное кладбище-мазар. По сообщениям местных жителей, при выкапывании могил, на глубине около 1,5 м, они иногда вскрывают древние захоронения, в которых лежат кости и керамическая посуда. В ходе осмотра территории современного мазара на поверхности земли были найдены обломки двух керамических сосудов (рис. 9, 2–3). Один из них, небольшой гончарный горшочек, плоскодонный, с отогнутым наружу венчиком и округлым туловом, светло-коричневого цвета,

сделан из глины хорошего качества и хорошо обожжен (рис. 9, 2). Горшки такого типа были найдены ранее при раскопках могильника Кумсай (Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 105, рис. 5, 2, 3). Второй сосуд (фрагментирован), также хорошего качества изготовления, на тонкой ножке, имеет желобчатый орнамент (каннелюры) по плечикам и в верхней части тулова (рис. 9, 3). Данные типы керамической посуды относятся к земледельческой молалинской традиции позднего бронзового века. По всей видимости, вершина лессового холма использовалась в древности для совершения захоронений.

Раскопки могильника Кумсай выявили интересную специфику данного памятника. Практически все обнаруженные погребения принадлежат детям, подросткам или же лицам молодого возраста (не старше 20–25 лет).⁵ Кроме возрастного отмечается и половое единообразие:

⁵ Известно единственное погребение (№ 13), где была захоронена женщина среднего возраста (35–45 лет).

Рис. 10. Могильник Кумсай. Раскоп 2012 г. Погребение 27:

1 – план (*a* – бронзовые бусины; *б* – бронзовый браслет; *в* – керамический сосуд); 2 – разрез (условные обозначения см. рис. 6); 3–16 – бусины; 3–10 – бронзовые; 11–16 – пастовые; 17 – бронзовая подвеска; 18 – бронзовый браслет; 19 – сосуд

Fig. 10. Cemetery of Kumsay. Excavation of 2012. Burial 27:

1 – plan (*a* – bronze beads; *b* – bronze bracelet; *v* – ceramic vessel); 2 – section (for notations see Fig. 6); 3–16 – beads; 3–10 – bronze; 11–16 – paste; 17 – bronze pendant; 18 – bronze bracelet; 19 – vessel.

практически все могилы, где удалось определить пол умершего, были женские. Данная особенность захоронений может в целом отражать как половозрастную специфику могильника, на котором хоронили только детей, подростков и женщин молодого возраста, так и то, что данные погребения представляют собой отдельный (детско-подростковый) участок древнего кладбища. К сожалению, значительная часть могильника Кумсай утрачена в ходе мелиоратив-

ных строительных работ и ответ на вопрос о столь своеобразном участке кладбища пока остается неясным.

В результате раскопок могильника Кумсай был обнаружен новый материал, представляющий собой большой интерес для изучения древней культуры Таджикистана.

Конструкция захоронений могильника Кумсай – катакомбная. При сооружении погребения на склоне холма первоначально выкапывалась

входная яма округлой формы, глубиной около 100–120 см. Диаметр входной ямы в верхней части составляет около 90–100 см, в нижней части яма сужается до 60–70 см. Затем с северной стороны входной ямы, в сторону повышения склона, выкапывалась погребальная камера овальной формы, диаметром до 150–160 см. Высота погребальной камеры в среднем составляла 60–70 см. На дно погребальной камеры укладывали умершего, в скорченном положении, на левом или правом боку, лицом, обращенным к входу в погребальную камеру или же в противоположную от входа сторону. Умершие, главным образом – девочки-подростки и женщины молодого возраста, сопровождалась небольшим количеством украшений: низкими бронзовых и пастовых бус, надетыми на шею и щиколотки ног, бронзовыми браслетами на запястьях рук, бронзовыми височными подвесками. Перед лицом умершей в могиле выставлялись один-два керамических сосуда. Входная яма закладывалась большим количеством камней – крупной речной галькой, которую собирали и поднимали на склон холма снизу, из ложбины, где в древности, вероятно, протекала небольшая река.⁶ Камни для заклада входной ямы использовались достаточно крупные. В погребении 27 на дно погребальной камеры вдоль границы с входной ямой были положены плоской стороной вниз специально подобранные массивные камни для подпора каменного заклада. Верхняя часть заклада достигала уровня дневной поверхности, таким образом, все погребения отмечались на поверхности земли каменными выкладками. В погребении 25 входная яма была заложена камнями только в верхней части, нижняя ее часть была засыпана землей. Уровень древней дневной поверхности в эпоху поздней бронзы (в середине II тыс. до н. э.) был примерно на 20 см ниже современной дневной поверхности. Это подтверждается находками скопления камней и небольшого фрагмента гончарной керамики молалинского типа рядом с погребением 25.

Материалы могильника Кумсай имеют аналогии в других археологических комплексах на территории Средней Азии. Исследователями неоднократно отмечалось сходство материалов Кумсай – бронзовых желобчатых браслетов, крюковидных подвесок с окончанием в виде

шляпки гвоздя, биконических бус и пр. – с такими памятниками, как Чака, Гуджайли, Муминабад, Дашти-Кози (*Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 108–109; Виноградова, 2004. С. 81–83; Потемкина, 2001. С. 64–67*). Все они входят в круг памятников андроновского (федоровского) типа, который выделен Н. А. Аванесовой в так называемый «зеравшанский вариант андроновской культуры» (*Аванесова, 1985. С. 39*). Сомнения в правомерности выделения комплексов Зеравшанской долины в единую культурную группу (вариант) были высказаны Е. Е. Кузьминой (*Кузьмина, 2008. С. 61, 98–99*).

Н. М. Виноградова придерживается мнения, что «могильник Кумсай следует считать более андроновским зеравшанского варианта, чем типично земледельческим... В могилу ставится только один сосуд, много массивных бронзовых украшений; по составу металла и формам они северного происхождения» (*Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 110*). Т. М. Потемкина, отмечая близкие связи могильника Кумсай с могильником Дашти-Кози, приходит к выводу, что «в обоих случаях прослеживаются две тесно переплетающиеся между собой традиции: северная, андроновского круга памятников, и южная, земледельческая. Первая является преобладающей» (*Потемкина, 2001. С. 65*). Е. Е. Кузьмина также включает могильник Кумсай в круг андроновских памятников федоровского типа Средней Азии (*Кузьмина, 2008. С. 97*).

На наш взгляд, в могильнике Кумсай присутствует большое число земледельческих признаков, которые отличают данный памятник от андроновских комплексов «зеравшанского варианта». В частности, это северо-восточная ориентировка умерших, характерная для племен земледельческой сапаллинской культуры, преобладание в погребениях посуды земледельческого (молалинского) типа, отсутствие следов огня в могилах и пр. В незначительной степени, но в погребальном обряде могильника Кумсай земледельческие культурные признаки превалируют над степными (*Кутимов, 2008. С. 162–165*). Металлические изделия, найденные в Кумсае, отличаются от изделий степной зоны. Бронзовые желобчатые браслеты, типологически безусловно связанные с широко распространенными в степной зоне федоровскими браслетами, имеют местное своеобразие: они отличаются от степных своей массивностью, а также наличием ребра и желобка с внутренней стороны (*Потемкина,*

⁶ В настоящее время ложбина Кумсай заполняется водой только в период дождей и схода селевых потоков.

2001. С. 63–64). По химическому составу металлических изделия «зеравшанского варианта андроновской культуры» также отличаются от металла андроновцев степной зоны (*Аванесова*, 1991. С. 80).

Антропологические материалы могильника Кумсай, где погребенные относятся к европеоидному восточносредиземноморскому типу (*Виноградова, Пьянкова*, 1990. С. 107; *Виноградова*, 2004. С. 81), также свидетельствуют в пользу его земледельческой принадлежности.⁷

Из новых раскопок могильника Кумсай в первую очередь обращают на себя внимание материалы из погребения 27. Керамический горшок с каннелюрами (рис. 11, 1), обнаруженный в данном погребении, безусловно, является находкой уникальной. В 1987–1988 гг. в погребениях 16 и 21 были найдены два сосуда с каннелюрами: это сероглиняные лепные сосуды неравномерного обжига с примесью известняка и шамота в тесте (рис. 11, 2, 3). В 2012 г. небольшой лепной горшочек с каннелюрами (во фрагментах) был найден в погребении 25 (рис. 11, 4). Практически аналогичный сосуд федоровского типа с раструбом известен из раскопок могильника Тандырйул (рис. 11, 5), где он был обнаружен в одной могиле с бронзовой серьгой (*Виноградова*, 1991. С. 71, рис. 7, 1; 2004. С. 18, рис. 8, 15).

Керамический сосуд с каннелюрами из погребения 27 могильника Кумсай по внешнему виду относится к местным степным керамическим традициям зеравшанского варианта андроновской (федоровской) культуры. Форма его близка типично федоровским горшкам слегка вытянутых пропорций с плавной профилировкой тулова и отогнутым наружу венчиком. Сосуд такого типа со штампованным орнаментом был найден, например, в погребении 4 могильника Кумсай (рис. 11, 6).

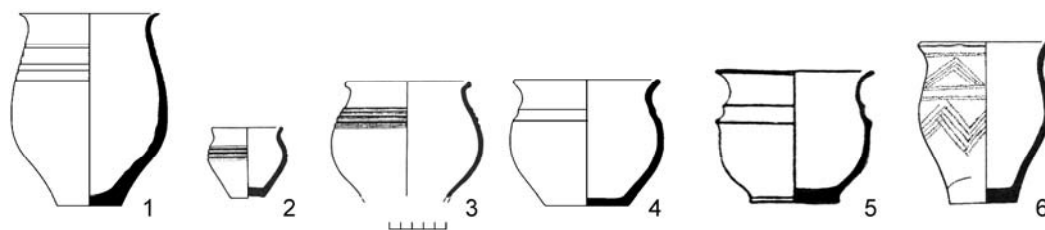
Вместе с тем сосуд с каннелюрами из погребения 27 изготовлен в соответствии с земледельческими традициями керамического производства: он сделан из глины хорошего качества на гончарном круге быстрого вращения и имеет печной высокотемпературный обжиг. По всей видимости, это не просто попытка совмещения различных керамических традиций – вполне ве-

роятно, что изготовление данного сосуда носило заказной характер. В любом случае этот уникальный образец керамической посуды непосредственно отражает смешение различных – местных оседлоземледельческих и пришлых степных – культурных традиций в эпоху поздней бронзы на территории Таджикистана.

Каннелюры являются одним из основных декоративных элементов на посуде федоровской культуры, где они использовались в виде разграничителя орнаментальных зон на сосуде либо как самостоятельный элемент орнамента. На древнеземледельческих памятниках эпохи поздней бронзы Южного Узбекистана, исконной территории обитания племен сапаллинской культуры, каннелюры на посуде встречаются достаточно редко. На памятниках Таджикистана, где в эпоху поздней бронзы имели место интенсивные контакты земледельцев со степными племенами, сосуды с каннелюрами встречаются чаще. Например, несколько сосудов с каннелюрами есть в комплексе земледельческой керамики в могильнике Тандырйул, расположенном на левом берегу Каратага, примерно в 25 км к юго-западу от Кумсая (*Виноградова*, 1991. С. 74). Сосуды с горизонтальными линиями по плечикам известны в керамике Кангуртгута (*Виноградова и др.*, 2008. С. 180).

Бронзовая височная подвеска, найденная в погребении 27 могильника Кумсай (рис. 12, 1), также пока является единственной находкой изделий такого типа на памятниках эпохи поздней бронзы Таджикистана. На территории Средней Азии вероятно родственные подвески известны из раскопок могильников эпохи бронзы Сумбарской долины Юго-Западного Туркменистана (*Хлопин*, 1983. Табл. XIV, 12, 13, Табл. LV, 5, 6, Табл. LXIV, 32). Всего здесь, в могильниках Сумбар I, II и Пархай I, было найдено восемь подвесок (рис. 12, 2–9). Исследователь сумбарских могильников И. Н. Хлопин охарактеризовал их как «серьги из трех круглых бусин, расположенных в ряд и спаянных между собой; от средней бусины перпендикулярно линии бус поднимается стержень, загнутый крючком» (Там же. С. 25–26). Близкая по форме подвеска известна на поселении Кокча 15 тазабагъябской культуры Нижнего Приаралья (рис. 12, 10). М. А. Итина характеризует ее так: «серьга в виде изогнутого круглого в сечении стержня с приостренным концом, верхняя часть стержня расплющена, отогнута и украшена тремя рельефными

⁷ К сожалению, плохая сохранность черепов из раскопок 2012 г. не позволила определить антропологический тип погребенных.

Рис. 11. Типы керамики:

1–4, 6 – могильник Кумсай (1, 4 – раскопки автора; 2, 3, 6 – по: Виноградова, Пьянкова 1990);
5 – могильник Тандырйул (по: Виноградова, 1991)

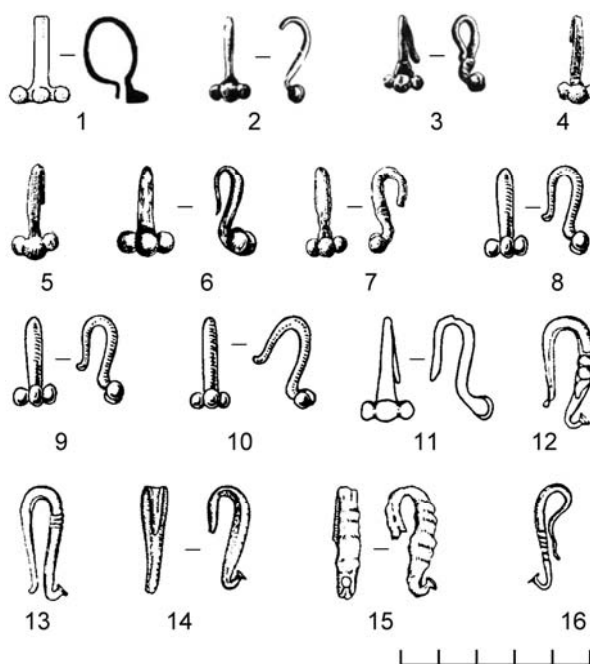
Fig. 11. Types of pottery:

1–4, 6 – Cemetery of Kumsay (1, 4 – excavations of the author; 2, 3, 6 – after Виноградова, Пьянкова 1990);
5 – cemetery of Tandyryul (after: Виноградова, 1991)

шишечками» (Итина, 1977. С. 132). Подвеска из Кумсай имеет ряд отличий от сумбарских и тазабагъябской: вместо «круглых бусин, спаянных между собой» или «рельефных шишечек» мы видим три конусообразных выступа со сферическими вершинами, расположенных в ряд на одной плоскости, держатель подвески сделан не в виде крючка, а в виде загнутого плоского стержня овальной формы с отогнутым наружу концом. Происхождение подвесок данного типа в Средней Азии остается пока неясным. Точных аналогий в андроновских комплексах степной зоны им нет. Для андроновского металлопроизводства более характерны подвески желобчатого или кольцевидного типа (Аванесова, 1975. С. 70–73). Вероятно, что данный тип подвесок имеет местные, среднеазиатские корни.

При раскопках могильника Кумсай в 1987–1988 гг. были обнаружены две бронзовые крюковидные подвески с обкладкой золотой фольгой и с окончанием в форме шляпки гвоздя (рис. 12, 11, 12). На территории Средней Азии аналогичные по форме подвески были найдены в могильнике Дашти-Кози на севере Таджикистана (рис. 12, 13) (Исаков, Потемкина, 1989. С. 155), земледельческом некрополе эпохи поздней бронзы Бустон 6 в Южном Узбекистане (рис. 12, 14) (Аванесова, 1995. С. 64) и в единственном погребении могильника Туюн на юге Таджикистана (рис. 12, 15) (Виноградова, 2000. С. 105; 2004. С. 83–84). По сообщению Н. М. Виноградовой, случайная находка крюковидной подвески известна в Южном Афганистане (Виноградова, 2004. С. 83). В степной зоне подвески такого типа неизвестны, происхождение их явно местное, среднеазиатское, или же, учитывая их встречаемость в Афганистане, может быть более южное. На фоне полного отсутствия аналогий

исследователи связали данный тип подвесок с трехбусинными подвесками Сумбарской долины и поселения Кокча 15 (Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 110; Потемкина, 2001. С. 65; Виноградова, 2004. С. 83). Предполагаемая линия связи между крюковидными подвесками Кумсай и трехбусинными подвесками Сумбара выглядит

Рис. 12. Бронзовые подвески:

1, 11, 12 – Кумсай (1 – раскопки автора; 11, 12 – по: Виноградова, Пьянкова 1990); 2–9 – Сумбар 1, Сумбар 2, Пархай 1 (по: Хлопин 1983; 2002); 10 – поселение Кокча 15 (по: Итина, 1977); 13 – Дашти-Кози (по: Исаков, Потемкина 1989); 14 – Бустон 6 (по: Аванесова 1995)

Fig. 12. Bronze pendants:

1, 11, 12 – Kumsay (1 – excavations of the author; 11, 12 – after: Виноградова, Пьянкова 1990); 2–9 – Sumbar 1, Sumbar 2, Parkhay 1 (after: Хлопин 1983; 2002); 10 – settlement-site of Kokcha 15 (after: Итина, 1977); 13 – Dashti-Kozi (after: Исаков, Потемкина 1989); 14 – Buston 6 (after: Аванесова 1995)

несколько условной, однако подвеска из Кумсай, найденная в 2012 г., может в какой-то степени расширить этот типологический ряд. Не исключено, что в основе изготовления всех трех типов подвесок лежит общая идея.

Датировка могильника Кумсай, с учетом всего комплекса признаков, укладывается в рамки второй половины XV в. до н. э. (Кутимов, 2008. С. 163).

Могильник Кумсай является одним из интереснейших памятников эпохи поздней бронзы Гиссарской долины Таджикистана. Материальная культура, представленная в могильнике Кумсай, имеет смешанный характер. Благоприятные географические и климатические условия обитания в Гиссарской долине с древних времен привлекали сюда различное население. В эпоху поздней бронзы, во II тыс. до н. э., данный регион активно осваивался носителями оседлоземледельческой сапаллинской культуры, пришедшими сюда с юго-запада, с территории древней Бактрии, и племенами скотоводческой андроновской (федоровской) культуры, которые осваивали глубинные районы Средней Азии, мигрируя из степной зоны Евразии. Взаимодействие разнородных групп населения находит яркое отражение в материалах могильника Кумсай. Исследование таких комплексов дает возможность расширить наши представления о культурных контактах местных оседлоземледельческих племен с андроновскими племенами степной зоны Евразии.

Аванесова, 1975 – Аванесова Н. А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Аванесова, 1985 – Аванесова Н. А. Новые памятники андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Всесоюзная археологическая конференция: Тез. докл. Баку, 1985.

Аванесова, 1991 – Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Аванесова, 1995 – Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. 1995. № 4.

Виноградова, 1991 – Виноградова Н. М. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1991. Вып. 18.

Виноградова, 2000 – Виноградова Н. М. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Виноградова, 2004 – Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.

Виноградова и др., 2008 – Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г. Памятники Кангуртгута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008.

Виноградова и др., 2009 – Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в 2007 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2009. Вып. 31.

Виноградова, Пьянкова, 1990 – Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1990. Вып. 17.

Исаков, Потемкина, 1989 – Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1.

Итина, 1977 – Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II–начало I тысячелетия до н. э.). М., 1977 (ТХАЭЭ; Т. 10).

Кузьмина, 2008 – Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.; СПб., 2008.

Кутимов, 2008 – Кутимов Ю. Г. Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК РАН. 2008. № 3.

Потемкина, 2001 – Потемкина Т. М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2001. Вып. 3.

Хлопин, 1983 – Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.

Хлопин, 2002 – Хлопин И. Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002.

New Investigations of the Late Bronze Age Cemetery of Kumsay (Tajikistan)

Yu. G. Kutimov

In the mid-2nd millennium BC the inland regions of what is now Tajikistan were actively occupied by populations differing in their life mode and material culture: the early agriculturalist people of the Sapalli culture who came here from the ancient Northern Bactria and the steppe tribes of the Andronovo (Feodorov) culture who penetrated from the steppe zone of Eurasia. The favourable natural and climatic life conditions allowed them to retain their accustomed subsistence pattern which was based on agriculture and semi-nomadic animal husbandry. The cultural contacts and interaction modes of the agriculturalists and pastoralists have been evidenced in archaeological record. Now, in the territory of Tajikistan, several dozen archaeological sites of the Late Bronze Age are known, each of which, to a various extent, demonstrate a mixture of different cultural traditions. In these terms, the cemetery of Kumsay in the Hissar Valley is among the most interesting ones.

The burial ground of Kumsay was archaeologically investigated in 1987–1988 and 2007. The studies were renewed in 2012. The material culture discovered at the cemetery of Kumsay is of a markedly mixed character. The burials here yield pottery and metal objects (fluted bracelets, various pendants and beads) which, on the one hand, belong to the Andronovo (Feodorov) tradition and, on the other hand, to the Sapalli culture at the Molali stage of its development.

In the course of excavations of 2012, finds of new types unknown before in Tajikistan were uncovered. Particularly, in burial 27, a temple pendant with three cone-shaped protuberances (Fig. 10, 17) was found. No reliable parallels to it are as yet known in Central Asia and the steppe zone. Possibly, the so-called ‘three-beaded’ pendants (Fig. 12, 2–9) from Sumbar burial grounds in southwestern Turkmenistan and those from the site of Kokcha 15 of the Tazabagyag culture in the Lower Aral region (Fig. 12, 10) are the ornaments closest in their type to the find under consideration. Also it is perhaps paralleled by hook-like pendants found in assemblages from the cemeteries of Kumsay, Dashti-Kozi, Tuyun and Buston 6 (Fig. 12, 11–14). A ceramic fluted vessel (Fig. 10, 19), also retrieved from burial 27, has the pot-like shape typical of Feodorov ware with an outturned rim and gentle profile of the main body. Nevertheless, our pot was made in accordance with agriculturalists’ ceramic traditions – on a pottery wheel and high-temperature baked. The fluted bracelet from burial 27 (Fig. 10, 18), as well as bronze and paste beads from some other graves, are typical of Andronovo (Feodorov) sites of the Zeravshan Valley (Dashti-Kozi, Chaka, Mumina-bad).

Studies of such sites as the Kumsay cemetery expand our knowledge of the level of the material culture and patterns of cultural ties among the Bronze Age populations in Central Asia.

**Половозрастная диагностика палеоантропологических материалов
из могильника эпохи поздней бронзы Кумсай (раскопки 2012 г.)**

А. И. Нечвалода⁸

Погребение 23. Череп представлен мелкими фрагментами. Посткраниальный скелет – фрагментами диафизов, в основном нижних конечностей. Молочные зубы находятся в процессе рассасывания корней. Закладка постоянного клыка указывает на возраст погребенного 6–8 лет.

Погребение 24. Костный материал очень плохой сохранности. Череп взят из могильной ямы в виде лессового монолита. При извлечении костей из монолита они крошились. Эмаль зубов верхней и нижней челюстей при извлечении из лесса осыпалась. Таким образом, пригодными для установления возраста и пола оказались зубы и фрагменты посткраниального скелета. Жевательная поверхность моляров практически не подверглась изнашиванию.

Посткраниальный скелет представлен крупными и мелкими фрагментами диафизов костей нижних конечностей (бедренных, большеберцовых, малоберцовых). На сохранившемся крупном фрагменте диафиза правой бедренной кости хорошо выражена *linea aspera*.

Доступные измерения:

длина проксимального фрагмента правой бедренной кости: 90 мм;

длина проксимального фрагмента левой бедренной кости: 55 мм;

верхний продольный диаметр правой бедренной кости: 23 мм;

верхний поперечный диаметр правой бедренной кости: 33 мм;

продольный диаметр середины диафиза левой бедренной кости: 26 мм;

поперечный диаметр середины диафиза левой бедренной кости: 25 мм;

пол: женский; возраст: *adultus* (20–25 лет).

Погребение 25. Антропологический материал представлен мелкими фрагментами покровных костей черепа, фрагментом левой части нижней челюсти с сидящими в альвеолах молярами. Моляры практически не несут следов стертости

на своей жевательной поверхности. Посткраниальный скелет сильно фрагментирован. Пол: женский; возраст: *adultus* (20–25 лет).

Погребение 26. Крайняя фрагментарность скелетных материалов – лишает нас возможности провести процедуру установления пола и возраста. Вероятно, останки принадлежат взрослому индивидууму.

Погребение 27. Череп находился в лессовом монолите. Кости очень плохой сохранности. При извлечении костная ткань начинает крошиться. Реставрации не подлежит.

Доступные измерения:

продольный диаметр черепа: 171 мм;

высота правой орбиты: 30 мм;

ширина ветви нижней челюсти: 32 мм;

высота симфиза: 33 мм;

высота тела: 29 мм.

Череп овоидной формы, надбровье и область глабеллы развиты слабо (2 балла), сосцевидный отросток 2 балла. Антропологический материал из погребения представлен зубами верхней (2 медиальных резца, клык) и зубами нижней челюсти (2 медиальных резца, 2-й премоляр). На втором правом верхнем моляре следы неглубокого кариеса.

Посткраниальный скелет представлен средними и мелкими фрагментами, в основном костей нижних конечностей.

Доступные измерения:

продольный диаметр середины диафиза левой бедренной кости: 25 мм;

поперечный диаметр середины диафиза левой бедренной кости: 23 мм;

диаметр головки бедренной кости: 38 мм.

Фрагментарная сохранность скелетных материалов ставит под сомнение половую принадлежность погребенного.

Предположительно пол женский; возраст: *adultus* (20–25 лет).

⁸ Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, Проспект Октября, 71. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СЕЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ ОЛЬВИИ
В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОЙ,
КЛАССИЧЕСКОЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭПОХ
(VI–III вв. ДО Н. Э.)**

И. А. Снытко¹

*Светлой памяти друга и коллеги, моего постоянного
и всегда объективного и доброжелательного оппонента
в области исследования вопросов греко-варварского
взаимодействия в Нижнем Побужье в античную эпоху
Евгения Яковлевича Рогова посвящается*

В Нижнем Побужье, на исторически сложившейся территории сельской округи Ольвии (*Крыжицкий и др.*, 1989. С. 8–9; *Буйских*, 2009. С. 225; *Снытко*, 2012. С. 31–42), к настоящему времени зафиксировано и частично исследовано 14 некрополей позднеархаического и раннеклассического времени VI–V вв. до н. э.: Лупарево (*Петренко, Елагина*, 1969; *Снытко, Наумов*, 1990; *Снытко, Липавский*, 1990; *Гребенников Ю.*, 2008; *Гребенников В.*, 2010; *Снытко*, 2011а), Дидова Хата (*Никитин*, 1966; 1968; *Снытко*, 2011а), Старая Богдановка (*Гребенников В.*, 2010), Северный и Южный (*Яценко та ін.*, 2010) некрополи у с. Козырка, Северный и Южный некрополи у с. Прибугское (у-ще Чертоватое), Днепровское (*Снытко*, 2011а), Аджигол (*Ebert*, 1913; *Латин*, 1966; *Липавский*, 1990; *Снытко*, 1992; 2011а; *Буйских*, 1997), Матросовка (*Гребенников, Фридман*, 1985; 1986; *Гребенников Ю.*, 2008; *Крыжицкий*, 2001; *Снытко*, 2011а), Дмитриевка, Бейкуш (*Снытко*, 2012), Рыбаковка-Мыс (*Снытко*, 1999; *Snytko*, 1996), Большая Лящевая коса-II (*Отрешко*, 1976; *Крыжицкий и др.*, 1989; *Снытко, Липавский*, 1990; *Снытко*, 1999; *Snytko*, 1996) и 12 могильников IV–III вв. до н. э.: Сиверсов Маяк (*Снытко, Никитин*, 1985; *Снытко*, 1990б; *Снытко, Касьяновский*,

2012), некрополь поселения Николаев-6 (*Бузескул*, 1915; *Снытко*, 2009; 2012; *Снытко*, 1990а; 1998; *Смирнов*, 2012),² Яхт-клуб (г. Николаев, *Снытко*, 2012), Дидова Хата (*Латин*, 1969; *Никитин*, 1984; *Снытко*, 1986; 1987; *Снытко и др.*, 1997), Старая Богдановка (*Гошкевич*, 1915; *Фабрициус*, 1951; *Гребенников, Снытко*, 1989; *Снытко, Смирнов*, 2009), Северный (*Козленко*, 2008)

---

² Недавно в научной литературе появилась недостоверная информация, изложенная некорректно. К сожалению, это объясняется незнанием или игнорированием уже имеющихся фактов о памятниках. Так, автор охранных раскопок участка некрополя поселения Николаев-6 Александр Игоревич Смирнов, предварительно не собрав и не изучив имеющихся сведений о данном могильнике, известном еще с начала XX столетия (*Бузескул*, 1915. С. 463) и раскапывавшемся в середине 1920-х гг. директором Николаевского историко-археологического музея Ф. Т. Каминским (см.: *Снытко*, 1990а. С. 8, рис. 8, 1; 1998. С. 25–26; *Снытко*, 2009, С. 26, рис. 1, № 2; 2012, С. 165), а в 60-е гг. В. И. Никитиным, «присвоил» себе честь его открытия и по непонятным соображениям переименовал в «Александровский» (*Смирнов*, 2012. С. 149). К тому же, определяя его как «новый (!!!) могильник хоры Ольвии» и рассматривая зафиксированные в процессе работ материалы, он ни разу не сопоставил их с многочисленными опубликованными начиная с 1913 г. (раскопки М. Эберта) информативными данными о погребальных памятниках ольвийской сельской округи (см.: Там же. С. 149–164). В связи с вышеизложенным, в дальнейшем, применительно к данному памятнику, будут использоваться его старье, уже давно фигурирующие в специальной литературе названия – некрополь поселения Николаев-6 или некрополь у з-да им. 61 коммунара.

¹ Украина, 54000, г. Николаев, ул. Декабристов 34/1. Государственная инспекция по охране памятников культуры в Николаевской области.

и Южный (*Яценко та ін.*, 2010) некрополи у с. Козырка, Северный некрополь у с. Прибугское (у-ще Чертоватое, *Снитко*, 2009; 2011а), Днепровское (*Снытко*, 2012), Аджигол-Петуховка (*Ebert*, 1913), Дмитриевка, Лагерная коса (*Буйських, Нікітін*, 1988; *Снитко*, 2009).³

В процессе многолетних работ исследовано более 500 захоронений VI–III вв. до н. э., существенно дополнивших информацию о погребальном обряде, культуре и социальном составе населения сельской округи этого времени. Задачей настоящей работы является рассмотрение погребальных сооружений в контексте их типологии и хронологии, а также в сравнении с одновременными могильными конструкциями городского ольвийского некрополя.

Погребальные сооружения некрополей хоры Ольвии VI–III вв. до н. э. представлены тремя основными типами – **ямы, подбой и земляные склепы**.

Ямные могилы составляют более половины всех известных захоронений. В свою очередь, по определенным признакам они распределяются на пять подтипов:

1. Узкие, подпрямоугольные в плане ямы, как правило, ориентированные широтно, имеющие обычно размер 1,8–2,0 × 0,7–1,0 м (в зависимости от роста погребенного) и глубину 2,0–2,5 м от современной дневной поверхности, без дополнительных конструкций (рис. 1; 2, 7, 8). Распространены в VI–III вв. до н. э.

2. Узкие подпрямоугольные ямы, преимущественно ориентированные широтно, по размерам и глубине аналогичные предыдущему подтипу. Как и среди предшествующего подтипа, встречаются узкие ямы с сильно закругленными, с одной или обеих сторон, углами, иногда с заостренной одной из сторон, а также ямы вытянутой подтрапециевидной формы (рис. 1, 3, 4). Возможно, указанные варианты определенным образом имитируют «ладью Харона». Могилы имели каменные (рис. 3) либо деревянные перекрытия. Иногда использовалась забутовка могилы известняковым камнем. Известны на протяжении VI–III вв. до н. э.

3. Ямы, по форме, ориентации и размерам аналогичные предыдущим, борта облицованы

известняковым камнем, иногда тщательно обработанным, по типу квадров (так называемые «каменные гробницы»). Известны на протяжении VI–III вв. до н. э. Самые ранние каменные гробницы зафиксированы на Рыбаковском некрополе и датируются архаическим временем (рис. 4; *Снытко*, 1999. С. 10–12).

4. Большие широкие подпрямоугольные в плане ямы, ориентированные преимущественно широтно (рис. 2, 3, 4). Наибольшие имели размеры 2,5–3,0 × 1,0–1,5 м и глубину 2,0–3,0 м. Зафиксированы различные вариации таких ям по размерам в том случае, когда могильные сооружения готовились для детей и подростков (Северный некрополь у с. Прибугское, см.: *Снитко*, 2011а. С. 16). Для перекрытия могил в основном использовалось дерево и реже – известняковый бут. Как в Ольвии (*Козуб*, 1987. С. 9–30; *Скуднова*, 1988. С. 7; *Гречко*, 2010б), Березани (*Капошина*, 1956. С. 220; *Латин*, 1966. С. 227; *Копейкина*, 1980. С. 104), так и на сельских некрополях характерны только для позднеархаического и раннеклассического периодов (*Снитко*, 2011а. С. 16). В Северном некрополе у с. Прибугское – единственном на территории хоры, где производились раскопки бескурганых участков VI–V вв. до н. э. на достаточно больших площадях, исследовано 69 широких подпрямоугольных ям (Там же) и еще 32 могильных сооружения (всего 101), которые по ряду признаков можно отнести к этому подтипу (*Снытко*, 2000).

5. Ямы, по форме, ориентации и размерам аналогичные подтипу 4, перекрытые курганными насыпями (рис. 5; 6). Имели одноярусные, а иногда и двухъярусные деревянные перекрытия (Аджигол, Лупарево, Северный и Южный некрополи у с. Прибугское). Нижний ярус, вероятнее всего, имитировал саркофаг (рис. 6). Реже для перекрытий использовались известняковые камни (Матросовка, Дидова Хата). В отдельных случаях для укрепления курганных насыпей и в апотропеических ритуальных целях возводились каменные кромлехи (рис. 7; Северный некрополь у с. Прибугское, Дидова Хата). Такой тип захоронения использовался только в VI–V вв. до н. э. (*Снитко*, 2011а. С. 11–22). Всего на сельских могильниках исследовано 38 подкурганых ямных могил: Матросовка – 9; Аджигол – 10; Южный некрополь у с. Прибугское – 3; Северный некрополь у с. Прибугское – 9; Дидова Хата – 3; Лупарево – 4.

³ Информацию об особенностях исторической топографии некрополей хоры, их характере и структуре см.: *Снытко, Липавский*, 1990. С. 134–141; *Снитко*, 2011а. С. 11–22, 2012. С. 165–168.

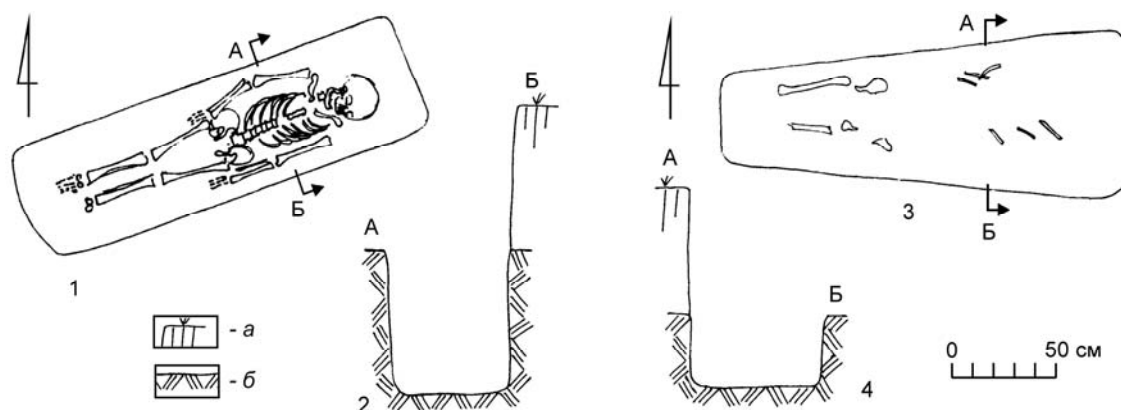
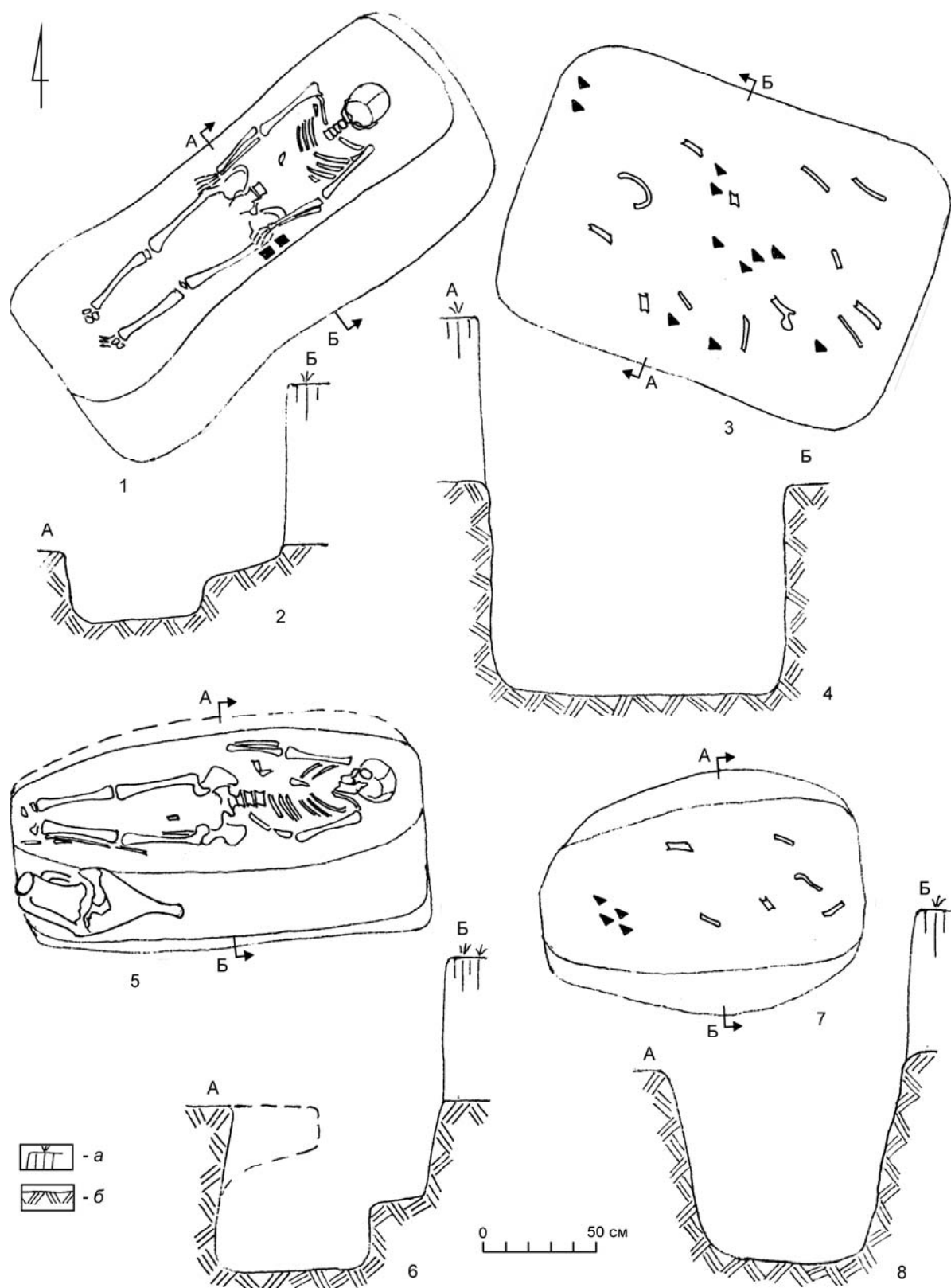

Рис. 1. Захоронения в ямах (подтип 1) Северного некрополя у с. Прибугское. Планы и разрезы.
Условные обозначения: а – дерн, б – материк

Fig. 1. Pit graves (subtype 1) at the Northern Necropolis near the village of Pribugskoye. Plans and sections.
Notations: a – turf, б – original soil

Подбойные могилы (рис. 2, 1, 2, 5, 6; 8; 9, 3, 4). Конструкция состояла из входной ямы и подбоя, устроенного в продольной стенке входного колодца на уровне его дна. Размеры входных ям (1,8–2 × 1–1,2 м) и подбоев приблизительно одинаковы. Глубина – 1,5–2,5 м от современной дневной поверхности. Кроме стандартных больших и глубоких подбойных могил встречаются подбой средних и совсем маленьких размеров, где были захоронены дети и подростки. Ориентация подбоев и входных ям преимущественно широтная, иногда с незначительными отклонениями. Входы в подбой в большинстве случаев перекрывались каменными закладками. Реже встречаются закладки из сырца. Как и в некрополе Ольвии (*Парович-Пешикан*, 1974. С. 17), зафиксированы амфорные (рис. 9, 4) и комбинированные с ними перекрытия (рис. 10) из сырца и камня (*Аджигол*, Северный некрополь у с. Прибугское, см.: *Снитко*, 2009. С. 28). Большинство подбоев являются одиночными захоронениями. Однако, как и в Ольвии, иногда в них были зафиксированы по два и более костяка (рис. 8; Там же. С. 29), что, вероятнее всего, связано с подзахоронениями. Над некоторыми подбойными могилами возведены небольшие курганные насыпи. Традиция погребения в подбоях известна в Ольвии с последней трети VI–самого начала V в. до н. э. (*Козуб*, 1987. С. 33; *Папанова*, 2006. С. 92), где уже в первой половине столетия они составляли 33 % всех захоронений (*Козуб*, 1974. С. 12). На сельских некрополях обряд захоронения в подбоях фиксируется только с конца второй четверти–середины IV в. до н. э. (*Снитко*, 2009. С. 28).

Земляные склепы (рис. 9, 1, 2) состояли из дромоса и погребальной камеры. Дромосы в плане подпрямоугольной формы, опускались к погребальной камере под углом 30°–45°. Ориентация конструкций в основном широтная. Дромосы ступенчатые (рис. 9, 1, 2) или в виде наклонного пандуса. Камеры почти всегда были продолжением дромосов по форме и ориентации. Обычная глубина склепов – 2,5–3,0 м от современной дневной поверхности. Входы в камеры перекрывались сырцовыми либо каменными закладами. В большинстве случаев перекрытия входов были каменными, выполненными в различной технике – в виде кладок (рис. 9, б) либо накатом из нескольких рядов плоских известняковых плит, установленных на ребро (Там же. С. 30). Входы в камеры имели форму полукруга или прямоугольника. Размеры камер различны, в зависимости от числа захороненных в них людей. Земляные склепы, в отличие от подбоев, безусловно, являлись семейными усыпальницами. Они были прототипом монументальных каменных склепов, появившихся в некрополе Ольвии в эллинистическую эпоху (*Козуб*, 1974. С. 17; *Папанова*, 2006. С. 116 сл.). В камерах земляных склепов обычно находилось два-три костяка. Сразу пять погребенных было в склепе «В Петуховского некрополя» (*Ebert*, 1913. S. 45, abb. 47). Следует отметить, что земляные склепы зафиксированы не на всех некрополях. Их найдено только 14 на четырех некрополях: Сиверсов Маяк (1), Дидова Хата (6), Старая Богдановка (1), Петуховка (6). Среди 276 погребений классико-эллинистической эпохи Северного некрополя у с. Прибугское не зафиксировано ни одного

Рис. 2. Ямные и подбойные захоронения Северного некрополя у с. Прибугское.
 Планы и разрезы: 1, 2, 5, 6 – подбой; 3, 4 – яма (подтип 4); 7, 8 – яма (подтип 1). Условные обозначения: а – дерн, б – материк

Fig. 2. Pit and undercut burials at the Northern Necropolis near the village of Pribugskoye.
 Plans and sections: 1, 2, 5, 6 – undercuts; 3, 4 – pit (subtype 4); 7, 8 – pit (subtype 1). Notations: a – turf, b – original soil

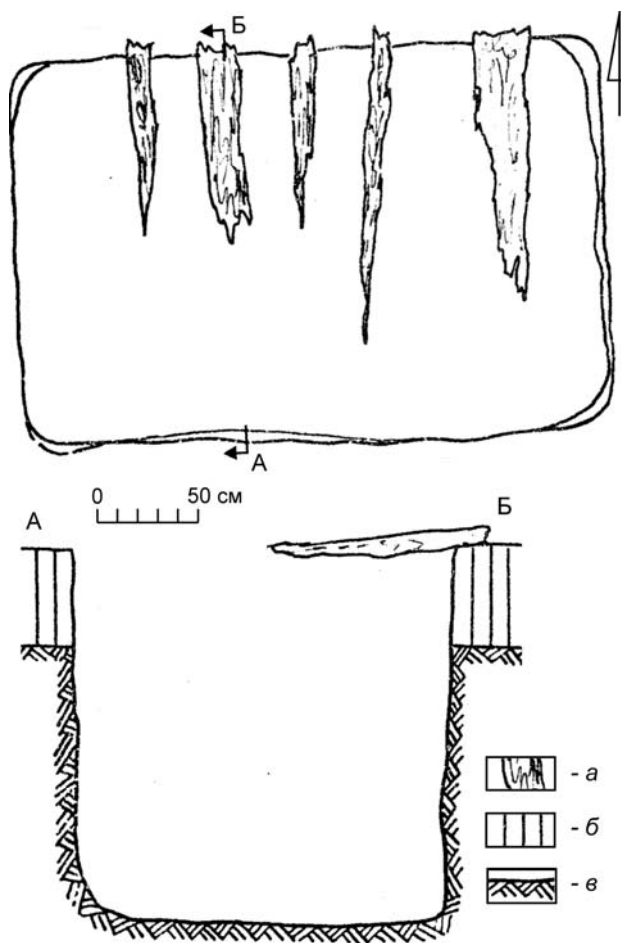
Рис. 3. Каменная закладка ямного погребения (подтип 2). Дидова Хата (Снитко, 2009).

Fig. 3. Stone fill of the pit grave (subtype 2). Didova Khata.

Рис. 4. Каменная гробница архаического времени (подтип 3) из некрополя у с. Рыбаковка. Восточная сторона частично разрушена при планировке береговой линии для строительства причала.

земляного склепа (Снитко, 2009. С. 30). Почти над каждым земляным склепом была возведена небольшая курганная насыпь. В некрополе Ольвии земляные склепы появляются с начала IV в. до н. э. (Козуб, 1974. С. 15–17, рис. 3). Самые ранние сооружения этого типа датируются

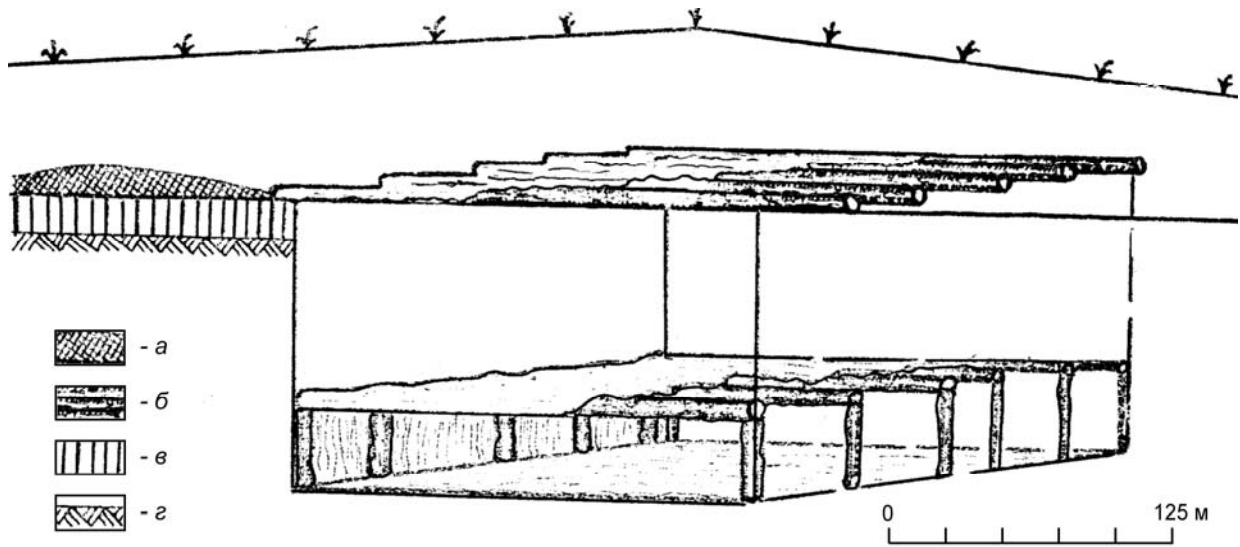
Рис. 5. Подкурганная могильная яма (подтип 5) Южного некрополя у с. Прибугское. План, разрез. Условные обозначения: а – дерево, б – погребенная почва, в – материк.

Fig. 5. Subkurgan grave pit (subtype 5) at the Southern necropolis near the village of Pribugskoye. Plan, section. Notations: а – wood, б – buried soil, в – original soil.

рубежом V–IV столетий (Папанова, 2006. С. 102). Земляные склепы на некрополях хоры появляются только во второй половине IV в. до н. э. Большинство их относится к последней четверти IV–первой половине III в. до н. э. (Снитко, 2009. С. 30).

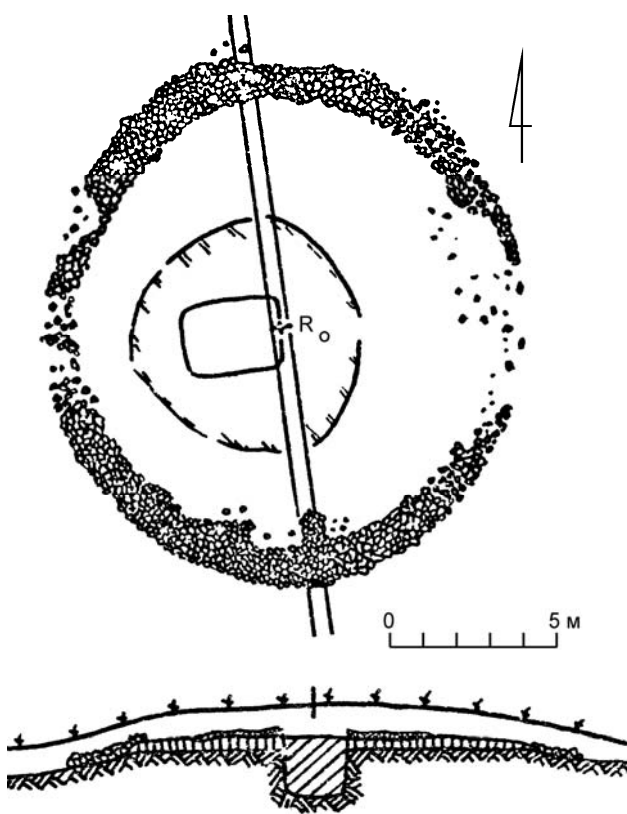
Основываясь на накопленной информации и проведя соответствующий анализ погребальных сооружений некрополей сельской округи Ольвии, можно сделать следующие выводы.

В позднеархаическую и раннеклассическую эпохи на сельских некрополях единственным типом погребального сооружения были различные варианты ям (5 подтипов), которые соответствовали имущественному и социальному положению умерших. Беднейшее и рядовое население

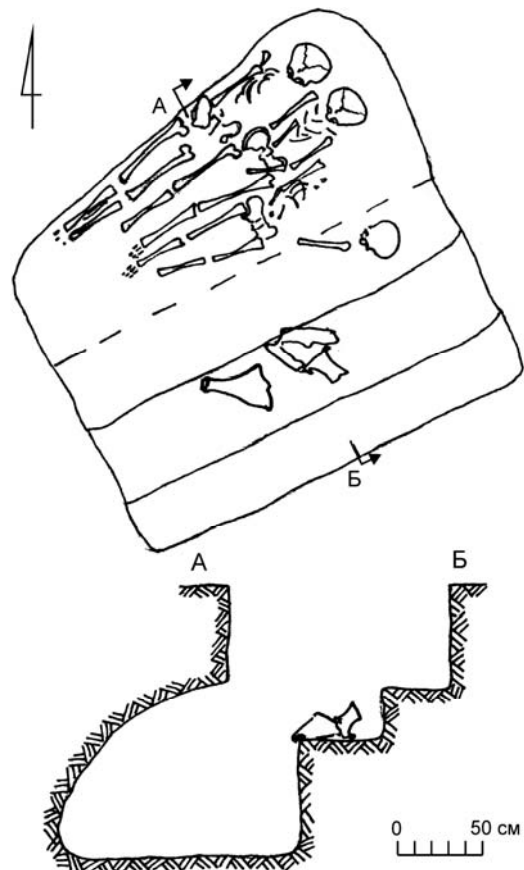
Рис. 6. Реконструкция погребального сооружения в кургане 3 Южного некрополя у с. Прибугское (Снитко, 2011а).
Условные обозначения: *a* – выброс из погребальной ямы, *b* – деревянные конструкции, *v* – погребенная почва, *z* – материк.

Fig. 6. Reconstruction of funerary structure in kurgan 3 at the Southern necropolis near the village of Pribugskoye.
Notations; *a* – earth from, *b* – wood construction, *v* – burial soil, *z* – original soil.

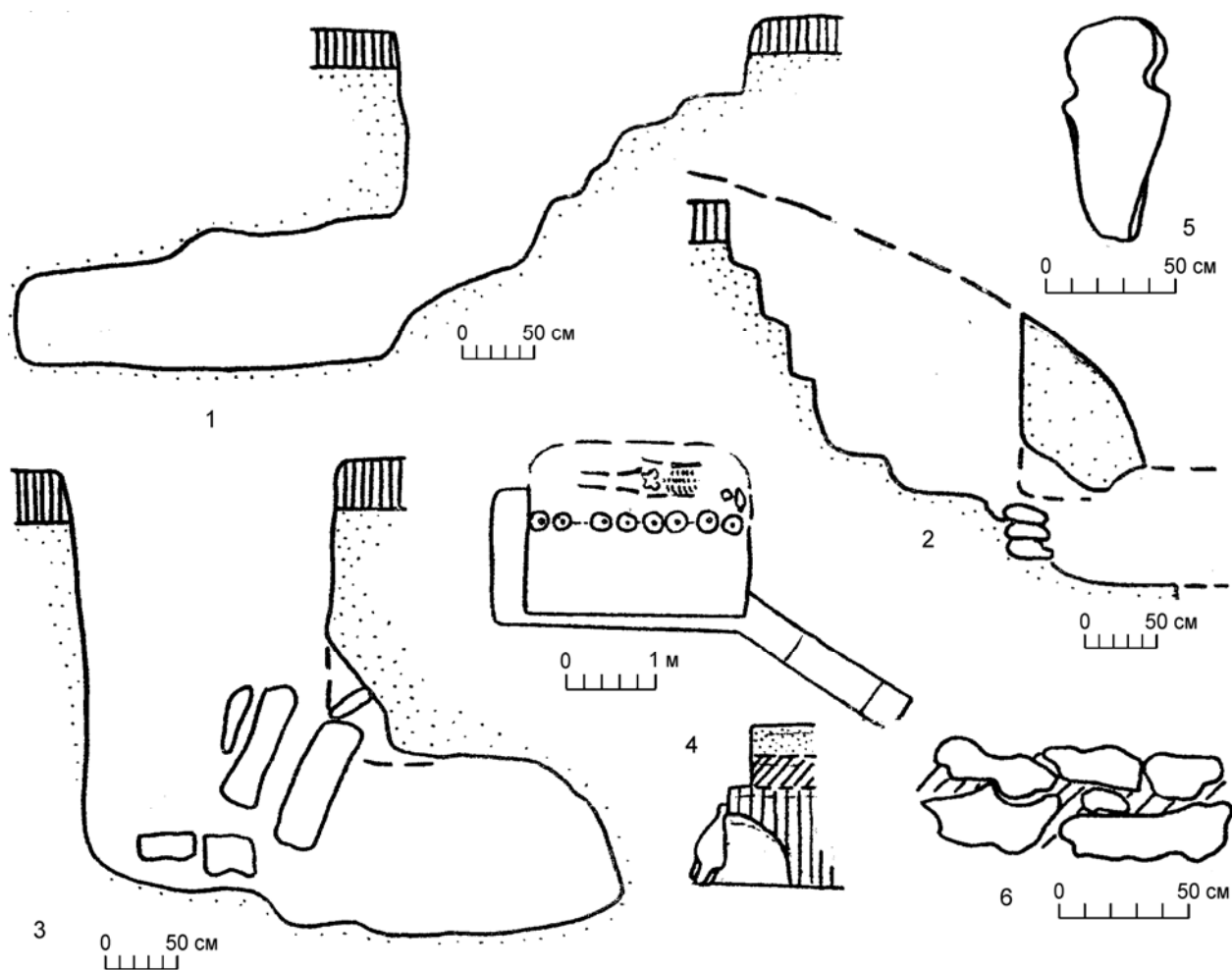
Рис. 7. Каменный кромлех кургана 2 Северного некрополя у с. Прибугское (Снитко, 2011а).

Fig. 7. Megalithic tomb in kurgan 2 at the Northern necropolis near the village of Pribugskoye.

Рис. 8. Подбойное захоронение кургана 2 Северного некрополя у с. Прибугское. План, разрез (Снитко, 2009).

Fig. 8. Undercut burial in kurgan 2 at the Northern necropolis near the village of Pribugskoye. Plan, section.

Рис. 9. Конструкции погребальных сооружений хоры Ольвии:

1 – земляной склеп 18 (Дидова Хата); 2 – земляной склеп 19 (Дидова Хата); 3 – подбой 16 (Дидова Хата); 4 – погребение 1 N из Петуховки; 5 – заклад погребения (склеп) 17 (Дидова Хата); 6 – антропоморфное надгробие из Петуховки (Снытко, 1990а).

Fig. 9. Burial installations in the rural territory of Olbia:

1 – earthen cist 18 (Didova Khata); 2 – earthen cist 19 (Didova Khata); 3 – catacomb 16 (Didova Khata); 4 – burial 1 N from Petukhovka; 5 – blocking wall of burial 17 (vault) (Didova Khata); 6 – anthropomorphic tombstone from Petukhovka.

хоры, вероятнее всего, хоронили в ямах первых трех подтипов. Среди среднезажиточного населения, как и в некрополе Ольвии, были популярны большие широкие ямы с деревянными перекрытиями либо каменной забутовкой (подтип 4), о чем свидетельствует и весь связанный с ними комплекс погребальной церемонии. Над отдельными большими прямоугольными ямами (подтип 5) возводились курганные насыпи (Лупарево, Дидова Хата, Северный и Южный некрополи у с. Прибугское, Аджигол, Матросовка), иногда с дополнительной конструкцией в виде каменного кромлеха (Северный некрополь у с. Прибугское, Дидова Хата). Эти могилы, безусловно, принадлежали представителям высшей социальной и имущественной категории колониального на-

селения хоры: ойкистам, представителям знатных и могущественных, еще милетских, родов, а также формирующейся новой ольвийской элите (Снытко, Литавский, 1990. С. 139; Снытко, 2011а. С. 19). Возможно, отдельные группы могил этого типа (Матросовский некрополь, Дидова Хата) принадлежали определенной достаточно зажиточной профессиональной семейно-родовой прослойке населения, накопившей капитал в сфере животноводства, представители которой могли себе позволить затраты на подобное, вполне пристойное для того времени, захоронение. Насыпка курганов над погребениями, как и наличие в некоторых из них оружия и остатков воинского снаряжения, вероятнее всего, свидетельствует о героизации умерших, характерной для

Рис. 10. Комбинированная закладка подбоя. Северный некрополь у с. Прибугское.

Fig. 10. Composite blockage of an undercut. Northern necropolis near the village of Pribugskoye.

древнегреческого общества (Липавский, 1990. С. 24 сл.; Русяева, 1992. С. 187–189; 2000; Дуатроптов, 2001. С. 59; Папанова, 2002; Рапанова, 2000. Р. 123–131), а также изначальной воинской организации греческих поселенцев в Нижнем Побужье, что было характерно как для метрополий (Маринович, 1975. С. 266–267), так и для колониальных полисов (Фролов, 1988. С. 228).

Особенно, на наш взгляд, следует обратить внимание на сам факт сооружения широких подпрямоугольных ям, оборудованных дополнительными деревянными конструкциями или с использованием камня (подтипы 4 и 5), которые, в соответствии с древнегреческой традицией, вероятнее всего, имитировали бытовавшие в то время жилища (Папанова, 2006. С. 86). Действительно, если сравнить их с синхронной земляночной и полуземляночной архитектурой архаических Ольвии, Березани, поселений и хуторов хоры (Крыжицкий и др., 1989. С. 41–52; Крыжицкий, 1993. С. 41–46), то нетрудно проследить, что могильные сооружения в миниатюре напоминают обычные для тех времен жилища, которые были распространены с эпохи греческой колонизации не только в Нижнем Побужье, но и во многих других колониальных полисах Северного Причерноморья и являлись основным типом жилых сооружений первых колонистов (Крыжицкий, Русяева, 1978. С. 25; 1986. С. 55; Крыжицкий, 1989. С. 40–50; Крыжицкий, 1993. С. 41–46; 2006. С. 231–235; 2007. С. 18–25; Бутягин, 1999а. С. 22–23; 1999б. С. 112–116, 2001. С. 36–41; Bujskich A., Bujskich S., 2001. S. 667 ff.; Буйских, 2007. С. 110–125; Отрешко, 2009. С. 98–102; Отрешко, Мазарати, 2009.

С. 81–86; Суриков, 2011. С. 59–63). Здесь необходимо отметить, что отдельными исследователями, ссылающимися на похожие сооружения Скифской лесостепи, еще до сих пор поддерживается устаревшая гипотеза о варварской принадлежности земляночных построек на древнегреческих памятниках Нижнего Побужья архаического и раннеклассического времени, а следовательно, и о массовом варварском присутствии на первых греческих колониальных поселениях, что, по их мнению, было следствием активного культурного и экономического взаимодействия греков с местным варварским населением с самого начала колонизации и в пределах ее ареала (Марченко, 1999. С. 145–172; 2005. С. 42–136; Марченко, Соловьев, 1989. С. 49–54; Соловьев, 1989. С. 15; 1993. С. 41; 1995. С. 153–163; 1997. С. 31–32; 2000а. С. 295; 2000б. С. 97; Solovyov, 1999; 2001. Р. 113–125).

Напротив, разделяя гипотезу А. М. Бутягина, который связывает происхождение землянок с исключительно греческой строительной традицией, не имеет смысла, говоря о таких простейших жилищах как землянки, вести речь о каком-либо заимствовании идеи (Бутягин, 1999а. С. 22–23). Автор допускает, что традиции постройки земляночных жилищ (греческая и варварская) сосуществовали параллельно и не связаны между собой (Бутягин, 1999б. С. 114; 2001. С. 40).

По мнению А. В. и С. Б. Буйских, использование достаточно экономичных и относительно несложных, углубленных в грунт жилищ свидетельствует не об обязательном, тем более тотальном присутствии варваров на греческих поселениях Нижнего Побужья, а об умении ионийских переселенцев быстро адаптироваться в условиях нового природного и культурного ландшафта (Bujskich A., Bujskich S., 2001. S. 667 ff.; Буйских, 2007. С. 113)

В свете этого более реалистичной, на наш взгляд, представляется позиция С. Д. Крыжицкого, считающего, что идея строительства углубленных жилищ, несвойственная греческой архитектурной традиции, была заимствована у местных, вероятно, лесостепных племен, поскольку оседлое варварское население в районах греческой колонизации в VII–VI вв. до н. э. отсутствовало (Крыжицкий, 1993. С. 41). Это же касается и близлежащей к Ольвии степной зоны, где в среде ее обитателей с VI и почти до конца V вв. до н. э. фиксируется одна экономическая отрасль – скотоводство в чисто кочевой форме

(Гаврилюк, 2000. С. 42). Тем не менее земляночные структуры не могут фигурировать в качестве этнопоказателя. Это явление регионального порядка, характерное для Восточной Европы на всем протяжении древней истории (Крыжицкий, 1993. С. 41).

Принимая данное предположение, добавим, что греки как безусловные лидеры цивилизации в античную эпоху, находясь в новых для себя природно-климатических условиях, заимствовали практический опыт многих народов, с которыми они контактировали во время колонизации различных регионов Ойкумены, в том числе и в плане местных жилищно-строительных технологий на первых этапах освоения новых территорий в Северном Причерноморье. Об определенных экономических связях греческих колонистов с племенами лесостепи в архаическую эпоху свидетельствуют многочисленные археологические материалы как более ранних (Онайко, 1966; Мелюкова, 1988. С. 22–23; Вахтина, 1985. С. 12–13; 1989. С. 74–88), так и современных исследований (Бандуровский, 2011. С. 68–79; Задников, 2009. С. 15–21; Задников, Гавриши, 2011. С. 101–109). Уже на раннем этапе существования Березани и Ольвии их торговые связи достигали широты современной Киевской области на севере и Приуралья на востоке (Граков, 1947. С. 23–38; Русяева, 1986. С. 55, 62; Крыжицкий, Лейтунская, 1997. С. 25–26). Основные греко-варварские контакты этого времени в первую очередь были связаны с лесостепью (Кравцова, 2007. С. 8).

Греческие колонисты, контактировавшие в различных сферах с варварскими народами, безусловно, еще с самого начала колонизации были знакомы с местным опытом обустройства надежных и практичных жилищ и, вероятно, применяли его для сооружения своих, используя имеющиеся местные природные ресурсы. В этом контексте характер и баланс этих отношений в архаическую эпоху не имеют принципиального значения. Важен сам факт проникновения античного импорта на скифские памятники, что, вероятно, свидетельствует о посещении этих территорий греческими торговцами и путешественниками, которые, соответственно общеизвестной античной практике, всегда проводили рекогносцировку новых земель в местах колонизации (Брашинский, Щеглов, 1979. С. 38–41) для определения природных ресурсов, в том числе, возможно, и с целью поиска источников приоб-

ретения металлов (Блаватский и др., 1979. С. 12 сл.), выявления экономического потенциала, культурных традиций коренного населения и особенностей местного рынка (Острроверхов, 1981. С. 84–85). Вполне логичным выглядит мнение Ю. Г. Виноградова о том, что во второй половине VII в. до н. э., когда Истрия и Березанское поселение уже были основаны, милетяне были знакомы с этнодемографической ситуацией в Северном Причерноморье (Виноградов, 1989. С. 42), в том числе с культурой и бытом местного населения.

Отметим и то, что варварские подкурганые захоронения лесостепной и, частично, степной зон в широких подпрямоугольных ямах (Ковпаненко, 1981. С. 63 сл.; Мурзин, 1982. С. 48–49; 1984. С. 20–28, 56–62) несколько похожи по конструкции на древнегреческие ямные погребальные сооружения Нижнего Побужья этого времени (подтипы 4 и 5), хотя и имеют свои конструктивные особенности. Для их сооружения так же широко использовались дерево и камень. Как и греческие, они, вероятнее всего, имитировали обыкновенные жилища, что было характерным для многих народов Восточной Европы.⁴ Схожесть таких могильных конструкций стала основным аргументом для ученых скифологов в процессе выделения Аджигольских и Матросовских подкурганых захоронений Нижнего Побужья V в. до н. э. в так называемый «локальный вариант» скифской культуры или в «приольвийскую группу» скифских памятников (Яценко, 1959. С. 61; Ильинская, Терноожкин, 1983. С. 198 сл.; Мурзин, 1984. С. 43; Черненко и др., 1986. С. 17; Гребенников, Фридман, 1985. С. 91–92; Гребенников Ю., 2008. С. 53; Гречко, 2010а. С. 116–135; 2011. С. 462).⁵

⁴ В скифских могилах в бассейне р. Рось в девяти случаях даже зафиксированы наклонные спуски ко дну могил, возможно, изображавшие символические входы, как в обычные жилища землянки (Ковпаненко, 1981. С. 66–67, рис. 49).

⁵ Отдельным современным приверженцам варварской интерпретации Нижнебугских подкурганых захоронений присущ некий «литературно-романтический» подход к данной проблеме, весьма далекий от серьезной научной полемики. Так, Д. С. Гречко, ставя в вину сторонникам эллинской принадлежности Аджигольских и Матросовских захоронений факт того, что одним из главных аргументов в пользу этой концепции является нахождение курганов среди греческого колониального ареала и на греческих некрополях (?!!) и, повторяя основные сравнительно-технологические постулаты предшественников, лишь на основании наличия аскоподобных сосудов ионийского производства, распространенных в Нижнем Побужье, в том

Эти научные разработки, к сожалению, базируются на устаревших взглядах на хору Ольвии 50-х гг. прошлого столетия без учета новейших исследований (*Отрешко*, 1979. С. 151–158; *Крыжицкий и др.*, 1980. С. 3–18; 1989; 1990; *Крыжицкий*, 2001. С. 21–36; *Крыжицкий*, 2007. С. 18–25; *Буйских*, 1986. С. 17–28; 2009. С. 230; *Снытко*, *Липавский*, 1990. С. 134–141; *Снытко*, 1992. С. 91–92; *Снытко*, 2009. С. 25–34; 2011а. С. 11–22; *Снытко*, 1996. Р. 408–409).

Таким образом, можно констатировать, что ямные могилы (подтипы 4 и 5) на греческих позднеархаических и раннеклассических некрополях Нижнего Побужья, безусловно, были оставлены древнегреческим населением хоры Ольвии и, вероятнее всего, имитировали обычные земляночные жилища того времени, имевшие в плане подпрямоугольную или подокруглую форму, с использованием дерева и камня для обустройства (стены и кровля).

Схожесть варварских одновременных погребений лесостепи с ольвийскими и березанскими, на наш взгляд, имеет единое объяснение, связанное с построением «жилищ» для умерших по примеру обычных жилых домов, что было присуще в те времена многим европейским народам, в том числе и обитавшим в Северном Причерноморье (*Томсон*, 1958. С. 228; *Сокольский*, 1969. С. 12; *Зубарь*, 1982. С.11; *Ольховский*, 1991. С. 16; *Папанова*, 2006. С. 81, 86).⁶ В связи с этим, как нам представляется, дискуссии относительно этнокультурного отождествления указанных погребальных сооружений и привязка их к греческим либо варварским традициям не имеют дальнейшей перспективы и не являются принципиальными.⁷ Бесперспективным, на наш

числе и среди материалов из могильников, имеющих утилитарные функции, а не как исключительно женский атрибут, считает некоторые, почти полностью ограбленные погребения женскими (?!). По этому же сомнительному признаку захоронения, на его взгляд, могли принадлежать гречанкам – женам скифов (*Гречко*, 2010а. С. 129–130), представителям некой «скифской орды» (!!!), собиравшей дань с ольвиополитов или на договорных условиях, за определенную плату, охранявшей греческие центры (Там же. С. 131).

⁶ Тем не менее многим непосредственным исследователям скифских памятников свойствен подход к типам погребальных сооружений лишь в контексте погребального ритуала (ямы, подбой, катакомбы и пр.), и вопросы возможности сравнения их с одновременными жилищами (шалаша, шатры, землянки) практически не рассматриваются.

⁷ Автором, совместно с С. Д. Крыжицким, готовится работа, в которой более детально будут проанализированы вопросы, связанные с сооружением могильных конструк-

взгляд, является и поиск сугубо греческих и варварских «элементов» как в греческих, так и в варварских погребальных комплексах (*Гречко*, 2010б. С. 53 сл.; *Носова*, 2012. С. 175 сл.; *Синика*, 2012. С. 264–272), поскольку в исторических условиях античной эпохи и тесного греко-варварского взаимодействия методы интерпретации отдельного артефакта или группы артефактов, которые используются исследователями для более ранних стадий развития общества, для античного периода являются малопригодными (*Крыжицкий*, 2007. С. 18). Сооружение тех или иных типов могил, безусловно, следует считать явлением региональным, рассмотрение которого в этнокультурной плоскости должно вестись в контексте наличной в том или ином районе синхронной архитектуры жилых комплексов, природных ресурсов и экономического уровня развития общества (*Сокольский*, 1969. С. 12; *Зубарь*, 1982. С.11; *Крыжицкий*, 1993. С. 75–77, 166–172, 203–208).

В первой половине IV в. до н. э. ямы продолжают оставаться единственным типом погребального сооружения на некрополях сельской округи Ольвии, что, возможно, свидетельствует об изначальной социальной и имущественной однородности контингента населения, участвовавшего в процессе нового этапа преимущественно внутренней колонизации (реколонизации) территории полиса, интенсивно начавшегося на рубеже V–IV вв. до н. э. (*Крыжицкий и др.*, 1989. С. 99; *Буйских*, 2009. С. 230; *Снытко*, 2011а. С. 464–471). Подбойные захоронения появляются лишь во второй четверти–середине IV в. до н. э. Это, вероятнее всего, является показателем постепенности процесса имущественной дифференциации среди сельских жителей. Следует отметить и то, что подбойные могилы различаются по монументальности сооружения, иногда над ними возводились курганные насыпи. Данный факт подтверждает различия в материальных возможностях семей, хоронивших своих близких в различных по сложности сооружениях.

В последней трети IV в. до н. э. на сельских могильниках появляется самый сложный тип погребального сооружения – земляные склепы. Почти над каждой такой могилой была возведе-

ний в контексте одновременной жилой архитектуры, а также рассмотрены особенности греческой традиции возведения курганов в Нижнем Побужье.

на курганная насыпь. Сооружение земляных склепов в это время свидетельствует о выделении высшей социально-имущественной категории в среде отдельных ольвийских сельских общин (представители зажиточных кланов, ойкисты, демархи – ?).

Таким образом, разновременное появление сложных погребальных конструкций (подбой, земляные склепы) на некрополях хоры Ольвии косвенно свидетельствует о постепенности процесса социально-имущественного расслоения в среде сельского населения Ольвийского государства на протяжении IV в. до н. э. Наибольшую интенсивность этот процесс обретает в последней четверти столетия, что было связано с политическими преобразованиями в полисе после отражения македонской агрессии 331–330 гг., вероятной победой в городе партий радикального демократического направления (*Виноградов*, 1989. С. 175–176) и новым общеэкономическим подъемом в государстве (*Крыжицкий и др.*, 1989. С. 100; *Буйских*, 2009. С. 233), который способствовал появлению и формированию большой прослойки достаточно богатого среднезажиточного населения не только в самом городе, но и на его аграрной территории.

На сельских кладбищах пока не зафиксированы каменные склепы, характерные для некрополя Ольвии эллинистического времени. Объяснением этому может быть вероятное отсутствие среди жителей периферии представителей высшей полисной знати. Не исключено, что известнейшие аристократические кланы, имея земельные участки на хоре, постоянно проживая в городе, предоставляли свои земельные владения в аренду либо вели хозяйство, используя труд сельскохозяйственных рабов – ойкетов. Именно с таким способом ведения хозяйства, на наш взгляд, возможно, связано и появление на хоре так называемых «коллективных» усадеб в последней четверти IV в. до н. э., отличающихся от индивидуальных вилл бедностью и однообразием (*Отрешко*, 1982. С. 34 сл.; *Рубан*, 1985. С. 32; *Крыжицкий и др.*, 1989. С. 102–103; *Буйских*, 2009. С. 233; *Снытко*, 2011б. С. 25; *Снытко*, 2011б. С. 463).

Типы погребальных сооружений сельских некрополей по своим особенностям и технологии обустройства полностью аналогичны известным ольвийским, что свидетельствует о единых с городом традициях и эллинской культуре населения хоры в VI–III вв. до н. э. В заключе-

ние отметим, что погребальные сооружения в качестве «жилищ» для умерших особенно в архаическую эпоху иногда имитировали обычные жилые сооружения, из-за чего их следует рассматривать в контексте одновременной архитектуры Ольвии на фоне общеэкономического уровня развития общества (*Крыжицкий*, 1993. С. 41, 75–77; *Патанова*, 2006. С. 81, 86).

- Бандуровський*, 2011 – *Бандуровський О. В.* Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної лісостепової України // Археологія. Київ, 2011. № 1.
- Блаватский и др.*, 1979 – *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграции греков // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо-1977). Тбилиси, 1979.
- Брашинский, Щеглов*, 1979 – *Брашинский И. Б., Щеглов А. Н.* Некоторые проблемы греческой колонизации // Там же.
- Бузескул*, 1915 – *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции: Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в.: Лекции по истории Греции. Пг., 1915. Т. 1.
- Буйских*, 1986 – *Буйских С. Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры (VI–II вв. до н. э.) // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.
- Буйских*, 1997 – *Буйских С. Б.* К проблеме этнокультурной атрибуции Марицинского могильника // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження: Тез. докл. Миколаїв, 1997. Т. 1.
- Буйских*, 2007 – *Буйских С. Б.* К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2007. Т. 14.
- Буйских*, 2009 – *Буйских С. Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2009. Т. 15.
- Буйських, Нікітін*, 1988 – *Буйських С. Б., Нікітін В. І.* Охоронні розкопки могильника IV–III ст. до н. е. Лагерна коса // Археологія. Київ, 1988. № 63.
- Бутягин*, 1999а – *Бутягин А. М.* К вопросу о генезисе земляночного домостроительства в Северном Причерноморье // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения: Тез. докл. М., 1999.
- Бутягин*, 1999б – *Бутягин А. М.* Особенности домостроительства архаического Боспора // БФ. 1999.
- Бутягин*, 2001 – *Бутягин А. М.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // БФ. 2001. Ч. 1.
- Вахтина*, 1985 – *Вахтина М. Ю.* Об одном из аспектов греко-варварских связей в Северном Причерноморье эпохи архаики // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. семинара. Парутино, 1985.
- Вахтина*, 1989 – *Вахтина М. Ю.* Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н. э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): Материалы 2-го археологического семинара. Новочеркасск, 1989.
- Виноградов*, 1989 – *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. (историко-эпиграфическое исследование). М., 1989.
- Гаврилюк*, 2000 – *Гаврилюк Н. А.* Степная Скифия VI–V вв. до н. э. (эколого-экономический аспект): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.
- Гошкевич*, 1915 – *Гошкевич В. И.* Дар семьи Н. Н. Аркаса // Летопись музея за 1913 год. Херсон, 1915.

- Граков, 1947 – Граков Б. М. Чи мала Ольвія торгівельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи // Археологія. Київ, 1947. Т. 1.
- Гребенников В., 2010 – Гребенников В. Б. Історія вивчення пам'ятників археології у Миколаївській області (кінець XVIII – XX ст.). Миколаїв, 2010.
- Гребенников, Снытко, 1989 – Гребенников В. Б., Снытко И. А. Новый античный некрополь в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье: Тез. докл. конф. Одесса, 1989.
- Гребенников Ю., 2008 – Гребенников Ю. С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н. э.). Николаев, 2008.
- Гребенников, Фридман, 1985 – Гребенников Ю. С., Фридман М. И. К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н. э. // Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. семинара. Парутино, 1985.
- Гребенников, Фридман, 1986 – Гребенников Ю. С., Фридман М. И. О культурной принадлежности и хозяйстве населения ольвийской периферии в середине V в. до н. э. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
- Гречко, 2010а – Гречко Д. С. Курганы конца VI–середины V в. до н. э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // «Древности». Харьков, 2010. Вып. 9.
- Гречко, 2010б – Гречко Д. С. Некоторые вопросы изучения архаического некрополя Ольвии Понтийской // RA. Chişinău, 2010. Vol. VI, 2.
- Гречко, 2011 – Гречко Д. С. К вопросу о демографическом потенциале Ольвии в VI–V вв. до н. э. // БФ. Население, языки, контакты. 2011.
- Диатроптов, 2001 – Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. М., 2001.
- Задников, 2009 – Задников С. А. Античная керамика третьей четверти VII в. до н. э. из раскопок на Бельском городище // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д, 2009.
- Задников, Гавриш, 2011 – Задников С. А., Гавриш П. Я. Антична керамика в матеріалах зольника 7 західного укріплення Більського городища // Археологія. Київ, 2011. № 3.
- Зубарь, 1982 – Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев, 1982.
- Ильинская, Тереножкин, 1983 – Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Капошина, 1956 – Капошина С. И. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М., 1956 (МИА; № 50).
- Ковпаненко, 1981 – Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
- Козленко, 2008 – Козленко Р. О. Поховання античного часу біля с. Козирки // Історія. Культура. Нові дослідження: VII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв, 2008.
- Козуб, 1974 – Козуб Ю. И. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ, 1974.
- Козуб, 1987 – Козуб Ю. И. Погребальные сооружения Ольвии и ее округа // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.
- Копейкина, 1980 – Копейкина Л. В. Исследования архаического некрополя Березанского поселения // АИУ в 1978–1979 гг.: Тез. докл. XIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980.
- Кративина, 2007 – Кративина В. В. Ольвия и ее роль в эллинизации Побужья и Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007.
- Крижицкий, 1989 – Крижицкий С. Д. До історії колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. Київ, 1989. № 3.
- Крижицкий, 2001 – Крижицкий С. Д. Ольвия і скіфи у V ст. до н. е. До питання про скіфський «протекторат» // Археологія. Київ, 2001. № 2.
- Крижицкий, Русяева, 1978 – Крижицкий С. Д., Русяева Г. С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. Київ, 1978. № 28.
- Крыжицкий, 1993 – Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий, 2006 – Крыжицкий С. Д. О критериях присутствия варваров в составе населения ранней Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М., 2006.
- Крыжицкий, 2007 – Крыжицкий С. Д. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI–V вв. до н.э. // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье, 2007.
- Крыжицкий и др., 1980 – Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Крыжицкий и др., 1989 – Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Крыжицкий и др., 1990 – Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Крыжицкий, Лейтунская, 1997 – Крыжицкий С. Д., Лейтунская Н. А. Ольвия (раскопки, история, культура). Николаев, 1997.
- Латин, 1966 – Латин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Латин, 1969 – Латин В. В. Отчет о раскопках античного могильника у Маяка Дедова Хата Николаевского района, Николаевской области // НА ИА НАНУ. № 1969/ 16-6.
- Литавский, 1990 – Литавский С. А. О времени появления курганных погребений в Ольвии // Литавский С. А., Снытко И. А. Материалы по археологии Ольвии и ее округа. Киев, 1990 (Принт / Ин-т арх. АН УССР).
- Маринович, 1975 – Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.
- Марченко, 1999 – Марченко К. К. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V–IV вв. до н. э. (сельские поселения Нижнего Побужья) // Stratum-Plus. Кишинев, 1999. № 3: Скифский квадрат.
- Марченко, 2005 – Марченко К. К. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Марченко, Соловьев, 1989 – Марченко К. К., Соловьев С. Л. К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья VI в. до н. э. // Железный век. М., 1989 (КСИА; Вып. 194).
- Мелокова, 1988 – Мелокова А. И. Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VI–IV вв. до н. э.: Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо-Вани, 1985). Тбилиси, 1988.
- Мурзин, 1982 – Мурзин В. Ю. Погребальный обряд степных скифов в VII–V вв. до н. э. // Древности Степной Скифии. Киев, 1982.
- Мурзин, 1984 – Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Никитин, 1966 – Никитин В. И. Отчет о работе археологического отряда Николаевского краеведческого музея // НА ИА НАНУ. 1966/ 41.
- Никитин, 1968 – Никитин В. И. Отчет о работе археологического отряда Николаевского краеведческого музея // НА ИА НАНУ. 1968 / 57.
- Никитин, 1984 – Никитин В. И. Работы Николаевского краеведческого музея // АО 1982. 1984.
- Носова, 2012 – Носова Л. В. «Греческое» и «варварское» в Северо-Западном Причерноморье в «переходный период» (в связи с исследованием погребений конца VI–первой половины V в. до н.э. у с. Маяки) // МАСП. 2012. Вып. 12.
- Ольховский, 1991 – Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.

- Онайко*, 1966 – *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., 1966 (САИ; Вып. Д1–27).
- Острроверхов*, 1981 – *Острроверхов А. С.* Ольвия и торговые пути Скифии // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Отрешко*, 1976 – *Отрешко В. М.* Позднеархаические поселения Березанского лимана // Открытия молодых археологов Украины: Тез. докл. конф. Киев, 1976. Ч. 1.
- Отрешко*, 1979 – *Отрешко В. М.* К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья (Цхалтубо-1977). Тбилиси, 1979.
- Отрешко*, 1982 – *Отрешко В. М.* 3 історії Ольвійського поліса IV–I ст. до н. е. // Археологія. Київ, 1982. № 41.
- Отрешко*, 2009 – *Отрешко В. М.* Землянки и полуземлянки на античных поселениях Нижнего Побужья // Ольвийские древности: Сб. науч. трудов памяти В. М. Отрешко (1949–1999). Киев, 2009.
- Отрешко*, *Мазарати*, 2009 – *Отрешко В. М., Мазарати С. Н.* Архаические сооружения Березани // Там же.
- Папанова*, 2002 – *Папанова В. А.* Символика оружия в античных погребениях // БФ. СПб., 2002. Ч. 2.
- Папанова*, 2006 – *Папанова В. А.* Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской. Киев, 2006.
- Парович-Пешикан*, 1974 – *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- Петренко*, *Елагина*, 1969 – *Петренко В. Г., Елагина Н. Г.* Отчет Ингулецкой скифской экспедиции ИА АН СССР и МГУ за 1969 г. // НА ИА НАНУ. 1969/ 27. – ф. е. № 5743.
- Рубан*, 1985 – *Рубан В. В.* Проблемы исторического развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. // ВДИ. М., 1985. № 1.
- Русяева*, 1986 – *Русяева А. С.* Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. М., 1986. № 2.
- Русяева*, 1992 – *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева*, 2000 – *Русяева А. С.* Курганы Ольвии как символ ее славы и сакральной охраны // АВ. 2000. № 7.
- Синика*, 2012 – *Синика В. С.* О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника Глинное III–II вв. до н. э. на левобережье Днестра // Человек в истории и культуре. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора В. Н. Станко. Одесса, 2012. Вып. 2.
- Скуднова*, 1988 – *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Смирнов*, 2012 – *Смирнов А. И.* Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 2012.
- Снитко*, 2009 – *Снитко И. О.* Поховальный обряд населения хоры Ольвии IV–III ст. до н. э. // Археологія. Київ, 2009. № 3.
- Снитко*, 2011а – *Снитко И. О.* Підкурганні поховання некрополів хоры Ольвії VI–V ст. до н. е. // Археологія. Київ, 2011. № 1.
- Снитко*, 2011б – *Снитко И. О.* Мікселліни ольвійського декрету на честь Протогена (історико-археологічний аспект) // Археологія. Київ, 2011. № 3.
- Снитко*, 2012 – *Снитко И. О.* Ще раз про межі Ольвійського поліса // Археологія. Київ, 2012. № 4.
- Снитко*, *Наумов*, 1990 – *Снитко И. О., Наумов В. І.* Охоронні розкопки біля с. Лупарев Миколаївської області // Охорона та охоронні дослідження пам'яток археології в Україні: Тез. доп. на семінарі. Вінниця, 1990.
- Снытко*, 1986 – *Снытко И. А.* Грунтовый некрополь IV–III вв. до н. э. в урочище Дидова Хата // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
- Снытко*, 1987 – *Снытко И. А.* Погребальные обряды населения ольвийской хоры IV–III вв. до н. э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: Тез. докл. VI республиканской конф. молодых археологов. Киев, 1987.
- Снытко*, 1990а – *Снытко И. А.* Погребальные обряды населения ольвийской хоры IV–III вв. до н. э. // *Липавский С. А., Снытко И. А.* Материалы по археологии Ольвии и ее округи. Киев, 1990 (Препринт / Ин-т арх. АН УССР).
- Снытко*, 1990б – *Снытко И. А.* Исследования некрополя античного времени в урочище Сиверсов Маяк // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): Тез. докл. юбил. конф. Херсон, 1990. Ч. 2.
- Снытко*, 1992 – *Снытко И. А.* Марицинский могильник в свете новых исследований в Нижнем Побужье // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. конф. Мелитополь, 1992.
- Снытко*, 1998 – *Снытко И. А.* Поселение Николаев-6, как северный форпост Ольвийского государства // Південна Україна: Проблеми історичних досліджень. Миколаїв, 1998. Ч. 1.
- Снытко*, 1999 – *Снытко И. А.* Новые сведения о погребальных сооружениях хоры Ольвии архаического времени // Слов'янський світ та античні традиції. Миколаїв, 1999. Ч. 3.
- Снытко*, 2000 – *Снытко И. А.* Отчет о раскопках Северного некрополя у с. Прибугское в 2000 году // НА ИА НАНУ. № 2000/ 141.
- Снытко*, 2011а – *Снытко И. А.* Проблемы реколонизации хоры Ольвии рубежа V–IV вв. до н. э. // БФ. Население, языки, контакты. 2011.
- Снытко*, 2011б – *Снытко И. А.* Миксэлліны и ойкеты ольвийского декрета в честь Протогена (к вопросу об историко-культурной и территориальной идентификации) // Древнее Причерноморье. Одесса, 2011. Вып. 9.
- Снытко*, 2012 – *Снытко И. А.* Древнегреческие некрополи Нижнего Побужья IV–III вв. до н. э.: особенности исторической топографии, характер и структура // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 2012.
- Снытко и др.*, 1997 – *Снытко И. А., Гребенников В. Б., Гаверилов С. И.* Исследования античного некрополя в урочище Дидова Хата в 1996 г. // Матеріали II-ї Миколаївської краєзнавчої конференції. Миколаїв, 1997. Т. 1.
- Снытко*, *Касьяновский*, 2012 – *Снытко И. А., Касьяновский В. А.* Богоявленск и его окрестности: Историко-краеведческие очерки. Симферополь, 2012.
- Снытко*, *Липавский*, 1990 – *Снытко И. А., Липавский С. А.* Античные сельские некрополи VI–V вв. до н. э. в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
- Снытко*, *Никитин*, 1985 – *Снытко И. А., Никитин В. И.* Исследования и раскопки в Николаевской области // АО 1983. 1985.
- Снытко*, *Смирнов*, 2009 – *Снытко И. А., Смирнов И. А.* Охранные раскопки античного некрополя у с. Старая Богдановка // Ольвийские древности: Сб. науч. трудов памяти В. М. Отрешко (1949–1999). Киев, 2009.
- Сокольский*, 1969 – *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья. М., 1969 (САИ; Вып. Г1–17).
- Соловьев*, 1989 – *Соловьев С. Л.* Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительных традиций): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
- Соловьев*, 1993 – *Соловьев С. Л.* Формирование городской и полисной структуры Березанского поселения // ПАВ. 1993. Вып. 3.
- Соловьев*, 1995 – *Соловьев С. Л.* Периодизация жилого строительства античной Березани // АВ. 1995. Вып. 4.
- Соловьев*, 1997 – *Соловьев С. Л.* Березанское поселение и Северо-Западный Крым // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VIII Междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 1997.
- Соловьев*, 2000а – *Соловьев С. Л.* Архаическая Березань: (историко-археологический очерк) // АВ. 2000. Вып. 7.

- Соловьев, 2000б – Соловьев С. Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Антикное Причерноморье. СПб., 2000.
- Суриков, 2011 – Суриков И. Е. Раннебоспорские землянки: свидетельство контактов с местным населением или модификация эллинических традиций // БФ: Население, языки, контакты. 2011.
- Томсон, 1958 – Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958.
- Фабрициус, 1951 – Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.
- Фролов, 1988 – Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Черненко и др., 1986 – Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. П., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.
- Яценко, 1959 – Яценко И. В. Скифия VII–V вв. до н. э.: Археологические памятники степного Приднепровья и Приазовья. М., 1959 (Труды ГИМ; Вып. 36).
- Яценко та ін., 2010 – Яценко С. М., Снитко І. О., Лобко О. Г. Про стан збереження пам'яток археології на Миколаївщині та основні проблеми їх охорони // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження: VIII Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Миколаїв, 2010.
- Bujkisch A., Bujkisch S., 2001 – Bujkisch A., Bujkisch S. I siti di Olbia e della sua chora nel periodo della colonizzazione Greca // Problemi della chora coloniale dall'Occidente al Mar Nero: Alti Taranto 40. Taranto, 2001.
- Ebert, 1913 – Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn Gouv. Cherson (Süd. Russland) // PZ. Leipzig, 1913. Bd 5.
- Papanova, 2000 – Papanova V. The opotheosis of dead (based of article «The Olbio Pontica Necropolis») // Practiques funeraires dans l'Europe des XIII – IV S. av. J. – C: Actes du III Colloque International d'Archeologie Funeraire. Tulcea, 2000. N 2.
- Snytko, 1996 – Snytko I. Greek burial customs in Olbian Chora (6-th–5-th centuries B.C.) // The Thracian World at the crossroads of civilizations: The 7-th international congress of Tracology. (May 20 – 26. 1996). Constanta – Mangalia – Tulcea. Romania. Bucharest, 1996.
- Solovyov, 1999 – Solovyov S. L. Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea // Colloquia Pontica-4. Leiden, 1999.
- Solovyov, 2001 – Solovyov S. L. On the History of the Citi-States in the Lower Bug Area: Borysthene and Olbia // Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum: Colloquia Pontica -7. / J. Boardman et al. (ed.). Leiden, 2001.

Funerary Structures at Rural Necropoleis of Olbia in the Context of the Ancient Greek Ritual Practices among the Population of the Lower Bug Region in the Late Archaic, Classical and Hellenistic Periods (6th–3rd Centuries BC)

I. A. Snytko

On the basis the results of long-term excavations, the present paper considers the types of funerary structures at necropoleis of the chora of Olbia in the 6th–3rd centuries BC. The author has identified and described three major types of the grave structures: pit graves (Fig. 1, 3–7; 2, 2,4), catacombs (Fig. 2, 1, 3; 8; 9, 2, 6; 10) and earthen vaults (Fig. 9, a, б). Of the pit-grave structures, it is possible to distinguish five main subtypes. Particular attention is paid to the monumental pit graves (subtypes 4 and 5, Figs. 5; 6; 7; 2, 2). These are discussed in comparison with the synchronous architecture of earthen dwellings of Olbia and settlements in its surroundings as well as similar funerary structures of Scythia. Analysis of the grave types takes into account the periods of their use at rural and urban necropoleis. It has been noted that the more complicated funerary structures (catacombs, underground chambers) appeared at rural cemeteries later than in Olbia itself. This fact was

probably due to the asynchronous processes of social and property differentiation among the populations in the city and in the rural territory. These processes were in gradual progress in the Olbian rural surroundings at different stages of its occupation in the late Archaic/early Classical and Classic-Hellenistic periods. In terms of their features and technology of construction, the types of mortuary structures at rural necropoleis are absolutely identical to those known in Olbia. This fact suggests common traditions in the city and the surrounding settlements, as well as generally in the Hellenic culture of the population of the chora in the 6th–3rd centuries BC. Grave structures considered as 'dwellings' for the dead, particularly in the Archaic period, sometimes imitated the ordinary dwelling structures. This is why they should be discussed within the context of architecture of Olbia against the background of the general economic level of the society.

НОВЫЕ НАХОДКИ ЧАШ СИАНА В ОЛЬВИИ

А. В. Буйских

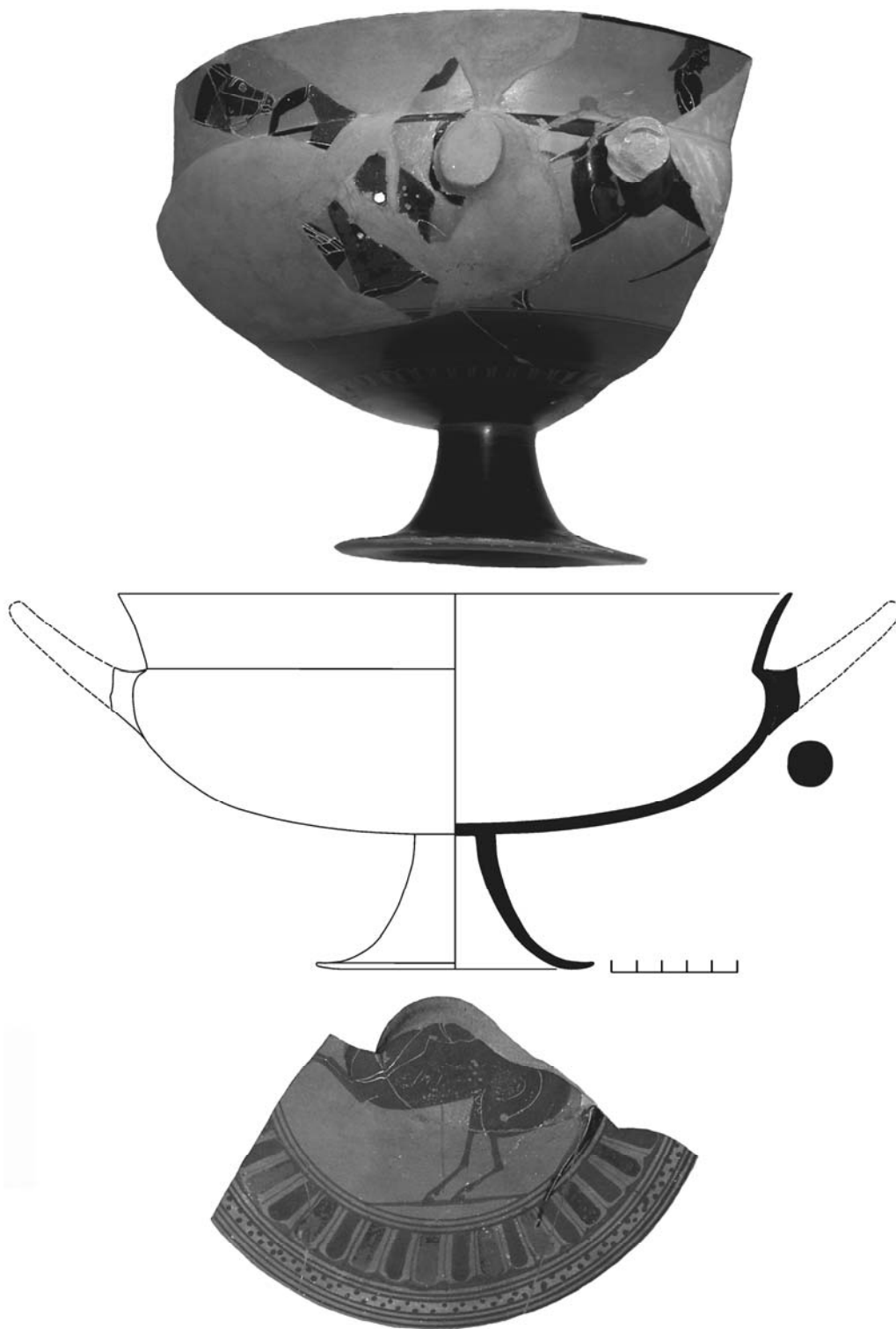
Чернофигурные аттические сосуды первой половины VI в. до н. э., происходящие из раскопок античных памятников Северного Причерноморья, до сих пор немногочисленны. Поэтому каждая новая находка традиционно привлекает внимание, поскольку дополняет информацию о торговых отношениях этого обширного региона с Афинами в указанное время. Однако, несмотря на все еще небольшую базу данных и небогатую историографию (Леей, 1964. С. 163-164; 1972. С. 49, рис. 14, 5; Копейкина, 1976. С. 137; Русяева, Дятроптов, 1994. С. 141-144), очевидно, что коллекция ранних аттических чернофигурных сосудов хоть и медленно, но увеличивается. При этом удивительно, что вплоть до настоящего времени килики Сиана в ней представлены минимально (Скуднова, 1988. Кат. № 245; CVA Russia XV, VIII. Pl. 3, 1-6; Петракова, 2010а. С. 193-194, рис. 10; Русяева, Назарчук, 2006. С. 169-173). И это на фоне того, что в Северо-Западном Причерноморье килики Сиана (о типе киликов см.: Beazley, 1964. P. 21; Boardman, 1997. P. 31 ff.; Brijder, 1983, P. 32 ff.) известны в Истрии (Histria IV. Cat. N 370-377; Histria VII. Cat. N C 86-87), а в массовом количестве они найдены в Борисфене (Скуднова, 1955. С. 35-37; Горбунова, 1982. С. 36; Борисфен -Березань, 2005. Кат. № 133; CVA Russia XV, Vni. Pl. 1, 7-9; 2, 1-5; Smith, 2010. Cat. N 11-17; Петракова, 2010а. С. 190 ел.; 2010б. С. 30-32, рис. 1-3, 35-37, рис. 7-12; Ильина, Чистов, 2012. С. 31, табл. 24, 2). В Северо-Восточном Причерноморье находки киликов Сиана известны в Пантикапее (Сидорова, 1992а. С. 188, ил. 9а; 1992б. С. 218-220; ил. 10а-б; CVA Russia I, I. Pl. 53, 5-7).

Ситуация с ольвийской коллекцией ранних материалов стала меняться лишь в последнее

время. В немалой степени этому способствовали многолетние исследования архаических строительных остатков в южной части городища, которые и позволили обнаружить несколько десятков новых сосудов на уровне ранних материковых углублений. Некоторым, в частности, фрагментам кратеров мастерской Лидоса и его круга посвящена отдельная статья. В ней также предварительно введено в научный оборот несколько фрагментов киликов Сиана (Буйских, 2010. С. 90-103). Настоящая публикация является итогом изучения ранних чаш Сиана и сосудов, стилистически связанных с этим кругом, из раскопок Ольвии, причем для обработки были привлечены и более ранние находки. Все они представлены фрагментами, зачастую мелкими. Однако современные знания об этих сосудах, основных сюжетах и стилистических приемах мастеров, их расписавших, дают возможность не только надежно атрибутировать ольвийские фрагменты, но и с высокой степенью достоверности определять их принадлежность тому или иному вазописцу.

Из Ольвии помимо уже известных также происходит новая серия фрагментов, позволяющая корректировать мнение об их небольшом количестве на этом памятнике. Это, прежде всего, археологически целый крупный килик (рис. 1), высотой 15 см, с высоким отогнутым краем, диаметром 27 см, округлыми плечами, с глубоким, несколько уплощенным округлым туловом, на высокой полой ножке, высотой 5,5 см, с широким основанием, диаметром 11,2 см. Внешняя стенка содержит изображение скачущих обнаженных (?) всадников вправо и идущей мужской фигуры в длинном хитоне в зоне ручек. Активно использована накладная краска - пурпур, анатомические детали и одежда акцентированы гравировкой. Пурпуром выделены длинные прически всадников, части круп лошадей, полностью покрыт хитон идущего. В придонной части стенки - корзинка из язычков с чередованием

¹ Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины. Отдел античной археологии.

Рис. 1. Килик Сиана O-89/P-25/1337. Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины.
Fig. 1. Siana Kylix O-89/P-25/1337. National Historical and Archaeological Park of 'Olbia', National Academy of Sciences of Ukraine.

лака и пурпура в обрамлении трех тонких полос лака. По внутренней стенке в центре медальон, *tondo*² содержит профильное изображение легковооруженного всадника влево в набедренной повязке на вздыбленном скакуне – ниже крупа коня видна нижняя часть копья, которое всадник держит вертикально. *Tondo* обрамляет окружность из язычков с чередованием лака и пурпура между двух тонких полос лака. Хвост коня слегка «выступает» за край *tondo*, на него наложено пятно пурпура, которым покрывались язычки. Внешняя окружность *tondo* обрамлена точечным декором в шахматном порядке, от вместилища ее отделяют три тонкие полосы лака.

Абсолютной аналогии этому сюжету найти не удалось при том, что кавалькады всадников, изображенных в профиль преимущественно влево, типичны для нескольких вазописцев чаш Сиана, работавших синхронно. Кавалькады были характерны в основном для среднего периода деятельности мастера С, охватывавшего первую половину 560-х гг. до н. э. Так, манера прорисовки головы и морды коня – глаз, гривы, уха, мест наложения пурпура сближает ольвийский килик с киликом из Кембриджа (GR. 20. 1929) (*Brijder*, 1983. Cat. N 86). Близкие иконографические сюжеты дают также килики мастера Taras раннего и среднего периодов, которые целиком приходятся на 560-е гг. (*Ibid.* Cat. N 130; 146). Отличие сюжета на ольвийском килике состоит в наличии идущей фигуры, с одной из сторон фланкировавшей кавалькаду. Всадник на вздыбленном скакуне в *tondo* редок, стилистически он близок, но также не идентичен, одному из изображений мастера Taras среднего периода (*Ibid.* Cat. N 143). Для обоих мастеров, С и Taras, характерны богато украшенные медальоны, в которых *tondo* обрамлены язычками с внешним контуром, украшенным точечным декором в окружении тонких полос. Окончательно уточнить принадлежность ольвийского килика мастеру Taras может его морфология – по форме и размерам этот килик наиболее близок сосудам мастера Taras среднего периода, который приходится на 565–560 гг. до н. э. Этому времени соответствует и композиционное построение росписи сосуда, в частности, значительная высота его изобразительного поля относительно сосудов раннего и позднего периодов (*Ibid.* P. 151 f., fig. 44).

² *Tondo* – художественная композиция, заключенная в круг (сокр. от итал. *rotondo* – круглый) (*примеч. ред.*).

Фрагмент другого килика содержит изображение батальной сцены – статичной пары обнаженных воинов со щитами, развернутых лицом и спиной по фасаду (рис. 2). Эта композиция также была весьма популярной у обоих упомянутых мастеров. У мастера С такие статичные сцены характерны для раннего периода его деятельности (*Ibid.* Cat. N 8) – аналогичным образом подана постановка фигур, прорисованы шлемы и копья, наложен пурпур. Близки также изображения среднего периода деятельности этого мастера (*Ibid.* Cat. N 48) – помимо перечисленных стилистических признаков аналогично украшены точками белой краски (в ольвийском килике они чередуются с точками пурпура) внутренние и внешние края щитов. Однако наиболее близким представляется килик мастера С позднего периода (*Ibid.* Cat. N 105) – изображенные на нем воины, кроме их идентичного разворота на плоскости (щит воина справа перекрывает щит воина слева), имеют аналогично проработанные шлемы с использованием белой краски на лобосе, а главное – ту же манеру передачи контура фигуры и изображения мускулатуры в виде непрерывной гравированной линии вдоль левой руки, торса и левого бедра до колена.

Еще одному килику с батальной сценой, в которой участвуют два воина, принадлежат два фрагмента (рис. 3, 1). Их композиционное построение позволяет сделать вывод о наличии в росписи трех пар воинов по фасаду сосуда. Пара воинов так же, как и на упомянутом килике мастера С позднего периода, изображена непосредственно у ручки. Воин слева имеет близкую проработку мускулатуры, шлем воина справа обозначен белой краской. Соответственно, оба ольвийских фрагмента можно поместить в рамки позднего периода мастера С – 565–560 гг. до н. э.

Мелкий фрагмент принадлежит килику с изображением пирующих симпосиастов (рис. 3, 2). Поза симпосиаста с согнутой в локте правой рукой на фоне подушки характерна для сцены симпосиев – одной из популярных для работ мастера С, его раннего (*Ibid.* Cat. N 8a) и особенно среднего (*Ibid.* Cat. N 47; 53) периодов. Но наиболее близким ольвийскому фрагменту по манере прорисовки кисти руки, изображенной на фоне пурпурной подушки, является килик из Берлина (Государственные музеи, № 4516) (*Brijder*, 1983. Cat. N 54) среднего периода мастера С или 570–565-х гг. до н. э.

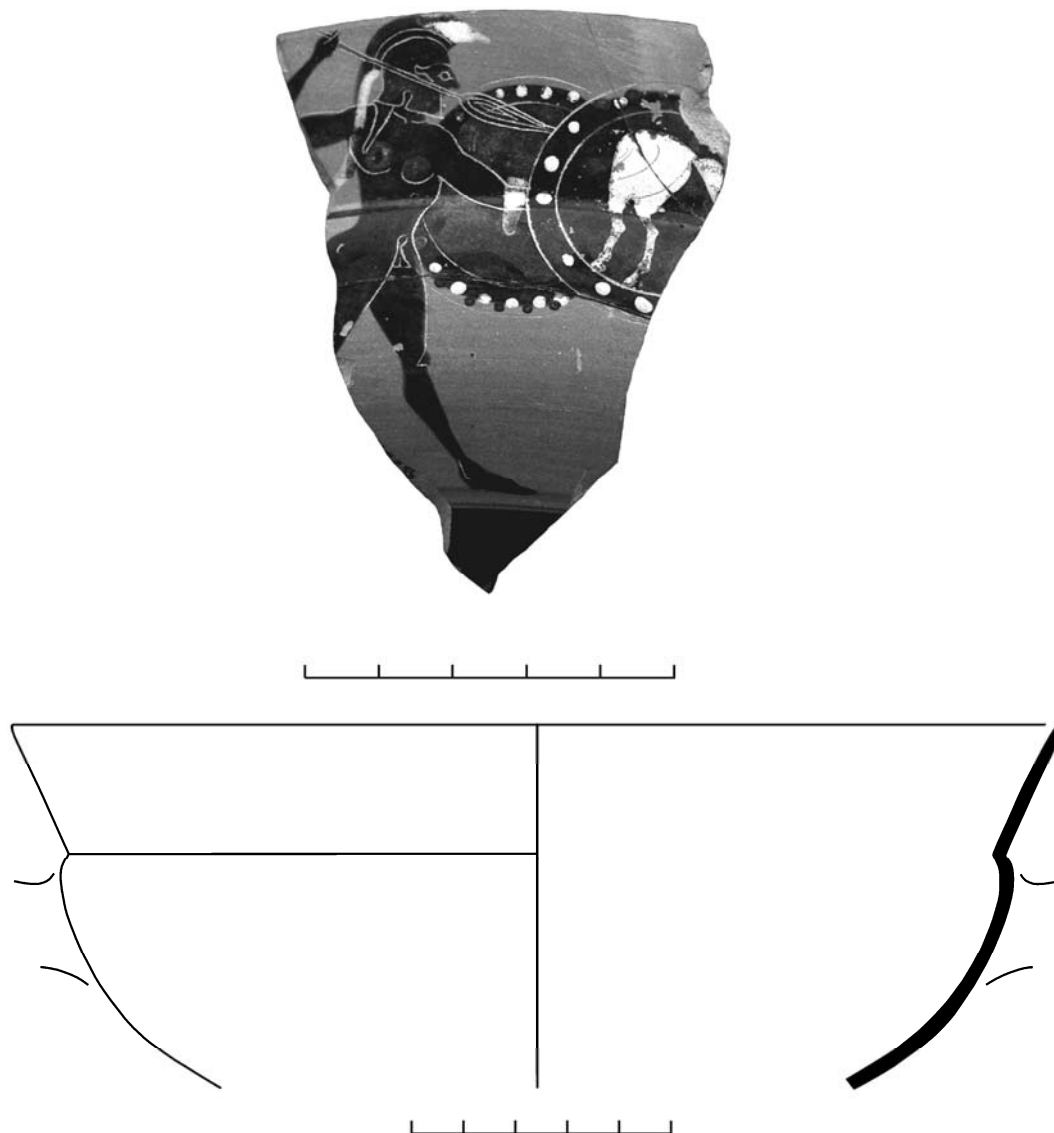

Рис. 2. Килик Сиана O-96/P-25/1616. Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины.

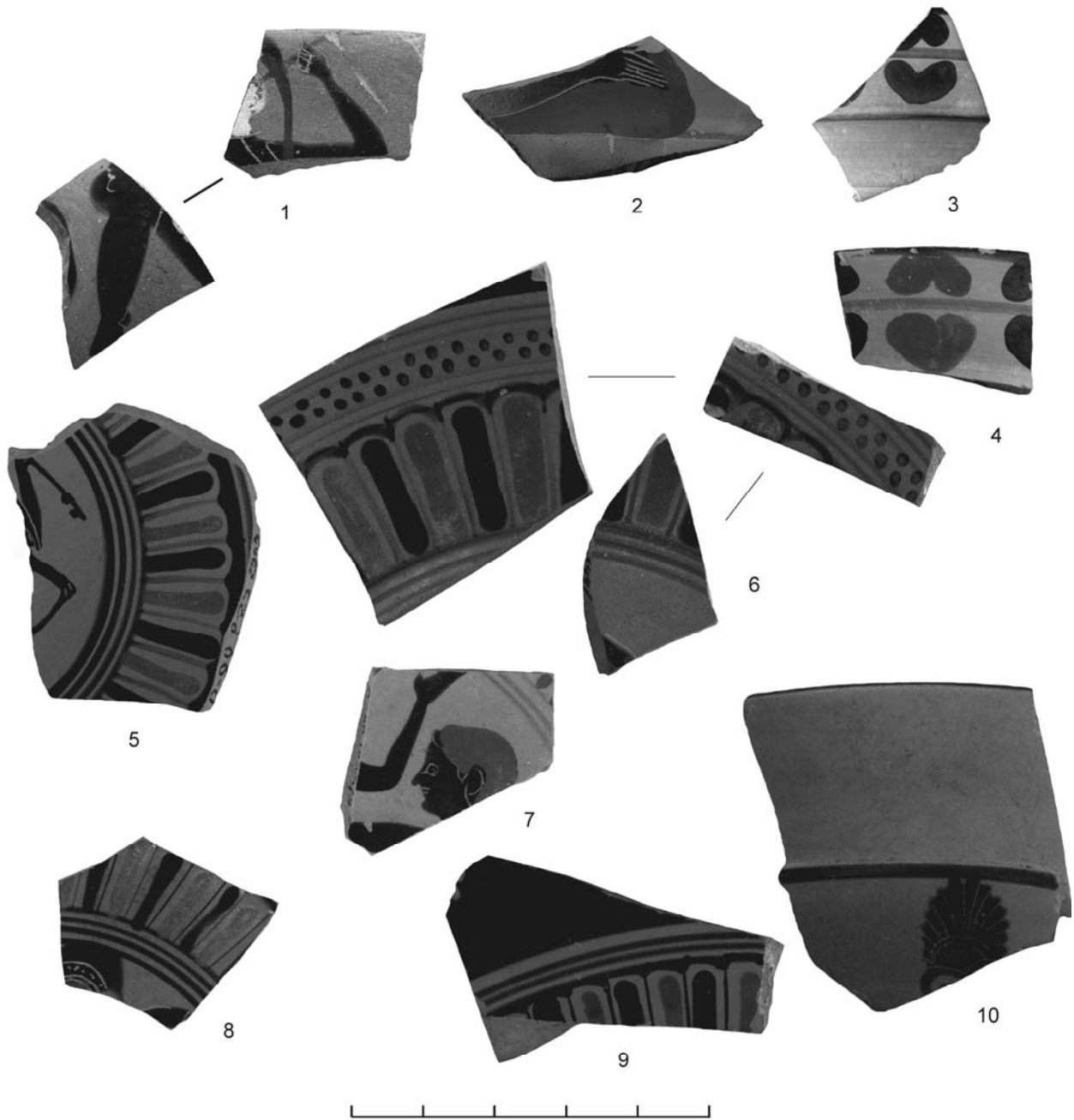
Fig. 2. Siana Kylix O-96/P-25/1616. National Historical and Archaeological Park of 'Olbia', National Academy of Sciences of Ukraine.

Мелкие фрагменты венчиков с идентичными гирляндами плюща с чередованием лака и пурпура (рис. 3, 3–4) можно атрибутировать лишь как принадлежащие типу чаш Сиана. Гирлянды из чередующихся в цвете листьев плюща округлой формы, правда, все помещенные на коротких прямых ножках, характерны для мастера Taras, от раннего до позднего периода (Ibid. Cat. N 131; 182; 193), охватывая таким образом вторую половину 570-х–560-е гг. до н. э. Близкое изображение гирлянды плюща по венчику имеет и чаша мастера грифона-птицы из раскопок Березани, отнесенная к 550-м гг. до н. э. (Петрако-

ва, 2010а. С. 188–189, рис. 2). В целом сосуды с абсолютно идентичными гирляндами, с листьями округлой формы и без стеблей (или едва намеченными лаком?) встречаются значительно реже и известны по мелким, также точно не атрибутированным находкам на Афинской агоре (Brijder, 1983. Cat. N 307–309).

Помимо фрагментов внешних стенок обнаружено также несколько фрагментов внутренних медальонов. Это фрагмент *tondo* с изображением всадника на вздыбленном скакуне вправо. Вокруг *tondo* помещен язычковый орнамент в оvoidном контуре с чередованием лака и пурпура,

Рис. 3. Килики Сиана:

1) O-96/P-25/1446-1503; 2) O-2008/P-25/283; 3) O-2012/P-25/1616; 4) O-2012/P-25/953; 5) O-99/P-25/2563; 6) O-96/P-25/1398; 7) O-80/ЮЗА/9; 8) O-54/2104; 9) O-2008/P-25/70; 10) O-2005/P-25/3493. Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины.

Fig. 3. Siana Kylikes:

1) O-96/P-25/1446-1503; 2) O-2008/P-25/283; 3) O-2012/P-25/1616; 4) O-2012/P-25/953; 5) O-99/P-25/2563; 6) O-96/P-25/1398; 7) O-80/ЮЗА/9; 8) O-54/2104; 9) O-2008/P-25/70; 10) O-2005/P-25/3493. National Historical and Archaeological Park of 'Olbia', National Academy of Sciences of Ukraine.

обрамленный тремя тонкими окружностями лака (рис. 3, 5). Помимо упомянутой выше аналогии с киликом мастера Taras не исключено, что композиция этого изображения близка и изобразительной манере мастера С второй половины 560-х гг. до н. э. (*tondo* с близким по композиции

изображением всадника влево см.: *Brijder*, 1991. Pl. 160, *b*). Следует, однако, заметить, что упрощенная прорисовка обрамления *tondo* без пояса точечного декора характерна для киликов, которые можно связать с деятельностью разных мастеров – Taras (*Brijder*, 1983. Cat. N 129; 131; 133;

136; 143; 146; 147; 157; 160; 162; 163; 169; 173; 181), Malibu (Ibid. Cat. N 221; 224; 226; 227; 228; 232; 233; 235; 236; 246; 247) и Heidelberg среднего периода, ок. 560–550 гг. до н. э. (Brijder, 1991. Cat. N 344). Скорее всего, к тем же сосудам примыкают и фрагменты медальонов еще нескольких киликов (рис. 3, 8–9). Фрагменты медальона от еще одного сосуда с точечным поясом вокруг ов по внешней стороне медальона (рис. 3, 6) можно связать с мастерами С всех периодов его деятельности (Brijder, 1983. Cat. N 8; 13; 30; 49; 52; 80), а также мастера Taras раннего периода (Ibid. Cat. N 130; см. также: Gravisca V. Cat. N 25).

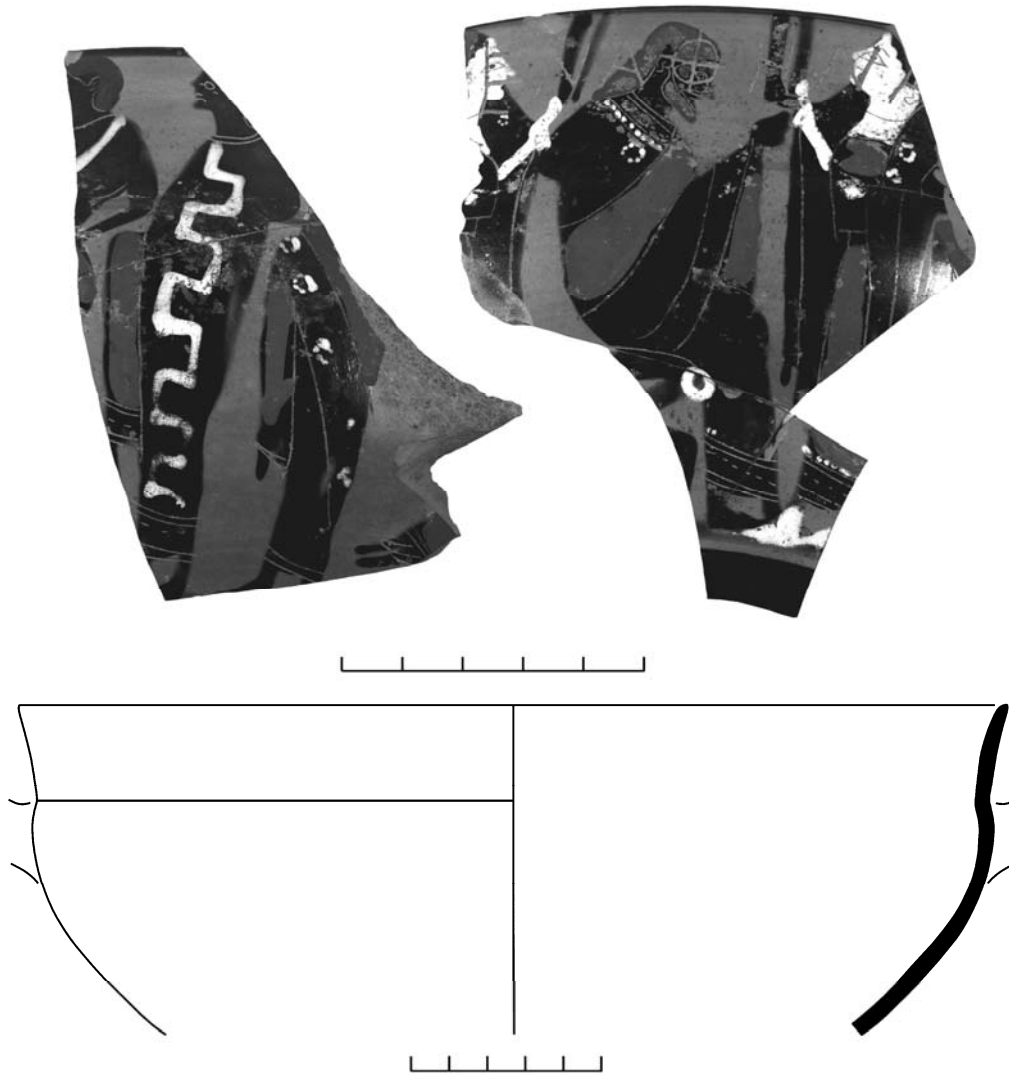
С киликом Сиана можно соотнести фрагмент высокого венчика (рис. 3, 10) с 15-лепестковой пальметтой с сердцевинной, обозначенной пурпуром, в зоне ручек, не достающей основания венчика. Пальметты в зоне ручек появляются у киликов, связанных с мастером С (Brijder, 1991. Pl. 60, c–d), и у мастера Adelphe ок. 560–555 гг. до н. э. (Ibid. Cat. N 268; CVA The Netherlands 8, 2. Cat. N 9599, pl. 76, 4–5, 77–78, 85, 5–6). Однако это сложно утверждать наверняка, так как небольшие сохранившиеся размеры сосуда допускают и другие, хотя и близкие, интерпретации. Тем не менее те пальметты, которыми декорированы сосуды разных мастеров, работавших после середины VI в. до н. э., имеют менее сложный характер прорисовки и меньшее количество лепестков. С еще одним мастером, расписывавшим чаши Сиана, Vintage, ок. 560–555 гг. до н. э., можно связать фрагмент медальона (рис. 3, 7) с изображением двух мужских голов, покрытых пурпуром, в *tondo* (борцов?), обрамленных полосами лака с точечным декором (Brijder, 1983. Cat. N 264a).

Несколько фрагментов килика Сиана были обнаружены на Западном теменосе Ольвии. Они содержат изображение сидящей на табурете мужской фигуры и стоящих вокруг него женских фигур в богато украшенных хитонах и гиматиях с использованием накладных красок, с кроталами (?) в поднятых руках (рис. 4). По краю сосуда – посвящение Афине (Пусяева, Назарчук, 2006. С. 170, рис. 140). Согласно интерпретации авторов публикации, этот сюжет следует трактовать как мифологическую сцену рождения Афины из головы Зевса. Стоящие и сидящие фигуры встречаются в росписях киликов мастера Heidelberg раннего периода, конца 560-х гг. до н. э. (Brijder, 1991. Cat. N 106a, c). Более

поздней аналогией того же мастера (ок. 550 – конец 540-х гг. до н. э.) может служить килик из парижского Кабинета Медалей (N 314), в котором стоящие мужские и женские фигуры имеют аналогично проработанный декор одежды, включая свисающие полы гиматиев с кисточкой на концах (Brijder, 1991. Cat. N 408).

Редкой находкой следует считать фрагменты глубокой чаши с дионисийским сюжетом (рис. 5), в котором танцующие женские фигуры чередуются с мужскими. Женские фигуры одеты в короткие узорчатые и пурпурные хитоны, мужские – обнажены, у некоторых из них на головы надеты маски животных (медведи?). Для деталей использованы накладные краски, пурпуром проработана одежда, женские украшения, окончания собранных в пучки волос, прически и анатомические детали на мужских фигурах. Слева от фигуры комаста имеется вертикальная надпись между фигурами, сохранившаяся в виде двух букв – X(?)У.... Нижняя часть сосуда имела корзинку – обрамление в виде, скорее всего, двусторонней гирлянды чередующихся пальметт и лотосов с накладными красками, отделенной от фигурной композиции двумя окружностями, состоящими из четырех тонких полос каждая с точечным декором в шахматном порядке. Медальон в интерьере сосуда сохранился фрагментарно. На нем представлена бегущая крылатая Медуза в *tondo*, окруженная композицией из язычкового декора, который помещен между тонкими концентрическими полосами и двойным рядом точек в шахматном порядке. В изображении Медузы использованы накладные краски, с чередованием лака и пурпура проработаны язычки.

Ближайшей аналогией такому сюжету с танцующими фигурами, с чередованием женских и мужских в идентичных масках, являются изображения на килике из Гарварда 1925.30.133 (Brijder, 1983, Cat. N K 87; другие чаши это мастера – Ibid., Cat. N K 86; K 88), Геттингена – Н 549 а (J 11) и Навкратиса – London B 103.2 (Brijder, 2000. Cat. N 567; см. также: Killet, 1993. Kat. 3, N 3; Isler-Kerényi, 1999. P. 561, Abb. 6–7; CVA Deutschland 83, 3. Taf. 64, K 339; чаша Сиана из Навкратиса: Beazley, Payne, 1929. Cat. N B 103. 2, pl. XVI, 2; Brijder, 2000, Cat. N 569). Все они соотнесены с мастером Palazzolo. Совершенно идентично на ольвийской чаше и киликах из Геттингена и Навкратиса прорисованы не только мельчайшие детали одежды на женщинах

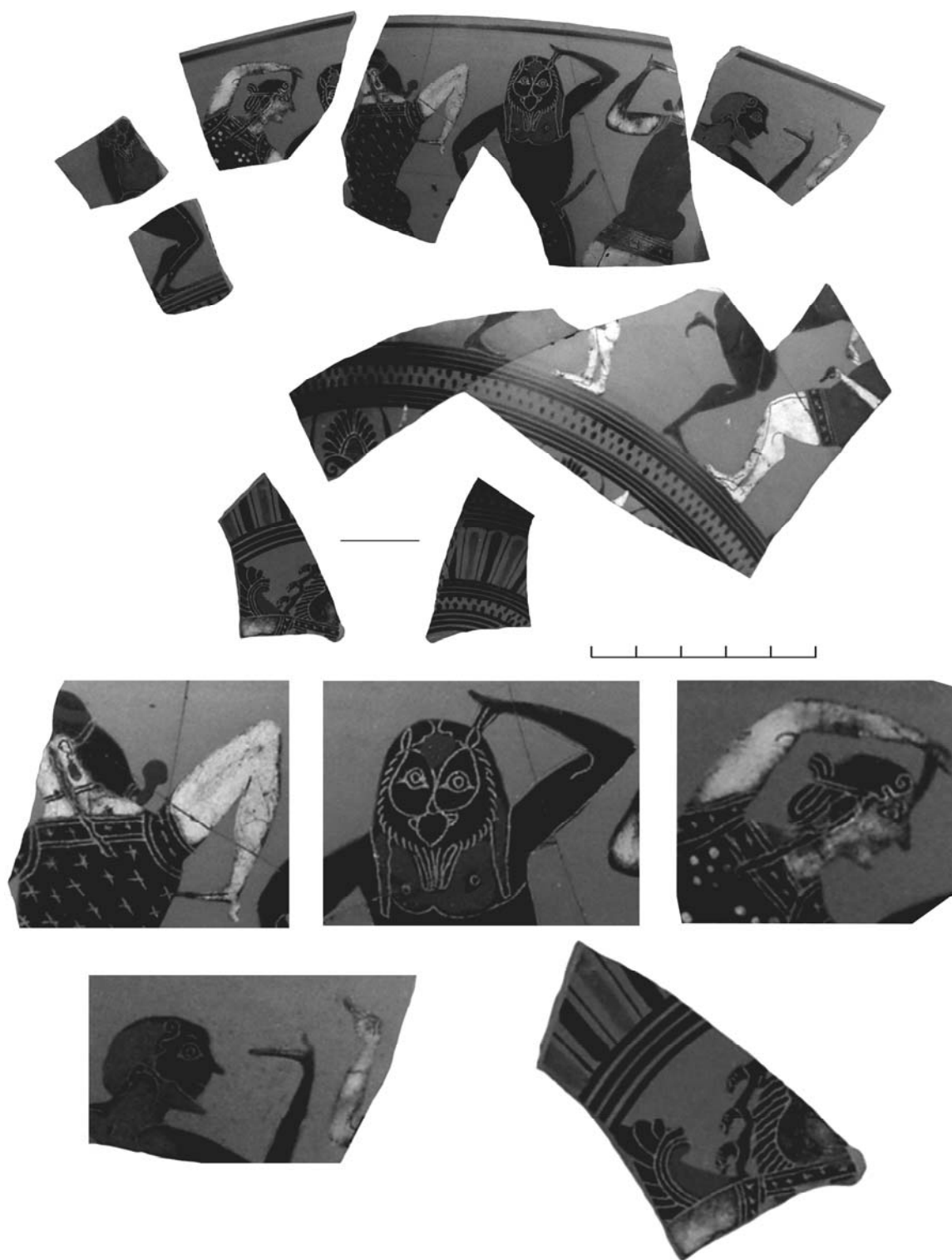
Рис. 4. Килик Сиана О-87/АГД/462. Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины.

Рис. 4. Siana Kylix O-87/AGD/462. National Historical and Archaeological Park of 'Olbia', National Academy of Sciences of Ukraine.

и их прическах, а также мужских фигурах, покрытых пурпуром в верхней части торсов и масках в фас, но и одинаково изогнутые позы танцующих.

Такие стилистические детали, безусловно, позволяют определить руку одного мастера. Соответственно, мастеру Palazzolo можно добавить еще один тип открытого сосуда – чашу, поскольку до настоящего времени он был известен только как автор киликов Сиана (Brijder, 2000. P. 608). Следует обратить внимание и на манеру, в которой изображена Медуза в *tondo*, – аналогично прорисованы ее поза, крыло, прическа и три завитка со змеиными головками с каждой стороны головы на сосуде того же времени из

Ватикана (17828), в стилистике росписи которого отмечена схожесть с несколькими мастерами, в том числе и с мастером Palazzolo (Ibid. P. 611). Представляется, что отмеченные стилистические особенности прорисовки Медузы на ольвийской чаше сближают их еще более, и вопрос о соотношении сосуда из Ватикана с тем же мастером приобретает конкретную форму. Если такое предположение верно, тогда круг сосудов, которые изготовлял мастер Palazzolo, еще более увеличивается, не выходя, однако, из категории открытых форм. Интересно и то, что время деятельности этого мастера, 560–555 гг. до н. э., в целом соответствует и датировке закрытого археологического комплекса, в котором была

Рис. 5. Чаша мастера Palazzolo O-2005/P-25/3492. Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины.

Fig. 5. Bowl of painter Palazzolo O-2005/P-25/3492. National Historical and Archaeological Park of 'Olbia', National Academy of Sciences of Ukraine.

обнаружена ольвийская чаша – вместе с фрагментами чаш Сиана (рис. 3, 5, 10). Как видно, эти сосуды хронологически коррелируют.

Публикуемые фрагменты чаш Сиана во многом корректируют современные представления о количестве и структуре раннего аттического импорта в Ольвию. Прежде всего очевидно, что этот импорт можно считать массовым, а не представленным единичными сосудами, как считалось ранее. Не менее интересно, что килики Сиана происходят из археологически закрытых комплексов второй четверти VI в. до н. э., которые в последние десятилетия активно исследуются в Ольвии. Их современная датировка по стилистическим признакам позволяет с той же степенью детализации уточнять датировки других видов керамического импорта, происходящего из этих заполнений, прежде всего восточногреческого. Кроме того, все эти находки, несмотря на высокую степень их фрагментарности, вместе с уже известными синхронными материалами из других памятников региона, и в первую очередь Борисфена, позволяют уверенно включить все Северное Причерноморье в один из активных рынков сбыта этой высококлассной продукции афинских мастерских уже в первой половине VI в. до н. э.

- Борисфен – Березань, 2005 – Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: Каталог выставки. СПб., 2005.
- Буйских, 2010 – Буйских А. В. О раннем аттическом импорте в Ольвию // БИ. 2010. Вып. 23.
- Горбунова, 1982 – Горбунова К. С. Аттическая чернофигурная керамика из раскопок 1962–1971 гг. на участке «Г» о. Березань // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- Ильина, Чистов, 2012 – Ильина И. Ю., Чистов Д. Е. I: Ранний период (конец VII–первая половина VI в. до н. э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2012. Т. 2.
- Копейкина, 1976 – Копейкина Л. В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Леви, 1964 – Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964.
- Леви, 1972 – Леви Е. И. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры 1968–1969 гг. // Античные памятники на территории СССР. М., 1972 (КСИА; Вып. 130).
- Петракова, 2010а – Петракова А. Е. Чаши мастера грифона – птицы и вазописцев его круга в собрании Государственного Эрмитажа // ВДИ. 2010. № 2.
- Петракова, 2010б – Петракова А. Е. Чаши Сиана Гейдельбергского мастера и вазописцев его круга в собрании Государственного Эрмитажа // СГЭ. СПб., 2010. Т. 68.
- Русяева, Диатроптов 1994 – Русяева А. С., Диатроптов П. Д. Новый кратер Лідоса з Ольвії // Археологія. Київ, 1994. № 2.
- Русяева, Назарчук 2006 – Русяева А. С., Назарчук В. И. Аттическая чернофигурная керамика // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006 (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии; Suppl. 2).
- Сидорова, 1992а – Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. // СГМИИ. 1992. Вып. 10.
- Сидорова 1992б – Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1969–1984 гг.) // Там же.
- Скудная, 1955 – Скудная В. М. Аттические чернофигурные килики из Березани // СГЭ. Л., 1955. Вып. 8.
- Скудная, 1988 – Скудная В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Beazley, 1964 – Beazley J. D. The Development of Attic Black-Figure. London, 1964.
- Beazley, Payne, 1929 – Beazley J. D., Payne H. G. G. Attic Black-Figured Fragments from Naucratis // JHS. London 1929. Vol. 49.
- Boardman, 1997 – Boardman J. Athenian Black Figure Vases. London, 1997. Repr. 1991.
- Brijder, 1983 – Brijder H. A. G. Siana Cups I and Comast Cups. Amsterdam, 1983 (Allard Pierson Series; Vol. 4).
- Brijder, 1991 – Brijder H. A. G. Siana Cups II. The Heidelberg Painter. Amsterdam, 1991 (Allard Pierson Series; Vol. 8).
- Brijder, 2000 – Brijder H. A. G. Siana Cups III. The Red-black Painter, Griffin-bird Painter and Siana Cups resembling Lip-cups. Amsterdam, 2000 (Allard Pierson Series; Vol. 13).
- CVA Deutschland 83, 3 – Eschbach N. Göttingen, archäologisches Institut der Universität. Bd 3: Attisch schwarzfigurige Keramik. München, 2007.
- CVA Russia I, I – Sidorova N. Pushkin State Museum of Fine Arts. Roma, 1996.
- CVA Russia XV, VIII – Petrakova A. Attic Black-Figure Drinking-Cups, Part II: The State Hermitage Museum. Roma, 2009.
- CVA The Netherlands 8, 2 – Brijder H. A. G. Allard Pierson Museum University of Amsterdam. Fasc. 2: Attic Black-figure Drinking-cups. Amsterdam, 1996.
- Gravisca V – Jacobazzi B. Le ceramiche attiche a figure nere. Vol. 1: Gravisca. V. Bari, 2004.
- Histria IV – Alexandrescu P. La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe – IVe s.) // Histria IV. București; Paris, 1978.
- Histria VII – Alexandrescu P. La zone sacrée d'époque grecque (fouilles 1915–1989) // Histria VII. București, 2005.
- Isler-Kerényi, 1999 – Isler-Kerényi C. Frauen um Dionysos vom 7. Jahrhundert bis um 540 v. Chr. // Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1999.
- Killet, 1993 – Killet H. Zur Ikonographie der Frau auf attischen Vasen archaischer und klassischer Zeit (Diss. Gießen Universität). Berlin, 1993.
- Smith, 2010 – Smith T. J. Athenian Black-Figure Pottery from Berezan // Борисфен – Березань: Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. 2.

New Finds of Siana Cups in Olbia

A. V. Buyskikh

This article is a publication of fragments of black-figured Attic Siana kylikes from recent excavations in Pontic Olbia. Despite the fragmentary state of the finds, the major artists have been identified who painted these vessels in the second quarter of the 6th century BC. Most of the fragments of the Siana kylikes uncovered in Olbia represent pottery manufactured by the painters C and Taras which moreover was produced during all the periods of their activities (Figs. 1–4). Also a vessel painted by the Palazzolo Painter (Fig. 5) has been identified. This is so far the single find related with this vase-painter among the known ones in the northern Black

Sea littoral. The range of the vessels made by Palazzolo Painter was thus expanded – to the Siana cups were added the bowls. Of considerable importance are the fragments of Siana cups found in Olbian closed archaeological complexes that make it possible to correlate the previously identified dates of particular categories of materials. The new Olbian finds allow us to revise the problems concerned with quantitative and qualitative evaluations of the Attic importation to northern Black-Sea centres, particularly Olbia, in the second quarter of the 6th century BC.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ОСТРОВЕ СОКОТРА (2006, 2008–2012 гг.)

Ю. А. Виноградов, В. А. Жуков, А. В. Сарабьев¹

Остров Сокотра, расположенный в Аденском заливе Индийского океана, между Аравией и Африкой и принадлежащий сейчас Йемену, постоянно привлекает внимание историков, археологов, этнографов и лингвистов (см.: *Наумкин, Порхомовский*, 1981; *Наумкин*, 1988; 1989; 2012; *Shinnie*, 1960; *Doe*, 1992; *Weeks et al.*, 2002). Одна из причин научного внимания к этому острову заключается в том, что до сих пор остается неясным вопрос о времени и характере его заселения. Между тем Сокотра упоминается в «Перипле Эритрейского моря» (§ 30–31), составленном неизвестным автором, очевидно, греческим купцом из Александрии в 40–70-х гг. I в. н. э. (об этом источнике см.: *Бухарин*, 2007; *Casson*, 1989). В перипле содержится информация, позволяющая считать, что Сокотра (остров Диоскурида, как он назван в этом документе) играла важную роль на торговых путях Индийского океана уже к середине I в. н. э. (*Бухарин*, 2007. С. 111, 121, 123–126, 128, 178, 240, 245, 260, 282; *Doe*, 1992. Р. 41).

Вполне очевидно, что задача археологов заключается в поиске вещественных материалов, которые позволили бы подтвердить и уточнить краткую информацию перипла. Однако, несмотря на многолетние целенаправленные поиски, никаких археологических материалов, которые бы бесспорно относились к первым векам новой эры, на острове обнаружить не удавалось, и вообще археология Сокотры представлялась весьма туманной. Работы Советско-Йеменской комплексной экспедиции на острове в середине 80-х гг. прошлого века привели к открытию нескольких любопытных памятников древности (*Наумкин*, 2012. С. 139 сл.; *Naumkin, Sedov*, 1993; 1995), но их хронология, за исключением времени средневековья, не вполне ясна.

В 2006 г. на Сокотре начала работы Российская комплексная экспедиция Института востоковедения РАН в Республике Йемен под общим руководством В. В. Наумкина и А. В. Седова.² Основным объектом ее археологических исследований стали памятники, расположенные к западу от сокотрийской столицы Хадибо, вдоль пересохшего русла Вади Хажря (*Наумкин*, 2012. С. 188 сл.). Здесь были проведены раскопки на крупном городище Хажря (Хажря-4) и еще трех небольших памятниках: Хажря-1, 2, 3 (рис. 1, 9–12). Наиболее интересным памятником, конечно, является городище Хажря. Главное здание этого поселения, почти полностью раскрытое раскопками, как сейчас представляется, являлось несторианской церковью (*Виноградов*, 2012а. С. 115; 2012б. С. 100 сл.; *Наумкин*, 2012. С. 210–211). Благодаря радиоуглеродным анализам, получена хронологическая шкала существования городища с VII по XIII в. (см.: *Виноградов*, 2012б. С. 110; *Наумкин*, 2012. С. 217).

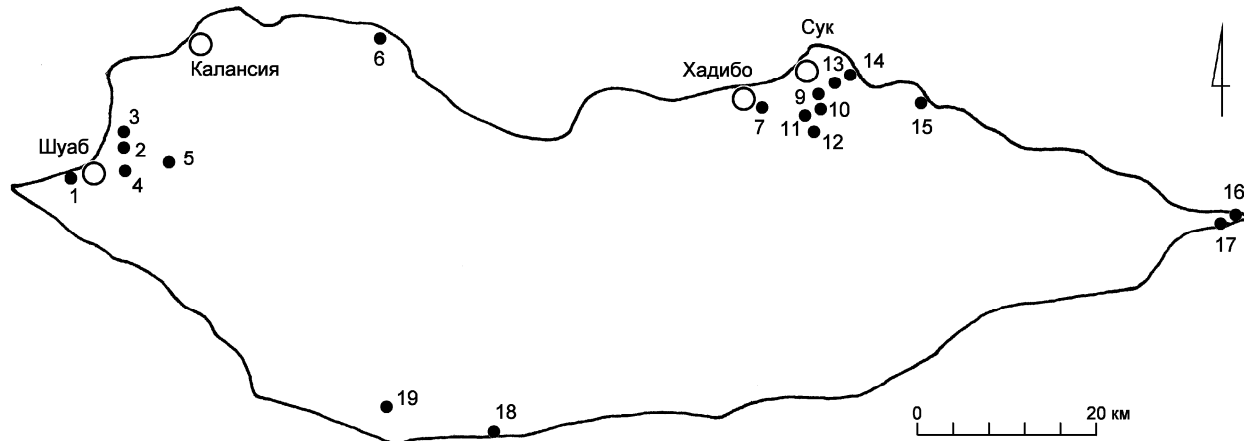
Наконец, в 2010 г. на западном побережье острова, около современного селения Шуаб, было открыто поселение Кош (рис. 1, 1). На нем были получены материалы, которые можно сопоставить со сведениями, содержащимися в перипле. Находки импортной керамики, собранные на поверхности памятника, скорее всего, относятся к II–V вв. Они позволяют уверенно считать, что на Сокотре удалось открыть поселение, связанное с международной торговлей

¹ Виноградов Ю. А. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Жуков В. А. Россия, 125993, Москва, Тверской бульвар, д. 10–12. Редакция стран СНГ–Балтия службы новостей ИТАР–ТАСС.

Сарабьев А. В. Россия, 107301, Москва, ул. Рождественка, д. 12. Институт востоковедения РАН, Информационно-издательский отдел.

² Исследования на острове Сокотра проведены при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 10-01-18078е и № 12-01-18062).

Рис. 1. Остров Сокотра. Карта-схема расположения археологических памятников:

1 – Кош; 2 – Ка'ар-1; 3 – Ка'ар-2; 4 – Ка'ар-3; 5 – Ка'ар-4; 6 – Кадама; 7 – Хамер ди Хасан; 8 – Сук; 9 – Хажря-1; 10 – Хажря-2; 11 – Хажря-3; 12 – городище Хажря (Хажря-4); 13 – Кешре; 14 – 'Анисхен; 15 – Таухак; 16 – Эрсель; 17 – Насан; 18 – Жайле; 19 – Бербер.

Fig. 1. The Island of Socotra. Chart of archaeological sites:

1 – Kosh; 2 – Ka'ar-1; 3 – Ka'ar-2; 4 – Ka'ar-3; 5 – Ka'ar-4; 6 – Qadama; 7 – Hamer Di Hasan; 8 – Suq; 9 – Hajrya-1; 10 – Hajrya-2; 11 – Hajrya-3; 12 – settlement-site of Hajrya (Hajrya-4); 13 – Keshre; 14 – 'Aniskhen; 15 – Tawhak; 16 – Eresel; 17 – Nasan; 18 – Zhaile; 19 – Berber.

в бассейне Индийского океана в первые века новой эры (Виноградов, 2011; 2012а. С. 115–116; Виноградов и др., 2011. С. 156; Наумкин, 2012. С. 219–226).

Принципиально важное значение для изучения сокотрийских древностей имеют также материалы, полученные в 80–90-х гг. прошлого века во время раскопок южноаравийского порта Кана, предпринятых Советско-Йеменской комплексной экспедицией (см.: Виноградов, 1993; Седов, 2005. С. 309 сл.).³ Результаты этих раскопок дают основание утверждать, что культурные слои Каны четко делятся на три горизонта (Седов, 2005. С. 318 сл.): «нижний» (вторая половина I в. до н. э. – I в. н. э.), «средний» (II–V вв.) и «верхний» (VI–VII вв.).

В 2011–2012 гг. на острове были проведены масштабные разведки, позволившие значительно расширить список археологических памятников Сокотры. В результате этих разведок получены данные о 14 поселениях и могильниках (рис. 1), которые ранее были либо слабо известны, либо совсем неизвестны для исследователей. Кратко опишем эти памятники и сделанные на них находки, начиная от западной части Сокот-

ры, где находится самое раннее из ныне известных на острове поселения Кош (рис. 1, 1), к восточной, вдоль северного побережья, а затем – от восточной к западной, вдоль южного побережья.

Ka'ar-1 (рис. 1, 2) находится восточнее поселения Шуаб, у северо-восточного склона гор, приблизительно в 300 м от моря. Этот памятник был осмотрен и описан британским исследователем древностей Южной Аравии Б. Доу (Doe, 1992. Р. 45–46).⁴ Каменные постройки на памятнике сохранились очень неплохо, хотя общая картина нарушена возведенной здесь современной кошарой. Постройки древнего поселения вытянуты по линии север–юг. Общие размеры памятника – приблизительно 95 × 22 м. Наиболее насыщенной строительными остатками является его южная часть, где сгруппирована основная масса строительных остатков. Здесь различимы не только стены зданий, но и проходы между ними. На свободной площадке между зданиями имеется небольшое сооружение (1,5 × 1 м), которое, возможно, является основанием алтаря. Каменный блок с частью грубо прочерченной на нем надписи (?), который Б. Доу посчитал алтарным (Doe, 1992. Р. 46, pl. 26), лежит

³ Итогом международного изучения Каны стал сборник трудов Qāni'. Le port du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde // Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993–94 / sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov. Brepols, 2010.

⁴ Б. Доу назвал этот памятник Симар Кар (Simar Qar), что в переводе с сокотрийского, очевидно, означает «Этот Кар».

на поверхности южнее основной группы построек поселения.

На поверхности памятника собрана значительная по количеству и показательная по составу коллекция керамики. Основная ее часть, которую можно считать местной, представлена обломками сосудов одного типа. Это достаточно крупные круглодонные горшки с выделенным горлом и краем, в большей или меньшей степени отогнутым наружу (рис. 2, 1–7). Большинство из них было изготовлено на гончарном круге. Все собранные фрагменты лишены орнамента, что вполне соответствует находкам подобной керамики на поселении Кош (Виноградов, 2011. С. 102, рис. 4; Наумкин, 2012. С. 222, ил. 84).

Импортная посуда обоих поселений тоже по существу идентична. Весьма показательны здесь обломки сильно вытянутых тарных сосудов с выделенным венцом и ножкой в виде усеченного конуса (рис. 2, 8–9). Эти сосуды можно было бы назвать амфорами, но они лишены ручек, в западной литературе их именуют типом «торпедо» (torpedo jars) и датируют III–V вв. (Northedge, 1985. P. 122, fig. 6, 2; Kennet, 2002. P. 159–160; 2004. P. 63, N 93). Фрагменты подобных сосудов были найдены на поселении Кош (Виноградов, 2011. С. 103, рис. 5, 1; Наумкин, 2012. С. 224, рис. 85, 1). Они широко представлены в материалах Каны (см.: Виноградов, 1993. С. 74, 79, рис. 3, 3–5; Седов, 2005. С. 345, рис. 202, 5–7; Akopian, 2010a. P. 78–79, cat. 344; Sedov, 2010a. P. 106–107, cat. 428; Vinogradov, 2010a. P. 44–45, cat. 149, 150, 153; 2010b. P. 158–159, cat. 608–611).

Среди находок довольно широко представлены фрагменты красноглиняных сосудов с пористой структурой, происшедшей от выгорания извести при обжиге, и темной поверхностью стенок. В их составе имеется обломок дна сосуда с довольно толстыми стенками (рис. 2, 10). Д. Кеннет называет подобные материалы, происходящие из района Персидского залива, clinky fired earth ware (они действительно издают звенящий звук, если ими постучать друг о друга), он датирует их V в. н. э. и позднее (Kennet, 2002. P. 157–158; 2004. P. 62, N 91).

В наборе столовой посуды имеется обломок открытого красноглиняного сосуда с краем, немного оттянутым вверх (рис. 2, 11). Его можно отнести к типу мисок или, что тоже допустимо, крышек. Еще один фрагмент стенки красноглиняного сосуда отличается тем, что вся его по-

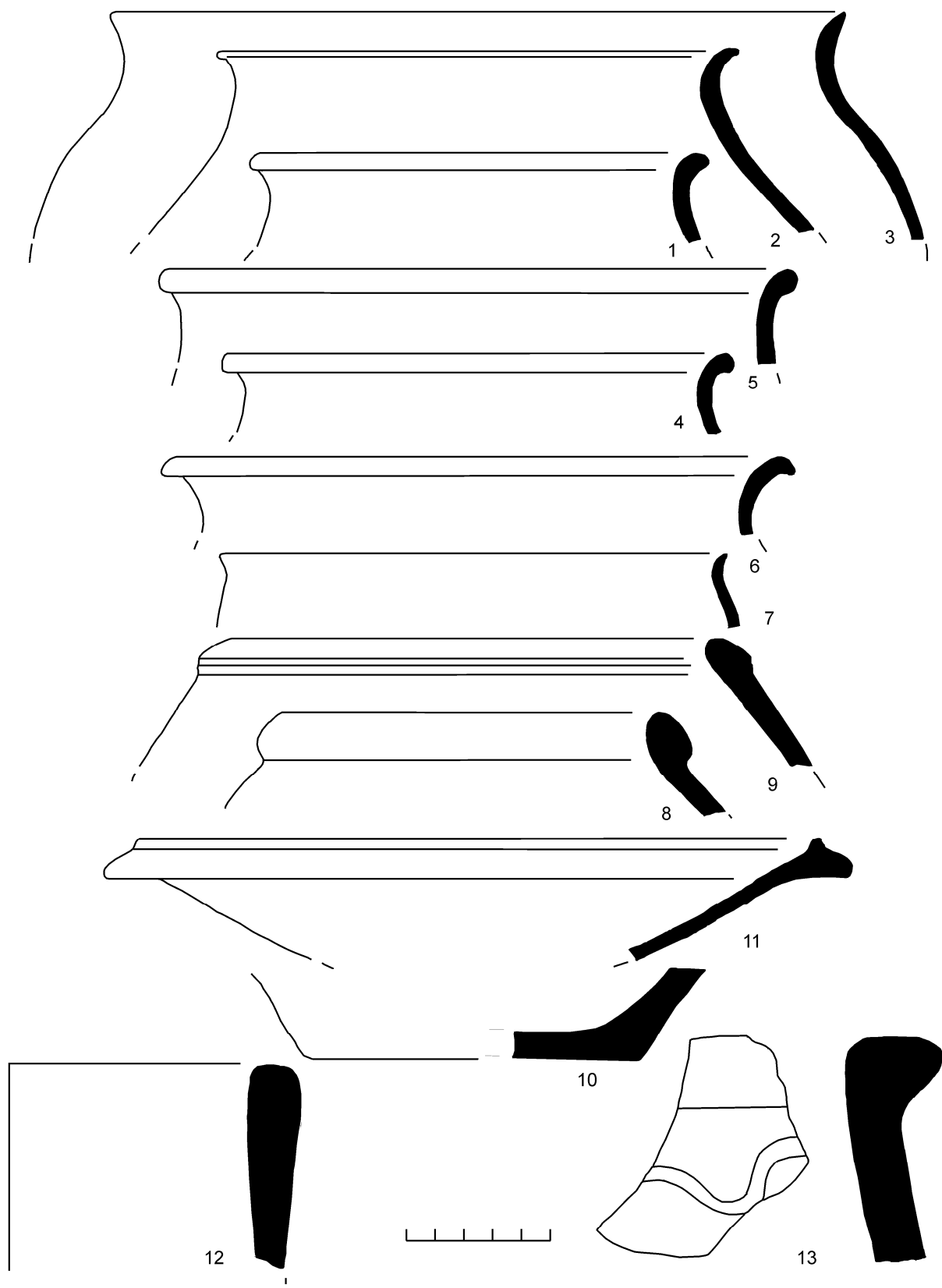
верхность покрыта орнаментом в виде плетенки, оттиснутой по сырой глине. Подобные находки, пусть очень редко, но встречались во время раскопок Каны (Vinogradov, 2010a. P. 158, 515, pl. 80, cat. 617). Откуда такая керамика попадала на Юг Аравии, пока не ясно, но, как представляется, она поступала сюда на позднем этапе существования Каны, т. е. в VI–VII вв.

Толстостенная керамика, предназначенная для хранения различных продуктов, характеризуется обломками крупных сосудов, которые на Юге Аравии называются зирами. Один из них принадлежит краю красноглиняного сосуда с немного оттянутым наружу венцом (рис. 2, 13). Он был украшен волнистой линией, прочерченной по сырой глине. Подобные находки в не малом количестве происходят из раскопок Каны (Akopian, 2010a. P. 80–81, cat. 365–366; Sedov, 2010a. P. 108–109, cat. 454–455; Vinogradov, 2010a. P. 56–57, cat. 240–245; 2010b. P. 164–165, cat. 671–674).

Другой фрагмент зира имеет непрофилированный край и вертикальные стенки (рис. 2, 12). Его отличает светло-зеленый цвет и пористая структура керамического теста, происшедшая в результате выгорания органических примесей. Все эти признаки очень характерны для южно-аравийской посуды (ср.: Sedov, 2010b. P. 262–263, cat. 1142), и есть все основания считать, что этот зир попал на остров с Аравийского полуострова.

Охарактеризованные материалы позволяют считать, что поселение Ка'ар-1 синхронно Кошу, т. е. датируется II–V вв. н. э. (см.: Виноградов, 2011. С. 104; Наумкин, 2012. С. 226).

Ка'ар-2 (рис. 1, 3). Поселение расположено к северу от Ка'ар-1, на расстоянии 700–800 м от него. Здесь за небольшим скалистым гребнем находится целая серия построек, тянущаяся на несколько метров вверх от основания довольно крутого склона, покрытого огромными валунами. Местами четко прослеживаются остатки стен, аккуратно сложенных из известняковых блоков. Строения хорошо вписываются в сложный рельеф местности, так что скальные выступы иногда служат элементами их стен. Размеры построек определить довольно сложно, поскольку после того, как жители покинули это поселение, по склону неоднократно проходили сели. Наиболее сохранившиеся строения группируются в верхней части, где их длина достигает 6–7 м. Положение поселения дает основание предполагать,

Рис. 2. Керамические находки с поселения Ка'ар-1 (1-13).

Fig. 2. Pottery finds from the settlement Ka'ar-1 (1-13).

что оно было построено с учетом возможных нападений противника и, вероятно, служило наблюдательным пунктом.

Керамические находки, собранные на поверхности поселения, не очень выразительны. В подавляющей массе они относятся к группе местных круглодонных сосудов с выделенным горлом и в большей или меньшей мере отогнутым наружу краем (рис. 3, 1–2, 4–5). По структуре глины к этой группе относится фрагмент подковообразной ручки (рис. 3, 3). Надо отметить, что ручки на сокотрийской посуде почти не встречаются. Импортная керамика представлена обломками стенок тарных сосудов типа «торпедо» (torpedo jars) и красноглиняных сосудов, относящихся к категории *clinky fired earth ware*. Эти находки свидетельствуют о том, что поселение функционировало во II–V вв. и было вполне синхронно Ка'ару-1.

Ка'ар-3 (рис. 1, 4). Поселение расположено в 3–4 км к юго-востоку от Ка'ар-1 на одном из уступов, которые чередой спускаются к заполненному водой Вади Дамус. Поселение построено очень компактно. Можно судить о не менее 10 строениях, стены которых были сложены из известняковых блоков. Некоторые из этих блоков были поставлены вертикально, достигая 1,50 м в высоту. Размеры построек невелики (приблизительно 4–5 × 3–4 м). Одну из них, скорее всего, следует понимать как алтарь.

Керамические фрагменты, обнаруженные на поселении, почти не отличаются от находок с Ка'ар-2. Почти все они относятся к круглодонным сосудам местного производства, край которых несколько отогнут наружу (рис. 3, 6–10). Здесь имеются также немногочисленные фрагменты импортной посуды: тарных сосудов типа «торпедо» и красноглиняных сосудов, относящихся к категории *clinky fired earth ware*. Они позволяют датировать поселение в пределах II–V вв. Однако здесь имеется несколько амфорных стенок с ребристой поверхностью, которые, если судить по материалам Каны, относятся к позднему этапу ее существования, т. е. VI–VII вв. (см.: *Виноградов*, 1993. С. 79, рис. 3, 1; *Седов*, 2005. С. 345, рис. 202, 1–4).

Ка'ар-4 (рис. 1, 5). Это поселение расположено к западу от Ка'ар-1, ближе к склону гор, ограничивающих долину с запада. Расстояние от моря – около 315 м. Размеры памятника: 55 × 40 м. Все это пространство было весьма плотно застроено различного рода постройками, стены

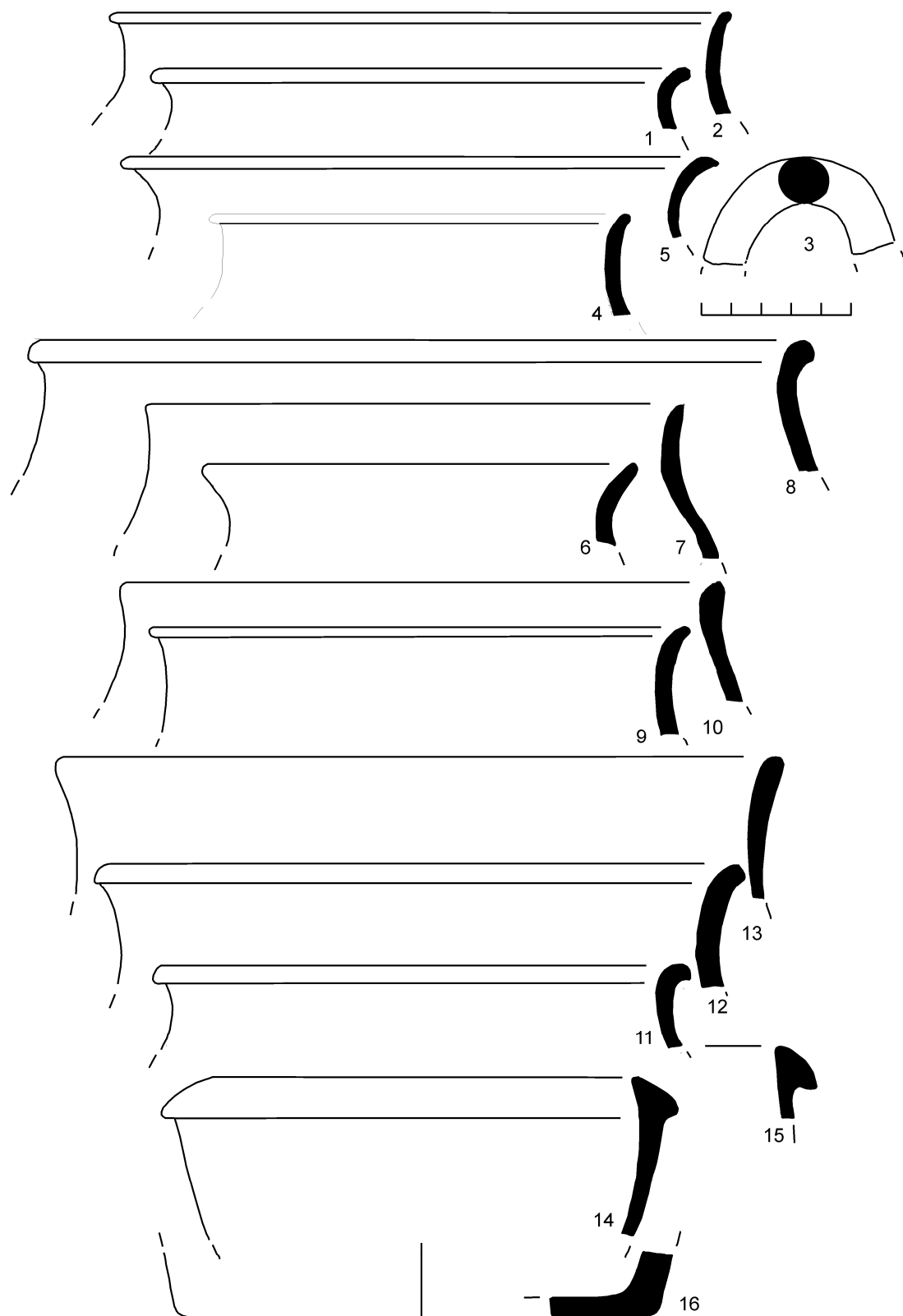
которых (вероятно, следует говорить об их нижних частях) состояли из поставленных на ребро крупных каменных плит. Некоторые постройки имеют значительную площадь, например – 6,6 × 4,1 м.

Очень любопытно здание, расположенное в 60 м от поселения по направлению к морю. Длинной стороной оно ориентировано в широтном направлении (5,75 × 3,90 м). Внутреннее пространство здания разделено стенкой на западную и восточную части (комнаты). Дверной проем (ширина – 1,15 м) расположен в западной, обращенной к морю стене. Северный край проема оформлен большой каменной плитой (1,60 × 1,15, толщина – 0,20 м).

Подъемный материал на памятнике очень немногочисленный, и основная его часть состоит из фрагментов круглодонных сосудов местного производства (рис. 3, 11–13). Тем не менее удалось найти два фрагмента красноглиняных гончарных мисок с клювовидным оформлением края, в структуре керамического теста которых имеются крупные поры от выгоревшей извести (рис. 3, 14–15). Миски с подобной профилировкой встречаются в слоях «средней» Каны, т. е. датируются II–V вв. (*Akopian*, 2010b. P. 142–143, cat. 542; *Sedov*, 2010b. P. 218–219, cat. 922). Имеется также обломок дна сосуда, относящегося к категории *clinky fired earth ware* (рис. 3, 16), которая, как говорилось выше, появляется в V в. Несмотря на очень небольшое количество находок, можно предполагать, что поселение существовало в обозначенных выше хронологических пределах, т. е. во II–V вв.

Кадама (рис. 1, 6). Это группа могильников, идущих вдоль северного побережья Сокотры к западу и юго-востоку от селения Кадама. На юго-востоке они прослеживаются вдоль шоссе вплоть до развилки на Шуаб, на западе – еще на четыре-пять километров за поворотом на Калансию. Общее количество погребальных комплексов приближается к десятку, два самых крупных из них находятся за поворотом на Калансию. Они имели четырехугольную в плане форму, некоторые были построены из вертикально поставленных плит.

Собранный здесь подъемный материал отличается от происходящего с четырех охарактеризованных выше поселений, хотя в составе местной посуды по-прежнему господствуют круглодонные горшки с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом (рис. 4, 2–7, 10–12), но здесь уже имеются и миски (рис. 4, 1, 8). Весьма

Рис. 3. Керамические находки с поселений:
 1–5 – Ка’ар-2, 6–10 – Ка’ар-3 и 11–16 – Ка’ар-4.

Fig. 3. Pottery finds from archaeological sites:
 1–5 – Ка’ар-2, 6–10 – Ка’ар-3 and 11–16 – Ка’ар-4.

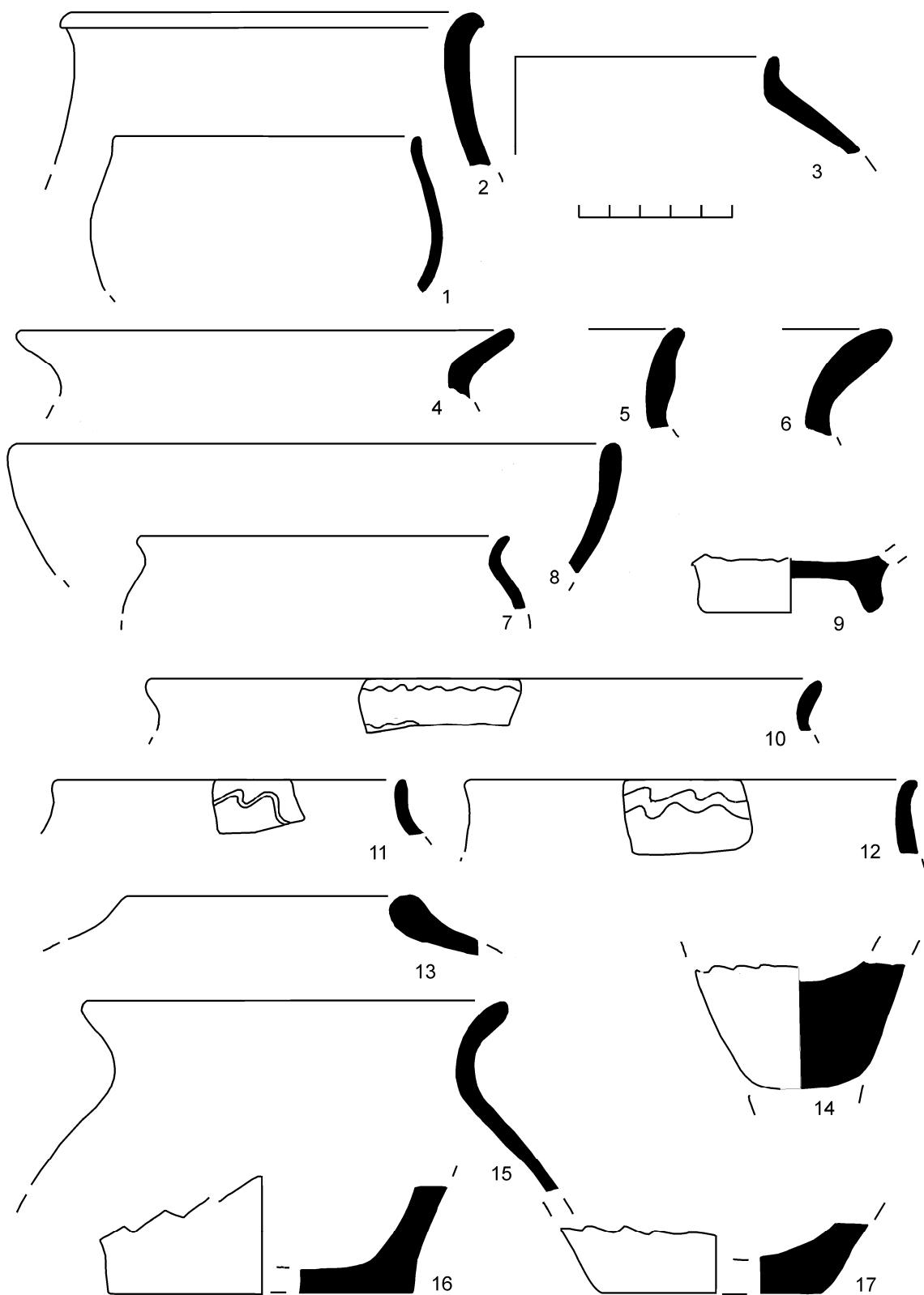

Рис. 4. Керамические находки с могильников Кадама (1–17)

Fig. 4. Pottery finds from the cemeteries of Qadama (1–17).

показателен также обломок нижней части сосуда на невысоком кольцевом поддоне (рис. 4, 5). Кольцевые поддоны были очень характерны для керамического производства южноаравийской цивилизации (см.: *Виноградов*, 1996. С. 281, табл. LVII, 41–48 и др.; 2004. С. 157, рис. 1, 3, 10, 16, 34–36 и др.; *Седов*, 2005. С. 66, рис. 21, 11, 13, 67, рис. 22, 3, 7 и др.). Некоторые фрагменты имеют орнаментацию в виде прочерченных по сырой глине волнистых линий (рис. 4, 10–12), что тоже характерно для посуды Юга Аравии, которая украшалась не очень богато.

Среди находок импортной керамики имеется обломок красноглиняного сосуда (рис. 4, 14), который можно отнести к нижней части амфоры. Если такое предположение допустимо, то этот обломок является очень ранним (вероятно, самым ранним из обнаруженных ныне на Сокотре), поскольку его можно сопоставить с красноглиняными амфорами с двустольными ручками, которые хорошо засвидетельствованы в ранних слоях Каны (*Седов*, 2005. С. 321, рис. 185; *Akopian*, 2010b. P. 142–143, cat. 542; *Sedov*, 2010b. P. 190–191, cat. 776, 194–195, cat. 804–809, 244–245, cat. 998–1000). В основном, они датируются в пределах от середины – конца I в. до н. э. до середины II в. н. э. (см.: *Седов*, 2005. С. 323). Другой фрагмент принадлежит уже знакомому нам сосуду типа «торпедо» (рис. 4, 13) и, соответственно, датируется несколько более поздним временем. Прочие группы керамики представлены обломком буроглиняного гончарного горшка с выделенным горлом и отогнутым наружу краем (рис. 4, 16), о датировке которого ничего определенного сказать нельзя, а также фрагментами сосудов категории *clinky fired earth ware* (рис. 4, 15, 17). Последние дают верхний хронологический репер памятника – V в. и позднее. Понятно, что погребения в этой части острова могли производиться на протяжении долгого времени, с большими хронологическими разрывами.

Хамер ди Хасан (рис. 1, 7). Поселение расположено в нескольких сотнях метров южнее Хадибо на возвышающемся здесь каменном останце, имеющем вид островерхого шатра. Эта высота господствует над всей хадибской котловиной, в настоящее время на ней расположен ретранслятор. При возведении этого ретранслятора были вскрыты стены каких-то строений. Они до сих пор прослеживаются в разрезах прокопанных траншей. Керамика встречается на

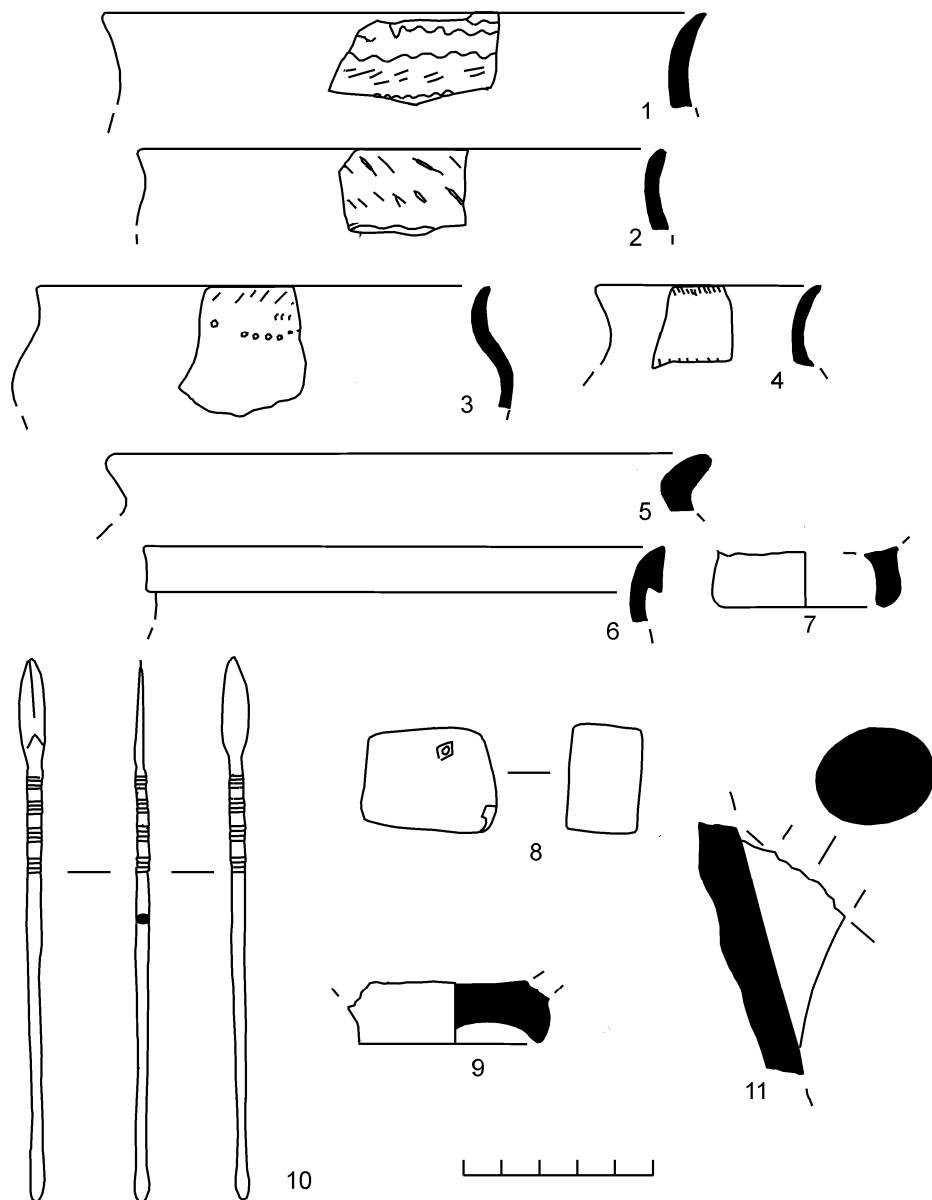
поверхности повсеместно как на самой верхней площадке, так и по склону останца. Сказать что-либо конкретное о самих строениях без раскопок или хотя бы разведочных шурфов не представляется возможным.

Обнаруженные здесь находки явно неоднородны в хронологическом отношении. Фрагменты красноглиняных лепных сосудов с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом (рис. 5, 5) не дают точной даты. В принципе их можно относить к продукции современных сокотрийских мастеров (ср.: *Наумкин*, 2012. С. 190, ил. 56, 1–2). Обломок открытого гончарного сосуда с краем, оттянутым наружу и вниз (рис. 5, 6), тоже датировать очень трудно, хотя и можно указать, что находки со схожей профилировкой в небольшом количестве найдены на Кане (*Akopian*, 2010a. P. 82–83, cat. 275; *Sedov*, 2010b. P. 266–267, cat. 1163). Весьма любопытен здесь обломок невысокой кольцевой подставки (рис. 5, 7). Подобные подставки, как уже говорилось, были типичны для керамики цивилизации Юга Аравии, но на острове встречаются очень редко, при этом в достаточно поздних контекстах, к примеру, при раскопках поселения Хажря-1 (*Наумкин*, 2012. С. 190, рис. 56, 12–13). К позднему времени относятся также сделанные на поселении находки стеклянных сосудов, поливной керамики и бело-голубого китайского фарфора.

Сук (рис. 1, 8). Это современное поселение расположено к востоку от Хадибо, на берегу моря, практически в устье Вади Хажря. Найдены были обнаружены владельцем земельного участка на западном борту Вади Хажря, в нескольких десятках метров от окраины самого селения. По его словам, фрагменты керамики и другие артефакты он нашел в одном из искусственных колодцев, когда-то выдолбленных в известняковой плите. О первоначальной топографии места и, возможно, находившихся здесь древних построек хозяин земли не смог сказать ничего вразумительного, поскольку участок уже давно обрабатывается для выращивания финиковых пальм.

Среди находок большой интерес представляет обломок мраморной плитки с вырезанными на ней непонятными знаками (рис. 5, 8). В числе керамических материалов выделяются дно селадонового сосуда (рис. 5, 9)⁵ и фрагмент амфорной

⁵ Селадоном называется специфическая продукция керамических мастерских Китая, которая предшествует появлению фарфора (см.: *Hansman*, 1985. P. 25 ff.).

Рис. 5. Находки с поселений:

1-3 – Жайле, 4 – Бербер, 5-7 – Хамер ди Хасан, 8-11 – Сук.
1-7, 11 – керамика, 8 – мрамор, 9 – селадон, 10 – бронза.

Fig. 5. Finds from settlements:

1-3 – Zhaile, 4 – Berber, 5-7 – Hamer Di Hasan, 8-11 – Suq.
1-7, 11 – ceramics, 8 – marble, 9 – celadon, 10 – bronze.

(?) стенки с частью ручки (рис. 5, 11). Этот фрагмент выделяется светло-зеленым цветом, в его керамической массе имеются крупные поры. В отношении селадона необходимо отметить, что фрагменты таких сосудов встречались при раскопках на городище Хажря (Виноградов, 2012б. С. 112–113, рис. 9, 5; Наумкин, 2012. С. 208–209, ил. 74, 5, с. 217), которое, как было отмечено выше, относится к VII–XIII вв.

Особый научный интерес имеет находка любопытнейшего бронзового предмета.⁶ Его длина – 14,5 см, максимальная толщина бронзового стержня – 0,4 см. Верхняя часть предмета представляет собой лопаточку, напоминающую на-

⁶ Этот предмет был найден местным жителем на поселении Сук, когда, по его словам, он копал там канаву. В настоящее время предмет хранится у него дома.

конечник копья. Ниже лопаточки стержень орнаментирован четырьмя отрезками резных линий (так называемым астрагалом). Толщина предмета уменьшается сверху вниз, но на завершении имеется утолщение почти шаровидной формы (диаметр – около 0,4 см). Практически нет сомнения, что этот предмет является медицинским инструментом, относящимся к типу зондов. Вероятнее всего, его следует датировать первыми веками нашей эры (см.: *Финогенова*, 1967. С. 152–153, рис. 2, 4–8; *Хомчик*, 1991. С. 64, рис. 1, 2, 3, 5–7; *Кадеев*, 1994. С. 61, рис. 2, 2; *Krug*, 1984. S. 93–96).

Несмотря на немногочисленность сделанных находок, их качественный состав позволяет считать, что поселению Сук в ранней истории Сокотры принадлежало особое место (*Наумкин*, 2012. С. 55, 132–134). Обнаруженные здесь фрагменты амфор и в особенности бронзовый медицинский инструмент в этом отношении очень показательны. Сук порой называют первой столицей острова, и в этом утверждении есть свой смысл.

Кешре (рис. 1, 13). Это поселение было построено на известняковом останце размером около 1 га посередине вади с руслом, уходящим в глубокий лиман, на правом скальном борту которого расположено поселение 'Анисхен (см. ниже). Скорее всего, оба эти поселения были связаны между собой и, благодаря лиману с выходом к морю, были весьма удобными пунктами на торговых путях Индийского океана. О длительном их существовании можно судить по двум широким тропам, ведущим к морскому мысу, на одной из которых хорошо прослеживаются искусственно выровненные участки.

В составе собранных здесь керамических материалов доминируют обломки сосудов местного производства с округлым туловом, слегка выделенным горлом и отогнутым наружу краем (рис. 6, 1, 3, 5). Один из таких фрагментов имеет горизонтально срезанный край (рис. 6, 4). Весьма типичны также обломки мисок с различной толщиной стенок (рис. 6, 6–9). Особо следует обратить внимание на фрагмент сосуда с шаровидным туловом, стенки которого плавно сужаются к непрофилированному краю (рис. 6, 2). Подобные сосуды широко представлены на памятниках Юга Аравии (см.: *Виноградов*, 1996. С. 281, табл. LVII, 22–26; 2004. С. 159, рис. 3, 19–22; *Седов*, 2005. С. 92, рис. 47 и др.), но особенно керамического теста (примесь песка

и пр.) не позволяют видеть здесь южноаравийский импорт. Необходимо обратить внимание на бедность орнаментации керамики, которая сводится лишь к прочерченным по сырой глине горизонтальным волнистым линиям.

Среди импортной посуды представлен обломок сосуда со стенками, сужающимися к венцу, оформленному в виде широкого валика с клювовидным завершением (рис. 6, 10). Глина этого фрагмента имеет темно-коричневый цвет. На памятнике также представлены обломки сосудов категории *clinky fired earth ware* (рис. 6, 11–12), которые, еще раз напомним, получили распространение с V в. н. э., но бытовали и позднее.

'*Анисхен* (рис. 1, 14). Поселение расположено вместе с Кешре (см. выше) в 0,5 км юго-восточнее современного селения Ди Лишан и приблизительно в 15 км северо-восточнее Хадибо. Оно раскинулось на правом скальном борту лимана; площадь поселения составляет несколько гектаров. На памятнике хорошо видны каменные фундаменты построек с выраженной четкой планировкой. С востока и севера неплохо прослеживаются обводные (оборонительные?) стены.

На поверхности обнаружено большое количество фрагментов керамики, относящейся к различным хронологическим этапам. Как обычно, в их составе преобладают обломки круглодонных сосудов местного производства с выделенным горлом и отогнутым наружу краем (рис. 7, 1, 4–6). Они практически лишены орнаментации, лишь на одном фрагменте имеется косая насечка под краем (рис. 7, 1). Довольно многочисленны обломки мисок (рис. 7, 9–11). Весьма представительна также группа шаровидных сосудов со стенками, сужающимися к непрофилированному краю (рис. 7, 2–3, 7–8). Выше в отношении находок с поселения Кешре отмечалась их типологическая связь с керамикой Юга Аравии, и это действительно так. Однако вновь приходится признать, что эти сосуды, если судить по керамическому тесту, не были произведены на Сокотре. Один фрагмент украшен горизонтальными рядами косых насечек (рис. 7, 7), что очень типично для сокотрийской керамики (*Наумкин*, 2012. С. 191, ил. 57, 1–3, 207, ил. 73, 4), но такая орнаментация, как будет сказано ниже, относится к сравнительно позднему времени.

Для датировки памятника большее значение имеют находки импортной посуды, и они здесь в высшей степени любопытны. Среди поздних имеются обломки зеленых поливных тарелок

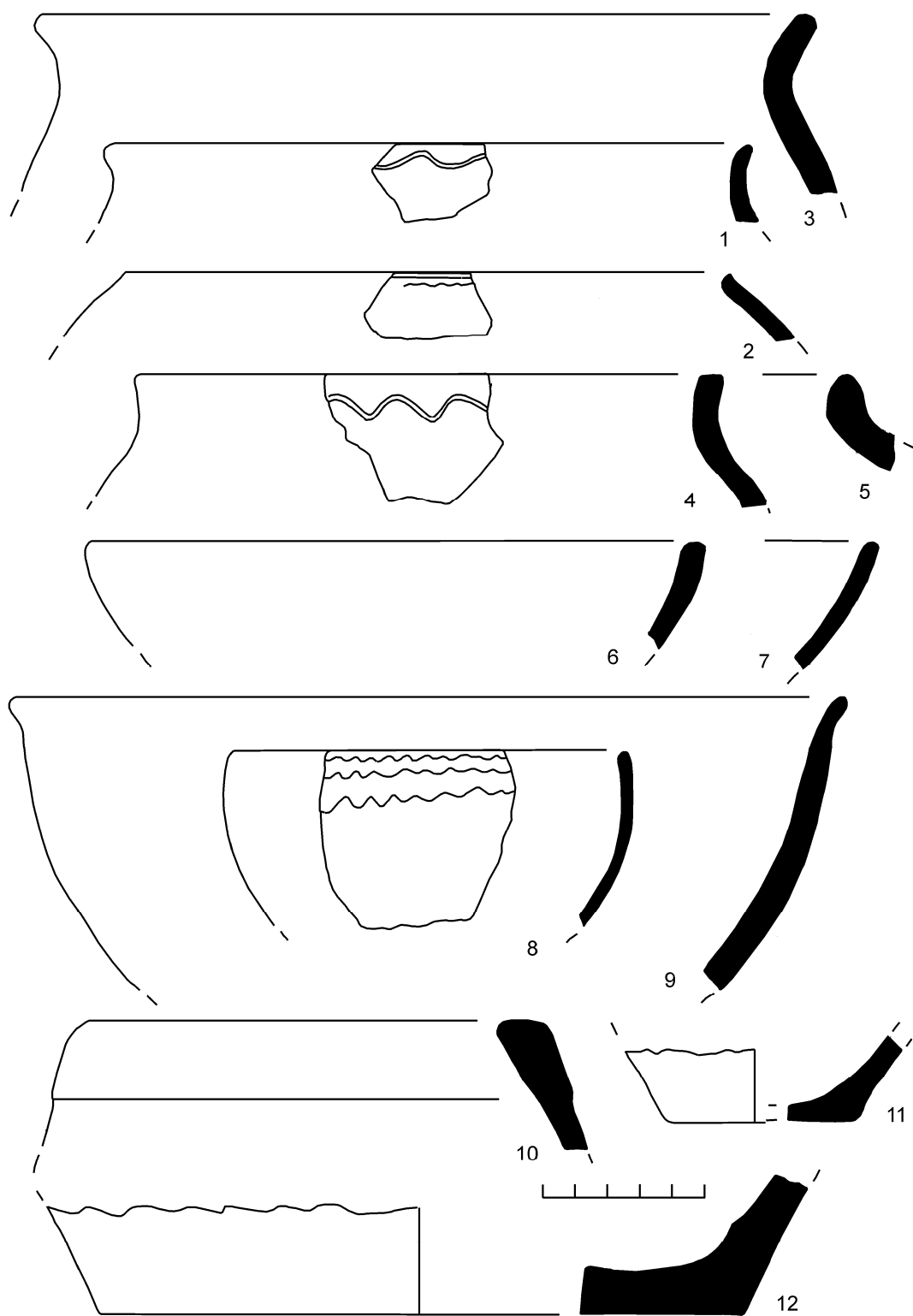

Рис. 6. Керамические находки с поселения Кешре (1–12)

Fig. 6. Pottery finds from the settlement of Keshre (1–12).

(рис. 7, 12), которые относятся к XVI–XVII вв. (ср.: *Hansman*, 1985. Pl. V, p). К явно более раннему времени принадлежат фрагменты сосудов, категории *clinky fired earth ware* (рис. 7, 14). Очень интересна также находка фрагмента стенки красноглиняного сосуда, вся поверхность которого покрыта орнаментом в виде плетенки, оттиснутой по сырой глине. Подобный фрагмент, как было сказано выше, происходит с поселения Ка'ар-1. Еще раз отметим, что такие находки были засвидетельствованы в поздних напластованиях Каны (*Vinogradov*, 2010a. P. 158, 515, pl. 80, cat. 617). Наиболее ранней находкой, скорее всего, является фрагмент горла красноглиняной амфоры с муфтообразным валиком по венцу (рис. 7, 13), профилировка которого близка амфорам (тип Dressel-14), производившимся во время Флавиев, т. е. в последние десятилетия I в. н. э. (*Panella*, 1972. P. 79, fig. 3, 8). Если это действительно так, то данная находка позволяет высказать осторожное предположение, что поселение 'Анисхен является очень ранним. Более очевидно, что оно просуществовало очень долго, вероятно, с перерывами.

Таухак (рис. 1, 15). Поселение занимает уникальное место в 20 км восточнее Хадибо, раскинувшись, пожалуй, в самом крупном лимане на Сокотре у современного селения Карья. На поверхности хорошо видны остатки построек. Большинство из них имеют четко выраженную планировку, ровные стены на хорошем фундаменте и, в ряде случаев, полы, выложенные каменными плитками. Среди всех строений выделяется одно, расположенное на северной окраине. Его стены сложены из тщательно подогнанных друг к другу камней. Возможно, оно было общественным.

Подъемный материал встречается в большом количестве. В его составе доминируют обломки керамики местного производства, среди которых преобладают широкооткрытые круглодонные сосуды со слегка отогнутым наружу краем (рис. 8, 1, 3). Весьма типичны также сосуды со стенками, сужающимися к непрофилированному краю (рис. 8, 6–8). Некоторые фрагменты украшены орнаментом в виде резных линий и насечек (рис. 8, 2, 4–5), другие имеют грубые горизонтальные расчесы по наружной поверхности (рис. 8, 6). Все эти особенности очень характерны для сокотрийской керамики, но ни на одном из выше охарактеризованных и сравнительно хорошо датированных памятников (прежде всего, Ка'ар-

1, 2, 3, 4) такой посуды нет. Следовательно, есть основания предполагать, что она появилась на острове сравнительно поздно, почти наверняка после V в. н. э. Находка обломка китайского селадонного блюда (рис. 8, 9) вполне подтверждает это предположение.

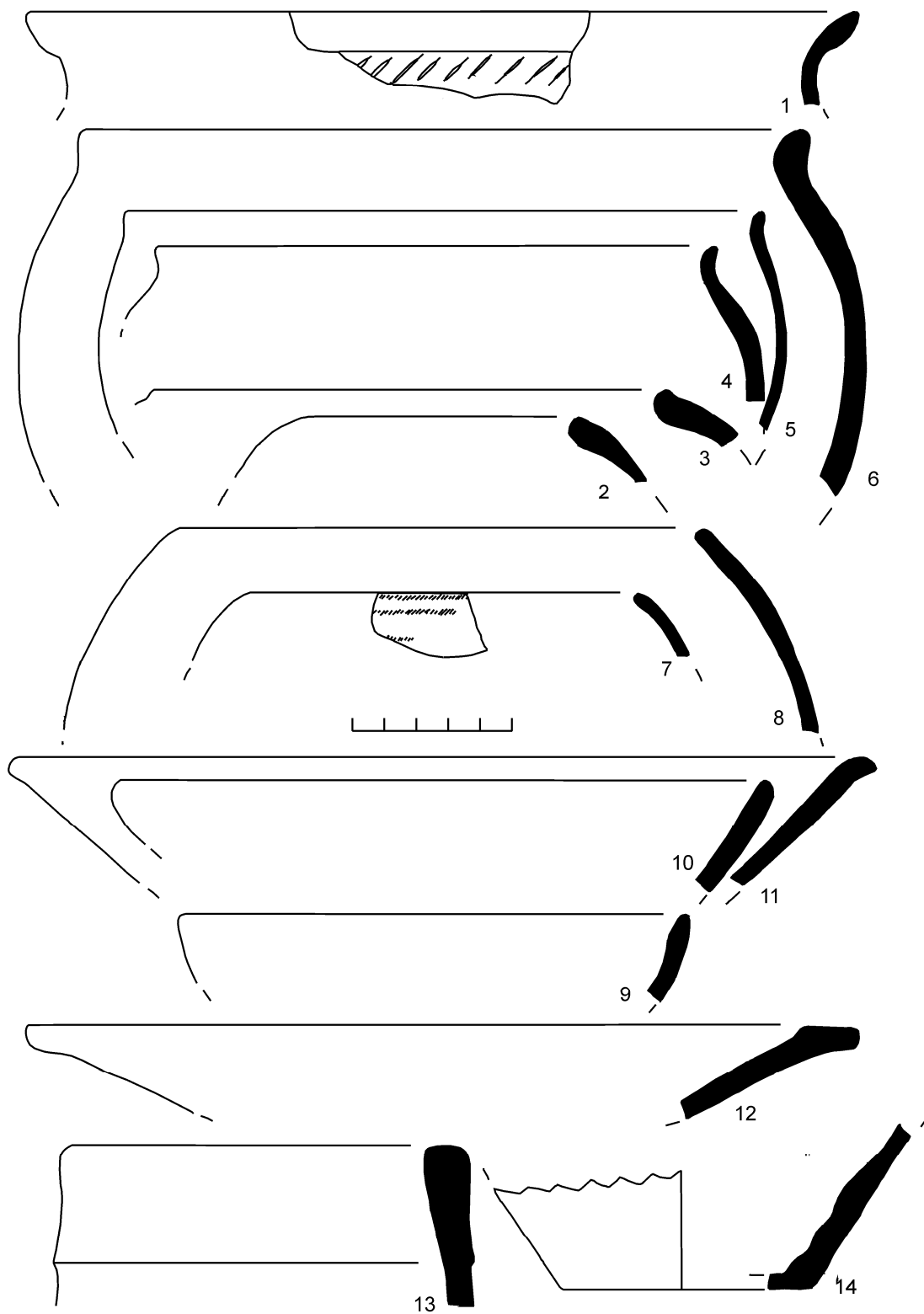
Эрсель (рис. 1, 16). Поселение расположено на самом восточном одноименном мысу Сокотры. Фрагменты керамики были собраны с поверхности как среди разбросанных здесь современных зданий, так и в районе прямоугольной выкладки (остатки фундамента?) приблизительно в 200 м выше самого селения.

Находки не очень многочисленны, но довольно показательны. Здесь, как обычно, доминирует местная керамика: круглодонные горшки с выделенным горлом и отогнутым наружу краем (рис. 9, 5) и разнообразные миски (рис. 9, 6–7). Фрагмент ручки (рис. 9, 8) является очень редким на сокотрийских памятниках. Любопытно, что многие керамические обломки имеют орнаментацию в виде грубо прочерченных по сырой глине волнистых или пересекающихся линий. Насечек и наколов, столь характерных для других памятников Сокотры (к примеру, для охарактеризованного выше Таухака), здесь нет, т. е., как сейчас представляется, этот набор не может быть относительно поздним. Не случайно, что единственный фрагмент импортного сосуда принадлежит к категории *clinky fired earth ware* (рис. 9, 9).

Насан (рис. 1, 17). Поселение находится почти на самой восточной окраине северного побережья Сокотры, в нескольких сотнях метров к югу от одноименного небольшого современного селения. Среди строений, занимающих площадь в несколько гектаров по обе стороны неглубокой ложбины, можно выделить небольшие дома и довольно крупные здания с основательной кладкой фундаментов и аккуратно выложенными стенами.

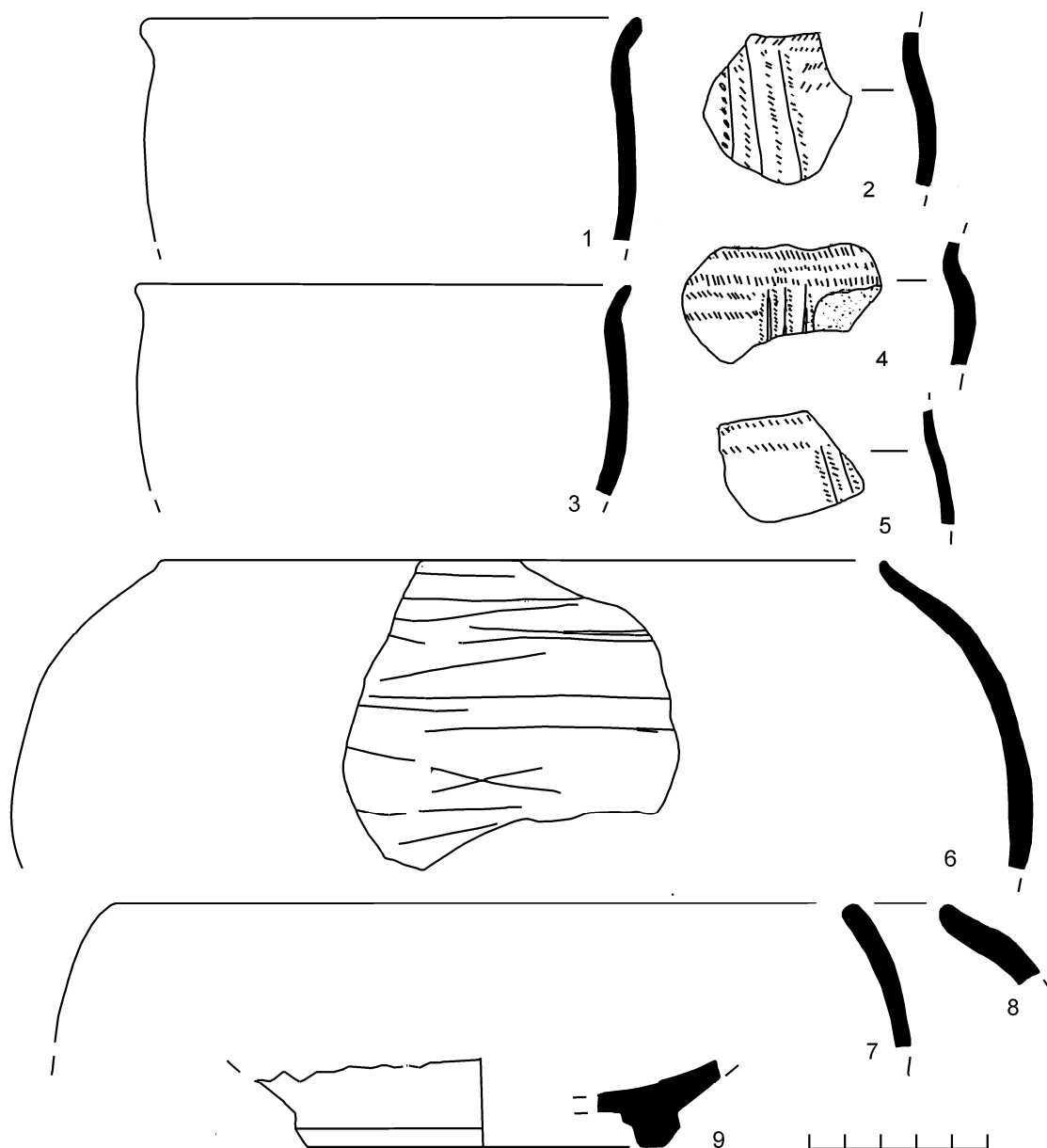
По сделанным здесь керамическим находкам памятник не отличается от поселения Эрсель. Некоторые горшки местного производства с выделенным горлом и отогнутым наружу краем имели грубую орнаментацию в виде линий, прочерченных по сырой глине (рис. 9, 1–2, 4), но насечки и наколы на ней отсутствуют. Импортная посуда представлена фрагментами сосудов категории *clinky fired earth ware*.

Жайле (рис. 1, 18). Поселение расположено на южном берегу Сокотры. Его размеры весьма

Рис. 7. Керамические находки с поселения 'Анисхен (1-14)

Fig. 7. Pottery finds from the settlement of 'Aniskhen (1-14).

Рис. 8. Находки с поселения Таухак.

1–8 – керамика, 9 – селадон.

Fig. 8. Pottery finds from the settlement of Tawhak.

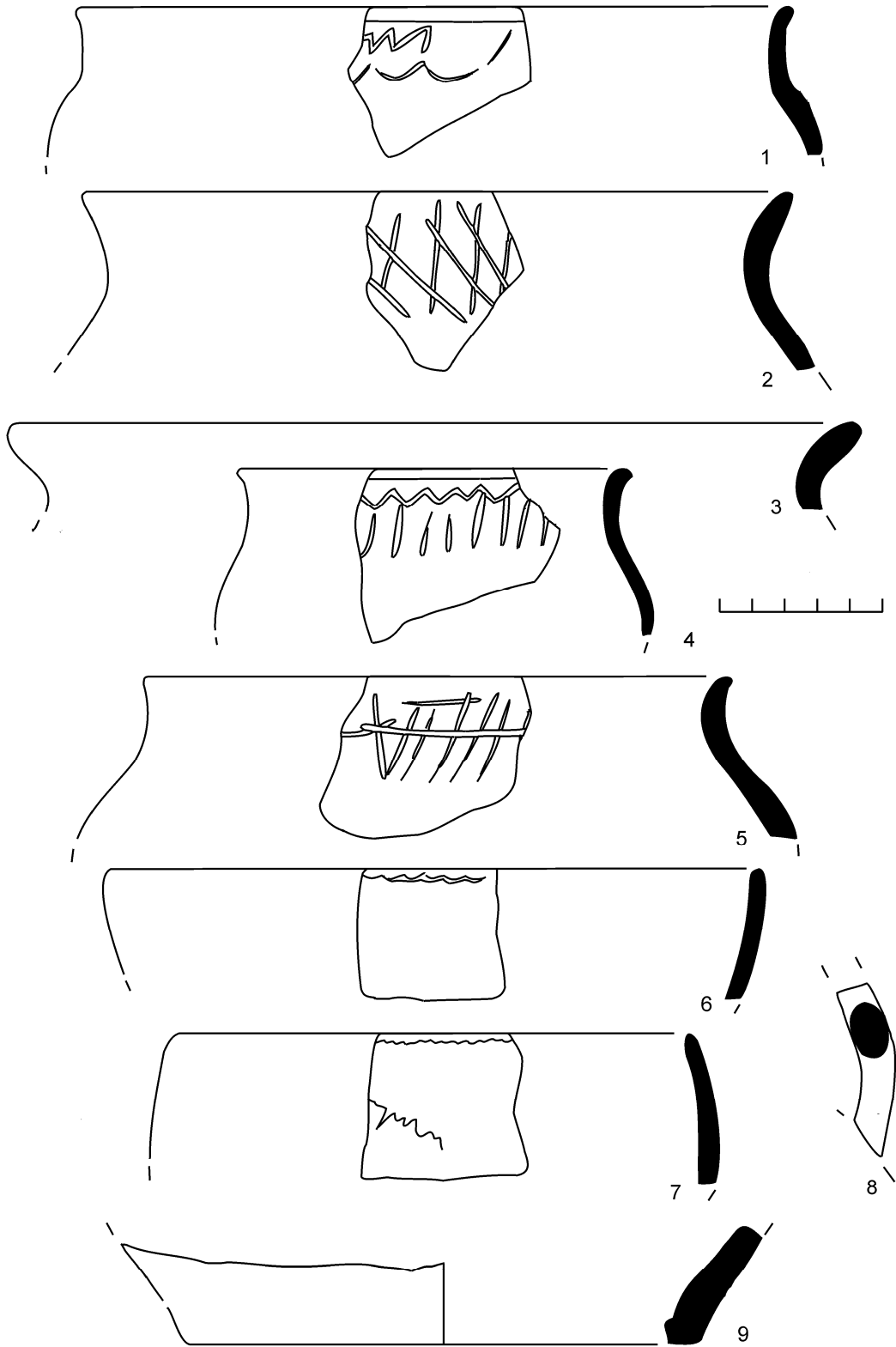
1–8 — ceramics, 9 — celadon

крупные – несколько сотен метров в длину и порядка 50 м в ширину. На поверхности видны остатки каменных стен построек. В некоторых местах они сохранились до метра в высоту, но, по большей мере, выступают только нижние ряды кладок, состоящие из крупных, сильно выветренных, необработанных камней очень темного цвета.

На подходах к поселению со стороны моря были найдены фрагменты поливной керамики,

а также типичной посуды местного производства. В ее составе имеются обломки сосудов, украшенных небрежно прочерченными по сырой глине волнистыми линиями, наколами и насечкой (рис. 5, 1–3). Такая керамика стала типичной для Сокотры, как представляется, в сравнительно позднее время (см. ниже).

Бербер (рис. 1, 19). Керамика из района водопада Бербер, расположенного западнее поселения

Рис. 9. Керамические находки с поселений:
 1-4 – Насан; 5-9 – Эресель.

Fig. 9. Pottery finds from the settlements:
 1-4 – Nasan; 5-9 – Eresel.

Жайле, была найдена по дороге, ведущей с подножья отрога плато по пути к водопаду. Сам водопад располагается на значительной (около 50 м) высоте в стене скалы. Дорогу к нему преграждают массивные валуны (до 10–15 м в поперечнике).

Вся собранная керамика относится к сосудам местного производства. Один фрагмент имеет орнаментацию в виде косой насечки (рис. 5, 4), что, как можно полагать, является относительно поздним хронологическим индикатором.

Кезе (рис. 1, 20). Этот памятник находится во внутренней части острова, на Восточном плато, к юго-востоку от Ди Лишан, близ Хасына. Он представляет собой некрополь, состоящий из обычных для острова погребальных сооружений (см.: *Наумкин, 2012. С. 141 сл.*). Борты грунтовых могил обложены камнем, и кладки несколько возвышаются над современной поверхностью земли. Перекрытие состоит из крупных каменных плит. В 2006 г. под руководством В. В. Наумкина на некрополе были раскопаны три могилы (*Наумкин и др., 2009. С. 704–705*), все они оказались ограбленными, тем не менее достаточно уверенно можно судить, что здесь практиковались коллективные погребения.

Полученные керамические материалы представлены обломками лепной круглодонной посуды, украшенной сложной системой узоров из наколов, насечек и прочерченных линий (рис. 10). Здесь не было найдено ни единого фрагмента, который бы можно было уверенно связывать с импортной посудой. Следует отметить, что типологически эта посуда, в основном, соответствует поселенческой, но, несмотря на пышность орнаментации, отличается плохим качеством изготовления, очевидной хрупкостью черепка. Есть все основания считать, что она изготавливалась специально для использования в погребальных целях (*Наумкин, 2012. С. 191*).

Среди находок из некрополя Кезе представлены небольшие круглодонные чашечки, которые, вероятнее всего, были вотивными (рис. 10, 1–5, 15). На других обследованных нами памятниках ничего подобного среди керамических находок пока не зафиксировано. Несмотря на это, рискнем указать на одну аналогию, которая может показаться спорной. Имеются в виду миниатюрные бронзовые круглодонные чашечки, которые в немалом количестве были обнаружены при раскопках главного здания городища Хажря (*Виноградов, 2012б. С. 108, рис. 7, 1–5*;

Наумкин, 2012. С. 208, ил. 75, 1–5). Выше уже говорилось, что, на наш взгляд, это здание можно считать несторианской церковью (*Виноградов, 2012а. С. 115; 2012б. С. 100 сл.; Наумкин, 2012. С. 210–211*).

Возможно, в связи с распространением христианства на Сокотре следует рассматривать одну особенность орнаментации керамики, обнаруженной на некрополе. Некоторые из сосудов, в том числе и названные выше небольшие чашечки, украшены прочерченным изображением креста, иногда в системе весьма сложных узоров (рис. 10, 3–4, 5–7). Изображения крестов на керамике Сокотры не являются чем-то уникальным. Они, к примеру, представлены на сосудах, найденных в некрополе Нижний Рекеб, который датируется VII–X вв. н. э. (см.: *Наумкин, 2012. С. 167–169, ил. 37–38, 40*). Вполне возможно, что некрополь Кезе по времени функционирования совпадает с этим памятником, по крайней мере частично.

Подводя итог всему сказанному по поводу обследованных сокотрийских памятников, можно предположить, что в хронологическом, а вероятно, и в культурном отношении их можно разделить на четыре группы.

1. Первая и самая ранняя: Кош, Ка'ар-1, 2, 3, 4, Кадама. В нее же следует включить и явно многослойные памятники Сук и 'Анисхен. Местная керамика на них представлена одним типом круглодонных горшков с выделенным горлом и отогнутым наружу краем. Она не имеет ничего общего с культурой Юга Аравии и, как представляется, появилась на острове вместе с индийскими мореходами и торговцами (*Виноградов, 2011. С. 104; Наумкин, 2012. С. 226*). Тем не менее именно эти горшки стали основой для формирования классического сокотрийского керамического комплекса. Импортная керамика, представленная, прежде всего, сосудами типа «торпедо» и посудой категории *clinky fired earth ware*, позволяет датировать эти памятники II–V вв. н. э.

2. Переходная группа: Кешре, Эресель, Насан. В местной керамике этого времени появляются миски и сосуды с округлым туловом, стенки которых сужаются к краю. Возможно, появление этих типов, в особенности второго из названных, следует связывать с влиянием культуры Юга Аравии. На этих памятниках имеется также посуда с прочерченным орнаментом, но очень грубо исполненным. Среди импортной посуды представлены фрагменты *clinky fired*

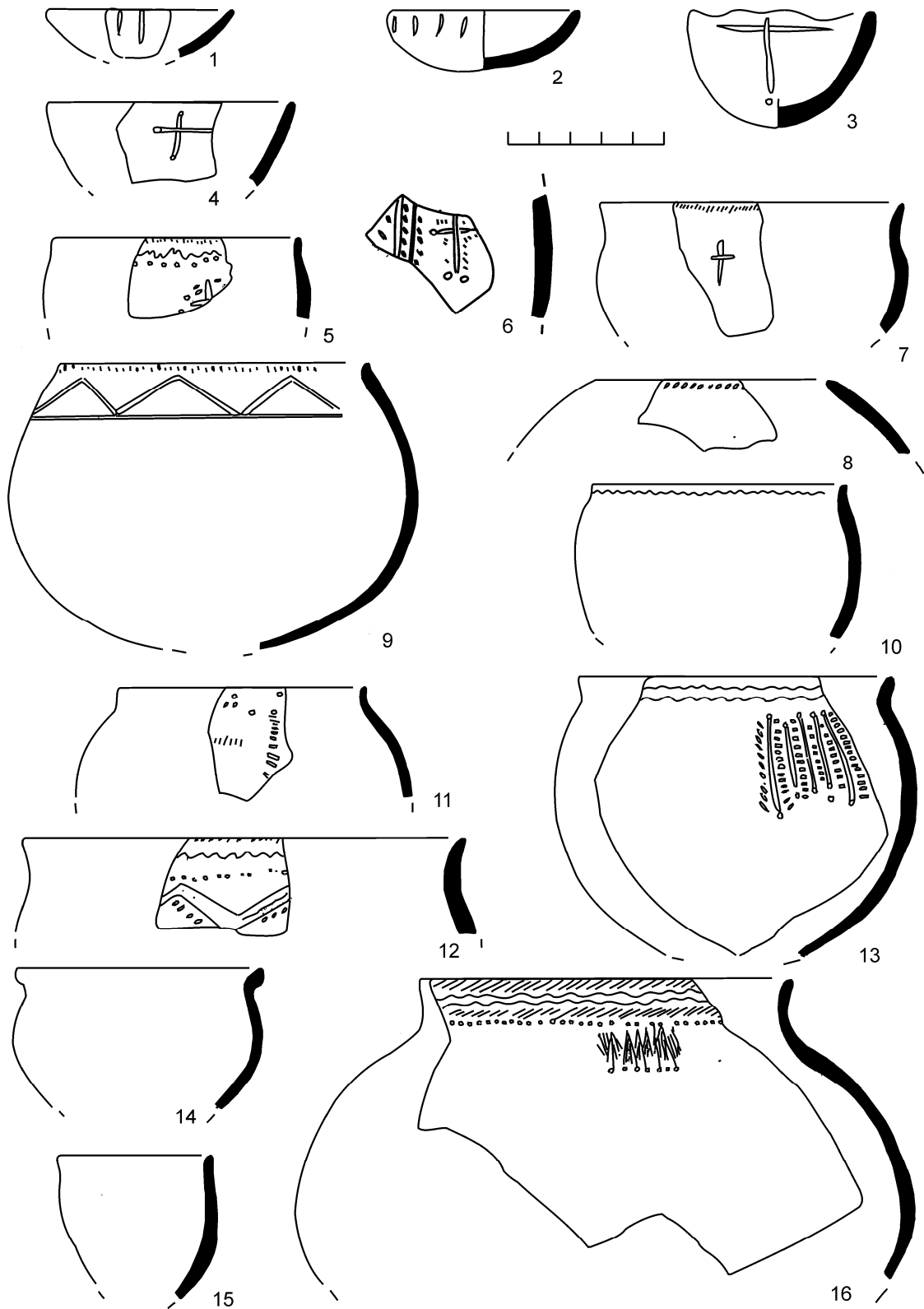

Рис. 10. Керамические находки из некрополя Кезе (1–16)

Fig. 10. Pottery finds from the necropolis of Keze (1–16).

earth ware. Вполне возможно, что эту группу можно датировать VI в.

3. Классическая для Сокотры группа: городище Хажря, Хажря-2, Кезе, Жайле, Бербер. К ней же, безусловно, относится поздний 'Анисхен. Для нее характерна местная керамика трех типов: круглодонные горшки с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом, округлые сосуды со стенками, плавно сужающимися к непрофилированному венцу, и, наконец, миски. Для первых двух типов весьма показательным является сложный орнамент, состоящий из прочерченных линий, насечек и наколов. Особой пышностью орнамента отличается посуда, предназначенная для использования в погребальном ритуале, на ней порой встречаются прочерченные по сырой глине кресты. Импорты представлены стеклянными сосудами, китайским селадоном и немногочисленной гончарной керамикой, место изготовления которой не вполне ясно (см.: *Наумкин*, 2012. С. 210). Предположительная датировка этой группы: VII–XIII вв.

4. Поздняя группа: Хажря-1, 3, Хамер ди Хасан, 'Анисхен. Среди характерных для нее импортных материалов представлен бело-голубой фарфор и стеклянные браслеты. Бело-голубой фарфор появился с XIV в. (*Hansman*, 1985. P. 106, pl. II, *d-t*), а браслеты производились в окрестностях Адена вплоть до XVI в. (*Monod*, 1978; *Whitcomb*, 1988. P. 201–202). Самые ранние из них в районе Персидского залива относятся ко второй половине XIV в. (*Hansman*, 1985. P. 80). Что касается местной керамики, то на некоторых памятниках орнаментация в виде прочерченных линий, насечек и наколов сохраняется и в это время, к примеру, на поселении Хажря-3 (*Наумкин*, 2012. С. 194, ил. 60), но она постепенно вырождается и сводится к самым простым декоративным элементам: волнистая линия, полоса насечек под венцом и пр. Эти простые узоры можно найти на современной сокотрийской керамике, которая до сих пор остается круглодонной.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная схема культурной трансформации на острове Сокотра во II–XIII вв. не является окончательной, она предложена нами прежде всего для того, чтобы как-то упорядочить имеющийся археологический материал. Абсолютно ясно, что без продолжения систематических разведок и, в особенности, без проведения раскопок на некоторых из охарактеризованных

памятников (Кош, Ка'ар-1, 'Анисхен) все эти предположения останутся лишь гипотетическими конструкциями. Вполне понятно и то, что до сих пор мы не имеем материалов, которые можно было бы уверенно связать с информацией «Перипла Эритрейского моря», т. е. относящихся к I в. н. э., хотя у нас нет сомнения, что они будут получены при проведении раскопок на названных памятниках. Хочется обратить внимание и на то, что автор перипла в отношении Сокотры (острова Диоскурида) написал, что она была населена арабами, индийцами и некоторыми из эллинов (§ 30). Любопытно, что он ничего не говорит о сокотрийцах (но см.: *Наумкин*, 2012. С. 51). Вполне возможно, что их культурная и языковая общность к тому времени еще не сложилась.

Бухарин, 2007 – *Бухарин М. Д.* Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря». Текст, перевод, комментарий, исследование. СПб., 2007.

Виноградов, 1993 – *Виноградов Ю. А.* Новые данные о южноаравийском порте Кана (I–VI вв. н.э.) // *АВ*. 1993. № 2.

Виноградов, 1996 – *Виноградов Ю. А.* Археологические исследования на участке здания 6 // *Городище Райбун (раскопки 1983–1987 гг.)*. М., 1996 (Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции; Т. 2).

Виноградов, 2004 – *Виноградов Ю. А.* Керамические находки из раскопок храма Зат Химйам в Западном Хадрамауте // *Scripta Yemenica. Исследования по Южной Аравии: Сб. науч. статей в честь 60-летия М. Б. Пиотровского*. М., 2004.

Виноградов, 2011 – *Виноградов Ю. А.* Важное археологическое открытие на острове Сокотра (Йемен) // *ВДИ*. М., 2011. № 4.

Виноградов, 2012а – *Виноградов Ю. А.* Археологические исследования на острове Сокотра (Йемен) // *Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н. П. Соколова: Материалы Междунар. науч. конф. Нижний Новгород*, 2012.

Виноградов, 2012б – *Виноградов Ю. А.* Открытие несторианской (?) церкви на острове Сокотра // *Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Свято-Алексиевская пустынь: СПб.*, 2012. Т. 5.

Виноградов и др., 2011 – *Виноградов Ю. А., Жуков В. А., Лукашов А. А.* Открытия Российской комплексной экспедиции в Йемене – о Сокотра, 2010 г. // *Восток – ORIENS*. М., 2011. № 6.

Кадеев, 1994 – *Кадеев В. И.* О медицине в Херсонесе Таврическом // *Древности*. Харьков, 1994.

Наумкин, 1988 – *Наумкин В. В.* Сокотрийцы: Историко-этнографический очерк. М., 1988.

Наумкин, 1989 – *Наумкин В. В.* Полевые исследования на острове Сокотра // *ВДИ*. М., 1989. № 2.

Наумкин, 2012 – *Наумкин В. В.* Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.). М., 2012.

Наумкин и др., 2009 – *Наумкин В. В., Али Ахмед А., Виноградов Ю. А.* Работы Российской археологической миссии на острове Сокотра (Йемен) // *АО* 2006 г. М., 2009.

Наумкин, Порхомовский, 1981 – *Наумкин В. В., Порхомовский В. Я.* Очерки по этнолингвистике Сокотры. М., 1981.

Седов, 2005 – *Седов А. В.* Древний Хадрамаут: Очерки археологии и нумизматики. М., 2005.

- Финогенова*, 1967 – *Финогенова С. И.* Античные медицинские инструменты // СА. 1967. № 1.
- Хомчик*, 1991 – *Хомчик М. А.* Хірургічні інструменти з Ольвії // Археологія. Київ, 1991. № 3.
- Akopian*, 2010a – *Akopian A. M.* Les fouilles du secteur 2 // Qāni'. Le port du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde: Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993–94 / sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov. Brepols, 2010.
- Akopian*, 2010b – *Akopian A. M.* Les fouilles du secteur 4 // Ibid.
- Casson*, 1989 – *Casson L.* The Periplus Maris Erythraei. Text with introduction, translation, and commentary. Princeton, 1989.
- Doe*, 1992 – *Doe B.* Socotra. Island of Tranquility. London, 1992.
- Hansman*, 1985 – *Hansman J.* Jufār, an Arabian Port. Its Settlement and Far Eastern Ceramic Trade from 14th to the 18th Centuries. London, 1985.
- Kennet*, 2002 – *Kennet D.* Sasanian Pottery in Southern Iran and Eastern Arabia // Iran. London, 2002. Vol. 40.
- Kennet*, 2004. – *Kennet D.* Sasanian and Islamic Pottery from Ras al-Khaimah. Classification, chronology and analysis of trade in the West Indian Ocean. London, 2004 (BAR International Series; 1248).
- Krug*, 1984 – *Krug A.* Heilkunst und Heilkult. Medizin in der Antike. München, 1984.
- Monod*, 1978 – *Monod T.* Sur un site à bracelets de verre des environs d'Aden // Raydān. Aden, 1978. Vol. 1.
- Naumkin, Sedov*, 1993 – *Naumkin V. V., Sedov A. V.* Monuments of Socotra // Topoi. Orient–Occident. Madison, 1993. Vol. 3/2.
- Naumkin, Sedov*, 1995 – *Naumkin V. V., Sedov A. V.* Monuments of Socotra // Athens, Aden, Arikamedu: Essays on the interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean / Ed. M.-F. Bous-sac, J.-F. Salles. New Delhi, 1995.
- Northedge*, 1985 – *Northedge A.* Planning Sāmarrā': a report for 1983–4 // Iraq. London, 1985. Vol. 47.
- Panella*, 1972 – *Panella C.* Annotazioni in margine alle stratigrafie delle Terme ostiensi del Nuotatore // Rechercher sur les amphores romaines. Rome, 1972.
- Sedov*, 2010a – *Sedov A. V.* Les fouilles du secteur 3. La synagogue // Qāni'. Le port du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde: Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993–94 / sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov. Brepols, 2010.
- Sedov*, 2010b – *Sedov A. V.* Les fouilles du secteur 6 // Ibid.
- Shinnie*, 1960 – *Shinnie P. L.* Socotra // Antiquity. Durham, 1960. Vol. 34. N 134.
- Vinogradov*, 2010a – *Vinogradov Yu. A.* Les fouilles dans la partie sud-ouest du site. Le secteur 1 // Qāni'. Le port du Hadramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde: Fouilles Russes 1972, 1985–89, 1993–94 / sous la direction de J.-F. Salles et A. Sedov. Brepols, 2010.
- Vinogradov*, 2010b – *Vinogradov Yu. A.* Les fouilles dans la partie nord-est du site. Le secteur 5 // Ibid.
- Weeks et al.*, 2002 – *Weeks L., Morris M., McCall B., Al-Zubairi K. A.* Recent Archaeological Survey on Soqatra, January 5th – February 2nd 2001 // Arabian Archaeology and Epigraphy. Copenhagen, 2002. Vol. 13, N 1.
- Whitcomb*, 1988 – *Whitcomb D. S.* Islamic Archaeology in Aden and Hadramaut // Araby the Blest / Ed. D. T. Potts. Copenhagen, 1988.

Archaeological Investigation of Iron Age Sites on the Island of Socotra in 2006 and 2008–2012

Yu. A. Vinogradov, V. A. Zhukov, A. V. Sarab'ev

The Island of Socotra (Yemen) was archaeologically explored in the mid-1980s according to the project of the Soviet-Yemen interdisciplinary expedition; in 2006, investigations of the Russian interdisciplinary expedition of the Institute of Oriental Studies were here started under the direction of V. V. Naumkin and A. V. Sedov. During the period mentioned, the excavations were conducted at sites west of the capital of Hadiboh Island: Hajrya-1, 2, 3, 4 (Fig. 1, 9–12). The excavations at the townsite of Hajrya (Hajrya-4) have dated the latter to the 7th–13th centuries. In 2006, a number of graves were excavated at the necropolis of Keze situated deeply inland.

In 2010, the settlement-site of Kosh was discovered (Fig. 1, 1) which yielded finds of the 2nd–5th centuries AD. Here the first materials were uncovered which allow us to confirm the information of written documents on the importance of Socotra in the international trade started in the Indian Ocean in the first centuries of this era.

In 2011–2012, large-scale surveys were conducted on the island and new archaeological sites were discovered. The finds collected from them formed the basis for development of the first chronological scheme of the evolution of the Socotrian culture. It was proposed to subdivide the sites investigated into four groups.

1. The first and the earliest group includes Kosh, Ka'ar-1, 2, 3, 4 and Qadama. It seems to comprise also the manifestly multi-layered sites of Suq and 'Aniskhen. The local pottery is represented here in a type of round-bottomed pots with an accentuated throat and an outturned rim (Figs. 2–4; 5, 8–11; 7). This culture has nothing in common with that of Southern Arabia and seems to have appeared on the island due to Indian navigators and merchants. Nevertheless, exactly these pots became the basis for formation of the classic Socotrian ceramic assemblage. Imported ware, including primarily vessels of the type of torpedo jars and clinky fired earthenware, suggests for these sites the date of the 2nd–5th century AD.

2. A transient group including Keshre, Eresel and Nasan. Local pottery of this period sees the appearance of bowls and vessels with a rounded body and the walls tapering toward the edge (Figs. 6; 9). Possibly, the emergence of these types, particularly the latter one, owes to the influence of Southern Arabia. The same sites have yielded also ware with incised patterns although rather roughly drawn. Imported ware comprises fragments of clinky fired earthenware. The current group possibly is dated from the 6th century.

3. Classic Socotrian group: the sites of Hajrya, Hajrya-2, Tawhak, Keze, Zhaile and Berber. The same group undoubtedly includes certain complexes of 'Aniskhen. It is characterized by local pottery of three types: round-based pots with outturned rims, round-based ware with the walls tapering toward the rim of uncertain profile and, finally, bowls

(Figs. 5, 1-4; 8; 10). The first two types are distinctive in a rather complex ornamentation consisting of incised lines, incised strokes and pricks. The ware used in funerary rite is especially richly decorated; occasionally it has crosses drawn on the clay before firing. The imports include glass ware, Chinese celadon and rather rare wheel-made pottery the place of origin of which is not quite clear. The group under consideration is dated presumably to the 7th-13th centuries.

4. The late group: Hajrya-1, 3, Hamer Di Hasan (Fig. 5, 5-7), 'Aniskhen. Among the imported objects characteristic of it there are white-blue faience and glass bracelets. These finds allow us to date these sites to the 14th century and subsequent period.

The scheme of dating here proposed is not the final one and presents just a draft hypothesis.

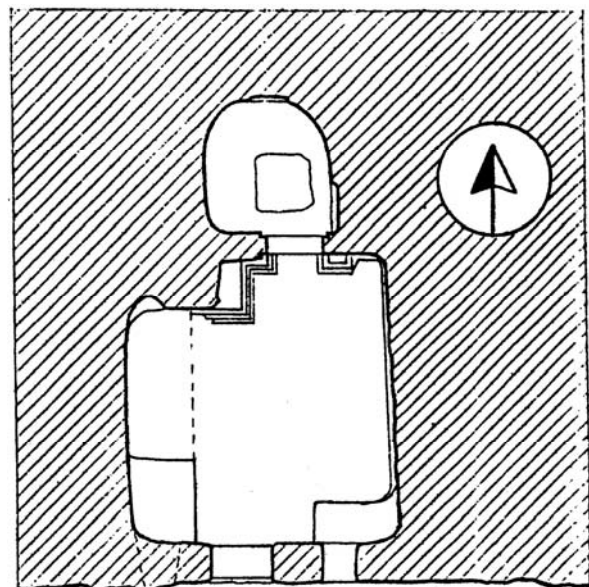
ДРЕВНЕЙШАЯ ЦЕРКОВЬ ПЕЩЕРЫ БЕКИРА ПОСЛЕ ГОРОДА СОРОКА

В. Гимпу¹

Еще исследователи XIX в. обратили внимание на пещерные храмы Бессарабии, высказывая различные соображения по их датировке (*Arbore*, 1898. Р. 292; *Халипта*, 1902. С. 106–113; *Курдиновский*, 1918. С. 6–7). Одна из таких церквей находится возле города Сорока в Республике Молдова. Она расположена на высоте более 6 м в скалистом берегу маленькой и глубокой речки, которая впадает в р. Днестр (*Ghimpu*, 1998. Р. 43–56; 2000. Р. 144–162). И хотя об этой скальной церкви было опубликовано достаточно сведений, чтобы специалисты более позднего времени обратили на нее внимание, в советское время ее рассматривали как церковь, а главной ценностью считалось то, что она дала пристанище некому историческому лицу по имени Бекир, который жил во второй половине XVIII в. и был гайдуком, или волонтером в русско-турецкой войне (Свод памятников..., 1987. С. 663).

Что представляет собой скальная церковь Пещеры Бекира? Это конструкция, состоящая из двух помещений – алтаря и основной части храма, общей длиной около 5 м (рис. 1). Отличительной чертой алтаря, кроме его сравнительно небольших размеров, является то, что проход в нем сделан очень узким, как для однодверного входа, что характерно и для других древних церквей. Главная же особенность этого храма состоит в том, что ее алтарь находится с северной стороны, тогда как обычно по канону алтари в христианских церквях ориентированы на восток (рис. 2). Храмы с таким расположением алтаря встречаются в карпатских горах уезда Бузэу, в Румынии (VRMB, 1980). Другой отличительной чертой, соотносящей церковь Пещеры Бекира с известными скальными храмами Басарабь-Мурфатлар (*Basarabi-Murfatlar*) в уезде Констанца, на румынском побережье Черного

моря, датированными X в., являются расположенные по ее периметру скамьи, вырезанные в меле (*Barnea, Ștefănescu*, 1971. Р. 180–233; *Barnea*, 1987. Р. 81–106). По-видимому, одна из скамей шла вдоль стены, не имеющей орнамента, на всю глубину церкви (*Курдиновский*, 1918. С. 7). Вторая скамья расположена у задней стены под единственным окном. Отметим своеобразные декоративные элементы у трех стен Сорокской церкви – алтарной, продольной и задней: небольшие колонки, искусно вырезанные в стене в весьма оригинальной манере (рис. 3, 2). Это придает нашей скальной церкви исключительное значение среди других памятников раннехристианского времени.

(арх. Alexei Bogdan)

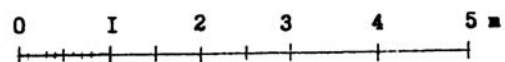
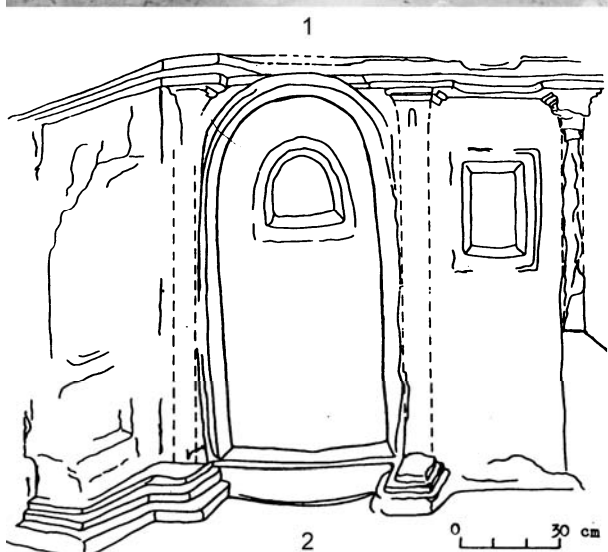

Рис. 1. План церкви Пещеры Бекира.

Fig. 1. The Plan of the church of Bichir's Cave.

¹ Республика Молдова, Кишинэу, МД-2012, ул. 31 августа, 121-А. Национальный Музей истории Молдовы.

Рис. 2. Церковь Пещеры Бекира:

1 – вход в алтарь; 2 – графическое изображение входа в алтарь с иконой между колонками. Слева изображены вторая колонка возле двери в алтарь и остатки шкафа с двумя полками.

Fig. 2. Church of Beshir's Cave:

1 – the entrance in the sanctuary; 2 – graphic representation of the entrance to the sanctuary with an icon between the small pillars. To the left: the second small column near the sanctuary door and the remains of a small cupboard with two shelves.

По нашему мнению, две колонки перед входом в алтарь продолжались до пола, где сохранились их многоступенчатые базисные основания. Надо сказать, что их сохранившиеся капители отличаются от капителей остальных колонок, расположенных у других стен, все в форме перевернутой пирамиды, но первые две – более изящной формы. Что касается колонок, находящихся у продольной стены до окна включительно, то они располагались до половины стены, имея капители единой формы в виде перевернутых многоступенчатых пирамид, фигурно свя-

занных между собой также многоступенчатыми лентами.

Главным основанием датировки скальной церкви Пещеры Бекира является северное расположение алтаря. Такие церкви, как считают исследователи, строились между V и IX вв. (Лири, 1994. Р. 17–33). Для датировки также важны декоративные колонки, которые впервые в христианской архитектуре были использованы в церкви Святой Софии в Константинополе в VI в. Здесь алтарь был отделен от остальной части храма колоннами, так называемым темпლოном (от латинского *templum* – строение, предназначенное для религиозного культа²). И еще немаловажной деталью для нашей церкви является наличие икон. Можно установить, что в Сорокской скальной церкви имелись иконы – в алтаре и две между колонками в храме (рис. 2). Они обрамлялись искусной орнаментальной многоступенчатой резьбой, выполненной в едином стиле всего храма. Ранее мы предполагали, что церковь может быть датирована VIII–IX вв. Нижняя хронологическая граница определяется по расположению алтаря в северной части.

Как описывают исследователи начала XX в., наряду с этой церковью поблизости имелись и другие пещеры, которые были уничтожены позже в процессе добычи строительного материала (Курдиновский, 1918. С. 7). Поэтому в литературе принято считать, что кельи вместе с храмом образовали в те далекие времена монастырский комплекс.

Кроме ранней датировки Сорокская скальная церковь уникальна тем, что декор ее интерьера сопоставим с орнаментацией деревянных храмов, существовавших одновременно с ней, но ввиду недолговечности материала несохранившихся. Художественное оформление капителей в виде многоступенчатых перевернутых пирамидок, и особенно их соединения в виде многоступенчатых лент, очень напоминает конструкцию сводов деревянных церквей из прямых длинных бревен, которые можно наблюдать в самых старых храмах и по сей день (рис. 3, 1). Это относит Сорокскую церковь к числу важных памятников христианской архитектуры официаль-

² Отметим, что слово *tâmpla* (тымпла), которое в румынском языке является одним из обозначений иконостаса, можем связать с греческим словом «темпла» (*templa*), формой множественного числа для слова «темплон», принимая во внимание присутствие этой конструкции на территории Молдавии с самых древних времен.

ного характера, несущую на себе следы византийского влияния одновременно с чертами деревянной народной архитектуры (Ghimpu, 2000. P. 144–162).

По всей вероятности, в маленькой церквушке Пещеры Бекира в скульптурной манере между алтарем и скамьей на одной боковой стенке до окна на задней части изображен темплон, архитектурное строение, предшествовавшее в христианских храмах иконостасу.

Появление и эволюция темплов в православных храмах до иконостаса было изучено русским византинистом В. Н. Лазаревым (Лазарев, 1967. С. 162–196; 1970. С. 128–139; 1971. С. 110–136). Выделяя две разновидности алтарных преград, существовавших в период раннего христианства, он подчеркивал генезис византийского темплова в строениях, базирующихся на колоннадах (своеобразные портики), где лики святых начали изображать рельефно на архитраве, на металлических обрамлениях, или красками, в форме медальонов. Классическим примером здесь является церковь Святой Софии в Константинополе, построенная в VI в. Если в больших храмах алтарные преграды были полностью мраморными, то в провинциальных церквях – деревянными. Учитывая мнение В. Н. Лазарева, мы можем также отметить, что наша церковь, или, по крайней мере, темплон, не имеющий растительных или звериных изображений, был построен до усиления иконостаса. Как известно, борясь с почитанием икон, тогда украшали церкви изображениями растений, птиц и зверей, заимствованными в светском прикладном искусстве. О том, что они должны были быть на темплонах, свидетельствует тот факт, что подобные изображения сохранились на иконостасах более позднего времени и вплоть до наших дней.

Развитие алтарных преград строилось на устойчивых канонических традициях, в которые привносились изменения в виде тех или иных интерпретаций (Бетин, 1970а. С. 41–43). Этот творческий процесс, базирующийся на неизбежности идеологических постулатов средневекового общества, шел от символики и догматики самого алтаря, которые сложились уже к началу VIII в. (Бетин, 1970б. С. 57). Уже Софроний Иерусалимский описывает темплон с иконами (до 629 г.) в одной из периферийных церквей (Бетин, 1970а. С. 43). Исходя из этого, темплон церкви Пещеры Бекира может быть датирован

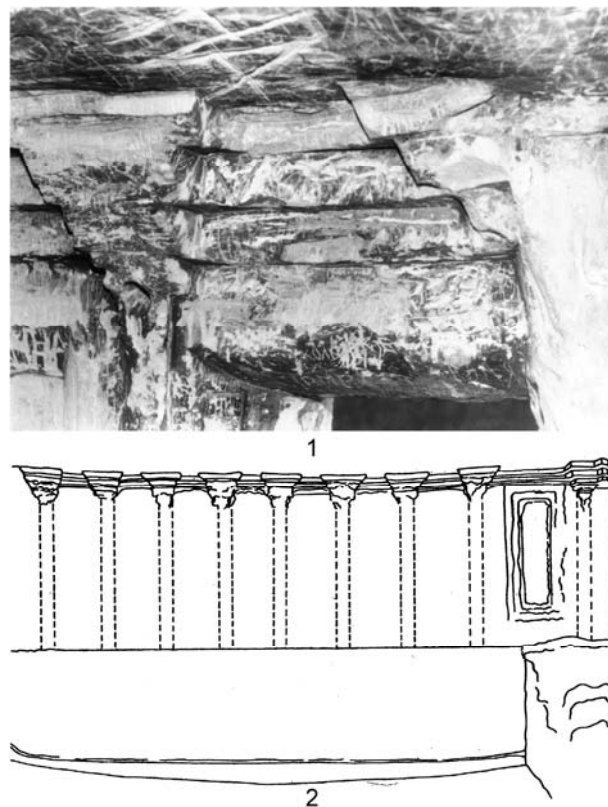

Рис. 3. Церковь Пещеры Бекира:

1 – скульптурная деталь над окном с капителями и многоступенчатыми лентами (фото); 2 – графическое изображение продольной стены со скульптурными капителями и иконой.

Fig. 3. Church of Beshir's Cave.

1 – Sculpture above the window with column heads and parcels in recession (photo); 2 – graphic representation of the lateral wall with sculpted chapters and an icon.

не позже VII в. или даже VI–VII вв., конечно, если принять во внимание малочисленность икон в церкви.

Таким образом, мы можем утверждать, что в церкви Пещеры Бекира возле города Сорока имеется скульптурно вырезанный в меловом материале барельеф, имитирующий деревянный темплон. Это было сделано из-за небольших размеров храма. Храм уникален тем, что в нем почти в первоизданном виде сохранился один из самых ранних типов темплов, который можно датировать VI–VII вв.

Бетин, 1970а – Бетин Л. В. Об архитектурной композиции древнерусских высоких иконостасов // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV–XVI вв. М., 1970.

Бетин, 1970б – Бетин Л. В. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса // Там же.

- Курдиновский*, 1918 – *Курдиновский В.* Общий очерк о пещерных храмах Бессарабии // Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества. Кишинев, 1918. № 10.
- Лазарев*, 1967 – *Лазарев В. Н.* Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон // Византийский временник. М., 1967. Т. 27.
- Лазарев*, 1970 – *Лазарев В. Н.* Два новых памятника русской станковой живописи XII–XIII веков (к истории иконостаса) // *Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970.
- Лазарев*, 1971 – *Лазарев В. Н.* Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон // *Лазарев В. Н.* Византийская живопись. М., 1971.
- Свод памятников..., 1987 – Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР, северная зона, макет. Кишинев, 1987.
- Халитта*, 1902 – *Халитта И. Н.* Сведения о древностях Бессарабии, собранные Военным Губернатором П. И. Федоровым в 1837–1839 гг. // Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии. Кишинев, 1902. Т. 2.
- Arbore*, 1898 – *Arbore Z. C.* Basarabia în secolul XIX. București, 1898.
- Barnea*, 1987 – *Barnea I.* Monumente creștine și viața bisericească în secolele VII–XI // Monumente istorice și izvoare creștine (mărturie de străveche existență și de continuitate a românilor pe teritoriul Dunării de Jos și al Dobrogei). Galați, 1987.
- Barnea, Ștefănescu*, 1971 – *Barnea I., Ștefănescu Ș.* Din istoria Dobrogei. București, 1971. Т. 3.
- Ghimpu*, 1998 – *Ghimpu V.* Mănăstirea rupestră de la Peștera lui Bechir din Soroca // Tyrageția. Chișinău, 1998. N 6–7.
- Ghimpu*, 2000 – *Ghimpu V.* Biserici și mănăstiri medievale în Basarabia, monografie. Chișinău, 2000.
- Lupu*, 1994 – *Lupu E.* Observații asupra vestigiilor rupestre din zona Carpaților de Curbură // Musaios. Buzău, 1994. Vol. 4, part. II.
- VRMB, 1980 – Vestigiile rupestre din Munții Buzăului / Coord. C. Ștefan. Buzău, 1980.

The Ancient Church of the Bechir's Cave near the Town of Soroca

V. Ghimpu

The author of the present paper has established that in the church of the Bechir's Cave located near the town of Soroca (Republic of Moldova) there is a representation of a templon carved on the frontal wall and, because of the small proportions of the church, on the lateral wall in the chalky rock. The value of this image, along with its early date of the 6th or 7th century, is in the fact that this is one of the

very earliest models of templa preserved in the intact form and therefore quite unique.

In addition, this article notes that the Romanian word '*tâmpla*' which means 'iconostasis' probably derives from the Greek '*templa*', the plural of '*templon*'. This fact again suggests that structures of this type had existed from very old times in the region under consideration.

СОСУДЫ ТИПА «ТАТИНГ» ИЗ НИЖНЕГО ПОВОЛХОВЬЯ И СЕН-ДЕНИ ПО ДАННЫМ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

М. А. Кулькова, А. В. Плохов²

При раскопках памятников Нижнего Поволжья последней четверти I тыс. н. э. собраны многочисленные черепки глиняной посуды. В основном это обломки грубых лепных кухонных горшков местного производства. Однако в керамических коллекциях имеется небольшая группа обломков сосудов, отличающихся по многим признакам от остальных керамических находок. Некоторые из них принадлежат изящным гончарным тонкостенным чернолощеным изделиям, иногда декорированным оловянной фольгой. Европейские исследователи относят такие сосуды к типу «Татинг» (*Stilke*, 2001. С. 258). Наиболее распространенной формой «татингских» изделий являются кувшины, но известны также и немногочисленные экземпляры посуды других категорий. Название типу было дано по коммуне Татинг в земле Шлезвиг-Гольштейн в Германии, где в начале XX в. в погребении был обнаружен хорошо сохранившийся кувшин. К настоящему времени «татингские» сосуды зафиксированы более чем в 50 пунктах в регионе Балтийского и Северного морей от Майнца и Лорша в Германии до Борга на Лофотенских островах в северной Норвегии, от Саутгемптона, Йорка в Англии и Сен-Дени во Франции до Старой Ладogi в России (*Плохов*, 2007. С. 26, рис. 3).

В Восточной Европе единственным местом, где найдены изделия «татингского» типа, явля-

ется Нижнее Поволжье. Здесь они встречены в кургане № 7 могильника в урочище Плакун, а также в напластованиях IX–первой половины X в. Земляного городища Старой Ладogi. К настоящему времени с этого поселения происходят 13 чернолощенных обломков от разных частей сосудов «татингского» типа. Они встречены в раскопах разных лет, причем наибольшее расстояние между местами находок фрагментов составляет свыше 40 м. Древнейший обломок, происходящий из горизонта E₃, имеет более качественную поверхность, чем заметно отличается от остальных «татингских» черепков. Эти фрагменты залежали в двух смежных горизонтах культурного слоя памятника E₁ и D. Исходя из морфологии, можно предполагать их принадлежность не менее чем к двум разным сосудам.³ Возможно, что они принадлежат одной «партии» и поступили на поселение в 880–920-х гг. (*Френкель*, 2008. С. 248).

В последние годы для определения черт сходства и различия между встреченными в низовьях Волхова обломками «татингских» сосудов, установления технологии их изготовления, а также для сравнения этих находок с аналогичной керамикой, происходящей из других регионов Европы, были использованы некоторые естественнонаучные методы. Результаты этих исследований были частично опубликованы (*Плохов, Кулькова*, 2010; *Плохов, Хаврин*, 2011).

В данной работе представлены результаты петрографического и рентгено-спектрального флюоресцентного изучения восьми фрагментов «татингских» сосудов из раскопок В. И. Равдо-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках программы «Нации и государство в мировой истории (проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы»).

² Кулькова М. А. Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 12. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Факультет географии, кафедра геологии и геоэкологии.

Плохов А. В. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© М. А. Кулькова, А. В. Плохов, 2013

³ Обломки «татингских» сосудов с Земляного городища имеют как черную, так и светло-коричневую окраску внутренней поверхности, что, видимо, свидетельствует о разных способах химико-термической обработки, примененных при их изготовлении (*Плохов, Хаврин*, 2011. С. 362–363).

никаса и А. Н. Кирпичникова⁴ на Земляном городище Старой Ладogi, фрагмента кувшина из кургана № 7 могильника Плакун, а также двух образцов «татингских» изделий из Франции (Сен-Дени),⁵ привлеченные нами для сравнения (рис. 1):

1) обломок венчика кувшина диаметром 12 см⁶ (рис. 1, 1) из кургана № 7 могильника Плакун. Черепок плотный, светло-коричневый в изломе, сохранивший исходный черный цвет поверхностей и следы металлического декора в виде светло-коричневого налета.⁷ Образец № 120;

2) фрагмент ручки кувшина⁸ (рис. 1, 4), встреченный при исследованиях в 1939 г. нижнего яруса горизонта Д Земляного городища, датированного 920–950-м гг. Толщина сохранившейся стенки сосуда около 0,5 см. Широкая ручка имеет восьмеркообразное сечение. Большая часть поверхности обломка черного цвета со следами лощения, в то время как стенка под ручкой, а также внутренняя сторона последней только заглажена и имеет коричневую окраску. В изломе черепок плотный, светло-серого цвета. Образец № 127;

3) придонная часть кувшина,⁹ сохранившаяся на высоту около 6,5 см (рис. 1, 10), найденная в 1958 г. при раскопках верхней части горизонта Е₁ Земляного городища, относящегося к 890–920-м гг. Толщина стенки сосуда 0,5–0,6 см. Обломок имеет черный цвет поверхностей. Черепок плотный, светло-серо-коричневой в изломе окраски.¹⁰ На внешней поверхности отмечено не очень качественное вертикальное лощение. На фрагменте видны остатки накладной орнаментации – полоски коричневатого цвета. Образец № 144;

4) обломок придонной части сосуда¹¹ (рис. 1, 11), обнаруженный в 1959 г. при разборке куль-

турных напластований верхней части горизонта Е₃ Земляного городища, датируемой 810–830-ми гг. Черепок плотный, толщиной 0,55–0,7 см. Внешняя поверхность имеет черный цвет и качественное вертикальное лощение. Внутри фрагмент имеет темно-серую, а в изломе светло-серо-коричневую окраску. Образец № 145;

5) фрагмент верхней части кувшина диаметром 10 см (рис. 1, 2), найденный на Земляном городище в 2003 г.¹² в отложениях конца IX–начала X в. Венчик округлый утолщенный, толщина шейки 0,35–0,40 см. Черепок плотный, черного, а в изломе светло-серо-коричневого цвета. На внешней поверхности обломка отмечены лощение и следы декора в виде светло-коричневого налета, а на внутренней – следы обточки и заглаживания. Образец № 151;

6) обломок стенки сосуда (рис. 1, 7), встреченный на Земляном городище в 2008 г.¹³ при разборке культурного слоя, отложившегося, по видимому, во втором–третьем десятилетиях X в. Черепок плотный, толщиной 0,50–0,55 см. Фрагмент имеет черную окраску поверхностей и серо-коричневый цвет в изломе. На внешней поверхности имеется вертикальное лощение, а на внутренней видны следы формовки на круге. Образец № 230;

7) фрагмент стенки сосуда (рис. 1, 8), найденный на Земляном городище в 2008 г.¹⁴ при исследованиях культурных отложений того же времени, что и предыдущий обломок. Черепок плотный, толщиной 0,6 см. Фрагмент имеет чернолощеную внешнюю и светло-коричневую заглаженную внутреннюю поверхности, а в изломе серый цвет. Образец № 231;

8) обломок стенки сосуда (рис. 1, 9), зафиксированный на Земляном городище в 2008 г.¹⁵ при изучении напластований того же времени, что и два предыдущих фрагмента. Черепок плотный, толщиной 0,65–0,80 см. Обломок имеет черную, с вертикальным лощением внешнюю поверхность, светло-коричневую с горизонтальным заглаживанием внутреннюю поверхность и серый цвет в изломе. Образец № 232;

9) обломок верхней части кувшина диаметром около 10 см (рис. 1, 5), найденный на Земляном городище в 2008 г.¹⁶ на уровне верхней

⁴ Благодарим А. Н. Кирпичникова за возможность использовать материал раскопок.

⁵ Благодарим Nicole Meyer-Rodrigues за предоставление образцов из Сен-Дени.

⁶ Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург). Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Описание хранения 65-VII (далее: ГЭ, ОАВЕС, оп. хр.).

⁷ Все обломки «татингских» сосудов из Нижнего Поволжья, на которых сохранились следы металлического декора, были подвергнуты в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа ст. н. с. С. В. Хавриным рентгенофлюоресцентному анализу поверхности на спектрометре AgTAX (*Плохов, Хаврин*, 2011. С. 365–366).

⁸ ГЭ, ОАВЕС, оп. хр. 273: 1828.

⁹ ГЭ, ОАВЕС, оп. хр. 71: 39.

¹⁰ В свежем изломе черепок светло-серый.

¹¹ ГЭ, ОАВЕС, оп. хр. 85: 67.

¹² САЭ-03/42, кв. Е_{XVII}, гл. -0,83.

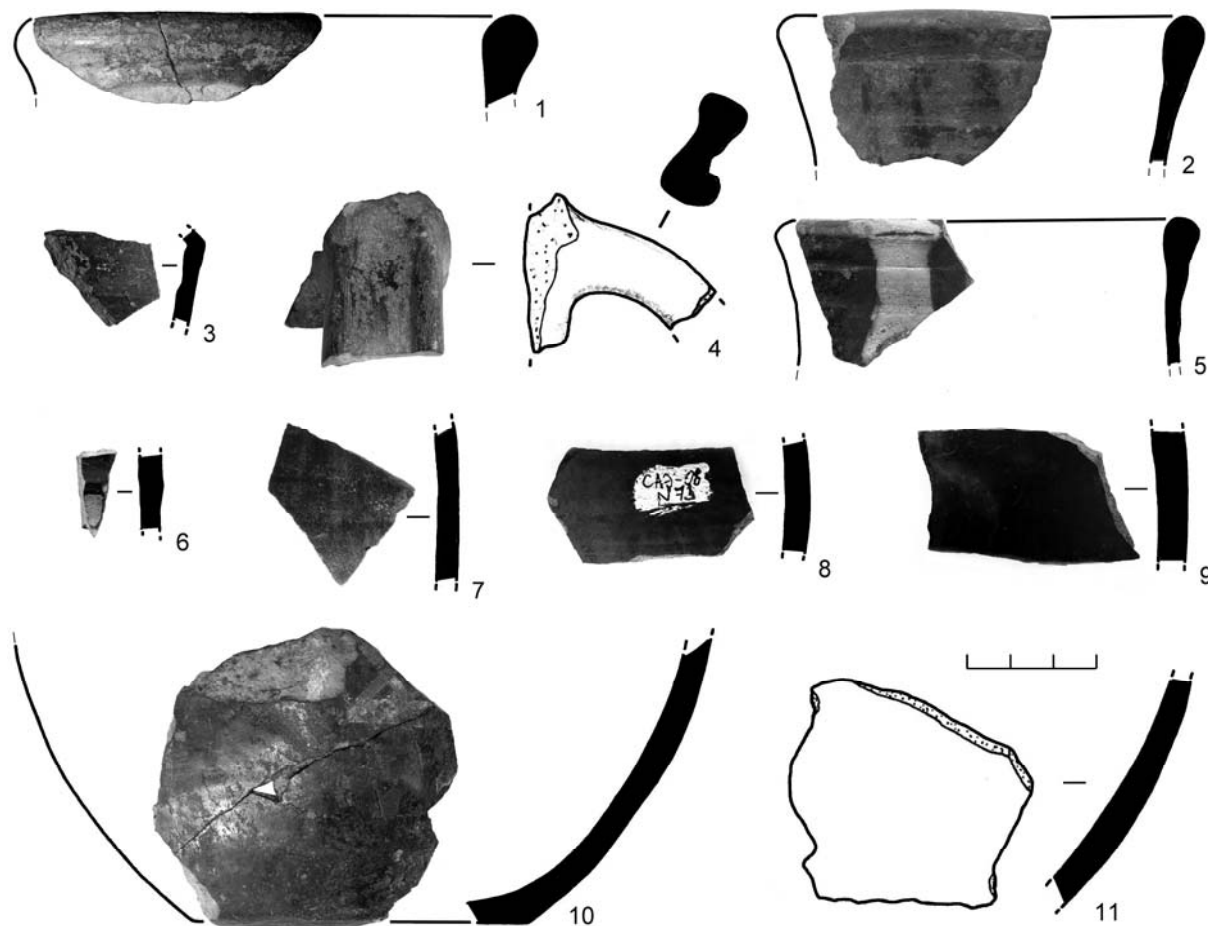
¹³ САЭ-08/96, кв. Н_{XVII}, гл. -55.

¹⁴ САЭ-08/73, кв. Н_{XVIII}, гл. -40.

¹⁵ САЭ-08/29, кв. Л_{XIV}, гл. -15.

¹⁶ САЭ-08/92, кв. Е_{XIV}, гл. -77.

Рис. 1. Фрагменты «татингских» сосудов, исследованных естественнонаучными методами: 1 – из могильника Плакун; 2, 4, 5, 7–11 – с Земляного городища; 3, 6 – из Сен-Дени.

Fig. 1. Fragments of 'Tating' ware examined with the use of natural-science methods: 1 – the cemetery of Plakun; 2, 4, 5, 7–11 – Zemlyanoye Hillfort; 3, 6 – Saint-Denis.

части деревянных конструкций постройки, датированной в пределах 864–889 гг. Венчик округлый, утолщенный. Толщина шейки от 0,25 см. Черепок плотный, черного, а в изломе серо-коричневого цвета. На внешней поверхности обломка видны следы лощения, остатки металлического декора в виде мелких пятен коричневого налета, а также вертикальная светло-коричневая полоса – место крепления носика кувшина. На внутренней поверхности обломка отмечены следы обточки и заглаживания. Образец № 233;

10) небольшой фрагмент стенки сосуда на уровне ребристого плечика из раскопок в монастыре Сен-Дени¹⁷ (рис. 1, 3). Большинство найденных на этом памятнике «татингских» черепков не может быть узко датировано, но часть из

них по контексту относятся к третьей четверти VIII в. (*Meyer-Rodrigues*, 1993. P. 271). Толщина черепка 0,30–0,45 см. Его поверхности имеют черный цвет. В изломе обломок светло-серый с темно-серой сердцевинкой, толщиной около 0,1 см. На внешней поверхности фрагмента видны следы горизонтального лощения и металлического декора, а на внутренней – формовки на гончарном круге. Образец № 235;

11) небольшой фрагмент стенки сосуда из раскопок в монастыре Сен-Дени¹⁸ (рис. 1, 6). Толщина черепка 0,45–0,55 см. Поверхности обломка имеют черный цвет. Снаружи на фрагменте отмечается лощение и светло-бежевая полоса металлического декора сосуда. Внутренняя поверхность черепка хорошо заглажена, со следами лощения и формовки на гончарном круге.

¹⁷ Ville de Saint-Denis-93, 18-468-7.

¹⁸ Ville de Saint-Denis -93, 22-256-1.

В изломе обломки светло-серый с тонкой, до 0,1 см полосой серого цвета в середине. Образец № 236.

Методы исследования. Петрографический анализ. Изучение керамических фрагментов проводилось под биноклем в шлифованных образцах и под поляризационным микроскопом ПОЛАМ С-111 в шлифах в проходящем и поляризационном свете при увеличении в 15 раз. Петрографические исследования позволили выявить минеральный состав формовочной массы, идентифицировать естественные и искусственные добавки и определить их количество, изучить текстурные особенности керамики. Особенности минерального состава позволили предположить возможные условия и температуру обжига.

Описание шлифов под поляризационным микроскопом:

№ 120 (рис. 2, 1). Глина (жирная) гидрослюдисто-каолинистового состава, кластического материала 1 %, содержит большое количество мусковита. В состав кластической составляющей входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит. Фиксируются отдельные поры округлой формы, занимающие около 1 % объема керамического материала. Отощитель не использовался. Температура обжига около 700 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 0,643 %. Потери при прокаливании, которые отражают общее количество органической и карбонатной составляющей, – 7,5 %;

№ 127 (рис. 2, 2). Глина (жирная) гидрослюдистого состава, кластического материала 1 %, содержит большое количество мусковита. В состав кластической составляющей входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит. Отмечены отдельные поры округлой формы, занимающие около 1 % объема керамики. Отощитель: возможно, в небольшом количестве был добавлен кварц-полевошпатовый песок (0,1–0,3 мм) и шамот, отдельные зерна которого имеют размер 0,3 мм. Температура обжига около 700 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 2,82 %. Потери при прокаливании – 6,63 %;

№ 144 (рис. 2, 3). Глина (жирная) гидрослюдистого состава, кластического материала 5 %. В его состав входят мелкие зерна слюдистого гнейса и много тяжелых минералов. Наблюдаются сильно преобразованные минералы, изменения по краям зерен, присутствие амфибола и шпинели. Поры тонкие, вытянутые, до 1 мм, занимающие около 5 % объема керамики. Следы выгоревшей органики. Отощитель не использовался. Наличие высокотемпературных мине-

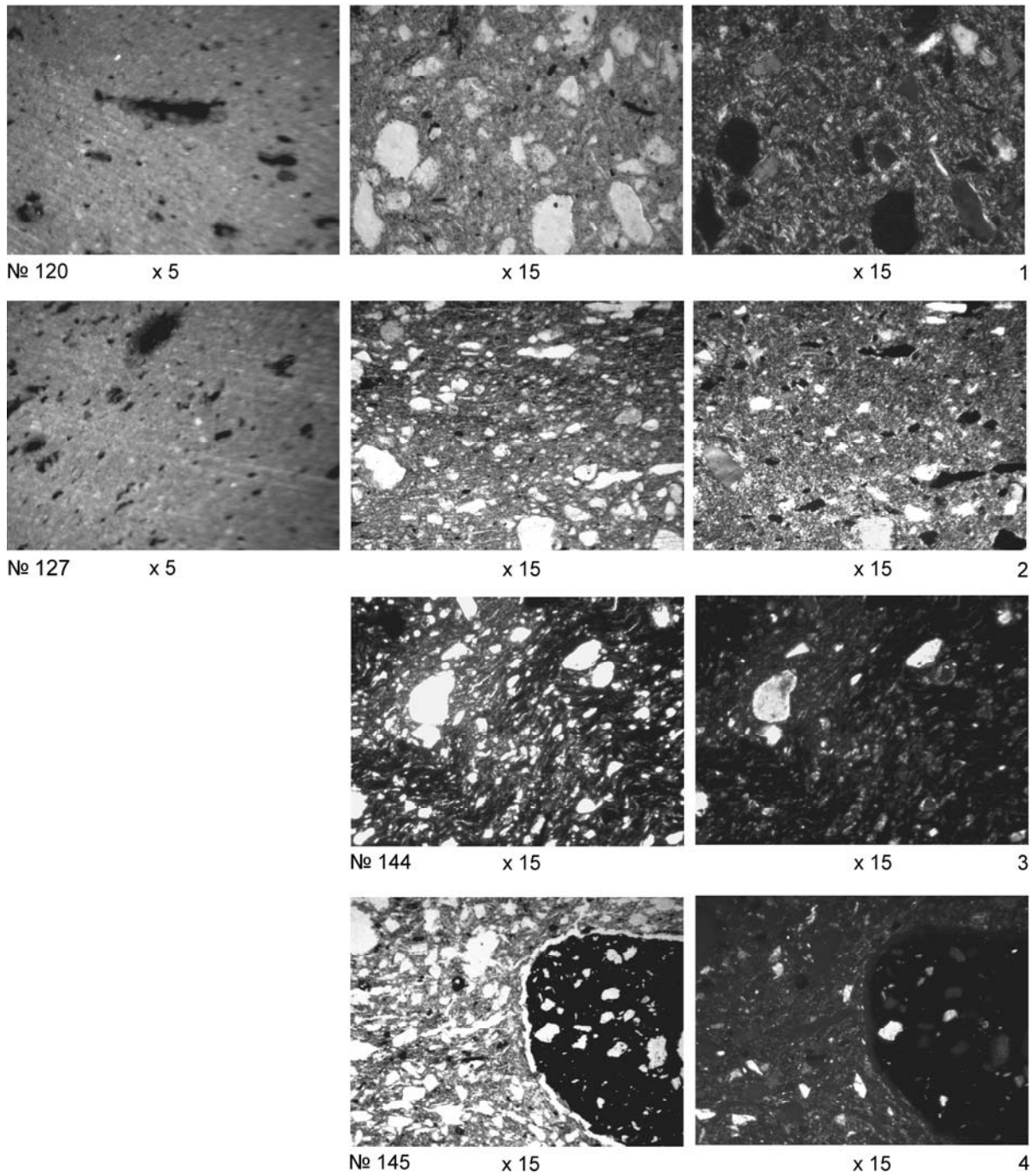
ральных фаз указывает на высокую температуру обжига до 1000 °С. Возможно, термические изменения фазового состава фрагмента являются следствием того, что при обжиге придонная часть подвергалась воздействию более высокой, по сравнению с другими частями кувшина, температуры. Среднее содержание P_2O_5 – 1,73 %. Потери при прокаливании – 7,73 %;

№ 145 (рис. 2, 4). Глина (тощая) гидрослюдистого состава, кластического материала 30 %. В его состав входят кварц, слюда, полевой шпат, амфибол. Поры округлые, занимающие около 1 % объема керамики. Отощитель: песок (30 %) – кварц, полевой шпат, мусковит, размером зерен песка 0,1–0,3 мм; шамот (20 %) – высушенная и растертая глина, округлые зерна до 1 мм. Температура обжига около 800 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 2,01 %. Потери при прокаливании – 6,02 %;

№ 151 (рис. 3, 1). Глина (жирная), гидрослюдисто-каолинистового состава, плохо перемешанного кластического материала около 3%. В его состав входят кварц, полевой шпат, гетит. Зафиксированы отдельные поры округлой формы, занимающие около 1 % объема керамики. Отощитель: кварц-полевошпатовый песок (10 %), зерна округлой формы размером от 1 до 2,5 мм. Температура обжига около 700 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 2,2 %. Потери при прокаливании – 5,0 %;

№ 230 (рис. 3, 2). Глина (жирная), гидрослюдисто-каолинистового состава, кластического материала 1%. В его состав входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит, отдельные зерна карбонатов. Отмечены отдельные поры округлой формы, занимающие около 1% объема керамики. Отощитель не использовался. Температура обжига около 700 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 0,77 %, потери при прокаливании не определялись;

№ 231 (рис. 3, 3). Глина (жирная), гидрослюдисто-каолинистового состава, кластического материала – 1 %. В его состав входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит, отдельные зерна карбонатов (известняк). Отмечены отдельные поры округлой формы, занимающие около 1 % объема керамики. Отощитель: отдельные зерна кварц-полевошпатового песка (10 %), зерна средней окатанности, размер до 1,5 мм. Состав: полевой шпат, кварц, гетит, зерна алеврита. Некоторые зерна полевого шпата выветрены, каолинитизированы. Присутствуют рассеянные зерна известняка (0,5 мм). Температура обжига

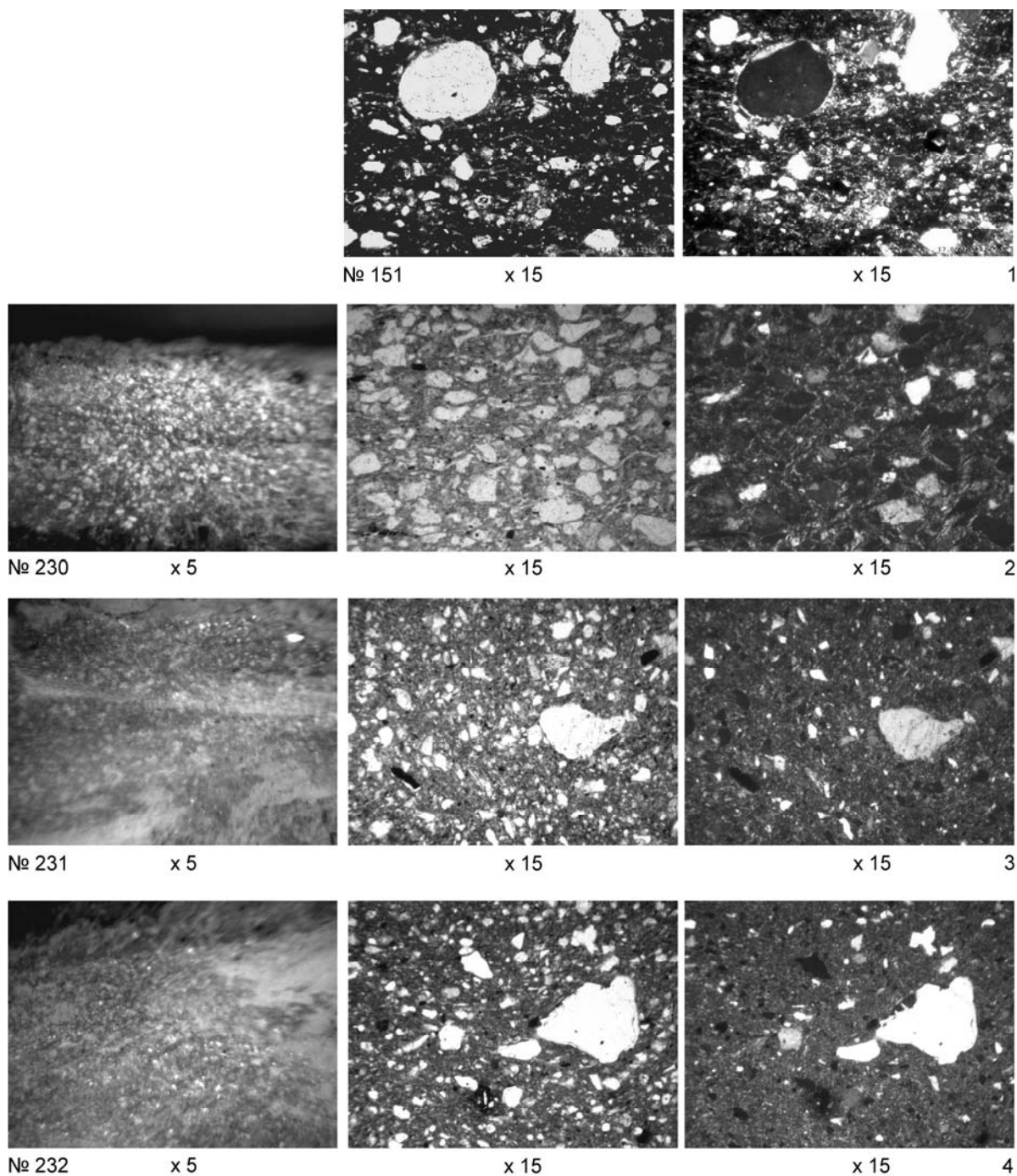

Рис. 2.

1, 2 – структура керамики в шлифованных образцах № 120 и 127, в шлифе без анализатора и в шлифе при скрещенных николях;
 3, 4 – структура керамики в шлифах № 144 и 145 без анализатора и в шлифе при скрещенных николях.

Fig. 2.

1, 2 – structure of ceramics in ground samples N 120 and 127: in thin section without analyzer and in thin section with crossed Nicols;
 3, 4 – structure of ceramics in thin sections N 144 and 145 without analyzer and with crossed Nicols.

Рис. 3.

1 – керамики в шлифе № 151 без анализатора и в шлифе при скрещенных николях; 2–4 – структура керамики в пришлифованных образцах № 230–232, в шлифе без анализатора и в шлифе при скрещенных николях.

Fig. 3.

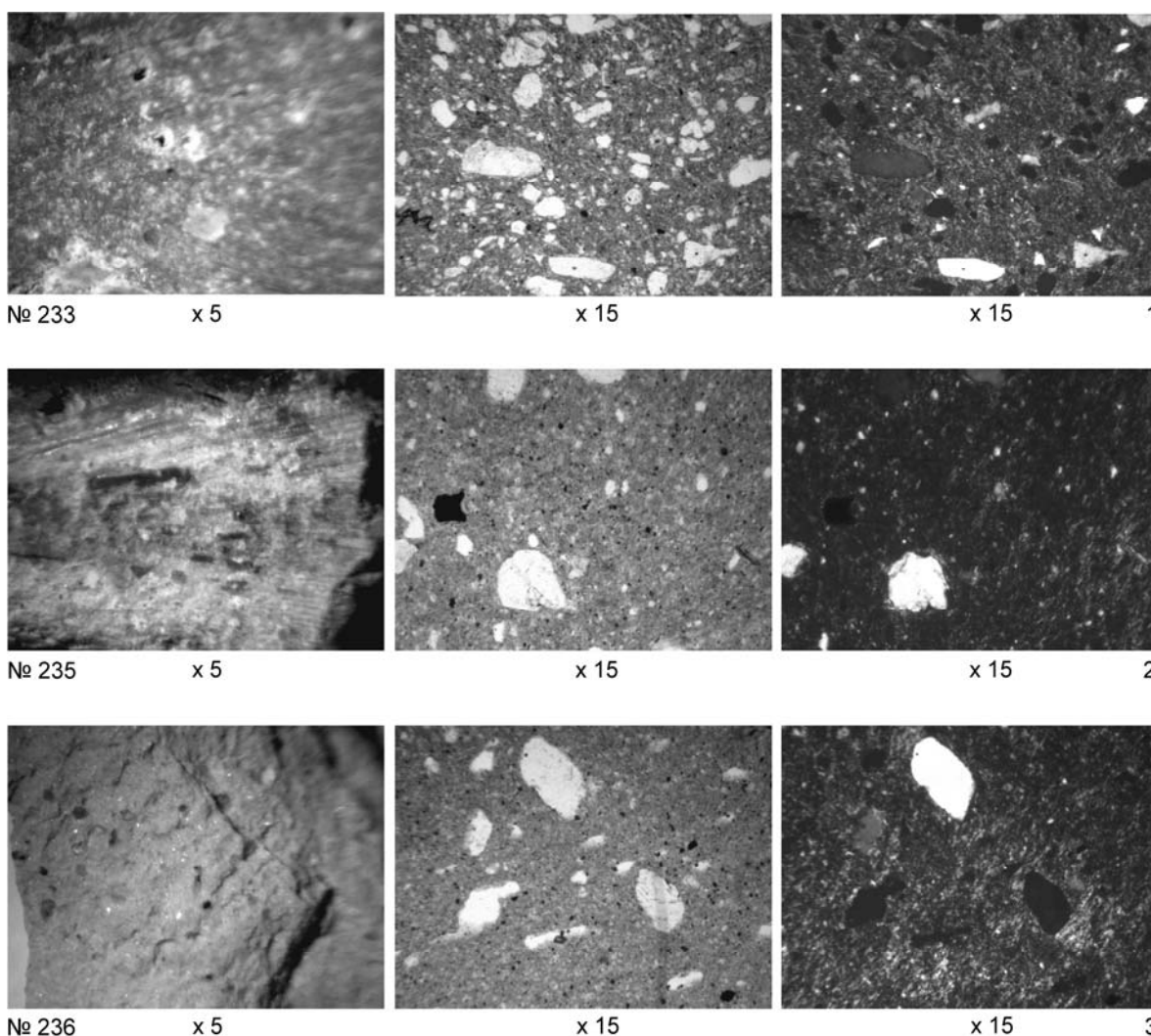
1 – structure of ceramics in thin section N 151 without analyzer and in thin section with crossed Nicols; 2–4 – structure of ceramics in ground samples N 230–232 in thin section without analyzer and in thin section with crossed Nicols.

около 700 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 2,48 %. Потери при прокаливании – 5,12 %;

№ 232 (рис. 3, 4). Глины (жирные), гидрослюдисто-каолинитового состава, кластического материала – 1 %, слюдистые, содержат большое количество мусковитовой составляющей. В состав кластической составляющей входят кварц, полевой шпат, гематит, гетит. Количество пор – 1 %, отдельные, округлые. Отощитель: возможно, в небольшом количестве был добавлен песок (10 %), зерна, размером до 1,5 мм. Состав: полевой шпат, кварц, гетит, зерна алеврита. Некоторые зерна полевого шпата выветрены, каолинитизированы. Тем-

пература обжига около 700 °С. Среднее содержание P_2O_5 – 1,82 %. Потери при прокаливании – 5,24 %;

№ 233 (рис. 4, 1). Глины (жирные), гидрослюдистого состава, кластического материала – 5 %. В состав кластической составляющей входят кварц, полевой шпат, гетит. Зерна окатаны, размер 0,02–0,5 мм. Количество пор – 1 %, отдельные, округлые. Отощитель: отдельные зерна кварц-полевошпатового песка, округлые зерна гнейса, песчаника (10%), зерна средней окатанности, размер до 2 мм. Температура обжига около 700 °С, восстановительный обжиг. Среднее содержание P_2O_5 – 1,04 %;

Рис. 4.

1–3 – структура керамики в шлифованных образцах № 233, 235, 236, в шлифе без анализатора и в шлифе при скрещенных николях.

Fig. 4.

1–3 – structure of ceramics in ground samples N 233, 235 and 236 in thin sections without analyzer and in thin sections with crossed Nicols.

№ 235 (рис. 4, 2). Глины (жирные), каолинового состава, кластического материала – 1%. В состав кластической составляющей входят кварц, гетит. Зерна окатаны, размер 0,02–0,1 мм. Количество пор – 1%, отдельные, округлые. Отощитель: кварцевый песок, зерна хорошей окатанности, размер до 1 мм, некоторые зерна угловатые, отдельные зерна гетита. Температура обжига около 900 °С, многие зерна кварца растресканы. Среднее содержание P_2O_5 – 0,16 %;

№ 236 (рис. 4, 3). Глины (жирные), каолинового состава, кластического материала – 1%. В состав кластической составляющей входят кварц, гетит. Зерна окатаны, размер 0,02–0,1 мм. Количество пор – 1%, отдельные, округлые. Отощитель: кварцевый песок, зерна хорошей окатанности, размер до 1 мм, некоторые зерна угловатые, зерна гетита. Температура обжига около 900 °С, многие зерна кварца растресканы, восстановительный обжиг. Среднее содержание P_2O_5 – 0,33 %.

Рентгено-спектральный флюоресцентный анализ. Количественный состав главных породообразующих элементов керамики определялся с помощью рентгено-спектрального флюоресцентного анализа (табл. 1). С его помощью были получены данные для сравнения образцов по химическому составу. Результаты были обработаны методами математической статистики. Для

определения наиболее близкого сходства образцов применялся кластерный анализ по методу евклидовых расстояний. Для расчета использовались значения десятичных логарифмов элементов, нормированных по отношению к SiO_2 . Как видно на диаграмме (рис. 5, 1), наиболее близкий химический состав имеют образцы № 127, 144, 151, 231 и 232, которые можно включить в одну группу. Во вторую группу входят образцы № 235, 236 и близкие к ним по химическому составу № 233 и 230. Образец № 120 отличается от других пониженными концентрациями CaO, MnO и повышенными содержаниями Fe_2O_3 , V, TiO_2 , Cr, а образец № 145 имеет средние концентрации всех элементов и занимает промежуточное положение между двумя главными выделенными группами.

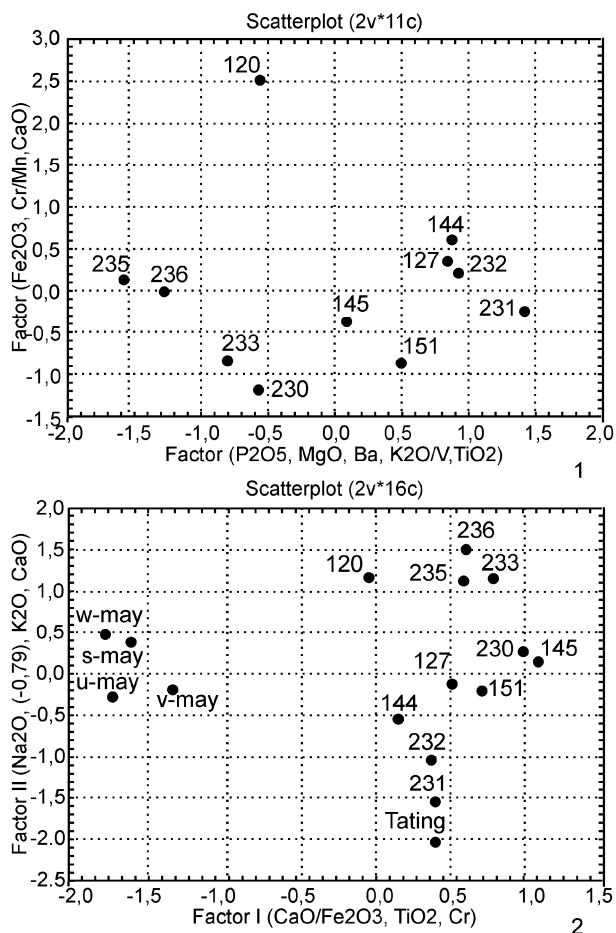
Результаты исследования. По составу формовочной массы среди обломков «татингских» сосудов, найденных при раскопках в Старой Ладоге, на могильнике Плакун и Сен-Дени, выделяются следующие группы:

I группа (образец № 120). Сосуд выполнен из жирной глины каолинит-гидрослюдистого состава с низким содержанием кластического материала, отощитель не использовался. Температура обжига около 700 °С. В химическом составе отмечается высокое содержание Fe_2O_3 , TiO_2 , V, пониженное содержание CaO, MnO, среднее содержание K_2O , MgO;

Таблица 1. Содержание главных окислов и микроэлементов в «татингской» керамике из раскопок в могильнике Плакун и на Земляном городище Старой Ладоги

Table 1. Content of the major oxides and microelements in 'Tating' ware from excavations at the cemetery of Plakun and Zemlyanoye Gorodishche in Staraya Ladoga

	1	2	3	4	5	6	7
	K_2O %	Na_2O %	CaO %	Fe_2O_3 %	TiO_2 %	Ba %	Cr %
Tating	2,34	0,229	2,407	3,09	0,78	0,951	0,0109
u-may	2,06	0,216	0,965	6,76	1,35	0,622	0,0212
v-may	2,04	0,229	0,923	7,99	1,43	0,727	0,0219
s-may	1,77	0,216	0,686	6,87	1,53	0,485	0,0230
w-may	1,63	0,216	0,756	6,87	1,67	0,48	0,0244
120	2,84	0,05	0,16	3,87	1,13	0,0594	0,0145
127	2,66	0,05	1,9	3,63	1,04	0,208	0,0128
144	2,84	0,228	1,31	3,47	1,08	0,278	0,0115
145	2,56	0,05	1,43	2,23	0,807	0,161	0,0083
151	2,18	0,13	1,88	2,36	1,17	0,243	0,0067
231	3,12	0,342	1,94	2,97	1,02	0,273	0,01
232	2,98	0,313	1,59	3,16	1,06	0,199	0,00892
230	0,76	0,2	1,57	2,33	0,9	0,169	0,00496
233	0,73	0,05	1,25	2,62	1,095	0,176	0,00552
236	1,39	0,05	1,18	2,81	1,147	0,04	0,0096
235	1,19	0,05	0,63	3,04	1,025	0,033	0,0085

Рис. 5. 1 – диаграмма распределения образцов «татингских» сосудов по данным факторного анализа химического состава; 2 – диаграмма распределения образцов керамики гончарных мастерских Майена и «татингских» сосудов по данным факторного анализа химического состава.

Fig. 5. 1 – diagram of distribution of samples of ‘Tating’ ware based on factor analysis of the chemical composition; 2 – diagram of distribution of samples of Mayen pottery and ‘Tating’ ware based on factor analysis of the chemical composition.

II группа (образцы № 127, 144, 151, 231 и 232). Сосуды изготовлены из жирных глин гидрослюдистого или гидрослюдисто-каолинитового состава, содержание кластического материала низкое. Отощитель не использовался или добавлялся в небольшом количестве. Температура обжига 700–1000 °С. В химическом составе высокое содержание CaO, MnO, MgO, K₂O, Fe₂O₃, TiO₂, Ba;

III группа (образец № 145). Сосуд сформован из тощей глины гидрослюдистого состава с повышенным содержанием кластического материала. Использовался отощитель, представленный кварц-полевошпатовым песком и шамотом.

Температура обжига около 800 °С. В химическом составе – среднее содержание K₂O, пониженное содержание Fe₂O₃, TiO₂, V, среднее содержание: CaO, MnO, MgO, Ba;

IV группа (образец № 230). Сосуд изготовлен из жирной глины гидрослюдисто-каолинитового состава, кластического материала 1%. Отощитель не использовался. Температура обжига около 700 °С. По химическому составу – высокое содержание V, пониженное содержание K₂O, Fe₂O₃, TiO₂, среднее содержание CaO, MnO, MgO, Ba;

V группа (образец № 233). Сосуд изготовлен из жирной глины гидрослюдистого состава с низким содержанием кластического материала. В качестве отощителя использовался кварц-полевошпатовый песок, состоящий из зерен гнейса, песчаника. Температура обжига около 700 °С. По химическому составу высокое содержание V, TiO₂, пониженное содержание K₂O, среднее содержание CaO, MnO, MgO, Ba, Fe₂O₃;

VI группа (образцы № 235, 236). Сосуды выполнены из жирной глины каолинитового состава, кластического материала – 1%. В качестве отощителя использовался кварцевый песок. Температура обжига около 900 °С. По химическому составу – высокое содержание V, TiO₂, пониженное содержание MgO, Ba, среднее содержание CaO, MnO, Fe₂O₃, K₂O.

Образцам групп II и IV по составу формовочных масс наиболее близка группа 3, выделенная английским исследователем Р. Ходжесом в результате петрографического изучения находок изделий типа «Татинг» с ряда памятников Западной Европы (*Hodges*, 1981. Р. 66). В группу включены образцы из Хамвича, Каупанга, Риббе и Дорестада. Среди образцов этой группы в большем количестве представлены обломки с чернелощеной внешней поверхностью и серым внутренним слоем – признаками, характерными для сосудов «татингского» типа. В шлифах наблюдается оптически анизотропная светло-серая глинистая матрица, отощенная несортированным, неокатанным песком (0,03–0,5 мм). Состав песка: кварц, калиевый полевой шпат, кварцит, мусковит, биотит. Наблюдаются отдельные железистые включения и плотные скопления глинистых пеллитов. По мнению Р. Ходжеса, петрографические анализы не позволяют решить вопрос о месте изготовления сосудов этой группы, хотя можно попытаться доказать ее рейнское происхождение на других основаниях (*Ibid.*).

Образец группы V по минеральному составу можно сопоставить с изделием, отнесенным Р. Ходжесом к группе 2а, в качестве отощителя к глинистому сырью которого, вероятно, добавлялся речной песок. По предположению исследователя, этот сосуд имел рейнское происхождение (Ibid.). Изучение шлифов и химического состава показало также близость формовочной массы группы V фрагментам сосудов из Сен-Дени.

Химический состав исследованных нами образцов по главным породообразующим окислам, а также некоторым микроэлементам был сопоставлен с опубликованными немецкими учеными результатами нейтронно-активационного анализа изделий майенских мастерских и «классических татингских» кувшинов (Stilke et al., 1996; 1999). Сравнение показало (табл. 2, рис. 5, 2), что наиболее близки последним номерам, входя-

щие в группу II, в то время как остальные образцы существенно отличаются по составу от всех пяти групп, выделенных зарубежными коллегами.

Итак, зафиксированное нами различие в формовочных массах и в химическом составе среди фрагментов «татингских» сосудов Нижнего Поволжья подтверждает мнение ряда исследователей о существовании нескольких центров изготовления этой керамики (Borsson, Jöns, 2010. P. 83; Hodges, 1981. P. 66; Meyer-Rodrigues, 1993. P. 267–268; Wamser, 1999. S. 214). Проведенные методами естественных наук исследования показали также, что найденные при раскопках горизонтов E₁–Д Земляного городища 11 обломков чернолощеной посуды принадлежат не одному, а по крайней мере трем изделиям.

Таблица 2. Содержание основных окислов породообразующих элементов и микроэлементов в «татингских» сосудах Нижнего Поволжья и Западной Европы, а также в керамике гончарных мастерских Майена (Stilke et al., 1996. P. 29; 1999. P. 416)

Table 2. Contents of the major oxides of rock-constituent elements and micro-elements in the 'Tating' pottery from the lower Volkhov area and Western Europe and in the ware of pottery-making workshops of Mayen

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
	TiO ₂ %	Fe ₂ O ₃ %	MnO %	MgO %	CaO %	Na ₂ O %	K ₂ O %	P ₂ O ₅ %	V %	Cr %	Ba %
120	1,13	3,87	0,015	0,996	0,16	0,05	2,84	0,643	0,00922	0,0145	0,0594
127	1,04	3,63	0,146	1,06	1,9	0,05	2,66	2,82	0,0092	0,0128	0,208
144	1,08	3,47	0,107	1,41	1,31	0,228	2,84	1,73	0,0108	0,0115	0,278
145	0,807	2,23	0,0915	0,652	1,43	0,05	2,56	2,01	0,00661	0,00829	0,161
151	1,17	2,36	0,144	1,01	1,88	0,13	2,18	2,2	0,00992	0,00669	0,243
231	1,02	2,97	0,132	1,38	1,94	0,342	3,12	2,48	0,00972	0,01	0,273
232	1,06	3,16	0,105	1,45	1,59	0,313	2,98	1,82	0,0102	0,00892	0,199
230	0,901	2,33	0,11	0,76	1,57	0,2	0,76	0,77	0,0124	0,00496	0,169
233	1,095	2,62	0,135	0,84	1,25	0,05	0,73	1,04	0,0142	0,00552	0,176
236	1,147	2,81	0,127	0,624	1,18	0,05	1,39	0,33	0,0156	0,0096	0,04
235	1,025	3,04	0,114	0,46	0,63	0,05	1,19	0,16	0,0151	0,0085	0,033

Находки обломков сосудов, украшенных оловянной фольгой, в культурных отложениях Староладожского поселения второй половины IX–первой половины X в. подтверждают возможность более поздней датировки кургана № 7, чем считала Г. Ф. Корзухина (Корзухина, 1971а. С. 62–63; 1971б. С. 130; Френкель, 2008; 2010). Однако по данным естественнонаучных исследований кувшин из могильника Плакун существенно отличается от проанализированных черепков «татингских» сосудов с Земляного городища, поэтому нельзя быть уверенным в том, что они появились в Приладожье одновременно. Возможно, что эти изделия не только были сделаны в разных гончарных центрах, но также не

в одно время и различными путями появились в Нижнем Поволжье.

Корзухина, 1971а – Корзухина Г. Ф. Курган в урочище Плакун близ Ладоги // Памятники славяно-русской археологии. М., 1971 (КСИА; № 125).

Корзухина, 1971б – Корзухина Г. Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. Вып. 16.

Плохов, 2007 – Плохов А. В. О связи нижнего Поволжья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2007 (Труды ИИМК; Т. 24).

Плохов, Кулькова, 2010 – Плохов А. В., Кулькова М. А. Новые данные о «фризских» кувшинах Нижнего Поволжья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунауч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзу-

- хиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.) / Редакторы-составители А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб., 2010.
- Плохов, Хаврин, 2011 – Плохов А. В., Хаврин С. В. Результаты исследования декора «татингских» сосудов из Нижнего Поволжья и Сен-Дени // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. М. Б. Щукину: По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. СПб., 2011.
- Френкель, 2008 – Френкель Я. В. Скандинавский могильник Плакун: время первых погребений и проблема сопоставимости хронологических шкал // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы ЛIII заседания (Псков, 10–13 апреля 2007 г.). Псков, 2008.
- Френкель, 2010 – Френкель Я. В. Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (о датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладого) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.) / Редакторы-составители А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб., 2010.
- Brorsson, Jöns, 2010 – Brorsson T., Jöns H. Analyses of the ceramic material from the emporium Reric near Gross Strömkendorf, Mrccklenburg // Naturwissenschaftliche Analysen vor- und frühgeschichtlicher Keramik: Methoden, Anwendungsbereiche, Auswertungsmöglichkeiten. Erster und zweiter internationaler Workshop für junge Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftler in Hamburg am 9. Februar 2008 und 7. Februar 2009 / Hrsg. B. Ramming, O. Stilborg. Bonn, 2010 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; Bd176).
- Hodges, 1981 – Hodges R. The Hamwih pottery: the local and imported wares from 30 years' excavations at Middle Saxon Southampton and their European context. London, 1981 (The Council for British Archaeology; Research Report, 37).
- Meyer-Rodrigues, 1993 – Meyer-Rodrigues N. Tessons de céramique dite «de Tating» découverts a Saint-Denis // La céramique du Vème au Xème siècle dans l'Europe du ord-Ouest. Actes du colloque d'outreau (10–12 avril 1992) / Ed. D. Piton. Arras, 1993 (Travaux du groupe de recherches et d'ésur la céramique dans le Nord – Pas-de-Calais; Nord-Ouest Archéologie. Numéro hors-série).
- Stilke, 2001 – Stilke H. Tatinger Ware // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Neumünster, 2001 (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; Vol. 6).
- Stilke et al., 1996 – Stilke H., Heih A., Mommsen H. Results of Neutron Activation Analysis on Tating Ware and the Mayen Industry // Medieval Ceramics. London, 1996. Vol. 20.
- Stilke et al., 1999 – Stilke H., Heih A., Mommsen H. Neutronenaktivierungsanalysen an mittelalterlicher Keramik aus Mayen und an Tatinger Ware // Redknap M. Die römischen und mittelalterlichen Töpfereien in Mayen, Kreis Mayen-Koblenz. Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel 6. Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete, Beiheft 24. Trier, 1999.
- Wamser, 1999 – Wamser E. Zu einer Tatinger Kanne und ausgewählten Kleinfunden aus Karburg am Main // Dedicato. H. Dannheimer zum 70. Geburtstag: Kataloge der Prähistorischen Staatssammlung 5. München, 1999.

«Tating» Type Ware from the Lower Volkhov Area and Saint-Denis in the Light of Natural-Science Investigations

M. A. Kul'kova, A. V. Plokhov

During recent years, certain natural-science methods were applied to identify the signs of similarity and difference between the fragments of «Tating» ware found on the lower Volkhov River and to establish the technology of their manufacture, as well as in order to compare these finds with analogous pottery coming from other regions of Europe.

The present article presents the results of petrographic and X-ray fluorescent analyses of eight fragments of «Tating» ware from excavations at Zemlyanoye Gorodishche (Earthen Hillfort) in Staraya Ladoga, a fragment of a jug from barrow no. 7 at the cemetery of Plakun, and two samples of «Tating» ware from Saint-Denis (France) taken into account for comparison.

In terms of the composition of the clay, six groups have been distinguished among the samples of «Tating» ware. The results obtained were compared with those of British and German researchers. Comparison of the texture of the clays and their chemical composition has demonstrated that the

sherds of «Tating» vessels found on the Lower Volkhov include samples both similar to and essentially differing from the finds at sites of Western Europe.

The differences identified in the clay texture and chemical composition of the fragments of «Tating» ware from the Lower Volkhov region confirm the supposition of a number of European researchers that there were several centres of manufacturing of pottery of this type. Our studies have shown, in addition, that the fragments of ware found during excavations of Zemlyanoye Gorodishche belonged to at least four vessels.

The essential difference between the jug from the cemetery of Plakun and the fragments of «Tating» ware from Zemlyanoye Gorodishche, as revealed by natural-science investigations, suggests not only that these objects were produced in different pottery-making centres, but also that they can have been brought to the Lower Volkhov region in different periods and via different routes.

О ВОСТОЧНОЙ НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКЕ РЮРИКОВА ГОРОДИЩА X в.¹

В. М. Горюнова²

Среди керамических материалов Рюрикова городища X в., составивших не одну тысячу фрагментов, за многие годы моих наблюдений начиная с 1994 г. удалось к настоящему времени выделить очень небольшую группу керамики, характеризующую юго-восточные связи этого северо-западного княжеского центра. Ее можно разделить на три подгруппы.

Первая подгруппа (рис. 1) представлена частями кувшинов темно-серого цвета с полосчатым лощением, в одном случае образующим сетчатый орнамент. Выполнены эти кувшины лепкой с последующей правкой на гончарном круге. В отличие от местной массовой керамики, изготовлены из тонко отмученной глины, тесто у них плотное, в качестве примеси использован песок, но не дресва. Форма тулова кувшинов – яйцевидная, в одном случае наибольший диаметр у сосуда приходится на середину высоты (рис. 1, 3),³ в другом, вероятно, на верхнюю треть (рис. 1, 2). Придонная часть третьего экземпляра имеет конусовидные стенки (рис. 1, 4), которые обычно предполагают достаточно вытянутые общие пропорции кувшинов. Фрагмент основания верхней части ручки (рис. 1, 1) позволяет проследить способ крепления ее к тулову – «на пробой». В стенке горла кувшина было сделано отверстие, в которое был продет утонченный конец тела ручки. Затем конец был примазан к внутренней поверхности стенки. По

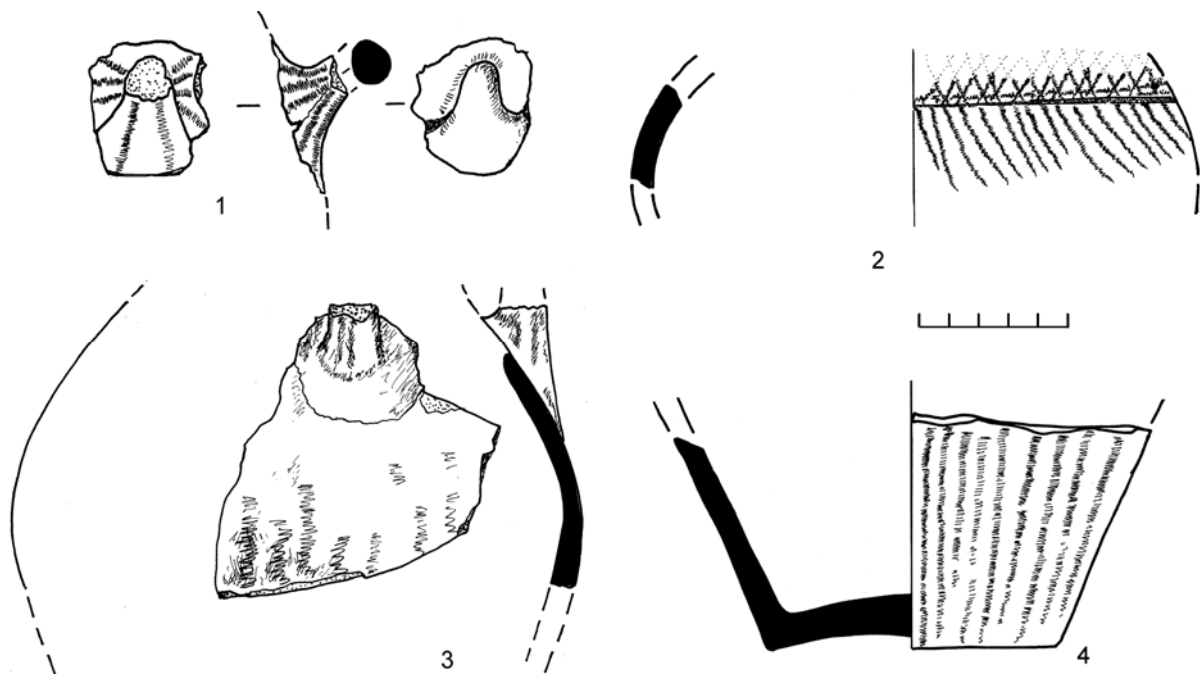
стратиграфическому положению, дендродатам и сопровождающему раннегончарному материалу эти сосуды включены в комплекс третьей четверти X в. Верхняя хронологическая граница определяется по дендродате 979 г. (*Носов и др.*, 2005. с. 243, табл. 73, 5; С. 248, табл. 76 – см. пласт 3).

Материал, как видите, ничтожно мал и с трудом поддается реконструкции, но, я думаю, больших возражений не вызовет моя интерпретация первой группы в качестве салтовских керамических изделий. Характерный лощеный узор в виде сеточки, крепление ручки с помощью глиняного штыря, введенного внутрь горшка и примазанного заподлицо к внутренней части стенки, а также наличие примеси песка в тесте – все эти черты присущи посуде салтовского производства (*Красильникова*, 2009. С. 11–118). Правда, яйцевидные формы кувшинов не типичны для основного периода существования этой культуры. Но в материалах Саркела 30–60-х гг. X в., в финале салтово-маяцкого периода этого памятника, расплывшиеся приземистые кувшины с наибольшим диаметром тулова в нижней трети сменяются сосудами более вытянутых пропорций. Тулово кувшинов приобретает яйцевидную форму, при этом в придонной части стенки нередко становятся конусовидными (*Плетнева*, 1959. С. 213, рис. 1, 11, 12 – рис. 2). Подобная тенденция смены типично салтовских широкодонных приземистых кувшинов более вытянутыми яйцевидными формами с низкой широкой горловиной во второй–третьей четвертях X в. прослеживается и на памятниках Средней Волги в районе впадения в нее Камы. Об этом свидетельствует ряд примеров из погребений Танкеевского могильника (*Казakov*, 1981. С. 129; 1992. С. 98, рис. 32, 9; с. 239, рис. 82в, 1; с. 288, рис. 95, 37–39). Но эти кувшины, в отличие от салтовских, в своей нижней трети все остаются широкодонными с выпуклыми стенками.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках программы «Нации и государство в мировой истории (проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

³ Часть рисунков и фото, использованных в данной публикации, мне были предоставлены А. В. Плоховым из своего личного архива. Благодарю его за этот подарок, благодарственную критику и свободный обмен мнениями.

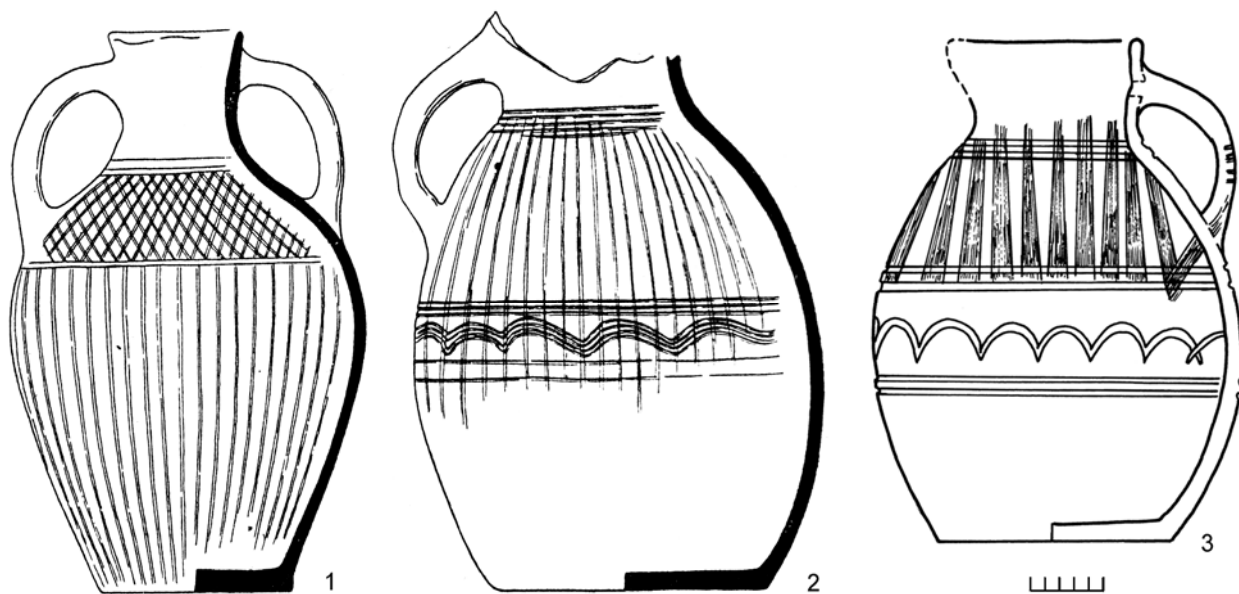

Рис. 1. Рюриково городище. Фрагменты лощеных салтовских кувшинов.

1 – 2007 г., заполнение рва, черный слой, кв. 56, гл. от -550 см до -570 см; 2 – 2010 г.; заполнение рва, печь в кв. 93 и черный слой над нею, гл. от -270 до -420 см; 3 – «стратиграфический» раскоп 1977–1978 гг., пласт 2, 5; 4 – «стратиграфический» раскоп 1977–1979 гг., пласт 3.

Fig. 1. Rurik Gorodishche. Fragments of burnished Saltovo jugs.

1 – 2007, fill of the moat, black stratum, square 56, depth from -550 cm to -570 cm; 2 – 2010, fill of the moat, kiln in square 93 and black stratum beneath it, depth from -270 to -420 cm; 3 – ‘stratigraphic’ trench of 1977–1978, strata 2, 5; 4 – ‘stratigraphic’ trench of 1977–1979, stratum 3.

Рис. 2. Лощеные салтовские кувшины:

1–2 – Саркел–Белая Вежа (Плетнева, 1959. С. 213, рис. 1, 11, 12); 3 – Новгород. Троицкий X раскоп, участок Д, пласт 19.

Fig. 2. Burnished Saltovo jugs:

1–2 – Sarkel-Belaya Vezha; 3 – Novgorod. Excavation Troitsky X, area Д, stratum 19.

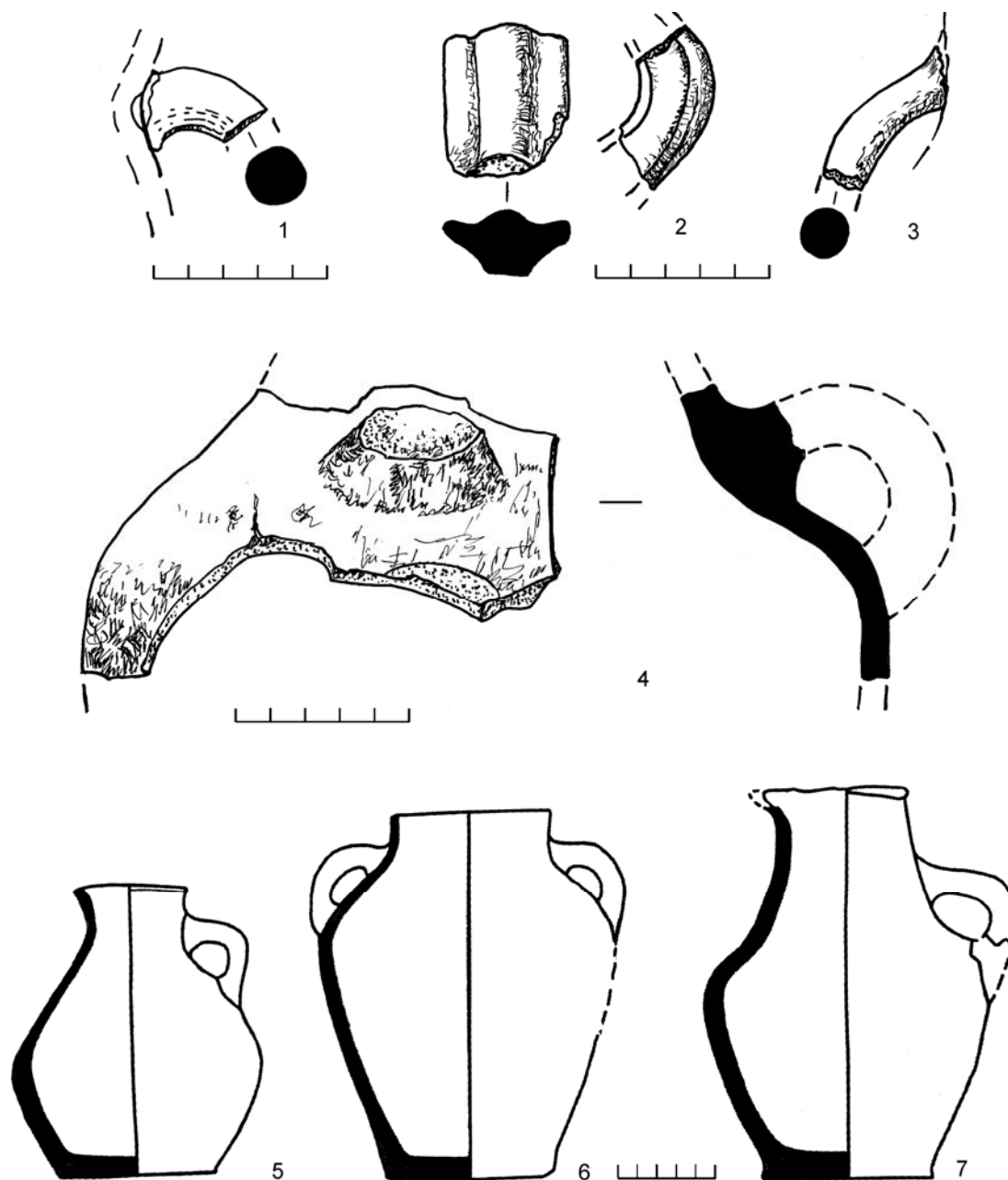
И цвет черепка с черного меняется на желто-красный, лощение применяется реже и обязательно сопровождается врезным линейным (реже фестончатым) орнаментом.

Некоторые исследователи считают, что собственного производства посуды на гончарном круге на территории будущей Волжской Болгарии во второй–третьей четвертях X в. еще не было. В этот период в погребальных комплексах Средней Волги встречается очень немногочисленная группа лепных неукрашенных кувшинов, подражающих гончарным, в тесте которых высок процент растительной примеси и нередко присутствует толченая раковина, а серо-черный цвет черепка заменяется желто-красным, при этом лощение применялось редко. Налицо иной температурный режим обжига. Растительная примесь и толченая раковина в тесте – признаки местных традиций, подобные примеси при изготовлении салтовской посуды не применялись. К тому же следует учитывать и тот факт, что стационарные поселения этого периода на Средней Волге пока не выявлены. Поселенческая структура региона только начинает зарождаться (Казаков, 1992. С. 5). В последней работе Д. А. Сташенкова отмечено, что для VIII–IX вв. характерны лишь сезонные стоянки, а для IX–X вв. – сезонные стоянки становятся многослойными (Сташенков, 2010. С. 118–127). Поэтому происхождение салтовских форм Рюрикова городища следует связывать с коренной территорией салтово-маяцкой культуры, где развитое ремесленное производство коррелирует с развитой поселенческой структурой, включающей раннегородские образования в виде крепостей и общинные центры в виде городищ.

На рис. 3. изображена *вторая подгруппа* интересующей нас керамики, представленная лепным кувшинообразным горшком с петлевидной ручкой (рис. 3, 4), а также лепными ручками от разных сосудов: круглыми (рис. 3, 1, 3) и уплощенно-фигурными (рис. 3, 2). Объединение их в одну подгруппу несколько условно, так как ручки всегда будут лепными и у посуды, сделанной на гончарном круге, но главное отличие этой группы заключается в отсутствии признаков классического салтовского полосчатого и орнаментального лощения. Правда, лепной сосуд, несмотря на неровную поверхность, хорошо заглажен, местами эта заглаженность напоминает плохо выполненное лощение. Данные фрагменты керамики хронологически соответствуют со-

судам первой подгруппы и датируются третьей четвертью X в. Лепной сосуд происходит из депаспортизированной коллекции раскопок М. К. Каргера 1966 г., поэтому определить стратиграфию и хронологию данного экземпляра затруднительно, но нижеизложенное поясняет, почему он включен во вторую подгруппу.

На мой взгляд, лепной сосуд с петлевидной ручкой относится к одной из форм лепной керамики боршевской культуры, выделенной А. З. Винниковым в качестве синкретической группы (Винников, 1984. С. 136–144). В нее входят подражания гончарным салтовским формам: кувшинам, кружкам, корчагам с двумя ручками и некоторым другим видам посуды. По его мнению, влияние салтово-маяцких традиций прослеживается только с X в., и обусловлено оно совместным проживанием носителей салтовской культуры и славян на боршевских поселениях (Винников, 1984. С. 180; 1990. С. 134–135). При этом он не исключал также влияния кочевнических традиций (Винников, 1995. С. 147), поскольку в материалах, например, Саркела кочевнические формы посуды занимали достаточно заметное место. Одна из таких форм Саркела: лепные горшки с вертикальным горлом, крутыми плечиками и двумя небольшими угловато изогнутыми ручками – полностью идентична боршевским, так называемым (по терминологии А. З. Винникова) «кувшиновидным горшкам с ушками» (Плетнева, 1959. С. 231, рис. 15, 3–7; с. 233, рис. 18, 3, 8; 2000. С. 93, рис. 5, б). Главное их отличие от боршевских подражаний заключается в наличии пышной орнаментации. Наиболее ярко синкретизм прослеживается на поздних материалах Белогорского городища и Белогорского могильника II (Винников, 1984. С. 82, рис. 25, 5, 10; с. 87, рис. 26, 8, 9; с. 92, рис. 28, 12; с. 105, рис. 32, 3, 7; с. 118, рис. 36, 3), а также Боршевского комплекса (Винников, 1984. С. 35, рис. 12, 14, 16; 1995. С. 35; Колода, 2009. С. 92, рис. 16, 5–7). Лепной сосуд Рюрикова городища можно отнести либо к формам, копирующим кувшины с одной ручкой (рис. 3, 5, 7; см. керамику Белогорского могильника II, кург. 36, 37), либо к «кувшиновидным горшкам с ушками» (рис. 3, 6; см. керамику Белогорского могильника II, кург. 1). При этом следует подчеркнуть, что исследователи боршевских памятников отмечали на некоторых экземплярах такого рода форм следы плохого лощения, как и в случае с нашим сосудом (Винников, 1995. С. 147).

Рис. 3. Рюриково городище:

1-4 (1 - 2008 г., гумусированный слой на дне рва, кв. 58, гл. от -530 до -570 см; 2 - 2007 г., заполнение рва, черный слой, кв. 56, гл. от -550 до -570 см; 3 - 2008 г., заполнение рва, черный слой, кв. 61, гл. от -510 см до -530 см; 4 - из коллекции раскопок М. К. Каргера, 1966 г.); 5-7 - II Белогорский могильник (5 - курган 37; 6 - курган 1; 7 - курган 36: Колода, 2009. С. 76, рис. 8, 3, 4, 15)

Fig. 3. Rurik Gorodishche:

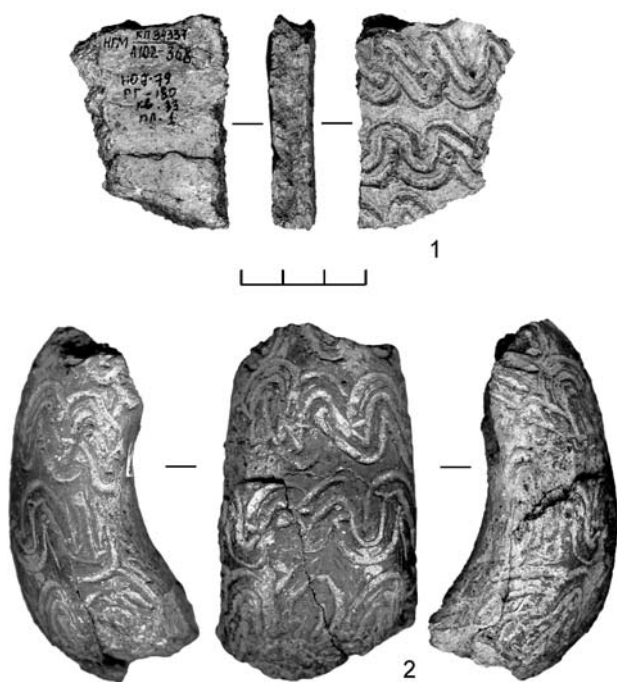
1-4 (1 - 2008, humic layer on the bottom of the moat, square 58, depth from -530 to -570 cm; 2 - 2007, fill of the moat, black layer, square 56, depth from -550 to -570 cm; 3 - 2008, fill of the moat, black layer, square 61, depth from -510 cm to -530 cm; 4 - collection from excavations of M. K. Karger, 1966); 5-7 - cemetery II of Belogorsk (5 - barrow 37; 6 - barrow 1; 7 - barrow 36).

Таким образом, для второй подгруппы инородных форм керамики Рюрикова городища исходная территория определяется в непосредственной близости от северной границы хазарского каганата. Она так же, как и первая подгруппа, связана с бассейном Днепра. А. З. Винников пи-

шет, что этому изобретению боршевских племен «нет аналогий в других районах ни славянского, ни салтово-маяцкого миров» (Там же). И вполне закономерно предположить, что лепной сосуд из коллекции М. К. Каргера попадает на Рюриково городище вместе с комплектом гончарных серо-

лощенных салтовских кувшинов, и его стратиграфическая и хронологическая позиция должна быть аналогична этим кувшинам, тем более что набор фрагментов лепных ручек, как мы отмечали выше, датируется так же третьей четвертью X в.

В эту же подгруппу можно было бы включить еще два керамических фрагмента, которые, вероятно, принадлежат одному сосуду. Это стенка и кусок ручки, покрытые идентичным орнаментом – грубо выполненной многорядной волной неравномерного рисунка (рис. 4). Тесто грубое, насыщенное крупным песком, шамотом, меловой крошкой и растительной примесью. Лепная ручка овально-уплощенного сечения, очень массивна, стенка – плоская, не профилирована. Оба фрагмента датируются несколько более поздним временем, чем вышерассмотренные сосуды второй подгруппы. Орнаментированные волной ручка и стенка сосуда обнаружены в первом пласте «стратиграфического» раскопа 1978–1979 гг. Пласт датируется концом X в. или рубежом X–XI вв. (Носов и др., 2005. С. 248, табл. 76 – см. пласт 1).

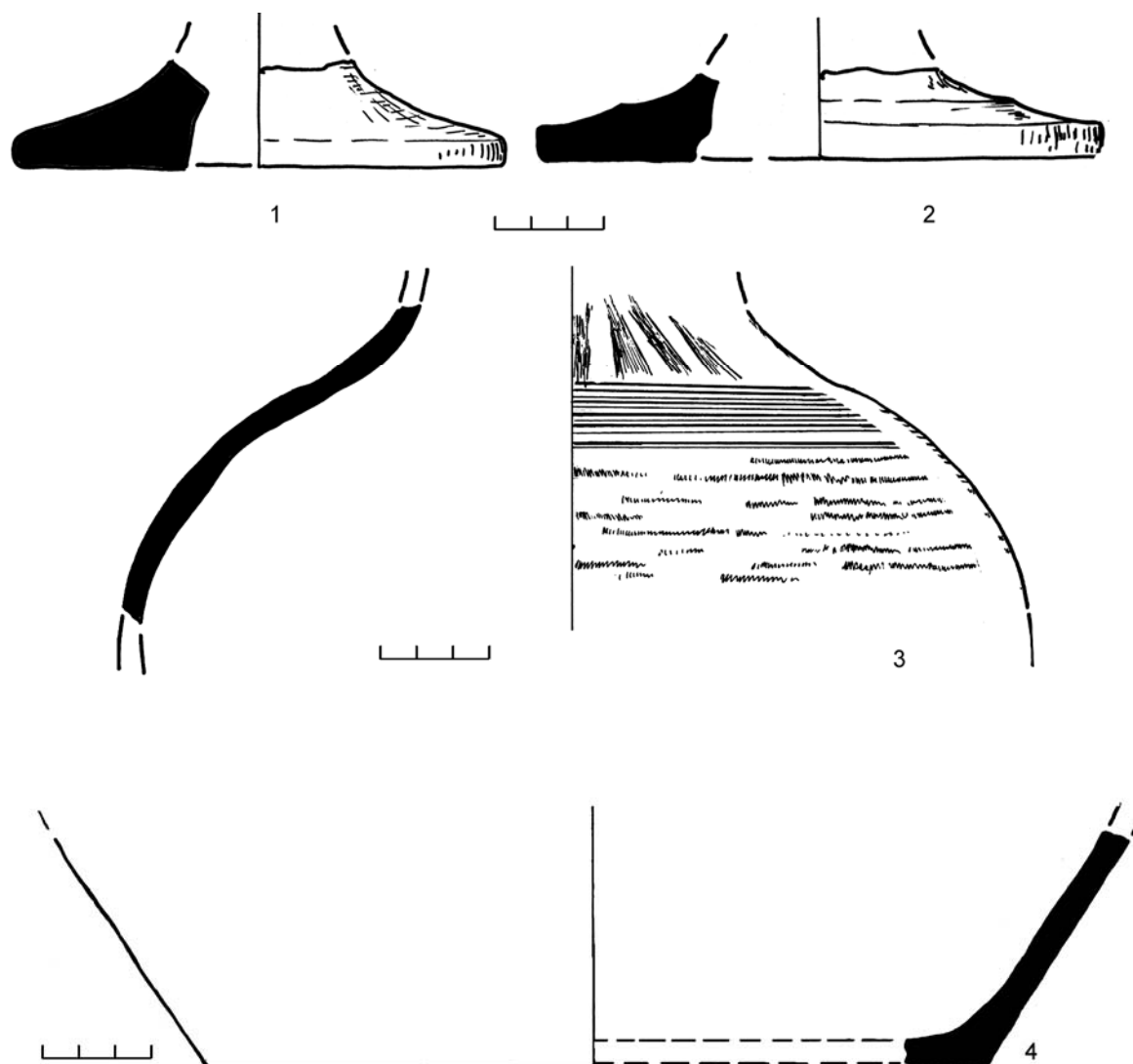

Рис. 4. Рюриково городище. «Стратиграфический» раскоп: 1 – 1979 г., пласт 1; 2 – 1978 г., пласт 1. Оцифровка фото С. Е. Торопова.

Fig. 4. Rurik Gorodishche. 'Stratigraphic' trench: 1 – 1979, stratum 1; 2 – 1978, stratum 1. Photo digitized by S. E. Toropova.

Инородный характер данных фрагментов не подлежит сомнению: ни ручки, ни такого рода состав теста для посуды X в. Рюрикова городища не характерны. На основе этих фрагментов форму сосуда, которому они принадлежали, восстановить с достаточной степенью достоверности пока не удастся. С известной долей осторожности можно предполагать, что эти фрагменты принадлежали крупному корчагообразному сосуду с двумя ручками. Вероятно, он копировал ранние образцы салтовских двуручных корчаг, которые были украшены пролощенными полосами, но имели в верхней части тулова на уровне ручек фриз в виде многорядной врезной волны (Плетнева, 1989. С. 130, рис. 74, катакомба 148; с. 135, рис. 79, тризна 75). В Саркеле они существовали вплоть до 60-х гг. X в. Грубый состав теста и небрежный орнамент говорят о подражательном характере сосуда, небрежный врезной орнамент обычно присутствует на кочевнической керамике Саркела. Для нее также характерны украшение врезным орнаментом внешней поверхности ручек, наличие растительной примеси и меловой крошки в тесте. Тесто боршевских сосудов обычно содержит шамот, песок, иногда растительную примесь. С. А. Плетнева отмечает, что после 965 г. в Саркеле появляется боршевское население и одновременно ощущается приток печенегов и гузов. В результате тесного общения этих этнических групп возникают гибридные, подражательные формы сосудов (Плетнева, 2000. С. 92, 97). Но прямых аналогий для нашего материала нет. И поэтому точная идентификация этих фрагментов остается пока не решенной как в плане формы, орнамента, так и в отношении определения исходной территории.

Третья подгруппа представлена фрагментами двух плоских крышек (рис. 5, 1, 2) и гончарных сосудов охристо-желтого и охристо-красного цвета (рис. 5, 3, 4). Плоские плитчатые крышки небольшого диаметра (13,5 и 15 см) имели, вероятно, достаточно высокую центральную ручку. Оба фрагмента найдены на «стратиграфическом» раскопе 2000 г. во втором пласте, отложения которого сформировались по дендродате после 979 г. Плоские крышки с центральной высокой ручкой лепные и гончарные, неорнаментированные или украшенные врезными концентрическими кругами, зашипами и радиально расходящимися от ручки каннелюрами, встречаются как на памятниках Подонья, так и на

Рис. 5. Рюриково городище:

1, 2 – «стратиграфический» раскоп 2000 г., пласт 1; 3, 4 – прибрежная часть левого берега Сиверсова канала, песчано-глинистый слой.

Fig. 5. Rurik Gorodishche:

1, 2 – 'stratigraphic' trench of 2000, stratum 1; 3, 4 – area near the left bank of Sivers Channel, sand-and-clay layer.

территории Средней Волги. На памятниках салтово-маяцкой культуры они крайне редки. К данному моменту они известны в материалах Саркела–Белой Вежи (не опубликованы; см. Хлебникова, 1984. С. 95) и на Сидоровском городище, расположенном в среднем течении Северского Донца (Кравченко, 2005. С. 161–163, рис. 12). Плоские крышки с вертикальной ручкой более обычны для памятников Среднего Поволжья эпохи Великой Булгарии, где они встречаются с самого начала формирования этого государственного образования и существуют весь домонгольский период. В археологической литературе присутствуют диаметрально противоположные

точки зрения на их генезис и хронологические рамки существования (Халиков, 1976. С. 45; Хлебникова, 1984. С. 95, 98; Кокорина, 2002. С. 72–73; Кравченко, 2005. С. 161–162, 170). Полный анализ проблем, связанных с этой керамической формой, в данной статье не планируется. Для определения исходной территории плоских крышек Рюрикова городища достаточно вышеизложенных фактов. Правда, опубликованные материалы не дают полных аналогий, но типологически плоские крышки нашего памятника составляют единую группу и с крышками Северского Донца, и с крышками Среднего Поволжья. К тому же в более поздних материалах

Рюрикова городища крышки, повторяющие параметры болгарских экземпляров, представлены достаточно полно.

Помимо крышек болгарского происхождения в третью подгруппу привозных сосудов я включила 6 фрагментов гончарных сосудов, сделанных из хорошо отмученной глины, без видимых примесей. Обжиг неравномерный, на внутренней и внешней поверхностях некоторых фрагментов есть черные пятна. Из 4 фрагментов гончарных сосудов охристо-желтого цвета реконструирована верхняя часть (плечики и основание горла) кувшина, украшенного лощеными линиями, нанесенными на горле вертикально, а на плечиках – горизонтально. В основании горла врезной многорядный орнамент отделяет вертикали от горизонталей (рис. 5, 3). От второго довольно крупных размеров сосуда также охристо-желтого цвета сохранилась лишь придонная часть (рис. 5, 4). Третий сосуд представлен небольшим фрагментом стенки красно-охристого цвета. Все 6 фрагментов были найдены компактно, в одном квадрате небольшого раскопа, заложенного практически на урзе воды южного берега Сиверсова канала, в слое белого глинистого песка со следами замывов. К сожалению, данные находки не имеют хорошо обоснованной даты. У них нет ни вещевого, ни керамического контекста.

По своей морфологии, обжигу и составу теста данные формы можно сопоставить с группой кувшинов Среднего Поволжья с яйцевидным туловом, вытянутых пропорций, наибольший диаметр которых, в отличие от типичной салтово-маяцкой формы, переместился на середину высоты, а иногда и выше. Черный цвет заменяется на желто-красный, лощение применяется все реже и, как правило, сочетается с врезным линейным или фестончатым орнаментом. Такие кувшины присутствуют на Танкеевском могильнике в поздних погребениях, они характерны для второй–третьей четвертей X в. (см. выше). Можно предполагать, что охристо-желтые и охристо-красные гончарные сосуды были привезены на Рюриково городище из района Среднего Поволжья. А вот для уточнения хронологии этих сосудов можно воспользоваться опосредованными данными. В материалах Новгорода присутствует кувшин, форма, техника изготовления и принципы орнаментации которого близки охристо-желтому кувшину Рюрикова городища. На Троицком X раскопе в 19-м пласте

участка Д был обнаружен развал охристо-желтого гончарного кувшина с яйцевидным туловом и коротким горлом со сливом. Ручка прикреплена способом «на пробой». Кувшин украшен лощеными вертикальными полосами в верхней своей трети, они слегка перекрывают горизонтальные врезные линии на шейке и середине тулова, а ниже идет фриз из перевернутых фестонов, который завершен также двойной горизонтальной линией (рис. 2, 3). По своей структуре кувшин из Новгорода полных аналогий в опубликованных типологических выкладках по керамике Волжской Булгарии не имеет. В нем отчетливо видны черты некоторых ранних салтовских сосудов. Это – короткое широкое горло со сливом и применение ангоба (ср.: *Плетнева*, 1959. С. 213, рис. 1, 3), а также характер распределения орнаментации: вертикальное лощение по плечикам подчеркнуто зоной фестончатого прорезного орнамента (ср.: *Казаков*, 1992. С. 94, рис. 29, 13). Но при этом он все же занимает промежуточное положение между поздними формами яйцевидных кувшинов салтовской культуры и самыми ранними керамическими формами эпохи Великой Булгарии. Новгородский кувшин тяготеет к некоторым экземплярам из погребений второй–третьей четвертей X в. Танкеевского могильника и других памятников Поволжья (*Казаков*, 1986. С. 80, рис. 4, 24; 1992. С. 128, рис. 46, тип III-B-3a; с. 212, рис. 78B, 2; с. 239, рис. 82B, 1). И по своей хронологии он попадает в ту же нишу, что и приведенные выше примеры. Пласт, в котором был обнаружен новгородский кувшин, сформировался после 960–964 г. и был перекрыт сверху отложениями с дендротатой 993 г.⁴ На этот хронологический интервал можно ориентироваться при датировке болгарских сосудов Рюрикова городища.

Несомненно, что неполивная гончарная и лепная посуда восточного происхождения отражает определенный круг интересов жителей княжеского центра Северо-Западной Руси. Появление поздних салтовских лощеных кувшинов (первой подгруппы) на Рюриковом городище (рис. 1) было результатом не только торговых устремлений князя и его окружения. Если не абсолютизировать даты летописных известий, то

⁴ В силу вышеизложенного, мне кажется, определение его в качестве болгарской формы В. Ю. Ковалем было ошибочным, как и приведенные аналогии из комплексов г. Булгар (*Коваль*, 2010. С. 146).

почему бы не связать данное явление с рейдом Святослава в 964–965 гг. по землям вятичей и разгромом Саркела? По времени совпадает, и сочетание лепного боршевского гибридного «кувшиновидного горшка с ушками» (рис. 3, 4) с салтовскими гончарными лощеными кувшинами этому не противоречит. К тому же лепной невзрачный сосуд мог переместиться на столь далекое расстояние, например, вместе с взятой в плен женщиной. Вероятно, в рейде Святослава принимали участие дружинники, постоянно проживающие на Рюриковом городище. И если присутствие на Рюриковом городище салтовских лощеных кувшинов в сочетании с лепными формами боршевских гибридов свидетельствует о направлении военной экспансии княжеского окружения, то плоские крышки и гончарные охристо-желтые кувшины (рис. 2, 3; 5) свидетельствуют о начале стабильных торговых связей Рюрикова городища и Новгорода с нарождающейся Великой Булгарией.

- Винников, 1984 – Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984.
- Винников, 1990 – Винников А. З. Контакты донских славян с алано-болгарским миром // СА. 1990. № 3.
- Винников, 1995 – Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII–начало XI века). Воронеж, 1995.
- Казаков, 1981 – Казаков Е. П. О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Болгарии // Плиска-Преслав. Прабългарската култура: Материали от българосъветската среща (Шумен, 1976). София, 1981.
- Казаков, 1986 – Казаков Е. П. О ранних контактах волжских булгар со славянами и поволжскими финнами по археологическим материалам // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

- Казаков, 1992 – Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии. М., 1992.
- Коваль, 2010 – Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010.
- Кокорина, 2002 – Кокорина Н. А. Керамика Волжской Болгарии второй половины XI–начала XV веков. Казань, 2002.
- Колода, 2009 – Колода В. В. Влияние традиций салтовского гончарного производства на керамический комплекс боршевской культуры Подонья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7: Хазарское время. Донецк, 2009 (Труды по археологии).
- Кравченко, 2005 – Кравченко Э. А. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4: Хазарское время. Донецк, 2005.
- Красильникова, 2009 – Красильникова К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7: Хазарское время. Донецк, 2009 (Труды по археологии).
- Носов и др., 2005 – Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб., 2005.
- Плетнева, 1959 – Плетнева С. А. Керамика Саркела–Белой Вежи // Труды Волгодонской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. М. И. Артамонов. М., 1959 (МИА; № 75).
- Плетнева, 1989 – Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Плетнева, 2000 – Плетнева С. А. О заселении славянами Саркела–Белой Вежи // Евразийские степи в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000 (Археология Восточноевропейской лесостепи; Вып. 14).
- Сташенков, 2010 – Сташенков Д. А. О группах поселений Хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара, 2010.
- Халиков, 1976 – Халиков А. Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М., 1976.
- Хлебникова, 1984 – Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Eastern Unglazed Pottery from Rurik Gorodishche of the 10th Century V. M. Goryunova

Among the pottery assemblage from Rurik's Hillfort of the third quarter of the 10th century, of note is a small amount of ware linked with the oriental interests of this centre. This pottery can be subdivided into three subgroups.

The first subgroup (Fig. 1) is represented by sherds of dark-grey jugs with striated or reticulate burnish. The origin of these forms seems to have been connected with the aboriginal territory of the Saltovo-

Mayak culture. Parallels to this ware are found among the finds from Sarkel of the 930th–960th AD.

The second subgroup unites a handmade jug-like pot with a loop handle (Fig. 3, 4) and a number of handmade pot handles (Fig. 3). This ware belongs to the syncretic group of the handmade Borshevo culture pottery imitating a series of Saltovo forms. In addition, also influence of nomadic traditions is here discernible.

The third subgroup is represented by fragments of two flat lids (Fig. 5, 1, 2) and wheel-made ochre-yellow and ochre-red vessels with striated burnish (Fig. 5, 3, 4). This ware was brought to Ryurik Gorodishche from the Middle Volga region.

The appearance of late Saltovo burnished jugs and handmade Borshevo ware at Ryurik Goro-

dishche was possibly a result of its inhabitants' raid headed by Svyatoslav in 964/965 throughout the Vyatichi's lands and devastation of Sarkel.

The third subgroup of pottery indicates of the beginning of stable trade connections of Ryurik Gorodishche with the arising Great Bulgaria.

НОВАЯ НАХОДКА ПРИВЕСКИ-АМУЛЕТА С РУНИЧЕСКИМИ ЗНАКАМИ НА ГОРОДИЩЕ ПОД НОВГОРОДОМ¹

Т. С. Дорофеева, С. И. Стеблин-Каменская²

1. Металлическая привеска с новгородского Городища.³ В 2011 г. на Городище под Новгородом (Рюриково городище) проводилось археологическое исследование участка, выделенного для установки знака «Княжий камень» в память прихода князя Рюрика в Новгород в середине IX в. Раскоп (108 кв. м) находился в 40 м к юго-западу от ц. Благовещения на выходящем к Волхову крае холма. После снятия перемешанного темно-серого гумуса на уровне материка был выявлен котлован подвального помещения дома начала XX в., нарушивший верхнюю часть северо-западной половины одного из ранних комплексов, зафиксированного в кв. 5, 9, 10, 13, 14. Комплекс представлял собой вытянутую по линии северо-запад-юго-восток яму яйцевидной формы. Ее длина – 2,88 м, ширина – с юго-восточной стороны 1,8–2 м, в середине – 1,6 м и с северо-западной стороны – 0,6 м и глубина – 1,6 м (Носов, 2012. С. 3).

Среди находок из заполнения комплекса особенно интересна литая металлическая четырехгранная привеска с колечком для крепления, сделанным из рубчатой проволоки (НОЭ-11; РГ-651 – рис. 1, 1). Концы колечка слегка стесаны, заходят друг на друга, но примыкают не совсем плотно. Привеска выполнена из низколегированной бронзы с примесями (основа – Cu;

Sn~1%; Zn< 0,7%; Pb<0,3%; следы As и Ag).⁴ Длина привески – 26 мм, ширина верхней части – 3,3 × 4,5 мм, основания – 4,4 × 7,3 мм. Колечко из рубчатой проволоки для крепления изготовлено также из сплава на основе меди (основа – Cu; Fe<0,6%; следы Pb, As, Ag). Диаметр колечка – 12 мм; толщина проволоки – 1,7 мм. На поверхности всех четырех граней привески, по заключению сотрудника Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН Е. Ю. Гирри, помимо следов неутилитарного износа есть знаки, нанесенные намеренно и имеющие самостоятельное значение (см. Приложение). Вполне вероятно, что они могут представлять собой рунические знаки.

2. Руны ли это? Прежде чем обратиться к знакам на привеске, отметим признаки, по которым можно руническую надпись отличить от случайных или намеренных царапин, лишенных лексического или другого коммуникативного смысла.

Иногда насечки илирезы непонятного происхождения на разных археологических находках наводят на мысль о письменности. Некоторые рунические знаки эпохи викингов (конец VIII–конец XI в.) по своей структуре так просты,⁵ что практически любые случайные царапины могут быть приняты за рунические знаки, поэтому закономерно при виде таких насечек возникает вопрос: не руны ли это? Разумеется, подобный вопрос уместен, если археологический контекст допускает скандинавское присутствие. Случается и обратное: несомненную руническую надпись, особенно на предмете небольшого

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках программы «Нации и государство в мировой истории (проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы»).

² Дорофеева Т. С. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

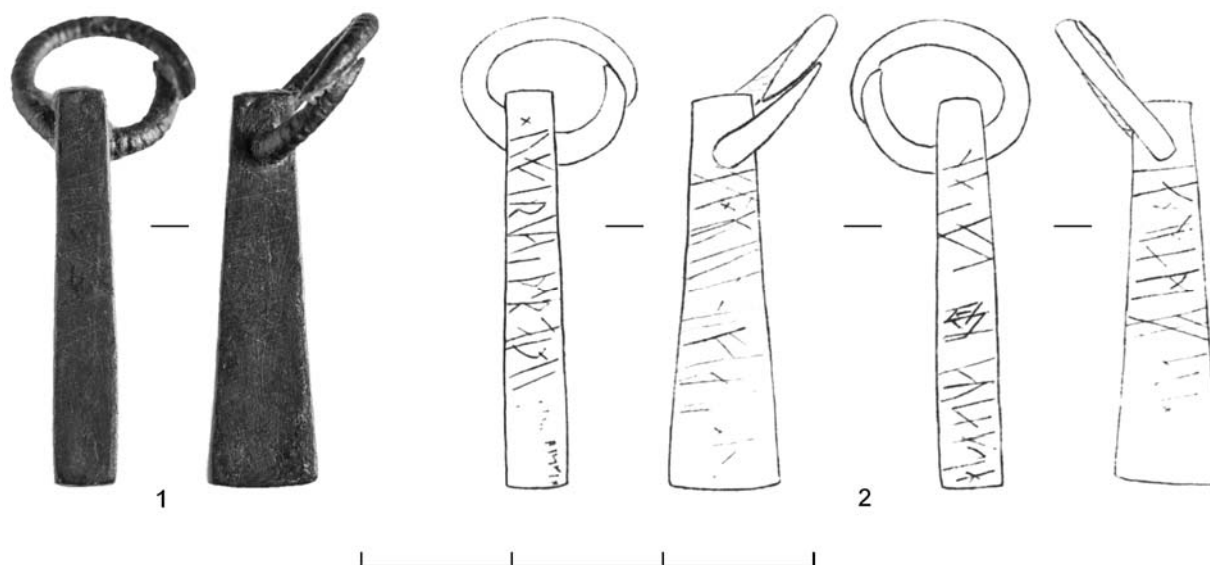
Стеблин-Каменская С. И. Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9. Институт лингвистических исследований РАН.

³ Разделы 1, 3 и 4 написаны Т. С. Дорофеевой, раздел 2 – С. И. Стеблин-Каменской.

© Т. С. Дорофеева, С. И. Стеблин-Каменская, 2013

⁴ Благодарим коллег из ИИМК РАН и СПбГУ, участвовавших в комплексном обследовании привески, – Е. Ю. Гирри и Н. С. Курганова, а также сотрудника Государственного Эрмитажа С. В. Хаврина, который помог определить химический состав сплава.

⁵ Например, руна l, коротковетвистая руна † (и даже полноветвистая †), коротковетвистые † и †'.

Рис. 1. Бронзовая привеска, найденная в 2011 г. на Городище под Новгородом:

1 – фото И. Г. Самоварова; 2 – знаки на привеске-амulette (здесь и далее прорисовка знаков выполнена С. И. Стеблин-Каменской).

Fig. 1. Bronze pendant found in 2011 at Ryurik Gorodishche near Novgorod:

1 – photo by I. G. Samovarov; 2 – signs on amulet-pendant (here, as below, the drawings of the signs were executed by S. I. Steblin-Kamenskaya).

размера, могут принять за случайные или намеренные царапины. В отдельных случаях вопрос о том, руны это или царапины, оказывается неразрешимым.

Английские рунологи Майкл Барнз и Рэй Пэйдж (*Barnes, Page, 2006. S. 53–56*) используют термин «диагностические формы» (*diagnostic forms*) для того, чтобы определить, к какому из младших рунических алфавитов относится та или иная надпись. Можно использовать это понятие и для того, чтобы определить, является надпись рунической или нет. Так, например, коротковетвистые руны 1, ' , 1, † или † не являются диагностическими формами из-за их необычайно простой структуры. Полноветвистые руны ʝ и ʞ больше подходят для роли диагностических, но с ними тоже надо быть осторожнее, поскольку они имеют симметричное начертание, что характерно для руноподобных знаков и вообще для символов. С уверенностью диагностическими можно считать формы рун ʝ, ʞ, ʞ, ʞ или ʞ, поскольку их начертание вряд ли может возникнуть спонтанно.

Если использовать этот строгий подход с диагностическими формами по отношению к рассматриваемой привеске, то руническая надпись точно есть на *стороне Г*, где присутствуют руны **f**, **ʞ**, **ʞ** и, возможно, коротковетвистая **o** (или **b**). *Стороны А, Б и В* тоже содержат руну **f**, в то время как другие знаки на этих трех сторонах не

являются диагностическими. Но благодаря руне **f** можно быть уверенным, что на всех четырех сторонах привески присутствуют рунические надписи.

Терминология описания рунических знаков.

Стороны привески, также называемые тут гранями, мы обозначим буквами *А, Б, В* и *Г*. Транслитерация рунических знаков дается латинскими буквами, жирным шрифтом.⁶ При описании рун используются термины «ствол», «ветвь», «дуга» или «карман». Ствол – это вертикальная линия, которая касается верхнего и нижнего краев плоскости и тогда является «полной». Ствол может касаться только одного края или даже не касаться краев вовсе, и тогда он будет являться «неполным» или «укороченным». Ветвь – это линия, которая крепится к стволу (или к другой ветви) и может быть длинной (ʞ) или короткой (ʞ), направленной влево или вправо (по отношению к обсуждаемому стволу), вниз или вверх. Ветвь может пересекать ствол (†) или отходить от ствола, не пересекая его (†). Дугой здесь называется одна ветвь, которая плавно сгибается и обоими концами крепится к стволу или к другим ветвям (ʞ, ʞ); в рунологи-

⁶ О принципах транслитерации можно прочесть в недавно вышедшем учебнике по рунологии Майкла Барнза (*Barnes, 2012. S. 3–4*).

ческой литературе ее называют также «округлым карманом». Две ветви, отходя от одного ствола и смыкаясь между собою, могут образовывать своего рода острый угол, который принято называть «треугольным карманом» (ʀ, ʁ). Две ветви могут также, перекрещиваясь, образовывать «разделительный знак» (×), которым на рунических камнях эпохи викингов обозначают начало и конец надписи и иногда начало и конец слова или фразы.

При описании рунических знаков плоскость, на которую нанесена надпись, условно делится на три поля: нижнее, среднее и верхнее (см. рис. 2). Если края не обозначены или не совпадают с краями предмета, то индикаторами верхнего и нижнего краев будет средняя высота стволов рун в надписи. Таким образом, если ветвь крепится к стволу в «средне-верхней его части» – это означает, что она крепится к нему на грани между средним и верхним полями.

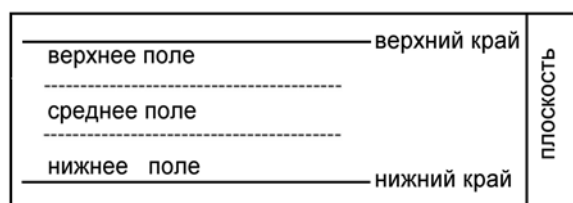

Рис. 2. Деление плоскости с рунической надписью на три поля, которое используется для более корректного описания рунических форм.

Fig. 2. Division of the plane with a runic inscription into three fields used for correct description of runic inscriptions.

При описании рун на привеске также используются термины «полноветвистые руны»,⁷ «коротковветвистые руны», «безлинейные руны», «старшие руны» и «лигатуры».⁸ На привесках эпохи викингов иногда используются разные аллографы для одной и той же графемы, и тогда на привеске могут встречаться руны из полноветвистого ряда и руны из безлинейного ряда. Так, например, на амулете из Сигтуны (Fv, 1933. S. 134)⁹ руна **r** обозначается двумя аллографами ʀ и ʁ. На амулете из Старой Лад-

ги¹⁰ надпись была выполнена особым шифром, который был создан на основе полноветвистого и коротковветвистого рядов, встречаются два аллографа руны **m**: из младшего футарка (ʃ) и из старшего футарка (ʄ). Это обстоятельство стоит учитывать при описании знаков на привеске и постараться на данном этапе увидеть наибольшее количество возможных чтений для каждого знака.

Описание и транслитерация рунических знаков на привеске (рис. 1, 2).

Сторона А (рис. 3, 1).

1. Первый знак состоит только из ствола и может быть прочитан как руна **i**. Ствол слегка наклонен влево.

2. Следующий знак состоит из ствола и ветви. Ствол чуть заметнее наклонен влево, чем ствол предыдущей руны, а ветвь начинается в средней части ствола и, слегка изгибаясь, уходит вверх направо. Ветвь не доходит до самого верха и не касается верхней грани привески. В месте соединения со стволом ветвь пересекает его. Таким образом, этот знак может быть руной **k** (ʀ), но нельзя и на данном этапе исключить чтение знака как полноветвистой руны **n** (или **a**).

Далее видны две линии, которые, перекрещиваясь, образуют своего рода разделительный знак ×. Эти линии прочерчены заметно слабее, чем предыдущие и последующие знаки, поэтому невозможно с уверенностью определить, являются ли они частью надписи. Но поскольку на *стороне Г* надпись определенно начинается с подобного разделительного знака, то все же кажется небезосновательным это предположить.

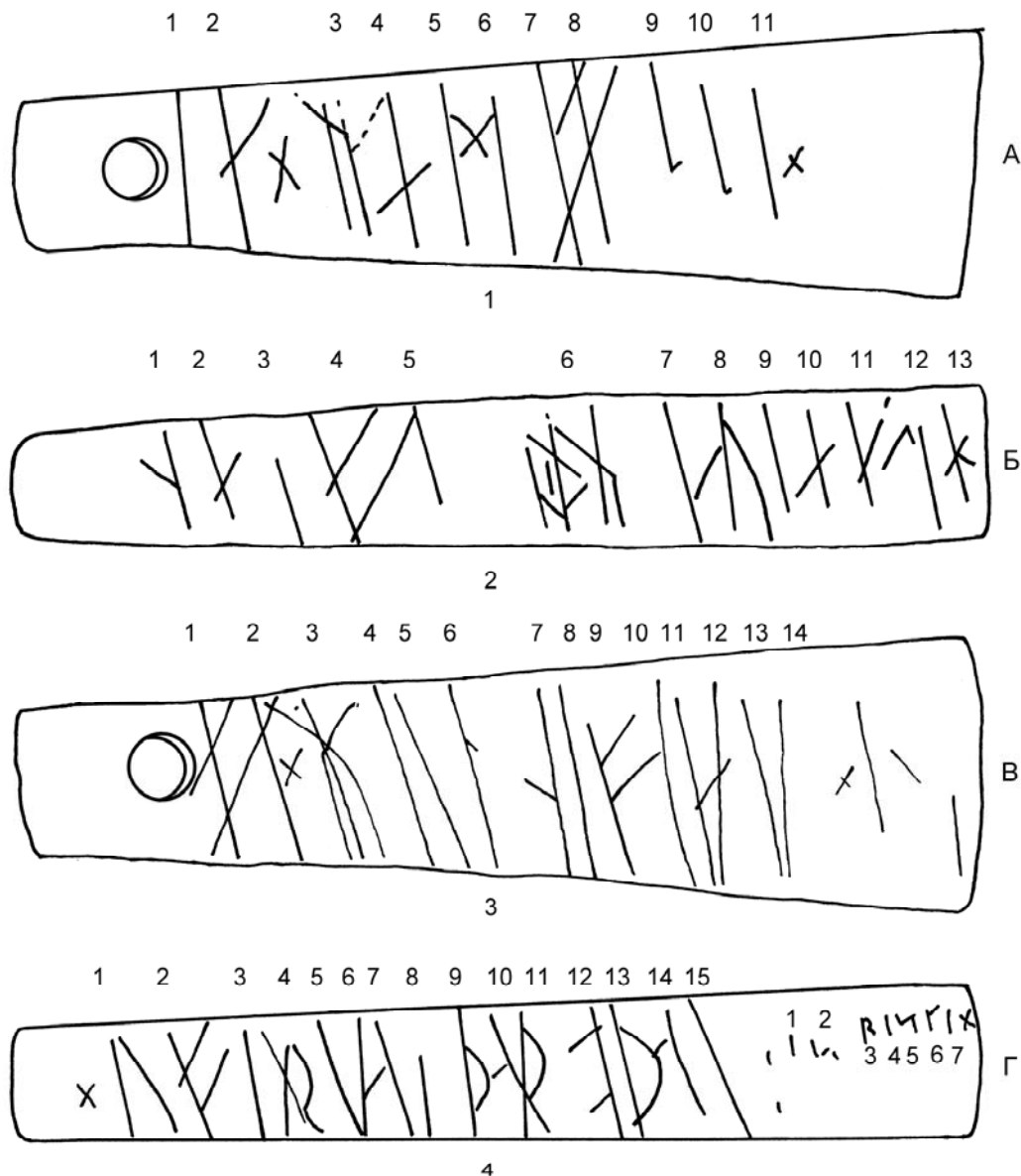
3. Следующий знак, по всей видимости, состоит из ствола и одной или двух ветвей. Первая видна четко и отходит от верхней части ствола вверх налево, но не касается верхней грани привески. Направо от ствола, чуть ниже того места, где крепится первая ветвь, возможно, отходит вверх еще одна ветвь. Несмотря на то что ее следы можно разглядеть даже на фотографиях (см. рис. 4, 1), она слишком слабо прорезана, поэтому относиться к ней стоит осторожно. Сам ствол не касается ни верхней, ни нижней грани и словно продублирован еще одной чуть более слабой линией налево. Относится ли эта вторая

⁷ Иногда также называемые «длинновветвистыми рунами».

⁸ Иногда называемые «комбинированными рунами».

⁹ К каждой рунической надписи дается ссылка, состоящая из опубликованного источника надписи (иногда в виде аббревиатуры) и номера страницы или параграфа, посвященного этой надписи. Все аббревиатуры, которые используются в этой статье, расшифрованы в списке литературы.

¹⁰ См., напр., Кузьменко, 1997. С. 20–22 или Мельникова, 2001. С. 191.

Рис. 3. Прорисовка знаков:
1 – сторона А; 2 – сторона Б; 3 – сторона В; 4 – сторона Г.

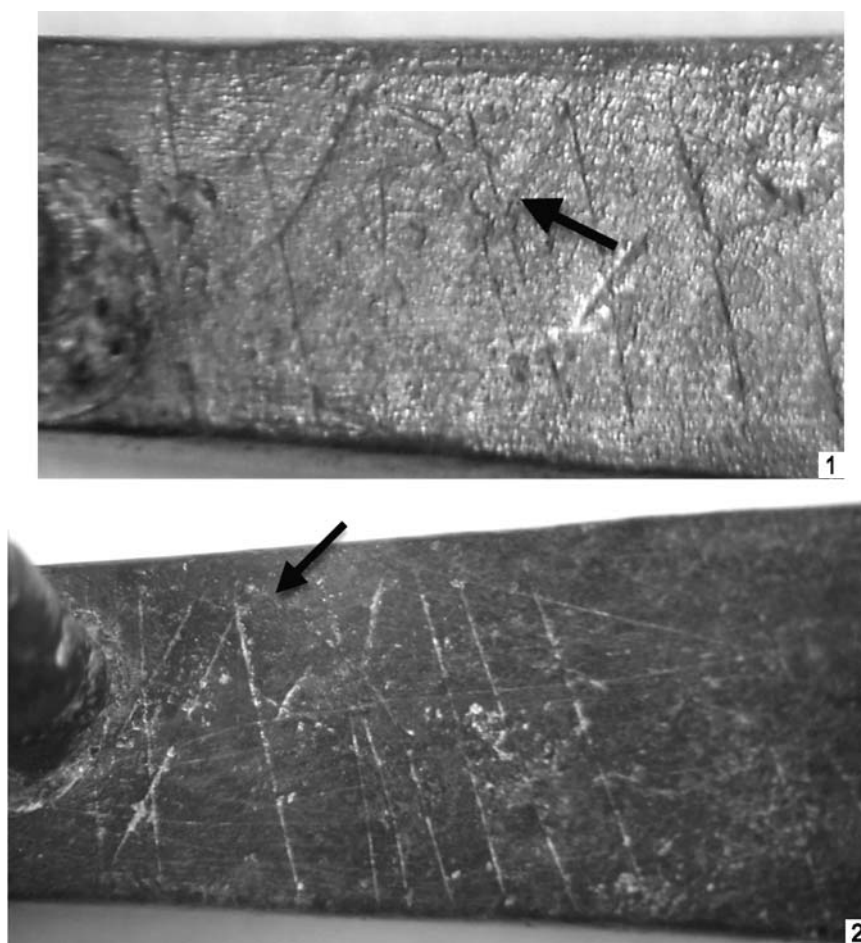
Fig. 3. Drawing of the signs:
1 – side А; 2 – side Б; 3 – side В; 4 – side Г.

линия к стволу, и тогда каким образом, пока сказать сложно. Это знак сложно определить, но если правая ветвь все-таки реальна, то руна может быть прочитана как **m** (Ψ).

4. Четвертый знак состоит из ствола и ветви, которая пересекает ствол в его средне-нижней части. Ветвь прочерчена с наклоном влево. Знак может быть либо полноветвистой руной **a**, либо руной **n**.

5–6 (?). Далее следует знак, который, скорее всего, состоит из одного ствола и ветви, отхо-

дящей от средне-верхней части ствола вниз направо. Это может быть руна **l** (Γ). Шестой знак состоит из ствола и ветви, отходящей от верхней части ствола налево вниз и пересекающейся с ветвью предыдущего знака. Эти два знака можно прочесть вместе как старшую руну **m** (М). В то же время этот знак можно читать отдельно от предыдущего, и тогда он может быть коротковетвистой руной **t** или даже коротковетвистой руной **a** с высоко расположенной ветвью.

Рис. 4.

1 – Сторона А: первые пять знаков. Стрелка указывает на правую ветвь третьего знака, которая прочерчена слабее, чем левая ветвь этого же знака; 2 – Сторона В: первые шесть знаков. Стрелка указывает на ветвь, которая касается ствола второй руны и пересекает ствол третьей руны.

Съемка с помощью бинокулярного стереоскопа МБС-2 (увеличение 3,5 к 1). Фото С. И. Стеблин-Каменской.

Fig. 4.

1 – Side A: first five signs. The arrow indicates the right branch of the third sign which is not so clearly engraved as the left branch of the same sign; 2 – side B: first six signs. The arrow indicates the branch touching the stem of the second rune and crossing the stem of the third rune.

Photographed using MBS-2 binocular stereoscope (magnification 3.5: 1). Photo by S. I. Steblin-Kamenskaya.

7. Следующий знак состоит из ствола и двух ветвей. Обе ветви крепятся в средней части ствола и нижняя слегка пересекает ствол. Обе ветви идут вверх направо и доходят до верхней грани привески. Знак без труда читается как руна **f**.

8. Ствол следующего знака расположен под ветвями предыдущей руны, которые, по всей видимости, прорезаны позднее, т. е. резчик сначала начертил стволы и только после этого ветви, что является вполне обычной практикой на рунических камнях эпохи викингов.

9. Следующие три знака представляют из себя три укороченных ствола. Первая линия начинается с самого верхнего края и заканчивается чуть ниже середины плоскости небольшой резой

вверх. Насколько эта реза там оказалась намеренно, сказать трудно. Если она принадлежит этому знаку, то руна может быть прочитана как безлинейная руна **k**, но такие безлинейные руны до сих пор встречались только на территории Швеции. Если реза случайная, то такой неполный ствол, отходящий от верхней линии, может быть коротковетвистой (или безлинейной) руной **s**.

10. Вторая короткая линия начинается чуть ниже верхней линии края и заканчивается тоже в середине, но чуть ниже предыдущей. Непонятно, является ли этот знак руной.

11. Третья линия начинается ниже верхнего края и чуть ниже предыдущего знака и заканчи-

вается в нижней части среднего поля. Этот знак, как и предыдущий, не определить, но он напоминает безлинейную руну **ᚱ**.

Далее следует еще один разделительный знак ×.
Сторона Б (рис. 3, 2).

1. Первый знак состоит из слегка наклоненного влево ствола и короткой ветви, которая отходит от середины ствола налево вверх, но не доходит до верхнего края. Ствол касается верхнего края, но не касается нижнего. Этот знак может быть либо коротковетвистой руной **ᚱ**, либо руной **ᚱ**. Обычно эти две руны различаются направлением ветви вверх или вниз, но иногда и тем, на какой стороне ствола ветвь крепится.

2. Следующий знак состоит из ствола, который, так же как и предыдущий ствол, отходит от верхнего края, но не касается нижнего. Ветвь крепится в середине ствола, слегка пересекая его, и идет вверх направо. Этот знак тоже может быть руной **ᚱ** или **ᚱ**.

3. Третий знак состоит из неполного ствола, который отходит от нижнего края и заканчивается чуть выше серединной части этой грани. Такую форму имеет коротковетвистая руна **ᚱ**.

4. Далее следует знак, состоящий из ствола и двух ветвей. Обе ветви направлены вверх и вправо: нижняя крепится у самого основания ствола, а верхняя крепится в серединной его части. Обе ветви слегка пересекают ствол. Такую форму имеет руна **f**. Интересно обратить внимание на то, что руна **f** часто имеет такую форму именно в надписях коротковетвистыми рунами. Например, в надписи на Рёкском камне (см. иллюстрации к Рёкскому камню – Östergötlands runinskrifter, § 136) или на Староладожском стержне.¹¹

5. Следующий знак представляет из себя укороченный ствол, который отходит от верхнего края и заканчивается в средне-нижней части этой грани. Такую форму имеет коротковетвистая руна **s**. В то же время эта линия длиннее, чем коротковетвистая **s** обычно бывает по отношению к плоскости, поэтому нельзя исключить, что этот знак является руной **i** с неполным стволом.

6. Шестой знак похож на комбинацию нескольких рун, но определить, каких именно, не

представляется возможным. В этом знаке можно увидеть и руны **u**, и руны **i**, и даже **ᚱ** или **l**.

7. Далее следует знак, состоящий из ствола и, возможно, ветви, если эта ветвь не принадлежит последующей руне. Ветвь отходит от средне-нижней части ствола, идет вверх направо и доходит до верхней части следующего ствола. Скорее всего, эта ветвь принадлежит последующей руне, но на данном этапе транслитерации лучше учесть все возможные чтения, чем пропустить маловероятные. Если ветвь принадлежит этой руне, то она может быть прочитана как коротковетвистая **ᚱ** или **ᚱ**, и не исключено даже чтение **k**. Если же ветвь к этому стволу не принадлежит, то руна читается как **i**.

8. Этот знак состоит из ствола и, по всей видимости, двух ветвей. Левая начинается в серединной части ствола и идет вниз, касаясь предыдущего ствола, а правая начинается в верхней части ствола, но не с самого края, и доходит до нижнего края. Такую форму имеет полноветвистая руна **r**. Если же левая ветвь все же принадлежит предыдущей руне, то эта руна может быть прочитана как **u**.

9. Следующий знак состоит только из ствола. Ствол отходит от верхнего края, но не доходит до нижнего, а останавливается в средне-нижней части этой плоскости. Этот знак может быть коротковетвистой руной **s** или небрежно прочерченной руной **i** с неполным стволом.

10. Эта руна состоит из ствола, который, как и ствол предыдущей руны, не доходит до нижнего края, и из ветви, которая идет налево вниз. Ветвь пересекает ствол и уходит направо вверх. Руна может быть прочитана как полноветвистая руна **ᚱ** или **ᚱ**.

11. Далее следует знак, состоящий из такого же, как предыдущий, укороченного ствола, который не доходит до нижней линии, и из ветви, которая отходит от ствола вправо вверх и, по всей видимости, доходит до верхнего края. Руна может быть прочитана как **k** или как коротковетвистые **ᚱ** или **ᚱ**.

12. Следующий ствол тоже укорочен, он отходит от нижнего края и заканчивается в средне-верхней части плоскости. Слева от ствола есть линия, направленная влево и вниз. Возможно, — это ветвь, однако она не прикасается к стволу. Если она принадлежит стволу, руна может быть прочитана как коротковетвистая руна **t**. Если же

¹¹ См., напр., Кузьменко, 2012. С. 254. Рис. 2.

она не принадлежит стволу, а читается отдельно, то руна может быть либо безлинейной **a**, либо своего рода разделительным знаком. Ствол в таком случае может быть прочитан как коротковветвистая руна **r** (i).

13. Последний знак на этой стороне состоит из ствола, который не доходит ни до нижнего, ни до верхнего края. Ствол пересекается короткой линией по диагонали слева вверх. На правой стороне ствола видна еще одна линия, которая, возможно, тоже должна была пересекать ствол, на этот раз справа вверх. Однако следов пересечения не видно. Поэтому нельзя быть уверенным, что это руна может читаться как **h** (*), но и исключить этого тоже нельзя.

Сторона В (рис. 3, 3).

1. Первый знак на этой стороне является руной **f**: его ствол слегка наклонен влево и касается и нижнего и верхнего края, обе ветви пересекают ствол и идут вверх вправо до верхней линии. Нижняя ветвь крепится в средне-нижней части ствола, а верхняя в средне-верхней.

2. Следующий знак является, по-видимому, руной **i** и состоит только из ствола. Однако ветвь последующей руны касается верхней части этого ствола. Далее следует четкий разделительный знак.

3. Третий знак состоит из ствола и двух или даже трех ветвей (см. рис. 4, 2). Первая ветвь очень длинная, она отходит от верхушки предыдущего ствола, пересекает ствол третьей руны в средне-верхней ее части и уходит вниз направо, касаясь нижнего края. Вторая ветвь отходит от той же средне-верхней части ствола и идет налево вниз, касаясь нижнего края. Пересекает она ствол и уходит вправо вверх или нет, не совсем ясно, но похоже, что нет. Третья ветвь отходит от средне-верхней части ствола вверх направо и не касается верхнего края. По всей видимости, эта ветвь крепится не к самому стволу, а к первой ветви. Сложно сказать, является ли эта руна лигатурой или нет. Она может быть прочитана и как **r**, если считать, что ее форма должна была быть **l** и что ее ветви случайно оказались слишком длинными. Она может быть прочитана и как **Ж**, если предположить, что ветви намеренно сделаны длинными в верхней части руны. Руна такой формы называется по-исландски *tvímaðr* и используется позднее в средние века для обозначения слова «человек». В эпоху викингов следует скорее ожидать, что эта руна читается

как лигатура $\widehat{mr}$, или что она зеркальная,¹² а значит читается либо как **r**, либо как **m**.

4. Следующий знак представляет собою слабо прочерченный ствол. Насколько его можно считать руной – не ясно, но если да, то это руна **i**.

5. Этот знак также является слабо прочерченным стволом. Если это руна, то это тоже руна **i**.

6. Далее следует еще один ствол, на котором есть маленькая ветвь в средне-верхней части ствола. Насколько она сделана намеренно, сказать трудно, но если она принадлежит этому знаку, то руна может быть прочитана как коротковветвистая руна **n** или **a**.

7. Еще один слабо прочерченный ствол с короткой ветвью, отходящей от его серединной части налево вверх, может быть прочитан как коротковветвистая руна **a** или **n**.

8. Далее следует еще один слабо прочерченный ствол.

9. Следующий знак состоит из укороченного ствола, который не касается верхнего края, а заканчивается в средне-верхнем поле. Две ветви отходят от средней части ствола вверх направо, но ни одна из них не доходит до верхнего края. Подобную форму имеет коротковветвистая руна **b**, только ее ствол обычно достигает и верхнего и нижнего краев.

10. Далее следует еще одна слабо прорезанная линия.

11. И за ней видна еще одна так же слабо прорезанная линия.

12. На следующей линии есть ветвь, отходящая от середины ствола вниз и влево, однако эта ветвь прочерчена сильнее, чем сам ствол, и поэтому, возможно, не относится к нему. Если же относится, то этот знак может быть руной **a** или **n**.

13 и 14. Далее видны еще две слабо прочерченные линии.

После чего, возможно, следует разделительный знак $\times$, но поскольку на этом месте есть еще несколько линий или царапин неопределенного характера, то быть уверенным нельзя.

Сложно объяснить, почему на *стороне В* так много слабо прорезанных вертикальных линий. Может быть, резчик не доделал надпись на этой стороне до конца, а только нанес своего рода эскиз? Но в таком случае удивляет, что эти линии расположены так тесно. В то же время на

¹² О зеркальных рунах см., напр. Кузьменко, 1997. С. 21.

этой стороне присутствуют руна **f** и, возможно, руна **b**, благодаря которым мы можем быть уверенными, что и на этой стороне привески имеется руническая надпись.

Сторона Г (рис. 3, 4).

Вся надпись на этой стороне, как и на предыдущей, выполнена с наклоном влево. Надпись начинается с разделительного знака.

1. Первая руна уверенно может быть прочитана как **u**. Ее ствол прямой с наклоном влево не доходит до верхнего края. Ветвь, отходящая от верхушки ствола, слегка изогнута в середине и касается нижнего края.

2. Второй знак, несомненно, является руной **f**. Его ствол тоже не доходит до верхнего края привески, его ветви отходят справа от ствола вверх направо и доходят до верхнего края.

3. Следующая руна состоит из ствола и, возможно, одной ветви. Но дело в том, что эта ветвь прочерчена заметно слабее и не касается ствола (см. рис. 5, 1). Если она все же принадлежит стволу, то руна должна читаться как **u**. Однако поверх этой «ветви» прочерчена следующая руна **r** (с помощью которой резчик, возможно, исправил неверно вырезанную предыдущую руну?), поэтому не исключено, что этот третий знак состоит только из ствола и тогда является руной **i**.

4. Эта руна, несомненно, является руной **r**: она состоит из ствола, дуги и ветви. Ствол не доходит до верхнего края привески, и руна поэтому меньше, чем предыдущая руна **f**. Ствол не так сильно наклонен влево, как предыдущие. Напротив, он почти вертикален по отношению к нижней и верхней граням. Дуга отходит от макушки ствола, но не примыкает к нему своим нижним концом, ветвь отходит от нижнего конца дуги и упирается в нижний край привески.

5–6 (?). Далее следует сложное место, где не очень понятно, какие линии являются стволами, а какие ветвями (см. рис. 5, 1). Мы видим сильно наклоненную влево линию, которая соприкасается нижним своим концом со следующей более прямой линией. Эта вторая линия, скорее всего, является стволом. Значит, первая линия либо является ее ветвью, либо независимым стволом. Если они независимы друг от друга, то первая линия может быть руной **i**, а вторая – руной **n** или **a**.

У шестого знака есть, по видимости, еще одна ветвь с правой стороны, которая уходит вверх направо и касается ствола следующей руны 7. Одним словом, непонятно, какому из этих двух стволов наверняка принадлежит эта ветвь, но, скорее всего, руне 6, а не 7.

Таким образом, у шестого ствола есть либо две ветви – слева и справа, либо только одна – справа. В первом случае руна может быть прочитана как **m** (Ψ). Однако большая разница между ветвями, одна из которых длинная и достигает верхнего края, а другая короткая и упирается в последующий знак, не позволяет с уверенностью идентифицировать эту руну как **m**. Сомнительно было бы прочесть ее как перевернутую лигатуру **un**, но поскольку перевернутые руны встречаются редко, а перевернутые лигатуры и того реже, то это чтение весьма сомнительно.

7. Следующая линия, скорее всего, является стволом и в таком случае может читаться как руна **i**. Если же ветвь, которая ее касается, принадлежит ей, а не предыдущей руне, то она может быть прочитана как **a** или **n**.

8. Далее следует укороченный ствол, который касается нижнего края и доходит до середины среднего поля. Такую форму имеет коротковетвистая руна **r**.

9. Этот знак состоит из ствола, который касается обоих краев, и из двух ветвей, отходящих с правой стороны ствола – одна вверх, а другая вниз – и смыкающихся между собой. Треугольный карман, образованный этими ветвями, расположен в средней части ствола. Знак, несомненно, является руной **p**.

10. Ствол следующей руны сильно наклонен влево, и пересекает ствол последующей руны на границе между нижним и средним полями. В средне-верхней части ствола слева присутствует короткая наклоненная вниз ветвь. Эта руна может быть прочитана как коротковетвистая **a** или **n**.

11. Эта руна, по всей видимости, является руной **p**: ее ствол достаточно прямой, и в средне-верхней части ствола расположен треугольный карман, состоящий, как и в знаке 9, из двух ветвей. В то же время невозможно полностью исключить, что этот знак может быть руной **r**, если то, что сейчас кажется стволом предыдущей руны, является ветвью, принадлежащей этому знаку.

Рис. 5.

1 – На снимке очень четко видна дилемма с пятым и шестым знаками: где заканчивается пятый и начинается шестой? (макросъемка с помощью объектива Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5× Macro Photo (увеличение 4 к 1); 2 – Сторона Г: маленькие руны 1–7 в верхнем правом углу обведены черным цветом (съемка с помощью бинокулярного стереоскопа МБС-2 (увеличение 4 к 1); 3 – Прорисовка знаков на стороне Г (макросъемка с помощью объектива Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5× Macro Photo (увеличение 1 к 1).
1, 3 – фото Е. Ю. Гири; 2 – фото С. И. Стеблин-Каменской.

Fig. 5.

1 – In the photo, the dilemma with the fifth and sixth signs is clearly discernible: where does the fifth one end and the sixth begins? (macro photo using Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5× lens, magnification 4:1); 2 – side Г: the small runes 1–7 in the upper right corner are outlined with black (photographed using MBS-2 binocular stereoscope (magnification 4:1); 3 – drawing of the signs on side Г (macro photo using Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5× lens, magnification 1:1).
1, 3 – photo by E. Yu. Giryа; 2 – photo by S. I. Steblin-Kamenskaya.

12. Эта руна состоит из наклоненного влево ствола и двух коротких, направленных вниз ветвей с левой его стороны. Одна крепится в верхней части ствола, а другая в средне-нижней. Эта руна может быть прочитана как коротковетвистая **o**, но поскольку у коротковетвистой руны **o** ветви чаще всего расположены на правой стороне и направлены вверх, то нельзя исключить и чтение этой руны как коротковетвистой **b**,¹³ даже если результатом этого будет ряд согласных звуков, которым сложно будет найти достоверное толкование.

13. Далее следует еще одна руна **p**: ее ствол прочерчен слабее, чем у предыдущих рун, а его верхняя часть почти теряется, но все же следы верхней части ствола по-прежнему видны. Треугольный карман, образуемый ее ветвями, больше, чем у предыдущих рун **p**. Верхняя ветвь тоже прочерчена слабее, и ее самая верхняя часть тоже теряется.

14. Следующая руна состоит из ствола и одной короткой ветви, крепящейся в верхней его части и уходящей влево вниз. Ветвь слегка задевает верхнюю ветвь предыдущей руны. Руна может быть прочитана как **a** или **n**.

15. Этот знак состоит только из ствола и может быть прочитан как руна **i**. В то же время ствол слегка не доходит до верхнего и нижнего краев, так что не исключено, что он служит своего рода разделительной линией.

На этой же стороне в правом верхнем углу имеются очень маленького размера насечки, которые тоже являются рунами (см. рис. 3, 4; 5, 2, 3).

1. Если эта линия намеренно вырезана, то она может читаться как **i**.

2. Такое же «если» относится и к следующим трем линиям, которые образуют руны **s**.

3. Третий знак состоит из ствола, ветви и дуги, которая отходит от его верхушки, но не смыкается к нему. От нижнего края этой дуги отходит короткая ветвь вниз и вправо. Можно с некоторым сомнением прочесть эту руны как **r** с очень короткой ветвью, которая не доходит до уровня нижней части ствола.

4. Четвертый знак состоит только из ствола и может быть прочитан только как руна **i**.

5. Далее следует руна **s**, все линии которой четко видны.

6. Следующий знак состоит из ствола и ветви, которая располагается на его верхушке и идет вверх направо и вниз налево ($\bar{1}$, $\bar{1}$). Такой аллограф к коротковетвистой руны **t** встречается как в норвежских, так и в шведских рунических надписях (Johnsen, 1968. S. 23–31).

7. Последний знак состоит только из ствола и читается как **i**.

После этих маленьких рун виднеется микроскопический разделительный знак.

Результаты описания рун на привеске.

Подводя итог, можно дать все варианты чтения четырех сторон этой привески (см. рис. 6) и привести сокращенную транслитерацию знаков для последующих изданий.

Точками в рунологической литературе отмечают руны, форма которой видна, но чтение которой неточно по какой-либо причине; знаком вопроса отмечены руны или знаки, которым очень трудно предложить какое-либо достоверное чтение.

Транслитерация:

A: **ik** × ?**al̥fi**???

B: **narfs?****iriakth**

C: **fi** × ???**naib?**?? ×

D: × **ufuriniṛbabopa?** **iṣristi** ×

Руны на привеске, скорее всего, были рассчитаны не только на формальное прочтение, но и на интерпретацию. Об этом свидетельствуют разделительные знаки на *сторонах А, В и Г*, а также четкость надписи на *стороне Г*. На этой стороне руны не только особенно четко видны, но и образуют гармоничный ряд из согласных и гласных звуков, смысл которого, будем надеяться, со временем будет понят.

Сторона А очень многообещающе начинается комбинацией рун **ik**, которую можно интерпретировать как личное местоимение *ek* «я», но поскольку далее возникают сложности даже с чтением знаков, то придется пока оставить это толкование в стороне. Очень соблазнительно прочесть три последние руны на *стороне А* как **fik** с безлинейной руной **k** и, таким образом, увидеть в этой комбинации рун древнегерманский глагол *fā* «получить» в прошедшем времени единственного числа третьего лица *fikk* «[он, она] получил(а)», но поскольку между **ik** и **fik** три знака из четырех под сомнением, то надпись на этой стороне пока нечитаема.

¹³ Ср. Källström, 2012. S. 122.

Сторона А:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
i	k	x	?	a	lt	f	i	?	?	?	x
	n	m	n	la				k	s	þ	
	a			m				s			

Сторона Б:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
n	a	r	f	s	?	ir	i	a	k	t	h	
a	n			i		au	s	n	a	x	r	
						nu			n	ar		
						ku						

Сторона В:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
f	i	x	?	?	?	n	a	i	b	?	?	a	?	?	x
			m̄r	i	i	a	n		o	i	i	n			

Сторона Г:

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
x	u	f		u	r	i	n	i	r	þ	a	þ	o	þ	a	?
				i		i	a	i		n		b		n	i	
						ūn	i									
						m	i									

Сторона Г, в верхнем поле в правом углу:

1	2	3	4	5	6	7	
i	ş	ř	i	s	t	i	x

Рис. 6. Варианты чтения рунических знаков на привеске-амулете.

Fig. 6. Variants of interpretation of runic signs on the amulet-pendant.

Интересно отметить, что маленькие руны **risti** на *стороне Г*, по всей видимости, содержат слово *rīsti*, которое является формой древнегерманского глагола *rīsta* «резать» в прошедшем времени единственного числа третьего лица «[он или она] вырезал(а)» и в сослагательном наклонении настоящего времени единственного числа третьего лица «да вырежет [он или она]». Комбинация рун **iş** тогда может пониматься как местоимение *es* «тот, который». Таким образом, можно даже получить предложение «Тот, который вырезал [руны]», но надо учитывать, что три руны из семи в этом предложении имеют неточное чтение. Обращает на себя внимание, что *сторона Г*, возможно, начинается теми же рунами, что и надпись на Староладожском стержне: **ufir**. Этому сочетанию рун можно подобрать несколько разных интерпретаций, но

сейчас мы ограничимся предположением, что в этих рунах может быть скрыт предлог *ufir* «над».

Все эти наблюдения позволяют надеяться, что надпись на привеске поддается интерпретации, и, возможно, в будущем будет предложено ее толкование.

3. Возможное назначение привески и аналогии. Датская исследовательница Э. Роэсдаль отмечает, что «руны можно найти на самых разных предметах. ...Иногда это было всего лишь имя владельца вещи, а иногда какое-нибудь изречение. Некоторые надписи могли представлять собой магические письмена» (Роэсдаль, 2001. С. 96). Среди находок, происходящих с новгородского Городища, есть две бронзовые привески-амулета, на которых имеются рунические надписи. Обе привески представляют собой небольшие бронзовые пластинки: одна – трапе-

циевидной формы (размер – 5,8 × 1,16–2,15 см), вторая – прямоугольной (4,8 × 1,3 см) (Носов, 1990. С. 124, рис. 47, с. 126). Надписи на привесках размещены вдоль пластинок, но в первом случае на обеих сторонах, во втором – только на одной. По мнению Е. А. Мельниковой, вторую привеску могли сделать на самом Городище, скопировав надпись с одной из сторон первой пластинки (Мельникова, Носов, 1987. С. 220). Отметим, что оба эти амулета найдены также на центральной, возвышенной части памятника в 45 м к югу от церкви Благовещения. В культурном слое памятника оба предмета оказались предположительно во второй половине X–рубеже X–XI вв. (Носов, 1990. С. 106, рис. 47 на с. 124). В России металлические привески-амулеты с руническими надписями известны не только на новгородском Городище. Похожая привеска была обнаружена при раскопках в Старой Ладоге в слое второй половины X в. Амулет представляет собой медную пластинку подтрапиевидной формы с ушком для привешивания. Высота пластинки – 4,8 см, ширина у плечиков – 1,42 см, ширина в нижней части – 1,8 см, толщина – 0,1 см. Знаки на староладожском амулете располагались продольно на обеих сторонах пластинки в две строки на каждой (Кузьменко, 1997. С. 18–27). Привески-амулеты, подобные двум городищенским и староладожской, были широко распространены в Восточной Скандинавии с VIII по XII в. (Мельникова, 2001. С. 177). Все они предназначались для ношения, о чем свидетельствуют отверстия на привесках и сохранившиеся в отдельных случаях колечки для крепления. Форма новой городищенской привески отличается от этих трех амулетов с руническими надписями, но она также сделана из металла, имеет колечко для крепления, знаки надписи расположены вдоль всех граней, и, следовательно, могла использоваться в тех же магических целях, что и амулеты на металлических пластинках. Таким образом, мы можем рассматривать находку 2011 г. как амулет.

Прямых археологических аналогий для привески пока не найдено, но не исключено, что четырехгранная металлическая привеска была сделана в подражание янтарным привескам трапиевидной формы или каменным оселкам, которые известны по погребениям Бирки (Arbman, 1940. Taf. 103, 3; Taf. 188, 1–10, 16–18; Sundbergh, Arwidsson, 1989. S. 102–111). Как отмечает И. Янссон, маленькие, тщательно изго-

товленные точильные камни, которыми, как правило, никогда не пользовались для заточки инструмента, происходят из мужских погребений Бирки (Янссон, 1999. С. 35). Некоторые оселки или точильные камни без следов сработанности были предметами кульново-магического назначения во многих культурах (Грязнов, 1961. С. 142; Вулли, 1961. С. 58; Sundbergh, Arwidsson, 1989. S. 107–108; Todd, 2005. С. 31). Материалом для них служили красивые цветные породы камня: «различные тонкозернистые, аморфные или кристаллические породы – яшма, змеевик, порфир, глинистые сланцы, кварцит и др.» (Грязнов, 1961. С. 143). Точильные камни без следов износа, находимые в погребениях Бирки, «обычно сделаны из фиолетового или желтоватого ленточного сланца, который придает им видимость орнаментированности, и мало пригодны для использования по своему прямому назначению. Поэтому есть основания полагать, что эти оселки носились в качестве амулетов» (Янссон, 1999. С. 35). По мнению И. Янссона, в корпусе находок новгородского Городища есть по крайней мере «два таких амулета: один из черного сланца, а другой из слоистого» (Там же). Тщательно отполированные оселки четырехгранной формы без следов использования выявлены также и в Гнездовском археологическом комплексе. Такие точильные камни входили в «богатый инвентарь погребений людей высокого социального статуса» (Бычкова и др., 2008. С. 312–314).

С. И. Стеблин-Каменская отмечает, что на точильных камнях или оселках эпохи викингов иногда встречаются и рунические надписи. В корпусе шведских рунических надписей она выявила пять таких предметов (см. SRI):

1–2. На двух оселках с острова Готланд (G § 281: черный сланец, XI в.; G § 311: гранит, XI в.) присутствует, например, младший футарк, который писался в качестве магической формулы для защиты от темных сил или в целях обучения руническому письму. На другом оселке с Готланда (G § 216: песчаник, XI в.) присутствуют два имени собственных *Ormika*, *Ulfhva[ft]r* и четыре топонима: «Греция, Иерусалим, Исландия, Саркланд».

3. На оселке с острова Эланд (Fv, 1918(2). S. 15) можно прочесть очень интересные надписи, которые, однако, требуют проверки:

А: «От напасти .... мужа (?) ...»

Б: «. . .»

В: «Ешь ты, точильный камень, на свою беду!»

Г: «Ешь ты точильный камень с этой спинки (стороны)!»

4. Песчаный оселок из провинции Упланд (Fv, 1913. S. 276) содержит не поддающуюся интерпретации комбинацию рун.

5. Еще один песчаный оселок из провинции Эстергётланд (ANF, 1937. S. 184), который датируется эпохой викингов со знаком вопроса, содержит руноподобные знаки и руны, которым пока не было предложено чтения. Приведенные надписи на точильных камнях в основном носят заклинательных характер.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров на основе анализа лингвистического материала предположили, что у индоевропейцев точильные камни и оселки, наряду с другими каменными предметами (каменными топорами, жерновами и пр.), являлись атрибутом бога грозы и неба (Иванов, Топоров, 1974. С. 95–96). В связи с этим обращает на себя внимание приведенный в «Младшей Эдде» рассказ Снорри Стурлуссона о битве Тора с великаном Хрунгиром. Тор был вооружен молотом, а у Хрунгира вместо оружия было точило. «Точило столкнулось в воздухе с молотом и расколосось пополам. Один кусок упал на землю, из него-то и образовались все кремневые скалы. А другой кусок вонзился Тору в голову» (Младшая Эдда, 1970. С. 116). Чтобы извлечь осколок, провидица Гроа стала петь над Тором заклинания, и точило начало шататься. В благодарность за врачевание Тор сообщил провидице, что ее муж скоро вернется домой. «И Гроа так тому обрадовалась, что позабыла все заклинания, и точило перестало шататься. Оно все сидит в голове у Тора. Поэтому следует остерегаться бросать точило поперек пола: тогда шевелится точило в голове у Тора» (Там же. С. 117–118). А. Е. Мусин приводит мнение А. Карли о том, что в эпоху Великого переселения народов в Скандинавии точильные камни известны в качестве оберегов жилищ, и подчеркивает общебалтийский характер «культы точильных камней» (Мусин, 2012. С. 584).

4. Хронология вещевого комплекса. Время и место изготовления и функционирования рассматриваемой новой привески, так же как и обстоятельства нанесения на нее рунических знаков, нам неизвестны, но наличие коротковетвистых рун на привеске-амулете позволяет датировать ее не ранее начала IX в.

В заполнении комплекса, из которого происходит четырехгранная привеска-амулет, были найдены: серебряная бляшка-привеска; фрагмент скандинавской равноплечной фибулы; бронзовая игла от кольцевидной фибулы; два фрагмента бронзовой проволоки; бронзовый салтово-маяцкий перстень с крестообразно расположенными «лапками», вставка которого не сохранилась; пять фрагментов аббасидских дирхемов, относящихся к двум первым этапам обращения восточных монет на Руси, а также две бронзовые весовые 14-гранные гирьки (Носов, 2012. С. 18).

Серебряная бляшка-привеска первоначально использовалась в качестве ременной накладки. О ее вторичном использовании свидетельствуют спиленные штифты и накладная петля, сделанная из узкой тонкой серебряной пластинки. Изношенность накладной петельки говорит о длительном времени использования этого украшения. На бляшке-привеске – характерный бордюр из «вытянутых перлов» и орнамент в виде трилистника, дополненного изображениями строенных ягод (Носов и др., 2012. Рис. на с. 85; Дорофеева, 2012. С. 231, рис. 1, 4; с. 237). Подобные ременные накладки встречаются в угро-мадьярских погребениях Прикамско-Уральского региона конца VIII–первой половины IX в., таких как, например, Большетиганский могильник (погребения 12, 28) (Халикова, 1976. Рис. 4, 6, 7; 5, 3–7; Казаков, 1992. С. 68–69, рис. 20, с. 72–73, рис. 21; 2001. С. 58, рис. 1, 1, 2, 15, 16). Серебряная поясная накладка, аналогичная городищенской бляшке-привеске, имела в коллекции Теплоуховых. Накладка происходила из Гайнской волости Чердынского уезда Пермской губернии. А. А. Спицын на основании орнамента датировал ее VIII–IX вв. (Спицын, 1902. Табл. XVII, 36). Такой же декор есть и на поясных накладках из кургана у с. Ново-Николаевка Екатеринославской губернии (совр. Днепропетровская обл.) (Ханенко, 1902. Табл. XIX, 682, 739, 819). Находки деталей поясной гарнитуры с характерным бордюром и орнаментом в виде трилистника «идут полосой от Прикамья и Башкирии через Среднее Поволжье к Подонью. По комплексам вещей они датируются в большинстве IX или IX–X вв.» (Казаков, 1972. С. 165). В Швеции в женском захоронении Vj. 518 Бирки есть похожая бляшка-привеска с характерным бордюром из «вытянутых перлов» и орнаментом в виде трилистника. Как и городищенская, она

переделана в привеску с помощью накладной петли из узкой пластинки (*Arne*, 1914. Fig. 238). В погребении зафиксированы три фибулы – две овальные и круглая (*Arbman*, 1940. Taf. 96, 7). По мнению Ф. А. Андрощука, комплексы с таким сочетанием фибул относятся к середине IX–началу X в. (*Андрощук*, 1999. С. 194–205). Типичные для угро-мадьярских комплексов накладки могли попасть в Бирку и на Городище во второй половине IX в. – в период наивысшей активности Волжского торгового пути.

Равноплечная фибула, фрагмент которой найден в заполнении комплекса, относится к типу скандинавских украшений, наиболее распространенному на территории Восточной Европы, – P-58, по Я. Петерсену (*Petersen*, 1928. P. 77) или IA: 1, по Г. Б. Аагард (*Aagård*, 1984. P. 100), который датируется в пределах IX в.

Бронзовый литой перстень салтовского типа с крестообразно расположенными лапками по классификации С. А. Плетневой относится к типу 1, датируемому концом VIII–первой половиной IX в. (*Плетнева*, 1967. С. 137–143, рис. 36). Такие перстни со вставками часто встречаются в угро-мадьярских погребениях IX–рубежа IX–X вв.

Подобный перстень происходит из слоев второй половины IX в. Старой Ладogi (*Давидан*, 1986. С. 100–102, рис. 1; 2, 2). На новгородском Городище аналогичный перстень найден вместе со скорлупообразной фибулой типа P-37 по классификации Я. Петерсена (*Petersen*, 1928. Fig. 27) в комплексе № 52 конца IX–начала X в., расположенном в 40 м к югу от ц. Благовещения (*Носов*, 1990. С. 93, рис. 37, 4; с. 107).

Основную категорию находок комплекса составили разнообразные стеклянные и каменные бусы. Среди каменных бус выделяется хрустальная в виде восьмигранной призмы с пирамидальными концами длиной 30 мм – тип, который не встречается после 950 г. (*Callmer*, 1977. P. 225). На территории Древней Руси подобные бусы редки и находятся в основном в «дружинных» памятниках IX–X вв. (*Фехнер*, 1959. С. 156).

В заполнении комплекса был также обнаружен фрагмент прибалтийско-финской чернолощенной округлодонной ребристой миски (*Носов*, 2012. С. 9). На Городище встречены уже несколько таких фрагментов, причем «часть из них зафиксирована в стратифицированных слоях X в.» (*Горюнова, Плохов*, 2011. С. 261–263).

Найденные пять аббасидских дирхемов¹⁴ были отчеканены:

Годы чеканки монеты	Халиф	Место чеканки	Примечания
обломок около 1/2 – 789/790 г.	Харун ар-Рашид	ал-Мухаммадийа	год чеканки отломлен, по типу – 173 г.х.
обломок около 1/3 – вторая половина VIII – начало IX в.	–	–	халиф, место и год чеканки не установлены из-за плохой сохранности
обрезок около 1/2 – 811–815 гг.	ал-Ма'мун	–	место чеканки обрезано; I хх г. х., тип 196–199 гг. х.
обрезок-обломок около 1/2 – 844–883 гг.	–	–	халиф, место и год чеканки не установлены из-за плохой сохранности
обломок около 1/6 – 864–873 гг.	–	–	имя халифа и место чеканки отломлены

Обломки дирхемов «распространялись в русском денежном обращении в конце VIII и в первой трети IX в., в 70-х гг. IX в. и с 939 г. до самого конца бытования дирхема в Восточной Европе» (*Янин*, 2009. С. 91). «Хронологический диапазон состава денежного обращения на Востоке в изучаемую... пору равен примерно 30–

40 годам» (Там же). Весовые гирьки, также найденные в заполнении комплекса, впервые появляются на Руси с середины X в. (Там же. С. 159), тогда как аббасидские дирхемы IX в. к этому времени уже исчезли из денежного обращения (Там же. С. 161).

Вещевой комплекс рассматриваемой постройки позволяет датировать ее второй половиной IX–второй половиной X в., а состав керамического комплекса – не позднее третьей четверти X в. (*Носов*, 2012. С. 18). По всей вероят-

¹⁴ Определение монет выполнил старший научный сотрудник Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника А. А. Гомзин.

ности, не позднее этого времени яма была засыпана культурным слоем, уже накопившимся на поселении, поэтому в заполнении и оказались вещи, бытовавшие в хронологическом интервале от второй половины VIII в. до конца X в.

5. Заключение. Обнаруженные в заполнении постройки предметы – большое количество бус, в том числе каменных, пять фрагментов дирхемов, две весовые гирьки – позволяют предположить, что в какой-то период времени здесь проживали купцы, связанные с дальней торговлей. Рунические знаки на четырехгранной привеске-амулете указывают на этническую принадлежность ее владельца, род деятельности которого косвенно подчеркивается «короткоцветистыми» рунами, поскольку они «были предпочтительны в среде торговцев» (Розсдаль, 2001. С. 13). На поверхности амулета обнаружен «неутилитарный износ в виде затертости и залощенности на ребрах и углах, в местах трения бронзы о ткань одежды или кожу» (см. Приложение). Изящно выполненный амулет с колечком для привешивания мог крепиться к ожерелью или входить в состав связки амулетов, которую могли носить на поясе или в кожаном кошельке или сумке.

Таким образом, найденный на Городище амулет, скорее всего, связан с почитанием бога грома, бури и плодородия Тора, а рунические знаки подчеркивают ритуально-магическое назначение находки. Форма четырехгранной металлической привески не исключает вероятности того, что она является миниатюрной копией точильного камня или оселка.

Андросук, 1999 – Андросук Ф. О. Шведська Бірка та її контакти зі Сходом // Vita Antiqua. Київ, 1999. № 2.

Бычкова и др., 2008 – Бычкова Я. В., Ениосова Н. В., Нилус И. М., Пушкина Т. А. Точильные камни под микроскопом: новые данные об использовании и происхождении оселков из Гнездова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.

Вулли, 1961 – Вулли Л. Ур халдеев / Пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона. М., 1961.

Горюнова, Плохов, 2011 – Горюнова В. М., Плохов А. В. Контакты населения Приильменя и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам // АВ. 2011. № 17.

Грязнов, 1961 – Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961.

Давидан, 1986 – Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1986. Вып. 27.

Дорофеева, 2012 – Дорофеева Т. С. Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли: 58-е заседание семинара им. академика В. В. Седова (Псков, 17–19 апреля 2012 г.). Псков, 2012.

Иванов, Топоров, 1974 – Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Казаков, 1972 – Казаков Е. П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Казаков, 1992 – Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.

Казаков, 2001 – Казаков Е. П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.

Кузьменко, 1997 – Кузьменко Ю. К. К интерпретации надписи на подвеске из Старой Ладogi // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб., 1997.

Кузьменко, 2012 – Кузьменко Ю. К. Руническая надпись на деревянном стержне из Старой Ладogi // Именослов. История языка. История Культуры / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012.

Мельникова, 2001 – Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.

Мельникова, Носов, 1987 – Мельникова Е. А., Носов Е. Н. Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1986. М., 1987.

Младшая Эдда, 1970 – Младшая Эдда. Л., 1970 (сер. «Лит. памятники»).

Мусин, 2012 – Мусин А. Е. Скандинавское язычество на Востоке по данным археологии // Российский археологический ежегодник. СПб., 2012. № 2.

Носов, 1990 – Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

Носов, 2012 – Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН в 2011 г. // РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1. СПб., 2012.

Носов и др., 2012 – Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В. Новгородская Русь: рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012.

Плетнева, 1967 – Плетнева С. А. От кочевий к городам: Салтово-Маяцкая культура. М., 1967 (МИА, № 142).

Розсдаль, 2001 – Розсдаль Э. Мир викингов. М., 2001.

Спицын, 1902 – Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // Материалы по археологии России. СПб., 1902. Вып. 26.

Тодд, 2005 – Тодд М. Варвары. Древние германцы. Быт, религия, культура. М., 2005.

Фехнер, 1959 – Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1959 (Труды ГИМ; Вып. 33).

Халикова, 1976 – Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2.

Ханенко, 1902 – Ханенко Б. И. и В. Н. Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Киев, 1902. Вып. 5.

Янин, 2009 – Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

Янсон, 1999 – Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999.

Aagård, 1984 – Aagård G.-B. Gleicharmige Spangen // Birka II. 1. Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.

ANF – Arkiv för nordisk filologi. Lund, 1888– (продолжающееся издание).

Arbman, 1940 – Arbman H. Birka I: Die Gräber. Untersuchungen und Studien. Tafeln. Stockholm, 1940.

Arne, 1914 – Arne T. J. La Suède et l'Orient: Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala, 1914.

Barnes, 2012 – Barnes Michael P. Runes. A Handbook. Boydell, 2012.
 Barnes, Page, 2006 – Barnes Michael P., Page R. I. The Scandinavian Runic Inscriptions of Britain. Uppsala, 2006.
 Callmer, 1977 – Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Lund, 1977.
 Fv – Fornvännen: meddelanden från K. Vitterhets, historie och antikvitets akademien. Stockholm, 1906– (продолжающееся издание).
 Johnsen, 1968 – Johnsen I. S. Stuttruner i vikingtidens innskrifter. Oslo, 1968.

Källström, 2012 – Källström M. Gotländska bildstenar som källor för runologi och nordiska språk // Gotlands bildstenar. Järnålderns gåtfulla budbärare / Maria Herlin Kamell (red.). Visby, 2012.
 Petersen, 1928 – Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
 SRI – Sveriges runinskrifter / Kungl. Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien. Stockholm, 1900– (продолжающееся издание).
 Sundbergh, Arwidsson, 1989 – Sundbergh K., Arwidsson G. Schleif- und Wetzsteine // Birka II: 3. Systematische Analyse der Grabfunde. Stockholm, 1989.

New Find of an Amulet Pendant with Runic Signs from Gorodishche near Novgorod

T. S. Dorofeeva, S. I. Steblin-Kamenskaya

In 2011, during the preparations for the celebration of the 1150th anniversary of the Russian state, an expedition from the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences investigated an area intended for the memorial ‘The Prince’s Stone’ at Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) near Novgorod. The excavation (108 sq m) was conducted in the central area of the site, 40 m southwest of the Church of the Annunciation. Despite considerable disturbance of the cultural layer in this part of the site, it proved possible to find, close to the surface of the virgin soil, assemblages dating from the initial stage of the occupation of Gorodishche. Of considerable interest among the finds from the fill of one of the structures is a cast metal pendant in the form of a small truncated pyramid with a suspension ring made of ribbed wire (Fig. 1, 1). The pendant was manufactured from low-tin bronze with a number of admixtures (mainly Cu; Sn~1%; Zn<0.7%; Pb<0.3%; traces of As and Ag). The length of the pendant is 26 mm, the dimensions of the upper part 3.3 × 4.5 mm, those of the base 4.4 × 7.3 mm. The ring, 12 mm in diameter, was made of ribbed wire 1.7 mm thick, also manufactured from a largely copper alloy (Fe<0.6%; traces of Pb, As, Ag).

Tracewear analysis has revealed intentionally engraved lines on the surface of all the four facets of the pendant. In S. I. Steblin-Kamenskaya’s opinion, these lines very possibly represent runic signs (Fig. 1, 2). She proposes the following transliteration of the signs on the facets of the pendant (Fig. 6):

A: ik × ?al̥fi?? ×

B: ṅar̥f̥?i̥riak̥th

C: fi × ???ṅai̥b??a?? ×

D: × uf̥ur̥i̥ri̥p̥ap̥o̥pa? i̥s̥ri̥sti ×

By convention, in runologic studies dots mark runes of discernible outlines that are, for some reason, difficult to assign an exact interpretation. Question marks indicate runes or symbols for which a reliable reading is quite difficult to propose.

Among the materials from Novgorod Gorodishche there are another two bronze pendants that are also marked with runic inscriptions. These two objects entered the cultural layer presumably in the second half of the 10th or at the turn of the 10th and 11th centuries. A third copper amulet pendant with a runic inscription was uncovered during excavations in Staraya Ladoga in deposits of the second half of the 10th century.

The runic symbols on the new Gorodishche pendant were presumably drawn with a magic intention, i. e. we are probably justified in considering the 2011 find an amulet. The shape of this new Gorodishche find differs from that of the three earlier known metal pendants with runic inscriptions; like these, however, it is made of metal and has a ring for suspension, the runic symbols on it are ranged along the facets of the object, meaning it can have been used with magic purposes similar to those of the metal-plate amulets.

No direct parallels to the four-sided metal pendant have as yet been found, but we cannot rule out that it imitates trapezoid amber pendants or whetstones known from Birka burials. Among the Indo-Europeans, whetstones and sharpening stones, along with other stone objects (axes, grinders etc.), were attributes of the God of Thunderstorm and Heaven. Thus, whetstones could have a religious purpose and as a consequence the newly found amulet pen-

dant with runic symbols may have been related to the cult of Thor.

Of particular interest is the context in which the pendant was discovered. In the fill of the earlier assemblage were uncovered a silver pendant plaque, a fragment of a Scandinavian equal-arm brooch, the bronze pin of a ring brooch, a bronze Saltovo-Mayak signet-ring with crosswise arranged 'stilts', five fragments of Abbasid dirhams associated with the early stages of circulation of eastern coins in Rus, and two bronze 14-sided weights. The association of the artefacts in the structure where the amulet pendant was found is datable to a range from the second half of the 9th to the second half of the 10th

century, while the pottery assemblage dates it to a period not later than the third quarter of the 10th century. Probably, it was no later than this period that the pit was filled with cultural deposits already accumulated at the settlement, and for this reason the fill contained objects used within a chronological range from the second half of the 8th century to the late 10th century. The time and place of manufacture and use of the pendant under consideration, as well as the engraving of the runic inscription, are unknown to us; the only fact established with certainty is that we are dealing now, among the finds from near-Novgorod Gorodishche, with yet a third pendant containing a runic inscription.

Наблюдения и проблемы, связанные с интерпретацией следов на привеске-амулете с Городища под Новгородом

Е. Ю. Гиря, Н. С. Курганов¹⁵

Трасологическое обследование бронзовой привески (Е. Ю. Гиря). Изучение следов на поверхности привески-амулета, найденной во время раскопок Городища под Новгородом, было предпринято для установления естественного или искусственного характера происхождения знаков на поверхности предмета.

Для исследования использовались: биноклярный микроскоп МБС-9 (увеличение до $\times 104$) с косонаправленным боковым освещением, металлографический микроскоп Olympus с прямым, проходящим через объектив освещением и объективами, дающими в сочетании с окуляром $\times 10$ увеличение наблюдения: $\times 25$, $\times 50$, $\times 100$, $\times 200$ и $\times 500$. Для фотофиксации, в основном, применялся этот же микроскоп в сочетании с цифровой камерой Canon EOS 40D. Макросъемка делалась с помощью цифровой камеры Canon EOS 1000D с объективами Canon EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM и Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5 $\times$ Macro Photo (последний сам по себе обеспечивает съемку в масштабах от «1 к 1» до пятикратного увеличения). Для получения фотографий с максимально возможной глубиной резкости использовалась компьютерная программа Helicon Focus, позволяющая собирать одно резкое, сфокусированное изображение из множества частично сфокусированных.

Исследование показало, что на поверхности привески, профессионально очищенной в ходе реставрации Н. С. Кургановым, прослеживаются следы неутилитарного износа в виде затертости и залощенности на ребрах и углах – в местах трения бронзы о ткань или кожу. Кроме того, на всех четырех гранях привески и на ее торце (в основании) имеются знаки, намеренность нанесения которых не вызывает никаких сомнений. Общая картина следов, возникшая еще на

металле, в целом вполне сохранилась на патине. При малых увеличениях (на макроуровне) линии знаков на привеске имеют вполне ординарный вид (фото 1). Судя по строгой прямизне и стабильности ширины на прямых участках, а также по характеру изменения ширины в местах перехода прямых в изогнутую линию (на изгибах), все гравировки были сделаны каким-то предметом, имевшим прямое лезвие и острый кончик (в виде современного канцелярского ножа). Обращает на себя внимание, что на поверхности стороны Г часть знаков имеет «смазанный» вид.

Способ нанесения знаков: мнение Е. Ю. Гиря. В процессе изучения поверхности привески под большим увеличением установлено, что гравировки знаков не представляют собой сплошные линии, так как имеют разрывы. Это – различной длины цепочки отрезков прямой и даже просто углубления неправильной формы, выстроенные в одну линию (нерегулярный «пунктир») (фото 2 А и Б; 3А). Т. е. единая линия углубленного рельефа канала гравировки (один штрих) в целом ряде мест прерывается поперечными разрывами-перемычками различной формы. Высота и характер рельефа «перемычек» гравировки аналогичны окружающему фону поверхности изделия (фото 3Б). Поверхность перемычек – это продолжение общей поверхности предмета. Кроме того, на фотографии заметны «расчесы», частично удаленные линии знаков.

Для выяснения происхождения такого вида следов была проведена экспериментальная гравировка по поверхности бронзового предмета. Бронза – достаточно пластичный и относительно мягкий материал, гравировки на ее поверхности представляют собой сплошные непрерывные линии – «каналы» с выровненным гладким дном и столь же ровными бортами. Донная часть линий гравировки гладкая, выровненная, желобобразная и покрыта многочисленными параллельными царапинами (фото 4). В отличие от экспериментальной гравировки, дно следов на городищенской бронзовой привеске имеет неровный (фото 2 и 3) нерегулярный, ямчато-

¹⁵ Гиря Е. Ю. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

Курганов Н. С. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, кафедра реставрации.

бугристый рельеф без признаков выглаживания и каких-либо линейных следов от режущего инструмента. Следы с такой морфологией с точки зрения трасологии не могут быть объяснены воздействием инструмента какого-либо рода. Очень сложно вручную, без специального оборудования сделать прямой надрез длиной в несколько миллиметров, состоящий из множества нерегулярных мелких отрезков. Можно вручную по линейке выстроить ряд точек – уколов иглой, но продолжить одну прямую, выстраивая отрезки в доли миллиметра длиной в строго заданном направлении, не просто. Гравирование (резание) по металлу такие следы оставить не может, следовательно, происхождение изучаемых следов нуждается в объяснении.

Для поиска аналогичных следов было проведено трасологическое обследование ряда металлических предметов, произведенных с помощью различных технологий, в частности, золотого нательного крестика, изготовленного методом литья по восковой модели. Детальное описание процесса производства именно этого изделия имеется на интернет-сайте завода-изготовителя. При первичном осмотре надписи «Спаси и сохрани» под бинокулярной лупой обнаружился дефект производства в виде «перемычки», разделившей надвое витиевато изображенную букву «С» в слове «спаси» (фото 5). Перемычка оказалась полностью аналогичной тем, что наблюдаются на бронзовой привеске. Были выявлены еще несколько таких же перемычек-дефектов, пересекающих различные завитки и иные элементы декора на других частях крестика (фото 6 и 7 А). Микрорельеф донных частей линий надписей и орнамента на крестике оказался ямчато-бугристым, аналогичным таковому в донных частях гравировок на городищенской привеске (фото 6 и 7 Б). В продолжение эксперимента была изготовлена модель, в которой функцию воска выполнил стеарин. На стеарине был прочерчен ряд линий, а образовавшиеся при этом заусенцы стерты пальцем. Изучение следов под микроскопом выявило, что часть сделанных царапин перекрыта расплавившимися (размазанными) частичками стеарина от заусенцев. Поперек гравировок образовались перемычки, вполне аналогичные перемычкам как на изучаемой привеске, так и на крестике (фото 8). Донные части гравировок на воске имеют ямчато-бугристую фактуру микрорельефа, аналогичную таковой на обоих упомянутых металлических

изделиях (фото 8). В результате стирания заусенцев вся поверхность стеариновой модели оказалась покрыта «микрорасчесами» – следами от пальцев (фото 8 А и 9 А), аналогичными и по размерам и по форме тем, что существуют на всех поверхностях привески (фото 1 Б; 3 А и 9 Б). Таким образом, следы «расчесов» на поверхности металлической привески оставлены не напильником или иным абразивным инструментом, с помощью которых поверхность могла быть подправлена, а, скорее всего, были сделаны на глине или воске. Создается впечатление, что нарезки-гравировки на поверхности городищенской привески были сделаны не по металлу, а, возможно, на восковой модели. Впоследствии, претерпев некоторые изменения, эти следы уже в ходе литья воспроизвелись в металле. Причем некоторые из этих нарезок, судя по следам «расчесов», были даже частично стерты еще до литья из-за мягкости материала модели (фото 3 А и 9 Б).

Однако, по мнению сотрудников Государственного Эрмитажа Р. С. Минасяна и Е. А. Шаблавиной, видевших привеску, отлить такой предмет из бронзы по восковой модели со столь точной передачей деталей микрорельефа знаков очень сложно даже при современной технике, позволяющей нагнетать расплавленный металл в форму под высоким давлением.

Способ нанесения знаков: мнение Н. С. Курганова. Изучив поверхность бронзовой привески-амулета и очень информативные макрофотографии, сделанные трасологом Е. Ю. Гирей, я пришел к выводу, что знаки, имеющие искусственное происхождение, нанесены способом гравировки (или процарапывания). Они представляют собой неразрывные линии с плавным изменением глубины и наносились резким непрерывным движением. «Расчесы» можно интерпретировать как следы предварительной механической обработки предмета (например, напильником или оселком), впоследствии отполированные и покрытые минеральными слоями коррозии.

При трасологическом описании следов на привеске-амулете Е. Ю. Гиря большое внимание уделил рассмотрению техники нанесения знаков на поверхность предметов. Он сравнил характер следов на поверхности амулета с поверхностью металлических предметов и восковой модели. Но привеска в процессе археологизации постепенно покрывалась минерализованными слоями продуктов, образовавшихся в ходе естественных корро-

зионных процессов в почве. Эти минерализованные слои образовывались не равномерно. В основе процесса коррозии лежат сложные электрохимические механизмы. На толщину, химический состав и плотность данных минеральных слоев влияли самые разнообразные факторы: состав и равномерность сплава, обработка поверхности изделия, влажность почвы, электролитические характеристики свойства почвы и др. В результате – минеральный состав, цвет, локализация и плотность коррозионных пленок очень разнообразны. Естественно, что минеральные слои частично перекрыли рисунок, выполненный гравировкой на поверхности амулета. Перекрытые в некоторых местах линии гравировки при увеличении создали иллюзию перемычек, которые могут быть интерпретированы как дефект восковой модели, отпечатанный в литье.

Процесс изучения следов на поверхности археологических предметов из металла усложняется высокой степенью изменения поверхности в результате почвенной коррозии. Ни поверхность, покрытая минеральными корками, ни полностью очищенная поверхность металла не являются оригинальной поверхностью, которую будет корректно сравнивать со свежими следами на металле. Это все уже деградировавшая и видоизмененная поверхность, при изучении которой должно браться в расчет моделирование коррозионных процессов.

Подведение итогов дискуссии (Е. Ю. Гирия). Итак, по мнению реставратора Н. С. Курганова, «перемычки» возникли в результате неких электрохимических или иных естественных причин в процессе разложения поверхности бронзовой подвески во время залегания артефакта в культурном слое. Видоизменение поверхностного слоя бронзы в каких-то местах могло быть связано со строго локальными участками, где шли процессы восстановления металла. А «расчесы» могут быть следами напильника или оселка (абразива), возникшими в процессе производства. Чтобы согласиться с мнением реставратора, необходимо принять ряд допущений:

1. следы неутилитарного износа – это не сохранившиеся на патине древние следы (возникшие еще на «чистом» металле), а современные следы износа, возникшие уже на патине;

2. донные части гравировок подверглись иному виду коррозии, отличной от вида коррозии всей остальной поверхности привески;

3. некий третий процесс не уничтожал металл, а наращивал его в отдельных местах, создавая перемычки поперек каналов гравировок, не затрагивая при этом следов «расчесов».

Таким образом, получается, что процесс или процессы коррозии бронзы имитировали целый комплекс следов, существующих как на металлическом изделии, сделанном по восковой модели на заводе, так и на экспериментальной «восковой» (стеариновой) модели.

Получается, что имеющиеся у нас данные трасологического наблюдения появились в результате совпадения целого ряда признаков, сложносоставного корпуса следов, имеющих различное происхождение. Трудно принять на веру, что процесс коррозии металла так комплексно может проимитировать следы от литья и следы на восковой модели.

Предлагаемые Н. С. Кургановым эксперименты, связанные с искусственным «старением» камня, кости, дерева или металлов, всегда будут неточны в воспроизведении условий «старения» и, прежде всего, не могут соответствовать древним процессам по времени их моделирования. Однако понять, что и как видоизменяет патина, можно также и путем сравнительного анализа вещей из различных коллекций, имеющих различную степень сохранности. Нужно произвести необходимые экспериментальные эталоны и накопить достаточное количество наблюдений. Трасология металлических изделий, как это ни странно, недостаточно развита в отечественной археологии. Проблема состоит в незнании, в неизученности таких следов. Требуется создать корпус надежно определенных «классических» следов на металле, сравнение с которым позволит в дальнейшем делать более обоснованные заключения при трасологическом исследовании археологического материала.

Возможно, что заочная дискуссия, возникшая между археологами-специалистами по обработке металлов, археологами-трасологами и реставраторами по поводу происхождения следов на городищенской привеске, подвигнет кого-нибудь из молодых исследователей начать серьезную работу в этой интересной и очень востребованной области изучения следов как особого вида археологических источников.

В заключение авторы хотят выразить признательность всем коллегам, принявшим очное и заочное участие в обсуждении проблемы: сотрудникам Государственного Эрмитажа – Р. С. Минася-

ну, Е. А. Шаблавиной и С. В. Хаврину, сотруднику ИИМК РАН О. А. Щегловой, а также сотруднику Исторического факультета МГУ Н. В. Ениосовой.

Фото к Приложению Е. Ю. Гири, Н. С. Курганова, размещенные на обратной стороне обложки

Фото 1. Следы гравировки на поверхности бронзовой привески-амулета с Городища под Новгородом.

А – вид при косонаправленном освещении через объектив Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5× Macro Photo, увеличение 4 к 1.

Б – вид тех же следов под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением, увеличение ×25.

Photo 1. Traces of engraving on the surface of the bronze amulet-pendant from Gorodishche near Novgorod.

A – view in slanting light through Canon MP-E 65 mm f/2,8 1–5× Macro Photo lens, magnification 4 : 1.

B – view of the same traces through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens, magnification ×25.

Фото 2. Следы гравировки на поверхности бронзовой привески-амулета с Городища под Новгородом. Разрывы линий гравировки и характер рельефа поверхности артефакта.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. А – увеличение ×50. Б – увеличение ×100.

Photo 2. Traces of engraving on the surface of the bronze amulet-pendant from Gorodishche near Novgorod. Gaps in the engraved lines and the features of the relief of the surface of the artefact.

A, B – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. A – magnification ×50. B – magnification ×100.

Фото 3. Следы «расчесов» и следы гравировки на поверхности бронзовой привески-амулета с Городища под Новгородом. Разрывы линий гравировки и характер рельефа поверхности артефакта.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. А – увеличение ×50. Б – увеличение ×100.

дующим через объектив освещением. А – «расчесы», частично удалившие линию гравировки в левой части кадра, увеличение ×50. Б – увеличение ×100.

Photo 3. Traces of combing and engraving on the surface of the bronze amulet-pendant from Gorodishche near Novgorod. Gaps in the engraved lines and the features of the relief of the surface of the artefact.

A, B – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. Combing which has partly deleted the engraved line in the left area of the frame: A – magnification ×50. B – magnification ×100.

Фото 4. Следы экспериментальных гравировок на бронзе.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. А – увеличение ×100. Б – увеличение ×500.

Photo 4. Traces of experimental engravings on bronze.

A, B – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. A – magnification ×50. B – magnification ×100.

Фото 5. Дефект производства в виде «перемычки», разделившей букву «С» на две части, обнаруженный на золотом нательном крестике, сделанном методом отливки по восковой модели.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. А – увеличение ×25. Б – увеличение ×50.

Photo 5. A manufacturing defect in the form of a 'bridge' dividing the letter 'C' in two on a gold cross-pendant cast in the cire perdue technique.

A, B – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. A – magnification ×25. B – magnification ×50.

Фото 6. Дефекты в виде «перемычек», обнаруженные на золотом нательном крестике, сделанном методом отливки по восковой модели. Ямчато-бугристая поверхность донных частей рельефа изображения.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. Увеличение ×50.

Photo 6. Defects in the form of 'bridges' on the gold cross-pendant cast in the *cire perdue* technique. Pit-and-boss surface of the ground areas of the relief image.

А, Б – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. Magnification $\times 50$.

Фото 7. А – Дефект производства в виде «перемычки», обнаруженный на золотом нательном крестике, сделанном методом отливки по восковой модели. Б – ямчато-бугристая донная часть рельефа изображения.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. Увеличение $\times 200$.

Photo 7. A manufacturing defect in the form of a 'bridge' on a gold cross-pendant cast in the *cire perdue* technique. Б – Pit-and-boss surface of the ground areas of the relief image.

А, Б – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. Magnification $\times 200$.

Фото 8. Гравировка на поверхности стеарина со следами расчесов и «перемычек», возникших в результате выравнивания (удаления) заусенцев.

А, Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. А – увеличение $\times 25$. Б – увеличение $\times 100$.

Photo 8. Engraving on the surface of stearine with traces of combing and 'bridges' produced during levelling (removing) of the casting jets.

А, Б – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope lens. А – magnification $\times 25$. Б – magnification $\times 100$.

Фото 9. А – Следы расчесов на поверхности стеарина от протирания пальцами руки. Б – следы расчесов, частично удаливших следы гравировки на поверхности бронзовой привески-амулета с Городища под Новгородом.

А и Б – вид под металлографическим микроскопом Olympus со встроенным прямым, проходящим через объектив освещением. А – увеличение $\times 100$. Б – увеличение $\times 25$.

Photo 9. Traces of combing produced by human fingers on stearine surface.

А, Б – view through a metallographic microscope Olympus with direct lighting integrated into the microscope objective. А – magnification $\times 100$. Б – $\times 25$.

ОГОЛОВЬЯ С ЖЕЛЕЗНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ X в. ИЗ РАСКОПОК В ГНЁЗДОВЕ

В. В. Новиков¹

Накладки крестовидной формы – широко распространенный элемент в составе уздечных наборов на территории Евразии X в. Первоочередная задача таких накладок – фиксация пересечений ремней суголовья² (части оголовья верхового коня, включающей в себя также удила и повод). Кроме того, они несли и эстетическую функцию, являясь предметом украшения оголовья коня.

Среди крестовидных накладок более всего известны экземпляры, выполненные из цветного металла, богато орнаментированные и покрытые позолотой. Однако наравне с ними использовались и накладки, изготовленные из железных пластин, декорированные редким и простым орнаментом, а также подвергнутые процессу лужения внешней поверхности.

Археологические материалы из раскопок на территории Гнёздовского археологического комплекса содержат значительное число находок, связанных со снаряжением верхового коня. Среди них отдельную коллекцию составляют элементы уздечных наборов, выполненные из железа. Все обнаруженные к настоящему времени на территории Гнёздова накладки происходят из раскопок курганов. Общее число накладок составляет 9 экз. Три из них найдены в комплексе кургана Ц-93/Сиз-1896–1897 гг. во время раскопок В. И. Сизова в 1896–1897 гг.³ Еще два

предмета также связаны с курганами, раскопанными В. И. Сизовым (комплексы неизвестны). Кроме того, две накладки были найдены в кургане Л-167 из раскопок Д. А. Авдусина в 1989 г. и еще две – в разрушенном кургане Л-167/Авд-1989 (табл. 1).

Все накладки можно отнести к одному классу (Т1), который определяется по форме и количеству лопастей. Форма лопастей определяет вид (S1–S3), подвид же (a, b...) выделяется на основании формы центральной выпуклости, присутствия или отсутствия декоративного оформления, а в случае присутствия – варианта этого оформления. Все виды накладок крепились с помощью заклепок со шляпками и ромбовидными или прямоугольными шайбами, отверстия для которых сделаны в центре каждой лопасти. На некоторых накладках обнаруживаются следы лужения, которое должно было полностью покрывать внешнюю поверхность (табл. 2).

Первый вид (Т1S1a, Т1S1b) накладок отличается ромбовидным оформлением лопастей и представлен тремя экземплярами из кургана Ц-93/Сиз-1896–1897, а также накладкой из неизвестного комплекса из раскопок В. И. Сизова (рис. 1⁴). Размер накладок несколько отличается: S1a (рис. 1, 1, 2) – 7 × 7 см, S1b (рис. 1, 4) – 5,6 × 5,6 см. Центральная выпуклость имеет прямоугольную форму с заполнением в виде канавок, которые пересекаются друг с другом под углом 90° и образуют сетку. Более крупные экземпляры – S1a – орнаментированы циркульным орнаментом по краю лопастей и отличаются оформлением шляпок заклепок в виде розеток. Подвид

¹ Россия, 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. МГУ. Исторический факультет, кафедра археологии.

² *Суголовье* – система кожаных или тканых ремней, которая включает в себя нащечные, затылочный, налобный, наносный, подбородочный и подгубный ремни. Известны оголовья самых разных конструкций, как со всеми указанными ремнями, так и без одного из перечисленных – подгубного, налобного или наносного.

³ Курганы из раскопок в Гнёздове имеют следующую расшифровку: Л – лесная группа курганов, Ц – центральная группа курганов, Лб – левобережная группа курганов; «Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896–1897» – Центральная группа, курган № 93

© В. В. Новиков, 2013

по нумерации С. С. Ширина, курган № 69 по полевой нумерации В. И. Сизова, годы раскопок 1896–1897 гг. (*Ширинский*, 1999); Л-167/Авд-1989 – номера курганов, исследованных Д. А. Авдусиным, даются по отчетам экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова.

⁴ Рисунки и реконструкции оголовий выполнены А. С. Деметьевой.

Таблица 1. Находки железных накладок на пересечение ремней из Гнёздова**Table 1.** Finds of iron mounts for strap crossings from Gnezdovo

№	Предмет	Кол-во	Происхождение	Хранение
1	Накладка на пересечение ремней	3	Ц-93/Сиз-1896–1897	ГИМ, оп. 241, № 288, 289, 290
2	Накладка на пересечение ремней	1	?/Сиз-?	ГИМ, оп. 1798, № 17
3	Накладка на пересечение ремней	1	?/Сиз-?	ГИМ, оп. 241, № 268
4	Накладка на пересечение ремней	2	Л-167/Авд-1989	МГУ, оп. 1989, № 55, 57
5	Накладка на пересечение ремней	2	Л-?/? (разрушенный)	МГУ, оп. 2001, № 2, 3

Таблица 2. Классификация накладки на пересечение ремней с четырьмя лопастями из Гнёздова**Table 2.** Identification of the mount with four lobes for a strap crossing from Gnezdovo

	Класс	Вид	Подвид	Кол-во	Рис.
Накладки с четырьмя лопастями	T1				
Ромбовидные лопасти		S1			
Выпуклость в центре в виде прямоугольника с заполнением в виде сетки, циркульный орнамент по краю, заклепки с ромбовидными шайбами с рифлением			S1a	2	2, 1, 2
Выпуклость в виде прямоугольника с заполнением в виде сетки, циркульный орнамент по краю, заклепки с полукруглыми гладкими шайбами			S1b	2	2, 3
Прямоугольные лопасти		S2			
Выпуклость в центре в виде прямоугольника с заполнением в виде сетки, циркульный орнамент по краю, заклепки с полукруглыми гладкими шайбами, лужение			S2a	1	2, 1
Треугольные лопасти		S3			
Выпуклость в центре в виде ступенчатой пирамиды, насечка по краю лопастей, заклепки с полукруглыми гладкими шайбами, лужение			S3a	4	2, 2

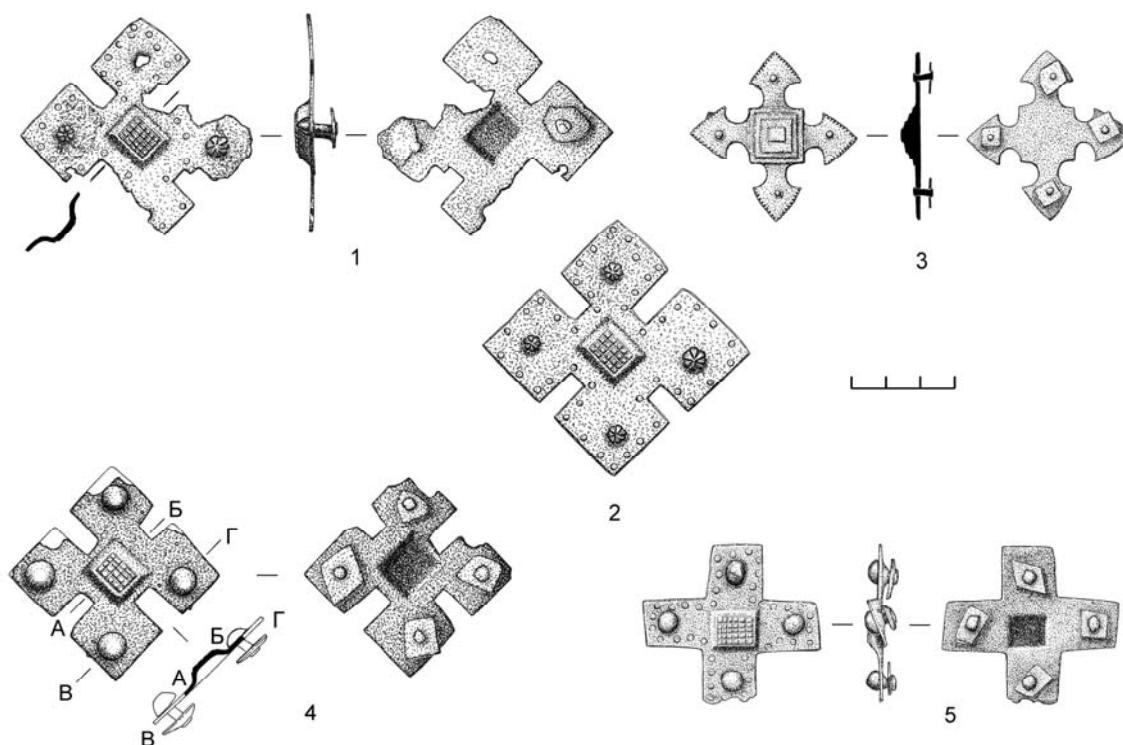
S1b также орнаментирован циркульным орнаментом, но с более значительным по сравнению с S1a интервалом; имеет гладкие полукруглые шляпки без орнамента.

Три накладки, обнаруженные в погребении кургана Ц-93/Сиз-1896–1897, совершенном по обряду трупосожжения, входят в состав одного уздечного набора (и это максимальное число накладок для одного оголовья, зафиксированное на памятнике), но при этом они относятся к разным подвидам (одна – S1a и две – S1b).

Накладки, идентичные подвидам S1a и S1b, происходят из погребения № 834 в Бирке, где найдены два уздечных набора с тремя и четырьмя крестовидными накладками (Arbman, 1943. S. 307). Помимо собственно накладок в состав обоих оголовий входят также удила с псалями в виде колец, относящиеся к IV типу по типологии А. Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1973. С. 16), кольца с трапециевидными распределителями, круглые накладки и пр. В кургане из Гнёздова, однако, каких-либо других элементов, связанных с оголовьем коня, не было (или они не сохранились).

В числе других предметов, обнаруженных в составе гнёздовского кургана, стоит отметить конские ледоходные шипы в количестве 3 шт. То же число шипов обнаружено и возле копыт одного коня в погребении № 834; второй конь из этого погребения имел только один ледоходный шип (Arbman, 1943. S. 304–308).

В качестве аналогий к интересующим нас накладкам можно назвать находки из ряда других курганов из раскопок в Бирке (погребения Bj 46, 449, 496, 581, 727, 944). В отличие от гнёздовских предметов, они имели не только прямоугольное, но и круглое оформление выпуклости в центре. Такие элементы оголовий обнаружены по меньшей мере в 10 погребениях по обряду труположения и 6 погребениях по обряду трупосожжения (табл. 3). В работе А.-Л. Форзакер, посвященной снаряжению верхового коня по материалам Бирки, эти накладки в сочетании с удилами с кольцевидными псалями и железными фиксаторами ремней оголовья и повода являются характерными чертами I типа оголовий (Forsåker, 1984. S. 115–116).

Рис. 1. Накладки на пересечение ремней:

1 – Смоленская обл., Гнёздово, курган ?/Сиз-? (ГИМ оп. 1798 № 17); 2 – Смоленская обл., Гнёздово, курган Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97 гг. (ГИМ оп. 241 № 288); 3 – Смоленская обл., Гнёздово, курган Л-?/Пуш-2001 (МГУ оп. 2001); 4 – Смоленская обл., Гнёздово, курган Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97 гг. (ГИМ оп. 241 № 289, 290); 5 – Смоленская обл., Гнёздово, курган ?/Сиз-? (ГИМ оп. 241 № 268).
1–5 – рисунки А. С. Дементьевой

Fig. 1. Mounts at strap crossings:

1 – Smolensk oblast, Gnyozdovo, barrow ?/Сиз-?; 2 – Smolensk oblast, Gnyozdovo, barrow Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97; 3 – Smolensk oblast, Gnyozdovo, barrow Л-?/Пуш-2001; 4 – Smolensk oblast, Gnyozdovo, barrow Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97; 5 – Smolensk oblast, Gnyozdovo, barrow ?/Сиз-?. 1–5 – drawings by A. S. Dement'eva.

Таблица 3. Погребения с накладками на пересечение ремней с четырьмя лопастями в Бирке (Швеция)

Table 3. Burials with mounts with four lobes for strap crossings from Birka (Sweden)

Место	Обряд	Кол-во накладок	Кол-во лошадей	Кол-во удил	Шипы ледоходные	Пол погребенных	Дата по монетам
Vj 11 A	тпс*	1					
Vj 46	тпс	1				муж.	
Vj 114A	тпс	1				муж.	
Vj 449	тпс	3					
Vj 914	тпс	4					
Vj 916	тпс	1					
Vj 496	тпп**	6	?		1?	жен.	900 гг.
Vj 581	тпп	4	2	2	4	жен.	913–933 гг.
Vj 710	тпп	2	1	1	1	муж.	
Vj 727	тпп	3	1	1	2	муж.	
Vj 752B	тпп	5	1	1	1	муж.	
Vj 834	тпп	7	2	2	4	муж.+жен.	818/819, 917/918, 925/926, 913–932 гг.
Vj 872	тпп	2	1	1		муж.	
Vj 944	тпп	8	1	1	1	муж.	
Vj 955	тпп	4	1	1	2	муж.	
Vj 965	тпп	4	1	1	2	жен.	913 (?)

* тпс – трупосоужение

** тпп – трупоположение

Длина накладок колеблется в промежутке от 3,5 до 5,6 см (*Forsåker*, 1984. S. 119). Все они имеют ромбовидные лопасти, центральная часть может быть оформлена в виде полукруглой выпуклости или прямоугольника с заполнением в виде сетки. В одном погребении могло содержаться от одной до восьми накладок. Данный тип украшений оголовья чаще всего сочетается с кольчатыми удилами (I тип удил по А. Н. Кирпичникову). В погребениях по обряду труположения оголовья с подобными украшениями всегда встречаются с лошадыми; обнаруживаются как в мужских (6 шт.), так и в женских (3 шт.) и смешанных (1 шт.) погребениях.

Интересен тот факт, что в погребениях по обряду трупосожжения подобные накладки обнаружены без каких-либо других элементов оголовий (удил, накладок и пр.) (*Ibid.* S.120). Такая же ситуация, вероятно, могла иметь место и в случае с курганами Ц-93/Сиз-1896–1897 и в Л-167/Авд-1989 в Гнёздове, однако мы можем рассматривать это только в качестве гипотезы, поскольку не можем однозначно утверждать, что курганы были исследованы полностью (подробнее об этом ниже).

Что касается реконструкции облика подобных оголовий, то, как предполагает А.-Л. Форзакер, эти элементы могли размещаться не только на пересечении нащечных, налобных и наносных ремней, но и, по-видимому, на дополнительных ремнях в оголовье (*Ibid.* S. 120). Иллюстрацию подобного решения можно увидеть на оголовье из камеры № 3 в погребения 54 А из Туми-Биенебек (Германия). Среди прочего в погребении было обнаружено 16 накладок в виде железных пластин длиной 4,3 × 4 см с ромбовидными лопастями без выпуклости в центре, которые размещались не только на пересечении ремней, но и равномерно по всем ремням оголовья (*Müller-Wille*, 1987. Abb. 6, 3).

В заключение характеристики первого вида накладок скажем, что в качестве варианта реконструкции внешнего облика уздечного набора из кургана Ц-93/Сиз-1896–1897 может быть предложено размещение накладок на местах пересечения нащечного ремня оголовья с налобным и наносным (рис. 2, 1).

Второй вид (Т1S2) накладок отличает прямое оформление лопастей (рис. 1, 5). Размер единственной имеющейся в нашем распоряжении накладки из неизвестного кургана из раскопок В. И. Сизова составляет 4,6 × 4,7 см. Цен-

тральная выпуклость прямоугольная с заполнением в виде канавок, которые пересекаются друг с другом под углом 90° и образуют сетку. По краю накладки размещен циркульный орнамент. Шляпки сделаны в виде полусферы, но на них декор отсутствует.

Прямые аналогии в настоящее время автору неизвестны, однако найденный экземпляр можно уверенно поставить в один ряд с обсуждавшимися выше накладками с ромбовидными лопастями и полукруглыми шляпками заклепок, обнаруженными в Бирке в погребениях Bj 944, 955, 752 В и др. (*Arbman*, 1940. Taf. 22; 24; 25; 28, 1).

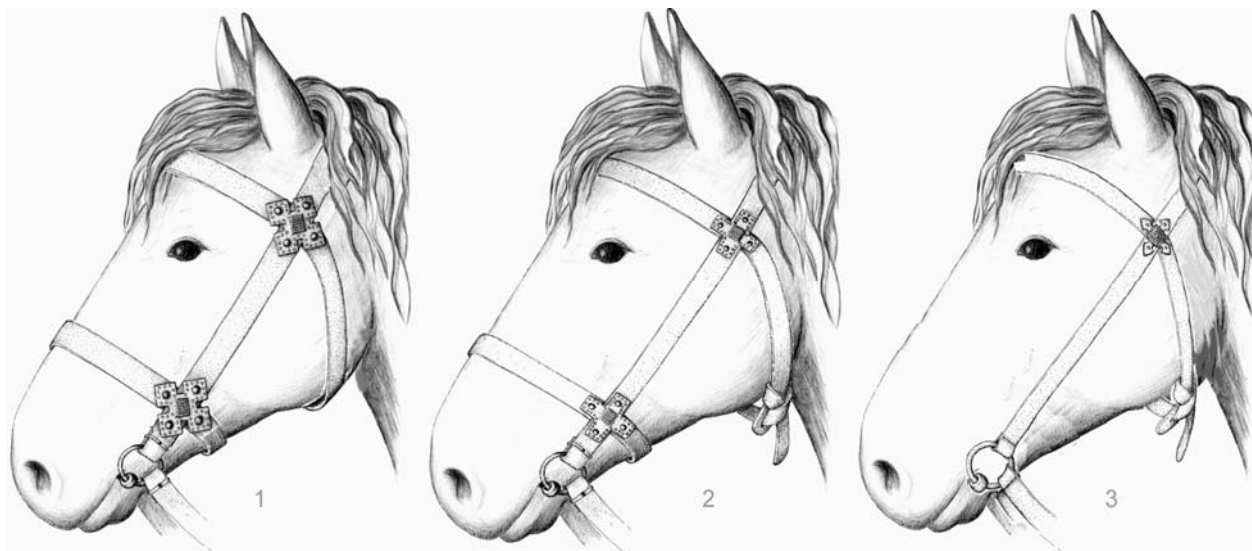
Предполагаемая реконструкция внешнего облика оголовья допускает парное размещение с обеих сторон головы лошади на пересечении налобного и нащечного ремней (рис. 2, 2).

Третий вид (Т1S3) накладок имеет треугольное оформление лопастей (рис. 1, 3). По сравнению с накладками первого и второго типов эти предметы меньше по размеру (4,5 × 4,5 см) и при этом более изящны по форме. Центральная часть украшена пирамидальной выпуклостью, а края лопастей оформлены насечкой. Шляпки заклепок полукруглые, маленькие. На внешней поверхности накладки сохранились следы лужения. Этот вид представлен двумя находками из кургана Л-167/Авд-1989 и еще двумя – из разрушенного кургана в лесной группе. Других предметов, связанных со снаряжением коня и всадника, в этих курганах не обнаружено.

В качестве аналогий в данном случае можно привести 5 накладок размером 3,5 × 3,5 см от уздечного набора № 3 из погребения в Ладбю в Норвегии. Они имеют похожее треугольное (стреловидное) завершение лопастей, оформление центральной части в виде приподнятой пирамиды, орнамент в виде елочки. Как и предметы из Гнёздова, они были покрыты лужением. Кроме накладок в состав уздечного набора входили также удила с орнаментированными псалиями в виде штанги и другие орнаментированные металлические элементы украшений сбруи и повода (*Sørensen*, 2001. P. 83–84).

Вероятная реконструкция внешнего облика оголовья третьего вида предполагает размещение накладок на пересечении налобного и нащечного ремней (рис. 2, 3).

Хронология. Хронологические рамки бытования оголовий с железными четырехлопастными накладками на территории Древней Руси определяются на основании датировки закрытых

Рис. 2. Реконструкция уздечных наборов с железными элементами из Гнёздова:

1 – уздечный набор из кургана Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97 гг.; 2 – уздечный набор из кургана ?/Сиз-? (ГИМ оп. 241 № 268);

3 – уздечный набор из кургана Л-167/Авд-1989 г. и Л-?/Пуш-2001 г.

1-3 – рисунки А. С. Дементьевой

Fig. 2. Reconstruction of bridle sets with iron elements from Gnyozdovo:

1 – bridle set from barrow Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97; 2 – bridle set from barrow ?/Сиз-? (ГИМ оп. 241 № 268);

3 – bridle set from barrows Л-167/Авд-1989 г. and Л-?/Пуш-2001.

1-3 – drawings by A. S. Dement'eva`.

погребальных комплексов. На сегодняшний день хронологическим маркером для погребальных комплексов Гнёздова может служить время появления гончарного круга и круговой керамики (Каменецкая, 1998. С. 125). В настоящее время выводы, сделанные Е. В. Каменецкой на основе изучения керамики, подтверждаются и материалами раскопок на территории пойменной части селища (Мурашева и др., 2007. С. 71). Выделяются два хронологических периода: «безгончарный» (до 30-х гг. X в.) и «гончарный» (после 30-х гг. X–начало XI в.). Соответственно, обнаружение в закрытом комплексе гончарной керамики указывает на то, что курган сооружен не ранее второй четверти X в. Необходимо отметить, что лепная керамика бытовала в Гнёздове вплоть до начала XI в., и наличие в погребении только лепных сосудов не может быть датирующим признаком. Хорошим примером служит курган Лб-1/Авд-1987, в инвентаре которого сочетаются ранние овальные фибулы (тип 37, по Я. Петерсону), серьга «нитранского типа», набор каменных бус, монеты, старшая из которых относится к рубежу IX–X вв., и лепная керамика наравне с поздними равноплечими фибулами (типы 52–55, по Я. Петерсону) и круговыми поливными сосудами. Курган уверенно

датируется второй половиной X в. (Пушкина, 1993. С. 113–115).

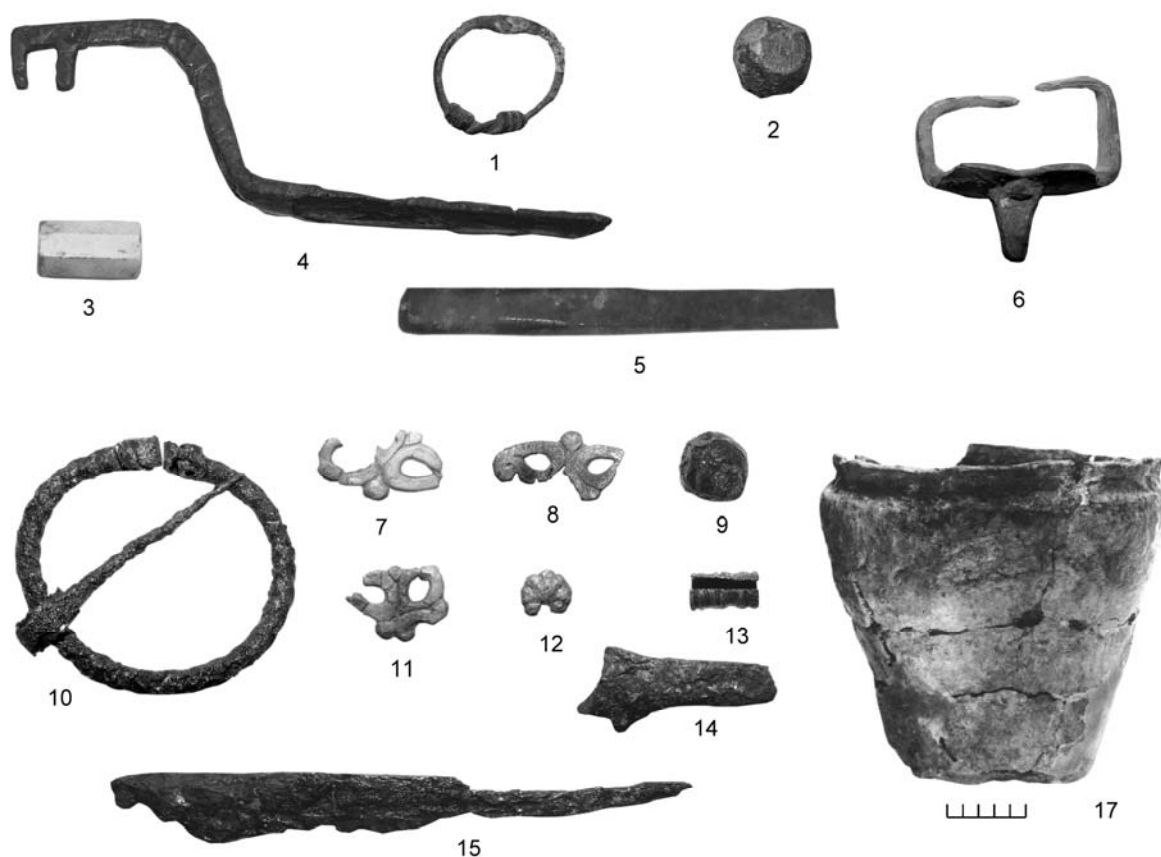
Здесь необходимо заметить, что все находки накладок из Гнёздова происходят из курганов, которые мы не можем назвать «непотревоженными» или полностью исследованными. В частности, курган Ц-93/Сиз-1896–1897 гг. из раскопок В. И. Сизова, охарактеризованный им самим как «небольшой» по размерам (Ширинский, 1999. С. 111), согласно применявшейся в XIX в. методике археологических раскопок исследован «колодецем», а не полностью, а курган Л-167/Авд-1989 был потревожен грабительской ямой, которая дошла до уровня кострища (Авдусин, 1990. С. 48). В этой связи мы не можем быть совершенно уверены в том, что обладаем полной информацией об этих комплексах.

Как следует из дневников В. И. Сизова, на кострище кургана Ц-93/Сиз-1896–1897 помимо трех железных накладок на сбрую были обнаружены также круговой сосуд с клеймом в виде сложного «символа огня», коленчатый ключ с двумя зубцами (рис. 3, 4), сердоликовая восьмигранная бусина (рис. 3, 3), перстнеобразное височное кольцо с завязанными концами (рис. 3, 1), бочонковидная гирилка весом 12,8 гр. со знаками кратности (рис. 3, 2), три ледоходных шипа

(конских) (рис. 3, 6), долото (рис. 3, 5) (*Ширинский, 1999. С. 111, Рис. 21: 1.91*). Указанные предметы в целом могут быть датированы X в., однако наличие круговой керамики позволяет отнести комплекс ко времени не ранее 30-х гг. X в.

Курган Л-167 из раскопок Д. А. Авдусина располагался в южной части Лесной группы. Полусферическая насыпь была около 11 м в диаметре и достигала 1,43 м в высоту. Вокруг кургана зафиксирован ровик шириной от 0,75 м до 2,1 м с перемычкой на северо-западе. При разборе насыпи были найдены пронизка цветного металла (в поддерновом слое) (рис. 3, 13), фрагменты донца и стенок кругового сосуда (в поддерновом слое), обломки железного ножа (рис. 3, 14), а также лепной сосуд (урна) (рис. 3,

17) с кальцинированными костями и железным ножом (рис. 3, 15), стоявший в нормальном положении. На кострище обнаружены остатки деревянной конструкции из деревянных плах, крестовидные накладки на сбрю, гирька бочонковидной формы 12,8 гр. (рис. 3, 9), детали украшения сумки (рис. 3, 7, 8, 11, 12), подковообразная фибула (рис. 3, 10). Курган был сооружен по обряду трупосожжения на месте (*Авдусин, 1990. С. 48–57*). Датировка указанного кургана возможна только на основании присутствия керамики. В нашем распоряжении имеется лепной сосуд из погребения и фрагмент круговой керамики из поддернового слоя. Вполне вероятно, что круговой фрагмент донца мог попасть на насыпь и в более позднее время. Здесь в качестве

Рис. 3. Инвентарь из кургана Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97 гг. (1–6):

1 – кольцо височное перстнеобразное; 2 – гирька бочонковидная; 3 – бусина сердоликовая восьмигранная; 4 – ключ коленчатый; 5 – долото; 6 – шип ледоходный (конский).

Инвентарь из кургана Л-167/Авд-1989 г. (7–16):

7–8, 11–12 – детали украшения сумки; 9 – гирька бочонковидная; 10 – фибула подковообразная; 13 – пронизка; 14–15 – ножи железные; 16 – сосуд лепной (урна).

Fig. 3. Grave goods from barrow Ц-93 (к. 69)/Сиз-1896-97 (1–6):

1 – signet-like temple ring; 2 – barrel-shaped balance weight; 3 – octahedral cornelian bead; 4 – cranked key; 5 – chisel; 6 – horseshoe ice crampon.

Grave goods from barrow Л-167/Авд-1989 (7–16):

7–8, 11–12 – parts of bag ornament; 9 – barrel-shaped balance weight; 10 – horseshoe-shaped brooch; 13 – bead; 14–15 – iron knives; 16 – handmade vessel (urn).

важного дополнения можно использовать данные о сооружении кургана Л-168/Авд-1989. Согласно отчету, на основании стратиграфических данных установлено, что курган Л-167 перекрывает курган Л-168, который был сооружен раньше (Там же. С. 68). В кургане Л-168 обнаружен развал подправленной на кругу урны, фрагменты круговой керамики, нож, оплавленные бусины, мозаичная бусина. И поскольку приведенный набор предметов очевидно указывает на время сооружения кургана не ранее 30-х гг. X в., можно констатировать, что и курган Л-167 также не мог быть возведен ранее этого времени.

Датировка гнёздовских курганов уточняется материалами из погребальных комплексов на территории Скандинавии. В случае с погребениями из Бирки, содержащими накладку, аналогичные гнёздовским, мы будем опираться на датировку только монетного материала, дающего вполне четкую нижнюю границу сооружения погребения. В частности, четыре из 16 упомянутых в работе погребений содержали находки арабских монет (табл. 3). Одно из них (Вj 496) датируется временем не ранее 900 г., а три (Вj 581, 834, 965) – временем не ранее первых десятилетий–первой четверти X в. В числе последних и курган № 834, в котором были обнаружены накладки, идентичные находкам из кургана Ц-93/Сиз-1896–1897. Такая датировка не противоречит ситуации с находками из Гнёздова. Следует отметить в целом хронологическое соответствие попадания элементов оголовья подобно-го типа в погребениях и Бирки, и Гнёздова.

Уздечный набор № 3 из Ладбю А. Соренсен относит к первой половине X в. (Sørensen, 2001. P. 86). Эта дата также не противоречит датировке погребения Л-167/Авд-1989.

Подводя итоги, еще раз отметим, что оголовья с железными четырехлопастными накладками

– популярный тип уздечного набора, который, судя по материалам двух крупных могильных комплексов эпохи викингов (Гнёздово и Бирка), получил широкое распространение на Руси и в Швеции. Кроме того, накладки подобного облика в этот период встречаются на территории Германии и Норвегии. Находки из Гнёздова распределяются на три вида, датируются временем не ранее первой четверти–30-х гг. X в. и могут быть с уверенностью названы типично северным (скандинавским) украшением оголовья верхового коня.

Авдусин, 1990 – Авдусин Д. А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №14736. М., 1990.

Каменецакая, 1998 – Каменецакая Е. В. Керамика Гнёздова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология. Традиция и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998.

Кирпичников, 1973 – Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973 (САИ; Вып. Е1–36).

Мурашева и др., 2007 – Мурашева В. В., Енисова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнёздовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.

Пушкина, 1993 – Пушкина Т. А. Раскопки Гнёздова левобережного // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 1993.

Ширинский, 1999 – Ширинский С. С. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Ч. I: Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999 (Труды ГИМ. Памятники культуры; Вып. 36).

Arbman, 1940 – Arbman H. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940.

Arbman, 1943 – Arbman H. Birka I. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943.

Forsåker, 1984 – Forsåker A.-L. Zaumzeug, Reitausrüstung und Beschirung // Birka II: 2 Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.

Müller-Wille, 1987 – Müller-Wille M. Das wikingerzeitlicher Gräberfeld von Thumy-Bienebek (Kr. Rendsburg-Eckernförde): Teil II. Neumünster, 1987.

Sørensen, 2001 – Sørensen A. C. Ladby. A danish Ship-Grave from the Viking Age. Roskilde, 2001.

Bridle Straps with Iron Elements of the 10th Century from Excavations in Gnizdovo

V. V. Novikov

This article presents the finds of iron details of bridle sets yielded by excavations of the Gnizdovo archaeological complex. Now, nine objects of this kind uncovered in kurgans are known. These finds present cross-shaped mounts placed at strap crossings. Often they are decorated with a simple circu-

lar design and tinned. Analogous objects come from Scandinavia and Germany where they generally are dated to the 10th century. In this article, variants of reconstruction of bridle straps with iron components of this type are proposed.

**ИЗУЧЕНИЕ МОНЕТ КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
В ПРОЦЕССЕ РЕСТАВРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА РАСКОПОК ПО АДРЕССУ:
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, СМОЛЬНЫЙ ПР., 17)**

Н. С. Курганов, К. В. Горлов¹

Введение. Нумизматический материал является одним из важнейших информативных исторических источников. Его изучение способно пролить свет на экономическую, политическую, культурную стороны жизни общества. Именно монеты в ряде случаев являются важнейшим датированным источником в процессе археологических раскопок, поэтому рассмотрение вопросов консервации и реставрации данной разновидности археологического материала является актуальным.

На протяжении истории человечества для чеканки металлических денежных знаков использовались самые разнообразные материалы от свинца и железа (Крым, Спарта) до золота и платины (Российская империя). Монетные металлы в различной степени подвержены коррозионным процессам. Во многом это зависит от агрессивности окружающей среды и от электрохимического потенциала металлов, входящих в сплав. Чем больше в сплаве, из которого отчеканена монета, содержится благородных металлов (серебро, золото), тем менее она подвержена коррозии. Неодинаковая сохранность монет из разных сплавов требует и различного подхода к реставрации. На сегодняшний день остается дискуссионным вопрос: как именно должна выглядеть монета после выхода из реставрационной лаборатории? В большей степени это касается монет из медных сплавов как наиболее часто встречающихся и имеющих интенсивные коррозионные наслоения.

---

¹ Курганов Н. С. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, кафедра реставрации.

Горлов К. В. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел охранной археологии.

© Н. С. Курганов, К. В. Горлов, 2013

История вопроса. К реставрации монет всегда было особое отношение. Мнение о том, как должны выглядеть монеты после реставрации, не совпадало с господствующей в начале прошлого века общей концепцией реставрации, согласно которой артефакты следовало вернуть в «изначальное» или «авторское состояние». На поверхности монет, в подавляющем большинстве случаев, считалось правильным оставлять «благородную патины».²

Так для собирателей монет одним из ведущих факторов при создании коллекций всегда была эстетическая сторона материала. Предпочтение отдавалось монетам с красивой «благородной патиной», несшей в себе отпечаток старины. Эту позицию разделяли многие ученые и реставраторы начала прошлого века. Один из основоположников немецкой реставрационной школы Ф. Ратген на протяжении большей части своей деятельности склонялся к полной очистке металлических древностей от коррозионных корок, для того чтобы показать оригинальную поверхность предмета. Однако на монетах «благородную патины» рекомендовал оставлять (Rathgen, 1924). Сторонники сохранения патины времени К. Финк и Ч. Элдридж также расценивали ее не более чем декоративный элемент. Американские ученые критиковали реставраторов, которые чистят вещи до блестящего состояния, лишая их тем самым исторической поверхности (Fink, Eldridge, 1925).

В Санкт-Петербурге в начале XX в. сообщество собирателей древностей составляло более

---

² Под «благородной патиной» большинство исследователей понимает наслоения, имеющие цвет от темно-зеленого до синего, которые состоят из основных карбонатов меди (малахит, азурит) и достаточно стабильны при нормальных условиях.

50 человек и имело свой журнал, в котором обсуждались вопросы сохранения патины. Для коллекционеров всегда важна эстетика патины – например, ценилась зеленая патина, которая считалась не только красивой, но и свидетельствующей об археологическом происхождении монеты, о ее древности. К монете, имеющей археологическое происхождение, было отношение как к одной из диковинок, трофею неустанных поисков коллекционера. О научном изучении памятников нумизматики в контексте с «культурным слоем» в среде частных коллекционеров речи не шло.

Специалист по русской и античной нумизматике, член Императорского Русского Археологического общества, Алексей Васильевич Орешников высказывал негативное отношение к систематизации монет по «пропущенной запятой», «числу перьев в хвосте орла» и т. д. Ученый отмечал, что в таком случае нумизматический материал является не «вспомогательным для истории памятником», а объектом спортивного интереса, забавой, «как забавляются собиратели почтовых марок, сигарных оболочек, бутылочных этикеток» (Орешников, 1915).

Эстетический подход к сохранению патины на монетах был присущ не только коллекционерам начала прошлого века. Известный археолог и нумизмат А. К. Марков, занимавшийся реставрацией монет, тоже считал необходимым сохранение коррозионных слоев на монетах (Марков, 1908).

Существовал и другой взгляд на данную проблему. Еще в середине XIX в. археолог В. К. Савельев, которому принадлежит ряд трудов, посвященных изучению нумизматического материала как исторического источника, предпочитал очищать монеты от коррозионных наслоений перед их изучением. В отношении того, как должна была выглядеть монета после чистки, он утверждал следующее: «...многие нумизматы и враги такой чистки, но я без угрызения совести грешу против их правила, и всякую монету, вырытую из земли, очищаю ото ржи и накипи, которые не считаю необходимой принадлежностью монеты» (Савельев, 1856. С. 90). Для исследователя стремление к изучению монеты превалировало над эстетическими принципами коллекционеров. Если патина мешала изучению типа металла из которого монета была отчеканена, или разбору легенды – ее следовало удалять.

С течением времени мнение о том, что «благородная патина» должна при чистке монеты сохраняться, вполне укрепилось. О. В. Васильева называла ее своеобразным аттестатом древности предмета (Васильева, 1977). М. С. Шемаханская также выступала за сохранение патины на артефактах. Коррозионные наслоения, по ее мнению, способствуют сохранению археологического вида предмета. Но при этом реставратор отмечала, что в ряде случаев патина может скрывать мелкие детали древнего предмета (Шемаханская, 1980; 1989). В ее публикации не уделяется особого внимания монетам, а у монет рельеф невысокий по сравнению с ювелирными изделиями, и коррозионные наслоения часто скрывают частично или полностью рельеф монеты.

В настоящее время дискуссия о сохранении патины вполне актуальна. В большинстве случаев при реставрации нумизматического материала декларируется сохранение «благородной патины» как аттестата древности, усиливающего эстетическую значимость монеты. Большинство коллекционеров по-прежнему не принимается в расчет необходимость изучения монеты как важнейшего исторического источника, тесно связанного с археологическим слоем. Это видно по количеству нумизматического материала, проходящего через интернет-сайты современных любителей древностей. Зачастую монеты, обсуждаемые или продающиеся на этих сайтах, имеют археологическое происхождение, но, изъятые из контекста, не представляют более ценности как датирующий материал для археологов.

Реставрационный процесс. В ходе охранных археологических раскопок, проходивших в полевом сезоне 2012 г. и проводимых сотрудниками Отдела охранный археологии ИИМК РАН в Санкт-Петербурге на участке по адресу: Санкт-Петербург, Смольный пр., 17, был получен богатый нумизматический материал. В совокупности количество монет по полевой описи составило 1612 штук. В большей части денежные знаки были представлены низкими номиналами (полушки, деньги, копейки), время чеканки которых ограничивалось рамками 30-х гг. XVIII–40-х гг. XX вв. Этот материал отражал денежное обращение в Российской империи после денежной реформы 1730-х гг. до советского времени.

подавляющая часть монетного материала отчеканена из медных сплавов, также встречались и серебряные монеты. Монеты имеют различный характер коррозионных наслоений, что дает

Таблица 1. Методики реставрационной расчистки монет**Table 1.** Techniques of restorative cleaning of coins

Номер группы	Соотношение количества монет группы к общему числу (2000 шт.) в %	Состояние сохранности	Способ расчистки поверхности монет
1	30 %	Рельеф монеты не скрыт корроз. наслоениями	Щетинные щетки
2	30 %	Рельеф монеты частично скрыт слоем основных карбонатов меди	Скальпель, игла, бормашина с абразивными насадками, латунные щетки, дистилл. вода
3	40 %	Рельеф монеты полностью скрыт коррозионными наслоениями, перемешанными с почвой. Коррозия искажает форму монеты	10-процентный раствор сульфаминовой кислоты

нам основание разделить их на три группы для дальнейшей реставрации и изучения (табл. 1). Для каждой из групп подобрана методика расчистки, цель которой – максимальное раскрытие рельефа монет с сохранением археологической патины в тех случаях, когда это возможно. К *первой группе* отнесены монеты, поверхность которых покрыта тонкой пленкой куприта и почвенных наслоений, не скрывающих на рельефе монет номинал, дату и особенности чекана (рис. 1, 1а).

Ко *второй группе* отнесены монеты, на которых особенности рельефа частично скрыты почвенными и коррозионными наслоениями. Рельеф на таких монетах зачастую скрыт пленкой основных карбонатов меди, локальные образования которых мешали прочесть дату, знак минцмейстера или особенности чекана (рис. 1, 2а).

В *третью группу* включены монеты, имеющие мощные поверхностные коррозионные наслоения из основных карбонатов и хлоридов меди, иногда с включением частиц земли, строительного мусора, угля. Коррозионные корки скрывали не только рельеф монеты, но и мешали измерению таких характеристик, как вес, диаметр и толщина (рис. 1, 3а). Металлическая

поверхность и рельеф под пленкой окислов достаточно рыхлые со случайными кавернами от коррозии.

Первая группа монет подвергалась только частичной механической очистке с полным сохранением патины (рис. 1, 1б). Для этого использована бормашина с набором щетинных щеток различной жесткости. Удалялись почвенные наслоения, иногда частично сцементированные с патиной. В ряде случаев под слоем почвенных наслоений раскрывалась важная информация в виде даты чеканки денежного знака, а также инициалов минцмейстера. Например, в коллекции было несколько десятков монет номиналом две копейки 1812–1813 гг. вполне хорошей сохранности. Тонкий слой патины не скрывал полностью легенду монеты, но отдельные элементы чекана читались плохо, так как соединились с мелкими фрагментами почвы. Это произошло потому, что небольшое расстояние между элементами чекана, внутрь которых попадала почва, постепенно цементировалось с коррозией. В результате дата выпуска монеты и другая информация были скрыты.

Следует отметить, что «благородная патина» в некоторых случаях помимо декоративной

Рис. 1. Монеты российские медные:

1 – «Деньга» 1818 г. (шифр по полевой описи Т-12-Р4-120), а – до реставрации, б – после реставрации; 2 – «5 копеек» 1831 г. (шифр по полевой описи Т-12-Р3-337), а – до реставрации, б – после реставрации; 3 – «Полушка» 1770 г. (шифр по полевой описи Т-12-Р2-1198), а – до реставрации, б – после реставрации; 4 – «5 копеек» 1793 г. (павловский перечекал; шифр по полевой описи Т-12-Р2-1358); 5 – «5 копеек» 1763 г.; 6 – «10 копеек» 1796 г.; 7 – «Деньга» 1731 г. (перечеканка из 1 коп. Петра I; шифр по полевой описи Т-12-Р2-1338); 8 – «2 копейки» 1764 г. (шифр по полевой описи Т-12-Р1-580); 9 – «2 копейки» 1763 г. (шифр по полевой описи Т-12-Р2-84).

Fig. 1. Russian copper coins:

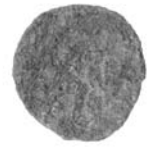
1 – ‘Denga’ of 1818 (field register number T-12-P4-120): a – prior to restoration, b – after restoration; 2 – ‘5 kopecks’ of 1831 (field register number T-12-P3-337): a – prior to restoration, b – after restoration; 3 – ‘quarter-kopeck piece’ of 1770 (field register number T-12-P2-1198): a – prior to restoration, b – after restoration; 4 – ‘5 kopecks’ of 1793 (Paul’s recoining; field register number T-12-P2-1358); 5 – ‘5 kopecks’ of 1763; 6 – ‘10 kopecks’ of 1796; 7 – ‘Denga’ of 1731 (recoined from ‘1 kopeck’ of Peter I; field register number T-12-P2-1338); 8 – ‘2 kopecks’ of 1764 (field register number T-12-P1-580); 9 – ‘2 kopecks’ of 1763 (field register number T-12-P2-84).

1a

2a

3a

16

26

36

4

5

6

7

8

9

функции выполняет роль защитной пленки, предохраняющей сплав от контакта с агрессивными газами. Поэтому не имеет особого смысла удалять ее без необходимости раскрытия рельефа. Да и натуральный блеск металла, появляющийся после удаления патины, несвойствен для монет из нелегированных медных сплавов. В процессе обращения монет их металл быстро окисляется и тускнеет и недолго блестит после чеканки на монетном дворе.

Монеты *второй группы* очищались от неравномерных наслоений с помощью более жестких щетинных и латунных щеток, в некоторых случаях алмазных боров. Также использовались штихеля, скальпели, игла и деревянные палочки. Пленки карбонатов меди достаточно жесткие для удаления их щетинными щетками, а при использовании химической очистки сложно контролировать удаление отдельных наростов на небольших участках. Поэтому было решено ограничиться только механической чисткой. После частичного удаления окислов на поверхности металла монеты сохранялась пленка естественной патины (рис. 1, 2б). Поскольку почвенные коррозионные наслоения покрывают металл неравномерно, то иногда цвет на различных участках монет был от темно-зеленого до коричневого. Данные оттенки цвета нивелировались общей тонировкой поверх монеты.

Для *третьей группы* монет характерны наиболее сильные коррозионные наслоения, сцементированные с вкраплениями почвы и песка. Подходящим способом для удаления коррозии такого рода является размягчение их в кислых растворах. Мы проводили обработку монет в 10-процентном растворе сульфаминовой кислоты ($\text{NH}_2\text{SO}_2\text{OH}$). Выбор в пользу именно химической очистки оправдан рядом факторов. Например, при механической очистке рельефа сильно корродированной монеты металлическими инструментами или абразивами есть большая вероятность нарушить контуры рисунка или надписи. Сульфаминовая кислота не растравливает медь, что исключает возможность повреждения рельефа монеты, сохранившегося на металле.

После обработки поверхность монеты представляет собой обнаженный металл без каких-либо коррозионных наслоений. С целью лучшего выявления рельефа монеты на ее поверхность наносился патинирующий состав. Применение искусственной патины дает возможность выявления рисунка монеты за счет изменения оттен-

ков на выступающих частях рельефа по отношению к фону (рис. 1, 3б).

После раскрытия все монеты подвергались промывке от хлоридов и стабилизации поверхности металла и продуктов коррозии с помощью растворов бензотриазола. Впоследствии на все монеты были нанесены защитные пленки микрористаллического воска.

При реставрации в *первую и вторую группы* вошли все монеты, отчеканенные после 1777 г. Важен тот факт, что с этой даты были введены новые правила чеканки монет Павлом I. Он прекратил перечеканивать монеты и использовал только новые монетные кружки при чеканке. Патина была сохранена на ряде монет с более ранними датами выпуска в случаях, когда читаемой для исследователя оставалась практически вся информация, нанесенная на монету при чеканке. Изучению монет, отчеканенных ранее этой даты, было уделено особое внимание, поскольку скрытыми под патиной могли остаться элементы, говорящие о том, что данная монета перечеканивалась из другой монеты.

Результаты наблюдений. После применения механической или химической очистки на монетах были раскрыты «монетные легенды», включающие номиналы, даты чеканки, названия монетных дворов, инициалы минцмейстеров, рисунок гурта и т. д. К примеру, на одной из монет до расчистки читался только номинал (рис. 1, 2а). После удаления части окислов помимо декоративных элементов на реверсе в области читаемости оказались буквы «Е М», свидетельствующие о том, что данная монета была отчеканена на Екатеринбургском монетном дворе (Уздеников, 2011). На аверсе был раскрыт год чеканки «пятак» – 1831, а также литеры «Ф Х», говорящие о том, что должность минцмейстера на данном временном этапе занимал Федор Хвоцинский (Там же) (рис. 1, 2б).

В ходе расчистки монет от коррозионных наслоений на некоторых были обнаружены рельефные изображения, чужеродные контурам рисунка аверса, реверса и гурта. Данный факт позволяет отнести данные денежные знаки в группу монет «перечеканов». При их изготовлении оттиск штемпеля ставился не на гладкий кружок-заготовку, а на ранее отчеканенную монету (Снасский, 1970). Институт перечеканки монет в Российской империи XVIII в. имел довольно крупные масштабы. На ряде монетных кружков можно обнаружить до пяти рельефов, относя-

щихся к разновременным денежным знакам (Уздеников, 1994). В целом этот процесс относительно хорошо изучен и имеет достаточно подробное отображение в научной литературе. В данной работе мы приведем лишь несколько наиболее интересных и редко встречающихся «перечеканов», имеющих научный интерес. Так, в ходе расчистки от коррозионной корки медной монеты номиналом 5 копеек с датой чеканки 1793 г. на аверсе были зафиксированы части слабо читаемых рельефов, принадлежащих к «композициям» монет, отчеканенных на данном монетном кружке в более раннее время (рис. 1, 4).

При внимательном рассмотрении слабо выработанных деталей рельефа нами было установлено, что они принадлежат к двум разновременным эмиссиям. Так, к первой из них относятся следы слабо читаемого оттиска, являющего часть вензеля Екатерины II, принадлежащего медной монете номиналом 5 копеек образца 1763 г. (рис. 1, 5). К части монограммы следует отнести фрагмент литеры «I», и «E», а также римскую цифру II, соответственно являющиеся частью титула самодержицы «Екатерина II императрица». Следующие элементы относятся к монете номиналом 10 копеек 1796 г. чеканки (рис. 1, 6).

Эта эмиссия была проведена по инициативе П. Зубова с целью оздоровления экономики. Среди выявленных элементов «гривенника» следует привести следы от десяти точек, которые в свое время должны были указывать на номинал монеты неграмотным людям. Также к элементам аверса «зубовской монеты» относится часть слабо читаемого вензеля Екатерины II, а именно нижняя часть литеры «E». На реверсе были зафиксированы следы параллельных линий, отделявших номинал денежного знака от даты его чеканки (рис. 1, 4). Император Павел I при восшествии на престол отказался от продолжения чеканки «легкой монеты» и прервал ход незавершившейся «Зубовской реформы». Уже готовые, но не выпущенные в обращение монеты были вновь перечеканены в медные копейки образца 1763 г., при этом на них ставился не 1796 г., а более ранние даты, например 1793 г., как в данном случае. Долгое время в научной литературе «павловский перечекан» представлялся как одна из причуд императора. В. В. Уздеников опроверг это мнение, приведя ряд убедительных доводов, обосновывающих данное решение (Уздеников, 1994). Раскрытие следов

более ранних штемпелей в данном случае является довольно интересным открытием, так как при указанных выше перечеканках на монетных дворах применялись новые технологические методы. Они в значительной степени повысили качество перечеканки, практически полностью скрывая следы, принадлежащие более ранним денежным знакам (Шунин, 2004). Так, например, следы от «первой чеканки» образца 1763 г. под «зубовским» и «павловским» перечеканками встречаются чрезвычайно редко.

Среди обнаруженных «перечеканов» можно выделить деньгу 1731 г., оттиск которой был поставлен на копейке Петра I (рис. 1, 7).

От ранней монеты сохранилась часть круговой надписи: «црь и великий князь Петръ алезиевичь», а также элементы от московского герба в виде всадника с копьем. На реверсе был выявлен рельеф, принадлежащий легенде, обрамляющей номинал, и год денежного знака: «всея России самодержец». Данный экземпляр свидетельствует о снижении монетной стопы, произошедшем в самом начале правления императрицы Анны I (Уздеников, 1994).

Екатерина II, вступив на престол, велела перечеканить часть медных монет Петра III с уменьшением номинала в два раза. Свидетельством этого является ряд монет, несущих либо на аверсе, либо на реверсе следы «арматурных копеек» (рис. 1, 8).

Так, на лицевой стороне монеты «две копейки» 1764 г. были выявлены слабовыраженные следы древков знамен, составлявших в свое время композицию монет эмиссии 1762 г. Части слов, обозначающие достоинство монеты «четыре копейки», были раскрыты еще на одном денежном знаке, выпуск которого в обращение относится к 1763 г. (рис. 1, 9).

Следует отметить, что в данном случае выявление следов более ранних штемпелей стало возможным только при полной очистке монетного кружка от коррозионных наслоений, в том числе патины.

Выявление и изучение монет-перечеканов способствует раскрытию финансово-экономической истории государства, изучению технологии монетного производства. Иногда даже говорит о чертах характера правителя империи и его политических мыслях.

Заключение. В вопросе о сохранении или удалении патины с монет в процессе реставрации надо учитывать не только происхождение

и сохранность монеты, но и ценность информации на монете, которая может раскрыться после расчистки. Если монеты являются датирующим материалом на археологических раскопках, то информативность легенды бывает важнее эстетики археологической патины. Используя различные подходы к удалению почвенных и коррозионных наслоений, зачастую можно увеличить информативность монеты, сохранив при этом естественную патину.

При принятии решения о необходимости сохранения или удаления патины и загрязнений можно руководствоваться как состоянием и характером почвенных наслоений, так и особенностями истории чеканки монет. Опираясь на историю чеканки монет XVIII–XX вв., с которыми мы работали, материал можно разделить на две хронологические группы. Границей между ними следует определять 1777 г. С этой датой соотносится прекращение практики перечеканки монет в России. Император Павел I заботился больше своих предшественников о внешнем виде денежных знаков, тем самым повышая престиж Российской империи на международной арене. Начиная с этого времени старые монеты шли на переплавку, а новые чеканились на чистых заготовках. Следовательно, для нумизматической науки область исследования таких монет будет ограничена изучением дат, бандеролей, т. е. той информации, которая была отражена на монетном кружке при единственной чеканке. В редких случаях на таких монетах могут остаться следы двойного удара штемпеля или какой-либо иной технической брак, который указывает на слу-

чайность и человеческий фактор при производстве монет. Подобные бракованные монеты, как правило, представляют интерес для коллекционеров, занимающихся поисками «дикивинок».

В данной работе был использован относительно поздний материал, но непосредственно дифференцированный подход в принятии решения перед реставрацией может быть использован в случае с более ранними монетами.

- Васильева*, 1977 – *Васильева О. В.* Чистка древних монет из нумизматических коллекций // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики. Л., 1977.
- Марков*, 1908 – *Марков А. К.* О чистке древних монет. СПб., 1908.
- Орешиников*, 1915 – *Орешиников А. В.* Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). М., 1915. Т. 2.
- Савельев*, 1856 – *Савельев В.* Русские монеты, найденные в 1854 году, близ Казани // Записки Императорского Русского Археологического общества. СПб., 1856. Т. 9. С. 90.
- Спасский*, 1970 – *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Л., 1970.
- Уздеников*, 1994 – *Уздеников В. В.* Монеты России XVIII–начала XX в.: Очерки по нумизматике. М., 1994.
- Уздеников*, 2011 – *Уздеников В. В.* Монеты России 1700–1917. 4-е изд. М., 2011.
- Шемаханская*, 1980 – *Шемаханская М. С.* Проблемы реставрации археологического металла. М., 1980.
- Шемаханская*, 1989 – *Шемаханская М. С.* Реставрация металла: Методические рекомендации. М., 1989.
- Шулин*, 2004 – *Шулин А. И.* Технология перечеканки медной монеты в России (1796–1797 гг.) // Нумизматика. М., 2004. №1 (4).
- Fink, Eldridge*, 1925 – *Fink Colin G., Eldridge Charles G.* The Restoration of Ancient Bronzes and Other Alloys, Metropolitan Museum of Art. New York, 1925.
- Rathgen*, 1924 – *Rathgen Friedrich.* Die Konservierung von Altertumsfunden. Handbücher der Staatlichen Museum. Berlin; Leipzig, 1924. II, III Teil: Metalle und Metallegierungen. Organische Stoffe. Zweite Umgearbeitete Auflage.

Investigation of Coins as Archaeological Evidence in the Course of their Restoration (Finds from Excavations in St. Petersburg, Smol'ny Avenue, 17)

N. S. Kurganov, K. V. Gorlov

In this article, an attempt is presented of a methodological advancement in the sphere of restoration of numismatic finds. Different views of restorers and numismatists as to how a coin should look after cleaning are stated. After the example of numismatic finds from excavations in Tul'skaya Str., St. Petersburg, it is demonstrated that the aesthetic approach for preservation of the 'noble' pa-

tina, in some cases, can decrease the information value of a coin as an important historical source. Studies of Russian coins of the 18th and 19th centuries have indicated that analytical treatment and careful examination during the process of restoration are able to yield not only information on the coin legends but also about the history of their overstriking.

Актуальные проблемы археологии

МЕТОДИКА ПОТОКОВОГО АНАЛИЗА ПРОДУКТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОГРАММ РАСПОЗНАВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ

А. Ю. Тарасов, М. Б. Зобков¹

Потоковый анализ продуктов расщепления. Общие принципы. Потоковый (массовый) анализ массовых источников заключается в определении некоторого количества признаков одновременно у множества предметов и является альтернативой работе с каждым предметом по отдельности. Предлагаемая статья представляет собой обоснование и описание разработанной нами методики автоматизированного потокового анализа массового археологического материала. Методика позволяет осуществлять относительно быстрый подсчет и определение размеров множества (многих тысяч) предметов. Такие предметы могут представлять собой разного рода отходы из комплексов древних поселений или стоянок-мастерских. В абсолютном большинстве случаев это сколы-отходы от производства каменных орудий, однако теоретически методика может быть применена и к отходам другого рода – мелким фрагментам керамики, кускам шлака или какого-либо минерального сырья, а также фрагментам предметов из органических материалов относительно хорошей сохранности.

При всей информативной скудости такого рода источников статистический анализ их особенностей, а также особенностей их распределения по площади памятника позволяет выявить некоторые характерные черты в поведении

древних коллективов, связанные с организацией их производственной и бытовой деятельности. Такая деятельность может включать очистку территории, складирование сырья, отбор подходящих заготовок и отбрасывание предметов, негодных для дальнейшей обработки, и т. п. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом продуктов расщепления камня, и сама идея разработки предложенной методики возникла в связи с необходимостью анализа сверхбольшой коллекции сколов-отходов из стоянки-мастерской, состоящей из нескольких сотен тысяч предметов. В связи с этим методика рассматривается как часть технологического анализа каменных индустрий – метода, предполагающего анализ массового материала с целью установления технологии изготовления каменных орудий.

Технологический анализ каменных индустрий в последнее время становится одной из обязательных процедур при изучении такого источника, как коллекции каменных изделий из памятников периода каменного века–раннего металла. Технология является важной частью культурного арсенала тех или иных человеческих сообществ. Уже только по этой причине она должна учитываться наряду с формально-типологическими характеристиками каменных артефактов и тип-листами, построенными на основе этих характеристик, особенно в связи с тем, что сходные формы могут быть получены разными способами. Наряду с этим технологический анализ является одним из основных способов исследования древнего поведения, непосредственно демонстрируя выбор древнего мастера при поиске и добыче сырья, его транспортировке и обработке. Такая информация позво-

---

¹ Тарасов А. Ю. Россия, 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Зобков М. Б. Россия, 185030, г. Петрозаводск, пр. Александра Невского, д. 50. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт водных проблем севера Карельского научного центра РАН.

ляет переходить к оценке системы организации производства, в том числе ее ментальной и социальной составляющей, включая вопросы мобильности, специализации и т. п. Кроме того, она может быть использована для установления функционального назначения памятников. В настоящее время в результате длительных работ экспериментаторов реконструированы все основные техники обработки камня, использовавшиеся в древности, что позволило разработать действенные методики технологического анализа и включить их в набор аналитических инструментов для специалистов по каменной индустрии (*Whittaker, 1994; Гуря, 1997; Andrefsky, 1998; Нехорошев, 1999; Inizan et al., 1999; Odell, 2004*). Технологический анализ преимущественно предполагает оценку морфологических деталей каменных артефактов, диагностическая значимость которых для определения технологии базируется на представлении о закономерностях процесса расщепления (или других способов обработки камня), полученных в результате экспериментального опыта. Наряду с качественными характеристиками каменных изделий важная информация может быть получена и при изучении их метрических параметров, способных свидетельствовать о применяемой технике скола, стадии обработки, степени обеспеченности сырьем. По данной причине метрические признаки обычно учитываются в работах, посвященных реконструкции технологии обработки камня (*Callahan, 1979. P. 163–169; Knutsson, 1988. P. 89–103; Волков, Гуря, 1990; Гуря, 1997. С. 69; Shen, Wang, 2000; Manninen et al., 2003. P. 170–172* и литература, на которую ссылаются авторы; *Поплевко, 2003; 2007. С. 222, 257–259; Тарасов, 2008; Kriiska et al., 2011, и др.*).

Помимо законченных орудий и нуклеусов исследование технологии в обязательном порядке требует анализа отходов производства и заготовок, оставленных на разных стадиях производственного процесса, что многократно увеличивает как базу источников, так и время, необходимое для проведения такого анализа. Нередко размеры выборок каменных изделий, подлежащих подробному технологическому анализу, вполне приемлемые (от нескольких сотен до нескольких тысяч предметов), т. е. требуют серьезных затрат труда и времени. Собственный опыт одного из авторов данной статьи показывает, что один человек способен провести первичный анализ таких коллекций в течение от

одной недели до месяца. Тем не менее в некоторых ситуациях возникает необходимость проанализировать очень большие выборки, полученные при раскопках памятников с чистыми комплексами и с чрезвычайно богатым инвентарем (стоянки-мастерские) или раскопанных на большой площади. Такие коллекции могут насчитывать несколько десятков или даже сотен тысяч единиц.

Если условия позволяют, можно провести детальный анализ коллекции и такого размера. К благоприятным условиям относятся: наличие достаточного времени (несколько месяцев); возможность работать с ассистентами, что требует соответствующего финансирования; наличие оборудования, позволяющего максимально автоматизировать процесс ввода, например, электронного штангенциркуля с интерфейсом передачи данных, компьютера и тщательно разработанной базы данных, настроенной под максимально возможную автоматизацию. Например, в 2010 г. в ходе работы с материалами из раскопок поселения Завалишина 5 на Кольском полуострове в течение полугода были обработаны ок. 150 000 каменных предметов. Одновременно в заполнении базы данных участвовали от двух до четырех человек, которым удавалось вносить ок. 1000–2000 предметов в день. Надо отметить, что абсолютное большинство этих вещей было связано с биполярным расщеплением (имеется в виду расщепление на наковальне с использованием эффекта контрудара) и требовало описания минимального количества технологически значимых признаков, поскольку такое расщепление является одним из наиболее простых способов раскалывания камня.

Далеко не всегда исследователи имеют такие возможности. Гораздо чаще полный технологический анализ такой крупной коллекции означал бы настолько большие потери времени и других ресурсов, которые не оправдываются получаемой в итоге информацией. Кроме того, в однородных коллекциях после некоторого предела (установление которого является отдельной задачей) увеличение количества подробно описанных артефактов не меняет принципиально статистического распределения признаков. В связи с этим может быть достаточно проанализировать подробно только небольшую часть выборки. В то же время для решения некоторых, более узких задач бывает необходимо получить информацию о всей коллекции целиком.

Для подобных случаев рядом исследователей был предложен массовый или потоковый анализ («mass-analysis», «aggregate analysis») продуктов расщепления, точнее, сколов-отходов. Массовый анализ заключается в разделении всей выборки на некоторое количество совокупностей (групп, классов), выделяемых на основании вариаций какого-то одного признака. Наряду с этим ведущим признаком могут отмечаться и один-три дополнительных, хотя их использование означает увеличение временных затрат для проведения анализа. После данной сепарации производится подсчет изделий в каждой группе и статистический сравнительный анализ распределения предметов между группами, а также распределения дополнительных признаков внутри групп, если такие признаки тоже используются. Во всех методиках массового анализа, предложенных до настоящего момента, в качестве основного признака выступает размер отщепов. Вся выборка делится на ряд размерных классов, состоящих из отщепов, размер которых укладывается в определенный диапазон. В качестве дополнительных учитываемых признаков часто также используются метрические параметры (ширина, угол скалывания), вес, наличие галечной корки (*Andrefsky, 1998. P. 126–134* и литература, на которую ссылается автор; *Odell, 2004. P. 130–132* и литература, на которую ссылается автор; *Bradbury, Franklin, 2000*).

Авторы данных методик исходят из того, что, во-первых, размеры сколов становятся меньше по мере продолжения расщепления, поскольку технология расщепления – это технология последовательного срабатывания, в ходе которого, с каждым технологическим актом, обрабатываемый предмет теряет часть своего объема. Таким образом, по размерам отщепов можно судить, какие стадии срабатывания представлены в коллекции. Во-вторых, на размер влияет техника и последовательность расщепления, что теоретически может служить и для разделения сколов, принадлежащих к различным технологическим контекстам, например, контексту биполярного расщепления с целью получения отщепов в качестве сколов-заготовок и контексту производства двусторонне обработанных орудий (бифасов). Для корректного проведения исследования необходимы достаточно обширная программа экспериментов и разработка экспериментальной модели-эталона, с которым могут

сравниваться результаты анализа коллекций каменных артефактов.

Итоговая информация может быть использована при определении функции памятников: стоянок-мастерских, базовых поселений, кратковременных охотничьих лагерей и т. п. Так, очень вероятно, что на базовых поселениях представлена разнообразная деятельность, включая как изготовление (полный цикл или начиная с какой-либо стадии), так и ремонт орудий, и соответствующие им продукты расщепления. На кратковременных стоянках, в свою очередь, более вероятно ожидать сколы, снимавшиеся при ремонте и подправке каменных инструментов (*Odell, 2004. P. 13–131*). На стоянках-мастерских может быть представлен полный цикл обработки. Но не исключен и такой вариант, когда различные стадии технологического процесса происходили на различных, очень узкоспециализированных площадках.

Массовый анализ имеет свои ограничения. Прежде всего, они связаны с его главным принципом – исключения абсолютного большинства технологически значимых параметров. Кроме того, действительно надежные результаты получаются только при условии, что анализируется чистый комплекс, в противном случае возникают большие сложности при интерпретации данных, которые не всегда удается преодолеть (*Ibid. P. 131*). Экспериментальные модели, разработанные для той или иной технологии, могут оказаться неприменимыми для сколов, произведенных по этой же технологии, но из сырья, отличающегося от того, на основе которого создавалась модель. Этим отличием, например, могут быть разные размеры большинства исходных кусков сырья в экспериментальной и анализируемой древней выборке (*Bradbury, Franklin, 2000. P. 50*). Тем не менее при всех своих ограничениях такой анализ позволяет получить убедительные результаты и, при условии корректного применения, вполне может включаться в исследовательский арсенал.

В настоящей статье мы предлагаем разработанную нами методику потокового анализа с использованием программы распознавания изображений «ScionImage». Речь пойдет о технической процедуре получения первичных данных о количестве и размере анализируемых предметов. При этом на данном этапе мы не ставим своей целью определение способов дальнейшей работы с этими данными. Исследователи,

которые сочтут возможным использование данной методики, могут определить эти способы самостоятельно в зависимости от особенностей их источников и стоящих перед ними задач.

Потоковый анализ с помощью программ распознавания изображений. Постановка задачи. В известных нам методиках потокового анализа, предлагавшихся ранее, использовался только один способ быстрого разделения отщепов на размерные классы – путем просеивания их через серию сит с разным размером ячеек. Пересчитывать отсортированные таким образом предметы, а также измерять их вес и описывать другие дополнительные параметры в таком случае все равно приходится вручную. Между тем простой пересчет десятков тысяч мелких вещей является очень затратной по времени процедурой. Количество же сколов само по себе является очень важным показателем, поскольку только по количеству сколов-отходов можно установить примерное количество орудий, произведенных на памятнике (*Sundstrom, Apel, 1998. P. 177; Sundstrom, 2003. S. 258–259*).

В предлагаемой нами методике эти два этапа анализа – определение размеров и подсчет количества предметов оказываются объединены. Потребность в ее разработке появилась в связи с необходимостью обработки огромной коллекции артефактов, полученной в ходе раскопок стоянки-мастерской Фофаново XIII в устье р. Шуи на западном побережье Онежского озера, начатой одним из авторов статьи в 2010 г. Стоянка относится к числу мастерских, на которых имело место массовое изготовление каменных рубящих орудий (рис. 1) в течение периода энеолита согласно господствующей системе периодизации, ок. 4000 лет назад в радиоуглеродных годах или ок. 3000 калиброванных лет до нашей эры, использовавшихся в том числе для обмена с удаленными коллективами (*Тарасов, 2003; Тарасов и др., 2010*). В первом горизонте, представлявшем собой пахотный слой мощностью 30–70 см, на площади 30 кв. м, был обнаружен 132 361 предмет, 122 321 из которых представлял собой сколы, являвшиеся побочными продуктами производства рубящих орудий (подсчет отщепов произведен с помощью нашей методики, и незначительно, в пределах 2–3 %, эта сумма отличается от реального их количества, о чем будет подробнее сказано ниже). Феноменальная плотность находок наряду с невозможностью регулярно использовать труд асси-

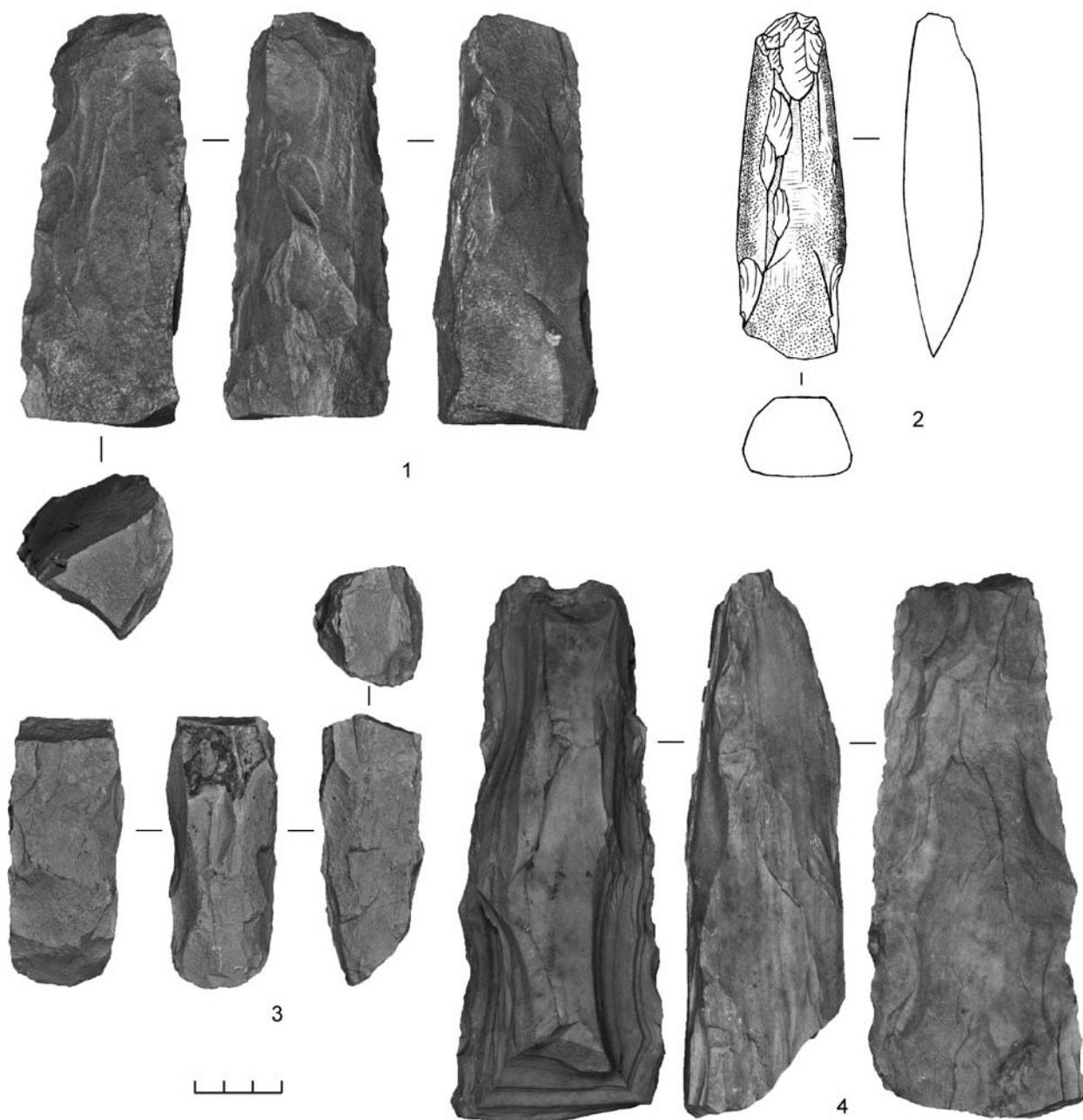
стентов и ограниченными временными ресурсами заставили искать способ автоматизировать обработку этой коллекции.

Первоначально ставилась только задача автоматизации подсчета отщепов. Среди потенциально возможных вариантов, таких как использование счетчиков прохода, систем компьютерного зрения, анализирующих потоковое видео, звуковых анализаторов, выбор был сделан в пользу компьютерных программ распознавания изображений. Такой выбор был обусловлен как относительной технической простотой организации процесса, так и тем, что данный метод наряду с подсчетом позволяет автоматически определять размеры подсчитываемых предметов. Кроме того, при его использовании исчезает необходимость физической сортировки отщепов по размерным классам – она может быть произведена уже в компьютере при работе с результатами первичного анализа.

Распознавание цифровых изображений, а точнее выделение объектов и их групп, обладающих определенными свойствами, из общего массива информации, является одним из разделов теории распознавания образов. Являясь, по сути, классификационной задачей, данный подход широко используется во многих отраслях промышленности и различных направлениях научных исследований, в частности биологии и геологии (*Кориневский, 2004; Попова, Степанов, 2004*). Подходы, реализуемые с помощью теории распознавания образов, находят свое применение и в повседневной жизни: это распознавание штрих-кодов, автомобильных номеров, распознавание текста, биометрическая идентификация и многое другое.

Механизм распознавания может быть реализован различными методами, например, путем подбора из имеющихся в базе наиболее подходящих по форме и размеру изображений, определения контура объекта и дальнейшего выделения его основных свойств, использования искусственных нейронных сетей или экспертных систем (*Горелик, Скрипкин, 1989*). Для решения такой прикладной задачи, как подсчет количества предметов на цифровом снимке, наиболее продуктивным является второй метод – определения контура объекта.

В данной работе для распознавания контура объекта использовалась программа «ScionImage» («SI»), предназначенная для обработки и анализа изображений для IBM-PC совместимых компьютеров, базирующаяся на популярной NIH-image

Рис. 1. Инвентарь стоянки-мастерской Фофаново XIII (метатuff):
 1–3 – заготовки рубящих орудий русско-карельского типа; 4 – тесло русско-карельского типа.

Fig. 1. Tools from workshop site of Fofanovo XIII (metatuff):
 1–3 – blanks for hewing tools of the Russian/Karelian type; 4 – adze of the Russian/Karelian type.

платформе Macintosh. Программа поддерживает растровые форматы «BMP» и «TIFF». Кроме широких возможностей по обработке изображений «SI» позволяет проводить измерение площади, периметра, размера и других параметров для исследуемых растровых областей предметов. Кроме этого программа предоставляет широкие возможности для автоматизированного

анализа изображений. Поддерживается пространственная калибровка, что позволяет проводить измерения в реальных единицах. Автоматизация и настройка под конкретные задачи, стоящие перед исследователем, достигается благодаря встроенному языку программирования, аналогичному «Pascal» (Scion Image..., 2000). Немаловажным фактором выбора данного про-

граммного обеспечения (ПО) считается тот факт, что оно является бесплатным и свободно распространяемым. Программа может быть загружена любым желающим с сайта разработчика (Интернет-ресурс – <http://www.scioncorp.com/>).

Принцип анализа с помощью ПО «SI» основан на попиксельной обработке растровых изображений. С помощью встроенных функций («Threshold», «MakeBinary») растровое 8-битное изображение (0 – белый цвет, 255 – черный) приводится к монохромному (однобитному) изображению. Двоичное изображение может быть откорректировано такими процедурами, как «Erode», «Diline», «Outline» и другими, для четкого разделения всех анализируемых предметов на снимке. Далее подготовленное изображение обрабатывается функцией «Analyze Particles». Для объектов, полученных после обработки, доступны такие свойства, как площадь, периметр, длина и др.

Методика анализа. Подготовка образцов. Для получения надежных результатов необходимо постараться очистить предметы настолько качественно, насколько это возможно, поскольку осыпавшаяся с предметов грязь оказывается на фотографии и может быть распознана программой в качестве одного из анализируемых объектов. Идеальным вариантом является мытье всех предметов, однако при технической невозможности его осуществления (как в нашем случае) вполне удовлетворительные результаты могут быть получены и с помощью сухой чистки.

Фотографирование. Распознавание объектов на фотографии возможно только в том случае, если они имеют однородную окраску, замкнутый контур и четко отличаются от фона, который также должен быть однородным. Поскольку анализируемые сколы достаточно темные, был выбран белый фон. Так как сухая чистка полностью не устраняет мелкие частицы грунта с поверхности изделий, в нашем случае было важно, чтобы фон можно было легко очищать, не повреждая его. Фон также не должен повреждаться при ссыпании сфотографированных сколов. В качестве такой поверхности использовались накладки для письменного стола из мягкого прозрачного пластика, под которые подкладывались белые листы бумаги. Разложенные отщепы не должны соприкасаться друг с другом, в противном случае несколько отщепов будут восприниматься программой как один крупный объект. Наибольшие затраты времени на

данном этапе связаны именно с аккуратным раскладыванием образцов на столе.

Для быстрой обработки большого количества предметов необходимо, чтобы стол с поверхностью для фотографирования находился в одной и той же постоянной позиции относительно штатива и укрепленного на нем фотоаппарата. Это важно также для того, чтобы можно было использовать единую калибровку размеров на всех фотографиях, т. е. чтобы во всех случаях единица поверхности самой фотографии равнялась одной и той же единице реальной поверхности фотографируемых предметов. С целью увеличения контрастности на уровне фотоаппарата над столом были размещены два осветителя, свет от которых распространялся вертикально вниз.

Требования к технике у данного метода в целом невысокие, поскольку программа «ScionImage» способна работать с фотографиями не более 500 × 500 пикселей. Тем не менее очень важна возможность устанавливать константное фокусное расстояние и использовать пульт дистанционного управления для спуска затвора – для недопущения сотрясения камеры, которого не всегда удастся избежать при ручном нажатии, даже если камера укреплена на штативе. В связи с тем, что предметы достаточно плоские, можно ограничиться средними параметрами глубины резкости. При необходимости допустимо поставить высокую светочувствительность матрицы – в ходе тестов качество распознавания при «ISO 400» было не хуже, чем при «ISO 100».

Компьютерная обработка. Для расширения возможностей программы «ScionImage» и ее настройки под конкретные параметры автоматизации в ней предусмотрен встроенный язык программирования, аналогичный «Pascal». Созданная в процессе исследования программа автоматизированной обработки изображения и настройки ее параметров, далее макрос, состоит из набора процедур и функций, последовательно проводимых с набором обрабатываемых изображений. Эта последовательность команд записывается в текстовый файл и загружается в программу «SI» из пункта меню «Special» -> «Load macros» или сочетанием клавиш «Ctrl + 9». Запуск последовательности операций выполняется выбором загруженного в память макроса из пункта меню «Special».

Макрос подсчета количества объектов на серии фотографий представлен на рисунке (рис. 2).

Аналогично синтаксису языка «Pascal» текст макроса состоит из нескольких блоков: раздел глобальных переменных, декларирование макроса (аналогично процедуре в «Pascal»), декларирование локальных переменных и тело макроса с последовательностью команд (Фараонов, 2003). Данный макрос позволяет выполнять обработку серии снимков из одной папки, при этом файлы должны иметь формат «TIFF» размером не более 500×500 точек, а их названия начинаться со слова «squareXX», где XX номер файла по порядку, от 1 до 99. Например «square1.tiff», «square2.tiff» ... «square10.tiff» и т. д.

При запуске макроса выполняется команда «Open()», при этом на экране компьютера появляется диалог открытия файла, и пользователю предлагается открыть папку, содержащую исходный набор снимков. Далее на экран выводится диалоговое окно, в которое необходимо ввести число исходных файлов для обработки. После анализа первого изображения выводится диалоговое окно с запросом на сохранение выходных данных. Независимо от введенного названия и формата выходные данные будут сохранены в текстовом формате с именем «squareXX», где XX номер файла по порядку, соответствующий исходному файлу. Такое программное решение связано с существенными ограничениями по работе с внешними файлами, накладываемыми встроенным в «SI» языком программирования. Диалог сохранения выдается только один раз при анализе серии изображений. Номер выходному файлу присваивается автоматически.

Результаты вычислений сохраняются в той же папке, что и исходные файлы, в формате «TXT». В файле сохраняются только те параметры, что указаны в пункте меню «SI» «Analyze»->«Options...». По умолчанию количество распознаваемых «SI» объектов равно 256. Чтобы получить графическое изображение с нумерацией для большего числа объектов, необходимо в пункте меню «SI» «analyze»-> «options» установить значение параметра «Max measurements» равным 8000.

В тексте макроса используются следующие переменные (рис. 2): «GlobalCount» – общее число объектов на всех снимках, «I» – счетчик файлов снимков, «FileCount» – количество снимков в одной последовательности, «n» – количество распознанных объектов на каждом снимке.

```

VAR
GlobalCount:integer;

macro 'Particle Analysis - My';
var
n,i,FileCount:integer;
begin
open('');
FileCount:=GetNumber('Enter number of files:',0);
GlobalCount:=0;

for i:=1 to FileCount do
begin
open('square',NumToString(i),'.tif');
SubtractBackground('2D Rolling Ball',100);
EqualizeHistogram;
AutoThreshold;
MakeBinary;
Erode;
AutoThreshold;
IncludeInteriorHoles(true);
LabelParticles(true);
OutlineParticles(true);
SetParticleSize(1,999999);
SetScale(0.56076,'mm');
AnalyzeParticles;
setExport('Measurements');
SetOption;
Export('square',NumToString(i),'.txt');
n:=rCount;
GlobalCount:=GlobalCount+n;
dispose;
end;

ShowMessage('Globalcount=' ,NumToString(Globalcount),' local
count=' ,NumToString(n));
end;

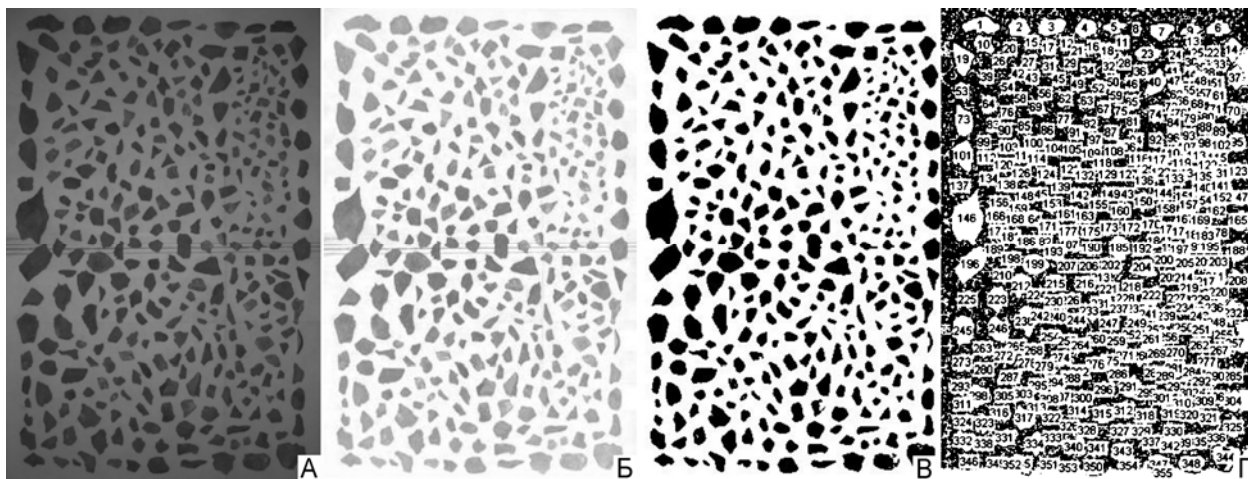
```

Рис. 2. Текст макроса для обработки снимков.

Fig. 2. Text of the macro for processing photos.

Макрос требует обязательной настройки в зависимости от конкретных условий съемки, уровня освещенности, углов падения света, подложки, положения фотокамеры и светочувствительности фотографической матрицы. Для всех снимков эти параметры должны оставаться постоянными. Для настройки макроса рекомендуется вручную выбрать оптимальный набор функций, позволяющих определять максимальное число объектов для имеющихся условий съемки. Затем необходимо внести эти функции и их параметры в тело цикла «for-to-do». Функции предварительной обработки изображения, для описанных здесь условий съемки, располагаются между оператором «open('square'...)» и «SetScale».

Порядок выполнения функций предварительной обработки и анализа изображений, применявшихся в данной работе, приведен на рисунке (рис. 3). В зависимости от условий съемки при необходимости могут применяться и другие процедуры и функции, поддерживаемые программой «SI»: «dilate», «open», «close», «outline», «skeletonize», а также встроенные и пользовательские фильтры. Подробнее с ними можно

Рис. 3. Обработка исходного изображения с помощью макроса.

А – исходная фотография;

Б – результат работы функции «Subtract Background» с радиусом 100;

В – результат последовательного выполнения функций «AutoThreshold» – «MakeBinary» – «Erode»;

Г – графический результат анализа с нумерацией объектов (функция «AnalyzeParticals»).

Fig. 3. Processing of the initial image using the macro.

A – initial photo;

B – results of processing with ‘Subtract Background’ option with radius 100;

V – results of consecutive execution of functions ‘AutoThreshold’ – ‘MakeBinary’ – ‘Erode’;

Г – graphic results of analysis with numbers of the objects (option ‘AnalyzeParticals’).

ознакомиться в руководстве по программе «SI» (Scion Image..., 2000). Размер объектов, подлежащих подсчету, может быть задан функцией «SetParticleSize» («min», «max»), где «min» и «max» – минимальные и максимальные размеры объекта в пикселях соответственно. Поскольку нам удалось с достаточной степенью точности воспроизвести объекты в двоичной форме, то нами учитывались все объекты (параметры «min» и «max» равны 1 и 999999 соответственно).

Программа «SI» позволяет проводить измерения площади и линейных характеристик объектов на фотографии. Для того чтобы эти измерения проводились в реальных единицах, используется функция «SetScale(A, ‘mm’)». Константой А задается масштаб изображения, текстовая константа ‘mm’ обозначает единицы измерения, в данном случае миллиметры. Для получения значения константы А применялась следующая методика. На экспозиционный стол вместо образцов помещались черные квадраты известных размеров и площади. Значение константы А выбиралось таким образом, чтобы размеры и площадь, определенные с помощью макроса, максимально соответствовали реальным.

Для объединения информации из набора исходных файлов в одном была создана программа

на языке программирования «Borland Delphi» (Тейксейра, Пачеко, 2000). Результатом работы программы является текстовый файл, содержащий информацию из всех файлов выборки в пределах одной директории со сквозной нумерацией распознанных объектов. Текст программы предельно прост и в дополнительном описании не нуждается.

Верификация результатов распознавания.

Для проверки качества распознавания вещи с некоторых фотографий пересчитывались вручную. Всего таким образом обработано 75 фотографий, на которых сняты 28 647 отщепов. Максимальное количество предметов на фотографии составляло 1022 экз., минимальное – 98 экз., в среднем – 382 экз. Обобщенные результаты распознавания этой выборки с помощью программы «ScionImage» и разработанного нами макроса представлены в таблицах (табл. 1, 2). Таблица показывает, что, несмотря на наличие крупных ошибок, результаты по выборке в целом вполне приемлемые, и итоговая ошибка не превышает допустимой статистической погрешности, не влияющей на интерпретационную ценность полученных данных. Наиболее крупная ошибка (сумма распознанных объектов на 293 меньше реального количества объектов на фотографии) зафиксирована для фотографии

с максимальным количеством отщепов (1022). На тех снимках, где снято особенно большое количество объектов, большинство из них составляют предметы из нижнего размерного ряда – микродебитаж, т. е. чешуйки и осколки размером менее 1 см. Таким образом, при интерпретации следует учитывать, что погрешность

по количеству микродебитажа может быть больше, чем в среднем по выборке. Тем не менее на остальных 14 снимках из контрольной группы с количеством снятых предметов больше 500 погрешность превысила 10 % только в одном случае. Поэтому и данное отклонение должно быть приемлемым.

Таблица 1. Сравнение реального и подсчитанного в программе «ScionImage» с использованием макроса для обработки снимков количества отщепов на снимках из контрольной серии
Table 1. Comparison of the factual number of flakes in photos from the reference series and that calculated using 'ScionImage' software with a macro for processing photos

Номер снимка	Реальное количество предметов на снимке	Результат распознавания	
		количество	процент распознавания
1	249	230	92,37
2	272	258	94,85
3	231	231	100,00
4	337	320	94,96
5	253	259	102,37
6	236	246	104,24
7	221	207	93,67
8	280	246	87,86
9	446	346	77,58
10	389	360	92,54
11	396	355	89,65
12	526	457	86,88
13	415	415	100,00
14	457	453	99,12
15	486	366	75,31
16	233	223	95,71
17	166	174	104,82
18	322	277	86,02
19	212	212	100,00
20	215	212	98,60
21	407	394	96,81
22	136	138	101,47
23	637	610	95,76
24	212	215	101,42
25	635	596	93,86
26	291	290	99,66
27	505	504	99,80
28	124	123	99,19
29	395	375	94,94
30	234	232	99,15
31	471	466	98,94
32	98	101	103,06
33	1022	729	71,33
34	192	195	101,56
35	783	747	95,40
36	295	299	101,36

Таблица 1. Окончание

Table 1. Ending

Номер снимка	Реальное количество предметов на снимке	Результат распознавания	
		количество	процент распознавания
37	466	555	119,10
38	406	400	98,52
39	699	679	97,14
40	429	419	97,67
41	531	529	99,62
42	350	334	95,43
43	754	749	99,34
44	370	369	99,73
45	826	800	96,85
46	287	289	100,70
47	795	789	99,25
48	421	419	99,52
49	211	200	94,79
50	380	378	99,47
51	443	447	100,90
52	204	205	100,49
53	714	697	97,62
54	249	246	98,80
55	530	542	102,26
56	217	310	142,86
57	868	873	100,58
58	253	255	100,79
59	376	375	99,73
60	295	303	102,71
61	616	613	99,51
62	275	286	104,00
63	427	428	100,23
64	189	204	107,94
65	352	334	94,89
66	262	259	98,85
67	329	323	98,18
68	316	318	100,63
69	292	293	100,34
70	328	332	101,22
71	254	250	98,43
72	279	278	99,64
73	347	336	96,83
74	316	313	99,05
75	212	209	98,58
Всего	28647	27799	97,04

Таблица 2. Анализ результатов из таблицы 1

Table 2. Analysis of the results in Table 1

	Количество объектов	Итоговый процент распознавания	Средний процент распознавания	Максимальное отклонение (-)	Максимальное отклонение (+)	Минимальное отклонение
результат распознавания	27799	97,04	98,3	-293	93	0
отклонение от реального значения	-848	2,96	1,7	28,67 %	42,86 %	0 %

Для проверки точности определения размеров использована выборка из 102 отщепов разных размеров (от 4 до 93 мм по линии наибольшей протяженности). Отщепы фотографировались по одному. Результаты теста представлены в таблице (табл. 3). В таблице представлен как результат измерения длины по наибольшей оси, так и результат измере-

ния площади поверхности сколов. Однако для проверки качества распознавания использована только длина по наибольшей оси в связи с невозможностью точно измерить площадь предметов вручную. Тем не менее точность измерения длины и площади, несомненно, должна находиться в положительной корреляции друг с другом.

Таблица 3. Сравнение реальной и измеренной в программе ScionImage с использованием макроса для обработки снимков длины отщепов из контрольной серии

Table 3. Comparison of the factual length of flakes from the reference series and that calculated using 'ScionImage' software with a macro for processing photos

Номер объекта	Реальная длина по наибольшей оси, мм	Распознанная длина по наибольшей оси, мм	Отклонение от реального значения, мм
1	13	10,56	2,44
2	16	14,52	1,48
3	16	12,07	3,93
4	16	14,48	1,52
5	15	12,85	2,15
6	15	10,55	4,45
7	16	13,31	2,69
8	15	12,91	2,09
9	14	10,87	3,13
10	12	7,89	4,11
11	12	9,31	2,69
12	11	8,65	2,35
13	11	7,6	3,4
14	15	9,26	5,74
15	7	5,6	1,4
16	8	4	4
17	9	5,6	3,4
18	10	8,96	1,04
19	8	5,5	2,5
20	12	10,27	1,73
21	7	5,6	1,4
22	9	4,02	4,98
23	6	4,02	1,98
24	6	не распознана	6
25	7	не распознана	7
26	6	2,01	3,99
27	6	4,02	1,98
28	5	5,5	-0,5
29	4	не распознана	4
30	5	25,57	-20,57
31	19	17,04	1,96
32	21	17,43	3,57
33	21	18,27	2,73
34	31	26,95	4,05
35	32	30,12	1,88
36	31	30,65	0,35

Таблица 3. Продолжение
Table 3. Continuation

Номер объекта	Реальная длина по наибольшей оси, мм	Распознанная длина по наибольшей оси, мм	Отклонение от реального значения, мм
37	33	28,2	4,8
38	30	25,85	4,15
39	28	25,99	2,01
40	39	35,65	3,35
41	23	19,6	3,4
42	24	20,75	3,25
43	27	24,6	2,4
44	24	20,55	3,45
45	21	16,94	4,06
46	32	27,05	4,95
47	23	19,69	3,31
48	27	21,97	5,03
49	32	28,23	3,77
50	21	18,24	2,76
51	19	16,27	2,73
52	27	22,87	4,13
53	21	19,74	1,26
54	30	26,47	3,53
55	33	29,09	3,91
56	26	20,8	5,2
57	31	25,35	5,65
58	26	21,94	4,06
59	31	27,83	3,17
60	37	31,44	5,56
61	36	35,03	0,97
62	44	35,98	8,02
63	48	46,36	1,64
64	36	34,04	1,96
65	42	38,47	3,53
66	49	44,3	4,7
67	33	30,72	2,28
68	40	37,58	2,42
69	37	34,1	2,9
70	24	22,09	1,91
71	37	32,86	4,14
72	34	29,54	4,46
73	57	56,03	0,97
74	60	58,05	1,95
75	46	44,81	1,19
76	34	30,47	3,53
77	42	39,09	2,91
78	60	51,24	8,76
79	64	63,08	0,92
80	72	71,67	0,33
81	35	27,35	7,65

Таблица 3. Окончание

Table 3. Ending

Номер объекта	Реальная длина по наибольшей оси, мм	Распознанная длина по наибольшей оси, мм	Отклонение от реального значения, мм
82	40	38,58	1,42
83	49	40,42	8,58
84	52	48,19	3,81
85	39	35,8	3,2
86	59	56,65	2,35
87	50	44,89	5,11
88	47	42,71	4,29
89	54	49,45	4,55
90	42	39,35	2,65
91	85	79,06	5,94
92	79	70,35	8,65
93	83	75,65	7,35
94	78	68,73	9,27
95	71	66,13	4,87
96	79	72,33	6,67
97	85	79,39	5,61
98	80	72,98	7,02
99	90	84,85	5,15
100	93	89,53	3,47
101	82	83	-1
102	75	69,47	5,53

Как показывает таблица, практически ни в одном случае нельзя говорить о полном совпадении результатов ручного и компьютерного измерения. В то же время в абсолютном большинстве тестов ошибка не превышает 5 мм (80 предметов, т. е. 80 % от данной выборки), что можно считать приемлемым отклонением. В 44 случаях ошибка не превышает 3 мм, что соответствует обычному расхождению в результатах при неоднократном измерении одного и того же предмета вручную, поскольку форма этих вещей очень сложная, и даже небольшое смещение приводит к изменению результата. Всего в одном случае ошибка превысила 10 мм и еще в пяти случаях является близкой к 10 мм. Подобное отклонение может привести к тому, что предмет окажется не в своей размерной группе, однако процент таких грубых ошибок (ок. 5 % в данном тесте) можно считать допустимой статистической погрешностью.

Также необходимо отметить, что ошибочные измерения чаще фиксируются у предметов из наименьшей размерной группы (менее 10 мм) и наибольшей, свыше 50 мм. При этом по мере увеличения размера в наибольшей размерной

группе частота встречаемости существенных ошибок нарастает, однако чем больше размер вещи, тем больше становится и размер принципиально допустимого отклонения. Эти особенности следует учитывать в будущем при интерпретации результатов анализа.

Поскольку точность распознавания объектов на фотографии значительно зависит от их размера и общего количества на одном снимке, для числа распознанных объектов определялась только относительная погрешность измерения. Относительная погрешность определения количества находок на 75 снимках с количеством объектов от 98 до 1022 составила 3,4 %.

Абсолютная погрешность измерения длины находок по наибольшей оси вычислялась как среднеквадратичное отклонение индивидуальных ошибок измерений по предлагаемому методу и вручную. Абсолютная погрешность измерения длин составила 3 мм при учете всех ошибок измерения. Относительная погрешность измерения длины находок составила 11,3 % без учета нераспознанных или ошибочно распознанных объектов.

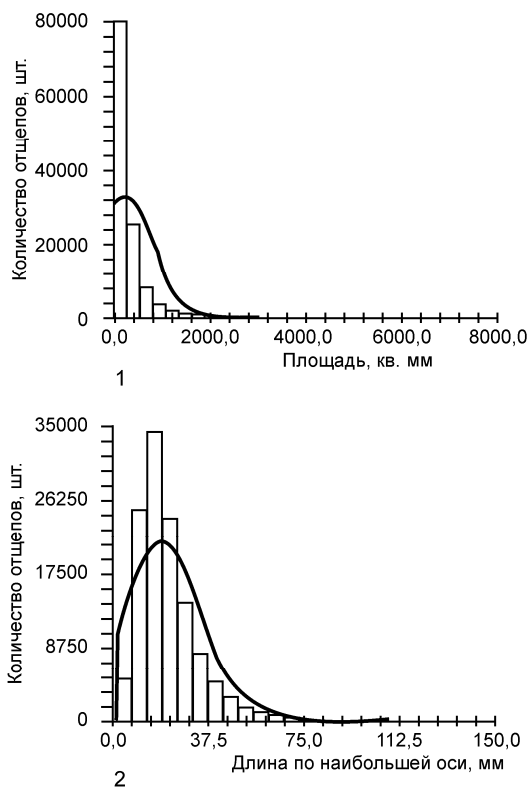
Результаты и выводы. Как представляется, описанная в данной статье методика потокового анализа массового археологического материала является вполне действенной. Методика прошла верификацию и апробирована на значительном количестве находок (свыше 120 тысяч). По результатам верификации можно заключить, что она позволяет делать достаточно точные и качественные подсчеты и измерения выборок больших размеров. Ее использование позволяет интенсифицировать исследование, значительно уменьшает трудозатраты и ускоряет процесс обработки больших объемов материала.

Безусловно, подготовка отщепов для анализа и их раскладывание на столе для фотографирования требуют достаточно много времени. Однако этап подготовки, который совпадает с сортировкой находок, в принципе невозможно избежать, даже если не использовать потоковый

(массовый) анализ. При фотографировании находок одновременно достигается двойной результат: подсчет количества предметов и определение их размеров. Выполнение каждого из этапов в отдельности требует как минимум двойных трудозатрат. К преимуществам анализа можно отнести и его относительную техническую простоту. Требуемые основные компоненты – цифровой фотоаппарат, персональный компьютер – в настоящее время имеются в распоряжении всех исследователей. Дополнительные компоненты, такие как подходящий штатив, лампы, подложка для фона, металлическая сетка, также несложно найти в магазинах. Часть из них может быть найдена в готовом виде, часть может потребовать незначительной доработки.

В качестве примера, иллюстрирующего преимущества потокового анализа для обработки сверхбольших коллекций, можно привести сравнение результативности предложенной здесь потоковой методики с методикой обработки находок из поселения Завалишина 5 на Кольском полуострове (уже упоминавшегося выше), также активно использовавшей средства автоматизации, но предполагавшей индивидуальную работу с каждым предметом. Для обработки одинакового количества находок нам потребовалось ок. 50 человеко-дней в первом случае и 160 человеко-дней – во втором, т. е. трудозатраты при потоковой обработке получились примерно в три раза ниже. В обоих случаях трудозатраты указаны без учета времени на чистку и сортировку находок. В базе данных по продуктам расщепления из поселения Завалишина 5 описывалось большее количество параметров. Однако в реальной практике у исследователей нечасто оказываются ресурсы, необходимые и достаточные для такого детального анализа, со снятием метрических признаков, у столь огромного количества находок. Если исследователь стеснен во временных и прочих ресурсах и при этом сталкивается с необходимостью обработки огромной коллекции, то предлагаемая нами методика может быть приемлемой альтернативой. Стоит отметить, что другие попытки использования программ распознавания изображений для потокового анализа продуктов расщепления камня нам на данный момент неизвестны.

На наш взгляд, предлагаемая методика перспективна как с точки зрения качества получаемых с ее помощью данных, так и с точки зрения ее реализации на практике, что уже было проде-

Рис. 4. Метрические признаки отщепов из метатуфа, происходящих из первого горизонта раскопа на стоянке-мастерской Фофаново XIII, определенные с помощью программы «ScionImage» и макроса для обработки снимков. 1 – площадь (кв. мм), 2 – длина по линии наибольшей протяженности (мм).

Fig. 4. Metric signs of metatuff flakes obtained from the first horizon of the excavation at workshop-station of Fofanovo XIII identified using ‘ScionImage’ software and the macro for processing photos. 1 – area (sq. mm), 2 – length along the longest line (mm).

монстрировано при первичной обработке материалов из стоянки-мастерской Фофаново XIII. Отметим, что по мере приобретения опыта и необходимой сноровки рабочий процесс проходил быстрее, а точность распознавания немного улучшалась. Суммарные графики, показывающие распределение размеров отщепов из проанализированной выборки, представлены на рисунке (рис. 4). Графики приводятся только в качестве примера одного из возможных способов последующего представления данных. Как уже отмечалось, выбор того или иного способа дальнейшей обработки этих данных должен осуществляться в зависимости от стоящих перед исследователем задач.

Рассматривая возможную сферу использования методики, мы предполагаем, что она может быть применима для анализа материалов из стоянок-мастерских, подобных Фофаново XIII. Кроме того, потенциально она может быть использована для изучения материалов из больших хозяйственных раскопок, предполагающих исследование памятников на площади в тысячи квадратных метров и, соответственно, также получение сверхбольших коллекций артефактов.

- Волков, Гирия, 1990 – Волков П. В., Гирия Е. Ю. Опыт исследования техники скола // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990.
- Гирия, 1997 – Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа орудий труда. СПб., 1997. Ч. 2.
- Горелик, Скрипкин, 1989 – Горелик А. Л., Скрипкин В. А. Методы распознавания. М., 1989.
- Интернет-ресурс – <http://www.scioncorp.com/>
- Кориневский, 2004 – Кориневский Е. В. Опыт применения прикладных графических программ для определения количественного соотношения минералов в шлифах горных пород // Материалы пятых Всероссийских научных чтений памяти Ильменского минералога В. О. Полякова. Миасс, 2004.
- Нехорошев, 1999 – Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Поплевко, 2003 – Поплевко Г. Н. Критерии определения техники скола каменных индустрий // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. науч. конф. (6–10 октября 2003). Пермь, 2003.
- Поплевко, 2007 – Поплевко Г. Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий СПб., 2007 (Труды ИИМК РАН; Т. 22).
- Попова, Степанов, 2004 – Попова Г. М., Степанов В. Н. Анализ и обработка изображений медико-биологических микрообъектов // Автоматика и телемеханика. М., 2004. Вып. 1.
- Тарасов, 2003 – Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // АВ. 2003. № 10.
- Тарасов, 2008 – Тарасов А. Ю. Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: Опыт экспериментального изучения // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки.
- Тарасов и др., 2010 – Тарасов А. Ю., Крийска А., Курс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды КарНЦ РАН. Сер. «Гуманитарные исследования». Петрозаводск, 2010. Вып. 1, № 4.
- Тейксейра, Пачеко, 2000 – Тейксейра С., Пачеко К. Delphi 5. Руководство разработчика. Т. 1: Основные методы и технологии программирования / Пер. с англ.: Учеб. пос. М., 2000.
- Фараонов, 2003 – Фараонов В. В. Turbo Pascal 7.0. Начальный курс: Учеб. пос. М., 2003.
- Andrejsky, 1998 – Andrejsky W. Jr. Lithics. Macroscopic Approaches to Analysis. Cambridge, 1998.
- Bradbury, Franklin, 2000 – Bradbury A. P., Franklin J. D. Raw Material Variability, Package Size, and Mass Analysis // Lithic Technology. 2000. Vol. 25, N 2.
- Callahan, 1979 – Callahan E. The Basics of Biface Knapping in the Eastern Fluted Point tradition: A Manual for Flintknappers and Lithic Analysts // Archaeology of Eastern North America. Vol. 7, N 1.
- Inizan et al., 1999 – Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. Technology and Terminology of Knapped Stone Followed by a Multilingual Vocabulary (Arabic, English, French, German, Greek, Italian, Portuguese, Spanish). Nanterre, 1999.
- Knutsson, 1988 – Knutsson K. Making and using stone tools: The analysis of the Lithic Assemblages from Middle Neolithic Sites with Flint in Vasterbotten, Northern Sweden. Uppsala, 1988.
- Kriiska et al., 2011 – Kriiska A., Hertell E., Manninen M. Stone Age Flint Technology in South-Western Estonia: Results from the Parnu Bay Area // Mesolithic Interfaces: Variability in Lithic technologies in Eastern Fennoscandia. Helsinki, 2011.
- Manninen et al., 2003 – Manninen M., Tallavaara M., Hertell E. Subneolithic Bifaces and Flint Assemblages in Finland – Outlining the History of Research and Future Questions // Uniting Sea. Stone Age Societies in the Baltic Sea Region. Proceedings from the First Uniting Sea Workshop at Uppsala University (Sweden, January 26–27, 2002). 2003 (Occasional Papers in Archaeology; Vol. 33).
- Odell, 2004 – Odell G. H. Lithic Analysis. New York, 2004.
- Scion Image... 2000 – Scion Image for Windows. Manual Guide. 2000. Scion corp.
- Shen, Wang, 2000 – Shen Ch., Wang S. A preliminary Study of the Anvil-Chipping Technique: Experiments and Evaluations // Lithic Technology. Vol. 25, N 2.
- Sundstrom, 2003 – Sundstrom L. Det hotade kollektivet: Neoliseringsprocessen ur ett ostmellansvenskt perspektiv. Uppsala, 2003.
- Sundstrom, Apel, 1998 – Sundstrom L., Apel J. An Early Neolithic Axe Production and Distribution System within a semi-sedentary farming Society in eastern central Sweden, c.3500 BC // Third flint alternatives conference at Uppsala. 1998 (Occasional papers in archaeology; Vol. 16).
- Whittaker, 1994 – Whittaker J. C. Flintknapping: Making and Understanding Stone Tools. Austin, 1994.

**Mass-Analysis of Chipped Stone Assemblages
with the Aid of Image-Recognition Software**

A. Yu. Tarasov, M. B. Zobkov

Mass-analysis (aggregate analysis) of numerous archaeological materials allows the possibility of considerable reducing of time and other expenses by simultaneous processing of big quantities of objects and, what is especially important, excessively large numbers of artefacts. The technique of mass-analysis presented in this paper is based on the use of image recognition program

ScionImage. It involves photographing several hundreds of flakes simultaneously and subsequent analysis of the images by means of a computer. This technique allows automatic counting of objects and determination of their size. The procedure of the analysis, technical constraints and verification of the results of image recognition are presented in detail.

БУСИНЫ-ПРЯСЛИЦА АЛТЫН-ДЕПЕ И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. А. Алёкшин¹

Во время раскопок Алтын-депе, одного из крупнейших поселений эпохи энеолита и бронзового века на юге Центральной Азии, найдены многочисленные изделия усеченно-биконической формы, имеющие сквозное отверстие, которое проходит по центральной оси поделки (рис. 1, 7–20). Эти артефакты сделаны в основном из терракоты и различных пород камня, хотя иногда их изготовляли также из необожженной глины. Высота рассматриваемых вещей, варьирующая от 1 до 2 см, уступает размеру их максимального диаметра, который колеблется от 2 до 3 см. В литературе такой предмет получил название «бусина-пряслице» (Кирчо, 2005а. С. 384). На Алтын-депе данные изделия представлены, как правило, неорнаментированными экземплярами. Лишь на трех поделках, две из которых опубликованы (Ганялин, 1967. С. 216, рис. 6, 2, 3), есть резные геометрические узоры.

Рассмотрим сначала бусины-пряслица без орнамента. На городище они встречены практически во всех исследованных культурных отложениях. Такие артефакты выявлены в помещениях, дворах и в заполнении горизонтов эпохи позднего энеолита (рис. 1, 7–10): Алтын 12 (Кара 1Б, период: раннее Намазга III) – Алтын 9 (период: позднее Намазга III) (Кирчо, 2008. С. 182, табл. 5, 6; С. 200, табл. 23, 27; С. 251, табл. 74, 35; С. 271, табл. 94, 8; С. 274, табл. 97, 26; С. 286, табл. 109, 10; С. 303, табл. 126, 1–5, 7–10; С. 329, табл. 152, 12, 15, 18, 19). Кроме того, терракотовая бусина-пряслице была обнаружена в круглой погребальной камере (рис. 1, 11), расчищенной на раскопе 1 в горизонте Алтын 9 (Алёкшин, Кирчо, 2005. С. 36; Кирчо, 2005а. С. 384; 2005б. Табл. 57Б, 3). Хотя вещь лежала возле кистей рук мужчины (погребение

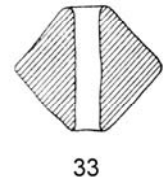
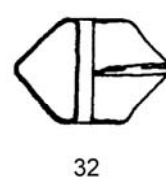
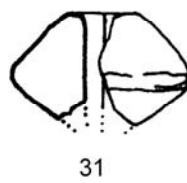
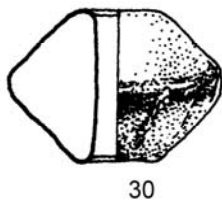
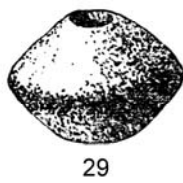
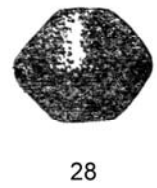
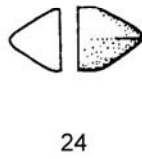
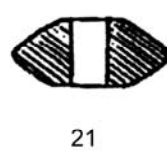
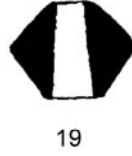
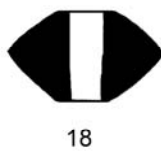
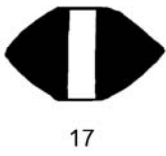
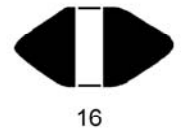
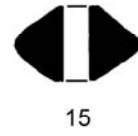
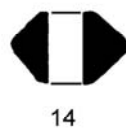
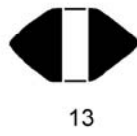
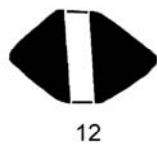
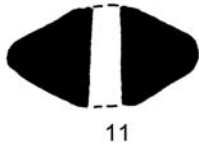
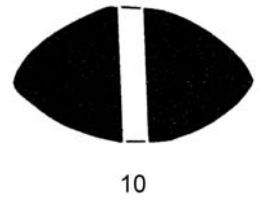
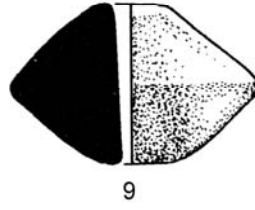
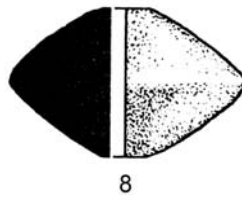
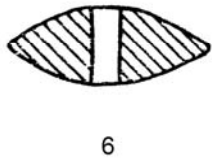
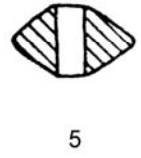
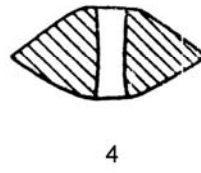
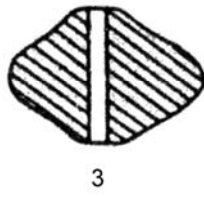
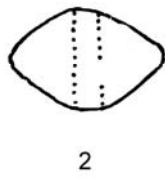
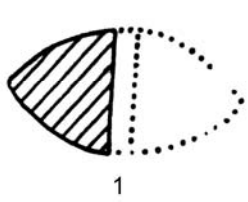
№ 281), она принадлежала девочке (погребение № 282), которая была похоронена в склепе раньше, чем мужчина (Алёкшин, 2005. С. 424).

Каменные и терракотовые предметы аналогичной формы и примерно таких же размеров впервые появляются на юге Туркменистана еще в эпоху раннего энеолита (период Намазга I). Они зафиксированы на таких памятниках, как северный холм Анау (рис. 1, 2) и Кара-депе (рис. 1, 1), причем на последнем поселении находка подобного рода встречена в отложениях развитого периода Намазга I (Массон 1960. С. 324–326; Хлопин, 1963. С. 9, 11; табл. XXI, 34; XXII, 26), который, видимо, датируется третьей четвертью V тыс. до н. э. (Алёкшин, 2011. С. 119). Еще одно такое же изделие, обнаруженное на северном холме Анау (рис. 1, 3), опубликовано К. Курбансахатовым (Курбансахатов, 1987. С. 90, рис. 47, 5). К сожалению, исследователь не указал, к какому именно периоду, Намазга I или Намазга II (развитый энеолит), оно относится. Аналогичные поделки (рис. 1, 4–6) представлены и в позднем энеолитическом слое Кара 1А (период: позднее Намазга III) (Массон 1960. С. 437, 459, табл. XVIII, 3, 9, 10).

В эпоху бронзы жители Алтын-депе стали изготавливать преимущественно каменные бусины-пряслица, используя для этой цели мраморовидный серый и белый известняк, а также стеатит (Кирчо, 2005а. С. 384). Эти артефакты нередко представлены в женских захоронениях раннего (период Намазга IV) и среднего (период Намазга V) бронзового века (рис. 1, 12–19).

Рассматриваемые вещи зафиксированы в погребениях № 845 (горизонт Алтын 8) и № 677 (горизонт Алтын 7), относящихся к периоду раннее Намазга IV, а также в захоронении № 627 (горизонт Алтын 4), которое датируется периодом позднее Намазга IV (Алёкшин, Кирчо, 2005. С. 55, 58, 71; Кирчо, 2005б. Табл. 98, 13; 105, 5, 6; 135, 4, 5). Кроме того, бусины-пряслица

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

выявлены в погребении № 892 (горизонт Алтын 3), совершенном в период раннее Намазга V, и в захоронениях № 705 (горизонт Алтын 0) и № 695 (горизонт Алтын 0₂), которые относятся к периоду позднее Намазга V (Алёкшин, Кирчо, 2005. С. 60, 74; Кирчо, 2005б. Табл. 107А, 5; 109А, 1, 2; 140, 8).

Каменная бусина-пряслице (рис. 1, 20) найдена А. Ф. Ганялиным в верхнем строительном горизонте самой возвышенной части поселения Алтын-депе, на раскопе «вышки» в так называемом кладе 2, на глубине 50 см от поверхности (Ганялин, 1967. С. 214, 216, рис. 6, 4). Это закрытый комплекс, а следовательно, и входящая в его состав бусина-пряслице относится к финальному этапу периода Намазга V и, вероятно, датируется концом III тыс. до н. э.

Еще один такой же предмет найден при исследовании расположенного в среднем течении реки Мургаб Тахтабазарского могильника (рис. 1, 21), относящегося к периоду позднее Намазга V (Удеумурадов, 1994. С. 70, 72, рис. 4, 2).

Стеатитовые усеченно-биконические бусины-пряслица входили в состав наборов инвентаря некоторых погребений могильника, относящегося к поселению Гонур-депе (рис. 1, 22–24), которое также расположено в Мургабском оазисе (Сарианиди, 2001. С. 135, 159, табл. 24, 6; Salvatori, 1995. P. 7, 8, 12, 21; fig. 7, 24; fig. 10, G. 91/8; P. 28, fig. 14, G. 417/5; Sarianidi, 2007. P. 116, fig. 217, a, b, c). Обширное кладбище, примыкающее к этому городищу, датируется последней третью III тыс. до н. э. – началом II тыс. до н. э. – серединой II тыс. до н. э. (Зайцева и

др., 2008. С. 166, 168, 170, 171; Сарианиди, 2001. С. 13, 14; Sarianidi, 2007. P. 21, 24), причем погребения, относящиеся к финальному этапу существования кладбища, немногочисленны (Н. А. Дубова, устное сообщение). К сожалению, в работах, опубликованных к настоящему времени, нет информации о горизонтальной стратиграфии могильника. Поэтому вопрос о том, к какому периоду функционирования кладбища относятся захоронения, где находились рассматриваемые изделия, остается открытым.

Аналогичные поделки были выявлены на памятниках Мургабского оазиса и в эпоху позднего бронзового века (период Намазга VI). На поселении Аучин-депе (рис. 1, 27), которое относится к периоду раннее Намазга VI, такой артефакт входил в состав погребального инвентаря захоронения, найденного в кроющем слое памятника (Массон, 1959. С. 19, 172, 212, табл. IV, 2).

Рассматриваемые вещи (рис. 1, 25, 26) были выявлены и на поверхности городища Гонур-депе (Сарианиди, 1990. С. 28, 235, табл. XXX, 26, 27), которое было заброшено в период позднее Намазга VI, около 1500 г. до н. э. (Зайцева и др., 2008. С. 171–179).

Еще два подобных предмета были зафиксированы в погребении, обнаруженном в шурфе № 1, а также в шурфе № 2 на поселении Тахирбай 3 (рис. 1, 33), которое было обжито в период позднее Намазга VI (Массон, 1959. С. 14, 22, 23, 181, 213, табл. XIII, 1).

Такие же изделия (рис. 1, 28, 29) найдены в помещениях монументального здания, раскопанного на поселении Тоголок 21 (Сарианиди,

Рис. 1. Неорнаментированные бусины-пряслица Центральной Азии эпохи энеолита и бронзового века:

1 – Кара-депе, шурф 1, ярус XIX (Хлопин, 1963); 2 – северный холм Анау, период Намазга I (Хлопин, 1963); 3 – северный холм Анау (Курбансахатов, 1987); 4–6 – Кара 1 А (Массон, 1960); 7 – Алтын 12 (Кирчо, 2008); 8 – Алтын 11 (Кирчо, 2008); 9 – Алтын 10 (Кирчо, 2008); 10 – Алтын 9 (Кирчо, 2008); 11 – Алтын 9, погребение № 282 (Кирчо, 2005б); 12, 13 – Алтын 8, погребение № 845 (Кирчо, 2005б); 14, 15 – Алтын 7, погребение № 677 (Кирчо, 2005б); 16 – Алтын 4, погребение № 627 (Кирчо, 2005б); 17, 18 – Алтын 0, погребение № 705 (Кирчо, 2005б); 19 – Алтын 0₂ – погребение № 695 (Кирчо, 2005б); 20 – Алтын-депе, верхний горизонт раскопа «вышки» (Ганялин, 1967); 21 – Тахтабазарский могильник (Удеумурадов, 1994); 22–24 – Гонур-депе, могильник, погребения № 2790, 1756, 417 (22, 23 – Sarianidi, 2007; 24 – Salvatori, 1995); 25, 26 – Гонур-депе, период Намазга VI (Сарианиди, 1990); 27 – Аучин-депе, период Намазга VI (Массон, 1959); 28, 29 – Тоголок 21, период Намазга VI (Сарианиди, 1990); 30 – Адам-Бажин V, период Намазга VI (Masimov et al., 1998); 31 – Аджи Куи 8, период Намазга V или Намазга VI (Masimov et al., 1998); 32 – Таип 9, период Намазга V или Намазга VI (Masimov et al., 1998); 33 – Тахирбай 3, период Намазга VI (Массон, 1959).
1, 3, 8, 11 – терракота, 7, 9 – глина, 2, 4–6, 10, 12–33 – камень.
24 – без масштаба, диаметр 2,3 см, высота 1 см; 30–32 – без масштаба, размеры не указаны.

Fig. 1. Unornamented beads/spindle whorls from Central Asia of the Eneolithic Period and Bronze Age:

1 – Kara-Depe, pit 1, level XIX; 2 – northern hill of Anau, period Namazga I; 3 – northern hill of Anau; 4–6 – Kara 1 A; 7 – Alтын 12; 8 – Alтын 11; 9 – Alтын 10; 10 – Alтын 9; 11 – Alтын 9, Burial № 282; 12, 13 – Alтын 8, Burial № 845; 14, 15 – Alтын 7, Burial № 677; 16 – Alтын 4, Burial № 627; 17, 18 – Alтын 0, Burial № 705; 19 – Alтын 0₂, Burial № 695; 20 – Alтын-Depe, upper horizon of the Tower Mound; 21 – Takhtabazar cemetery; 22–24 – Gonur-Depe, cemetery, burials №№ 2790, 1756, 417; 25, 26 – Gonur-Depe, period Namazga VI; 27 – Auchin-Depe, period Namazga VI; 28, 29 – Togolok 21, period Namazga VI; 30 – Adam-Bazhin V, Namazga VI; 31 – Aji-Kui 8, period Namazga V or Namazga VI; 32 – Taip 9, period Namazga V or Namazga VI; 33 – Takhirbay 3, period Namazga VI.
1, 3, 8, 11 – terracotta; 7, 9 – clay; 2, 4–6, 10, 12–33 – stone.
24 – without scale, diameter 2,3 cm, height 1 cm; 30–32 – without scale, dimensions unspecified.

1990. С. 28, 285, табл. LXXX, 6, 13). В. И. Сарияниди интерпретировал это сооружение как храм (*Сарияниди*, 1989; *Sarianidi*, 1986; 1998. Р. 90–103). В связи с тем, что в одной из комнат предполагаемой культовой постройки была обнаружена железная бусина, автор раскопок счел возможным отнести памятник к концу II тыс. до Р. Х., а именно: к 1250–1000 гг. до н. э. (*Сарияниди*, 1994. С. 11; *Sarianidi*, 1998. Р. 78). Однако, по мнению Л. Т. Пьянковой, керамический комплекс городища Тоголок 21 включает формы сосудов (кубки, чаши, кувшины), которые датируются XVI–XIV вв. до н. э. (*Пьянкова*, 1994. С. 135, 147). В пользу более древнего возраста монументального сооружения в Тоголок 21 свидетельствуют также некоторые радиоуглеродные даты, полученные в результате изучения этого памятника, причем одни из них укладываются в интервале XVII–XV вв. до н. э., а другие – в промежутке от XX в. до н. э. до XVIII в. до н. э. (*Hiebert*, 1994. Р. 79, tab. 5, 2; Р. 80). Упомянутая бусина могла быть изготовлена из метеоритного железа, как это установлено для булавки с золотым навершием в виде цветка, найденной в царском могильнике Гонура (*Сарияниди*, 2008. С. 183–185; *Крэддок, Флэтчер*, 2012). Этот артефакт, обнаруженный в гробнице № 3200, которая датируется концом III тыс. до н. э., свидетельствует о том, что поделки из железа были известны в Мургабском оазисе еще до основания поселения Тоголок 21. Таким образом, наличие вещей из железа в культурных отложениях памятников древней дельты Мургаба не может служить основанием для отнесения этих слоев к концу II тыс. до н. э. Учитывая все эти обстоятельства, поселение Тоголок 21 следует связывать с периодом позднее Намазга VI и датировать второй четвертью II тыс. до н. э.

Бусины-пряслица были собраны при осмотре еще трех поселений (рис. 1, 30–32): Таип 9 и Аджи Куи 8, где обнаружены различные артефакты среднего и позднего бронзового века, а также Адам Бажин V, где представлен комплекс вещей позднего бронзового века (*Masimov et al.*, 1998. Р. 38, 45, fig. 5, 12–14; Р. 46, fig. 7; Р. 234, 235). Таким образом, археологические материалы свидетельствуют о том, что на поселениях Мургабского оазиса рассматриваемые предметы представлены в культурных отложениях периодов позднее Намазга V–Намазга VI.

Вопрос о времени завершения периода Намазга VI на юге Туркменистана дискуссионен.

Примерно полвека назад В. М. Массон, изучив археологические коллекции Аучин-депе и Тахирбай 3, синхронизировал окончание этого периода с концом последней четверти II тыс. до н. э. (*Массон*, 1959. С. 28). Этой же точки зрения он придерживался и в более поздних своих работах (*Массон*, 1966. С. 169; 2006. С. 71). Аналогичное мнение высказала Л. И. Хлопина (*Хлопина*, 1978. С. 18). И. Н. Хлопин относил финал позднего бронзового века Южного Туркменистана к X в. до н. э. (*Хлопин*, 1983. С. 55). Л. Т. Пьянкова, рассмотрев керамические комплексы поселений и могильников периода Намазга VI на юге Центральной Азии, выделила поздний этап рассматриваемого периода («вышка» Намазга-депе, Тахирбай 3), завершение которого она, вслед за И. Н. Хлопиным, помещала в X в. до н. э. (*Пьянкова*, 1994. С. 147). Этой же традиции следует и В. И. Сарияниди, датируя последнюю стадию периода Намазга VI в Мургабском оазисе началом I тыс. до н. э. (*Сарияниди*, 1976. С. 26; 1990. С. 71, 74; *Sarianidi*, 1998. Р. 76, 78).

Решение данной проблемы тесно связано с изучением так называемой керамики степного типа, которая была обнаружена в верхних слоях некоторых анауских памятников времени Намазга VI как в подгорной полосе Копетдага, так и в Мургабском оазисе. Эти находки являются частью культурного комплекса, свойственного населению, которое обитало в степной зоне Евразии в эпоху позднего бронзового века (*Кузьмина*, 1964).

Подгорная полоса Копетдага. Фрагменты грубой лепной орнаментированной керамики, свидетельствующие о проникновении на юг Центральной Азии пастушеских племен, были обнаружены на поселении Теккем-депе (*Щетенко*, 1999).

Исследование стратиграфии этого памятника показало, что земледельческий поселок на Теккем-депе был заброшен в конце периода Намазга VI. Впоследствии, но еще в эпоху поздней бронзы, на двух самых возвышенных участках холма, северном и южном, появляются стоянки скотоводов, которые, скорее всего, разновременны. Судя по количеству степной керамики в кроющем слое памятника, обе стоянки существовали недолго. Поскольку обнаруженная на них посуда саргаринско-алексеевской культурной традиции андроновского круга относится к XIV–XIII вв. до н. э. (*Кутимов*, 1999. С. 320; *Щетенко, Кутимов*, 1999. С. 119, 120), оставление Теккема земледельцами произошло ранее этого времени, вероятно, в конце XV в. до н. э.

Именно с этой датой и следует синхронизировать завершение периода позднее Намазга VI в подгорной полосе (Алёкшин, 2012).

Мургабский оазис. Важное значение для датировки финального этапа периода Намазга VI в этом районе имеет обнаружение двух степных сосудов на поселении Тахирбай 3. Один из них нашли в 1972 г. в юго-западном углу раскопа, заложенного в центре поселения. Горшок встречен на глубине 30–35 см от дневной поверхности (Сарианиди, 1975. С. 24; 1990. С. 54, 55), т. е. значительно выше уровня полов комнат позднего строительного горизонта, которые прослежены здесь на глубине 0,9–1 м (Массон, 1959. С. 13, 14). К сожалению, археологический контекст, в котором залегала находка, не установлен, так как она была обнаружена в обресе раскопа. Однако тот факт, что рядом с сосудом находились кости барана (Сарианиди, 1990. С. 55), позволяет допустить, что артефакт является частью погребального комплекса.

Исследователи по-разному оценивают культурную принадлежность рассматриваемого горшка. Л. Т. Пьянкова полагала, что он сравним по стилю орнаментации с некоторыми сосудами из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3, который М. А. Итина в свое время датировала XIII/XII–XII/XI вв. до н. э. (Пьянкова, 1994. С. 145). В настоящее время тазабагъябскую культуру относят к концу XVI–началу XV в. до н. э. (Кутимов, 2002. С. 198).

По мнению Ю. Г. Кутимова, орнамент горшка из Тахирбая 3 (ряд косых заштрихованных треугольников и вертикальные насечки) характерен для алакульской орнаментальной традиции, хотя отдельные элементы (елочный узор на тулове) восходят к более раннему петровскому времени. Таким образом, это керамическое изделие, с точки зрения исследователя, следует относить к XVII–XVI вв. до н. э. (Кутимов, 1999. С. 321). Суммируя новые датировки тазабагъябской и алакульской культур, можно допустить, что рассматриваемый сосуд относится к концу XVI в. до н. э.

Второй горшок, найденный в погребении, которое обнаружили в восточной части поселения Тахирбай 3, имеет орнамент, характерный для федоровской культуры андроновского круга (Кузьмина, 2008. С. 75; Cattani, 2004. P. 308, fig. 5; P. 309), которая датируется сейчас XV–XIV вв. до н. э. (Кутимов, 2002. С. 197).

Находки в Тахирбае 3 алакульского сосуда и погребения федоровской культуры позволяют

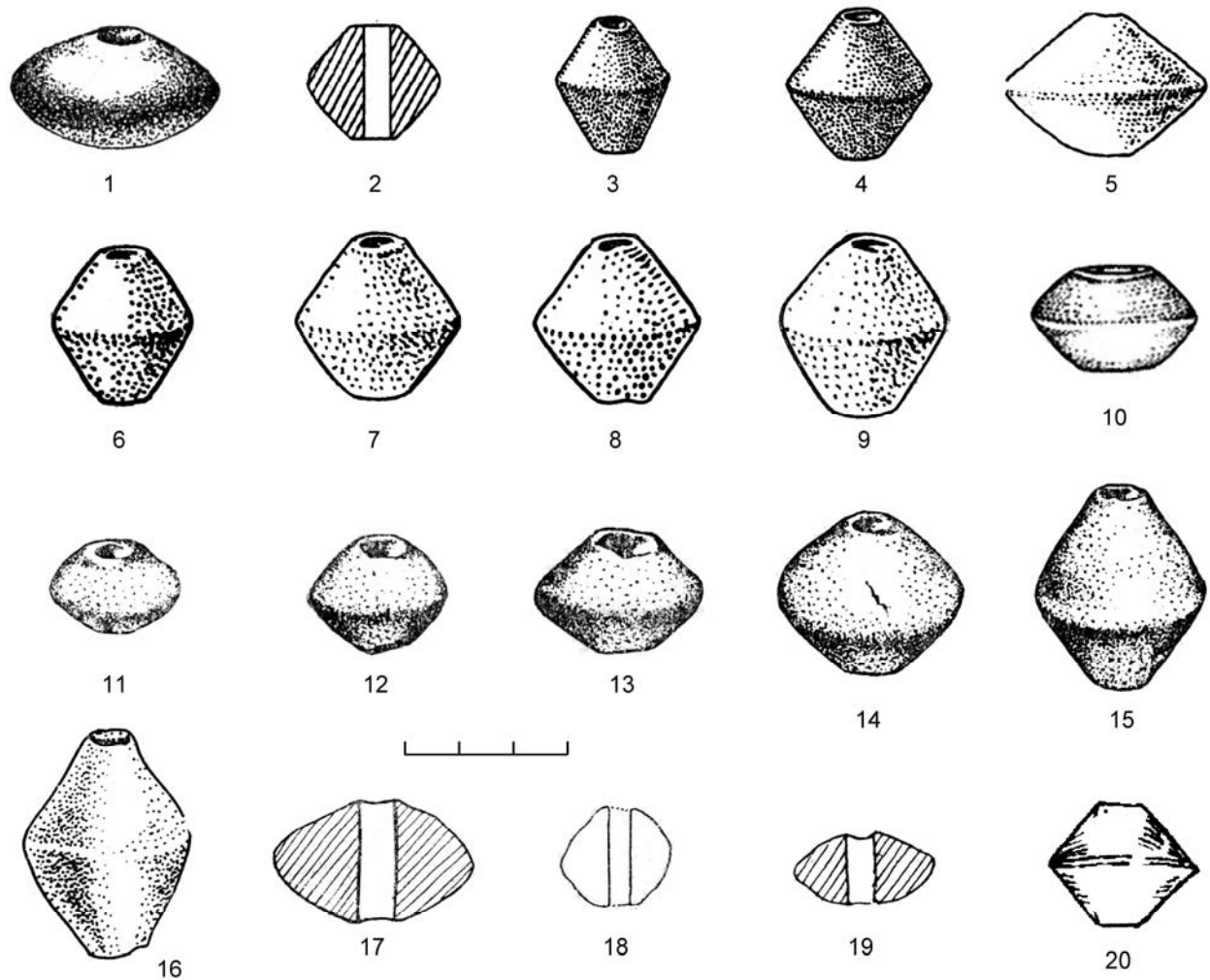
утверждать, что этот памятник пустовал в конце XVI в. до н. э.–XV в. до н. э., так как пришельцы из степи могли хоронить умерших сородичей только на поселении, заброшенном местными жителями. Выше уже упоминалось о том, что к этому времени прекращается жизнь и на Гонур-депе, крупнейшем поселении оазиса.

Таким образом, стратиграфическое положение степной керамики, залегающей в кроющем слое некоторых древнеземледельческих городищ Южного Туркменистана, подтверждает предположение Л. Т. Пьянковой о том, что эта посуда отложилась на указанных поселениях уже после того, как они были заброшены (Пьянкова, 1994. С. 145), т. е. после окончания периода Намазга VI, который в подгорной полосе Копетдага завершился в конце XV в. до н. э., а в Мургабском оазисе – в конце XVI в. до н. э.–начале XV в. до н. э., что соответствует ранней фазе третьей четверти II тыс. до н. э. Этой же точки зрения придерживается и Ю. Г. Кутимов (Кутимов, 2009. С. 9, 18).

Возвращаясь к рассмотрению неорнаментированных бусин-пряслиц, отметим, что в Центральной Азии подобные находки, форма которых аналогична артефактам, обнаруженным на памятниках подгорной полосы Копетдага эпохи неолита и бронзового века, известны и вне ареала анауской культуры. Прежде всего, следует назвать глиняную поделку (рис. 2, 1) из верхнего слоя жилища 1 поселения I культуры Заманбаба (Гулямов и др., 1966. С. 134, табл. XVII, 26), которая относится к середине III тыс. до н. э. (Алёкшин, 2010а. С. 87; Кутимов, 2005. С. 205).

Каменная бусина-пряслице происходит из погребальной камеры № 257 могильника Пархай II (рис. 2, 2) в Юго-Западном Туркменистане (Хлопин, 2002. С. 64, 298, табл. 98, 2). Это захоронение относится к периоду ЮЗТ-II, по периодизации И. Н. Хлопина, и датируется концом III тыс. до н. э. (Кутимов, 2009. С. 17, 18).

Бусины-пряслица представлены и в захоронениях периода ЮЗТ-I, который датируется первой половиной II тыс. до н. э. Однако эти изделия отличаются своими пропорциями от поделок, изготовленных в Юго-Восточном Туркменистане, так как имеют одинаковые или почти одинаковые размеры высоты и диаметра (рис. 2, 3, 4, 6–9). Во время раскопок могильника Сумбар I найдено 30 таких артефактов (Хлопин, 1983. С. 49, 138–141, 143, 144, 146, 147–152, 154, 162, табл. III, 11; С. 163, табл. IV, 4; С. 166, табл. VII,

Рис. 2. Неорнаментированные бусины-пряслица Центральной Азии бронзового века:

1 – Заманбаба, поселение I, жилище 1 (Гулямов и др., 1966); 2 – могильник Пархай II, погребение № 257 (Хлопин, 2002); 3–5 – могильник Сумбар II, погребения № 12, 13, 22 (Хлопин, 2002); 6–9 – могильник Сумбар I, погребения № 20, 45, 112, 170 (Хлопин, 1983); 10 – Сазаган, погребение № 1 (Аванесова, 2010б); 11–16 – Сапалли-тепе (помещения) (Аскаров, 1973); 17–19 – могильник Джаркутан, погребения № 8, 368 (кузалинский этап), погребение № 22 (молалинский этап) (Аскаров, Абдуллаев, 1983); 20 – могильник Бустон VI, погребение № 148 (бустонский этап) (Аванесова, 2010а).
1 – глина, 2–14, 17–19 – камень, 15, 16 – терракота, 20 – материал не указан.

Fig. 2. Unornamented beads/spindle whorls from Central Asia of the Bronze Age:

1 – Zamanbaba, settlement I, dwelling 1; 2 – cemetery of Parkhay II, burial N 257; 3–5 – cemetery of Sumbar II, burials N 12, 13, 22; 6–9 – cemetery of Sumbar I, burials N 20, 45, 112, 170; 10 – Sazagan, burial N 1; 11–16 – Sapalli-Tepe (rooms); 17–19 – cemetery of Dzharkutan, burials № 8, 368 (Kuzali stage), burial N 22 (Molali stage); 20 – cemetery of Buston VI, burial N 148 (Buston stage).
1 – clay, 2–14, 17–19 – stone, 15, 16 – terracotta, 20 – material unspecified.

4; С. 168, табл. IX, 2, 7; С. 169, табл. X, 3; С. 170, табл. XI, 4; С. 171, табл. XII, 2; С. 177, табл. XVIII, 9; С. 180, табл. XXI, 4; С. 181, табл. XXII, 2, 6; С. 184, табл. XXV, 6; С. 186, табл. XXVII, 2, 3; С. 189, табл. XXX, 2–4; С. 221, табл. LXII, 1–4, 6–9, 11–14), при исследовании могильника Сумбар II – 5 артефактов (Хлопин, 1983. С. 49, 156, 157, 209, табл. L, 8, 20; 2002. С. 72, 75, 321, табл. 121, 7; С. 322, табл. 122, 16; С. 324, табл. 124, 7). Лишь в трех случаях (могильник

Сумбар I, погребения № 104 и № 125; могильник Сумбар II, погребение № 22) бусины-пряслица имеют такие же пропорции (рис. 2, 5), что и в Юго-Восточном Туркменистане (Хлопин, 1983. С. 49, 147, 150, 185, табл. XXVI, 12; С. 221, табл. LXII, 5; 2002. С. 71, 327, табл. 127, 8).

В областях, расположенных к востоку от дельты реки Мургаб, на юге Узбекистана распространены памятники культуры Сапалли. Узбекские исследователи выделяют пять хроноло-

гических этапов в ее развитии (сапаллинский, XVII–XVI вв. до н. э.; джаркутанский, конец XVI–XV вв. до н.э.; кузалинский, XIV–XIII вв. до н. э.; молалинский, XII–X вв. до н. э.; и бустонский, X–IX вв. до н. э.), которые, по их мнению, сменяли друг друга на протяжении девяти столетий (Аванесова, 1995. С. 63, примеч. 2; 2009. С. 7).

Ранний (сапаллинский) этап, к которому относятся два нижних строительных горизонта одноименного поселения, А. А. Аскарлов, изучив керамический комплекс этого памятника, синхронизировал с периодом позднее Намазга V и раннее Намазга VI Юго-Восточного Туркменистана (Аскарлов, 1976. С. 13, 14, 20, 21; 1977. С. 5). Последующие этапы культуры он относил к периодам развитие Намазга VI и позднее Намазга VI (Аскарлов, 1976. С. 21; Аскарлов, Абдуллаев, 1983. С. 39, 42). Другие исследователи синхронизировали культуру Сапалли лишь с периодом Намазга VI (Ширинов, 1993. С. 28, табл. 20). Поскольку начало последнего, вероятно, восходит к рубежу III и II тыс. до н. э. (Кутимов, 2009. С. 9), а завершение – к концу XVI в. до н. э.–концу XV в. до н. э., то культура Сапалли не могла существовать более 500 лет.

Немецкие археологи, которые в последние годы исследовали древнеземледельческие памятники Южного Узбекистана, также помещают рассматриваемую культуру в первую половину II тыс. до н. э. Однако они подвергли ее традиционную периодизацию ревизии, разделив сапаллинскую культуру лишь на два этапа: период позднего бронзового века I (SB I: сапаллинский и джаркутанский этапы) и период позднего бронзового века II (SB II: бустонский, кузалинский и молалинский этапы), причем период SB I немецкие исследователи предлагают датировать 1950–1700 гг. до н. э., а период SB II – 1700–1450 г. до н. э. Кроме того, М. Тойфер удревнил памятники бустонского этапа, поместив их вслед за джаркутанскими, и омолодил памятники молалинского и кузалинского этапов, причем последний в его схеме является финальным (Виноградова, 2008. С. 220, 221; 2009. С. 89, 90; Görsdorf, Huff, 2001. S. 81–86; Kaniuth, 2006. S. 27–52, 177–179; Kaniuth, Teufer, 2001. S. 104, 112, Abb. 14).

Периодизация сапаллинской культуры, предложенная немецкими учеными, не получила поддержки в Узбекистане и была подвергнута развернутой критике Н. А. Аванесовой (Аване-

сова, 2009), которая выступила против удревнения бустонского этапа. Критика Н. А. Аванесовой была поддержана Н. М. Виноградовой, доказывающей, что новая периодизация не подтверждается материалами древнеземледельческих памятников эпохи поздней бронзы юго-западного Таджикистана (Виноградова, 2009).

Оставляя в стороне вопрос о месте бустонского этапа в периодизации культуры Сапалли, необходимо подчеркнуть, что Н. А. Аванесова, дискутируя с М. Тойфером, не затронула проблемы абсолютного датирования сапаллинской культуры, полагая тем самым, что ее хронология не подлежит пересмотру, тогда как Н. М. Виноградова не отвергает полученные немецкими исследователями радиоуглеродные даты, в соответствии с которыми начальный этап сапаллинской культуры относится к первой четверти II тыс. до н. э. (Виноградова, 2009. С. 94, 95). Эти определения согласуются с выводом о том, что становление периода Намазга VI в Южном Туркменистане относится к рубежу III/II тыс. до н. э.

В настоящее время некоторые археологические находки не укладываются в рамки традиционной хронологии сапаллинской культуры. Например, обнаружение алакульского сосуда и федоровского погребения в верхнем слое оставленного земледельцами в конце XVI в. до н. э. поселения Тахирбай 3, керамический комплекс которого, по мнению Л. Т. Пьянковой, наиболее близок посуде бустонского этапа культуры Сапалли (Пьянкова, 1994. С. 137), указывает на то, что этот этап имеет более древнюю датировку и завершился либо в конце второй, либо в начале третьей четверти II тыс. до н. э.

Неорнаментированные бусины-пряслица обнаружены при раскопках поселения Сапалли-тепе (сапаллинский этап), а также могильников Джаркутан (кузалинский и молалинский этапы) и Бустон VI (молалинский и бустонский этапы). Большинство опубликованных экземпляров (18, относящихся к сапаллинскому этапу, 4 – к кузалинскому, 2 – к молалинскому и 4 – к бустонскому) сделано в традиции Юго-Восточного Туркменистана (рис. 2, 11–14, 17–20) (Аванесова, 2009. С. 13, 16, 38, рис. 4, II, 10; С. 42, рис. 8, II, 8; С. 50, рис. 16, I, 11, 13; 2010а. С. 117, 120, рис. 4, II, 10; С. 123, 125, рис. 8, II, 8; С. 135, рис. 16, I, 11, 13; Аскарлов, 1973. С. 44, табл. 54, 87, 97, 162; табл. 24, 7, 9–11, 17, 19, 20, 28, 29, 38; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 7, 13, 21, 23, 36, 199; XXXV, 1, 2, 4; Аскарлов, Абдуллаев, 1983.

С. 13–15, 67, 68, 70, 74, 114, 119, 120, табл. LIV, 8; LV, 11; XLVI, 10, 14–16; *Avanesova*, 1997. S. 164, Abb. 10b, 5, 6; 2007. S. 67, 68, Abb. 4, II, 10; S. 71, Abb. 8, II, 8; S. 86, Abb. 16, I, 11, 13), и только 5 изделий сапаллинского этапа из поселения Сапалли-тепе (Аскарков, 1973. С. 162, табл. 24, 19, 37, 39; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 11, 20) имеют размеры, характерные для юго-запада Туркменистана (период ЮЗТ-I) (рис. 2, 15, 16), причем у трех поделок (Аскарков, 1973. С. 87, 162, табл. 24, 37, 39; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 11) высота изделия больше, чем его диаметр.

Бусина-пряслице, выполненная в традиции, присущей изделиям подгорной полосы Копетдага, найдена также в погребении № 1 близ села Сазаган (рис. 2, 10). Комплекс погребального инвентаря позволил Н. А. Аванесовой датировать это захоронение XIX–XVIII вв. до н. э. (*Аванесова*, 2010б. С. 344, рис. 2, 16; С. 353, 359).

Находки терракотовых, реже каменных усеченно-биконических бусин-пряслиц, которые подобны артефактам, обнаруженным на памятниках подгорной полосы Копетдага, известны также на поселениях Среднего Востока, которые относятся к эпохе энеолита и бронзовому веку.

Прежде всего, следует упомянуть изделия, выявленные во время раскопок древнеземледельческих памятников на юго-западе Ирана. Речь идет об артефактах, представленных в слоях Джови 10 (рис. 3, 1) и Джови 4 (рис. 3, 2) (*Dollfus*, 1983. P. 119, fig. 44, 1, 2), Чога Миш (рис. 3, 3), поздняя Сузиана (*Delougaz, Kantor*, 1996. Pt. 2, Pl. 65, KK, LL, Pl. 232, B) и Джаффарабад 2 (рис. 3, 4) (*Dollfus*, 1971. Fig. 21, 12). Эти поселения расположены в области, получившей в древности название Сузиана. Еще одна поделка происходит из Фарукабада (рис. 3, 5), находящегося в долине Дех Луран (*Wright*, 1981. P. 52, fig. 29, h). Все упомянутые находки были сделаны в слоях, датирующихся 4800–4100 гг. до н. э. (*Alizadeh*, 2006. P. 262, Tab. 30).

Несколько бусин-пряслиц зафиксировано на древних городищах Южного Ирана: Тал-е Гап I а, II б, II с (рис. 3, 6) (*Egami, Sono*, 1962. P. 102, fig. 32, 7, 11, 12) и Тал-е Бакун А (рис. 3, 7) (*Alizadeh*, 2006. P. 233, fig. 61, B; *Langsdorff, McCown*, 1942. P. 17, 69, Pl. 82, 31). Оба памятника относятся к концу второй четверти V тыс. до н. э.–концу V тыс. до н. э. (*Alizadeh*, 2006. P. 262, Tab. 30).

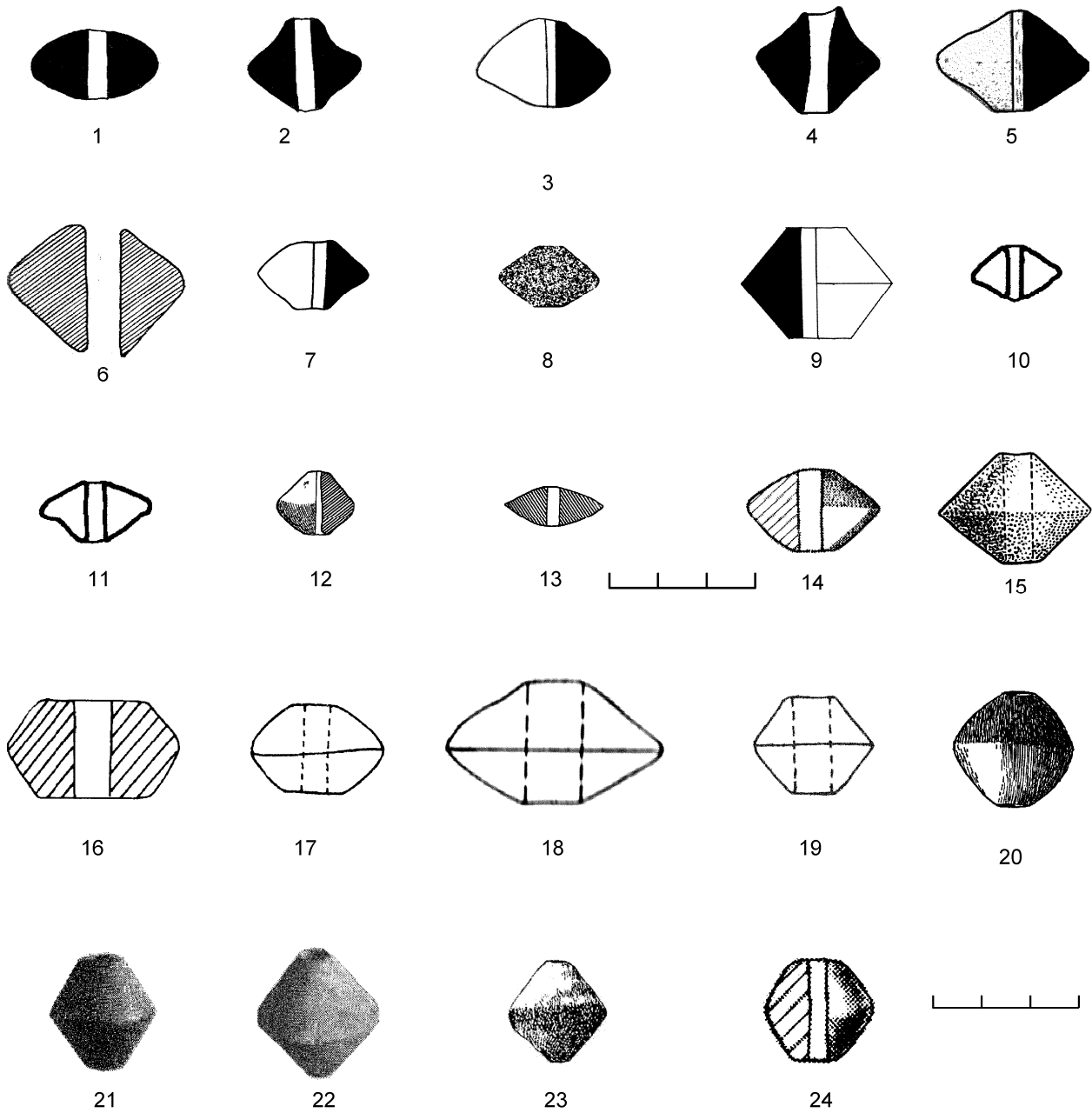
Такие же изделия обнаружены при исследовании поселений Юго-Восточного Ирана. Кос-

тая бусина-пряслице (рис. 3, 8) встречена в слое V В Тепе Яхья (*Lamberg-Karlovsky*, 1970. P. 109, Pl. 38, B, посередине), который датируется второй четвертью–серединой IV тыс. до Р. Х. (*Amiet*, 1986. P. 12, 13). Аналогичные поделки из необожженной глины выявлены в Шахри-Сохте (рис. 3, 10, 11) в отложениях фазы 5 (период II), относящейся к концу второй четверти III тыс. до н. э. (*Salvatori, Tosi*, 2005. P. 304, fig. 13). Авторы раскопок считают, что эти артефакты служили бусами (*Salvatori, Vidale*, 1997. P. 76, 164, fig. 240, 23, 24).

На северо-востоке Ирана терракотовые бусины-пряслица (рис. 3, 12) были зафиксированы во всех культурных отложениях поселения Гисар (*Schmidt*, 1937. P. 53, 117, 185, 441, Pl. XIVa, H 3810). Кроме того, в слое периода III найдена каменная поделка (рис. 3, 13) этого типа, имеющая приплюснутую форму (*Ibid.* P. 221, 439, Pl. LXIII, H 3695). Еще одна каменная бусина-пряслице (рис. 3, 23) из этого же слоя аналогична изделиям, обнаруженным в погребениях сумбарских могильников на юго-западе Туркменистана. К сожалению, в публикациях не указано, к какому подпериоду слоя III относятся две последние находки (*Schmidt*, 1933. Pl. CXLIII C, H 159). В целом можно сказать, что в Гисаре бусины-пряслица производили с конца V тыс. до н. э. по начало II тыс. до н. э. (*Дайсон*, 1986. С. 86; *Дайсон, Ховард*, 1983. С. 36; *Dyson, Lawn*, 1989. P. 142).

На поселении Шах-тепе, также расположенном в Северо-Восточном Иране, в слоях II и III, представлены терракотовые и каменные бусины-пряслица (рис. 3, 20) (*Arne*, 1945. P. 136, 263, 266, 362, Pl. LXXI, 563 a, Pl. LXXVI, 618), причем некоторые из них (*Ibid.* P. 266, 362, fig. 560 a, Pl. LXXI, 564) аналогичны тем изделиям из Юго-Западного Туркменистана, у которых совпадают размеры диаметра и высоты. Отдельные экземпляры каменных бусин-пряслиц имеют высоту, превышающую размер диаметра (рис. 3, 21, 22) (*Ibid.* P. 152, 287, 363, Pl. LXXVI, 600 a, 600 b). Напластования Шах-тепе, в которых залегали все эти поделки, синхронны третьей четверти–второй половине III тыс. до н. э.

Крупные каменные бусины-пряслица (18 экземпляров) представлены на юге Афганистана в культурных отложениях Мундигака (рис. 3, 9) в горизонтах II 1 – IV 1 (*Casal*, 1961. Vol. I, P. 240, 241; Vol. II, fig. 138, 6). Эти напластования датируются в интервале от последней трети IV тыс.

Рис. 3. Неорнаментированные бусины-пряслица Среднего Востока эпохи энеолита и бронзового века:

1 – Джови 10 (Dollfus, 1983); 2 – Джови 4 (Dollfus, 1983); 3 – Чога Миш, поздняя Сузиана (Delougaz, Kantor, 1996); 4 – Джафарабад 2 (Dollfus, 1971); 5 – Фарукабад, фаза поздний фарук (Wright, 1981); 6 – Тал-е Гап I а (Egami, Sono, 1962); 7 – Тал-е Бакун А III (Langsdorff, McCown, 1942); 8 – Тепе Яхья V В (Lamberg-Karlovsky, 1970); 9 – Мундигаг II 1 – IV 1 (Casal, 1961); 10, 11 – Шахри-Сохте II, фаза 5 (Salvatori, Vidale, 1997); 12 – Гисар I–III (Schmidt, 1937); 13 – Гисар III (Schmidt, 1937); 14, 15 – Дашлы 3 (14 – Сарьяниди, 1976; 15 – Сарьяниди, 1984); 16 – Шортугай II 3 (Francfort et al., 1989); 17 – Чанху-даро I С (Mackay, 1943); 18 – Мохенджо-даро, переходный период, поздняя фаза I (Mackay, 1938); 19 – Чанху-даро, период Джжукар (Mackay, 1943); 20 – Шах-тепе II–III (Arne, 1945); 21 – Шах-тепе II (шурф А) (Arne, 1945); 22 – Шах-тепе II (шурф С) (Arne, 1945); 23 – Гисар III (Schmidt, 1933); 24 – Дашлы 3 (Сарьяниди, 1976).
1–7, 12, 18–20, 24 – терракота, 8 – кость, 10, 11, 13, 16 – глина, 17 – «фаянс», 9, 14, 15, 21–23 – камень.
7 – без масштаба, диаметр 3,4 см, высота 2,1 см; 18 – без масштаба, диаметр 3,2 см, высота 1,8 см.

Fig. 3. Unornamented beads/spindle whorls from the Middle East of the Eneolithic Period and Bronze Age:

1 – Jovi 10; 2 – Jovi 4; 3 – Choga Mish, late Susiana; 4 – Jafarabad 2; 5 – Farukabad, late Faruk phase; 6 – Tal-e Gap I a; 7 – Tal-e Bakun A III; 8 – Tepe Yahya V B; 9 – Mundigak II 1 – IV 1; 10, 11 – Shahr-i-Sokhta II, phase 5; 12 – Hissar I–III; 13 – Hissar III; 14, 15 – Dashly 3; 16 – Shortugay II 3; 17 – Chanhu-Daro I C; 18 – Mohenjo-daro, transitional period, late phase I; 19 – Chanhu-Daro, Jhukar; 20 – Shah-Tepe II–III; 21 – Shah-Tepe II (trench A); 22 – Shah-Tepe II (trench C); 23 – Hissar III; 24 – Dashly 3.
1–7, 12, 18–20, 24 – terracotta, 8 – bone, 10, 11, 13, 16 – clay, 17 – ‘faience’, 9, 14, 15, 21–23 – stone.
7 – without scale, diameter 3,4 cm, height 2,1 cm; 18 – without scale, diameter 3,2 cm, height 1,8 cm.

до н. э. до середины III тыс. до н. э. (*Besenval*, 2005. P. 8, fig. 13). Одна бусина-пряслице находилась в погребении С 10 (горизонт III 6), относящемся к концу первой четверти III тыс. до н. э. (*Besenval*, 2005. P. 8, Fig. 13; *Casal*, 1961. Vol. 1, P. 240).

Глиняная бусина-пряслице (рис. 3, 16) обнаружена в Шортугае (*Francfort et al.*, 1989. Vol. 1, P. 168, 169, Tab. 61 a; Vol. 2, Pl. 82, 3) на севере Афганистана в горизонте 3 позднего хараппского периода II, который синхронен концу III тыс. до н. э. (*Алёшкин*, 2011. С. 125; *Francfort*, 1983. P. 518; 1989. Vol. 1, P. 241, 242).

Бусины-пряслица, выполненные из глины и камня, встречены при раскопках поселения Дашлы 3 (рис. 3, 14, 15) в Северном Афганистане (*Сарианиди*, 1976. С. 78, 79, рис. 49; С. 82, 80, рис. 50, 10, 12–14; 1984. С. 28, рис. 20, 5–7). Данные находки, датирующиеся рубежом III и II тыс. до н. э. (*Алёшкин*, 2010б. С. 38), выполнены в традиции Юго-Восточного Туркменистана. На этом же поселении (рис. 3, 24) обнаружена терракотовая бусина-пряслице (*Сарианиди*, 1976. С. 80, рис. 50, 11), пропорции которой аналогичны пропорциям изделий из погребений Сумбарских могильников на юго-западе Туркменистана.

Находки терракотовых бусин-пряслиц известны также на поселениях хараппской культуры. В Мохенджо-даро выявлено два таких изделия. Одно из них (рис. 3, 18) зафиксировано в слоях переходного периода (поздняя фаза I) (*Mackay*, 1938. Vol. 1, XV, 123, 553; Vol. 2, Pl. CXXXVIII, 5), в которых залегала керамика типа Наушаро III (*Jarrige*, 1994. P. 304; *Qivron*, 2000. P. 168, 180), относящаяся к 2400/2300 гг. до н. э.–2200/2100 гг. до н. э. (*Jarrige*, 1994. P. 282, 304; 1996. P. 859). Другое находилось в отложениях позднего периода (ранняя фаза III) (*Mackay*, 1938. Vol. 1, XIV, 123, 553; Vol. 2, Pl. CXXXVII, 100), в которых представлена керамика типа Наушаро IV (*Jarrige*, 1994. P. 304; *Qivron*, 2000. P. 168, 180), датирующаяся между 2100 и 2000 гг. до н. э. (*Jarrige*, 1996. P. 870).

Две аналогичные каменные поделки (рис. 3, 17) из Чанху-даро IC (*Mackay*, 1943. P. 34, 207, 313, Pl. LXXXV, 11, 12; *Qivron*, 2000. P. 163) происходят из культурных напластований, синхронных слою IV поселения Наушаро, т. е. концу III тыс. до н. э. (*Jarrige*, 1996. P. 870). Три керамические бусины-пряслица встречены в отложениях Чанху-даро (рис. 3, 19), относящихся к постхараппской культуре Джжукар (*Mackay*,

1943. P. 208, 315, Pl. LXXXVII, 17, 18, 21), которую датируют 1900–1700 гг. до н. э. (*Possehl*, 2002. P. 29).

Территориальное распространение и хронологическое распределение неорнаментированных терракотовых, глиняных и каменных усеченно-биконических бусин-пряслиц в археологических комплексах Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 4) позволяют сделать четыре вывода.

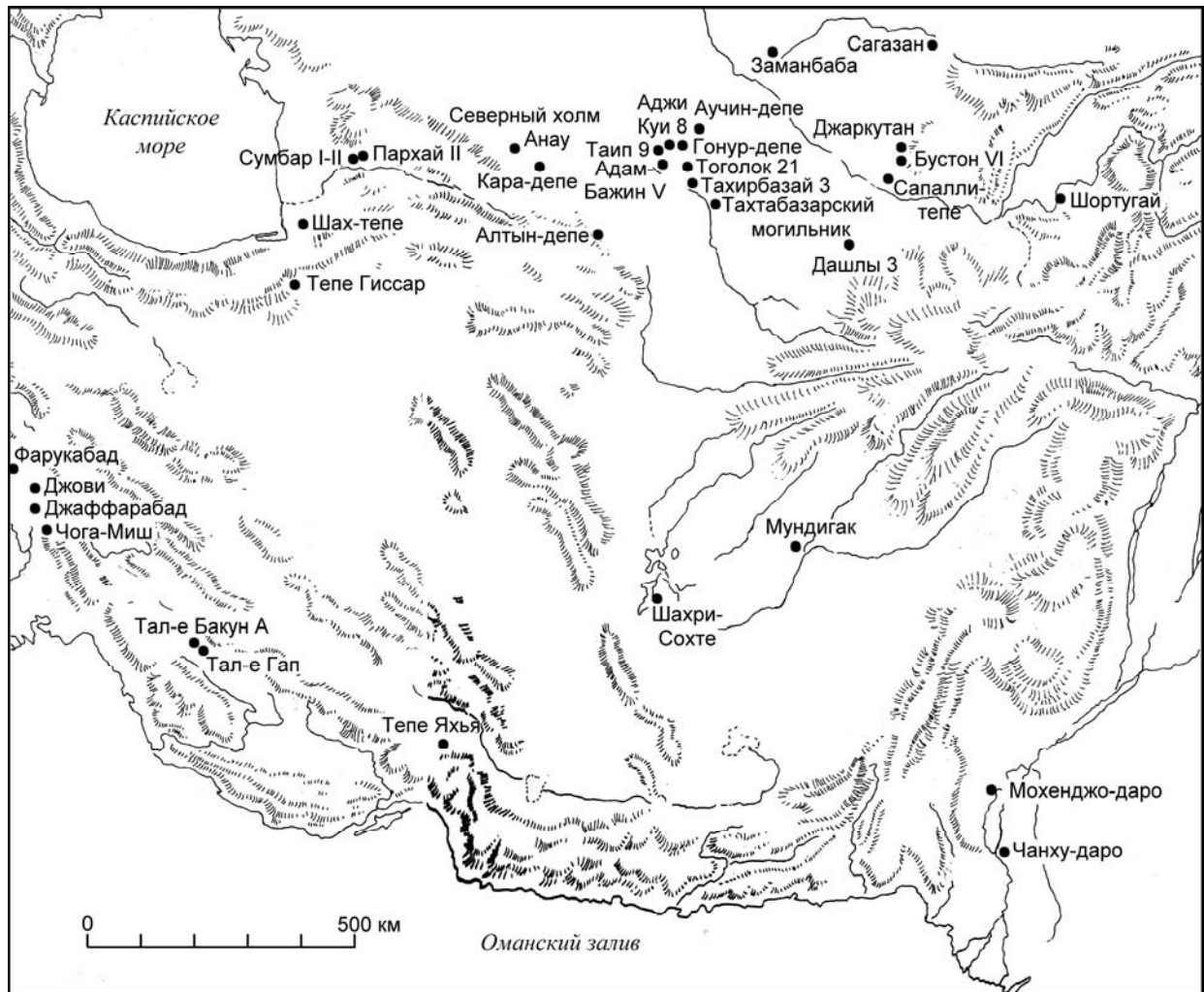
Во-первых, эти вещи, существующие в Центральном и Юго-Восточном Туркменистане в широком хронологическом диапазоне от начала третьей четверти V тыс. до н. э. до начала третьей четверти II тыс. до н. э., не могут рассматриваться в качестве хронологического индикатора для датирования культурных отложений Алтын-депе эпохи позднего энеолита и бронзового века.

Во-вторых, самые ранние терракотовые бусины-пряслица (вторая четверть V тыс. до н. э.) найдены в культурных напластованиях памятников Среднего Востока, а именно на юго-западе (Джови 10) и юге (Тал-е Гап Ia) Ирана. Не исключено, что появление этих поделок в Центральной Азии (подгорная полоса Копетдага, археологические комплексы периода развитое Намазга I) связано с культурным влиянием сопредельных иранских областей, например, Северо-Восточного Ирана (Гисар I), где аналогичные изделия известны с конца V тыс. до н. э., а возможно, и ранее.

В-третьих, в подгорной полосе Копетдага и дельте реки Мургаб бусины-пряслица, начиная с эпохи энеолита и в бронзовом веке, являются одной из категорий массового археологического материала, тогда как за пределами этих регионов они встречаются значительно реже, в основном в Северо-Восточном (Гисар) и Юго-Восточном (Тепе Яхья, Шахри-Сохте) Иране, а также в Афганистане (Мундигак, Дашлы 3) и юго-западном Пакистане (Мохенджо-Даро, Чанху-даро). Возможно, что такое распространение этих артефактов фиксирует юго-западное, южное и юго-восточное направления культурных контактов, связывавших древнее население Центрального и Юго-Восточного Туркменистана с племенами, которые населяли обширные территории Ирана, Афганистана и Пакистана.

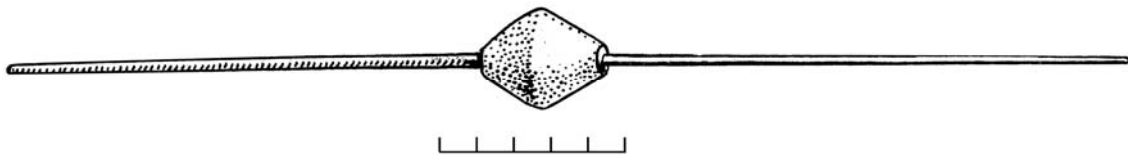
В-четвертых, в Центральной Азии вне ареала анауской культуры рассматриваемые изделия представлены лишь на юге Узбекистана (поселение I культуры Заманбаба и памятники

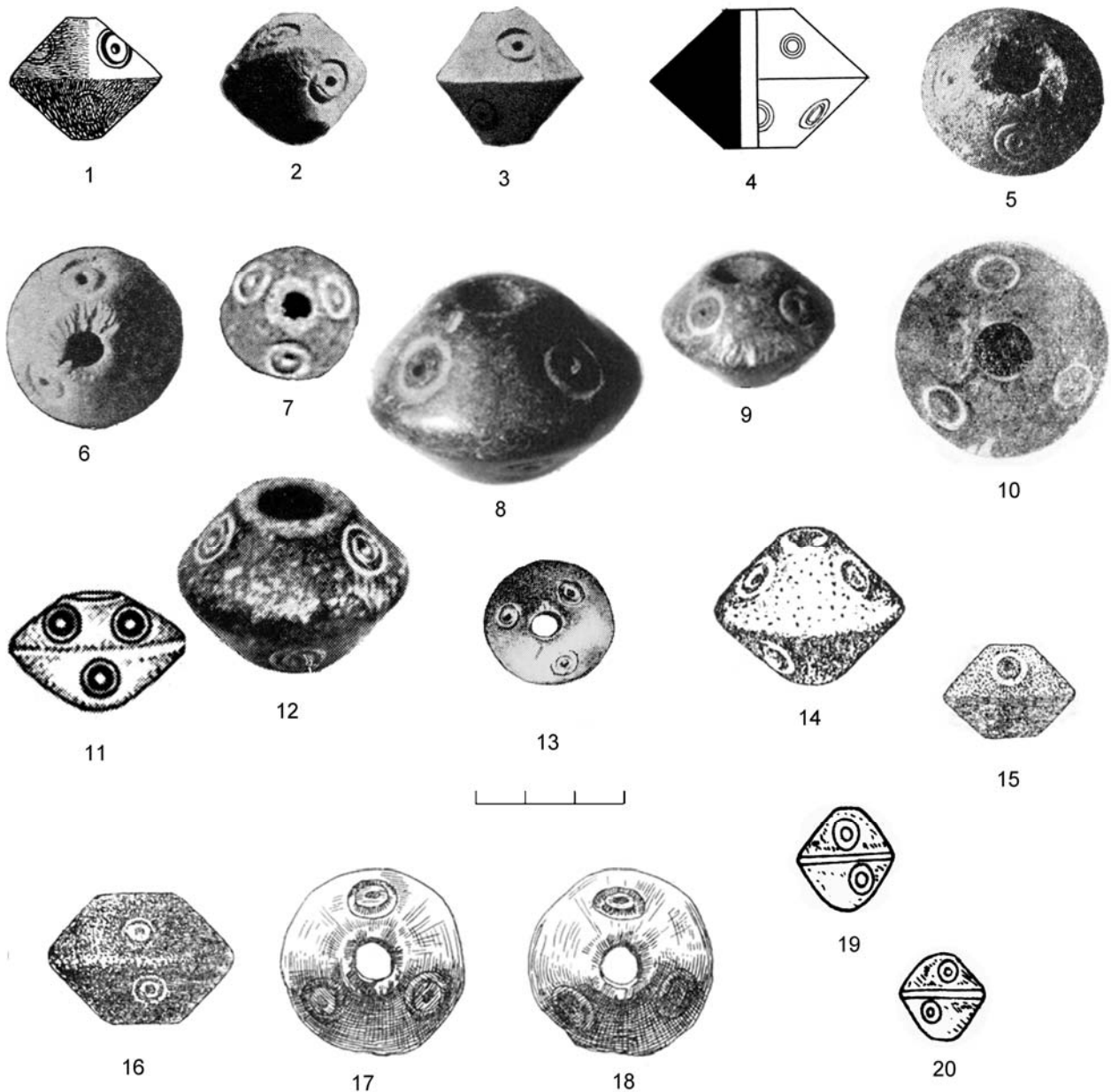
Рис. 4. Археологические памятники Центральной Азии и Среднего Востока V–II тыс. до н. э., на которых найдены неорнаментированные бусины-пряслица.

Fig. 4. Archaeological sites of Central Asia and Middle East of the 5th–2nd millennia BC where unornamented beads/spindle whorls were found.

Рис. 5. Юго-Западный Туркменистан. Могильник Сумбар I (ЮЗТ-I). Веретено из женского погребения № 110, представляющее собой металлический стержень, на который насажена каменная неорнаментированная биконическая бусина-пряслице (Хлопин, 1983).

Fig. 5. Southwestern Turkmenistan. Cemetery of Sumbar I (YuZT-I). Spindle from female burial № 110: a metal rod onto which a stone unornamented biconical bead/spindle whorl is stuck.

Рис. 6. Каменные бусины с орнаментом в виде кругов, найденные на памятниках бронзового века в Центральной Азии и на Среднем Востоке:

1 – Гисар III С, погребение CF 47, х-2 (Schmidt, 1937); 2, 3 – Гисар III (Schmidt, 1933); 4 – Мундигаг, тепе F, верхний слой, помещение 75 (Casal, 1961); 5, 6 – южный холм Анау, терраса В (Pumpelly, 1908); 7 – могильник Гонура, погребение № 183 (Sarianidi, 2007); 8, 9 – Северный Гонур, монументальные сооружения (Sarianidi, 1998); 10 – Дашлы 3 (Сарианиди, 1977); 11 – Сазаган, погребение № 2 (Аванесова, 2010б); 12 – Лохумджо-даро (Majumdar, 1934); 13 – Дашлы 1 (Сарианиди, 1976); 14 – Сапалли-тепе, помещение (Аскаров, 1973); 15 – Тоголок 24, погребение № 25 (Сарианиди, 1990); 16 – Тоголок 1 (Сарианиди, 1990); 17, 18 – Тахирбай 3, подъемный материал (Массон, 1959); 19, 20 – могильник Бустон VI, погребение № 219 (Kaniuth, Teufer, 2001). 2, 3, 5, 6 – без масштаба, размеры не указаны; 12 – без масштаба, диаметр примерно 2,3 см, высота примерно 1,6 см.

Fig. 6. Stone beads ornamented with circles from sites of the Bronze Age in Central Asia and Middle East:

1 – Hissar III C, burial CF 47, x-2; 2, 3 – Hissar III; 4 – Mundigak, Tepe F, upper layer, room 75; 5, 6 – southern hill of Anau, terrace B; 7 – cemetery of Gonur, burial N 183; 8, 9 – Northern Gonur, monumental installations; 10 – Dashly 3; 11 – Sazagan, burial N 2; 12 – Lohumjo-daro; 13 – Dashly 1; 14 – Sapalli-tepe, room; 15 – Togolok 24, burial N 25; 16 – Togolok 1; 17, 18 – Tahirbay 3, surface finds; 19, 20 – cemetery of Buston VI, burial N 219. 2, 3, 5, 6 – without scale, dimensions unspecified; 12 – without scale, diameter ca 2,3 cm, height ca 1,6 cm.

культуры Сапалли), что свидетельствует о культурных контактах оседлого земледельческого населения Юго-Восточного Туркменистана и Южного Узбекистана. Иногда в сапаллинских археологических комплексах встречаются бусины-пряслица, которые исполнены в иной традиции, распространенной на юго-западе Туркменистана (сумбарские могильники) и на некоторых памятниках Северо-Восточного Ирана (Шах-тепе III–II), что, видимо, свидетельствует о связях, существовавших в эпоху поздней бронзы между двумя столь отдаленными друг от друга регионами, как Юго-Западный Туркменистан и Южный Узбекистан. Это наблюдение важно еще и потому, что в Юго-Восточном Туркменистане находки бусин-пряслиц, выполненных в сумбарско-шахтепинских традициях, отсутствуют.

В завершение обзора усеченно-биконических бусин-пряслиц следует сказать, что они, вероятно, служили утяжелителями для орудий прядения или вязания (рис. 5) (Кирчо, 2005а. С. 384; Хлопин, 1983. С. 22).

В конце периода Намазга V в подгорной полосе Копетдага каменные бусины-пряслица начинают украшать, о чем свидетельствуют два упомянутых в начале статьи изделия, украшенные резным геометрическим орнаментом. Эти поделки, обнаруженные А. Ф. Ганялиным на раскопе «вышки» Алтын-депе, являлись частью уже упоминавшегося клада 2 (Ганялин, 1967. С. 214, 216, Рис. 6, 2, 3). Он относится к более позднему, чем горизонт Алтын 0, строительному периоду, застройка которого не сохранилась и который, видимо, существовал в самом конце III тыс. до н. э. Именно этим временем и следует датировать обе украшенные находки.

Традиция украшать бусины-пряслица подобным узором сохраняется и в период Намазга VI. На это указывают артефакты из поселений Тоголок 21 и Аджи Куи 8 (Сарианиди, 1990. С. 285, Табл. LXXX, 2; Hiebert, 1994. P. 153, fig. 9, 17; Masimov et al., 1998. P. 45, fig. 5, 10).

Резные геометрические орнаменты представлены также на поделках из могильника Гонура (Сарианиди, 2007. P. 116, fig. 216, 218, а, слева, 219, b). Однако вопрос о том, к какому периоду (Намазга V или Намазга VI) следует относить изделия, обнаруженные в могилах этого некрополя, остается открытым.

Известны и другие типы орнаментации каменных бусин-пряслиц. На северо-восточном склоне Алтын-депе автор этих строк подобрал

в 1978 г. поделку, украшенную узором в виде трех маленьких кругов, которые прорезаны на ее поверхности. Возможно, что этот до сих пор не опубликованный артефакт был связан с разрушенным археологическим контекстом раскопа «вышки», относящегося к концу III тыс. до н. э.

Аналогичные находки (рис. 6, 15), иногда украшенные не тремя, а четырьмя маленькими кругами, широко представлены в кроющем слое поселений, расположенных в древней дельте реки Мургаб, и в связанных с ними погребениях (Адам Бажин V; Аджи Куи 1, 2, 3, 4, 8; Аучин 1; Таип 9; Тахирбай 7, 12; Тоголок 2, 8, 24). Упомянутые изделия, отличающиеся от неорнаментированных бусин-пряслиц более крупными размерами и, очевидно, являющиеся украшениями, относятся к периоду Намазга VI (Масимов, 1979. С. 125; Массон, 1959. С. 23, 181, 213, табл. XIII, 2, 3; Сарианиди, 1990. С. 11, 28, 43, 46, 50, 55, 57, 65, 139, 208, табл. III, 20; С. 230, табл. XXV, 6, 7, 11, 12, 14, 15; С. 284, табл. LXXIX, 12–14; С. 285, табл. LXXX, 4, 5; Masimov et al., 1998. P. 45, Fig. 5, 1–9, 11).

Большая серия подобных находок происходит из могильника, относящегося к поселению Гонур (рис. 6, 7) (Сарианиди, 2001. С. 69, 159, табл. 24, 9; Sarianidi, 2007. P. 116, fig. 218, а, справа, 219, а). Встречены они также и в монументальных сооружениях Гонура (рис. 6, 8, 9) (Сарианиди, 1998. P. 49, fig. 17, 15, 16), и в кроющем слое городища (Сарианиди, 1990. С. 28), которое было заброшено около 1500 г. до н. э. (Зайцева и др., 2008).

Такие же изделия выявлены на поверхности поселений Тоголок 1, Тоголок 21 (Сарианиди, 1990. С. 43, 50) и Тахирбай 3 (Массон, 1959. С. 23, 181, 213, табл. XIII, 2, 3), оставленных в конце XVI в. до н. э. (рис. 6, 16–18).

В Центральном Туркменистане находки бусин-пряслиц с кружковым орнаментом известны только на южном холме Анау (рис. 6, 5, 6). Имеется информация о трех находках подобного рода. Все они обнаружены на террасе В. Две из них залегали между отметками 23 фута, 7 дюймов и 25 футов, а третья находилась глубже, между отметками 21 фут, 5 дюймов и 23 фута, 7 дюймов (Pumpelly, 1908. Vol. 1, P. 160, 161, fig. 320, Pl. 41, 8, 42, 1). Эти уровни, видимо, соответствуют периодам ранее Намазга VI и развитое Намазга VI (Массон, 1959. С. 98). Таким образом, данные находки, вероятно, относятся к первой четверти-началу второй четверти II тыс. до н. э.

Несколько бусин-пряслиц с кружковым орнаментом представлены также в отложениях раннего этапа культуры Сапалли, где они были найдены в помещениях (рис. 6, 14), раскопанных на эпонимном поселении (Аскарлов, 1973. С. 97, 162, табл. 24, 1–4, 18; 1977. С. 71, 198, табл. XXXIV, 1, 5). Эти находки датируются началом первой четверти II тыс. до н. э.

Бусина-пряслице с кружковым орнаментом обнаружена также в захоронении № 2 близ села Сазаган (рис. 6, 11). Погребальный инвентарь этой могилы, по мнению Н. А. Аванесовой, относится к XIX–XVIII вв. до н. э. (Аванесова, 2010б. С. 345, рис. 3, 14; С. 356, 359).

Пять бусин-пряслиц найдено во время раскопок могильника сапаллинской культуры Бустон VI (письмо Н. А. Аванесовой автору от 13.10.2011 г.), в котором выявлены захоронения молалинского и бустонского этапов (Аванесова, 2009. С. 10, 11). Рассматриваемые изделия зафиксированы в могилах бустонского этапа (рис. 6, 19, 20), причем опубликованы только поделки из погребения № 219 (Там же. С. 50, рис. 16, II, 10, 12; Аванесова, 2007. Р. 86, II, 10, 12; Kaniuthh, Teufer, 2001. S. 107, Abb. 12, 3, 4; письмо Н. А. Аванесовой автору от 13.10.2011 г.).

С точки зрения Н. А. Аванесовой, все эти находки относятся к первой четверти I тыс. до н. э. (Аванесова, 2009. С. 7). Однако описанное выше стратиграфическое залегание степной керамики в древней дельте реки Мургаб на поселении Тохирбай 3, станковая керамика которого чрезвычайно близка керамическому комплексу бустонского этапа сапаллинской культуры, позволяет утверждать, что бустонский этап относится к более древней эпохе, чем предполагали ранее, и, вероятно, датируется XVI в. до н. э.

Аналогичная бусина-пряслице обнаружена в Северо-Восточном Иране на поселении Гисар (рис. 6, 1) в погребении CF 47, х-2, относящемся к периоду III С (Schmidt, 1937. P. 237, 257, fig. 161, Pl. LXX, N 2788), который датируется в интервале от 2150 г. до н. э. до 1885 г. до н. э. (Dyson, Lawn, 1989. P. 142).

По меньшей мере еще три таких же изделия (рис. 6, 2, 3) происходят из отложений периода Гисар III (Schmidt, 1933. Pl. CXLVI, N 490c). К сожалению, в публикации не сказано, к какому подпериоду слоя относятся эти поделки, которые, если ориентироваться на даты других находок, не могли быть изготовлены ранее последней четверти III тыс. до н. э.

Подобная бусина-пряслице обнаружена в тепе F (рис. 6, 4) на поселении Мундигак (Юго-Восточный Афганистан). На этом всхолмлении были вскрыты два строительных горизонта, давшие, к сожалению, невыразительный материал. Тем не менее Ж. Казаль нашел в нижнем горизонте алебастровые сосуды, аналогичные сосудам горизонта 3 периода IV холма А, и синхронизировал этот горизонт с ранним напластованием холма F (2400–2300 гг. до н. э.). Верхний горизонт, в котором и залегало рассматриваемое изделие, Казаль атрибутировал как горизонт IV 4, отсутствующий на других участках поселения (Casal, 1961. Vol. 1, P. 79–81, 243; Vol. 2, fig. 138, 37). Это отложение следует датировать последней четвертью III тыс. до н. э.

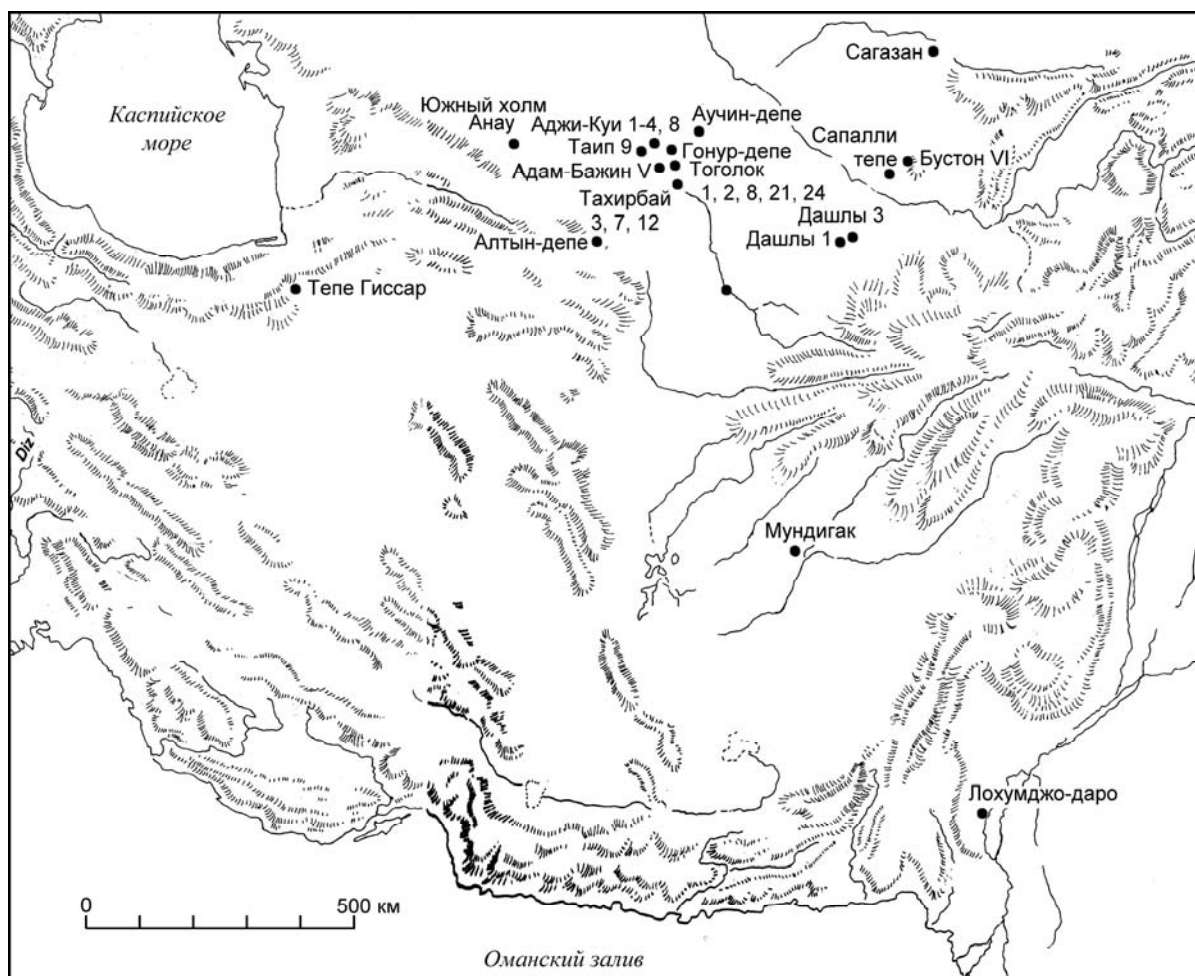
Аналогичные поделки встречены и в культурных напластованиях поселений Дашлы 1 (рис. 6, 13) и Дашлы 3 (рис. 6, 10) в Северном Афганистане (Сарианиди, 1976. С. 40, 42, 83, рис. 26, 7; 1977. С. 102–104, рис. 54, 5, 6, 8, 9), причем Дашлы 3 датируется рубежом III и II тыс., а Дашлы 1, вероятно, – первой четвертью II тыс. до н. э. (Алэкишин, 2010а. С. 38).

Бусина-пряслице с кружковым орнаментом найдена при раскопках городища Лохумджо-даро, расположенного на юго-западе Пакистана (Majumdar, 1934. P. 58, Pl. XXXIII, 23). Она залегала в постхараппских слоях культуры Джхукар (рис. 6, 12), которая датируется 1900–1700 гг. до н. э. (Possehl, 2002. P. 29).

Территориальное распространение и хронологическое распределение бусин-пряслиц с орнаментом в виде окружностей в археологических комплексах Центральной Азии и Среднего Востока (рис. 7) позволяют сделать три вывода.

Во-первых, эти вещи, существующие на юго-востоке Туркменистана от конца III тыс. до н. э. до конца второй четверти II тыс. до Р. Х., являются хронологическими индикаторами для датирования археологических комплексов Центральной Азии и Среднего Востока конца среднего–позднего бронзового века. В Юго-Восточном Туркменистане они появляются на финальном этапе периода Намазга V и существуют до конца периода Намазга VI. В комплексах типа Яз I и синхронных ему памятниках Южного Узбекистана они не представлены.

Во-вторых, рассматриваемые изделия имеют центральноазиатское происхождение, так как являются одной из категорий массового археологического материала, прежде всего в Юго-Восточном

Рис. 7. Археологические памятники Центральной Азии и Среднего Востока конца III – середины II тыс. до н. э., на которых найдены каменные бусины-пряслица с орнаментом в виде кругов.

Fig. 7. Archaeological sites of Central Asia and Middle East of the late 3rd – mid-2nd millennia BC where stone beads/spindle whorls ornamented with circles were found.

Туркменистане (поселения и могильники Мургабского оазиса). За его пределами эти находки довольно многочисленны на поселениях Северного Афганистана (Дашлы 1, Дашлы 3). Возможно, это обстоятельство указывает на культурные связи древнего населения Южного Туркменистана с племенами, населяющими Северный Афганистан. В Центральном Туркменистане (южный холм Анау) и на Среднем Востоке встречены лишь единичные поделки такого рода: Северо-Восточный Иран (Гисар IIIС), Юго-Восточный Афганистан (Мундигак F) и Юго-Западный Пакистан (Лохумджо-даро). Все рассматриваемые бусины-пряслица выполнены в традиции Юго-Восточного Туркменистана.

В-третьих, в Центральной Азии вне ареала анауской культуры эти изделия представлены

лишь на юге Узбекистана (погребение № 2 у села Сагазан, поселение Сапалли, могильник Бустон VI), что свидетельствует о культурных контактах оседлого земледельческого населения Юго-Восточного Туркменистана и Южного Узбекистана в эпоху позднего бронзового века (период Намазга VI).

Аванесова, 1995 – Аванесова Н. А. Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. 1995. № 4.

Аванесова, 2009 – Аванесова Н. А. Хронология древнеземледельческих памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. М., 2009. Альманах 1.

Аванесова, 2010а – Аванесова Н. А. К проблеме относительной хронологии и периодизации сапаллинской культуры // Археология Узбекистана. Самарканд, 2010. № 1.

Аванесова, 2010б – Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция бактрийско-маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. СПб., 2010 (Труды МАЭ; Т. 3).

- Алёкишин*, 2005 – *Алёкишин В. А.* Захоронения Алтын-депе (основные компоненты погребального обряда) // Хронология эпохи позднего неолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 2. Гл. 4 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Алёкишин*, 2010а – *Алёкишин В. А.* Датировка могильника Заманбаба (по материалам терракот Центральной Азии эпохи неолита и бронзового века) // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии: Материалы междунар. конф. (Самарканд, 7–8 сентября 2008 г.). Самарканд; Ташкент, 2010.
- Алёкишин*, 2010б – *Алёкишин В. А.* Металлические косметические стержни Алтын-депе с навершием в виде лопаточки // Древние культуры Евразии. СПб., 2010.
- Алёкишин*, 2011 – *Алёкишин В. А.* Терракотовые, глиняные и каменные «навершия» Алтын-депе // ЗИИМК РАН. 2011. № 6.
- Алёкишин*, 2012 – *Алёкишин В. А.* К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Алёкишин*, *Кирчо*, 2005 – *Алёкишин В. А.*, *Кирчо Л. Б.* Каталог погребений Алтын-депе // Хронология эпохи позднего неолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 1 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Аскаров*, 1973 – *Аскаров А. А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскаров*, 1976 – *Аскаров А. А.* Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
- Аскаров*, 1977 – *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскаров*, *Абдуллаев*, 1983 – *Аскаров А. А.*, *Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
- Виноградова*, 2008 – *Виноградова Н. М.* Земледельческое поселение и могильник Кангурттут – памятник эпохи поздней бронзы // *Виноградова Н. М.*, *Ранов В. А.*, *Филимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). М., 2008.
- Виноградова*, 2009 – *Виноградова Н. М.* Относительная и абсолютная хронология земледельческих памятников Юго-Западного Таджикистана в эпоху поздней бронзы // Центральная Азия и Южная Сибирь. М., 2009. Альманах 1.
- Ганялин*, 1967 – *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959–1961 гг. на Алтын-депе // СА. 1967. № 4.
- Гулямов и др.*, 1966 – *Гулямов Я. Х.*, *Исламов У.*, *Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана // Труды Махандарьинского отряда Узбекской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Ташкент, 1966. Кн. 1.
- Дайсон*, 1986 – *Дайсон Р.* Повторное исследование тепе Гиссара // Древние цивилизации Востока (материалы II советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986.
- Дайсон*, *Ховард*, 1983 – *Дайсон Р. Х.*, *Ховард С. М.* Повторное изучение памятника тепе Хиссар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II советско-американский симпозиум: Тез. докл. Ташкент, 1983.
- Зайцева и др.*, 2008 – *Зайцева Г. И.*, *Дубова Н. А.*, *Семенов А. А.*, *Реймар П.*, *Мэллори Дж.*, *Юнгнер Х.* Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // ТМАЭ. 2008. Т. 2.
- Кирчо*, 2005а – *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего неолита–средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб., 2005. Ч. 2. Гл. 3 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Кирчо*, 2005б – *Кирчо Л. Б.* Таблицы // Там же. Ч. 1 (Труды ИИМК РАН; Т. 16).
- Кирчо*, 2008 – *Кирчо Л. Б.* Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху неолита // *Кирчо Л. Б.*, *Коробкова Г. Ф.*, *Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал неолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб., 2008.
- Крэддок*, *Флэтчер*, 2012 – *Крэддок П.*, *Флэтчер Ф.* Сообщение об анализе железной булавки из Гонура // Труды МАЭ. М., 2012. Т. 4.
- Кузьмина*, 1964 – *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964.
- Кузьмина*, 2008 – *Кузьмина Е. Е.* Арии – путь на юг. М.; СПб., 2008.
- Курбансахатов*, 1987 – *Курбансахатов К.* Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
- Кутимов*, 1999 – *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 2.
- Кутимов*, 2002 – *Кутимов Ю. Г.* Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазагабьбской культуры Южного Приаралья // АВ. 2002. № 9.
- Кутимов*, 2005 – *Кутимов Ю. Г.* Степные элементы в погребальном обряде могильника Заманбаба (к вопросу о происхождении и хронологии заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии) // АВ. 2005. № 12.
- Кутимов*, 2009 – *Кутимов Ю. Г.* Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Масимов*, 1979 – *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1.
- Массон*, 1959 – *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА; № 73).
- Массон*, 1960 – *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953–1957 гг.) // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т. 10.
- Массон*, 1966 – *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.
- Массон*, 2006 – *Массон В. М.* Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006.
- Пьянкова*, 1994 – *Пьянкова Л. Т.* Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19.
- Сарианиди*, 1975 – *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2.
- Сарианиди*, 1976 – *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976.
- Сарианиди*, 1977 – *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди*, 1984 – *Сарианиди В. И.* Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 // Древняя Бактрия: Материалы Советско-Афганской экспедиции М., 1984. Вып. 3.
- Сарианиди*, 1989 – *Сарианиди В. И.* Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. М., 1989. № 1.
- Сарианиди*, 1990 – *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди*, 1994 – *Сарианиди В. И.* Маргиана на Древнем Востоке // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19.
- Сарианиди*, 2001 – *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди*, 2008 – *Сарианиди В. И.* Тайна и правда великой культуры. Ашгабат, 2008.
- Удеумрадов*, 1994 – *Удеумрадов Б. Н.* Древние земледельцы Южной Маргианы // АВ. 1994. № 3.

- Хлопин*, 1963 – *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении (энеолит южных областей Средней Азии). М.; Л., 1963. Ч. 1 (САИ; БЗ–8).
- Хлопин*, 1983 – *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.
- Хлопин*, 2002 – *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб., 2002 (Тр. ЮТАКЭ; Т. 21).
- Хлопина*, 1978 – *Хлопина Л. И.* Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.
- Ширинов*, 1993 – *Ширинов Т.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии (по материалам городища Джаркутан): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- Щетенко*, 1999 – *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 1999. № 2.
- Щетенко*, *Кутимов*, 1999 – *Щетенко А. Я.*, *Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *АВ*. 1999. № 6.
- Alizadeh*, 2006 – *Alizadeh A.* The origins of state organizations in prehistoric highland Fars, Southern Iran: Excavations at Tall-e Bakun // *OIP*. 2006. Vol. 128.
- Amiet*, 1986 – *Amiet P.* L'Âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J-C. Paris, 1986.
- Arne*, 1945 – *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran // *Reports from the scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 27. VII. Archaeology*. 5. Stockholm, 1945.
- Avanesova*, 1997 – *Avanesova N. A.* Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flußoase nach den Befunden der Nekropole Bustān 6 // *AMIT*. 1997. Bd 29.
- Avanesova*, 2007 – *Avanesova N. A.* Zur Chronologie frühagrарischen Fundorte im Nordbaktrien der Spätbronzezeit // *AMIT*. 2007. Bd 39.
- Besenal*, 2005 – *Besenal R.* Chronology of protohistoric Kec-Macran // *Jarrige C., Lefèvre V.* (eds.) SAA 2001. Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in Collège de France (2–5 July 2001). Paris, 2005. Vol. 1.
- Casal*, 1961 – *Casal J.-M.* Fouilles de Mundigak. Paris, 1961. Vol. 1–2 (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan; T. 27).
- Cattani*, 2004 – *Cattani M.* Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // *У истоков цивилизации*. М., 2004 (Труды МАЭ; Т. 1).
- Delougaz*, *Kantor*, 1996 – *Delougaz P., Kantor H.* Chogha Mish. The first five seasons of excavations 1961–1971. Chicago, 1996. Vol. 1 (Oriental Institute Publications; Vol. 101).
- Dollfus*, 1971 – *Dollfus G.* Les fouilles a Djaffarabad de 1969 à 1971 // *CDAFI*. 1971. Vol. 1.
- Dollfus*, 1983 – *Dollfus G.* Tépé Djowi: contrôle stratigraphique, 1975 // *CDAFI*. 1983. Vol. 13.
- Dyson*, *Lawn*, 1989 – *Dyson R. H., Lawn B.* Key stratigraphic and radiocarbon elements for the 1976 Hesār sequence // *Dyson R. H., Howard S. M.* (eds.). Tappē Hesār. Reports of the restudy project, 1976. Firenze, 1989.
- Egami*, *Sono* 1962 – *Egami N., Sono T.* Marv-Dasht II. The excavation at Tall-i-Gap 1959 // *The Tokyo university Iraq–Iran archaeological expedition. Report 3*. Tokyo, 1962.
- Francfort*, 1983 – *Francfort H.-P.* Excavations at Shortughai in north-east Afghanistan // *AJA*. 1983. Vol. 87. N 4.
- Francfort et al.* 1989 – *Francfort H.-P.* Avec des contributions de Ch. Boisset, L. Buchet, J. Desse, J. Echallier, A. Kermorvant, G. Willcox. Fouilles de Shortughai. Vol. 1–2. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique // *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*, Paris, 1989. T. 2.
- Görsdorf*, *Huff*, 2001 – *Görsdorf J., Huff D.* 14C-Datierung von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan // *AMIT*. 2001. Bd 33.
- Hiebert*, 1994 – *Hiebert F. T.* Origins of the bronze oasis civilization in Central Asia // *ASPF*. 1994. Bulletin 42.
- Jarrige*, 1994 – *Jarrige J.-F.* The final phase of the Indus occupation at Nausharo and its connection with the Following cultural complex of Mehrgarh VIII // *A. Parapola, P. Koskikallio* (eds.). SAA, 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists held in Helsinki University (5–9 July, 1993). Helsinki, 1994. Vol. 1.
- Jarrige*, 1996 – *Jarrige J.-F.* Les fouilles de Nausharo au Balochistan Pakistanais et leur contribution à l'étude de la civilisation de l'Indus // *CRAIBL*. 1996. Juillet–October. Fsc. III.
- Kaniuth*, 2006 – *Kaniuth K.* Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien // *Archäologie in Iran und Turan. Deutsches archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung*. Berlin, 2006. Bd 6.
- Kaniuth*, *Teufer*, 2001 – *Kaniuth K., Teufer M.* Zur Sequenz des Gräberfelders von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien // *AMIT*. 2001. Bd. 33.
- Lamberg-Karlovsky*, 1970 – *Lamberg-Karlovsky C. C.* Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967–1969: Progress report 1. Cambridge, Massachusetts, 1970.
- Langsdorff*, *McCown*, 1942 – *Langsdorff A., McCown D. E.* Tall-i-Bakun A // *OIP*. 1942. Vol. 59.
- Mackay*, 1938 – *Mackay E. J. H.* Further excavations at Mohenjo-daro. New Delhi, 1938. Vol. 1–2.
- Mackay*, 1943 – *Mackay E. J. H.* Chanhu-daro excavations 1935–1936 // *AOS*. 1943. Vol. 20.
- Majumdar*, 1934 – *Majumdar N. C.* Explorations in Sind // *MASI*. 1934. N 48.
- Masimov et al.*, 1998 – *Masimov E., Salvatori S., Udeumurovov B.* Preliminary analysis of the Bronze Age material collected by the Margiana archaeological project and a first chronological assessment // *Gubaev A., G. Koshelenko, M. Tosi* (eds.). The archaeological map of the Murgab delta. Preliminary reports 1990–1995: Text and figures. Istituto italiano per l' Africa e l' Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Series minor. Roma, 1998. Vol. 3.
- Possehl*, 2002 – *Possehl G. L.* The Indus civilization. A contemporary perspective. New Delhi, 2002.
- Pumpelly*, 1908 – *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilization of Anau. Washington, 1908. Vol. 1–2.
- Quivron*, 2000 – *Quivron G.* The evolution on the mature Indus pottery style in the light of the excavations at Nausharo, Pakistan // *EW*. 2000. Vol. 50. N 1–4.
- Salvatori*, 1995 – *Salvatori S.* Gonur-Depe I (Margiana, Turkmenistan): the middle bronze age graveyard, preliminary report on the 1994 excavation campaign // *Rivista di Archeologia*. Roma, 1995. Anno XIX.
- Salvatori*, *Tosi*, 2005 – *Salvatori S., Tosi M.* Shahr-i Sokhta revised sequence // *Jarrige C., Lefèvre V.* (eds.) SAA, 2001. Proceedings of the Sixteenth International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, held in Collège de France (2–5 July 2001). Paris, 2005. Vol. 1.
- Salvatori*, *Vidale*, 1997 – *Salvatori S., Vidale M.* Shahr-i Sokhta 1975–1978: central quarters excavations: Preliminary report // *Istituto italiano per l' Africa e l' Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Series minor*. Roma, 1997. Vol. 1.
- Sarianidi*, 1986 – *Sarianidi V. I.* Le complexe culturel de Togolok-21 en Margiane // *Aas*. 1986. T. 41.
- Sarianidi*, 1998 – *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi*, 2007 – *Sarianidi V.* Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

Schmidt, 1933 – *Schmidt E. F.* Tepe Hissar: Excavations 1931 // *MJ.* 1933. Vol. 23. N 4.

Schmidt, 1937 – *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

Wright, 1981 – *Wright H. T.* (ed.). An early town on the Deh Luran plain: Excavations at Tepe Farukhabad // *MMAUM.* 1981. N 13.

Beads/Spindle whorls from Alyn-Depe and the Problems of Chronology of the Early Agricultural Sites in Central Asia

V. A. Alyokshin

The territorial spread throughout Central Asia and Middle East and chronological distribution of undecorated terracotta, clay and stone truncated biconical beads or spindle whorls, which presumably served as weights for spinning and weaving, suggest four conclusions.

Firstly, these objects, which in central and south-eastern Turkmenistan were used throughout a broad chronological range from the early third quarter of the 5th millennium BC to the early third quarter of the 2nd millennium BC, cannot be employed as chronological indicators for dating the cultural deposits of Alyn-Depe of the Late Eneolithic period and Bronze Age.

Secondly, the appearance of these artefacts in Central Asia (foothills of the Kopet-Dagh: archaeological associations of the full Namazga I period) was due to the cultural influence of the adjoining Iranian regions, for instance, of those in northeastern Iran (Hissar I), where similar objects are known from the late 5th millennium BC, and perhaps even earlier.

Thirdly, in the foothills of the Kopet-Dagh and the delta of the Murghab River, the beads/spindle whorls, beginning with the Eneolithic epoch and in the Bronze Age, are among the categories of the most numerous groups of archaeological materials, whereas beyond the limits of these regions they are found considerably rarer, mostly in northeastern Hissar) and southeastern (Tepe Yahya, Shahr-i-Sokhta) Iran, as well as in Afghanistan (Mundigak, Dashly 3) and southwestern Pakistan (Mohenjo-daro, Chanhu-daro).

Fourthly, in Central Asia, outside the area of the Anau Culture, these artefacts occur only in southern Uzbekistan (settlement I of the Zamanbaba Culture and sites of the Sapalli Culture), Occasionally, in Sapalli archaeological associations, beads/spindle whorls are found which are made in another tradition spread in southwestern Turkmenistan (Sumbar

cemeteries) and at some sites of northeastern Iran (Shah-Tepe III–II).

Among archaeological assemblages from Central Asia and Middle East, the territorial and chronological distributions of decorated stone truncated biconical beads/spindle whorls, which apparently served as personal ornaments, lead to three conclusions.

Firstly, these objects, found in southern Turkmenistan from the late 3rd to late second quarter of the 2nd millennium BC, can be used as chronological indicators for dating the archaeological complexes from Central Asia and Middle East beginning with the late Middle Bronze Age up to the Late Bronze Age. In southern Turkmenistan, they appear at the final phase of the Namazga V period and remain in use until the end of Namazga VI.

Secondly, the objects under consideration are of Central-Asiatic origin since they belong to one of the most numerous groups of archaeological materials primarily in southeastern Turkmenistan (settlement-sites and cemeteries of the Murghab oasis). Outside its limits these finds are fairly numerous at sites of northern Afghanistan (Dashly 1, Dashly 3). Possibly, this circumstance indicates the cultural links of the ancient population of southern Turkmenistan with tribes inhabiting northern Afghanistan. In central Turkmenistan (southern hill of Anau) and in the Middle East, only single artefacts of this type are found: northeastern Iran (Hissar IIIC), southeastern Afghanistan (Mundigak F) and southwestern Pakistan (Lohumjo-daro).

Thirdly, in Central Asia, outside the area of the Anau Culture, these objects are found only in southern Uzbekistan (burial no. 2 near the village of Sazagan, Sapalli settlement, burial ground of Buston VI). This fact suggests that there were cultural contacts between the settled agriculturalists of southeastern Turkmenistan and those of southern Uzbekistan during the Late Bronze Age (Namazga VI).

О НЕКОТОРЫХ ОБРАЗАХ КОБАНО-КОЛХИДСКОГО ИСКУССТВА: СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛЕЖАЩЕГО ЗВЕРЯ И ЗООМОРФНЫЕ СВАСТИКИ

А. Ю. Скаков¹

В рамках искусства кобано-колхидской культурно-исторической общности выделяется ряд мотивов и образов, повторяющихся на различных по своему происхождению и назначению предметах. С одной стороны, эти повторяющиеся образы демонстрируют нам культурное и идеологическое единство кобано-колхидских племен, с другой – служат относительно надежным хроноиндикатором, позволяя синхронизировать и увязать в единой системе памятники различных регионов. Одним из таких мотивов является скульптурное изображение зверя с оскаленной пастью, которое мы встречаем на обушной части кобано-колхидских топоров, на бляшках, на навершии. В то же время тлийское навершие с таким изображением головы зверя заставляет нас вновь обратиться к рассмотрению вопроса о корнях мотива зооморфной (и птероморфной) свастики, крайне запутанного и привлекающего в последнее время пристальное внимание целого ряда исследователей.

Итак, обратимся к анализу бляшек в виде скульптурного изображения лежащего зверя (Скаков, 2009. С. 167, рис. 6, 29–32). Такие бляшки характерны, в первую очередь, для территории выделенной нами ингури-рионской колхидской культуры (Там же. С. 149 и далее, рис. 2). Они найдены в погребальной яме 5 могильника Эргета I (Mikeladse, 1995. Abb. 4, 54; Папуашвили, 1998. Табл. III, 54; 2011. Табл. IV, 43) (рис. 1, 5), в погребальной яме 6 могильника Эргета I (Mikeladze и др., 1985. С. 39, табл. LIII; Mikeladse, 1995. Abb. 5, 49; Папуашвили, 1998. Табл. V, 49; 2011. Табл. III, 46) (рис. 1, 4), в погребальной яме 4 могильника Эргета II (Apakidze, 2009. Taf. 210, 23), в погребальной яме 1 могильника Эргета IV (Mikeladse, 1995.

Abb. 9, 26; Apakidze, 2009. Taf. 219, 26), в погребальной яме 3 могильника Уреки (Mikeladze и др., 1979. С. 136, табл. LV, 3; Mikeladse, 1995. Abb. 1, 68, 69; Apakidze, 2009. Taf. 228, 68, 69) (рис. 1, 3), в погребении 24 могильника Палури (Барамидзе, 1977. Табл. VII, 1; Apakidze, 2009. Taf. 183, 13). В 2007 г. такая же бляшка была обнаружена нами в верхнем уровне погребальной ямы 6 Джантухского могильника (Скаков, Джошуа, 2012. С. 221, 222, рис. 4, 4) (рис. 1, 6).

Погребальная яма 5 могильника Эргета I была ранее отнесена нами к переходному этапу между вторым и третьим хронологическими пластами и, таким образом, датируется рубежом VIII–VII–первой половиной VII вв. до н. э. Верхний уровень погребальной ямы 6 Джантухского могильника по ряду предметов, в том числе по фрагменту колесничной упряжи новочеркасского времени, надежно датируется нами концом VIII–началом VII в. до н. э. (Скаков, Джошуа, 2012. С. 223, рис. 4, 1). Относительно ранним следует считать и погребение 24 могильника Палури, в комплекс которого входят бронзовые гривны с закрученными концами, браслеты с заходящими концами, немногочисленные железные предметы. Достаточно архаично, благодаря пластинчатому браслету с завитками, выглядит и погребальная яма 4 могильника Эргета II, но наличие здесь бронзовых и железных подвесок с отогнутыми в противоположные стороны концами указывает уже на VII в. до н. э. Погребение 3 могильника Уреки и погребальная яма 6 могильника Эргета I относятся к третьему хронологическому пласту, который датируется второй половиной VII–первой половиной VI в. до н. э. (Скаков, Эрлих, 2005. С. 224, табл. IV, рис. 8). К этому же пласту можно отнести и погребальную яму 1 могильника Эргета IV, в которой найдены орнаментированный топор подгруппы 15/2 (четвертого периода

¹ Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел бронзового века.

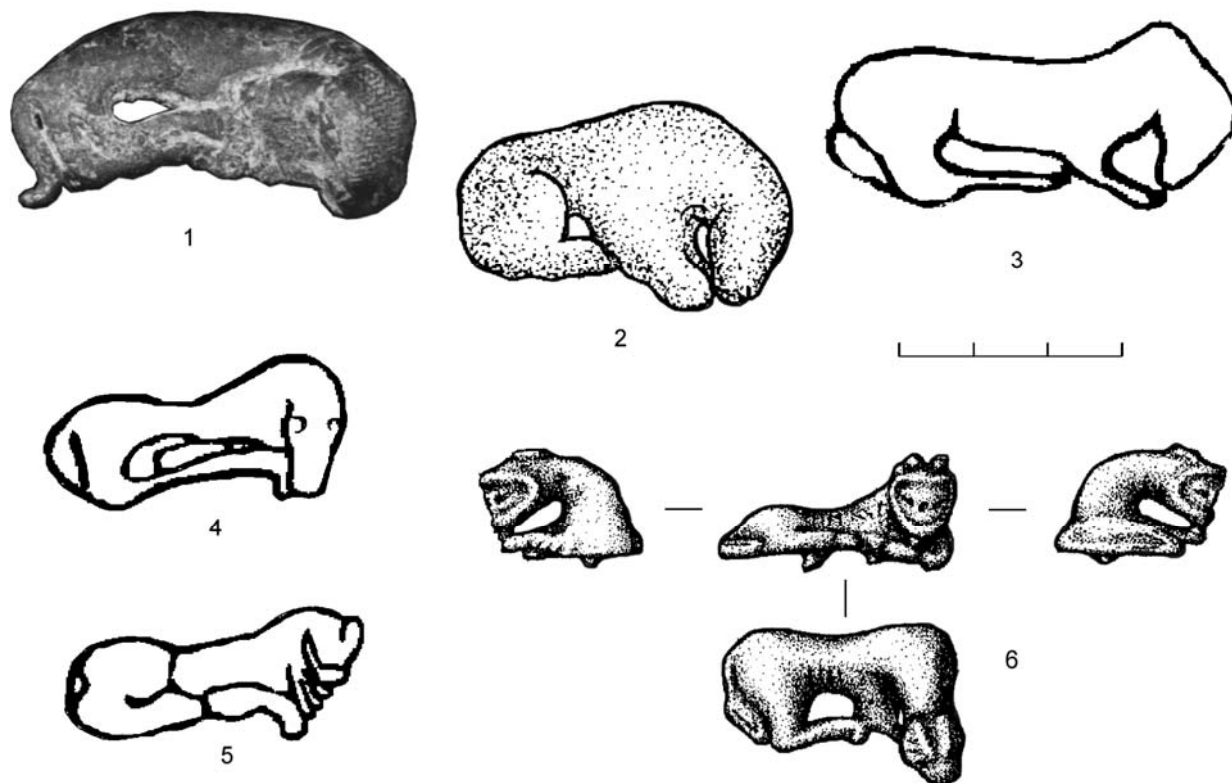

Рис. 1. Бляшки в виде скульптурного изображения лежащего зверя:

1 – Кобанский могильник (Мошинский, 2010); 2 – Бедык (Батчаев, 1985); 3 – Уреки, погребение 3 (Микеладзе и др., 1985); 4 – Эргета I, погребение 6 (Папуашвили, 1998); 5 – Эргета I, погребение 5 (Папуашвили, 1998); 6 – Джантух, погребальная яма 6 (верх).

Fig. 1. Plaques in the shape of a sculptural representation of a recumbent animal:

1 – Koban cemetery; 2 – Bedyk; 3 – Ureki, burial 3; 4 – Ergeta I, burial 6; 5 – Ergeta I, burial 5; 6 – Dzhantukh, burial pit 6 (top).

в развитии графического стиля) и железные кинжалы с рамочной и т-образной рукоятью.

Аналогичные бляшки-скульптуры найдены в Бедыкском могильнике в Кабардино-Балкарии (Батчаев, 1985. Табл. 3, 2) (рис. 1, 2), Кобанском могильнике (ГИМ, собр. А. С. Уварова, Б 1703/552: Уварова, 1900. Табл. XXIII, 4; Мошинский, 2010. С. 99, № 113)² (рис. 1, 1) и в погребении 2 могильника Куланурхва (Трапи, 1970. Табл. III, 1). Коллекция из Бедыкского могильника представляет собой инвентарь разрушенных погребений, и находка там такой бляшки, являющейся, безусловно, импортом из Колхиды, может свидетельствовать только о связях между двумя этими регионами. Погребение 2 могильника Куланурхва по своему облику примыкает к погребению 1 того же могильника, датируемому по орнаментированным топорам вто-

рой половиной VIII–рубежом VIII–VII вв. до н. э. В. И. Козенкова датировала это погребение VIII–первой половиной VII в. до н. э., но ее (вслед за Ю. Н. Вороновым) указание на находку в погребении пластинчатого браслета с завитками ошибочно (Воронов, 1980. Рис. 1, 75; Козенкова, 1998. С. 63). В действительности этот браслет был найден на территории могильника Куланурхва в 1925 г. вне погребений (Трапи, 1970. Табл. III, 7, с. 148–149). Комплекс погребения 2 был датирован нами первой половиной VII в. до н. э. (Скаков, Эрлих, 2005. С. 222, табл. IV). Таким образом, корректной датой для бляшек в виде скульптурного изображения лежащего зверя можно считать рубеж VIII–VII–начало или первую половину VI вв. до н. э.

Отдаленными аналогами рассматриваемых бляшек-скульптур являются скульптурные изображения лежащих на двух параллельных перекладинах животных с закрученными хвостами на пряжках из Кобанского могильника и могильника Фаскау (собр. А. А. Бобринского в ГЭ, собр. Сен-Жерменского музея: Уварова, 1900.

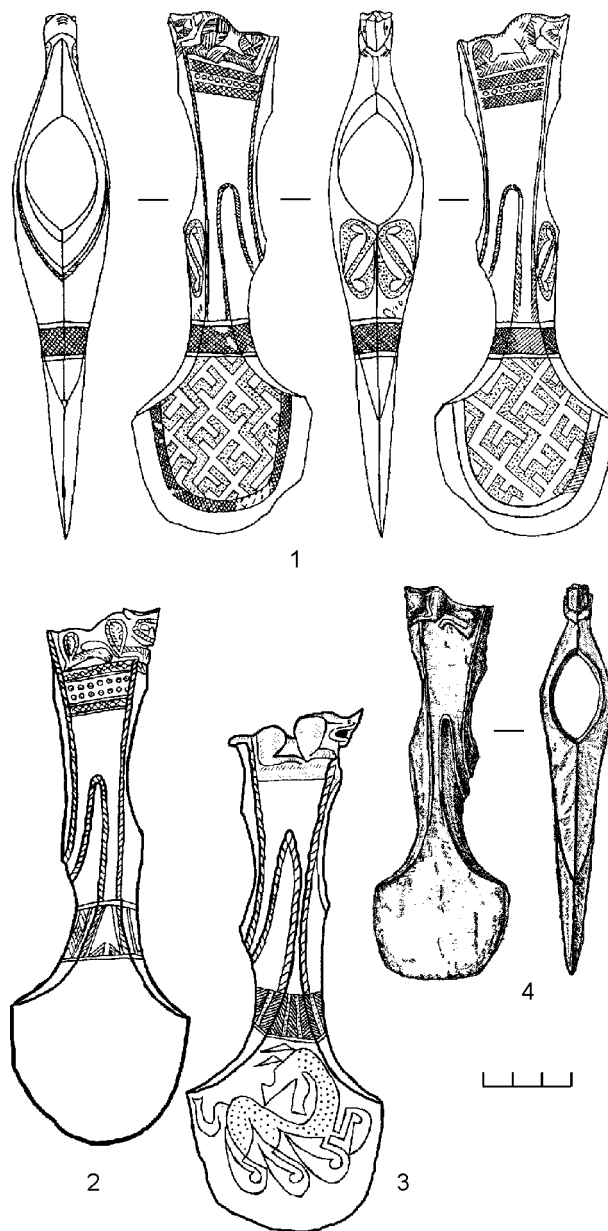
² Отмечу здесь, что предлагаемая А. П. Мошинским в данном великолепном издании датировка кобанской бляшки началом I тыс. до н. э. благодаря приведенным выше аналогиям никак не может быть нами принята.

С. 79, рис. 74; ГИМ, покупка у Б. Дзелихова, Б 497/1467, *Мошинский*, 2010. № 112, с. 99, 195).

Обращает на себя внимание стилистическая близость бляшек в виде скульптурного изображения лежащего зверя и скульптурных изображений на обушной части ряда кобано-колхидских топоров. При этом территориальные ареалы распространения тех и других не совпадают. Кобано-колхидские топоры со скульптурными изображениями на обухе неоднократно становились объектами изучения исследователей (*Техов*, 1971. С. 125–126; *Паничава*, 1975. С. 19; *Погребова*, 1984. С. 73–89; *Скаков*, 1999. С. 127–129). В результате была выделена группа топоров со скульптурным изображением лежащего животного, выполненным в едином стиле и имеющим безусловные луристанские прототипы.³ Орнаментированные топоры с такими скульптурными изображениями известны из Фаскау (подгруппа 15/2) (рис. 2, 1), погребений 41 и 51 Тлийского могильника (подгруппа 15/2 и группа 7), Цагвери (подгруппа 16/2) (рис. 2, 2) и из коллекции барона де Бая (группа 7) (рис. 2, 3). Все эти топоры (*Нансар*, 1935. Taf. VI, 1; *Техов*, 1988. Рис. 158, 159; *Паничава*, 1988. Табл. XII, 3; *Скаков*, 1999. С. 126, 127, рис. 7) относятся к четвертому хронологическому периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля, т. е. могут быть с некоторой степенью условности датированы VII в. до н. э. Кроме того, аналогичные изображения зверя украшают обух лишенных графического декора топоров из Пасанаури (*Паничава*, 1986. Табл. I) и Переви (*Коридзе*, 1961. Рис. 3) (рис. 2, 4). Железный топор со скульптурным изображением лежащего животного на обухе происходит из Верхней Рутхи (*Крупнов*, 1960. Табл. X, 2).

Как видим, все топоры с аналогичными скульптурными изображениями происходят из районов Центрального Кавказа. Напротив, бляшки со скульптурным изображением зверя происходят из памятников Западной Грузии (5 экз.) и Абхазии (2 экз.), а также из соседствующего с ними Баксанского ущелья в горной Балкарии (1 экз.), и лишь одна из них обнаружена

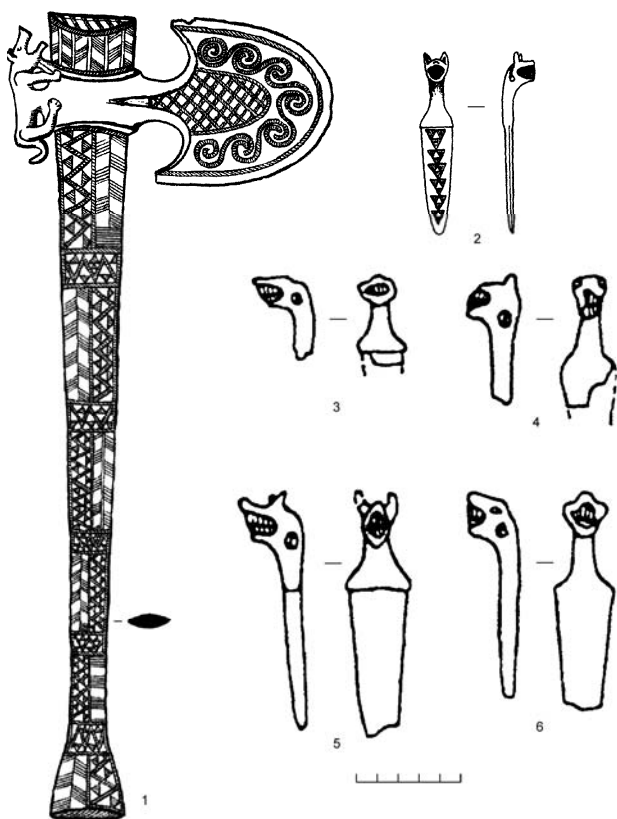
³ В частности, напомним о скульптурных изображениях лежащего животного на верхней части лопасти луристанского топора XII–XI вв. до н. э. (*Ванден-Берге*, 1992. № 205, с. 75), на обухе втулки топоров-алебард X–IX вв. до н. э. (*Potratz*, 1968. Abb. 32, 33, 34, 36, 37, 38, 40, 41; *Calmeier*, 1969. Abb. 70, 72, 73, S. 71, 72; *Amiet*, 1976. P. 40, N 56, 57, 58; *Ванден-Берге*, 1992. № 206, 207, с. 76).

Рис. 2. Топоры со скульптурными изображениями лежащего животного на обухе: 1 – Фаскау (*Скаков*, 1999); 2 – Цагвери (*Паничава*, 1988); 3 – коллекция де Бая (*Нансар*, 1935); 4 – Переви (*Коридзе*, 1961).

Fig. 2. Axes with sculptural representations of recumbent animals on the back: 1 – Faskau; 2 – Tsagveri; 3 – collection of de Baye; 4 – Perevi.

в Кобанском могильнике. Несмотря на стилистическую близость и, вероятно, синхронность, топоры и бляшки со скульптурными изображениями лежащего животного относятся к несколько различным культурным традициям, хотя и имеют общий источник – луристанское искусство. К этому же источнику, вероятно, восходит и дальний аналог бляшек со скульптурным

Рис. 3. Топор со скульптурным изображением зверя на обухе и кинжаловидные привески с зооморфными головками:
1 – Рене (*Иремашвили*, 1976); 2 – Эргета II, погребение 6 (*Apakidze*, 2009); 3–6 – Эргета III, погребение 2 (*Apakidze*, 2009).

Fig. 3. Axe with a sculptural representation of an animal on the back and dagger-shaped pendants with zoomorphic heads:
1 – Rene; 2 – Ergeta II, burial 6; 3 – Ergeta III, burial 2.

изображением животных – бронзовая фигурка лежащего быка, обтянутая листовым золотом, из кургана у хут. Шумейко Сумской области, датированного V в. до н. э. (*Бондарь*, 1975).

К выделенной группе топоров примыкает уникальная секира из предполагаемого погребения (комплекс является более чем сомнительным) в с. Рене в Каспском районе Грузии (*Иремашвили*, 1975. С. 83; 1976. С. 33, табл. XXVI) (рис. 3, 1). Секира и ее бронзовая рукоять покрыты гравированным декором в канонах кобано-колхидского графического стиля. На обухе секиры находится скульптура зверя с открытой пастью, выполненная несколько более реалистично, чем близкие по стилю скульптуры на топорах четвертого хронологического периода. Отметим, что, в отличие от них, изображение на обухе секиры из Рене не связано органично с формой топора, а пасть зверя не проработана тщательно. Лопасть секиры занята сетча-

тым орнаментом, характерным для группы 11 третьего хронологического периода (приблизительно VIII в. до н. э.). Особенности скульптурного изображения и характер гравировки лопасти позволяют считать изображение лежащего зверя на обухе секиры из Рене наиболее ранним. Оно занимает промежуточное положение между топорами из Гудауты, Куланурхвы, Ожоры, Сулори (с реалистическими скульптурами стоящих животных или всадников на обухе) и топорами с геометризованными изображениями лежащего животного. Топоры со скульптурами стоящих животных на обухе твердо датируются третьим хронологическим периодом (т. е. приблизительно VIII в. до н. э.). Основанием для такой датировки служит относящийся к группе 5 третьего хронологического периода декор лопасти топора из Ожоры (*Коридзе*, 1965. Табл. XLVI, 21), а также топор со скульптурой стоящего животного из погребения 1 могильника Куланурхва (*Трапи*, 1970. Табл. I, 5), найденный вместе с орнаментированными топорами группы 10 опять же третьего хронологического периода. Таким образом, стилистически единые скульптурные изображения лежащего зверя с подогнутыми лапами появляются на кавказских топорах на исходе третьего хронологического периода в развитии графического стиля (конец VIII в. до н. э.), когда происходит заметное оживление связей между кобано-колхидским ареалом и более южными районами. К этому же времени, напомним, мы относим и распространение бляшек со скульптурным изображением лежащего животного.

По оформлению головы и пасти изображения лежащего животного на бляшках и на обушной части топоров находят аналогию на бронзовых кинжаловидных привесках, украшенных зооморфными головками с оскаленной пастью. Они найдены в погребальных ямах 5 (*Патуашвили*, 1998. Табл. III, 40, 41) и 6 (или 7⁴) (*Микеладзе и др.*, 1985. С. 39) могильника Эргета I; погребальных ямах 1 (первый комплекс) (*Микеладзе*, 1982. С. 33) и 6 (*Apakidze*, 2009. Taf. 213, 1) (рис. 3, 2) могильника Эргета II; в погребальных ямах 1 (*Патуашвили*, 1998. Табл. VI, 41) и 2 (*Mikeladse*, 1995. Abb. 7, 9–12) (рис. 3, 3–6) могильника Эргета III; в погребальной яме 2 могильника Дгва-

⁴ В первой публикации исследователь могильника не отделял погребения 6 от более ранних погребений 7 и 8 (*Микеладзе и др.*, 1985. Табл. LII, 2; *Микеладзе и др.*, 1986. С. 16, табл. XXIV).

ба (Ibid. Abb. 3, 54); в погребении 1 на горе Джантух (*Шамба, Шамба*, 1990. С. 8, 10, рис. 3, 4), а также в Кулеви (*Панцхава и др.*, 2003. Табл. 3, 46).

Погребальная яма 5 могильника Эргета I и погребальная яма 2 могильника Эргета III относятся к переходному этапу между вторым и третьим пластами и датируются рубежом VIII–VII–первой половиной VII вв. до н. э. (Скаков, Эрлих, 2005. С. 222–224, табл. 4, рис. 8). Рубежом VIII–VII вв. до н. э. мы датировали и погребение 1 Джантухского могильника (Скаков, Джосуа, 2012. С. 217). К рубежу VIII–VII вв. до н. э. можно отнести и погребальную яму 2 могильника Дгваба, в которой, с одной стороны, найдены орнаментированный топор группы 5 третьего периода в развитии графического стиля (VIII в. до н. э.) и бронзовые кинжалы с плоской рамочной рукоятью, с другой – орнаментированный топор подгруппы 16/2 четвертого периода в развитии графического стиля, а также железные кинжалы с рукоятями различных типов. Относительно ранней кажется и погребальная яма 2 могильника Эргета III. Погребальная яма 1 могильника Эргета III и погребальная яма 6 могильника Эргета I относятся к третьему пласту и датируются второй половиной VII–первой половиной VI вв. до н. э. Аналогичная кинжаловидная привеска найдена в датированном нами VIII–VII или первой половиной VII вв. до н. э. погребении 87 могильника Красный Маяк (*Трати*, 1969. Табл. XX, 7) вместе с поясной пряжкой, украшенной фигурной головкой животного. Таким образом, датировка кинжаловидных привесок с зооморфной головкой, скульптурных изображений лежащего зверя на обушной части топоров и бляшек со скульптурным изображением лежащего животного полностью совпадает в рамках рубежа VIII–VII–первой половины VI вв. до н. э.

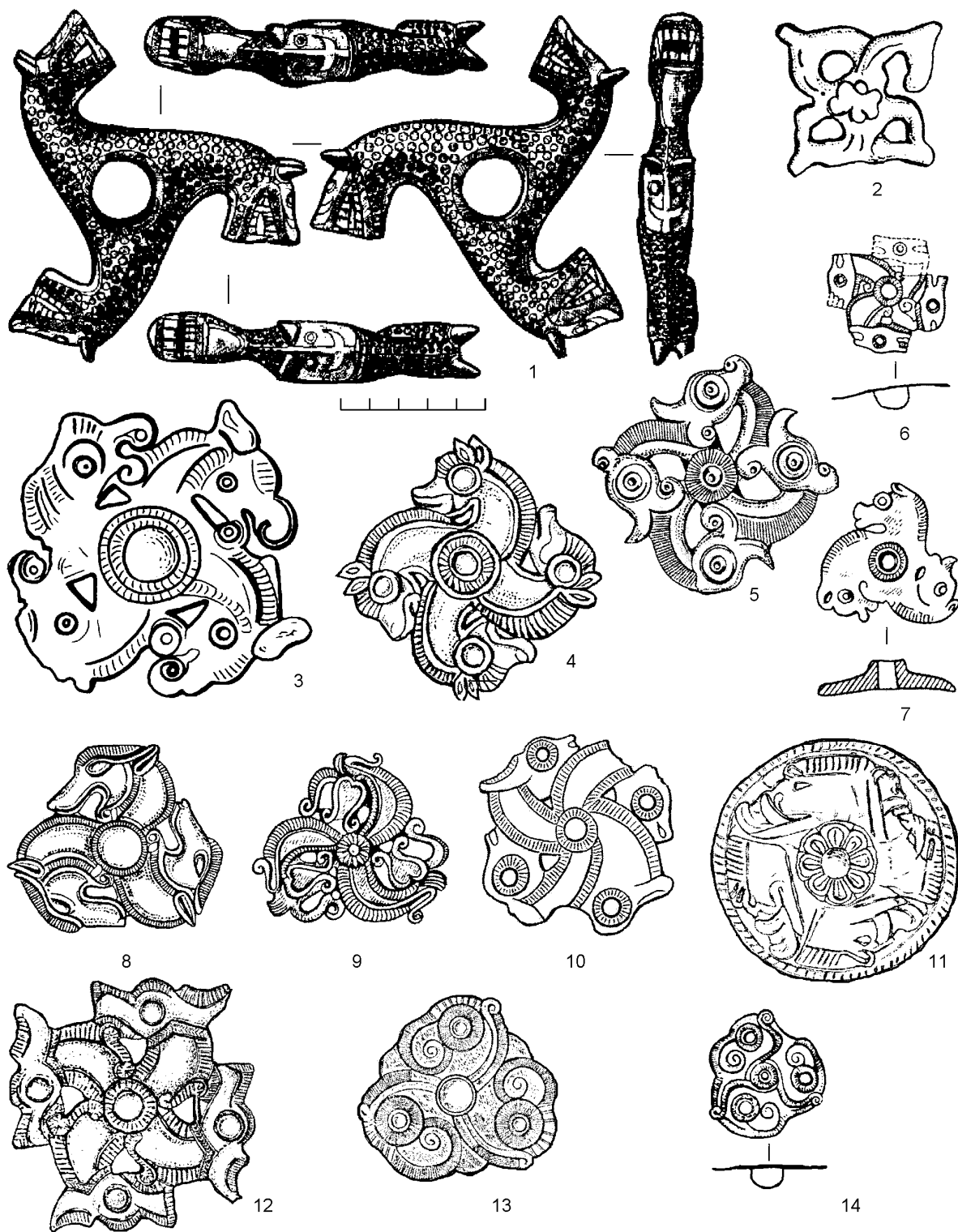
Обращает на себя внимание идентичность оформления головы и пасти на скульптурных изображениях лежащих зверей и на навершии из погребения 254 Тлийского могильника (Техов, 1980а. Рис. 108, 8) (рис. 4, 1). Само навершие, представляющее из себя зооморфно оформленную трехконечную свастику (триквестр), также выглядит чужеродным в кобанских древностях. Истоки этого мотива М. Н. Погребова видит в хорошо известной в древнем Иране конца II–начала I тыс. до н. э. схеме из трех животных, располагающихся вокруг центрального отверстия. Аналогичные изображения пасти зверя

также были известны в иранском искусстве (*Погребова*, 1984. С. 150–151). В то же время уникальное тлийское навершие, как и топоры со скульптурным изображением на обухе, является, очевидно, изделием местного мастера.

Сближение тлийского навершия с топорами, на обухе которых помещено скульптурное изображение лежащего животного, автоматически означает их синхронизацию в рамках четвертого хронологического периода, датируемого концом VIII–VII вв. до н.э. Этот период достаточно надежно датируется благодаря находкам орнаментированных топоров группы 7 и подгрупп 15/2 и 16/1 в погребениях 68, 85 и 129 Тлийского могильника, содержащих предметы раннескифского облика (Техов, 1980б. С. 21–25, 28–31). Само погребение 254 Тлийского могильника, отнесенное Б. В. Теховым к XII–X вв. до н. э., представляет собой две кучки перемешанных костей (Техов, 1980а. С. 42, табл. 108) и поэтому никак не может считаться достоверным комплексом и использоваться для уточнения датировок. В любом случае утверждение А. Р. Канторовича и В. Р. Эрлиха: «комплекс, из которого происходит этот скипетр, мы никак не можем датировать позже VIII в. до н. э.» – вызывает некоторое удивление (Канторович, Эрлих, 2006. С. 36). Необходимо лишь отметить находку рядом с рассматриваемым навершием топора группы 5, относящегося к третьему хронологическому периоду. На этом основании можно допускать датировку навершия концом третьего хронологического периода.

Тлийское навершие, несмотря на свою уникальность, вписывается в целую серию предметов, происходящих из различных регионов Кавказа и с большей или меньшей степенью стилизации отображающих идею зооморфно оформленной трех- или четырехконечной свастики. Из погребения 63 могильника Красный Маяк близ Сухуми происходит глиняное навершие с инкрустацией, аналогичное по композиции тлийскому, но отличающееся большей степенью стилизации (Трати, 1969. Табл. XXVII, 10) (рис. 5, 1). Еще более стилизованное, но аналогичное по композиции изображение мы видим на распределительных пронизях из Кармир-Блура (Есаян, Погребова, 1985. Табл. XVII)⁵ (рис. 5, 2).

⁵ Именно С. А. Есаян и М. Н. Погребова впервые отметили аналогию между пронизьями из Кармир-Блура и навершием из Тли (Есаян, Погребова, 1985. С. 101).

Рис. 4. Зооморфная свастика на навершии и бляхах:

1 – Тли, погребение 254 (Техов, 1980а); 2 – Волковцы, кург. 8 (Королькова, 2009); 3 – Ольвия (Мелокова, 1976); 4, 5, 8, 9 – Крайова (Мелокова, 1976; Королькова, 2009); 6, 14 – Аджигиоль (Королькова, 2009); 7 – Брагничево, курган 10 (Мелокова, 1976); 10 – курган Козел (Королькова, 2009); 11 – курган Александрополь (Королькова, 2009); 12 – Краснокутский курган (Королькова, 2009); 13 – Вршач (Королькова, 2009).

Fig. 4. Zoomorphic swastika on a finial and plaques:

1 – Tli, burial 254; 2 – Volkovtsy, mound 8; 3 – Olbia; 4, 5, 8, 9 – Kraiova; 6, 14 – Agigiol; 7 – Bragničevo, mound 10; 10 – Kozel barrow; 11 – Alexandropol barrow; 12 – Krasnokut barrow; 13 – Vršac.

На всех трех предметах с зооморфно оформленной трехконечной свастикой головы зверей разделены.

На Кавказе известны не только трехконечные зооморфно оформленные свастики, но и аналогичные по оформлению четырехконечные. В погребении из села Агаиани Каспского района Грузии найдена бляха с изображением четырехконечной зооморфно оформленной свастики, причем незначительно стилизованные головы зверей соединены друг с другом (*Барамидзе*, 1974. Табл. I–II) (рис. 5, 4). Предложенная М. В. Барамидзе для этого комплекса дата – XI–X вв. до н. э. – вызывает серьезные сомнения, хотя его архаичность бесспорна. В Адыгее в кургане Хаджох 1/1 в предскифском погребении, датированном А. А. Сазоновым и другими исследователями первой половиной VII в. до н. э., были найдены четыре уздечные бляшки в виде четырехконечной свастики, лучи которой завершаются звериными головками. Достаточно реалистично выполненные, они не смыкаются друг с другом. В центре свастики размещен характерный для предскифской орнаментики «солярный знак» (*Сазонов*, 1994. С. 86–96, рис. 14–15; 2000.⁶ С. 47–48, 64, рис. 8, 3) (рис. 5, 3). Аналогичная уздечная пронизь-распределитель происходит из случайных находок в районе (урочище Чишхо?) адыгейского аула Тауйхабль (*Канторович, Эрлих*, 2006. Кат. 37, с. 35, 116; *Эрлих*, 2007. С. 138, рис. 31). Наконец, в качестве отдаленного аналога приведем необычный предмет из Кобанского могильника (коллекция К. И. Ольшевского, ГЭ, № 1731/121) – крестовидную подвеску-навершие с четырьмя зооморфными (медведи?) головками, расположенными по схеме двух пересекающихся S-видных фигур и обращенными, соответственно, в противоположные стороны.

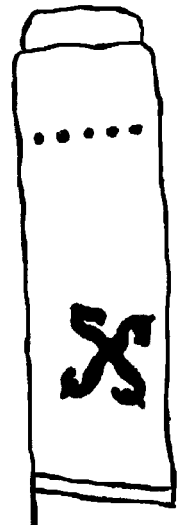
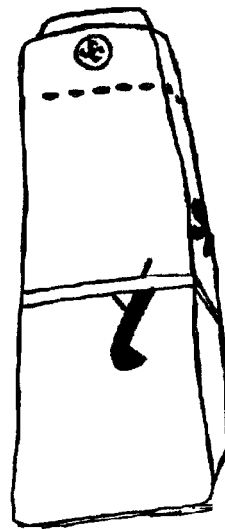
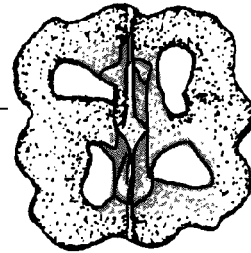
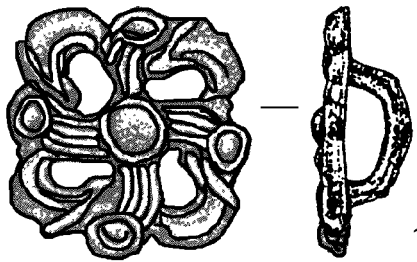
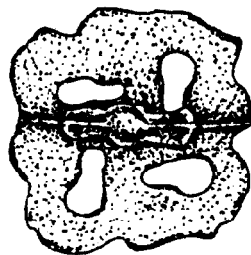
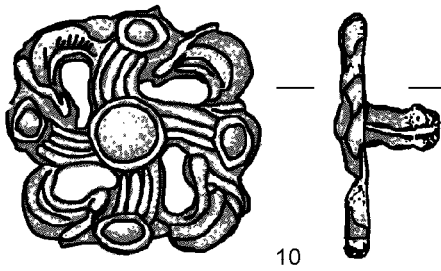
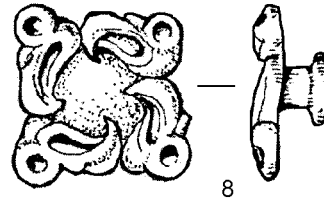
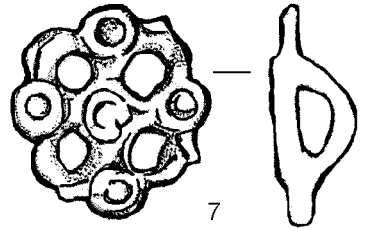
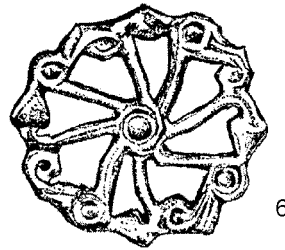
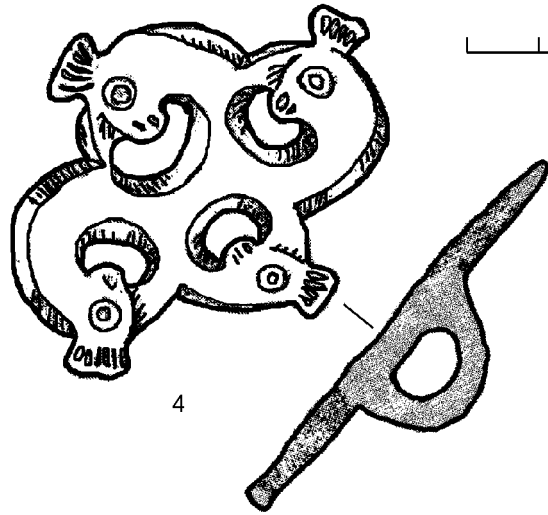
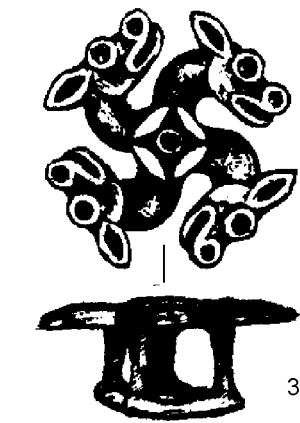
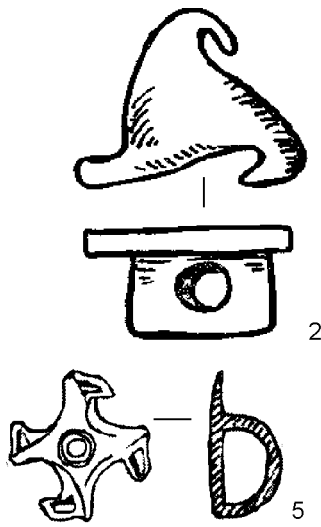
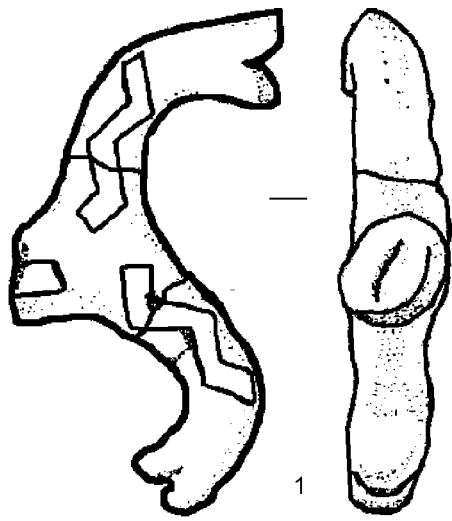
Отметим, что серия кавказских «свастик» была выделена нами в 1999 г. (*Скаков*, 1999. С. 128–129), но сборник ИА РАН с этой статьей, видимо, остался не замечен некоторыми авторами, не считающими нужным ни сослаться на эту работу, ни использовать в своих построениях отмеченные нами предметы (*Канторович*,

Эрлих, 2006. С. 36; *Королькова*, 2006. С. 64, табл. 26; 2009).

Дальнейшее развитие идеи зооморфно (или птероморфно) оформленной свастики мы видим на более поздних фракийских и скифских бляхах-свастиках, образующих определенный типологический ряд, в самом начале которого можно разместить бляхи из Агаиани и Хаджоха. В дальнейшем эволюция этого мотива идет в сторону максимального нарастания признаков стилизации (*Никулицэ*, 1987. Рис. 44, 45). Возникает вопрос: какая именно традиция стоит в начале этого пути – кавказская или центрально-азиатская? Аналогичным вопросом задаются и А. Р. Канторович, и В. Р. Эрлих, не заметившие мою работу 1999 г.,⁷ но так же закономерно обратившие внимание на «местные кавказские прототипы свастической зооморфной композиции» (*Канторович, Эрлих*, 2006. С. 36). По мнению этих авторов, «что же касается свастической зооморфной композиции, то определенно отнести ее к влиянию с “востока Евразии” сложно» (*Канторович, Эрлих*, 2006. С. 36). На наличие параллелей между северокавказскими и центральноазиатскими зооморфными свастиками в свое время обратила внимание и Н. Л. Членова, но дальше констатации факта исследовательница не пошла и практически никаких выводов ею не было сделано (*Членова*, 1999. С. 312–314, рис. 4, 5). В том случае, если признать первоначальной хорошо известную центральноазиатскую традицию (см., к примеру, *Королькова*, 2001. С. 102, 104, 107 и др.; 2006. С. 64; 2009), возникает противоречие, так как в этом случае наименее стилизованные кавказские зооморфные свастики оказываются вторичными. На наличие у некоторых исследователей (в данном случае, у Е. Ф. Корольковой) своего рода «восточноцентризма»,

⁶ Удивление вызывают «свастикаобразные бляхи с грифонными головками из разрушенного погребения IV в. до н. э. могильника у села Терезе», приведенные в качестве аналогии автором публикации (*Сазонов*, 2000. С. 48). Кроме того, что могильник Терезе относится к значительно более раннему времени, отметим, что никаких «свастикаобразных блях» там никогда не было найдено.

⁷ Одному из названных авторов вообще, к сожалению, свойственно «не замечать» чужие работы по смежной тематике. В недавней работе о «птицеголовых» предскифских скипетрах, с основными выводами которой нельзя не согласиться, он вслед за С. Л. Дударевым (*Дударев*, 1999. С. 117) делает предположение о намеренном наделении кавказскими мастерами зооморфного средневропейского образа («лошади») «признаками “кобанского хищника” – острыми зубами» (*Эрлих*, 2005. С. 154–155). При этом упускается из виду, что в нашей относительно давней работе было обосновано наличие в кобано-колхидском искусстве синкретического образа «собаки-лошади», сочетающего в себе черты как хищника (открытая пасть), так и копытного (хвост, копыта, иногда грива) (*Скаков*, 1998).

когда всячески «подчеркивается одностороннее культурное воздействие со стороны только одного – восточного центра», уже обращал внимание В. В. Дворниченко (*Дворниченко*, 2000. С. 153, 154). Предположение о самостоятельном и относительно одновременном возникновении данного мотива на соседних территориях также кажется сомнительным.

Предположение о кавказском происхождении идеи блях-свастик снимет вполне очевидное противоречие, когда наиболее ранними из них считались сильно стилизованные экземпляры из кургана 8 у села Волковцы, датированные концом VI в. до н. э. (*Ильинская*, 1968. С. 47, 130, табл. XXXV, 9) (рис. 4, 2). На наш взгляд, эти сильно стилизованные и уникальные для Скифии VI–V вв. до н. э. бляхи не могли служить прототипами менее стилизованных фракийских блях (рис. 4, 4–9, 13, 14) конца V–середины или конца IV в. до н. э. (*Никулицэ*, 1987. С. 134–137),⁸ как предполагала А. И. Мелюкова (*Мелюкова*, 1976. С. 116, 126⁹), на неясном основании поддержанная Е. Ф. Корольковой (*Королькова*, 2009. С. 66).¹⁰ Согласно этой схеме, не получив дальнейшего развития в Скифии, данный мотив был разработан фракийскими мастерами, а затем заимствован от них скифскими, но уже лишь в IV–III вв. до н. э. Скифские бляхи-свастики

(курганы Краснокутский, Козел, Огуз: *Мелюкова*, 1981. С. 92–94, рис. 19, 4–7, 20, 4–7; *Фиалко*, 1995. С. 136, рис. 3, 5; *Конь и всадник...*, 2003. С. 31, 32, № 47; *Переводчикова, Фирсов*, 2005. С. 398, рис. 2, 2) (рис. 4, 10, 12) датируются преимущественно второй половиной IV–III в. до н. э. и являются, вероятно, подражанием фракийским¹¹ или даже выполнены фракийскими по происхождению мастерами. Очевидно, бляхи из кургана 8 из села Волковцы, как и наиболее ранние бляхи из Фракии,¹² являются независимым друг от друга подражанием кавказским или же, что менее вероятно, центральноевропейским образцам. В то же время представляется логичной позиция А. И. Мелюковой, не допускающей самостоятельного возникновения идеи зооморфной свастики во Фракии на основе гальштатских прототипов под влиянием переднеазиатского (ахеменидского) искусства (*Мелюкова*, 1976. С. 111, 112; 1979. С. 217). В самом деле, ахеменидские прототипы для них отсутствуют.¹³

Было бы любопытно более углубленно разобратся с очень немногочисленными «скифскими» и «савроматскими» бляхами-свастиками, точнее, с теми из них, которые не связаны с фракийскими прототипами. Кроме названных выше 10 блях из Волковцов и хорошо известных находок из Хошеутова конца VI–начала V в. до н. э.,

Рис. 5. Зооморфная свастика на бляхах и оленнем камне:

1 – Красный Маяк, погребение 63 (*Трати*, 1969); 2 – Кармир-Блур (*Есаян, Погребова*, 1985); 3 – Хаджох-1, курган 1 (*Сазонов*, 2000); 4 – Агаиани, погребение 1961 г. (*Барамидзе*, 1974); 5 – Дубовой, курган 16 (*Березуцкий*, 2009); 6 – Уляп, курган 5 (*Королькова*, 2009); 7 – Мастогино, курган 3 (*Королькова*, 2009); 8 – Уйгарак, курган 83 (*Королькова*, 2009); 9 – Галайты (*Багаев*, 2008); 10, 11 – Хошеутово (*Оџир-Горжаева*, 2005); 12 – олений камень (*Волков*, 2002).

Fig. 5. Zoomorphic swastika on plaques and on a deer stone:

1 – Krasny Mayak, burial 63; 2 – Karmir Blur; 3 – Hajokh-1, barrow 1; 4 – Agaiani, burial excavated in 1961; 5 – Dubovoy, barrow 16; 6 – Ulyap, mound 5; 7 – Mastjugino, mound 3; 8 – Uygarak, mound 83; 9 – Galayty 10, 11 – Hosheutovo; 12 – deer stone.

⁸ Фракийские бляхи-свастики могут датироваться и более поздним временем. В частности, бляхи из коллекции В. Божкова, входящие в набор конской узда, были отнесены к первой половине–середине III в. до н. э. (Спасенные сокровища..., 2009. № 66, с. 163).

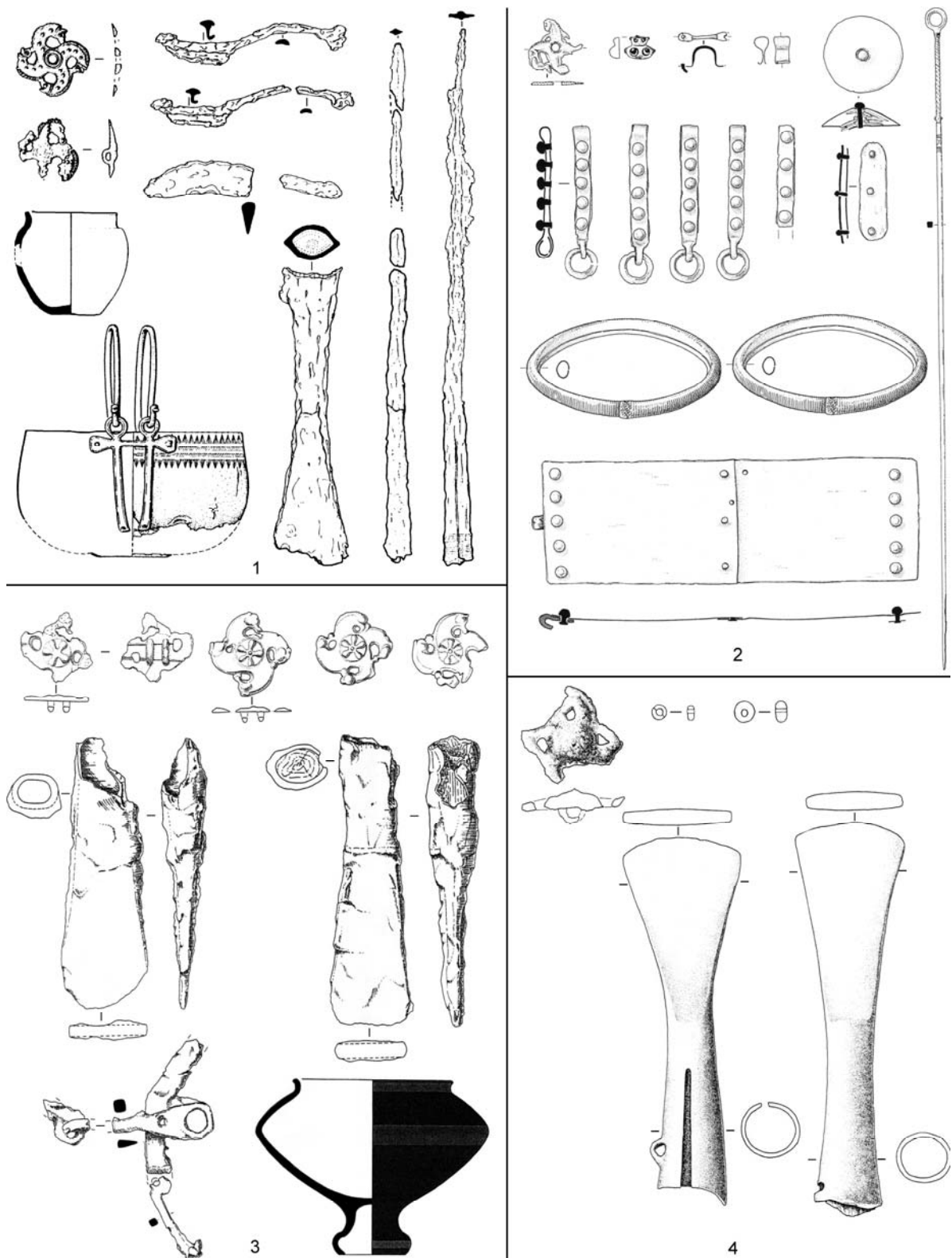
⁹ Наряду с этим в другой работе А. И. Мелюкова, подчеркивая отсутствие блях такой схемы в памятниках Северного Причерноморья V–первой половины IV в. до н. э., считает их появление в памятниках IV–III вв. до н. э. «как бы новым явлением» (*Мелюкова*, 1981. С. 93). У исследовательницы получалась сложная схема: в начале эволюционного ряда стоит единичная сильно стилизованная находка из Волковцов, к ней восходят фракийские бляхи, подражанием которым, в свою очередь, являются скифские.

¹⁰ По сути, эта идея была поддержана и Е. Е. Фиалко (*Фиалко*, 1995. С. 145).

¹¹ Впрочем, А. И. Мелюкова, отмечая, что большинство находок фракийских блях «датируется приблизительно, только по стилистическим особенностям», предполагала, что скифские и фракийские бляхи-свастики могут быть «одновременны или почти одновременны» (*Мелюкова*, 1981. С. 94).

¹² В качестве наиболее ранней фракийской бляхи с прототипами коней И. Т. Никулицэ рассматривает находку из Солонте VI в. до н. э. (*Никулицэ*, 1987. С. 135–136, рис. 5, 8). Отметим, что экземпляр из Солонте значительно отличается от других фракийских блях-свастик и вряд ли может считаться их непосредственным предшественником.

¹³ Упомянутая Е. Ф. Корольковой (*Королькова*, 2009. С. 66) трехконечная свастика с прототипами коней на резном камне перстня (ГЭ) из западных ахеменидских провинций стилистически явно отличается от фракийских блях и относится к IV в. до н. э. (*Луконин*, 1977. С. 89) или, по мнению Н. М. Никулиной, к V–IV вв. до н. э. (*Никулина*, 1994. Ил. 442).

Рис. 6. Комплексы с зооморфными бляхами из Восточной Словении:

1 – Доленйске Топлице, курган V, погребение 33 (Teržan, 1976); 2 – Магдаленска гора, курган 2, погребение 38 (Tecco Hvala et al., 2004); 3 – Стична, курган 48, погребение 99 (Gabrovec et al., 2006); 4 – Ново место – Капительска нива, курган III, погребение 12 (Križ, 1997).

Fig. 6. Assemblages with zoomorphic plaques from eastern Slovenia:

1 – Dolenjske Toplice, barrow V, burial 33; 2 – Magdalenska Gora, barrow 2, burial 38; 3 – Stična, barrow 48, burial 99; 4 – Kapitelska njiva in Novo mesto, barrow III, burial 12.

первой половины V в. до н. э. или, более узко, второй четверти V в. до н. э. (*Дворниченко, Очир-Горяева*, 1997. С. 110, рис. 1, 23; *Očir-Gorjaeva*, 2005. Abb. 23, 10, Abb. 36, N 166, 167, S. 173) (рис. 5, 10, 11), это бляхи из кургана 3 (1908 г.) в Мастюгино (*Манцевич*, 1973. С. 34, рис. 9, 13; *Королькова*, 2009. Рис. 2, 10) (рис. 5, 7) и кургана 16 могильника у хут. Дубовой, датированного концом V–началом IV в. до н. э. (*Березуцкий*, 2009. С. 145, рис. 6, 6) (рис. 5, 5). К этому ряду примыкают и две бляхи из разрушенного погребения 1974 г. в с. Галайты на границе Чечни и Дагестана, датируемые концом VI–началом V или V вв. до н. э. (*Багаев, Козенкова*, 1978. С. 108, 111, рис. 1; *Козенкова*, 1999. С. 190. Рис. 2, 1; *Багаев*, 2008. С. 60–62, рис. 126, 10, 11) (рис. 5, 9).¹⁴ На идентичность блях из Хошеутово и Галайты уже обращалось внимание (*Дворниченко, Очир-Горяева*, 1997. С. 110; *Багаев*, 2008. С. 61). Очень схожа с ними и бляха из Мастюгино. Очевидно, что эти изделия связаны с самостоятельной линией (или скорее линиями, учитывая не вписывающуюся в общий ряд бляшку из Дубового) развития. Соответственно, вряд ли можно считать «северокавказские находки рассматриваемых блях» импортными, как это делает М. Х. Багаев (*Багаев*, 2008. С. 62). В данной связи вновь обратим внимание на многочисленные параллели между элементами материальной культуры Восточного Ставрополя, равнинной Чечни и прилегающих районов, включая Нижнее Поволжье, и скифоидных племен Среднего Подонья V–III вв. до н. э. Это однотипные крестовидные подвески-навершия и бляшки, колчаные крюки, ажурные бляхи в виде сложных розеток, своеобразный звериный стиль (*Скаков*, 2010. С. 327).

Отметим, что вне поля зрения исследователей¹⁵ обычно остаются зооморфные бляхи из Восточной Словении, датирующиеся в рамках

¹⁴ Мы сейчас не затрагиваем стилистически близкие бляшки из средневековых могильников Чечни Кенхи и Чааре (см. *Членова*, 1999. С. 313, рис. 4, 6, 7), хотя случаи вторичного использования древностей в более поздних погребениях на Кавказе не единичны. Отметим также в этом контексте бляху с четырехконечной свастикой из Терской области (коллекция К. И. Ольшевского, ГЭ, № 7110/38), датировать которую пока не представляется возможным.

¹⁵ Так, М. Х. Багаев говорит исключительно о трех, кроме Кавказа, областях локализации свастикообразных блях – Причерноморской Скифии, Фракии и Нижнем Поволжье (*Багаев*, 2008. С. 61).

финала гальштата–начала латена (HD3–начало LTA), т. е. первой четвертью–первой половиной V в. до н. э. с возможностью удревнения. В частности, можем назвать находки из Ново место – Капительска нива (Novo mesto, Kapiteljska njiva), курган III, погребение 12 (*Križ*, 1997. Т. 36, 6) (рис. 6, 4), Магдаленска гора (Magdalenska gora), курган 2, погребение 38 (*Tecco Hvala et al.*, 2004. Т. 35, 15) (рис. 6, 2), Стична (Stična), курган 48, погребение 99 (*Gabrovec et al.*, 2006. Taf. 57, 10–12) (рис. 6, 3), Доленйске Топлице (Dolenjske Toplice), курган V, погребение 33 (*Teržan*, 1976. Tab. 38, 2, 3) (рис. 6, 1). Хронологически эти бляхи предшествуют фракийским, стилистически также выглядят более ранними. Но тем не менее и хронологически, и стилистически они следуют за более ранними кавказскими и северокавказскими образцами.

Трехконечную свастику с повернутыми по кругу головками животных мы видим и на некоторых крестовидных колчаных бляхах (так называемого «ольвийского типа»),¹⁶ хорошо известных, кстати, в памятниках векерзугской культуры и чумбрудской группы и датируемых VI в. до н. э., преимущественно его первой половиной (*Kozubová*, 2009. S. 101–112). Это не только упоминаемые Е. Ф. Корольковой бляхи из Енковцов и погребения 1 в Mátraszele (*Kemenczei*, 2009. Taf. 154, 1), но и находки из Salonta (*Ibid.* Taf. 59, 18) и Cegléd-Hordógyár (*Ibid.* Taf. 11, 6), а также литейная форма из поселения Seňa-2 в Восточной Словакии (находка не опубликована, сообщение А. Козубовой). Стоит ли нам и их также связывать с влиянием со стороны Центральной Азии? Или же все-таки и фракийские и скифские бляхи следует связать с центральноевропейским кругом, восходящим к кавказским прототипам, считая их вариантами дальнейшего развития первоначальных форм?

Именно этот вариант представляется нам наиболее логичным (рис. 7). В этом случае наиболее ранними оказываются наименее стилизованные кавказские бляхи; благодаря перемещениям ранних кочевников идея зооморфной свастики попадает в центральноевропейскую культуру позднего гальштата–начала латена. Тогда бляха из

¹⁶ Упомянутая Е. Ф. Корольковой бляха из Енковцов в Посулье (*Королькова*, 2006. С. 64; 2009. С. 66) относится именно к этому типу и, соответственно, не может рассматриваться в одном ряду с «простыми» бляхами-свастиками типа Волковцы и др.

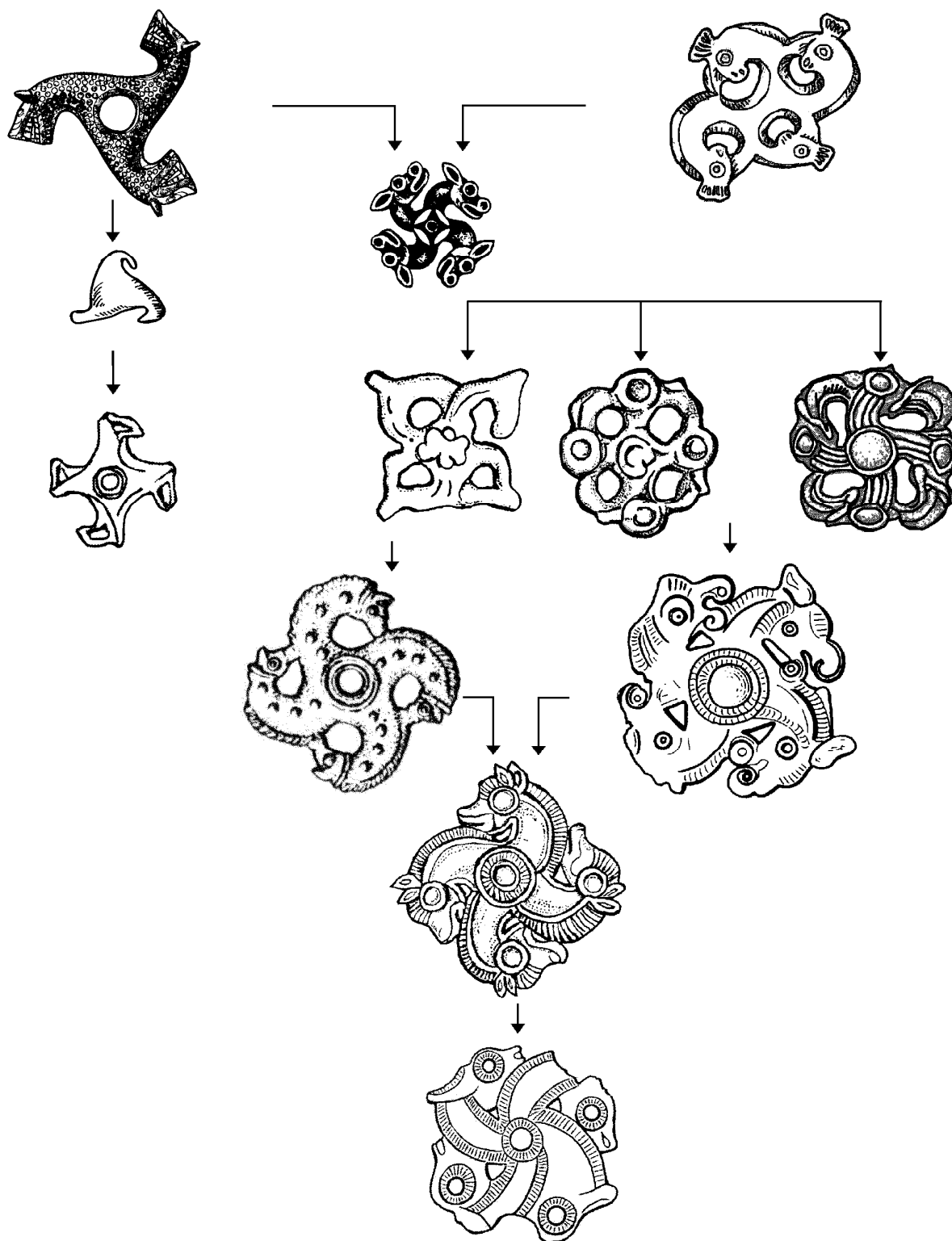

Рис. 7. Эволюция мотива зооморфной свастики на Кавказе и в Восточной Европе.
 Fig. 7. Evolution of the motif of zoomorphic swastika in the Caucasus and Eastern Europe.

Волковцов, судя по всему, связана своим происхождением с территорией Кавказа. С этим же культурным кругом связаны стилистически близкие бляхи из Мастюгино, Хошеутово и Галайты. Далее, из Центральной Европы зооморфная свастика проникает во Фракию, а подражания фракийским бляхам распространяются по Скифии во второй половине IV–III в. до н. э. При этом среди поздних скифских блях одной из стилистически наиболее ранних представляется бляха из Ольвии, которая, таким образом, может трактоваться как своего рода «переходное звено» (*Капошина*, 1956. С. 184, 186–187, рис. 25) (рис. 4, 3).¹⁷ Кстати, еще С. И. Капошина обращала внимание на то, что литая ольвийская бляха «выполнена в иной технике обработки металла», чем бляхи из курганов Краснокутский, Козел и Огуз (Там же. С. 186). Также относящаяся к хронологически (IV в. до н. э.) и стилистически «поздним» бляха из кургана 5 (ритуального комплекса) в Уляпе (Шедевры..., 1987. № 63, С. 95, 109) (рис. 5, б) восходит, по своей композиции, вероятно, все же не к фракийским и к поздним скифским бляхам, а к экземплярам круга Мастюгино–Хошеутово–Галайты. С иной линией развития, имеющей вполне «меотское» происхождение, можно связать свастическую композицию на лопасти псаля из Кужорского кургана второй половины IV в. до н. э. (*Канторович, Эрлих*, 2006. С. 37, 131–132, кат. 97, с. 206).

В любом случае и далее суммарно рассматривать кавказские, скифские, фракийские, савроматские и центральноазиатские (а как выясняется, еще и центральноевропейские) зооморфные свастики, пользуясь исключительно «искусствоведческим» подходом (*Королькова*, 2006. С. 64, табл. 26; 2009), вряд ли продуктивно. Тем более не стоит присоединять к ним кобанские свастики на топорах (*Королькова*, 2009. С. 67), учитывая крайне широкий территориальный и хронологический ареал бытования самого мотива свастики. В результате итоговый вывод

¹⁷ В этой связи обратим внимание на несколько странную попытку В. И. Козенковой и М. Х. Багаева, ссылающихся на С. И. Капошину, датировать ольвийскую бляху, происходящую якобы из слоя середины–начала второй половины V в. до н. э. (*Багаев, Козенкова*, 1978. С. 110; *Багаев*, 2008. С. 61). На самом деле, как указывает С. И. Капошина (*Капошина*, 1956. С. 184), «обстоятельства находки бляхи неизвестны», хотя «ее ольвийское происхождение не вызывает сомнений». Бляха происходит из коллекции С. К. Мишенина, переданной в 1908 г. Б. В. Фармаковскому.

упомянутого выше автора – «находки самых ранних для евразийских кочевников изображений зооморфных свастикиобразных знаков связаны с территорией Центральной Азии. По-видимому, с волной номадов не позднее VII в. до н. э. они попадают в Предкавказье» (Там же. С. 68)¹⁸ – повисает в воздухе. Исследовательницей не был построен типологический ряд, а ранние центральноазиатские аналогии ограничились хорошо известными изображениями на оленном камне (Завханский аймаг, Сонгино сумын, Айраг нуур бригада: *Волков*, 2002. С. 65, 66, табл. 68, 3) (рис. 5, 12) с неясной датой (VII–VI вв. до н. э. – ?¹⁹) и на уздечной бляхе VII в. до н. э. из кургана 83 Уйгарака (*Вишневецкая*, 1973. С. 113, табл. XIX, 5, XXVII, 4; *Королькова*, 2009. С. 65, рис. 1, 1, 2, 2) (рис. 5, 8).²⁰ Вот, собственно, и все аргументы для столь категоричного вывода: «нет сомнения в том, что мотив зооморфной свастики имеет отнюдь не причерноморское происхождение» (*Королькова*, 2001. С. 100).²¹ Кавказские изображения либо просто не учтены Е. Ф. Корольковой (Агаиани, Красный Маяк), либо отброшены под несколько надуманными предлогами. Так, исследовательница не включает в серию рассматриваемых ею изображений тлийскую свастику, так как та украшает навершие скипетра, а не предмет конского снаряжения (*Королькова*, 2009. С. 67), но охотно использует изображение на оленном камне, которое,

¹⁸ Или в более ранней работе: «солярный мотив в виде грифонных или иных звериных головок, скомпонованных во вращательном ритме, может считаться очень архаичным и распространенным, по-видимому, прежде всего в азиатской части скифо-сакского мира, но уже в VII в. до н. э. проникшим и в раннескифские памятники Северного Причерноморья» (*Королькова*, 2006. С. 64).

¹⁹ Датировка в рамках VII–VI или VI в. до н. э. была предложена Н. Л. Членовой сначала по изображенному на камне «кинжалу карасукского типа» и «приведенным выше параллелям» – т. е. по тем же бляхам из Волковцов (*Членова*, 1999. С. 312–313), а затем исходя из «параллелей с Укraiны и Северного Кавказа» (*Членова*, 2004. С. 228).

²⁰ Кстати, в том же Уйгараке мы имеем и трехконечную птероморфную бляху-свастику (4 экз.) из кургана 33 (*Вишневецкая*, 1973. С. 113, табл. IX, 9).

²¹ Сторонницей «восточного» происхождения мотива свастики на бляхах из Хошеутова является и М. А. Очир-Горяева (*Očir-Gorjaeva*, 2005. Abb. 42, 3, Abb. 44, S. 44–46; *Očir-Gorjaeva*, 2012. С. 167, 178, Ил. 186). В более ранней работе М. А. Очир-Горяева и В. В. Дворниченко писали о «несомненно скифском происхождении» блях-свастик (*Дворниченко, Очир-Горяева*, 1997. С. 110).

конечно, никоим образом не связано с конским снаряжением.

Подход, продемонстрированный в работах Е. Ф. Корольковой и ряда других авторов, представляется нам методически несколько уязвимым и по ряду других причин. Как правило, вещи или изображения используются этими авторами вне культурно-исторического и археологического контекста, т. е. практически не учитывается возможность появления в том или ином регионе инокультурных предметов благодаря торговым связям или перемещениям групп населения. А ведь именно предметы древнего искусства и вещи престижного характера являются отличными маркерами подобных процессов. Кроме того, искусствоведческий анализ зачастую не сопровождается стилистическим, т. е. исследователь не всегда обращает внимание на динамику развития именно этого образа, например, нарастание признаков стилизации или схематизации. В результате древнее искусство предстает в виде очень консервативной и устойчивой системы образов, лишенной процесса внутреннего развития и не поддающейся серьезному внешнему воздействию.

В процессе же чуть более углубленного анализа становится очевидным, что никакого хронологического приоритета у центральноазиатских свастических изображений (в отличие от закавказских) не просматривается. Какова бы ни была дата оленного камня из Монголии, похоже, ни одного металлического изделия (блях или других предметов) с зооморфной свастикой из Центральной Азии и Сибири ранее VII в. до н. э. неизвестно. Кстати, изображение повернутых в одну сторону в круговом вращении шести голов животных на предскифской стеле из с. Константиновка Николаевской области еще дальше от евразийского мотива зооморфной (птероморфной) свастики, представленного на бляхах, чем изображение на стеле из Монголии (Тереножкин, 1978. Рис. 7; Савинов, 1994. С. 55, табл. XI, 8). Сложно сказать, шло ли развитие этого образа параллельно в разных частях Евразии или же находка из Уйгарака может быть тем самым «недостающим звеном», маркирующим проникновение зооморфной свастики с запада (Кавказ и Закавказье) на восток. Кроме того, вполне возможно наличие прототипов этого мотива в более древних памятниках Ирана, все еще остающегося во многом terra incognita. Пока что мы вынуждены оперировать преимущественно происхо-

ждениями с территории Ирана случайными находками, пусть и имеющими достаточно узкую датировку (520–480 гг. до н. э.). В данном случае я имею в виду, к примеру, бляху с тремя протомами грифонов из музея Барбье-Мюллера в Женеве (Art antique..., 1991. Р. 96–97). Мы оставляем вопрос о судьбе зооморфной свастики в Восточной Европе открытым, но предлагаем не упускать из виду ранние кавказские параллели.

Багаев, 2008 – Багаев М. Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н. э. М., 2008.

Багаев, Козенкова, 1978 – Багаев М. Х., Козенкова В. И. Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника (Чечено-Ингушетия) // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М., 1978.

Барамидзе, 1974 – Барамидзе М. В. Из истории материальной культуры Шида Карти (погребальный комплекс «знатного воина» из с. Агагани) // МАГК. 1974. Т. 6 (на груз. яз.)

Барамидзе, 1977 – Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.)

Батчаев, 1985 – Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новоостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2.

Березуцкий, 2009 – Березуцкий В. Д. Исследование курганов скифского времени у хут. Дубовый на Среднем Дону в 2006 г. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М., 2009.

Бондарь, 1975 – Бондарь И. В. Древнее золото из собрания Музея исторических драгоценностей УССР. М., 1975.

Ванден-Берге, 1992 – Ванден-Берге Л. Древности страны луров: Каталог выставки. СПб., 1992.

Вишневская, 1973 – Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М., 1973.

Волков, 2002 – Волков В. В. Оленные камни Монголии. М., 2002.

Воронов, 1980 – Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев, 1980.

Дворниченко, 2000 – Дворниченко В. В. Новые поступления в составе Хошеутовского комплекса уздечных принадлежностей // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. Сб. статей / Отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М., 2000.

Дворниченко, Очир-Горяева, 1997 – Дворниченко В. В., Очир-Горяева М. А. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5: Сб. науч. докладов III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории».

Дударев, 1999 – Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

Есаян, Погребова, 1985 – Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Ильинская, 1968 – Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.

Иремашвили, 1975 – Иремашвили Ш. Впервые в археологии // Друзья памятников. Тбилиси, 1975. № 39 (на груз. яз.)

Иремашвили, 1976 – Иремашвили Ш. Могильник позднеbronзовой эпохи из с. Рене // ПАИ в 1974 году (краткие сообщения). 1976.

- Канторович, Эрлих, 2006 – Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи VIII–III вв. до н. э. Из фондов Государственного Музея Востока и Национального Музея Республики Адыгея. М., 2006.
- Капошина, 1956 – Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. М.; Л., 1956 (МИА; № 50).
- Козенкова, 1998 – Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998 (САИ; В2-5).
- Козенкова, 1999 – Козенкова В. И. Восточнокобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М., 1999.
- Конь и всадник..., 2003 – Конь и всадник: Взгляд сквозь века: Выставка 21 марта–29 сентября 2003 г. М., 2003.
- Коридзе, 1961 – Коридзе Д. Л. Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.)
- Коридзе, 1965 – Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.)
- Королькова, 2001 – Королькова Е. Ф. Кубанский звериный стиль и его восточные аналоги // АСГЭ. СПб., 2001. Вып. 35.
- Королькова, 2006 – Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии: Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.): Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб., 2006.
- Королькова, 2009 – Королькова Е. Ф. Знаковая система, приемы композиции и некоторые устойчивые мотивы в искусстве звериного стиля (зооморфные свастики и вихревые розетки) // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10.
- Крупнов, 1960. – Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Луконин, 1977 – Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- Манцевич, 1973 – Манцевич А. П. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // Материалы по археологии европейской части СССР от эпохи раннего железа до средневековья: Сб. статей. Л., 1973 (АСГЭ; Вып. 15).
- Мелюкова, 1976 – Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М., 1976.
- Мелюкова, 1979 – Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Мелюкова, 1981 – Мелюкова А. И. Краснокутский курган. М., 1981.
- Микеладзе, 1982 – Микеладзе Т. К. Основные результаты полевых исследований Колхидской археологической экспедиции // ПАИ в 1980 году. 1982.
- Микеладзе и др., 1979 – Микеладзе Т. К., Мухелишвили Д. Д., Хухутайшвили Д. А., Лурсманшвили О. В. Исследования Колхидской археологической экспедиции // ПАИ в 1976 году. 1979.
- Микеладзе и др., 1985 – Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. Основные итоги полевых исследований Колхидской экспедиции // ПАИ в 1982 году. 1985.
- Микеладзе и др., 1986 – Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. О полевых исследованиях Колхидской археологической экспедиции // ПАИ в 1983 году. 1986.
- Мошинский, 2010 – Мошинский А. П. Древние бронзы Кавказа. М., 2010.
- Никулина, 1994 – Никулина Н. М. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. По материалам глиптики V–IV вв. до н. э. М., 1994.
- Никулицэ, 1987 – Никулицэ И. Т. Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
- Очир-Горяева, 2012 – Очир-Горяева М. А. Древние всадники степей Евразии. М., 2012.
- Панцхава, 1975 – Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975.
- Панцхава, 1986 – Панцхава Л. Н. Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур по материалам Чобарухского и Пасанаурского кладов // Вестник Гос. Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Тбилиси, 1986. Т. 38-В.
- Панцхава, 1988 – Панцхава Л. Н. Памятники художественного ремесла колхидской культуры. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Панцхава и др., 2003 – Панцхава Л., Сулава Н., Папуашвили Р. Колхидская, кобанская или колхидско-кобанская? // Кавказоведение. Тбилиси, 2003. № 4.
- Папуашвили, 1998 – Папуашвили Р. И. К относительной хронологии колхидских могильников эпохи поздней бронзы–раннего железа // Дзиебани: Журнал археологических исследований Академии наук Грузии. Тбилиси, 1998. № 1 (на груз. яз.).
- Папуашвили, 2011 – Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы–раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный; М., 2011.
- Переводчикова, Фирсов, 2005 – Переводчикова Е. В., Фирсов К. Б. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти В. С. Ольховского: Сб. статей / Ред. В. И. Гуляев. М., 2005.
- Погребова, 1984 – Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Савинов, 1994 – Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Сазонов, 1994 – Сазонов А. А. К вопросу о хронологии протоэотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1994.
- Сазонов, 2000 – Сазонов А. А. Хаджохские курганы – некрополь древнеэотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 2000. Вып. 3.
- Скаков, 1998 – Скаков А. Ю. Об одной из групп кобанско-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. 1998. Вып. 4.
- Скаков, 1999 – Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М., 1999.
- Скаков, 2009 – Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223.
- Скаков, 2010 – Скаков А. Ю. Ареал распространения и хронология крестовидных подвесок на Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Магас, 2010.
- Скаков, Джошуа, 2012 – Скаков А. Ю., Джошуа А. И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время: Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М., 2012 (Труды ГИМ; Вып. 191).
- Скаков, Эрлих, 2005 – Скаков А. Ю., Эрлих В. Р. Еще раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: Памяти Валерия Сергеевича Ольховского: Сб. статей / Ред. В. И. Гуляев. М., 2005.
- Спасенные сокровища..., 2009 – Спасенные сокровища древней Фракии из «Коллекции Василя Божкова». М., 2009.
- Тереножкін, 1978 – Тереножкін О. І. Кіммерійські стели // Археологія. Київ. 1978. № 27.
- Техов, 1971 – Техов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
- Техов, 1980а – Техов Б. В. Тлийский могильник. Тбилиси, 1980. Т. 1.

- Техов*, 1980б – *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М., 1980б.
- Техов*, 1988 – *Техов Б. В.* Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988.
- Трати*, 1969 – *Трати М. М.* Труды. Сухуми, 1969. Т. 2: Древний Сухуми.
- Трати*, 1970 – *Трати М. М.* Труды. Сухуми, 1970. Т. 1: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.
- Уварова*, 1900 – *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа. М., 1900 (МАК; Вып. 8).
- Фиалко*, 1995 – *Фиалко Е. Е.* Фракийская узда из кургана Огуз // РА. 1995. № 1.
- Членова*, 1999 – *Членова Н. Л.* Новые данные о связях Монголии и Северного Кавказа в скифскую эпоху // Евразийские древности: 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башинлов. М., 1999.
- Членова*, 2004 – *Членова Н. Л.* Северный Кавказ – Синьцзян – Монголия («Общевразийские» оленные камни) // Археологические памятники раннего железного века Юга России: сб. статей / Отв. ред. Л. Т. Яблонский. М., 2004 (МИАР; № 6).
- Шамба, Шамба*, 1990 – *Шамба Г. К., Шамба С. М.* Археологические памятники верховьев реки Галидзга (Джантух). Тбилиси, 1990.
- Шедевры...*, 1987 – *Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки.* М., 1987.
- Эрлих*, 2005 – *Эрлих В. Р.* «Птицеголовые» скипетры предскифского времени. Новые аргументы к дискуссии // Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4.
- Эрлих*, 2007 – *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протогеотская группа памятников. М., 2007.
- Amiet*, 1976 – *Amiet P.* Les antiquites du Luristan: Collection David-Weill. Paris, 1976.
- Apakidze*, 2009 – *Apakidze J.* Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien // Chronologische Studien zur Kolchisch-Kultur 1600–700 v. Chr. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. 2009. Bd 24. Rahden/Westf.
- Art antique...*, 1991 – *Art antique dans les collections du Musee Barbier-Mueller / Texte Jean-Louis Zimmermann.* Geneve, 1991.
- Calmeier*, 1969 – *Calmeier P.* Datierbare Bronzen aus Luristan und Kermanshah. Berlin, 1969.
- Gabrovec et al.*, 2006 – *Gabrovec S., Kruh A., Murgelj I., Teržan B.* Stična II/1. Gomile starej šeželezne dobe – katalog / Stična II/1. Grabhügel aus der älteren Eisenzeit – Katalog. Ljubljana, 2006.
- Hančar*, 1935 – *Hančar Fr.* Zum Problem des Kaukasischen Tierstils // MAG. Wien, 1935. Bd 65, Hf. V–VI.
- Kemenczei*, 2009 – *Kemenczei T.* Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld-Gruppe. Budapest, 2009.
- Kozubová*, 2009 – *Kozubová A.* Dial'kově zbrane z pohrebísk vekeřzugskej kultúry na juhozápadnom Slovensku // Zborník Slovenského národného múzea. CIII. Archeológia. 19. Bratislava, 2009.
- Križ*, 1997 – *Križ B.* Novo mesto IV. Kapitelska njiva. Gomila II in gomila III. Novo mesto, 1997.
- Mikeladse*, 1995 – *Mikeladse T.* Grosse kollektive Grabgruben der frühen Eisenzeit in Colchis // AA. 1995. Hf. 1.
- Očir-Gorjaeva*, 2005 – *Očir-Gorjaeva Maria A.* Pferdgeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2005. Bd 19.
- Potratz*, 1968 – *Potratz Joahannes A. H.* Luristanbronzen: Die einstmalige Sammlung Professor Sarre. Berlin; Istanbul, 1968.
- Tecco Hvala et al.*, 2004 – *Tecco Hv. S., Dular J., Kocvan E.* Železnodobne gomile na Magdalenski gori: Eisenzeitliche Grabhügel auf der Magdalenska gora. Ljubljana, 2004.
- Teržan*, 1976 – *Teržan B.* Certoška fibula // Arh. Vestnik. Ljubljana, 1976. N 27.

Some Representations in Koban-Colchidic Art: Sculptural Figures of Recumbent Animals and Zoomorphic Swastikas

A. Yu. Skakov

In the art of the Koban-Colchidic cultural and historical unity, a series of motifs and images are distinguishable which are repeatedly found on certain objects of different origin and purpose. These widespread images serve as a fairly reliable chronological indicator enabling us to synchronize archaeological sites in different regions and to tie them in a common system. Among the motifs concerned there are sculptural depictions of animals with bared teeth, found on the butt sides of Koban-Colchidic axes, on plaques and a finial from Tli. Plaques in the form of a sculptural representation of a recumbent animal are found mostly at cemeteries of the Inguri-Rioni Colchidic culture and are dated to from the 8th–7th to the beginning or the first half of the 6th century BC. Noteworthy is the stylistic similarity between these plaques and the sculptural representations on the butts of some Koban-

Colchidic axes from different regions of the Central Caucasus. The plaques and the representations on axes are synchronous and probably originate from a single source – Luristan art. In terms of the shape of the heads and mouths of the animals, they are similar to a series of synchronous bronze dagger-shaped pendants decorated with small zoomorphic heads with bared teeth from burial grounds of the Inguri-Rioni Colchidic culture, as well as to the finial in the form of a zoomorphic three-armed swastika from burial 254 from the Tli cemetery.

The finial from Tli induces us to reconsider the problem of the roots of the motif of zoomorphic (and pteromorphic) swastikas. This issue is extremely tangled and recently it has drawn ever greater attention of a number of researchers. Different regions of the Caucasus have yielded an entire series of objects representing, with more or less ex-

tent of stylization, the idea of zoomorphic three- or four-armed swastika. Here it is suggested that the earliest known depictions of zoomorphic swastika come not from Central Asia, as some authors believe, but actually from the Caucasus and exactly these representations are stylized ones. Owing to movements of the early nomads, already as early as the 6th century, the idea of zoomorphic swastika

penetrates both the tribes of the Northern Caucasus, Don area and Scythia and the Central-European culture of the late Hallstatt and early La Tène. The group of these finds includes the well-known Thracian swastika plaques of the late 5th–3rd centuries BC and the imitating them Scythian plaques of the second half of the 4th and 3rd century BC.

Обзоры и рецензии

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГО КОЖЕВЕННОГО ремесла СЕГОДНЯ: ОПЫТ КОНСОЛИДАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ

In Gremio – in Praxi. Studia nad średniowiecznym skórnictwem.
Kowalska A. B., Wywrot-Wyszkowska B. [red.].
Szczecin: Wydawnictwo Instytutu Archeologii i Etnologii PAN. 2009.
ISBN 978-83-89499-58-5

Рецензируемый сборник содержит материалы первой конференции по изучению средневекового кожевенного ремесла в Польше. Ее проводило Щецинское отделение Института археологии и этнологии Польской Академии наук в марте 2007 г. В сборнике представлены работы по разным аспектам этого направления изучения древней культуры, раскрываемые на основе письменных, археологических, изобразительных и других источников, а также использования современных методов консервации средневековой кожи. Работы позволяют досконально разобраться во многих вопросах изготовления кожаных предметов в средневековых польских городах. Определяются возможности комплексного подхода к изучению кожевенного ремесла на уровне межрегионального сравнительного анализа, а также изучения некоторых аспектов демографии и социальной топографии, моды и эстетических взглядов средневекового населения.

Я. Тандеcki (J. Tandeci) представил материалы по теме «Источники средневековья и нового времени для изучения истории кожевенного производства в Польше». Автор подчеркнул, что история ремесел средневековья и нового времени по выделке животных шкур, как и гильдии специалистов-кожевников (производители белых и красных кож, дубильщики, мешочники, кордуанеры, меховщики, пергаменщики, обувщики, портные, седельщики, сафьянники, замшенники и др.), до сих пор не вызывали энтузиазма у историков. Отдельные ученые, чьи интересы связаны с упомянутыми проблемами (И. Турнау), не могут охватить весь комплекс археологических и письменных источни-

ков. При этом в исторических архивах Польши (в Гданьске, Торун, Кракове и других) хранятся богатейшие собрания документов по истории гильдий, хотя многие из них фрагментарны, разрозненны или повреждены. Меньше всего таких источников сохранилось по древнейшим этапам деятельности гильдий, они восходят к XV в. Часть ранних архивов еще не опубликована. Количество более поздних документов в архивах существенно увеличивается. Историк отметил, что при оценке деятельности кожевенных мастеров надо учитывать, что такие специалисты работали не только в городе, но и на селе.

А. Серадзка (A. Sieradzka) сделала обзор иконографических источников по кожаной одежде и аксессуарам в средневековой Польше. В польской научной литературе в работах М. Гутковской-Ручлевской (M. Gutkowska-Ruchlewska), И. Турнау (I. Turnau) и К. Турской (K. Turska) археологические предметы сопоставлены с их изображениями костюмов. Эти сравнения касаются в основном археологической обуви конца XIV и XV в., для которой есть много аналогий, например, фрески Св. Виты (Wit Stwosz) в Краковском алтаре Святой Марии. В свою очередь для обуви XI–XII вв. имеются аналогии только на отдельных рельефах с врат собора в Гнезно. Для исследования иконографических источников можно также привлекать богатый иллюстративный материал готического и романского искусства – книжную живопись, стенные, надгробные и алтарные скульптуры. Так, археологи и костюмологи до сих пор не рассматривали низкорельефные фигуры тимпанов из церквей конца XII–начала XIII в.

во Вроцлаве, Высочице, Тржебнице и колонны в Стржельце. Интересны и единично сохранившиеся фрески начала XIII в. в церкви Червинска. Особо точную датировку изображений, а также цвета и варианты орнамента обуви дают миниатюры литургических книг XI–XII вв. В то же время следует помнить, что низкие рельефы конца XII в. в соборах Плоцка и Гнезно из-за особых художественных манер мастеров нельзя полностью использовать в сравнительном исследовании.

А. Ковальска (A. Kowalska) ознакомила с работой методического плана «In Gremio – in Praxi как взгляд на изучение раннесредневекового кожевенного ремесла в Померании». В этом вопросе детальный анализ археологических комплексов, их количество и различия становятся единственным источником при изучении многих сторон средневековой жизни. Однако автор отмечает, что при использовании только данных археологии сохраняется трудность в реконструкции кожевенно-обувного или одежного производства. Наиболее информативными являются археологические кожевенные комплексы и объекты, раскопанные по хорошо стратифицированным слоям. Также важны анализы качества самой кожи, ботанических и дендрологических образцов с участков, относимых к кожевенному производству. Изучая кожевенные отходы, надо обращать особое внимание на типологию шкур животных. Особым является вопрос о путях поступления шкур для их последующей обработки к кожевникам. В исследованиях, посвященных производству раннесредневековой обуви, отмечена терминологическая путаница. Необходимы общие правила использования названий для корреляции работ разных специалистов. Автор подчеркнул, что иконографические источники показывают обыденное использование вещей, а не производственную организацию. Бедность же письменных упоминаний идет от того, что кожаные предметы и само производство не имели особого интереса для раннесредневековых хронистов.

Археологические источники компенсируют бедность письменных данных в этом вопросе. Недавно крупные комплексы производственных отходов и места дубления были открыты в Волине. В Щецине найдены остатки мастерской, содержащей обрезки, инструменты и полуфабрикаты, связанные с кожевенным производством. Сегодня можно говорить о нескольких ста-

диях развития обуви в раннесредневековом Щецине. Древнейший период (второе десятилетие X в.) можно назвать доремесленной стадией. К середине X в. обувное производство обслуживало нужды разных социальных групп. Торговая активность жителей Щецина расширяла базу для развития ремесел, в том числе обувного. С середины X до середины XI в. техническое развитие обувного ремесла вытеснило кустарное производство, что видно в упрощении приемов изготовления предметов из кожи. Развивались стилевые формы и новые типы кожаной обуви. В целом, в городах Западной Померании, как показывают материалы из раскопок в Волине, рано сложились благоприятные условия для торговли кожаными изделиями.

Б. Виврот-Вишковска (B. Wywrot-Wyszkowska) представила статью «Остатки позднесредневековой кожи – проблемы изучения и возможные интерпретации». Она отметила сложности в принципах классификации археологических обувных деталей и моделей. Как пример показано выделение в Колобжеге трех основных типов обуви, различимых по высоте. Подтипы отражают разделение по видам завязок и орнаментации. При анализе обувных конструкций важными элементами автор называет тип обувной подошвы, способ ее сшивания с верхом, усиленные детали и способы их крепления, а также орнаментацию обуви.

В отличие от обуви, другие категории кожаных изделий достаточно редко представлены в археологических материалах. Небольшое число таких предметов и их фрагментированность затрудняют атрибуцию, но в этом могут помочь иконографические источники.

Место производства и отходы от раскроя составляют значительный компонент кожаных остатков в слое. Макроскопическое обследование дает возможность выделить в археологическом материале обрезки от раскроя из массы изношенных изделий и отходов после ремонта. Сбор обрезков на большой площади показывает, что они маркируют места кожевенного производства и помогают определить вид кожевенной деятельности мастеров. Эти вопросы автор проследживает на примере двух мастерских в Колобжеге, открытых на улице Е. Герчика № 7 и 37. В первой мастерской шили обувь и другие изделия, а вторая специализировалась на пошиве и ремонте обуви. В двух следующих мастерских, расположенных по улице Армии Крайовой

5А и 6, видимо, производили кожаные аксессуары и одежду. Использование мягкого кожевенного сырья, а также остатки металлических приспособлений показывают, что в первой мастерской, в основном, шили чехлы для ножей.

Автор рассматривает обувь из Колобжега как источник изучения социальной структуры города и его демографии. Материалы показали, что все типы обуви были общеупотребимы в широких слоях городских жителей. Дети и мужчины чаще всего носили башмаки с высоким голенищем (*high full shaft*). Найденная обувь позволяет охарактеризовать социальный статус жителей разных районов города. Критерием для этого служат наличие и вид орнаментации, а также процент починенной обуви.

М. Концевска (М. Konczewska), на основе анализа письменных и археологических источников, пытается ответить на вопрос: «Жили ли обувные мастера на улице Обувщиков (*Szewska*) во Вроцлаве в средние века?». Соответствовало ли существующее название улицы профессии древних жителей? Исследование социальной топографии позднесредневекового Вроцлава показало, что жители улиц с такими названиями составляют профессионально замкнутые группы. Шевская улица расположена в пределах двух кварталов – Большого и Меховщиков. В средние века Шевская улица имела самую длинную линию мастерских кожевников в городе. По мнению М. Голински, изучившего городские списки 1391 и 1403 гг., на Шевской улице в 1391 г. работали 19 обувщиков, а в 1403 г. уже 49, в том числе 23 владельца участков, из которых 3 обладали и движимым имуществом. Центры обувного ремесла были объединены в две группы, расположенные между улицами Меховой и Лекарской. Внутри площади 10 застроенных участков находился ряд из 48 обувных мастерских. М. Концевска подчеркнула, что в иерархии городских занятий Вроцлава кожевники стояли после торговцев, содержателей гостиниц, изготовителей тканой одежды, маслоделов и булочников.

Археологические раскопки 2005–2006 гг. привели к открытию на участке «Шевская, 13» 31 000 кожаных предметов, одной колодки и подставки под наковальню (?), что свидетельствует о присутствии на участке в XIV–XV вв. обувной мастерской. На соседнем участке в слоях XIV в. был найден целый пласт кожаных фрагментов, интерпретируемых как отходы производственной деятельности ремесленника

Хенсела (Гензела) из г. Ниса. Наиболее многочисленными здесь были детали обуви, обрезки от раскроя, ножны, мешки, кошельки, ремни, одежда, детали упряжи и неопределимые детали.

Археологические раскопки позволили не только открыть кожевенные комплексы внутри стратифицированных гражданских строений на Шевской улице, но и показать совпадение археологической хронологии с датами, прослеженными по письменным документам. Кроме того, в слоях XV в. наблюдалось увеличение кожаных находок в южной части средневековой Ножовничей улицы, т. е. именно там, где в конце средних веков отмечались мастерские мешочников (сумочников) и обувщика. Таким образом, результаты археологических и исторических исследований подтвердили связь названия Шевской улицы с размещением здесь обувщиков. Известно что в XVII в. здесь был «центр обувного производства» – Дом гильдии обувщиков.

Б. Цейнова (В. Ceunowa) представила доклад «Защитная обувь по находкам в Гданьске – проблемы изучения и методики». С 2001 г. в Гданьске на 11 археологических раскопах в Старом городе и Центральном Замке на острове Гранари были найдены почти 12 сотен фрагментов защитной обуви. Хорошо сохранились полные изделия, отдельные фрагменты кожаной и деревянной подошв, а также детали верха. В работе обсуждаются деревянные и кожаные *патины*, наиболее популярный тип средневековой защитной обуви, а также туфли *мюле*.

Многие изобразительные примеры позволяют считать, что патины надевали на обувь только при выходе из дома и снимали по возвращении. Только во Фландрии патины как часть элегантного наряда носили в помещении. Их наибольшая популярность приходится на период XIII–XVI вв. С другой стороны, кожаные патины и туфли *мюле* не только защищали обувь от грязи, но также служили в качестве нарядной обуви. Обе обувные формы в Гданьске употреблялись, видимо, с конца XIV в. и вплоть до конца XVIII в. В XVII в. *мюле* стали снабжать небольшими металлическими «копытцами» (*hooves*), вероятно – подковками, которые использовались при ношении обуви на улице. Подошвы с двумя выступами-каблучками были характерны и для деревянных патин. Верх патин сочетал кожаную полосу в средней части и пальцевую накладку. Верх мог быть скроен из одного или двух кусков кожи. Последний вид относится в Гданьске пре-

имущественно к древнейшим слоям. Имеются разные варианты металлических обтяжек (из бронзы и свинца) для деревянных патин, игравших и укрепляющую и декоративную роль.

Кожаные патины обычно имели удлинённую форму, зауженную в области подъема, что прежде всего типично для моды XV в. Характерной чертой *мюле* был, напротив, более или менее закругленный носок. Качественная особенность обоих типов обуви – это верх, кроенный из двух-трех слоев тонкой эластичной кожи. Кожаные патины с двучастным верхом обычно соединялись восьмигранными бронзово-свинцовыми пряжками. Их богатый орнамент свидетельствует о ношении в помещениях. В целом, изученные изделия в Гданьске подтверждают прочные контакты города в XV в. с Нидерландами.

А. Држковска (A. Drązkowska) представила работу «Опыт идентификации форм средневековых кожаных сумок (мешков) из Торуня по иконографическим источникам». При археологических раскопках в городах достаточно редко находят фрагменты перчаток, пояса, шнурки, кошельки, сумочки и др. находки, как правило, мелких фрагментов от изделий затрудняют реконструкцию их первоначальной формы. В качестве примера рассматриваются две сумки (*purses*), найденные в Старом Городе. Одна сумка обнаружена в 1995 г. в выгребной яме на Банковой улице 14/16. От нее сохранились тыльная сторона, трапециевидной формы размерами 15 × 20 см, и часть передней стороны прямоугольной формы размерами 16 × 13 см. Другая сумка найдена в охранном раскопе на Филадельфийском бульваре, 18. От нее сохранились только тыльная сторона размером 20 × 23 см и клапан – 18 × 22 см. Обе части имели прямоугольную форму, со слегка закругленными углами. Для находок предложены разные варианты сшивания краев деталей.

Нельзя с уверенностью установить, фиксировались ли клапаны торуньских сумок пряжками или они висели свободно. Известные по изображениям сумки имели клапаны, закрываемые на пряжки, пуговицы или крючки. Одни носились на длинных поясах или узких кожаных ремешках повешенными на плечо, другие (кошельки) – висели на талии. Кожаные ремни снабжены пряжками для регулировки их длины. Сумочки, носимые на поясе, были известны как польская калита (*Polish kaleta*). Они имели форму квадрата или прямоугольника со скругленными углами

или были овальными. Часто передняя сторона кошельков вырезалась из одного куска кожи вместе со внутренними частями и дополнялась мелкими деталями. Клапаны вместилищ обычно украшены прошивкой, аппликацией, заклепками, вырезами или оттисками на коже. Сюжетами декора были цветы, геометрические фигуры, силуэты животных и людей.

В своей работе А. Грезак (A. Gręzak) рассмотрела возможности получения информации о кожевенном ремесле по анализу остатков животных. Подобные исследования значительно расширяют современные методы археозоологических исследований. Они продемонстрированы на примере г. Колобжега, где при раскопках, в слоях второй половины XIII–конца XV вв., собрано более 36 тыс. костей животных. Их анализ подтвердил преобладающую роль в экономике Колобжега домашних животных над дикими и преобладание КРС (крупного рогатого скота) в хозяйстве. Можно предполагать, что шкуры разводимых животных, особенно КРС, преобладали среди кожевенного сырья на рынке.

Анализы найденных кож показали, что шкуры КРС – наиболее распространенное сырье в кожевенном деле, а шкуры козы, овцы, оленя и лошади встречаются значительно меньше. С другой стороны, в работе использовали меха коз, овец, бобра, плотоядных (*carnivorous*) животных, оленей, а также молодых коров и лошадей. Установлено, что отдельные вещи сделаны из шкур собаки, выдры и тюленя.

В костных материалах также выделены остатки собаки, выдры и тюленя, кошек, волка, лисицы, барсука и каких-то животных семейства ласок. Надо полагать, что шкуры этих животных использовали как меховое сырье. Osteологические определения были сделаны и для других средневековых городов этого региона. Сравнение пород животных по костным остаткам и фрагментам кожи позволяет предполагать, что основным сырьем для кожевенного ремесла в Колобжеге были шкуры местного происхождения. По наблюдениям, с конца XIII по конец XV в. можно говорить об увеличении процента остатков диких животных, в позднее время представленных в основном оленем.

В культурных напластованиях конца XIII в. процент костей КРС составляет 66,99 %, в начале XIV в. – 54,77 %, а в конце XIV в. – 60,94 %. Процент костных остатков молодых коров и теллят почти не изменяется с конца XIII в. до конца

XV в.: они составляют 8 % среди костей этого вида. Процент костей морфологически незрелых особей овец и коз в данный период остается на одном уровне, не более 14–15 %. Это означает, что на местном рынке постоянно продавали определенное количество шкур молодых особей этих животных. Морфологический анализ костей коров подтверждает, что в конце XIII в. было две группы животных. Первая – более многочисленная (местная) представлена мелкими и средними особями (высота 110 см в холке), вторая – более рослыми животными (120–134 см в холке), вероятно, привозными. Аналогичные группы выделены среди овец и лошадей.

Т. Радек (T. Radek) выступила с докладом «Тип, ассортимент и качество выделки кожи по результатам макро- и микроскопического изучения изделий и отходов из раскопок». Автор считает, что эффективность оценки кожаных предметов должна быть построена на смешанных критериях. Тщательно описывая внутренние изменения в кожевой ткани в процессе выделки, автор делает заключение, что качество выходящего продукта – кожи – зависит от возможностей самого материала (шкур) и качества дубления. Изъяны (трещины) на кожаных находках обычно являются следствием ошибок в древнем процессе дубления шкуры.

Б. Якимович и И. Родзик (B. Jakimowicz, I. Rodzik) рассмотрели опыт консервации и реконструкции древних кожаных предметов, проводимый в Отделе консервации коллекций Центрального Морского музея в Гданьске. Взятые в работу вещи были получены при археологических исследованиях дна Балтийского моря. Кожаные находки из сухих или влажных мест имели разное качество. На их сохранность могли влиять способы дубления кожи и условия, в которых она находилась сотни лет. Без консервации такие кожаные предметы на воздухе немедленно высыхают, рвутся, становятся жесткими, деформируются и могут заплесневеть. Консервация мокрой кожи ведет к замещению воды другими веществами. Предметы, взятые из влажной среды, лучше обрабатывать глицерином. Также успешно был использован и метод вакуумного вымораживания. Вначале поверхность кожи тщательно очищается, в том числе и от ржавчины. После этого кожу долго вымачивают в водном растворе глицерина с добавкой биоцидов. При этом концентрация глицерина увеличивается каждые две недели от 20 % до 60 %.

Для увеличения механической стойкости кожи иногда необходимо их дополнительно наполнить танином, используя кору дуба и ивы. В результате жесткая и хрупкая кожа усаживается примерно на 3–10 % от начального размера. Лучший эффект был достигнут, когда танины смешивались с раствором глицерина. Три сорта кожи, реставрированные таким образом, показали очень хорошее качество консервации.

За консервацией следует стадия реконструкции. Она начинается с соединения между собой фрагментов кожи, со всеми складками и сгибами. Затем следует сшивание предметов по оригинальным швам, с укреплением участков с разрывами и иными дефектами. Сшивание делалось хлопковой нитью, более тонкой, чем старые отверстия.

И. Ягельска (I. Jagielska) сообщила результаты опыта консервации археологических кожаных предметов методом вакуумного вымораживания. Этот метод (лиофилизация) включает стадию насыщения кожи определенными составами и последующее их вакуумное высушивание. Несколько десятков кожаных предметов для консервации были взяты из раскопок в Старом Городе Эльблонга (XV в.) и Гданьске (XV–XVII вв.). После промывки кожу держали в воде с добавкой биоцида – Катон LX. На этой стадии соли железа из кожи были удалены в водном растворе би-цитрата аммония. Затем три группы кожи насыщали разными составами, помогающими ее консервации: 25 % водным раствором глицерина, 30 % водным раствором полиэтиленгликоля 400 и 10 % водным раствором полиэтиленгликоля 1500. В двух первых растворах кожа лежала две или три недели, а в последнем – шесть недель. После этого кожу завернули в алюминиевую фольгу и быстро заморозили при очень низкой температуре. Затем ее сразу после заморозки на 3–5 дней поместили в вакуум для сублимации льда. В результате кожа стала сухой и легкой. В процессе замораживания была сделана попытка придать коже нужную форму. Очень важно отметить, что кожа сохранила разные оттенки коричневого цвета, а ее усадка была практически нулевой. При значительном уменьшении веса кожа сохранила эластичность и плотность. Во всех образцах складки и сгибы кожи были ослаблены и она приобрела прежний вид. Другими положительными чертами такой консервации являются: ее экономичность, отсутствие разрывов на орнаменте

кожи; время консервации не более трех-четырех недель. Данный метод особо продуктивен при обработке больших серий археологических кожаных вещей небольшого размера.

М. Марцинковски (M. Marcinkowski) выступил с сообщением «Состояние изучения средневековых кожаных предметов, открытых в Эльблонге». Систематические археологические исследования в этом городе дали большое число предметов из разных материалов. Среди многочисленных кожаных предметов преобладают обрезки раскроя и обрывки, фиксирующие местное кожевенное производство. Больше всего кожаных предметов в слоях XIII в., в комплексах XIV и XV вв. их меньше. Это связано с тем, что с конца XIII–начала XIV в. в Эльблонге началось каменное строительство, поэтому вещи XIV и XV вв. найдены в основном в отхожих местах.

В документах сохранилось мало данных о городских ремесленных мастерах – обувщиках, седельщиках и меховщиках. Гильдии в городе начали складываться в XIII–начале XIV в., а не позднее середины XIV в. они полностью сформировались. Наиболее ранние упоминания гильдий относятся к 1421 г., когда получили права гильдии изготовителей сумок и седельников. Археологически прослежено, что в период между 1327 и 1335 гг. церковь св. Николая окружали 13 сапожных мастерских, занимавших северную часть церковной территории.

Большинство кожаных предметов составляют отдельные детали обуви, но есть и цельные ее образцы. Среди деталей преобладают подошвы, головки и рант. Подошвы представлены формами с прямоугольными, округлыми и заостренными носками. Среди видов обуви преобладают башмаки, туфель немного меньше, а башмаки с высоким голенищем находились только эпизодически. Кроме туфель, другая обувь редко декорировалась. Отдельные формы башмаков изысканно декорированы. В слоях конца XIII–XV вв. была встречена защитная обувь (патины).

От изделий седельщиков сохранилось больше всего чехлов для ножей. По длинной стороне чехлы часто скреплялись металлическими пластинами. Заклепки или кожаные ремешки, проходящие через продольные прорезы, использовались для сборки значительно реже. Встречены и уникальные чехлы с геометрическим орнаментом, оттиснутым на коже пуансоном. Мешки делались из прямоугольных кусков кожи, сгиба-

лись вдвое и сшивались на сторонах. Встречены также малые кошельки и пояса, с орнаментом и без. Первые обычно декорированы металлическими розетками, приклепанными к коже. Кроме этих общепотребимых вещей найдены и уникальные, такие как (предположительно) обтяжка ножен сабли и две части одного мяча.

А. Ковальска (A. Kowalska) представила доклад «Археология и средневековое кожевенное производство в Польше. Обзор». Археологические кожаные находки из культурного слоя городов исследователи могут привлекать для более общих социально-экономических разработок, таких как организация кожевенного производства или вопросы социотопографии. Основная польская научная литература по изучению предметов из кожи касается, прежде всего, обуви. Только в немногих работах рассматриваются другие группы кожаных изделий, такие как чехлы для ножей, перевязи (лямки), поясные ремни, седла или патины и др. Кожевенное производство также обсуждалось в связи с разными вопросами средневекового ремесла, в частности, организации кожевенного ремесла в раннесредневековых центрах.

Терминология кожевенного производства и кожаных предметов, прежде всего термины кожаной обуви и ее деталей, составляет особый круг проблем. По мнению А. Ковальской, терминология доисторической, средневековой и современной обуви должна соотноситься с обувной техникой и историческими терминами. Реконструкция процессов пошива обуви также затруднена тем, что не разработана терминология для обозначения деталей обуви и способов их сборки. Обычно исследователи не задают вопроса об основных стадиях реконструкции обуви, т. е. раскроя, сшивания и моделировки. Но при этом они различают «простую» и передовую технику сшивания. В современных исследованиях по средневековой обуви предлагаются разные критерии классификации форм, типов и вариантов обуви. В польской литературе есть два основных подхода: 1) использование только традиционных названий, даже не отражающих конструкции обуви, и 2) использование только технической обувной номенклатуры. Иногда исследователи пытаются совместить эти два подхода. Автор предложил свою терминологию, разработанную на основе собственного опыта изучения археологических находок в Щецине, а также общей оценки этого вопроса.

Материалы конференции в Щецине, а также симпозиума 1995 г. по аналогичной тематике в Оксфорде (*Курбатов, Матехина-Варфоломеева, 2004*) имеют большое значение для определения направления дальнейшего развития темы средневекового кожевенного ремесла в российской науке. В работах последних лет автор сформулировал и изложил эти положения, а также определил современное состояние этой области археологии в настоящее время (*Курбатов, 2011а; 2012а*). Надо считать, что сегодня сложились условия и назрела потребность в объединении специалистов этого научного направления.

Кожевенное ремесло представлено большим объемом археологических материалов в городах лесной зоны Восточной Европы, где культурный слой хорошо сохраняет органические остатки. Эти материалы еще не дали ответов на широкий круг вопросов организации, технологии, техники выделки кож и пошива кожаных изделий. Сейчас проблематика выглядит шире, чем было ранее, а число направлений изучения значительно увеличилось. Однако сохраняются лакуны в хронологии и географии археологических и письменных данных. Города в разной степени обеспечены источниками для каждого исторического периода (Киевская Русь, Ордынский, Московский). Сохранность древних слоев различается по регионам и даже в пределах одного города. Таким примером может служить Владимир-на-Клязьме – классический город с «сухим» культурным слоем (*Курбатов, 2008а*).

Всестороннее изучение средневекового ремесла требует использования методов разных наук, например, для оценки сырьевой базы и способов выделки кож. Данные письменных источников о таких аспектах древней деятельности до XVI в. единичны, а для XVI–XVIII вв. отрывочны, выборочны и неравномерно сохранились по регионам. Этнографические сведения XIX–начала XX в. характеризуют региональные и этнические традиции в способах выделки кож для Восточной Европы и Сибири, вероятно, имевшиеся и ранее, но на археологическом материале эти традиции еще плохо определимы.

Кожевенное производство представляет технически и технологически сходную для каждого региона (или города) выделку кож определенными партиями. Последнее объясняется длительностью полного цикла выделки и потребностями населения в регулярном обновлении кожаных изделий.

Объектом археологического изучения служит весь комплекс кожаных предметов, найденных на каждом участке раскопок памятника (города), а также предметы и объекты, связанные с пошивом, эксплуатацией и утилизацией кожаных изделий и отходов ремесла. Единицей изучения следует считать полный набор всех находок, включая мелкие обрезки, в рамках каждой таксономической единицы полевой фиксации (слой, квадрат, комплекс). Современное исследование ставит задачу максимально полного раскрытия возможностей средневекового общества преобразовывать сырой животный материал в искусственный – кожи, а также показ всей широты использования кожи в жизни и способы утилизации отходов. Объем наших знаний сегодня определяет перспективный комплекс задач и методических подходов:

1. Максимально полный сбор материалов на каждом памятнике, помогающий определять назначение конкретной археологической находки;
2. Фиксация археологического контекста и выявление участков производственной деятельности кожевников, мест и способов утилизации отходов производства;
3. Определение назначения отдельных деталей в изделиях, реконструкция формы, техники конструирования, пошива и декора изделий для последующей их систематизации и типологии;
4. Археологическая интерпретация и связь находок со строительными комплексами, конкретизация особенностей пошива и использования изделий, разделение участков застройки по характеру деятельности, определение изменений в ремесле по историческим периодам;
5. Конкретизация места кожевенного ремесла в хозяйстве древнего социума в контексте историко-культурной интерпретации археологических данных.

Методика исследований включает комплексный анализ письменных, археологических и изобразительных источников, данных этнографии и современного кожевенного производства. Массовость археологических кожаных предметов позволяет применять статистический анализ коллекций, учитывающий планиграфию находок. Для изучения древних вещей привлекаются естественнонаучные методы, в том числе гистология кожи и спектрально-эмиссионный анализ металлических изделий.

В изучении ремесла выделяются три основных направления: технико-технологическое, вещевед-

ческое и историко-культурное, которые максимально охватывают все виды источников. Принципиально важным надо считать дальнейшее увеличение объема археологических материалов и расширение географии изученных памятников, что позволило бы выделить региональные черты кожевенной деятельности. Здесь можно отметить введение в научный оборот материалов, полученных в городах, где ранее кожаные предметы не находили, например в Вологде (Андреанова, Федоров, 2012; Ганина, 2000). Приоритетом остаются представительные коллекции с «узкими» хронологическими рамками отдельных комплексов. На их основе строятся типохронологические колонки по видам кожаных изделий в каждом городе. Одно из направлений — это изучение ремесла в контексте жизнедеятельности средневекового города, в частности, размещение кожевенных мастерских, их техническое оснащение, специализация и профессиональное обучение в средневековой Руси (Курбатов, 2011а).

Комплексное изучение позволяет дать археологическим кожевенным материалам новую историко-культурную интерпретацию. Например, статистическая оценка массовых предметов (обуви) помогает решать вопросы палеоэтнографии средневекового города. Определяется половозрастной состав горожан, специфика повседневного ношения, специализация отдельных видов обуви, деформация обуви, связанная с заболеваниями ног. Стандарты массового пошива позволяют выявить в русских городах единичные вещи западного и восточного изготовления (Курбатов, 2011б).

Особое направление изучения средневековой культуры составляет история одежной моды. Сегодня внесены коррективы в оценку длительности бытования в русских городах идентичных видов обуви. Становится очевидной тенденция изменения формы изделий, техники пошива, способов и мотивов декора в рамках двух поколений (40–50 лет). Смена технических и декоративных приемов отражает стилевые направления в кожевенной продукции и собственно «моду». Сходные тенденции в обувной моде отмечены и в странах Западной Европы (Курбатов, 2005. С. 231–244; 2006. С. 367–373; 2008б. С. 472–476).

Принципиальная широта подхода к изучению средневекового русского кожевенного ремесла требует создания всеобъемлющей источниковой базы. Этот подход реализован в работе автора,

куда включены представительные археологические коллекции из 16 городов Восточной Европы и Сибири (Курбатов, 2012б). Кроме них привлечены находки и аналитические разработки и других городов средневековой Руси – России. Сравнительное изучение проведено на широком фоне материалов из разных регионов Восточной и Западной Европы.

Хронологическую и территориальную широту охвата дают археологические коллекции городов из разных природно-географических зон – лесостепи, лесной и тундры. В историко-географическом плане можно выделять территории, на которых изначально сложилось Древнерусское государство, в том числе земли, на которых в разные периоды истории изменялась политическая подчиненность (Полоцк, Чернигов, Таллин, Выборг, Ивангород, Орешек), и территории, присоединенные к России в XV–XVII вв., что наложило отпечаток на традиции ремесла и формы изделий. Например, в Выборге и Таллине в полной мере проявились черты западноевропейского кожевенного ремесла, традиции пользования и утилизации кожаных изделий, что важно для сравнения их с древнерусскими городами. Каждый город имел свою специфику жизнедеятельности, например: 1) крупный ремесленный и торговый центр Руси – Псков; 2) пограничные города – ремесленные центры и перевалочные пункты торговли – Орешек, Старая Ладога, Выборг, Ивангород; 3) пограничные крепости – Гдов, Ям; 4) столицы княжеств – Полоцк, Тверь; 5) поселения в экстремальной зоне обитания – Мангазея, Пустозерск, Березов.

Анализ археологических коллекций позволяет назвать общие черты этого вида источников:

1) Каждый памятник имеет специфику формирования культурного слоя, что предполагает возможную дискретность отдельных массивов кожаных предметов в стратиграфически последовательных слоях. Поэтому необходим самостоятельный анализ блоков находок из каждого слоя (строительного яруса). Датировка комплексов в смежных слоях может быть достаточно условной;

2) Масса кожаных предметов содержит разные блоки исторической информации, отражающей и общую картину жизни поселения, и сведения о жизни и быте каждого члена общества. Сравнение «частного» и «общего» помогает установить общественный стереотип исполь-

зования вещей, т. е. выходить на уровень палео-этнографии города;

3) Сравнение аналогичных изделий на разных поселениях, близких по времени пошива, не затеняет индивидуальность каждого изделия и присутствие каждому поселению признаки и особенности. Выделить признаки изделий, характерные только для данного поселения применительно к короткому временному отрезку, можно на больших выборках однотипных изделий по условно «закрытым комплексам»;

4) Серийность однотипных изделий, по форме и манере пошива, позволяет выделять новые, ранее неизвестные виды кожевенной продукции.

Письменные источники по теме различны – это летописи, житийная литература, деловая письменность, берестяные грамоты, актовый материал, словари и записки иностранцев. В них отражены несколько групп терминов – названия кожаных изделий, инструменты, материалы, приспособления, технико-технологические процессы выделки кож, приемы организации ремесла и другое. Названия и термины надо различать по времени первого упоминания в источниках и периоду широкого бытования в «живом» языке. Их следует сопоставлять с археологическими находками на основе синхронности этих групп источников, учитывая вариативность терминов во времени (Курбатов, 2001. С. 399–416).

Реалистичные изображения обуви в древнерусском изобразительном искусстве появляются только в конце XV–XVI в. Самым ранним на сегодня можно считать скульптурное изображение сапог «мастера Авраама» на Корсунских вратах Новгородского Софийского собора. Конструктивные и стилистические признаки изображения встречены на археологических предметах рубежа XV–XVI вв. Реалистичное изображение лаптей видно в сцене «пахоты» из миниатюр Жития Сергия Радонежского. Другая обувь Сергия находит соответствие в «покойничьих тапках» (Коншинский список, конец XVI–начало XVII в.). В целом же, изображения одежды в древнерусской живописи отражают, прежде всего, традиционную манеру письма, унаследованную от византийских прототипов. Они имели знаковую нагрузку в русле христианской иконографии, где не были важны реалии своего времени. Как признак реалистического искусства детали обуви появились в древнерусской живописи и миниатюре под влиянием западного искусства (Курбатов, 2009. С. 364–371).

Материалы этнографии отражают позднюю стадию сложения великорусской народности, исторически соответствующую эпохе Московского государства XVI–XVII вв. и петровского времени. Это видно на примерах плетеной и погребальной обуви (Курбатов, 2002. С. 155–172).

Андреанова, Федоров, 2012 – Андреанова Л. С., Федоров А. С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера. Череповец, 2012. Вып. 4.

Ганина, 2000 – Ганина Ю. В. Обувь жителей древней Вологды // Вологда: Краеведческий альманах / Гл. ред. М. А. Бензин. Вологда, 2000. Вып. 3.

Курбатов, 2001 – Курбатов А. В. Кожевенная терминология и материальная культура // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.

Курбатов, 2002 – Курбатов А. В. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. 2002. № 9.

Курбатов, 2005 – Курбатов А. В. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443 // АВ. 2005. № 12.

Курбатов, 2006 – Курбатов А. В. Русская обувная мода XVII в. по археологическим материалам // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: Материалы 9-й Междунар. науч. конф. (СПб., 4–7 июля 2006 г.). СПб., 2006.

Курбатов, 2008а – Курбатов А. В. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли. М., 2008. Вып. 2.

Курбатов, 2008б – Курбатов А. В. Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. М., 2008. Т. 2.

Курбатов, 2009 – Курбатов А. В. Изображения кожаных изделий в древнерусском искусстве и археологические реалии // Архитектура и археология древней Руси: Материалы науч. конф. к 100-летию М. К. Каргера (СПб., 26–28 ноября 2003 г.). СПб., 2009 (Труды ГЭ; Т. 46).

Курбатов, 2011а – Курбатов А. В. Программа изучения средневекового русского кожевенного ремесла // Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород–Старая Русса, 2011 г.) / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 2.

Курбатов, 2011б – Курбатов А. В. «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей // Stratum plus. Кишинев, 2011. № 5.

Курбатов, 2012а – Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в городах средневековой Руси: современное состояние изучения // Stratum plus. Кишинев, 2012. № 5.

Курбатов, 2012б – Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2012.

Курбатов, Матехина-Варфоломеева, 2004 – Курбатов А. В., Матехина-Варфоломеева Т. С. Мех и кожа в средневековой Европе. Рец. на сб.: Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology / Ed. by Esther Cameron. London, 1998 // АВ. 2004. № 11.

А. В. Курбатов
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской археологии

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША И ПРОБЛЕМА ИХ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ¹

Х. Тарас, В. Тарас²

1. Правовая система Республики Польша опирается на принцип иерархизации отдельных правовых актов, издаваемых уполномоченными органами государства и территориального самоуправления (*Pleszka*, 1988). В связи с этим охрана археологических памятников находит отражение в нормативных актах различной юридической силы, начиная с Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г.³ и заканчивая правовыми актами местных органов территориального самоуправления.

1. Уже в первой главе Конституции, которая относится к основам государственного строя, содержится положение (ст. 6, абз. 1), гласящее, что «Республика Польша создает условия для всеобщего и равного доступа к благам культуры, являющейся источником самосознания польского народа, его сохранения и развития». Это положение непосредственно связано со ст. 5 Конституции, согласно которой государство обязывается охранять национальное наследие. Основной закон предписывает государственным властям проведение политики всеобщего доступа к благам культуры, накладывая на них, кроме то-

го, обязанность по информированию о наличии этих благ, а также по созданию возможности контакта с ними для всех, кто проявляет к таковым благам определенный интерес (*Sarnecki*, 1999–2005). Расширение вышеупомянутого общего принципа нашло свое отражение в ст. 73 Конституции, в которой говорится о том, что каждому обеспечивается свобода пользования благами культуры и доступ к результатам творчества других лиц. В рассматриваемом положении не определено понятие «блага культуры», однако мы под ним понимаем «совокупность творческой и изобретательской деятельности человека, содержащую не только культурные, но и научные ценности». Каждый, а значит не только гражданин Польши, но также иностранец и лицо, не имеющее никакого гражданства (апатрид), имеют право на свободу пользования и доступ. Из содержания ст. 73 Конституции также вытекает запрет на ограничение государственной властью доступа к существующим благам культуры, разве что появятся предпосылки для введения таких ограничений (ст. 31, абз. 1), к примеру, возникнет необходимость в охране общественной нравственности. Ст. 6 Конституции признает блага культуры существенной конституционной ценностью, что может оправдывать установление ограничений, вытекающих из необходимости охраны и сохранения этих благ (*Garlicki*, 1999–2005).

2. Республика Польша является страной-участницей основных международных договоров об охране благ культуры, в том числе археологических памятников. Здесь следует, прежде всего, назвать Конвенцию об охране мирового культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.), Европейскую конвенцию об охране археологического наследия (Ла-Валлетта,

---

¹ На русский язык перевела Людмила Кендзерска.

² Халина Тарас (Halina Taras). Институт археологии, Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша / Instytut Archeologii, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Polska.

Войцех Тарас (Wojciech Taras). Институт администрации и гражданского права, Университет Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша / Instytut Administracji i Prawa Publicznego, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Polska.

³ Тексты польских правовых актов публикуются в издаваемом Председателем Совета министров Собрания законодательства Республики Польша «Dziennik Ustaw» (Вестник законов), помещаются также на веб-сайтах: www.sejm.gov.pl или www.rcl.gov.pl.

16 января 1992 г.) и заключенный между ООН и Республикой Польша Договор о создании целевого фонда для завершения отчета, оценивающего состояние археологической среды Вавилон (Париж, 25 июня 2008 г.).

Международная Хартия по охране и использованию археологического наследия, провозглашенная в 1990 г. IX Генеральной Ассамблеей Международного Союза по памятникам и достопримечательным местам (Лозаннская хартия), в польской юридической литературе по охране памятников считается важнейшим международным документом, не являющимся межгосударственным договором в понимании Венской конвенции 1969 г. о праве договоров, смысл которой передает «сущность современного подхода к археологии как таковой и, прежде всего, к охране археологического наследия и управлению им» (Zeidler, Trzeciński, 2009. S. 133–157).

Следует подчеркнуть, что Республика Польша обязалась соблюдать связывающие ее международные обязательства (ст. 9 Конституции), а международный договор, ратифицированный с предварительного согласия, выраженного в законе, имеет приоритет перед законом, если этот закон невозможно согласовать с договором (ст. 91, абз. 2 Конституции).

3. Еще до формального обретения Польшей независимости (11 ноября 1918 г.) Регентский совет обнародовал декрет от 31 октября 1918 г. об опеке над памятниками культуры и искусства (Dobosz, 2009. S. 21–52), который сохранил юридическую силу во II Речи Посполитой вплоть до момента вступления в силу Декрет-Закона Президента РП от 6 марта 1928 г. об опеке над памятниками (Zalasińska, 2010. S. 28–41). Это распоряжение было заменено законом от 15 февраля 1962 г. «Об охране благ культуры и о музеях» (Pruszyński, 2001. S. 292–306) и следующим законом от 23 июля 2003 г. «Об охране памятников и опеке над памятниками», действующим по сей день.⁴ В польском законодательстве четко разведены понятия «охрана памятников» и «опека над памятниками». Охрана памятников является предметом деятельности органов государственной администрации. В компетенцию этих органов входит создание усло-

вий, позволяющих обеспечить сохранность памятников, а также предотвратить угрозы, способные нанести ущерб ценности памятников. Также они противодействуют нелегальному вывозу памятников за границу (ст. 4). Опека над памятником осуществляется его владельцем и сводится к соблюдению сохранности памятника в наилучшем состоянии, а также к предоставлению возможности популяризировать знания о нем и о его значении для истории и культуры (ст. 5). Закон называет основные формы охраны памятников: включение их воеводским хранителем в реестр памятников, отнесение недвижимых объектов к памятникам истории, создание культурного парка, а также обеспечение сохранности объектов в процессе планирования городского пространства. Вопросы, связанные с проблемой собственности на археологические памятники, в основном регулируются положениями гражданского кодекса, тем не менее вышеназванным законом предусматриваются особые решения, касающиеся, в частности, консервационного надзора.

Следует добавить, что вопросы, связанные с охраной археологических памятников, регулируются также целым рядом правовых актов, касающихся сделок с недвижимым имуществом, охраны сельскохозяйственных и лесных земель, геодезии и картографии, планирования пространства, строительства, охраны среды, добычи полезных ископаемых (Zeidler, Trzeciński, 2009. S. 101–132).

4. На основе положений, содержащихся в законах, центральными органами издаются распоряжения, среди которых следует назвать только распоряжение министра культуры и национального наследия от 27 июля 2011 г. о проведении охранных, реставрационных и строительных работ, охранных и архитектурных исследований и других операций, проводимых в отношении объекта, занесенного в реестр исторических, а также археологических памятников.

5. Охрана археологических памятников является также предметом юридического регулирования органов местного самоуправления. Особое значение здесь имеют два вида постановлений: во-первых, стратегия развития воеводства, принять которую обязано каждое воеводское самоуправление (Prawecka-Skrzypek, 2003. S. 29–59), и, во-вторых, местные планы пространственной организации обустройства территории, утверждаемые самоуправлением гмины (Kotulski, 2011. S. 120–129).

⁴ Вестник законов (Dziennik Ustaw). 2003. № 162, п. 1568. Вопросы хранения и экспозиции памятников регулируются отдельным законом от 21 ноября 1996 г. о музеях (Вестник законов. 1997. № 5, п. 24).

II. Чтобы уточнить понятие «археологический памятник», необходимо отметить, что в свете закона 2003 г. об охране памятников старины каждый памятник этого типа должен быть признан памятником старины в понимании правовой дефиниции, содержащейся в ст. 3, п. 1 вышеуказанного закона: «памятником является недвижимость либо движимый предмет, их части или ансамбли, являющиеся творением человека либо связанные с его деятельностью и представляющие свидетельства минувшей эпохи или событий, сохранение которых вызвано интересами общества, учитывая, что они имеют историческую, художественную или научную ценность». П. 4 вышеназванного положения приводит юридическое определение понятия «археологический памятник»: это недвижимый памятник, являющийся наземным, подземным или подводным остатком существования и деятельности человека, включающим все культурные наслоения и находящиеся в них результаты человеческой деятельности либо их следы, или движимый памятник, являющийся этим продуктом. Для понимания термина «археологический памятник» важно содержание ст. 6, абз. 1, п. 3 вышеприведенного закона, который гласит, что охране и опеке подлежат археологические памятники, являющиеся, прежде всего, локальными остатками доисторических и исторических поселений, кладбищами, курганами или реликтами хозяйственной, религиозной и художественной деятельности. Стоит заметить, что вышеуказанные категории являются лишь примерами, а сам каталог археологических памятников еще не обрел законной формы.

Введение законом понятия «археологический памятник» в форме так называемой юридической дефиниции не завершило спор, связанный с правильной формулировкой дефиниции, одобряемой как юристами, так и археологами. В качестве примера достаточно привести как оценку этой дефиниции, сделанную юристами: «обязывающая дефиниция археологического памятника правильна и соответствует другим европейским урегулированиям» (*Zeidler, Trzciński, 2009. S. 18*), так и отзыв археологов о том, что определение является неточным из-за отсутствия четкого разграничения таких понятий, как «археологический источник» и «ансамбль или группа археологических памятников» (*Hensel, 1986. S. 19; Kozłowski, 1989. S. 17; Renfrew, Bahn, 2002. S. 45–46; Lawecka, 2003. S. 81–82*). Даже среди археологов нет полного согласия относительно при-

нятия следующего определения: археологическим памятником является каждый памятник, обнаруженный археологическим методом независимо от времени его возникновения.

Збигнев Кобылински констатирует, что археологическое наследие – это специфический фрагмент культурного наследия, и поэтому вопрос рождает новые проблемы, касающиеся также такого определяющего критерия, каким является метод проведения раскопок. Применение этого критерия распространяет понятие «археология» на современную эпоху (к примеру, материальные остатки последних войн), поэтому следует его дополнить хотя бы двумя другими критериями, например, обстоятельством потери связи с современностью, а также критерием отсутствия возможности определить владельца вещей. В таком случае только одновременное применение таких разных критериев позволит отнести находку к группе археологических памятников (*Kobyliński, 2009a. S. 152–153*). Автор подчеркивает, что правильно выстроенная дефиниция археологического памятника имеет существенное значение для надежности его охраны, так как занесение всех известных археологических стоянок в реестр памятников является лишь мнимой формой их охраны. Существует противоречие между идеей реестра как таковой, большим количеством обнаруженных археологических объектов и необходимостью выражения службами охраны памятников согласия на разрушение некоторых стоянок – ведь раскопочные исследования являются одновременно формой деструкции исторического материала – в связи с большим количеством проводимых в настоящее время инвестиций, необходимых для экономического развития Польши.

Необходимость в корректировке дефиниции археологического памятника отмечают также Марцин Сабацински (*Sabaciński, 2009. S. 325–330*) и Войцех Ковальски (*Kowalski, 2009. S. 73–91*), так как археология уже давно перешагнула пределы исторических периодов. Отсутствие временной цезуры в правовой дефиниции археологического памятника обуславливает его определение наличием культурного слоя, т. е. оценкой специалиста-археолога, а в случае выработки новых методов наблюдается процесс направления внимания археологии на все более близкие нам периоды. Вопрос о том, является ли обнаруженная методом раскопок часть двигате-

ля грузовика, разрушенного в период Второй мировой войны, археологическим памятником, обретает не только риторическую ценность. Итак, существенное теоретическое и практическое значение приобретает необходимость в установлении заново исторической, художественной или научной ценности определенной находки. И только согласование мнений отдельных представителей археологического сообщества предоставит законодателю основание для введения изменений в вышеприведенные юридические дефиниции.

По поводу вышесказанного стоит привести мнение М. Сабацинского (*Sabaciński, 2009. S. 325–330*), который считает, что для охраны культурного наследия неважно, каким древним народом оставлены те или иные археологические памятники. Использование археологического наследия для политических целей, нередко имевшее место в прошлом, чаще всего лишено рациональной мотивации.

III. На день вступления в силу закона 2003 г. об охране памятников ст. 31 была сформулирована так: «Физическое лицо или организация, которые намереваются финансировать строительные работы, связанные с недвижимым памятником, занесенным в реестр или находящимся под надзором охраны памятников на основе определений местного плана пространственной организации обустройства территории, обязаны возместить издержки, связанные с археологическими исследованиями и их документированием, если проведение этих исследований является необходимым для охраны археологических памятников» (*Golat, 2004. S. 54*).

В этот закон были введены изменения после выступления защитника гражданских прав (польского омбудсмана), который оспорил обоснованность обременения инвестора (владельца или вечного пользователя данной недвижимости) полной стоимостью исследований при запланированных земельно-строительных или других работах, которые бы нарушали структуру памятника, что, по словам того же омбудсмана, было бы слишком далекоидущим вмешательством в имущественные права граждан. Направленное в Конституционный суд обращение с просьбой о признании ст. 31 закона об охране памятников не соответствующей Конституции РП принесло положительный эффект – признание вышеназванной статьи неконституционной (постановление Конституционного суда от 8 ок-

тября 2007 г., К 20/07). Защитник выступил против принципа «кто разрушает, тот платит» и указал, что правильным решением было бы, чтобы государство (а на практике – налогоплательщики) участвовало в финансировании археологических исследований и их документировании, ибо, согласно ст. 73 основного закона, обеспечение доступа к благам культуры относится к обязанностям органов государственной власти. Заявление в Конституционный суд было основано на жалобе на ограничение законом об охране памятников права на собственность (даже на нарушение сущности этого права, представленного в ст. 140 гражданского кодекса, т. е. возможности получить всякого рода пользу от предмета собственности) и других имущественных прав путем полного обременения инвестора расходами, связанными с археологическими исследованиями при отсутствии компенсации и гарантий в какой-либо поддержке со стороны государства.

Вступивший в силу Закон от 24 апреля 2009 г. о внесении изменений в Закон об охране памятников старины и опеке над памятниками определяет новые, учитывающие решение Конституционного суда принципы финансирования археологических исследований. Введена ст. 82а, которая устанавливает финансовую поддержку инвестора в виде дотаций министра культуры и национального наследия в тех случаях, когда стоимость планируемых археологических исследований, а также их документирования превышает 2 % от общей стоимости запланированных строительных или земельных работ. Размер дотации составляет разницу между стоимостью исследований вместе с документацией и издержками, составляющими 2 % стоимости запланированной инвестиции. Дотация не предоставляется в случаях, когда такие исследования иницируются общественной организацией, или тогда, когда археологические работы будут реализованы на средства, выделяемые из фондов ЕС или других зарубежных фондов.

Не стоит объяснять, что бюджетные проблемы государства непосредственно переносятся на хроническое недофинансирование органов государственной администрации, призванных охранять памятники старины. Это часто приводит к тому, что указанные законом действия становятся неэффективными на практике.

Следует добавить, что финансирование работ по опеке над недвижимыми памятниками может

осуществляться на средства европейских фондов в рамках публичной поддержки в понимании ст. 87, абз. 1 Договора об учреждении Европейского сообщества (*Jarecki, 2009. S. 301–306*).

IV. Проблема собственности на археологические памятники имеет междисциплинарный характер и не может быть ограничена одним анализом положений Конституции, особенно тех, которые касаются охраны собственности (ст. 21), а также второй книги Гражданского кодекса (ст. 140–352). В научной литературе рассматриваются чаще всего вопросы: государственной собственности археологического наследия, предпосылок законности проводимых раскопок, принципов коллекционирования монет, вывоза благ культуры за границу страны ввиду все чаще проводимого хищнического разграбления археологических стоянок, возврата памятника стране происхождения или этнической группе, предъявление прав местными общинами на находки, которые для них являются символами национальной идентичности. Стоит подчеркнуть замечание З. Кобылинского о том, что идея общей собственности на культурное наследие не совпадает с ее формой, регулируемой правовыми нормами (*Drela, 2006; Kobyliński, 2009b*).

1. В настоящее время в Польше существует более сложный, связанный с накопившимися старыми обидами, имеющий идеологическую подоплеку вопрос. Это проблема возврата изъятых ранее памятников старины (*Jagielska, Szafranski, 2007. S. 143–164*). Изъятие Народной Польшей частных коллекций проходило неоднократно противозаконным путем. Нельзя, однако, отрицать факт финансирования за счет налогоплательщиков реконструкции и реставрации значительного количества объектов, возвращения которых требуют сейчас их бывшие владельцы.⁵ С поспешно реализованным по политическим причинам возвращением владельцам их бывшей собственности связаны многие отри-

цательные явления, такие как рассеивание возвращенных коллекций, ограничение доступа к посещению исторических памятников или злоупотребление правом собственности и отказ от охранных мер (*Kobyliński, 2009b. S. 224, 237, 248*).

2. Республика Польша регламентирует вывоз памятников старины, в том числе археологических, за пределы страны. Ст. 51 закона 2003 г. об охране памятников старины дает разрешение на их постоянный вывоз, если они не были зачислены в одну из 15 названных в ней категорий – в том числе археологических памятников, которым больше 100 лет и которые находятся в составе археологических собраний либо были приобретены в результате археологических исследований, или случайных находок – а также временный вывоз, если это позволяет степень их сохранности, а физическое лицо или организация, во владении которой находится исторический памятник, гарантирует, что он не подвергнется разрушению или повреждению и будет привезен обратно в страну до истечения срока действия разрешения.

Юридический статус археологических памятников отличается от всех остальных, потому что памятники, приобретенные на территории Польши, являются в принципе собственностью государства (ст. 35, абз. 1 Закона от 2003 г. об охране памятников старины). Частное лицо должно в таком случае доказать свое право собственности на конкретный археологический памятник в период оформления разрешения на вывоз памятника из страны. Юридические нормы, касающиеся вышеназванного вопроса, считаются слишком строгими и обременительными для применения на практике, поэтому появляются требования их либерализации, например, в сторону признания права собственности на археологический памятник нашедшего, который одновременно является владельцем участка, на территории которого памятник был найден, или в случае обычно встречаемых археологических памятников (*Skoczylas, 2007. S. 9–26; Zeidler, Trzcinski, 2009. S. 70–71, 91–93*). В настоящее время лицам, которые обнаружили или случайно нашли археологический памятник, за исключением лиц профессионально занимающихся археологическими исследованиями, полагается всего лишь вознаграждение за находку или грамота, при условии, что они обеспечили безопасность этому предмету, обозначили место его находки и немедленно сообщили воеводскому

⁵ Имущественные притязания бывших владельцев памятников старины часто вызывают интерес СМИ. В последнее время Анна Браницка-Вольска подала в суд на журналиста газеты «Тыгодник Повшехны» с заявлением о нарушении права на личные блага. В своей статье журналист написала о том, что Вилянув (королевская резиденция, о возвращении которой ведется производство в суде с 1991 г.) был в 1933 г. обременен долгами на сумму свыше 20 млн польских злотых (средняя месячная зарплата рабочего составляла тогда сумму около 180 зл.) и до войны эти долги семьей Браницких не были погашены (*Urzykowski, 2011. S. 4*).

хранителю памятников или исполнительному органу гмины об этой находке (Golaj, 2004. S. 55–61).

3. Существенное вмешательство в право собственности на археологические памятники проявляет охранный надзор. Он реализуется воеводскими хранителями памятников или действующими на основе их полномочий работниками воеводских учреждений по охране памятников по разным направлениям, указанным в ст. 38–50 Закона 2003 г. об охране памятников старины.

В рамках охранного надзора может осуществляться контроль, который допускает возможность непосредственного осмотра недвижимости (право на проникновение на территорию памятника) при существовании подозрений в разрушении или повреждении памятника, а также для проверки соответствия проводимых археологических исследований требованиям, указанным в выданных разрешениях, а также утвержденной документации. На основе установлений, являющихся результатом таковой инспекции, воеводский хранитель памятников может предложить владельцу археологического памятника конкретные рекомендации (Zalasińska, 2009. S. 27–36).

Лицу, имеющему правовое основание (вытекающее из права собственности) на использование памятника, занесенного в реестр, воеводский хранитель памятников может выдать решение о проведении реставрационных или строительных работ на этом памятнике в срок, назначенный в этом решении, если проведение этих действий вызвано угрозой разрушения или существенного повреждения этого памятника.

В случае появления угрозы, заключающейся в возможности разрушения, повреждения, кражи, потери или нелегального вывоза за границу движимого памятника, занесенного в реестр, воеводский хранитель памятников может выдать решение о защите этого памятника, устанавливая до момента предотвращения угрозы временный арест движимого имущества. В случае появления угрозы для недвижимого памятника, занесенного в реестр, заключающейся в возможности его разрушения или повреждения, староста, по предложению хранителя, может выдать такое же решение. Если невозможно предотвратить угрозу вышеназванным путем, движимый памятник может быть передан решением хранителя в государственную собствен-

ность, с предназначением к использованию в культурных, просветительских или туристических целях, с компенсацией в размере рыночной стоимости этого памятника. Недвижимый памятник по предложению хранителя может быть экспроприирован старостой в государственную собственность или в собственность гмины, учитывая местонахождение этого памятника в порядке предписаний Закона о недвижимости от 21 августа 1997 г. Из вышесказанного следует, что вмешательство органов публичной администрации в право собственности на археологические памятники обосновано потребностью сохранения их в неизменном (без ухудшения условий сохранности) состоянии.

Следует добавить, что решения воеводских хранителей памятников и других органов публичной администрации, касающиеся охраны памятников, принимаются в кодифицированном порядке и подвергаются проверке на предмет соблюдения требований законодательства, осуществляемой административными судами.

4. Учитывая обязывающие правовые нормы и практику их применения, следует признать справедливым суждение З. Кобылинского о том, что проблема собственности на памятники старины вовсе не является юридической, а только этической, и поэтому не стоит ставить вопрос: «кто является владельцем культурного наследия, но нужно спрашивать, кто несет ответственность за его сохранность и открытие к нему доступа» (Kobyliński, 2009b. S. 304).

V. Необходимость популяризации археологии заметили и высоко оценили в Польше еще в первой половине XIX в. Этот вопрос находился в тесной связи с подходом, пропагандируемым прогрессивной частью общества, нацеленным на сохранение исторической памяти и укрепление национальной самобытности в период разделов государства. Начало популяризации памятников старины связано с организацией для широкой публики доступа к первым собраниям археологических памятников, которые появлялись при различных научных обществах и университетах, а позже пополняли фонды первых специализированных музеев, таких, например, как Археологический музей в Кракове или Музей древностей в Вильнюсе (Jażdżewski, 1966; Abramowicz, 1991; Pruszyński, 2001. S. 242–248). Эти кабинеты древности часто посещались. Например, в 1847 г. коллекции варшавского «Отделения всяких древностей» при Зоологическом

кабинете посмотрели свыше 15 000 человек (*Sobieszcański*, 1974. S. 374). В возрожденном Польском государстве осуществляется правовое урегулирование вопросов, связанных с охраной доисторических памятников, появились также соответствующие учреждения, воплощающие эту идею в жизнь. Одновременно с обнародованием Декрет-Закона Президента Республики Польша 1928 г. об опеке над памятниками был создан Государственный археологический музей, задачей которого являлось «распространение среди общества знаний по доисторической археологии путем создания постоянного выставочного отдела собраний, а также путем организации показов и докладов» (Устав Государственного археологического музея – *Wiadomości Archeologiczne* [*Археологический вестник*]. 1929. Т. 10. S. 178–182). С 1926 г. начал издаваться существовавшим в то время Польским предысторическим обществом⁶ первый польский научно-популярный журнал *Z Otchłani Wieków* (*Из глубины веков*). Этот журнал издается до сих пор, способствуя популяризации польской археологической мысли, информируя об исследованиях, проводимых как в стране, так и за рубежом, распространяя знания о предыстории Польши и реализуя разного типа мероприятия по охране памятников старины.⁷ В период межвоенного двадцатилетия популяризацией занимались исключительно музеи как специализированные (археологические музеи существовали в Кракове, Познани, Вильнюсе и во Львове), так и окружные, а также несколько научных археологических периодических изданий. Следует подчеркнуть, что тогда же в местности Бискупин были предприняты первые шаги в области экспериментальной археологии и впервые была отмечена необходимость в создании музеев под открытым небом, так называемых археологических скансенов (*Malinowski*, 2000. S. 240–241). Военные действия, однако, прекратили эти проекты. Первые объекты такого типа были открыты сразу же после войны (*Reyman*, 1955), а с 60-х и 70-х гг. XX в. музеи под открытым небом,

а также археологические заповедники становятся в Польше все более популярной формой охраны памятников и их презентации *in situ* (*Rajewski*, 1958; *Konopka*, 1980). После Второй мировой войны, при изменившемся государственном строе, конституционные обязательства по охране наследия приняло на себя государство, причем исполнительным органом, как и раньше, были музеи, далее научно-исследовательские институты (в Польской академии наук и в университетах). В этот период возросла и популяризаторская роль разного типа изданий, в основном археологических журналов и ежедневников, а позже радио и телевидения. Начиная со второй половины XX в. все чаще на польском издательском рынке появляются печатные издания, адресованные широкому кругу читателей и дающие им знания о памятниках старины и о далеком прошлом. Это были как переводы иностранных популярных работ об археологических исследованиях древних цивилизаций, так и публицистика, популяризирующая отечественные древности (*Chowaniec*, 2010. S. 218–224). Здесь следует обратить внимание на суть обязательств государства по отношению к распространению культурных ценностей в свете ст. 6, абз. 1 Конституции и подобного типа правовых урегулирований, существующих в актах государственного или международного публичного права (*Zeidler, Trzeciński*, 2009. S. 176–177). В области просвещения и популяризации археологии эффективны действия в виде различных мероприятий, проводимых под открытым небом (*Chowaniec*, 2010. S. 208–216). А начиная с середины 90-х гг. XX в. замечается расцвет таких просветительских инициатив, удовлетворяющих общественные нужды, как народные гулянья, показы, исторические реконструкции и реконструкции древних технологий. Кроме классического уже примера Археологического музея в Бискупине (*Piotrowski*, 1991)⁸ стоит вспомнить исторические реконструкции, проводимые на острове Волин (*Pilarczyk*, 2007) или в Новой Слупье

⁶ Сейчас, после разного рода трансформаций, оно получило название *Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich* (*Научное общество польских археологов*).

⁷ С 1996 г. издается богато иллюстрированный ежеквартальный журнал, в настоящее время выходящий раз в два месяца, основной задачей которого является популяризация достижений польской археологии *Archeologia Żywa* (*Живая археология*).

⁸ Начиная с 1995 г. здесь организуются (всегда в сентябре) археологические народные гулянья. Эти показательные, масштабные и наиболее известные в Польше мероприятия, проводимые под открытым небом, ежегодно знакомят посетителей с темой древних времен или раннеисторических периодов не только в Польше, но и во всей Европе. Например, темой 2010 г. была «Ruś znana i nieznaną» («Известная и неизвестная Русь») (www.biskupin.pl, www.polska.pl/spec/biskupin/index/htm).

(местность в Свентокшиских горах – центральная Польша), где во время народных гуляний «Дымарки Свентокшиске», организуемых уже свыше 40 лет, популяризируются знания о древней черной металлургии (*Bielenin*, 1992).⁹ Одной из последних наиболее замечательных инициатив в этой области был проект реконструкции оборонительных поселений начала эпохи бронзы и раннего средневековья в селе Тшцинице в Подкарпатье, проведенной Подкарпатским музеем в Кросно (*Gancarski*, 2009).

К мероприятиям, проводимым под открытым небом, особо популярным во всей Европе, в том числе и в Польше, принадлежат те исторические реконструкции, которые относятся к области военного дела (например, *Archeologia na polach bitewnych w Polsce* [Археология на полях сражений в Польше] // *Z Otchłani Wieków*. 2007. R. 62. N 1–4; *Wojskowe inscenizacje historyczne* [Военно-исторические инсценировки] // *Z Otchłani Wieków*. 2008. R. 63. N 1–4). Некоторые «рыцарские группы» (сообщества людей, реконструирующих вооружение и тактику боя средневековой Европы) участие в таких показательных выступлениях считают своего рода ремеслом и записываются в календарь этих мероприятий,¹⁰ перемещаясь от одного фестиваля к другому (*Salacińska, Salaciński*, 2008. S. 8). Эти стихийно развивающиеся реконструкторские движения, предпринимаемые разными местными историческими коллективами, заботятся не только о приятном времяпрепровождении. В большинстве случаев такие показательные выступления отлично подготовлены в историческом плане: чувствуется заинтересованность в точной передаче деталей костюма и снаряжения и в воспроизведении основных событий эпохи. Нельзя недооценить и просветительскую роль этих мероприятий, ведь они адресованы в основном молодому зрителю. Это не только отличные зрелища, но прекрасный способ распространения исторических знаний. Неоценимой также является роль в процессе активизации и интеграции местных общин, а также в стимулировании процессов культурного и экономического развития сельских территорий. Хорошим примером таких действий может быть организованный в Люблинском воеводстве (на востоке Польши) фестиваль *Gotania*

(*Gotania*).¹¹ Одним из результатов этих мероприятий является ощутимая финансовая выгода, имеющая огромное значение для менее богатых сельских территорий страны. Организационное и финансовое бремя такого рода мероприятий обычно несут органы самоуправления, региональные общества, фонды или частные предприниматели, а привлечение местного населения к подобным мероприятиям содействует формированию общественного взаимодействия (см., например, *Ilczuk*, 2002; *Pawłowska, Swaryczewska*, 2002). В рамках таких народных гуляний и фестивалей можно прослушать доклад, посмотреть археологическую экспозицию, принять участие в мастер-классах по древнему военному делу, борьбе и ремеслу, занятиях, организованных для детей, концертах, исторических реконструкциях или познавательных экскурсиях. При этом зрители и участники получают информацию об организации общества в средневековье, узнают о феноменах паломничества, рыцарского сословия, любви в средневековье. Организаторы заботятся также о том, чтобы реконструкционные действия располагались в логической последовательности. Например, организованные в местности Ленд (Łąd) на реке Варта (Warta) очередные Фестивали славянской и цистерцианской культур завершились построением укрепленного поселения и монастыря. Этому предшествовали: решение о строительстве, выбор места, разработка плана, строительство, выдача основополагающего документа монастыря, обнаружение княжеского решения и прибытие цистерцианцев (*Brzostowicz, Mizerska, Wrzesiński*, 2007; *Brzostowicz, Przybył, Wrzesiński*, 2009).

Многие авторы специально отмечают значение широкого распространения знаний о памятниках старины в обществе, а общедоступность знаний о культурном наследии приносит, в свою очередь, существенную пользу для его охраны. Привлечение граждан к выполнению этой задачи отлично оправдало себя на практике – при построении гражданского общества, активно участвующего в дискуссиях в сфере культурной политики в Западной Европе, о чем свидетельствуют многочисленные примеры во Франции, Германии, Англии и Скандинавских странах

⁹ См. то же www.dymarki.pl, www.publicarchaeology.eu.

¹⁰ В течение одного года только в Варшаве состоялось свыше 30 инсценировок такого типа (*Czubaszek*, 2008).

¹¹ Этот проект реализуется несколькими гминами юго-восточной части Люблинского воеводства (повятами Хрубешув, Томашув, Замость). См. также www.gotania.pl, www.muzeum-hrubieszow.com.pl, www.wioska-gotow.pl.

(Pawłowska, Swaryczewska, 2002). Польше в этом отношении придется еще многое сделать (Chowaniec, 2010. S. 254–255).

VI. Основой экономического строя Республики Польша является социальное рыночное хозяйство, опирающееся на свободу хозяйственной деятельности и частную собственность (ст. 20 Конституции), а она охраняется государством (ст. 21, абз. 1 Конституции). Эти положения не отрицают существования других форм собственности, например, коммунальной или Государственного казначейства, но допускают – в пределах закона – вмешательство государства в право собственности. Представленные здесь решения Закона 2003 г. об охране памятников убедительно показывают, что частная собственность в Польше не является абсолютной и в случаях, учитывающих общий интерес, должна быть ограничена в пользу охраны памятников, доступа к ним и популяризации знаний о них. Определение пропорций между гарантией частной собственности и охраной памятников – сложный процесс, доказательством этого может быть практика Европейского суда по правам человека. Одно из последних решений этого органа подчеркивало тезис о том, что внесение недвижимого имущества в реестр памятников культуры является формой вмешательства в право на уважение к своему имуществу, что гарантировано ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), и поэтому ограничивает право владельца на пользование недвижимостью. Это решение было принято в польской юридической литературе с оговоркой, что «не следует его интерпретировать как призыв к тому, чтобы государство несло полную (также финансовую) ответственность за содержание памятников», если Законом 2003 г. об охране памятников проводится деление обязанностей в этом аспекте между органами государственной администрации и владельцами исторических памятников (Sześciło, 2011. S. 83).

Из представленных выше рассуждений следует, что юридические нормы являются существенным, хотя и не единственным условием для построения надежной системы охраны исторических памятников. Необходимыми факторами являются обеспечение финансовыми средствами и профессиональными кадрами органов публичной администрации, а также достижение надлежащего уровня исторического сознания общества.

- Abramowicz, 1991 – Abramowicz A. Historia archeologii polskiej. XIX i XX wiek. Warszawa; Łódź, 1991.
- Bielenin, 1992 – Bielenin K. Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w Górach Świętokrzyskich. Kielce, 1992.
- Brzostowicz, Mizerska, Wrześniński, 2007 – Brzostowicz M., Mizerska H., Wrześniński J. (red.). Mnisi i pielgrzymki w średniowieczu: Łąd na szlakach kulturowych Europy. Poznań, 2007.
- Brzostowicz, Przybył, Wrześniński, 2009 – Brzostowicz M., Przybył M., Wrześniński J. (red.). Miłość, damy i rycerze. Stowarzyszenie «Unia Nadwarciańska», Starostwo Powiatowe w Słupcy, Muzeum Archeologiczne w Poznaniu. Poznań, 2009.
- Chowaniec, 2010 – Chowaniec R. Dziedzictwo archeologiczne w Polsce. Formy edukacji i popularyzacji. Warszawa, 2010.
- Czubaszek, 2008 – Czubaszek H. Od rycerza do zomowca. Przegląd historycznych inscenizacji plenerowych związanych z historią Warszawy i jej okolic // Z Otchłani Wieków. 2008. R. 63. N 1–4.
- Dobosz, 2009 – Dobosz P. Ponadczasowe wartości dekretu rady Regencyjnej z dnia 31 października 1918 r. o opiece nad zabytkami sztuki i kultury // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2009. T. 3.
- Drela, 2006 – Drela M. Własność zabytków. Warszawa, 2006.
- Gancarski, 2009 – Gancarski J. Trzcina – karpacka Troja. Krosno, 2009.
- Garlicki, 1999–2005 – Garlicki L. Komentarz do art. 73 // Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz. Warszawa, 2005.
- Golat, 2004 – Golat R. Ustawa o ochronie zabytków i opiece nad zabytkami. Komentarz. Kraków, 2004.
- Hensel, 1986 – Hensel W. Archeologia. Treść i zakres // Teoria i praktyka badań archeologicznych. Wrocław, 1986. T. 1: Przesłanki metodologiczne.
- Ilczuk, 2002 – Ilczuk D. Polityka kulturalna w społeczeństwie obywatelskim. Kraków, 2002.
- Jagielska, Szafranski, 2007 – Jagielska A., Szafranski W. Rekompensata czy zwrot? Wokół problematyki zabytków ruchomych przejętych w trakcie realizacji reformy rolnej w 1944 r. // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2007. T. 1.
- Jarecki, 2009 – Jarecki S. Występowanie pomocy publicznej w finansowaniu przedsięwzięć związanych z opieką nad zabytkami // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2009. T. 3.
- Jażdżewski, 1966 – Jażdżewski K. Ochrona zabytków archeologicznych. Zarys historyczny. Warszawa, 1966.
- Kobyliński, 2009a – Kobyliński Z. Własność dziedzictwa kulturowego. Idee – problemy – kontrowersje. Warszawa, 2009.
- Kobyliński, 2009b – Kobyliński Z. Współczesne problemy prawnej ochrony dziedzictwa archeologicznego w Polsce // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2009. T. 3.
- Konopka, 1980 – Konopka M. Rezerwy archeologiczne w Polsce. Problem definicji i liczby // Ochrona Zabytków. 1980. N 4.
- Kotulski, 2011 – Kotulski M. Organy ochrony zabytków w planowaniu przestrzennym // Samorząd Terytorialny. 2011. N 7–8.
- Kowalski, 2009 – Kowalski W. Prawo ochrony zabytków w świetle aktualnych problemów zachowania dziedzictwa kulturowego Polski // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2009. T. 3.
- Kozłowski, 1989 – Kozłowski J. K. Archeologia i prahistoria // Od paleolitu do środkowego okresu lateńskiego: Cz. I: Epoka kamienia. Warszawa, 1989.
- Ławecka, 2003 – Ławecka D. Wstęp do archeologii. Poznań, 2003.
- Malinowski, 2000 – Malinowski T. Tadeusz Reyman a wystawiennictwo archeologiczne // 150 lat Muzeum Archeologicznego w Krakowie. Kraków, 2000.
- Pawłowska, Swaryczewska, 2002 – Pawłowska K., Swaryczewska M. Ochrona dziedzictwa kulturowego. Zarządzanie i partycypacja społeczna. Kraków, 2002.
- Pilarczyk, 2007 – Pilarczyk Z. Wstęp // Wojskowość ludów Morza Bałtyckiego. Studia nad dziejami wybrzeży Morza Bałtyckiego.

- Materiały z II Międzynarodowej Sesji Naukowej Dziejów Ludów Morza Bałtyckiego Wolin 4–6 sierpnia 2006. Toruń, 2007.
- Piotrowski*, 1991 – *Piotrowski W.* 50 lat badań w Biskupinie // Prahistoryczny gród w Biskupinie. Problematyka osiedli obronnych na początku epoki żelaza. Warszawa, 1991.
- Pleszka*, 1988 – *Pleszka K.* Hierarchia w systemie prawa. Kraków, 1988.
- Prawelska-Skrzypek*, 2003 – *Prawelska-Skrzypek G.* Polityka kulturalna polskich samorządów. Wybrane zagadnienia. Kraków, 2003.
- Pruszyński*, 2001 – *Pruszyński J.* Dziedzictwo kultury Polski. Jego straty i ochrona prawna. Kraków, 2001. T. 2.
- Rajewski*, 1958 – *Rajewski Z.* O rezerwach archeologicznych w Polsce // Wiadomości Archeologiczne. 1958. T. 25.
- Renfrew, Bahn*, 2002 – *Renfrew C., Bahn P.* Archeologia. Teorie, metody, praktyka. Warszawa, 2002.
- Reyman*, 1955 – *Reyman T.* Połowa wystawa archeologiczna w Igołomi-Zofipolu i jej znaczenie dydaktyczne // Wiadomości Archeologiczne. Warszawa, 1955. T. 22.
- Sabaciński*, 2009 – *Sabaciński M.* Praktyczne problemy prawnej ochrony dziedzictwa archeologicznego w Polsce // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2009. T. 3.
- Salacińska, Salaciński*, 2008 – *Salacińska B., Salaciński S.* Wojskowe inscenizacje historyczne – kilka uwag na temat // Z Otchłani Wieków. 2008. R. 63, N 1–4.
- Sarnecki*, 1999–2005 – *Sarnecki P.* Komentarz do art. 6 // Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz. Warszawa, 2005.
- Skoczylas*, 2007 – *Skoczylas A.* Wywóz zabytków za granicę – zagadnienia administracyjno-prawne // Wokół problematyki prawnej zabytków i dzieł sztuki. Poznań, 2007. T. 1.
- Sobieszcański*, 1974 – *Sobieszcański F. M.* Rys historyczno-statystyczny wzrostu i stanu miasta Warszawy od najdawniejszych czasów aż do 1847 roku. Warszawa, 1974.
- Sześciło*, 2011 – *Sześciło D.* Komentarz do wyroku Europejskiego Trybunału Praw Człowieka z 29 marca 2011 r. w sprawie Potomska i Potomski v. Polska (skarga nr 33949/05) // Samorząd Terytorialny. 2011. N 9.
- Urzykowski*, 2011 – *Urzykowski T.* Historia Wilanowa przed sądem // Gazeta Wyborcza. 2011. N 205 (7327) z 3–4 września.
- Zalasińska*, 2009 – *Zalasińska K.* Zalecenia konserwatorskie na tle prawnych form działania administracji // Przegląd Prawa Publicznego. 2009. N 6.
- Zalasińska*, 2010 – *Zalasińska K.* Prawna ochrona zabytków nieruchomości w Polsce. Warszawa, 2010.
- Zeidler, Trzeciński*, 2009 – *Zeidler K., Trzeciński M.* Wykład prawa dla archeologów. Warszawa, 2009.

Сотрудничество Восток–Запад

КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНЕЕ СВЯТИЛИЩЕ УСТЬ-ПОЛУЙ»: К 80-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКА

28–30 ноября 2012 г. в г. Салехарде (Ямало-Ненецкий автономный округ) на базе сектора археологии недавно созданного Научного центра изучения Арктики прошла конференция, посвященная 80-летию открытия уникального памятника археологии – древнего святилища Усть-Полуй. Этот объект, вошедший в научную литературу как «городище Усть-Полуй», был открыт в 1932 г. ленинградским археологом В. С. Адриановым и им же был частично раскопан в 1935–1936 гг. (Адрианов, 1936а. С. 278; 1936б. С. 1–4; 1936в. С. 111–112). К сожалению, сам первооткрыватель успел подготовить лишь несколько общих заметок до того как был репрессирован по делу С. М. Кирова. Материалы, хранящиеся в МАЭ РАН, были введены в научный оборот В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской (*Мошинская*, 1953. С. 72–106; 1965), став основой для реконструкции исторических процессов, происходивших в Приуралье и на севере Западной Сибири в раннем железном веке. Раскопки на Усть-Полуе были возобновлены лишь в 1990-е гг. Ямальской археологической экспедицией под руководством Н. В. Федоровой. С 2006 г. работы приобрели стационарный характер и продолжают по настоящее время (*Федорова, Гусев*, 2008. С. 3–36).

В работе конференции приняли участие более 60 исследователей из различных археологических центров Москвы, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Ижевска, Перми, Уфы, Екатеринбурга, Тюмени, Томска, Новосибирска, Кемерово, Новокузнецка, Ханты-Мансийска, Салехарда, а также Финляндии (Хельсинки), Германии (Геттинген) и Венгрии (Будапешт, Сегед). Работа конференции проходила в здании Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского, где вниманию участников конференции кроме стационарных экспозиций по палеонтологии, археологии и этногра-

фии западносибирской Арктики и Субарктики была предложена специальная выставка, посвященная берестяным изделиям (I в. до н. э.–XIX в. н. э.). Уникальность археологической экспозиции музея в целом, и выставки бересты в частности, связана с наличием на территории Ямало-Ненецкого округа археологических памятников с так называемым «мерзлым» слоем, в котором прекрасно сохраняются изделия из органических материалов: дерева, бересты, ткани, кожи, меха и т. д. Именно поэтому экспозиции произвели на коллег сильное впечатление, что неоднократно было отмечено ими.

Большой интерес у всех участников конференции вызвала и межрегиональная выставка косторезного искусства «Душа Севера», которая экспонировалась также в здании музейно-выставочного комплекса одновременно с работой конференции. Участники конференции смогли даже попробовать свои силы в мастер-классах, проводимых мастерами-косторезами, и произвести своего рода «экспериментальные работы», вырезав самостоятельно несложные фигурки из кости и рога северного оленя.

На открытии конференции был представлен фильм «Усть-Полуй», созданный студией «Этнографическое бюро» (режиссер Иван Головнев, оператор Дмитрий Ходаковский, сценарий Натальи Федоровой и Андрея Головнева, продюсер Андрей Головнев). В ходе обсуждения фильма участники конференции отметили его несомненное значение как для ученых, так и для самой широкой публики. После просмотра фильма состоялось пленарное заседание, на котором выступили с докладами Я. А. Шер (Москва) «О состоянии современного археологического образования в России»; В. А. Иванов (Уфа) «Понятие этнокультурный ареал (ЭКА) как инструментарий для адекватной оценки этнокультурных процессов в древности и средневековье»; Иш-

тван Фодор (Будапешт) «Венгерские исследователи об археологии Западной Сибири». Участники конференции полностью разделили опасения Я. А. Шера о печальных для отечественной науки последствиях исчезновении в российских вузах специальности археология и повсеместном сокращении полевой археологической практики.

Вторая часть пленарного заседания и первая сессия конференции были посвящены результатам исследований древнего святилища Усть-Полуй. С пленарным докладом выступил А. В. Головнев (Екатеринбург) «Усть-Полуй: реконструкция от антропологии движения», в котором предложил новый подход к пониманию древностей времени рубежа эр на своеобразном геополитическом перекрестке. Далее прозвучали доклады археологов и историков (Н. В. Федорова, Ан. В. Гусев, Ал. В. Гусев, А. В. Плеханов, А. Б. Мазурин – все докладчики из Салехарда), ведущих современные исследования памятника и занимающихся историей его изучения. В них были обобщены материалы полевых и камеральных работ за весь период изучения Усть-Полуя с 1935 по 2012 г.

Следующий блок докладов, который представили археологи и специалисты смежных дисциплин, был посвящен исследованиям отдельных групп материала. Два доклада содержали данные изучения костяных и роговых изделий. Н. А. Алексашенко и Н. Н. Скакун (Санкт-Петербург) представили результаты своих многолетних экспериментально-трасологических исследований костяных изделий, а А. П. Бородавский (Новосибирск) дал общую характеристику технологии первичной обработки костного сырья. Участники конференции с большим интересом восприняли эти доклады и выразили мнение о необходимости продолжения данных исследований.

Результаты дендрохронологического и радиоуглеродного датирования усть-полуйского комплекса изложил Р. М. Хантемиров (Екатеринбург), анализ палеозоологической коллекции – П. А. Косинцев и О. П. Бачура (Екатеринбург), палеоантропологической – Д. И. Ражев и А. Н. Багашев (Тюмень), технологические особенности изготовления усть-полуйских бронзовых вещей – В. А. Симонов и Ю. В. Ширин (Новокузнецк). В заключительной части работы сессии Е. М. Данченко (Омск) и Ю. П. Чемякин (Екатеринбург) представили доклады, в которых попытались определить место Усть-Полуя в системе древностей Западной Сибири.

Дальнейшая работа конференции проходила по отдельным секциям. Работали секции: «Древние святилища Севера Евразии», «Древнее и средневековое искусство Севера Евразии», «Формирование хозяйственных адаптаций по материалам изучения памятников археологии в арктической и субарктической зонах Евразии», «Археология в музее, проблемы музеефикации и инвентаризации памятников археологии. Реставрация органических материалов».

На секции «Древние святилища Севера Евразии» было сделано 15 докладов. Три доклада были посвящены феномену древних святилищ Зауралья: О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов (Екатеринбург), Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил), В. Д. Викторова (Екатеринбург). Е. А. Окладникова (Санкт-Петербург) прочитала доклад «Древние святилища Кольского полуострова». Н. М. Чаиркина (Екатеринбург) посвятила свой доклад комплексу деревянных сооружений и культовой атрибутике шестого разреза Горбуновского торфяника, а Е. М. Черных (Ижевск) – сакральной топографии ананьинских поселений (на примере Зуевключевского городища). Археологи из Коми НЦ и Университета Сыктывкара (В. А. Семенов, А. М. Мурыгин, А. Л. Багин) представили результаты своих исследований древних и средневековых святилищ Северо-Востока Европы. Наши коллеги из Хельсинки Кристиан Карпелан и Пирье Уйно выступили с презентацией – «Археология средневековой саамской культуры в финской Лапландии: поселения и святилища». Йенс Шнеевайс из Геттингена рассказал о магических действиях древних германцев, Клима Ласло (Будапешт) представил доклад «Жертвенники и жертвенные обряды у финно-угорских и самодийских народов (исторические источники)». А. В. Плеханов (Салехард) выступил с обзорным сообщением о состоянии современных ненецких святилищ Северного Ямала. Таким образом, тематикой выступлений была охвачена территория от севера Европы до Урала и Приобья, в хронологическом диапазоне от неолита до современности.

В работе секции «Древнее и средневековое искусство Севера Евразии» докладчики представили материалы от эпохи палеолита – В. В. Питулько (Санкт-Петербург) с результатами исследования Янской стоянки до средневековья – А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова (Пермь) с сообщениями: «Антропоморфные фигуры северной Евразии: Перун, Войпель или Нуми-Торум»

и «Урало-сибирские зооморфные навершия рукояток плетей». Блок докладов был посвящен неотъемлемому атрибуту святилищ Приуралья и Западной Сибири – зоо- и антропоморфной бронзовой пластике (А. Ф. Мельничук, Пермь; Е. Н. Дувакин, Москва; С. Н. Панина и Ю. П. Чемякин, Екатеринбург; Т. Ю. Туркина, Сыктывкар).

Аттила Тюрк (Сегед) и Б. А. Раев (Краснодар) представили результаты своих исследований торевтики эпохи раннего средневековья. И. В. Калинина (Санкт-Петербург) поделилась с коллегами итогами изучения связи образов медведя и лося в древнем искусстве. Новый интересный материал представила О. С. Тупахина (Салехард), рассказав о глиняной пластике энеолитического поселения Горный Самотнел 1 на севере Приобья.

На секции «Формирование хозяйственных адаптаций по материалам изучения памятников археологии в арктической и субарктической зонах Евразии» участниками конференции были представлены материалы от мезолита до раннего средневековья. Г. Н. Паранина (Санкт-Петербург) рассказала о древних каменных сооружениях Севера Евразии (лабиринты и гномоны), доклады М. Г. Жилина (Москва), А. В. Волокитина и В. Н. Карманова (Сыктывкар) были посвящены проблемам адаптации человека к изменениям условий среды и трасологическому изучению костяных наконечников стрел в эпоху камня. Л. Л. Косинская (Екатеринбург) представила результаты анализа хозяйственных систем древнего населения бассейна р. Пяку-Пура (Пуровский р-н ЯНАО), А. Н. Сарапулов (Пермь) в своем докладе продемонстрировал находки средневековых деталей костяной упряжи из Пермского Предуралья в контексте их связи с оленеводством. О. В. Кардаш и М. А. Усолкина (Нефтеюганск) рассказали о результатах новых исследований памятников усть-полуйского времени в районе Салехарда и в устье р. Сось. А. Л. Белицкая (Сыктывкар) доложила об исследованиях раннесредневекового комплекса на Ибском городище в бассейне р. Сысолы.

Еще одна секция, объединившая в себе проблемы музеефикации и инвентаризации памятников археологии, а также реставрации органических материалов, посвятила свою работу различным аспектам одной проблемы: сохранению и актуализации археологического наследия. Доклады Т. И. Щербаковой (Санкт-Петербург), А. И. Бобровой и Л. А. Тимофеевой (Томск) были посвящены действующим экспозициям, представляющим святилищные комплексы в музейном пространстве. Е. Г. Девлет и Е. А. Миклашевич (Москва, Кемерово) поделились своим опытом популяризации наскального искусства на примере петроглифов на р. Пегтымель (Чукотка), И. С. Гребенюк (Екатеринбург) представила результаты своей работы по консервации в полевых условиях артефактов из органических материалов, О. В. Зайцева (Томск) рассказала о технологии и возможностях нового подхода в обследовании тундровых стоянок.

По итогам работы конференции была принята заключительная резолюция, одобренная ее участниками. Следует отметить, что усть-полуйская конференция стала первым событием такого масштаба столь далеко на севере – на Полярном Круге в Салехарде. Уже после ее завершения организаторы получили много откликов от участников конференции с высокой оценкой прошедшего мероприятия как с научной, так и организационной точек зрения.

Адрианов, 1936а – Адрианов В. С. Раскопки у Сале-Харда в 1935 // СА. 1936. № 1.

Адрианов, 1936б – Адрианов В. С. Резюме доклада «Разведочная раскопка в устье реки Полуя у г. Сале-Харда // Отчетная археологическая сессия Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР. Л., 1936.

Адрианов, 1936в – Адрианов В. С. Памятники древнего поселения // Советская Арктика. 1936. № 8.

Мошинская, 1953 – Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Чернецов В. Н. и др. Древняя история Нижнего Приобья / Под ред. А. В. Збруевой. М., 1953 (МИА; № 35).

Мошинская, 1965 – Мошинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири. М., 1965 (САИ; Д 3-8).

Федорова, Гусев, 2008 – Федорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Научный вестник ЯНАО. Салехард, 2008. Вып. 9 (61): Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге.

*Ан. В. Гусев
Россия, Салехард.
Сектор археологии ГКУ ЯНАО
«Научный центр изучения Арктики»*

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 2011 г. В БИРМИНГЕМЕ: ВКЛАД Л. С. КЛЕЙНА В АРХЕОЛОГИЮ

В 1997 г. читателям немецкого издания книги Льва Клейна «Феномен советской археологии» было сказано: «Интересное открытие ожидает археологов Западного мира – открытие советской археологии». Это предсказание было повторено в опубликованном только что английском издании этой книги (Klejn, 1997; 2012).

Действительно, знание советской и постсоветской археологии росло очень медленно на Западе. Чтобы помочь перекинуть этот мост и в частности стимулировать рост знания и обсуждения одного из ведущих представителей археологической теории, Л. С. Клейна, и была посвящена клейновским работам сессия 33-го собрания группы теоретической археологии (TAG). Сессия состоялась в Бирмингеме 16 декабря 2011 г. Ее официальное название гласило «Обсуждение принципов археологической интерпретации: исследование вклада Л. С. Клейна». Организаторами сессии были Л. Лозны из отдела антропологии Хантер Колледжа в Городском университете Нью-Йорка, США, и Стивен А. Лич из Кильского университета, Великобритания. Л. Лозны известен как ответственный редактор сборника «Сравнительные археологии: социологический подход в науке о прошлом», 2011 (Lozny, 2011), а С. Лич является автором книги «Основы истории: анализ исторического объяснения у Коллингвуда», 2009 (Leach, 2009).

Путь к конференции начался с того, что в начале 2011 г. в Интернете было размещено порусски и по-английски следующее объявление: *«Вклад Л. С. Клейна в теоретическую археологию (Объявление о международной конференции). Уважаемые коллеги, Приглашаем Вас принять участие в заседании международной конференции, запланированной в рамках TAG в Британии на декабрь 2011 г. Предметом обсуждения будет труд Льва Клейна, одного из ведущих теоретиков археологии XX века. Нашей целью является исследовать его влияние на русскую, европейскую и мировую археологию. Мы ожидаем доклады с обсуждением специфиче-*

ского подхода Клейна к археологическим темам или суммированием его многих вкладов». Далее детализировались условия и контакты.

Откликнулись многие археологи из разных стран. К сожалению, часть докладчиков, приславших свои доклады, не смогла присутствовать – не приехали все участники из России. Это было вызвано тем, что фонды, на которые была надежда, не смогли оплатить поездки. Несмотря на это разочарование, есть ряд признаков, что интерес к работам Клейна начинает расти и на Западе. Организация этой конференции – один из таких знаков. Нынешняя публикация в Англии книг Л. С. Клейна «Советская археология: течения, школы и история» (расширенная версия «Феномена советской археологии») и «Бесплотные герои: происхождение гомеровских образов» – другой такой знак (Klejn, 1993; 1994; Klejn, 2012). Теперь на английском есть уже четыре книги Л. С. Клейна и ряд статей, и это позволяет лучше судить о его взглядах не только русскоязычным археологам (также антропологам и историкам).

На конференцию собрались не только сторонники взглядов Л. С. Клейна. Первый докладчик, С. Палиенко из Киева, в докладе «Что есть археология. Сдвиг парадигм в СССР» сделал обзор многолетнего спора между В. Генингом и Л. Клейном, проявляя свои личные симпатии больше к В. Генингу, возглавлявшему теоретический отдел в Киеве и отстаивавшему марксистские основы для археологии. Следующий докладчик, В. Лынша (Дальневосточный университет, Уссурийск), за которого его доклад на английском был прочитан коллегой, представил работы Л. Клейна о Новой Археологии в позитивном ключе, сделав анализ основы этих работ во всем их составе. В совместном докладе Н. И. Платоновой и М. В. Аниковича из Петербурга были выдвинуты две фигуры, которые, по их мнению, составляют с Клейном одну линию идейного развития, – это А. С. Лаппо-Данилевский (через Ф. В. Кипарисова и В. И. Равдоника-

са) и Р. Г. Коллингвуд. Признает ли сам Л. Клейн этих мыслителей как своих предшественников и свой источник влияний, пожалуй, сомнительно, но сопоставление тем не менее интересно: для читателей, не владеющих русским, аналогия между археологом и детективом действительно известна по «Идее истории» Р. Г. Коллингвуда. За этим следовал доклад В. Я. Петрухина (Москва) «Л. С. Клейн и спор о норманнах в российской археологии». Далее, Е. М. Данченко из Омска имел темой подход Л. Клейна к культурной преемственности и ее разрывам, а Е. Назаренко из Петербурга обсуждала приложимость археологических теорий Л. Клейна к современному обществу. На этом список российских докладчиков был исчерпан.

Следующим докладчиком был П. Якобсон из Эдинбурга. Он представил очень содержательный и компетентный доклад «Необходимость теории: спор Клейна с Джонсоном». П. Якобсон доказывал, что в археологической теории Л. Клейна есть привкус ограничения необходимости - она принимает такую форму, чтобы оказаться согласованной с эмпирической плотью дисциплины. Виса Иммонен из Финляндии сделал доклад «Обсуждение Метаархеологии Льва Клейна: ее интеллектуальная подоснова и современные проблемы». В докладе он очертил клейновскую концепцию метаархеологии как «единый предмет с единой теорией». Он вопрошает: является ли этот взгляд справедливым в свете видимого расширения междисциплинарной природы археологии? В. Иммонен глубоко вник в теории Л. Клейна. Он является автором интервью с Л. Клейном «Обсуждая принципы археологической интерпретации», опубликованном в кембриджском журнале «Археологические диалоги» в 2003 г.

А. Залевска из Варшавы в докладе, написанном совместно с Д. Цынгот, «Клейновская концепция теоретической археологии сквозь призму парадигмальной матрицы Томаса Куна» задается вопросом, вписывается ли клейновский труд в нынешнюю парадигму Т. Куна или она требует от нас продвигаться к новой парадигме. К великому сожалению, польский теоретик С. Табачиньски из-за болезни не смог приехать, и его доклад «Палеосоциология в теоретических работах Клейна» не прозвучал. Это очень жаль,

потому что С. Табачиньски - другой крупный теоретик, чьи идеи не столь широко известны на Западе, как это следовало бы.

Доклад Л. Лозного из Нью-Йорка, также отсутствовавшего (по семейным обстоятельствам), прочел С. Лич. По мнению Л. Лозного, типичному для американцев, отношения между материальной культурой и этничностью более проблематичны, чем представляется Л. Клейну и многим археологам из Восточной Европы (Л. Клейн здесь еще гораздо более осторожен, чем другие). Доклад Л. Лозного назывался: «Этногенез: в поисках воображаемого мира». С. Лич также прочел часть своего интервью с Л. Клейном. Это интервью уже опубликовано по-русски в сборнике «Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока», изданном В. А. Лыншей и В. Н. Тарасенко (Актуальные проблемы..., 2011), и, надеемся, это интервью скоро будет опубликовано на английском на благо читателей без знания русского.

Хотя число неприехавших участников было велико, это было понятно, учитывая разницу в оплате археологов на Востоке и на Западе и обычную нехватку денег на поездки. Тем не менее такие конференции проводить стоит: они очень полезны для преодоления широко распространенного незнания российской археологии на Западе и для налаживания взаимопонимания археологов разных континентов и стран. Хотелось бы надеяться, что конференция получит продолжение. Организаторы хотели бы поблагодарить всех, кто проявил интерес к этому событию.

Актуальные проблемы..., 2011 - Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред В.А. Лынша, В. Н. Тарасенко. Уссурийск, 2011.

Клейн, 1993 - Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клейн, 1994 - Клейн Л. С. Бесплотные герои. Происхождение образов Илиады. СПб., 1994.

Klejn, 1997 - Klejn Lev S. Das Phanomen der Sowjetischen Archäologie: Geschichte, Schulen, Protagonisten. Berlin, 1997.

Klejn, 2012 - Klejn Leo S. Soviet archaeology. Trends, schools, and history. Oxford, 2012 (пер. на англ.: Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993).

Leach, 2009 - Leach Stephen. The Foundations of History: Collingwood's Analysis of Historical Explanation. London, 2009.

Lozny, 2011 - Lozny Ludomir R. Comparative Archaeologies A Sociological View of the Science of the Past. London, 2011.

Стивен Д. Лич
Англия, Килльский университет
(Keele University, Staffordshire, UK)

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА «АКТУАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

(Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.)

Проведение научных конференций молодых исследователей в стенах ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) насчитывает несколько десятилетий. В 1990-е гг. эта традиция прервалась и в 2012 г., по инициативе ИИМК РАН, была возобновлена. Организаторами конференции стали Институт истории материальной культуры РАН (О. И. Богуславский, А. А. Бессуднов, А. А. Лазарев), Санкт-Петербургский государственный университет (И. А. Гарбуз) и Государственный Эрмитаж (Н. Ю. Новоселова).

Изначально предполагалось, что в работе конференции примут участие исключительно исследователи Санкт-Петербурга, однако информация о конференции привлекла внимание ряда исследователей из других регионов. В работе конференции приняли участие специалисты из других городов России (Барнаул, Елец, Казань, Москва и Пермь), а также их коллеги из стран СНГ (Азербайджан, Казахстан, Молдова и Украина). Всего было получено 48 заявок от 55 авторов, из них 50 лично выступили с докладами.

Работа конференции была организована по трем крупным тематическим блокам. В рамках заседаний, посвященных вопросам современных и традиционных методов полевых и лабораторных исследований, был заслушан ряд докладов о принципах, возможностях и недостатках различных методик цифровой фиксации археологических объектов в полевых условиях (доклады И. А. Гарбуза и А. В. Прохоровой, Д. Д. Ёлшина и А. Ю. Городилова, А. В. Старовойтова, В. Н. Матвеева). Изучению керамической посуды с помощью естественнонаучных методов были посвящены два доклада (В. Н. Бахматова и М. А. Холкина). О принципах картирования археологических памятников и анализе пространственного распределения поселений рассказали в своих докладах Е. К. Блохин и С. Н. Чаукин.

Блок докладов о новейших археологических открытиях, непосредственное участие в которых принимали молодые ученые, охватил широкий отрезок времени от среднего палеолита до позднего средневековья. В рамках каменного века были заслушаны доклады о новейших исследованиях памятников среднего (В. А. Бурлаку) и верхнего палеолита (Ст. А. Васильев и А. А. Бессуднов, А. А. Симоненко и О. И. Александрова), неолита (Е. В. Долбунова) и энеолита (Е. А. Черленок и С. М. Осташинский). Часть докладов была посвящена предварительным результатам исследования памятников в районе строительства ж/д дороги Кызыл–Курагино в Туве (А. В. Семенов, В. С. Бусова и Н. С. Курганов). О возобновлении работ в Средней Азии рассказали Ф. Ш. Аминов и Р. В. Тихонов. Помимо этого участники конференции заслушали доклады о работах на андроновском некрополе в Алтайском крае (О. А. Федорук), античном некрополе Артющенко-2 на побережье Черного моря (С. В. Кашаев), скальном аланском могильнике в Приэльбрусье (Т. Р. Садыков) и на Земляном городище в Старой Ладоге (Н. В. Григорьева).

Не менее широким по пространственному и хронологическому охвату получился раздел, посвященный актуальным вопросам археологии. Различные аспекты исследования материальной и духовной культуры памятников каменного века были отражены в докладах Е. В. Дорониной, А. В. Ларионовой, К. Н. Степановой, Т. В. Корневой, Е. Н. Митрошина, В. В. Терехиной. Античной тематике были посвящены выступления А. А. Мосягиной и А. А. Еремеевой, древнерусской – О. В. Григорьевой и В. Н. Кузнецовой. О наиболее перспективных направлениях в современной антропологии рассказали И. Г. Ширококов и А. А. Казарницкий. Не менее интересными по содержанию и актуальными по те-

матике были доклады о методах анализа погребального обряда (Ю. Ю. Раиткина), о материалах культур шнуровой керамики в Ловатско-Двинском междуречье (Е. С. Ткач), о типологии и хронологии керамики эпохи раннего металла на Кольском полуострове (А. И. Мурашкин), о гривне-короне из Ямлитца (Л. С. Воротинская) и стеклянной утвари алан Северного Кавказа (А. А. Чижова).

Материалы докладов, прозвучавших на конференции, были изданы в виде сборника: «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования» (отв. ред. В. А. Алёкшин).

В целом выступавшие весьма высоко оценили уровень организации конференции и выразили пожелания о продолжении традиции проведения такого рода встреч молодых ученых.

*О. И. Богуславский
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН
А. А. Бессуднов
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН
Отдел палеолита
И. А. Гарбуз
Россия. Санкт-Петербург.
СПбГУ. Исторический факультет.
Кафедра археологии*

История науки

«ИДЕАЛЬНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ» В. А. ГОРОДЦОВА: ИЗ ИСТОРИИ ДИСКУССИЙ 1920-х гг.

В. Г. Ананьев¹

Жизнь и деятельность Василия Алексеевича Городцова (1860–1945) в последние десятилетия привлекают значительное внимание исследователей: в науке уже предпринимались попытки охарактеризовать его теоретические взгляды в области археологии (Платонова, 2010. С. 198–214), музейную (Белозерова, 1988; Студзицкая, 1988) и педагогическую (Стрижова, 1988) деятельность, уточнить биографию (Белозерова и др., 2011), ввести в научный оборот новые источники (Татаринов, Федяев, 2003). Цель данной работы – охарактеризовать один из таких источников, упоминавшийся в предшествующих работах лишь вскользь и не становившийся еще объектом пристального анализа. Речь идет о докладе на тему «Идеальные типы археологических музеев, распределение в них археологических памятников и организация управления ими», прочитанном В. А. Городцовым на заседании археологической комиссии Музейно-Библиотечной секции Государственного ученого совета 25 февраля 1925 г. Текст доклада сохранился в нескольких архивных фондах: среди материалов самой Музейно-Библиотечной секции (Закс, 1968. С. 15; Белозерова, 2005. С. 400), в личном фонде В. А. Городцова (Белозерова, 1988. С. 18, примеч. 14), наконец, в фонде Н. Я. Марра, являвшегося одним из членов комиссии (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 31–32 об.). Последний вариант и используется в данной работе, в том числе и ввиду одной его особенности: машинопись доклада содержит рукописные пометки Н. Я. Марра. Следовательно, она дает уникальную возможность не только

уточнить музейные взгляды самого автора доклада, но и составить общее представление о реакции на проект со стороны его коллег и современников.

Прежде всего, однако, следует сказать несколько слов о самой организации, на заседании которой и был зачитан данный доклад. Музейно-Библиотечная секция Государственного ученого совета была создана в июле 1924 г. Ее общей задачей считалось «идеологическое руководство музеями и библиотеками, а также делом охраны памятников и археологических изысканий <...> (то есть) разрешение программно-методических вопросов, связанных с музейным и библиотечным делом, главным образом с научным и просветительным использованием музеев, памятников и библиотек». Основная цель секции – «усиление и развитие работы музеев и библиотек в сторону наиболее широкого использования музейных коллекций, памятников и книжных собраний в просветительном отношении и в частности изыскания новых наиболее целесообразных путей и методов приближения их к массам». Временная структура секции включала в себя восемь комиссий: 1) библиотечную, 2) по естественноисторическим и техническим музеям, 3) по художественным музеям, 4) по историко-культурным музеям, 5) по краеведческим музеям, 6) музейно-просветительную, 7) археологическую, 8) по реставрационному делу. Секция как таковая и каждая из ее комиссий должны были вести работу по трем основным направлениям: 1) программно-организационному, 2) программно-методическому, 3) литературно-издательскому (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 73). Председателем секции был назначен М. Н. Покровский (Закс, 1968. С. 15). Был разработан подробный план работ, предпо-

---

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Санкт-Петербургский государственный университет. Исторический факультет. Кафедра музеологии.

лагавший несколько направлений изысканий, однако реализовать его полностью так и не удалось (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 15–30). Сначала секцию разделили на две самостоятельные (музейную и библиотечную), а уже в сентябре 1925 г. музейная секция была превращена в методическую комиссию музейного отдела Главнауки, а затем Наркомпроса (*Закс*, 1968. С. 15). Узнав об этом, выдающийся отечественный ученый и организатор науки Ф. И. Шмит писал О. Ф. Вальдгауэру, что больше «нет ни одного авторитетного учреждения в СССР, которое бы занималось теоретически изучением вопросов музейного строительства, – остается одна Музейная Секция нашего Социологического Комитета» (АГЭ, ф. 6, оп. 1, д. 376, л. 3).²

В. А. Городцов, активно участвовавший в это время в деле реализации государственной политики в области сохранения культурного наследия, возглавил археологическую комиссию Музейно-Библиотечной секции, заседания которой начались, очевидно, в конце 1924 г. Заседания комиссии проходили регулярно, раз в неделю, по средам, в час дня, в помещении Российского Исторического музея. Для их проведения был выбран кабинет члена комиссии, члена-корреспондента Академии наук, сотрудника музея Николая Михайловича Каринского (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 1). Обычно на заседания комиссии собиралось не более пяти-шести человек. Новых кандидатов мог предлагать председатель комиссии, и уже в конце января 1925 г. по его инициативе к работе были привлечены член-корреспондент Академии наук, филолог-классик Николай Иванович Новосадский и ученый секретарь Исторического музея, археолог-античник Алексей Степанович Башкиров (Там же, л. 36).

Центральное место в работе комиссии занимали «программно-методические вопросы» археологии. Так, например, на заседании 9 января 1925 г. обсуждались вопросы о разработке общих методов и плана археологических изысканий и раскопок. Доклады по этим вопросам было поручено сделать председателю секции. Участники секции пытались разработать критерии общегосударственного плана археологических

раскопок, а также сформировать единое для всех методическое руководство, основываясь на положениях которого и следовало бы проводить раскопки. Привлекали их внимание вопросы охраны исторических памятников: обсуждался проект схемы инструкции по индивидуальной охране внемузейных памятников, проект общих мероприятий по охране памятников внемузейного значения применительно к Херсонесу и т. д. (Там же, л. 5, 35–35 об. и др.).

В целом, все эти направления работы как нельзя лучше соответствовали общему курсу на унификацию и централизацию археологической деятельности в стране, ярким поборником которых был председатель секции, В. А. Городцов. Как отмечает Н. И. Платонова: «Став крупным правительственным чиновником, он и сюда привнес свою любовь к систематике, к жесткой схеме» (*Платонова*, 2010. С. 212). Им разрабатывались проекты единого для всей страны плана археологических исследований, проекты нового устройства всей археологической службы, «выстраивание ее структуры в виде правильной пирамиды археологических обществ различного уровня, открытых во всех городах Союза» и т. д. (Там же). Иными словами, к самой археологии ученый пытался применить тот же самый типологический метод и ту же универсальную классификационную систему, которые с таким успехом применялись им к археологическим предметам. При этом, естественно, вершиной предлагаемой им пирамиды должна была стать структура при Наркомпросе, возглавляемая самим автором проекта. Не в последнюю очередь именно эти, далекие от «чистой» науки вопросы определили недоброжелательность в отношении В. А. Городцова и группы его московских учеников с петроградской Академией истории материальной культуры, возглавлявшейся Н. Я. Марром (Там же). Последняя, считая себя преемницей Археологической комиссии, настаивала на сохранении за собой статуса последней инстанции в вопросах археологии. В русле таких унификационных устремлений находился и проект музейного обеспечения археологической деятельности.

Сама музейная тематика была для автора доклада так же отнюдь не нова. В. А. Городцов начал свою деятельность в Историческом музее еще в 1903 г., оставаясь на военной службе и занимая в музее должность нештатного, а затем – младшего хранителя (*Белозерова*, 1988.

² Имеется в виду Музейная секция Социологического комитета государственного Института истории искусств (Зубовского института), директором которого и был в это время Ф. И. Шмит. О ней см., напр.: *Ананьев*, 2010.

С. 15). С 1906 г., после выхода в отставку, штабс-капитан В. А. Городцов становится старшим хранителем. Уже в первые годы на новом месте он активно включается в работу, предлагает «Проект устройства музея по отделу доисторических и курганных древностей», налаживает новую систему хранения фондовых материалов, работает над организацией экспозиций и т. д. (Там же. С. 17–18). Будучи музейным работником, В. А. Городцов прекрасно понимает значение музейных собраний и их продуманной организации для развития археологической науки. Недаром позже он напишет: «Для меня лично музей был школой археологического знания, за что я всегда был и буду благодарен» (Там же. С. 14). Неудивительно поэтому, что именно этой теме он решает посвятить программный доклад, прочитанный на заседании Археологической комиссии. 18 февраля 1925 г. ему было поручено сделать доклад на тему «Идеальные типы археологических музеев, распределение в них коллекций и управление ими», и уже на следующем заседании, 25 февраля, доклад был заслушан (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 31, 45 об.).

Начинает его автор с общей характеристики археологической науки и ее основного предмета: «Археология является наукой о творениях вымерших поколений человечества. Каждый отдельный человек, каждое отдельное поколение, равно как и все человечество творит более, чем потребляет, вследствие этого в творениях огромного количества вымерших отдельных лиц, народов и целых поколений скрывается неиспользованная, скрытая энергия, покоящаяся многие века и тысячелетия в недрах похоронившей их земли. Современные поколения человечества, достигнув достаточного умственного развития, решили использовать энергию, вложенную с избытком в разные творения их предшественниками, создав специальную науку археологию и создав огромную сеть музеев для хранения вещественных творений своих предков» (Там же, л. 31). Уже эти, вводные слова вызвали критическую реакцию у коллег автора: так, например, Н. Я. Марр написал на полях текста доклада: «Что значит вымершие поколения?» (Там же). Используемая терминология вызвала определенные вопросы и у слушателей, по крайней мере на заседании 10 марта 1925 г., т. е. тогда, когда должно было проходить обсуждение доклада об археологических музеях, комиссия поручила В. А. Городцову сделать еще

один доклад, на этот раз на тему: «Выяснение скрытой в археологических памятниках практической энергии» (Там же, л. 54).

Таким образом, определение автором предмета науки археологии и используемый им терминологический аппарат вызвали определенную критику коллег. Более очевидным было следующее положение: «...чем цивилизованнее народ, тем более он занимается изучением и использованием древностей; и тем лучше устраивает музеи для вечного хранения собираемых все в большем и большем количестве археологических предметов». Отсюда и важность усовершенствования работы археологических музеев «как вещевых хранилищ результатов исследовательских трудов, направленных на извлечение всех творений вымерших поколений из недр земли и из всяких других мест, где такие творения скрывались или оставались в виде мертвого капитала». Основные задачи идеального музея: 1) «дать возможность наилучшего хранения вещей на бесконечно долгий срок», 2) «обеспечение возможности дать современному населению совершеннейшую и полнейшую иллюстрацию жизни когда-либо живших людей на той территории, для обслуживания которой тот или другой археологический музей создан», 3) «обеспечение возможности как можно лучше использовать ту энергию в вещах, которая сообщена им их творцами» (Там же, л. 31–31 об.). В определении основных задач музея В. А. Городцов придерживался вполне характерной для своего времени точки зрения, сводя их к классической триаде: 1) хранения, 2) просвещения, 3) исследования. При этом, однако, определенные сомнения вызывает жесткая связь между характером музейной коллекции и той территорией, на которой музей этот создается: Н. Я. Марр отметил в этой связи – «почему ограничение территории?» (Там же, л. 31 об.). Отчасти ответ на этот вопрос можно найти в предлагаемой автором доклада типологии археологических музеев, которая определяется объемом поставленных перед ними задач. Они могут быть: 1) центральные, 2) областные (губернские), 3) уездные и 4) сельские. «Частные археологические музеи в сфере идеальных музеев не имеют места» (Там же).

Сельские музеи должны «содержать оригиналы древних памятников, связанных генетически с сельской земельной территорией». Но эти памятники, естественно, не могут «дать понятия об общем развитии трудов всего человечества».

Потому в таких музеях «необходимы вспомогательные коллекции археологических памятников, иллюстрирующих ход развития общечеловеческих индустриальных явлений жизни и в особенности тех из них, которые связаны с жизнью того народа, к которому сельское население принадлежит». В состав таких вспомогательных коллекций должны входить «муляжи, рисунки, чертежи, картограммы, снабженные краткими объяснительными записками». Прочие типы музеев образуются так же, но «соответственно величине территории, каждый из них будет иметь количество памятников в оригиналах все больше и больше». При этом и в них должны присутствовать вспомогательные коллекции, «чтобы дать и в каждом из этих музеев возможно более полное представление о развитии индустриального труда всего человечества и тех народов, которые когда-либо обитали на их территории» (Там же, л. 31 об.–32). В целом, подобное разделение музеев на категории не было чем-то новым в отечественной науке первой четверти XX в. Еще на предварительном музейном съезде, проходившем в декабре 1912 г. в здании Исторического музея, секция провинциальных музеев попыталась выработать типологию таких музеев, причем увязав ее именно с характером их коллекций. В материалах секции отмечалось: «...в областные музеи поступали (бы) предметы более типичные, в губернские же и уездные – разновидности тех же предметов», при этом «существование в одном городе параллельных музеев одного и того же характера признано нежелательным» (Разгон, 1991. С. 18). Сам В. А. Городцов принимал участие в работе съезда; вероятно, к идеям, озвученным на съезде, и восходит предлагаемая им типология археологических музеев. Отвечало духу времени и представление о необходимости включения в музейную экспозицию воспроизведенных предметов, научно-вспомогательного материала. Об этом на Первой всероссийской музейной конференции в феврале 1919 г. говорил сотрудник Зоологического музея П. Ю. Шмидт. Первым пунктом в своей программе методики построения современной экспозиции он выделил именно право музея на включение в экспозицию «точных воспроизведений» (Закс, 1982. С. 153).

Более показательной и характерной именно для взглядов автора доклада может считаться проводимая через весь проект четкая линия на унификацию не только музейной сети, но и

структуры каждого музея как такового: «Все археологические музеи следует организовать по одному плану и одной по возможности лучшей археологической классификации. Разница должна быть только количественная <...> меньшие музеи по своей внутренней конструкции должны быть аналогичны большим и являться как бы подготовительными ступенями к познанию содержания больших археологических музеев, чтобы сельский обыватель, посещая одиночно или в составе экскурсий городские музеи, мог бы легко ориентироваться в них и развивать свое знание» (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 32). Очевидно, что этой «по возможности лучшей археологической классификацией» должна была стать та, которую предлагал сам автор доклада. Напомним, что именно в 1925 г. в свет вышло дополненное и переработанное издание его книги «Археология. Ч. 1. Каменный период», в которой отвергалась классификация Г. Мортилье и вместо нее предлагалась новая, авторская.

Важное различие между предлагаемыми типами музеев, однако, должно было заключаться в том, что в смысле комплектования фондов центральный музей «должен стоять в привилегированном положении: в нем должны быть представлены все открытые в государстве культуры; он должен дать самые полные иллюстрации трудовой жизни искони населявших территорию государства народов и всего человечества; но центральный музей не должен быть складом избыточных коллекций. То, что в нем не может быть выставлено для обзора посетителей, должно быть немедленно возвращено через государственный фонд в те областные (губернские) музеи», в районе которых это было найдено. В. А. Городцов образно формулирует это положение следующим образом: «Кладовые и магазины для залежей археологических памятников в центральном музее ни под какими предлогами недопустимы». Когда в музей поступают новые коллекции, «соответствующие им в культуре худшие памятники немедленно удаляются из музея в фонд <...> Центральный археологический музей должен быть археологическим альбомом, где памятники выставляются в натуральную величину. Он должен быть способным дать ответы, по возможности, на все вопросы археологии, истории и других наук, касающихся материальных культур вымерших поколений». Точно так же и на местах: «излиш-

ки немедленно распределяются через государственный фонд по уездным музеям. Последние же находятся в таком же отношении к сельским музеям» (Там же, л. 32–32 об.).

Вопрос о перераспределении коллекций являлся одним из самых сложных в музейном строительстве первых послереволюционных лет. Именно здесь яснее всего проходила линия, разделявшая старые и новые представления. Для дореволюционной музейной мысли характерно было представление о единстве и неделимости всех музейных коллекций. Возможно, наиболее четко эта мысль была сформулирована в «Проекте положения для губернских и областных музеев», обсуждавшемся по инициативе Московского Археологического общества на VII Археологическом съезде (Ярославль, 1887 г.). В «Положении» говорилось, что «коллекции, вошедшие в состав музея, не могут ни под каким видом быть отчуждаемы, проданы или переданы из одного ведомства в другое» (Уварова, 1891. С. 282). Совершенно иной стала ситуация после Октябрьской революции, когда перед новой властью встала задача превращения многочисленных музеев России в единую музейную сеть и возникла мысль о создании единого же музейного фонда, в который входили бы предметы всех музеев страны. Унификация музейной сети требовала создания новых музеев, изменения профиля уже существующих, а в основе этого лежал, конечно же, процесс перераспределения музейных предметов. Ни о какой «неотчуждаемости» музейных предметов говорить уже не приходилось. В «Московской декларации», озвученной на конференции 1919 г., все эти новые идеи были сформулированы четко и недвусмысленно. Показательно, что сторонниками такого подхода стали, в основном, представители художественной и научной интеллигенции, начавшие сотрудничать в системе Наркомпроса (в первую очередь, в Музейной секции, – И. Э. Грабарь, Н. Г. Машковцев и др.). Принадлежал к их числу и В. А. Городцов, бывший членом секции практически с момента ее основания (см.: Сундиева, 2007). Как видим, и в своем докладе он уделил значительное место актуальной проблеме перемещения музейных коллекций и высказался в поддержку нового варианта ее решения.

Важная особенность концепции В. А. Городцова связана с источником пополнения фондов археологических музеев. Поиск предметов должен «производиться не музеями, а особыми ис-

следовательскими корпорациями, которые добытые ими памятники направляют в единый государственный фонд, распределяющий коллекцию, сообразно с государственным планом, по всем музеям». Практика добывания предметов силами самого музея «весьма вредная и недопустимая». Во-первых, отвлекает деятелей археологических музеев от прямых их обязанностей. Во-вторых, рассеивает средства, предназначенные государством для археологических исследований, ведущихся по определенному государственному плану. В-третьих, мешает государственному фонду свободно и правильно распределять археологические памятники по музеям, «так как каждый музей, добывший своими силами коллекции, считает последние своими *par excellence* и ни с кем не хочет ими поделиться, хотя бы они и не совсем ему были нужны». Музейные сотрудники могут вести раскопки, но как любые другие граждане. Потом они должны сдавать полевую документацию в государственный фонд (ПФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 264, л. 32 об.). В общих чертах и это положение предлагаемой программы направлено все на ту же унификацию работы музеев, при этом, аргументируя свою точку зрения, опытный музейный работник неизбежно впадает в противоречие, которое не преминул отметить Н. Я. Марр, написавший на полях, рядом с первым же аргументом против проведения музеями самостоятельных археологических исследований: «разве собирательство не есть дело музеев?» (Там же, л. 32 об.).

Основные выводы доклада В. А. Городцова сводились к следующему:

1) необходимости учреждения самостоятельного археологического отдела, который должен был: а) вести работу по организации всех археологических музеев; б) организовывать государственный археологический фонд; в) консолидировать все археологические силы для исследования памятников древности на территории страны;

2) археологический отдел не должен дублировать функции Государственного ученого совета (Там же).

В. А. Городцов, таким образом, с одной стороны, старался создать новую археологическую структуру, которая руководила бы «организацией всех археологических сил» страны, тем самым явно противопоставляя эту новую структуру ленинградской Академии истории матери-

альной культуры. С другой стороны, он пытался сохранить за Государственным ученым советом (археологической комиссией которого он руководил фактически единолично) ведущую роль. Таким образом, в его руках сосредоточивалась бы вся полнота власти в сфере археологии. Создание единого национального археологического фонда явно предполагалось осуществить по образцу национального музейного фонда, что, безусловно, должно было найти поддержку у руководства новой власти.

Основные положения доклада связаны с теми вопросами, которые были весьма актуальны для развития отечественного музейного дела первой половины 1920-х гг.: вопросами о типологии музеев, характере их собраний, перераспределении музейных коллекций, унификации музейной сети. Доклад об «идеальном типе археологического музея», таким образом, может рассматриваться как один из элементов разгоревшейся в первой половине 1920-х гг. дискуссии между сторонниками жесткой централизации и регламентации научной и культурной жизни и теми учеными, которые выступали за определенную автономию этих областей от государственной власти.

Ананьев, 2010 – Ананьев В. Г. Становление Гатчинского музея в 1920-е гг. Из фонда О. Ф. Вальдгауэра // Вестник архивиста. 2010. № 4.

Белозерова, 1988 – Белозерова И. В. Музейная деятельность В. А. Городцова // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988.

Белозерова, 2005 – Белозерова И. В. Коллекция материалов ГИМ по истории музейного дела первых лет советской власти (1917–1940-е годы) // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2005.

Белозерова и др., 2011 – Белозерова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (К 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. Т. 1.

Закс, 1968 – Закс А. Б. Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. 6.

Закс, 1982 – Закс А. Б. Первая всероссийская конференция по делам музеев. Февраль 1919 года (По материалам отдела письменных источников Государственного Исторического музея) // Актуальные вопросы изучения фондов музеев по истории советского общества. М., 1982.

Платонова, 2010 – Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая третья XX века. СПб., 2010.

Разгон, 1991 – Разгон А. М. Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музей и власть. Из жизни музеев. М., 1991. Ч. 2.

Стрижова, 1988 – Стрижова Н. Б. Педагогическая деятельность В. А. Городцова // Там же.

Студзицкая, 1988 – Студзицкая С. В. Государственный исторический музей и В. А. Городцов // Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии. М., 1988.

Сундиева, 2007 – Сундиева А. А. История одной декларации // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007. № 300 (1).

Татаринов, Федяев, 2003 – Татаринов С. И., Федяев С. В. В. А. Городцов – археолог и природовед. Неизвестные страницы дневников // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В. А. Городцова: Тез. конф. М., 2003. Ч. 1.

Уварова, 1891 – Уварова П. С. Областные музеи // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. М., 1891. Т. 2.

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа, ф. 6: ф. О. Ф. Вальдгауэра, оп. 1, д. 376.

ПФА РАН – Петербургский филиал Архива РАН, ф. 800: ф. Н. Я. Марра, оп. 4, д. 264.

РУССКИЕ АРХЕОЛОГИ-ЭМИГРАНТЫ В КИТАЕ

А. А. Хисамутдинов¹

Российский Дальний Восток и Китай – ближайшие соседи, имеющие не только общую границу, но и общие страницы древней истории. Именно поэтому археологические исследования занимали важное место в процессе изучения русскими северо-восточной части Китая, особенно после Гражданской войны, когда в Китае в числе беженцев из России оказалось много увлеченных историей людей. Не случайно канадский профессор О. Бакич в своем замечательном библиографическом указателе выделила раздел, посвященный публикациям на тему археологии (*Bakich*, 2002). Некоторые сведения об эмигрантах-археологах можно найти также в работах А. И. Баранова (*Баранов*, 1959. С. 137–147), В. Н. Жернакова (*Жернаков*, 1972. С. 14–16; 1975), С. В. Алкина (*Алкин*, 1994. С. 18–21; 1998. С. 8–9; *Алкин, Панина*, 2001. С. 176–184) и других.

Масштабное изучение Маньчжурии, в том числе в области археологии, началось одновременно со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), но еще до этого некоторые русские исследователи проявляли интерес к древним памятникам Китая. Так, начальник Русской духовной миссии в Пекине архимандрит Палладий (П. И. Кафаров) использовал результаты археологических наблюдений, прослеживая связь истории Уссурийского края с древним прошлым Маньчжурии (*Палладий*, 1879. С. 221–228).

Накопление сведений о регионе, в том числе и о его археологических памятниках, продолжилось также русскими учеными и краеведами. Основные исследования проводились в рамках Общества русских ориенталистов (ОРО), учрежденного в Харбине 21 июня 1908 г. и имевшего отделения во Владивостоке и Петербурге. Своей

основной задачей члены ОРО, среди которых были переводчики, дипломаты, коммерсанты, профессора высшей школы, считали популяризацию знаний о Востоке среди населения, поэтому результаты их работ, а также все доклады, с которыми они выступали на заседаниях Общества, затем публиковались в журнале ОРО «Вестник Азии». Так, в 1917 г. увидела свет работа П. Н. Меньшикова «Краткий исторический очерк Маньчжурии», в которой он опирался на археологические наблюдения, как собственные, так и других членов ОРО (*Меньшиков*, 1917). Выпускник китайско-монгольского отделения Восточного института во Владивостоке (1905), П. Н. Меньшиков еще студентом побывал в командировке в юго-западной части Маньчжурии, а в дальнейшем продолжил исследования в Китае, находясь на должности коммерческого агента, а затем начальника Коммерческой службы КВЖД.

В «Вестнике Азии» увидели свет и многие работы другого выпускника Восточного института (1903) и члена ОРО П. В. Шкуркина (1868–1943, Сизл, США). Диапазон его интересов был весьма широк: он анализировал политические события и писал этнографические труды, составлял учебники по востоковедению и переводил китайские сказки. Деятельность П. В. Шкуркина как популяризатора знаний о Китае является общепризнанной, а восхищение культурой Китая пронизывает почти все его работы. Он писал в предисловии к одной из своих книг: «Европейцы искренне верили и верят, что они несут цивилизацию на Восток, не подозревая, что их цивилизация является крохотным, слабым, грудным ребенком по сравнению с пожилым, многоопытным мужем – цивилизацией Востока. <...> никогда мы здесь не добьемся прочного успеха ни в каких делах, если самым серьезным образом не будем изучать жизни, верований, философии, души китайца, со всеми их странностями и уклонами, непонятными для

¹ Россия, 690091, Владивосток, ул. Алеутская, д. 56. Дальневосточный федеральный университет. Школа гуманитарных наук. Кафедра журналистики и издательского бизнеса.

нашего европейского примитивного взгляда на Китай и поверхностного мышления о Востоке» (*Шкуркин, 1926. С. 3, 5*).

П. В. Шкуркин жил в разных частях Китая и много путешествовал по стране – как по долгу службы, так и с исследовательскими целями, что помогло ему собрать богатый археологический материал и начать составление археологических карт. В 1917 г. увидели свет «Исторические таблицы Китая в красках». Продолжив работу, на следующий год он издал справочник по истории Китая как часть задуманного большого труда, посвященного истории Дальнего Востока (*Шкуркин, 1918*).

Окончание Гражданской войны в России привело в 1922 г. в Китай сотни тысяч русских, среди которых было немало людей, интересовавшихся наукой. Среди научных направлений, которыми они занимались, была и археология. Особо широкое развитие она получила в рамках Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), основанного в сентябре 1922 г. Оно задумывалось как полноесная научно-просветительская организация с музеем и библиотекой. В циркулярном письме властям организаторы сообщали: «Всем известно, какое огромное культурное и просветительское значение имеют выставки и музеи не только в отношении повышения общего уровня культуры, но и развития рациональных методов работы, делового практического настроения, которое является непременным залогом успеха в хозяйственной и интеллектуальной жизни. Все это побудило группу лиц взять на себя инициативу создания в Харбине ОИМК, главной целью которого является использование и объединение всех культурных сил края» (Исполнительное бюро, 1922). В 1927 г. в Общество изучения Маньчжурского края влилось и ОРО.

Археологические исследования в ОИМК были сосредоточены в историко-этнографической секции, которой руководил начальник штаба Заамурской пограничной стражи Алексей Михайлович Баранов (1865–1927, Харбин), посвятивший много лет изучению Монголии и севера Маньчжурии и опубликовавший немало работ. Главными задачами своей секции он считал сбор и хранение археолого-этнографического материала Северной Маньчжурии. В то время местные жители-крестьяне не понимали важности сохранения бесценных памятников, и они повсеместно уничтожались. Поэтому члены историко-этнографической секции решили, прежде

всего, зарегистрировать все обнаруженные древние памятники Маньчжурии, а затем приступить к их детальному обследованию (*Баранов, 1923. С. 37–40*).

Эта работа позволила П. В. Шкуркину и А. М. Баранову совместно составить первую карту исторических периодов Маньчжурии. Достоинством этой работы являлось то, что она была основана на результатах новейших археологических раскопок, проводимых членами Общества изучения Маньчжурского края. Этот труд так и не был опубликован и до недавнего времени хранился в музее Хэйлунцзянской провинции (*Жернаков, 1973. С. 20*). После смерти А. М. Баранова П. В. Шкуркин продолжил его дело и в дальнейшем развил некоторые археологические наблюдения в новых работах (*Шкуркин, 1924. С. 345–351; 1927*). Автор многих работ о Китае, переводчик и преподаватель П. В. Шкуркин обращал большое внимание на изучение культурного развития края, опираясь на археологические находки.

Одним из важнейших достижений эмигрантской науки в Китае было создание музея Общества изучения Маньчжурского края. На первой экспозиции, открытой 12 июня 1923 г. и посвященной 25-летию КВЖД, было представлено около 10 тыс. экспонатов. Половина из них носила торгово-промышленный характер, но много было и археологических редкостей. Благодаря энтузиастам количество экспонатов быстро росло: если в 1924 г. музей насчитывал 11 089 предметов, то в 1928 г. их было уже 49 883.

В музее ОИМК работал и один из первых уральских археологов Владимир Яковлевич Толмачев. По заданию музея он обследовал окрестности городов Харбин и Хайлар, бассейн реки Хайлань и другие районы, регулярно публикуя отчеты. Особенно интересными были находки В. Я. Толмачева в Верхней столице чжурчженей – городище Байчэн, где ученый провел в 1923 г. свои первые исследования (*Толмачев, 1925*). Результатом этих работ стало уточнение времени строительства Байчэна: Толмачев пришел к выводу, что древний город начали строить раньше, чем было принято считать (*Толмачев, 1927*). В 1926 г. вместе с почвоведом Т. П. Гордеевым археолог обследовал место находки бивня мамонта на территории современного Харбина (*Толмачев, 1926*). Сотрудники музея ОИМК, кстати, регулярно получали сведения о находках костей мамонтов и носорогов.

Изучил В. Я. Толмачев и участок при впадении реки Имингол в Аргунь, в 100 км от советско-китайской границы, где Елпидифор Иннокентьевич Титов (1896–1938, Хабаровск), талантливый краевед, увлекавшийся археологией, собрал весной 1928 г. коллекцию каменных изделий неолитического облика. Для выяснения особенностей и временной характеристики находок исследователи привлекли материалы сопредельных территорий Прибайкалья и Забайкалья, что значительно расширило возможности анализа. Вскоре они опубликовали совместную статью об обследовании неолитических памятников в окрестностях Хайлара (*Толмачев, Титов*, 1928). Материалы археологических исследований В. Я. Толмачев использовал и при подготовке работы «Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии», опубликованной № 6 «Вестника Маньчжурии» за 1929 г.

Вскоре В. Я. Толмачев устроился на работу заведующим Тарифно-показательным музеем КВЖД. Несмотря на то что в задачи музея не входили археологические изыскания, его коллекция пополнилась сборами ученого-археолога (*Толмачев*, 1935). Тогда же появились и другие статьи, посвященные археологическим памятникам палеолита и неолита (*Толмачев*, 1929, 1933). Научные интересы Толмачева выходили за рамки археологии: он публиковал статьи о сельском хозяйстве в Маньчжурии, в частности, о рынке сбыта соевых бобов. У Владимира Яковлевича были золотые руки, и он был известен как мастер по изготовлению учебных пособий, а также как автор акварелей и собиратель китайских марок.

Археологические исследования продолжались и членами ОИМК. Правда, в феврале 1929 г. китайские власти закрыли Общество, «преобразовав» его в Общество изучения культурного развития Особого района восточных провинций (ОРВП), членами которого могли быть только китайцы. Музей при этом перешел в подчинение Департамента народного образования ОРВП, при котором в январе 1931 г. создали Научно-исследовательский институт ОРВП, и стал называться Музеем Северной Маньчжурии. Несмотря на преобразования, в музее в основном работали русские исследователи, и научная работа продолжалась: в том же году была совершена большая комплексная экспедиция, пополнившая экспозицию и археологическими находками. Средства на содержание

музея выделялись незначительные, и со временем часть экспонатов была разобрана их владельцами.

В 1932 г. музей возглавил Анатолий Стефанович (Степанович) Лукашкин (1902–1988). Он окончил Читинскую гимназию и Институт ориентальных и коммерческих наук в Харбине, был секретарем секции естествознания ОИМК. Благодаря ему в музее стала собираться научная библиотека, открыли читальный зал и архив местной печати. Был организован и археологический отдел, в котором продолжились исследования. Так, в 1934 г. А. С. Лукашкин совершил археологическую экспедицию в район железнодорожной станции Цицикар и вернулся оттуда с интересными находками (*Лукашкин*, 1934. С. 135–164). А. С. Лукашкин остался на своем посту и при очередном преобразовании, когда в 1934 г. харбинские музей и институт вошли в структуру Континентального института научного исследования в Маньчжу-Ди-Го в Синьцзине и стали называться Харбинской лабораторией.

Рамки научной и экспедиционной деятельности еще более расширились с 1 января 1937 г., когда музей стал частью Харбинского отделения Государственного научно-исследовательского института «Да-Лу», подчинявшегося палате министров Маньчжурской империи. Археологический отдел возглавил талантливый исследователь В. В. Поносов (1899–1975), известный своими работами. Под его руководством ежегодно устраивались археологические экспедиции, в состав которых входили и молодые исследователи. Осенью 1931 г. он был начальником палеонтологического отряда 1-й экспедиции Института изучения культурного развития ОРВП в Дунцзинчэн. В 1934 г. В. В. Поносов руководил археологической экспедицией в Баргу, где было сделано много находок (*Утшинский*, 1934. С. 19). В том же году вышла его работа «Следы доисторического человека на костях животных из Кусянтуня» по результатам экспедиции на станцию Сунгари, а в 1935 г. в Харбине отдельным изданием опубликовали его статью «Типы исторических памятников Северной Маньчжурии», опубликованную ранее в журнале «На Дальнем Востоке» (*Bakich*, 2002. P. 206).

В. В. Поносов входил в число учредителей Клуба естествознания и географии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), молодежной научно-общественной организации, основанной бывшими членами ОИМК 11 апреля

1929 г. Помимо него в Клубе работали и другие известные исследователи: геолог Э. Э. Анерт (председатель), агроном Т. П. Гордеев (вице-председатель), В. Н. Жернаков (секретарь), И. Г. Баранов, А. С. Лукашкин и др. «Значение этого научного Общества, – писал Анерт, – не в полевых работах и не в кабинетной обработке материалов, на это у общества нет средств, а в том, что это – аудитория, в которой исследователи обмениваются результатами своих работ и приобретенным опытом, а также научными новостями как местного, маньчжурского, так и общего значения» (Анерт, 1941. С. 24–25).

Изучая древнюю историю Китая, члены клуба совершили ряд научно-познавательных экскурсий по старинным городам Маньчжурии. В мае 1936 г. под руководством И. Г. Баранова и Т. П. Гордеева они осмотрели древние храмы Ачена, а в сентябре была проведена экскурсия под руководством геолога А. М. Смирнова и Т. П. Гордеева, совмещенная со сбором интересных палеонтологических находок. Они были представлены на Выставке предметов художественной старины и редкостей (Харбин, 1936), на которой В. В. Поносов организовал историческую секцию, где демонстрировались и археологические экспонаты.

Археологические исследования входили и в задачи другого молодежного объединения, «Национальной организации исследователей-пржевальцев» (первоначально Кружок им. Н. М. Пржевальского при Национальной организации скаутов-разведчиков), созданной в 1929 г. Возглавлял ее В. В. Поносов, а советником «пржевальцев» был А. С. Лукашкин. Основной задачей провозглашалось «служение Отечеству посредством изучения природы и человеческой культуры» (Национальная организация..., 1937. С. 51–52). Отряды образовывались по направлению исследований, имелся и археологический. За первое десятилетие кружковцы провели 314 заседаний и сделали 570 докладов на различные научные темы: от археологии и геологии до китайской музыки и лингвистики. Они совершили свыше 200 экскурсий, в ходе которых было собрано огромное количество экспонатов, показанных на юбилейной выставке. Центральное место в экспозиции занимал скелет мамонта, а также многочисленные археологические находки эпохи народа Мохэ и империи Цзинь (Аргус, 1939. С. 19). Среди экспонатов были и предметы быта, обнаруженные начинающими археологами и па-

леонтологами в 1938 г. при раскопках за речкой Ашихэ (местечко Хуан-Шань).

В дальнейшем летние экскурсии и поездки продолжились, был издан и сборник научных работ «пржевальцев». Следует отметить, что харбинская пресса уделяла большое внимание деятельности молодых исследователей. В частности, сообщения об их встречах, поездках и находках регулярно появлялись на страницах журнала «Рубеж» (Аргус, 1936. С. 15–16; Шмидт, 1936а. С. 19; 1936б. С. 17; О. П., 1938. С. 6; Л. Я., 1940. С. 19).

В. В. Поносов продолжал успешно заниматься исследованиями, став созаведующим в музее научно-исследовательского института «Да-Лу» (1939–1945). Продолжалась и его экспедиционная деятельность: он был начальником археологической экспедиции в Маоэршань, по результатам которой написал работу «Доисторическая скульптура из окрестностей Харбина», изданную в 1942 г. в «Сборнике научных работ пржевальцев» (с. 59–62). Весной 1944 г. В. В. Поносов был в Будунэ-Горлосской экспедиции, а осенью совершил поездку в Ванхайтунь. В 1957 г. под его руководством прошла экспедиция в Лаошэньтао – Нонни.

Секция молодых археологов, натуралистов и этнографов была образована русскими эмигрантами в Союзе национальной молодежи при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). В основном она объединяла молодежь, которая интересовалась изучением природы, культуры и истории Китая. С весны 1936 г. секция, в которой выделялось археологическое направление, имела собственное помещение, где проходили доклады и выставки. Регулярно проводились научные поездки, экскурсии и экспедиции. Собранный материал хранился в собственном музее. Имелась небольшая библиотека, основу которой составляло собрание «старшего друга» В. Я. Толмачева, переехавшего в Шанхай. 18 июня 1939 г. начинающие исследователи организовали выставку художественных работ известного археолога (Каталог, 1939).

Надо подчеркнуть, что русские ученые в Китае совершили настоящий подвиг. Политическая обстановка в регионе (Гражданская война, междоусобицы, хунхузы, японская оккупация) совершенно не способствовали исследованиям. Часть исследователей покинула Харбин уже тогда. Например, А. С. Лукашкин в 1941 г. эмиг-

рировал в США, где возглавил Музей русской культуры (МРК) в Сан-Франциско. Его коллега П. В. Шкуркин уехал в Сиэтл. Талантливый археолог В. Я. Толмачев скончался 8 мая 1942 г. в Шанхае. Архив археолога его вдова передала в 1947 г. краеведу И. В. Козлову, который увез его в США, где он хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Сохранились там и другие материалы по русским археологическим исследованиям в Китае.

В августе 1945 г. Харбин был занят Советской армией, и бывший музей ОИМК вновь вернулся под полный контроль русских под названием «Харбинский краеведческий музей». В течение девяти лет при нем работало Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов, основанное в 1946 г. и закрытое в 1955 г. Хотя в его названии археология не упоминается, работа в этом направлении проводилась. Особенно талантливым исследователем проявил себя В. С. Стариков (1919–1987), опубликовавший в 1942 г. свою первую археологическую работу «Развалины вдоль среднего течения р. Лалинь». В 1946 г. он рассказал о следах доисторической культуры, обнаруженных у станции Яблоня восточной линии Китайско-Чанчуньской железной дороги по результатам археологической экскурсии в долине реки Цунххэ.

После репатриации в СССР В. С. Стариков стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии (1955–1987), защитил кандидатскую диссертацию на тему «Земледельческие орудия лесостепных районов Восточной Азии» (15 марта 1967 г.), а затем и докторскую – «Современная материальная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие» (27 февраля 1976 г. Институт этнографии). Вскоре вышла монография, в которой были отражены результаты исследований в Китае (Стариков, 1967).

В. В. Поносов в 1961 г. эмигрировал в Австралию, жил в Брисбене. Он участвовал в полевых археологических исследованиях Квинслендского университета (1963), став затем куратором антропологического отдела университета (1966 – 1 января 1970). Ученый скончался 23 января 1975 г. в Брисбене.

Русские исследователи, прежде всего эмигранты, прибывшие в Китай в период Гражданской войны в России, первыми изучили Маньчжурию. В дальнейшем их книгами пользовались ученые всего мира, в том числе и самого Китая. Несмотря на сложные политические

и экономические условия, в ходе экспедиций, музейной и научно-просветительской работы они смогли подготовить фундамент для создания археологической школы на севере Китая и передать свои наработки молодому поколению и китайским исследователям, которые продолжили их дело. Эти научные исследования органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения.

Автор приносит благодарность русскому библиографу библиотеки Гавайского университета Патриции Полански (Гонолулу) и сотруднику Музея русской культуры (Сан-Франциско) Иву Франккену за возможность использовать в настоящем очерке материалы, хранящиеся в зарубежных коллекциях.

Алкин, 1994 – Алкин С. В. В. Я. Толмачев в Китае (1922–1942) // Вторые Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994.

Алкин, 1998 – Алкин С. В. Материалы к изучению деятельности русских археологов в Маньчжурии // 100-летие города Харбина и КВЖД: Материалы конф., 29 мая 1998 г. Новосибирск, 1998.

Алкин, Панина, 2001 – Алкин С. В., Панина С. Н. Археолог (Владимир Яковлевич Толмачев) // Забытые имена: Статьи и очерки. Владивосток, 2001. Вып. 2.

Анерт, 1941 – Анерт Э. Э. К истории исследований и горного дела в Маньчжурии // Известия Клуба естествознания и географии Христианского союза молодых людей. Харбин, 1941.

Аргус, 1936 – Аргус. Боги, научившие людей жить... // Рубеж. Харбин, 1936. 4 июля. № 28.

Аргус, 1939 – Аргус. По стопам Пржевальского: К десятилетию Национальной организации исследователей-пржевальцев в Харбине // Рубеж. Харбин, 1939. 27 мая. № 22.

Баранов, 1923 – Баранов А. Регистрация памятников в Маньчжурии // Известия ОИМК. Харбин, 1923. № 3 (Июнь).

Баранов, 1959 – Баранов А. И. Русские краеведы в Маньчжурии // Сборник Харбинского коммерческого училища КВЖД. Сан-Франциско, 1959. № 6.

Жернаков, 1972 – Жернаков В. Н. Владимир Васильевич Поносов. Мельбурн, 1972 (Russians in Australia; N 3).

Жернаков, 1973 – Жернаков В. Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ: 1903–1973. Сан-Франциско, 1973.

Жернаков, 1975 – Жернаков В. Н. Памяти В. В. Поносова: (Некролог) // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1975. 25 апр.; 1976. 6 февр.

Исполнительное бюро, 1922 – Исполнительное бюро: Циркулярно // Известия ОИМК. Харбин, 1922. № 1 (Ноябрь).

Каталог, 1939 – Каталог выставки картин и этюдов В. Я. Толмачева. Шанхай, 1939.

Лукашкин, 1934 – Лукашкин А. С. Исследования неолитических стоянок близ станции Цицикар // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1934. № 3.

Л. Я., 1940 – Л. Я. На руинах древних городов: Летний лагерь скаутов-пржевальцев неподалеку от Харбина // Рубеж. Харбин, 1940. 12 окт. № 42.

Меньшиков, 1917 – Меньшиков П. Н. Краткий исторический очерк Маньчжурии // Вестник Азии. 1917. Т. 42, вып. 2.

Национальная организация..., 1937 – Национальная организация исследователей-пржевальцев // Натуралист Маньчжурии: Сб. /

- Секция молодых археологов, натуралистов и этнографов Союза нарц. молодежи при БРЭМе. Харбин, 1937.
- О. П.*, 1938 – *О. П.* Находка мамонта под Харбином // Рубеж. Харбин, 1938. 10 сент. № 37.
- Палладий*, 1879 – *Палладий*. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии // Записки ИРГО. 1879. Т. 8, вып. 2.
- Стариков*, 1967 – *Стариков В. С.* Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967.
- Толмачев*, 1925 – *Толмачев В. Я.* Древности Маньчжурии и развалины Бай-Чэна: По данным археологических разведок 1923–1924 гг. Харбин, 1925.
- Толмачев*, 1926 – *Толмачев В. Я.* Остатки мамонтов в Маньчжурии. Харбин, 1926.
- Толмачев*, 1927 – *Толмачев В. Я.* Бай-Чэн: Строительные материалы, архитектурные украшения и др. предметы с развалин Бай-Чэна по данным разведок 1925–1926 гг. Харбин, 1927.
- Толмачев*, 1929 – *Толмачев В. Я.* Первобытные крупорушки в Северной Маньчжурии. Харбин, 1929.
- Толмачев*, 1933 – *Толмачев В. Я.* К вопросу о палеолите в Северной Маньчжурии. Харбин, 1933.
- Толмачев*, 1935 – *Толмачев В. Я.* Деятельность тарифно-показательного музея Китайской Восточной железной дороги в Харбине за десятилетие 1924–1934 гг. Харбин, 1935.
- Толмачев, Титов*, 1928 – *Толмачев В. Я., Титов Е. И.* Остатки неолитической культуры близ Хайлара (по данным разведок 1928). Харбин, 1928.
- Утицкий*, 1934 – *Утицкий А.* Века отдают свои тайны // Рубеж. Харбин, 1934. 11 авг. № 33.
- Шкуркин*, 1918 – *Шкуркин П. В.* Справочник по истории стран Дальнего Востока. Харбин, 1918. Ч. 1. Китай: Полные хронологические таблицы императорской линии собственно Китая с указанием важнейших моментов китайской и всеобщей истории.
- Шкуркин*, 1924 – *Шкуркин П. В.* Несколько слов о доисторическом Китае // Вестник Азии. Харбин, 1924. № 52.
- Шкуркин*, 1926 – *Шкуркин П. В.* Путешествие восьми бессмертных за море: Даосское сказание. Харбин, 1926 (библиогр. работ П. В. Шкуркина).
- Шкуркин*, 1927 – *Шкуркин П. В.* Картины из древней истории Китая. Харбин, 1927.
- Шмидт*, 1936а – *Шмидт М.* Динозавры на Сунгари // Рубеж. Харбин, 1936. Сентябрь. № 37.
- Шмидт*, 1936б – *Шмидт М.* Хулань, двухсотлетний маньчжурский город // Рубеж. Харбин, 1936. 20 дек. № 52.
- Bakich*, 2002 – *Bakich O. M.* China. Archaeology and History // *Bakich O. M.* Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography. New York; Paris, 2002.

ОНА НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛА СВОЕЙ ЖИЗНИ БЕЗ АРХЕОЛОГИИ (памяти Галины Ивановны Смирновой)¹

С. С. Бессонова, С. А. Скорый²

Мы посвящаем эти строки памяти известного археолога Галины Ивановны Смирновой (рис. 1), с которой нам посчастливилось общаться на протяжении многих лет, за что мы благодарны судьбе. В этой статье вспомним основные вехи жизненного и творческого пути этой выдающейся исследовательницы.

Г. И. Смирнова родилась 25 сентября 1928 г. в Калининской (ныне Тверской) области, в семье служащих. В 1930 г. семья переехала в Ленинград. Галина Ивановна была школьницей, когда началась Великая Отечественная война. *«В начале войны, – как вспоминала она в письме к одному из авторов этой статьи, – мы с мамой и братом выехали в Тверскую область на лето. На нашей родине провели 3 года, а впоследствии по вызову отца вернулись в Питер. В День Победы мы были уже в Ленинграде, отмечая это великое событие со всеми ленинградцами...»*³ В 1946 г. Г. И. Смирнова поступила на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который окончила в 1951 г. В студенческие годы она принимала активное участие в работе ряда археологических экспедиций – Староладожской (1947 г., начальник В. И. Равдоникас), Южно-Подольской (1948 г.), Волго-Донской (1949–1951 гг.), которыми руководил М. И. Артамонов. В 1951 г. Галина Смирнова была принята в аспирантуру при кафедре археологии. Ее научным руководителем был выдающийся археолог, заведующий кафедрой, профессор М. И. Артамонов, который в том же году возглавил и Государственный Эрмитаж. Как позже напишет сама Галина Ивановна, ее

«научные интересы – предскифская и скифская археология – определились в 1948 г. на раскопках Немировского и Севериновского городищ на Южном Буге. Материалы этих памятников явились составляющей частью кандидатской диссертации “Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии”, успешно защищенной на Ученом совете истфака ЛГУ в конце 1954 г.» (Из автобиографии Г. И. Смирновой).

Следует отметить два примечательных обстоятельства. Во-первых, с темой будущих научных интересов Г. И. Смирнова определилась очень рано, еще студенткой 2-го курса университета, т. е. в возрасте 20 лет! Во-вторых, выбранная ею тема кандидатской диссертации, безусловно, весьма широкая и важная, открывала большие перспективы для дальнейших научных поисков в достаточно обширном географическом регионе. Как справедливо подчеркивают некоторые исследователи, эта тема Г. И. Смирновой, по сути, стала для нее своего рода программой: в диссертации был поставлен ряд научных проблем, над решением которых исследовательница плодотворно работала последующие десятилетия (*Гуцал, Гуцал, 2001. С. 241*).

В начале 1955 г. Г. И. Смирнова была зачислена в Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа (ОИПК ГЭ, позже – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири – ОАВЕС ГЭ) на должность старшего научного сотрудника. С 1957 г. она исполняла обязанности научного секретаря Отдела (рис. 2). А с 1960 по 1998 г. (рис. 3) – на протяжении почти четырех десятилетий (!) – возглавляла этот Отдел. Последние 13 лет жизни Г. И. Смирнова занимала должность главного научного сотрудника.

Следует особенно подчеркнуть, что, несмотря на большие музейные и административные нагрузки, Галина Ивановна занималась активной полевой работой: она стала начальником Западно-

¹ Искренне благодарим М. Т. Кашубу (ИИМК РАН, Санкт-Петербург) за разнообразную помощь, оказанную при написании этой статьи.

² Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, № 12. Институт археологии НАН Украины. Отдел археологии раннего железного века.

³ Письмо С. А. Скорому от 27.05.2009 г.

Украинской (прежняя – Южно-Подольская) экспедиции, которую ранее возглавлял М. И. Артамонов. На протяжении 1954–1988 гг. ею были осуществлены значительные по объему археологические исследования в Восточном Прикарпатье (западные области Украины и лесостепной Молдавии). Таким образом, экспедиционная деятельность Г. И. Смирновой в течение более 30 лет была связана с Украиной и, частично, соседней Молдавией. Здесь всегда было и остается много ее друзей и коллег.

Вообще у Галины Ивановны Смирновой – счастливая научная биография. Судьба подарила ей целый ряд первоклассных памятников, которые благодаря ее настойчивой работе стали эталонными. На протяжении всей долгой творческой деятельности исследовательница «вела» несколько взаимосвязанных научных тем, постоянно «шлифуя» мысль и усиливая аргументацию. Итогом многолетней плодотворной работы стала докторская диссертация, блестяще защищенная Г. И. Смирновой в 1990 г. в Киеве.

Наиболее раннее из изученных поселений – Магала на р. Прут, неподалеку от г. Черновцы – превратилось в эталонный памятник. Здесь с 1955 г. в течение семи полевых сезонов было исследовано напластование трех культур – позднекомаровской, Ноуа и двух периодов Гава-Голиграды. Так был выделен раннеголиградский этап, который во временном контексте занимал место между культурами Ноуа и развитым фракийским гальштатом (Смирнова, 1965). Четыре горизонта Магалы становятся сразу образцовой культурно-хронологической шкалой для синхронизации многих древностей не только Восточного Прикарпатья, но и Карпатского региона в целом (Смирнова, 1957а; 1957б; 1976а; 1978а).

К числу наиболее известных памятников принадлежит и другое многослойное поселение – вблизи с. Незвиско Ивано-Франковской области, исследованное Г. И. Смирновой в 1954 и 1956–1957 гг., где выявлены слои от середины II тыс. до н. э. до XII в. н. э. (Смирнова, 1960). Главными тут были поселения комаровской культуры (Смирнова, 1974) и раннеславянские памятники. Хотя раннеславянская тематика не входила в круг непосредственных научных интересов Галины Ивановны, памятники были исследованы, а материалы их изданы, как всегда, на высоком уровне (Смирнова, 1960; 1961; 1964). Следует отметить, что среди работ Г. И. Смирновой нет публикаций в традиционном понимании,

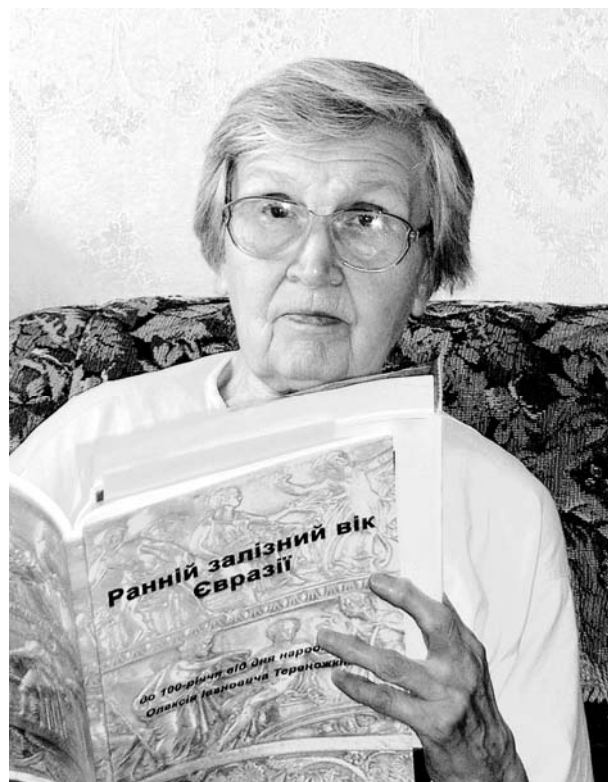

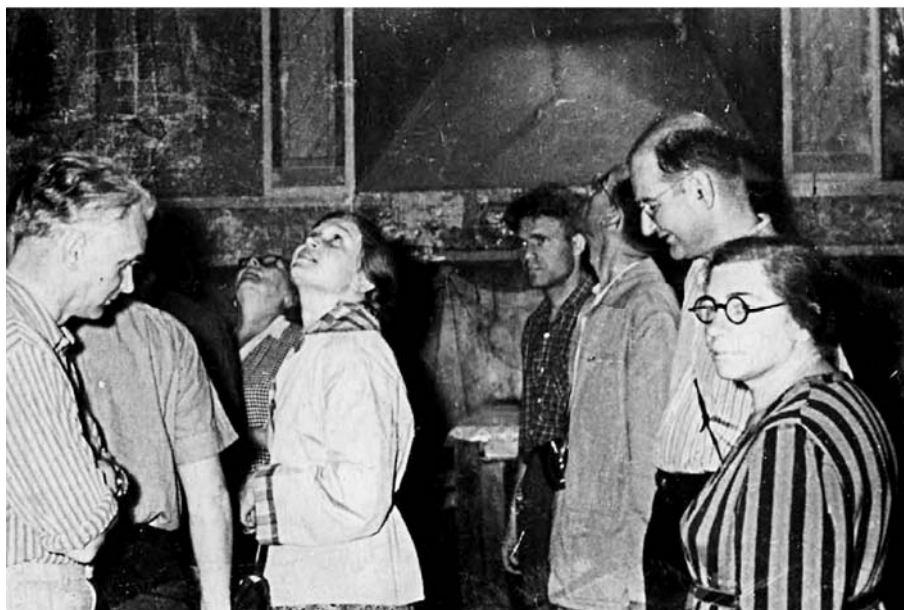
Рис. 1. Г. И. Смирнова.

Fig. 1. G. I. Smirnova.

почти в каждой из них – какая-то сверхзадача. А потому читать ее работы – настоящее удовольствие. Четкая структура, логичное и сжатое, почти математическое изложение содержания, глубокий многоуровневый анализ и очень взвешенные выводы. Читатель как будто становится соучастником творения науки. Во многих случаях статьи Галины Ивановны являются истинными ориентирами в сложной научной проблематике. К тому же работы всегда хорошо иллюстрированы – как рисунки, так и чертежи профессионально выполнены и информативны. Широко используются разного рода сравнительные таблицы, что также чрезвычайно важно для восприятия аналитических статей.⁴

Другое важное событие – раскопки в 1964–1965 гг. могильника культуры Ноуа вблизи с. Старые Бедражи на р. Прут. Тут было исследовано 54 погребения раннего этапа этой культуры,

⁴ Г. И. Смирнова, безусловно, имела хорошие математические способности («у меня была прекрасная математика») и, по свидетельствам людей из ее близкого окружения, в свое время раздумывала, куда лучше ей пойти учиться – на математический или исторический факультет Ленинградского государственного университета.

Рис. 2. Галина Смирнова и участники советско-румынского семинара на экскурсии в церкви города Орхей.

Fig. 2. Galina Smirnova and the participants of soviet – Romanian seminar on excursion in the Church Orhei.

изучение которых позволило выявить продолжительное участие «срубного» (сабатиновского) компонента в ее становлении. При обработке материалов раскопок был успешно использован метод горизонтальной стратиграфии (Смирнова, 1967; 1969. Рис. 10). К сложной проблеме эволюции культуры Ноуа Галина Ивановна обращалась и позже, во время масштабных работ на Днестре. По ее представлениям, на Левобережье Днестра, а также частично на Правобережье – севернее расселения племен культуры Ноуа – развитие населения комаровской культуры продолжалось до финала культуры Ноуа, связанного с появлением гава-голиградского населения на рубеже XII–XI вв. до н. э. (Смирнова, 1990. С. 45–46).

На некоторое время Галина Ивановна отвлеклась на древности Закарпатья. Происхождению и хронологии куштановицкой культуры этого региона посвящена большая проблемная статья, написанная ею вместе с мужем – К. В. Берняковичем (Смирнова, Бернякович, 1965). На основании двух полностью раскопанных могильников Колодное II и Черный Поток сделан вывод об участии западноподольского населения в формировании куштановицкой культуры. Позже это положение было подтверждено материалами позднеголиградского грунтового некрополя, исследованного в 1972 г. у с. Острица (Магальянская) на Буковине. Было также установлено продвижение в ареал гава-голиградской

культуры чернолесского западноподольского населения (Смирнова, 1973), а не собственно скифов – как считалось до этого – что и привело к формированию памятников куштановицкого типа. К куштановицким древностям Галина Ивановна обращалась и позже (Смирнова, 1979б). С именем Г. И. Смирновой связаны также первые попытки выявления позднеголиградских укрепленных поселений – гальштатских городищ в Закарпатье (Смирнова, 1966; 1976б).

Комплекс памятников вблизи с. Долиняны на Буковине, исследованных в 1970–1980-х гг., можно считать еще одним подарком судьбы. Здесь были выявлены древности четырех разных культур, начиная от поселения средней бронзы. Полностью раскопанное поселение скифского времени (Смирнова, 1978а; 1978б; 1981а; 1986) остается, наряду с позднечернолесским поселением Днестровка–Лука, одним из немногочисленных памятников на Днестре, где прослежено большое количество домохозяйств (жилищно-хозяйственных комплексов), их размеры, состав и назначение объектов, а также тип застройки, не говоря уже об образцовом исследовании комплекса находок. «Попутно» здесь были исследованы большой могильник с трупосожжениями типа Поянешть–Лукашовка и уникальное гетское святилище-обсерватория (Смирнова, 1991; Марченко, 1991). Осмысление и публикация материалов могильника потребовали углубления

еще в одну научную проблематику, и в результате появилась новая обстоятельная работа (Смирнова, 1981б).

Но наибольшие усилия были отданы предскифской и скифской проблематике, с которой начиналась научная биография Галины Ивановны и которая стала приоритетной в ее деятельности. Здесь исследовательнице удалось решить несколько взаимосвязанных задач. Прежде всего – упорядочение, приведение в соответствие датировок западнороссийских предскифских (чернолесских) памятников, которые были приняты в отечественной археологии и в значительной мере основывались на устаревших разработках, с датировками, предложенными современными западными учеными. Расхождения между этими датировками достигли в то время почти 150 лет. Также нужно было четко разделить памятники предскифского времени, которые являлись неоднородными, и скифского, решить вопрос относительно их преемственности и отличия. Одновременно приходилось решать сложную и ответственную проблему этнолингвистического содержания археологических культур начала раннего железного века Поднепровья, что требовало досконального знания материалов предшествующих периодов за пределами Украины и Молдавии. С ними Г. И. Смирнова могла ознакомиться во время своих научных командировок и благодаря тесным контактам с учеными разных стран. Плодотворности таких контактов способствовали владение немецким языком и дар общения, умение поддерживать постоянный и глубоко заинтересованный диалог с коллегами. Достижения Галины Ивановны в этой области давно стали достоянием археологии. Главное из них – выделение двух групп чернолесских древностей в Среднем Поднепровье: южной (памятники типа Григоровского городища) и более северной (памятники типа Днестровка–Ленковцы), представляющие два варианта одной культуры. Ключевым памятником стали курганы у с. Мервинцы на Днестре (Смирнова, 1977а), исследованные ею еще в начале 1950-х гг. в экспедиции под руководством М. И. Артамонова. Тщательный сравнительный анализ материалов этих двух курганов и особенно находок – «хронологических реперов» с учетом разных хронологических схем того времени позволили сделать убедительные выводы о том, что памятники типа Сахарна–Солончень в Молдавии не могут быть синхронными памятникам скифского

Рис. 3. Г. И. Смирнова знакомится с материалами раскопок могильника у с. Глинное (сентябрь 1998 г.).

Fig. 3. G. I. Smirnova getting acquainted with the materials of excavations of a cemetery in v. Glinnoe.

времени, как считалось тогда, и они, скорее всего, одновременны позднечернолесским памятникам Среднего Поднепровья. Соответственно, верхняя граница существования группы Сахарна–Солончень в Молдавии была понижена с начала VI в. до н. э. до начала VII в. до н. э. или на 100 лет. Принципиальным также был вывод, что древности типа Сахарна–Солончень не могли быть результатом продвижения населения из Среднего Поднепровья в юго-западном направлении. В этом взгляды Г. И. Смирновой совпадали с представлениями А. И. Мелюковой и отличались от точки зрения В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина.

Понимание неоднородности чернолесской культуры на территории Украины, в частности в Среднеднепровском Правобережье и в среднем течении Днестра, сложилось еще в 1950-х гг. (М. И. Артамонов, А. И. Мелюкова, А. И. Тереножкин). И лишь в 1980-х гг., с накоплением новых материалов и их осмыслением на фоне работ предшественников, например, по голиградской культуре (И. К. Свешников), Г. И. Смирновой был поставлен вопрос относительно неоднородности чернолесской культуры в границах Среднеднепровского региона. Базовыми стали раскопки поселения Днестровка–Лука Кельменецкого района Черновицкой области (Смирнова, 1984; 1985а). Использование метода стати-

стической обработки керамического материала обеих упомянутых групп чернолесских днестровских памятников (*Смирнова, Кашиба, 1988*) позволило не только выявить степень сходства отдельных памятников и синхронизировать их (а именно слои Григоровского городища и Непоротова), но и говорить о том, что существование двух локальных групп позднечернолесской культуры на Среднем Днестре – объективная реальность.

На широком историко-культурном фоне показано, что две вышеупомянутые группы чернолесских древностей возникли вследствие разной степени участия гальштатских культур Прикарпатья (Гава–Голиграды)⁵ и лесостепной Молдавии (Сахарна–Солончень). Эти разные по происхождению группы фракийского гальштата (по принятой тогда терминологии) продвинулись в XI в. до н. э. из Верхнего Потисья сначала в Прикарпатья (Гава–Голиграды), а затем – из Балкано–Подунавья в лесостепную Молдавию (Кишинэу–Корлэтенъ, а позже – Сахарна–Солончень) (*Смирнова, 1982; 1984; 1985б; 1989; 1990; Смирнова, Кашиба, 1988*). Опираясь на результаты изучения столовой лощеной посуды, Г. И. Смирнова, вслед за А. И. Мелюковой, допускала, что главными носителями культурного голиградского, сахарнянского, а позже шолдэнештского влияния были мастера-керамисты. Но это не исключало присутствия довольно значительного инокультурного массива среди местного населения лесостепного Правобережья на второй стадии чернолесской культуры (*Мелюкова, Смирнова, 1981. С. 331; Смирнова, 1983*).

В докторской диссертации исследовательница, исходя из археологических реалий, также сделала хотя и предварительный, но очень важный вывод об этнолингвистической характеристике сообществ фракийского гальштата и ареале их влияния. Если большинство исследователей относят «сахарнянцев» к южным фракийцам, то «кишинэу-корлэтенцев», по мнению Г. И. Смирновой, предположительно можно причислить к иллирийцам. Эти две неместные этнолингвистические составляющие, как полагала исследовательница, по-разному проявляют-

ся в позднечернолесской культуре: в южной подзоне (от Непоротова и Григоровки на Днестре до Жаботина на Днестре) сильнее ощущаются сахарнянские, т. е. фракийские влияния, а в средней зоне (от Днестровки на западе до Киевщины на востоке) – голиградские и «иллирийские» влияния (*Смирнова, 1990. С. 49*). Эти важные предположения позволяют лучше понимать некоторые региональные особенности культуры северной подзоны лесостепи в начале эпохи раннего железа, прежде всего – погребального обряда.

Одной из тем, которые Галина Ивановна постоянно держала в поле зрения, была хронология предскифских памятников Восточного Прикарпатья и Молдавии (*Смирнова, 1980; 1985б*), а также раннескифских – Среднего Поднестровья (*Смирнова, 1993*). Тщательно анализируя аргументы Г. Коссака, Л. К. Галаниной, В. Г. Петренко, И. Н. Медведской и других археологов, Г. И. Смирнова склонялась к понижению даты начала раннескифской истории. К существующим реперам она добавила закрытые комплексы исследованных ею курганов у сел Круглик, Долиняны, Перебыковцы, Ленковцы (последний был раскопан А. И. Мелюковой), которые с тех пор вошли в круг эталонных комплексов скифской архаики. Наряду с иными хроноиндикаторами, которым Г. И. Смирнова уделяла много внимания, важной категорией инвентаря стала сероглиняная гончарная посуда. Продолжительное время она считалась кельтской, но находки ее первоначально на поселении у с. Залесье (раскопки О. Д. Ганиной), а потом в закрытых комплексах кургана Круглик и поселения Долиняны, позволили Г. И. Смирновой опровергнуть данное предположение. Благодаря этому удалось уточнить верхнюю дату существования западноподольской группы памятников – передвинуть ее с III в. до н. э. в V в. до н. э. (*Смирнова, 1990; 1994; 1999*).

Важным результатом исследования памятников Среднего Поднестровья было выделение главных черт погребального обряда чернолесского и раннескифского времени. Это позволило сделать вывод об отсутствии прямой преемственности населения упомянутых периодов, в частности, военных дружинных погребений в курганах скифского времени и рядового населения в курганах и грунтовых чернолесских могильниках. Источником для анализа чернолесского погребального обряда стали курганы, ис-

⁵ Термин был предложен Г. И. Смирновой для обозначения родственных памятников: гальштатоидных Карпато-Дунайского региона (Гава) и Прикарпатья и приднестровских районов Тернопольщины (Голиграды). Одновременно предполагалось несколько расширить ареал этой культуры (*Смирнова, 1972; 1976б; 2001а*).

следованные в 1950-е гг. вблизи с. Лука-Врублевцевская (И. Г. Шовкопляс, Е. В. Максимов) и Мервинцы (Г. И. Смирнова), позже – у с. Бернашовка (А. Ф. Гуцал) и особенно кургана на позднечернолесском поселении Днестровка–Лука (*Смирнова*, 1984. С. 53–55; 1997; *Smirnova*, 1998). Что касается погребального обряда раннескифского времени, то Галина Ивановна опровергла точку зрения, преобладавшую до середины 1970-х гг., доказав, что в Западной Подолии был распространен обряд захоронения в четырехугольных столбовых гробницах. И это объединяет данную территорию с миром скифской культуры – от Среднего Поднепровья до Алтая (*Смирнова*, 1977б; 1979а; 1979в; 1993; 1997). Позже реконструированный Г. И. Смирновой ритуал захоронения в столбовых гробницах и особенности их конструкции нашли подтверждение в новых исследованиях на Днестре.

Особая тема исследований Г. И. Смирновой, которой она посвятила немало работ в последние два десятилетия, – Немировское городище в Южном Побужье, известное главным образом как памятник чернолесской и скифской культур, хотя на самом деле он – многослойный. Работку и подготовку полной публикации большой коллекции из раскопок С. С. Гамченко, А. А. Спицына (1909–1910 гг.) и М. И. Артамонова, хранителем которой она была в Эрмитаже, Галина Ивановна считала своим долгом. С присущей ей основательностью исследовательница много сил и времени отдала изучению и сведению полевой документации разных лет раскопок, к сожалению, не всегда совершенной и полной. Главные аспекты этой темы: Немировское городище в системе скифской архаики и гальштатский компонент в лесостепной культуре раннескифского времени (*Смирнова*, 1992, 1996а; 1996б; 1998а; 1998б; 2001а; 2001б). В ряде обстоятельных публикаций сконцентрированы основные результаты ее многолетних исследований: дана всесторонняя характеристика городища и состояние его изученности, жилых сооружений, керамических комплексов чернолесского и раннескифского времени, выделенных в процессе работы над коллекцией. После широкого сравнительного анализа (Правобережье Днепра, Средний Днестр, культуры периода гальштата НаС от Прикарпатья до Паннонии и Нижней Австрии) были сделаны важные наблюдения, касающиеся специфики этого сложного для понимания памятника. В частности, показана

своеобразие тонкостенной посуды чернолесского времени по сравнению с керамикой Среднего Поднепровья и Среднего Поднестровья (группа Григоровка–Непоротов). Гальштатские традиции Чернолесья выразительно продолжают и в скифское время, что позволяет включить памятники раннескифской поры лесостепной области Днепро-Днестровского междуречья в широкий круг гальштатских или гальштатоидных культур Средней Европы (*Смирнова*, 1998а. С. 39). Последние статьи о Немировском городище опубликованы совместно с М. Т. Кашубой и М. Ю. Вахтиной (*Кашуба, Смирнова, Вахтина*, 2010; *Kashuba, Smirnova, Vakhtina*, 2010).

Научное наследие Г. И. Смирновой насчитывает около 160 работ, и большинство из них важны и актуальны для современной археологии.

Говоря о Галине Ивановне как о личности, ученом, одном из многолетних организаторов научной деятельности Эрмитажа, нужно отметить, что ей в полной мере было присуще повышенное чувство ответственности. Она была очень требовательна и к себе, и к окружающим людям, в ее облике объединялись суровость и личная привлекательность. Ученикам Г. И. Смирновой было нелегко, но и учиться у нее как у достойной представительницы блестящей санкт-петербургской археологической школы было чему (*Левицкий, Кашуба*, 2008. С. 253). Галина Ивановна была доброжелательным, щедрым человеком. Живя наукой, она с симпатией относилась к молодым археологам России, Украины и Молдавии, проникалась их интересами, посылала научную литературу, консультировала при личных встречах или в процессе переписки, хотя Галина Ивановна была человеком весьма занятым. Многолетние научные и личные отношения связывали Г. И. Смирнову с украинскими коллегами, в частности, из Киева. Она участвовала практически во всех конференциях различного уровня, а в последние годы жизни грустила в письмах к нам, что из-за болезни не имеет возможности приехать на Украину для общения с коллегами или участия в научных конференциях.

Г. И. Смирнова пользовалась большим уважением коллег и дирекции Государственного Эрмитажа. В 1996 г. за многолетнюю плодотворную работу ей было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

У Галины Ивановны была очень хорошая дружная семья. Прежде всего, следует вспом-

нить ее мужа – Константина Васильевича Берняковича, с которым она состояла в браке с конца 1950-х до начала 1980-х гг. (до смерти последнего). По ее словам, он «открыл ей красоту жизни». Это был талантливый, яркий человек, жизненный путь которого, к сожалению, был непростым. Выпускник исторического факультета ЛГУ, он перенес все тяжкие испытания Великой Отечественной войны... «Из нашей семьи всю войну мыкался Костя, был ранен, в блокаду лежал в госпитале, голодал. Его вывезли в Ярославль полумертвого, вылечили и отправили снова на фронт, служил до взятия Берлина. Все это я знала от самого Кости и в дни Победы вместе с ним переживала его радости и горести», – вспоминала позднее Г. И. Смирнова.⁶

После войны, в 1947–1956 гг., К. В. Бернякович работал в Ужгородском государственном краеведческом музее, проводил археологические раскопки и сделал немало для изучения древней истории Закарпатья (Пеняк, Пеняк, 1998. С. 70–72). Переехав в Ленинград, он намеревался работать по специальности – археологом в Ленинградском отделении Института археологии (ЛЮИА), но по субъективным обстоятельствам этого не случилось. Имея хорошие способности к живописи, К. В. Бернякович начал работать в Отделе реставрации Государственного Русского музея и со временем стал признанным специалистом-реставратором этого художественного учреждения. Сейчас там работают несколько его учеников. Имя К. В. Берняковича приводится в числе наиболее известных реставраторов Русского музея.⁷

Галина Ивановна жила в Санкт-Петербурге вместе с сыном Игорем, его женой Ниной и внуками Сашей и Анной, которые относились к ней с любовью и уважением. Она ушла из жизни 23 июля 2011 г., в период, который для большинства археологов совпадает с разгаром полевого сезона. Г. И. Смирнова относится к незаурядным личностям в археологии, и ее имя долго будет жить в науке – не только в памяти тех, кто знал ее лично, но и последующих поколений.

Гуцал, Гуцал, 2001 – Гуцал А. Ф., Гуцал В. А. Питання давньої історії України і Молдавії у працях Г.І. Смирнової // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету: історичні науки. Кам'янець-Подільський, 2001. Т. 7 (9).

Каушуба, Смирнова, Вахтина, 2010 – Каушуба М. Т., Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю. Немировское городище: сто лет археологических исследований // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.

Левцикий, Каушуба, 2008 – Левцикий О., Каушуба М. К юбилею Галины Смирновой // Revista arheologică. 2008. Vol. 4, N 2.

Марченко, 1991 – Марченко Г. Е. Обсерватория-календарь у с. Долиняны // Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1991 (АСГЭ; Вып. 31).

Мелюкова, Смирнова, 1981 – Мелюкова А. И., Смирнова Г. И. Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры» // СА. 1981. № 1.

Пеняк С., Пеняк П., 1998 – Пеняк С., Пеняк П. Костянтин Бернякович – перший археолог російської школи на Закарпатті // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 1998. Вип. 7.

Смирнова Г. И., б. г. – Автобиография // ОАВЕС ГЭ: Личный архив Г. И. Смирновой.

Смирнова, 1957а – Смирнова Г. И. Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой обл. // КСИИМК. 1957. Вып. 70.

Смирнова, 1957б – Смирнова Г. И. Поселение культуры фракийского гальштата на Буковине // Археологія. Київ, 1957. Вып. 7.

Смирнова, 1960 – Смирнова Г. И. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре // Památky archeologické. Praha, 1960. Т. 51.

Смирнова, 1961 – Смирнова Г. И. Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской области // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

Смирнова, 1964 – Смирнова Г. И. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры // Древности эпохи сложения восточного славянства. М., 1964 (МИА; № 116).

Смирнова, 1965 – Смирнова Г. И. Раннеголиградский комплекс Магалы // Древности Северо-Западного Причерноморья. М., 1965 (КСИА; № 105).

Смирнова, 1966 – Смирнова Г. И. Гальштатские городища в Закарпатье // Slovenska archeologia. Bratislava, 1966. Т. 14–2.

Смирнова, 1967 – Смирнова Г. И. Могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражы в Молдавии // КСИИМК. 1967. Вып. 112.

Смирнова, 1969 – Смирнова Г. И. Новый могильник культуры Ноа у с. Старые Бедражы // Исследования по археологии каменного, бронзового веков и скифского времени. Л., 1969 (АСГЭ; Вып. 11).

Смирнова, 1972 – Смирнова Г. И. Население Восточных Карпат в эпоху раннего гальштата (Гавско-голиградский круг памятников) // Культура і побут населення Українських Карпат. Ужгород, 1972.

Смирнова, 1973 – Смирнова Г. И. Позднеголиградский могильник у с. Острица (Магальянская) на Буковине // Материалы по археологии европейской части СССР от эпохи раннего железа до средневековья: Сб. статей. Л., 1973 (АСГЭ; Вып. 15).

Смирнова, 1974 – Смирнова Г. И. Стоянка комаровской культуры у с. Незвиско на Днестре // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1974 (АСГЭ; Вып. 16).

Смирнова, 1976а – Смирнова Г. И. Магала I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.

Смирнова, 1976б – Смирнова Г. И. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // Исследования по археологии и древней истории Восточной Европы: Сб. статей / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1976 (АСГЭ; Вып. 17).

Смирнова, 1977а – Смирнова Г. И. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна – Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) // СА. 1977. № 4.

Смирнова, 1977б – Смирнова Г. И. Щодо поховального характеру ранньоскифських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки // Археологія. Київ, 1977. № 23.

⁶ Письмо С. А. Скорому от 27.05.2009 г.

⁷ www.artstudio.com/restoration/oil1.htm

- Смирнова*, 1978а – *Смирнова Г. И.* Поселение и могильник у с. Долиняны на Буковине // АО 1978. М., 1979.
- Смирнова*, 1978б – *Смирнова Г. И.* Поселение скифского времени у села Долиняны в Днестровском Правобережье (по материалам раскопок 1972–1973 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1978 (АСГЭ; Вып. 19).
- Смирнова*, 1979а – *Смирнова Г. И.* Курганы у с. Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Исследования по археологии Евразии: Сб. статей / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1979 (АСГЭ; Вып. 20).
- Смирнова*, 1979б – *Смирнова Г. И.* Куштановицкие курганы у села Черный Поток в Закарпатье // Там же.
- Смирнова*, 1979в – *Смирнова Г. И.* Курганы у села Перебыковцы – новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // ТГЭ. Л., 1979. Т. 20.
- Смирнова*, 1980 – *Смирнова Г. И.* Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологические соотношения) // *Thracia. Sofia*, 1980. Т. 5.
- Смирнова*, 1981а – *Смирнова Г. И.* Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977–1978 гг.) // Археологический сборник. Л., 1981 (АСГЭ; Вып. 22).
- Смирнова*, 1981б – *Смирнова Г. И.* Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА. 1981. № 3.
- Смирнова*, 1982 – *Смирнова Г. И.* Закрытые предскифские комплексы у села Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1982.
- Смирнова*, 1983 – *Смирнова Г. И.* Материальная культура Григоровского городища (к вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников) // Археологический сборник: Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры. Л., 1983 (АСГЭ; Вып. 23).
- Смирнова*, 1984 – *Смирнова Г. И.* О формировании позднеролюсской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука) // Материалы и исследования по археологии СССР: Контакты и взаимодействие культур Евразии. Л., 1984 (АСГЭ; Вып. 25).
- Смирнова*, 1985а – *Смирнова Г. И.* Поселение у с. Днестровка – памятник чернолесской культуры на Днестре // Материалы и исследования по археологии, антропологии и искусству древних народов / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1985 (АСГЭ; Вып. 26).
- Смирнова*, 1985б – *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.
- Смирнова*, 1986 – *Смирнова Г. И.* Скифское поселение у с. Долиняны (раскоп «У тока») // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986.
- Смирнова*, 1989 – *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II–первой половине I тыс. до н. э.: По материалам Западно-Украинской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
- Смирнова*, 1990 – *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II–первой половине I тыс. до н. э.: Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990.
- Смирнова*, 1991 – *Смирнова Г. И.* Культовое сооружение у с. Долиняны на Буковине // Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1991 (АСГЭ; Вып. 31).
- Смирнова*, 1992 – *Смирнова Г. И.* Немировское городище – памятник чернолесской и скифской культуры на Южном Буге // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.
- Смирнова*, 1993 – *Смирнова Г. И.* Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. № 2.
- Смирнова*, 1994 – *Смирнова Г. И.* Кружальная сероглиняная керамика из раннескифских памятников Среднего Поднестровья: время и пути попадания // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э.–V в. н. э.): Материалы междунар. конф. Тирасполь, 1994.
- Смирнова*, 1996а – *Смирнова Г. И.* Предварительные данные о Немировском городище (по первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // Бильське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Смирнова*, 1996б – *Смирнова Г. И.* Немировское городище – общая характеристика памятника VIII–VI вв. до н. э. // Археология. Київ, 1996. № 4.
- Смирнова*, 1997 – *Смирнова Г. И.* Про етнокультурні зміни в розвитку середньодністровського регіону в VII ст. до н. е. // Археология. Київ, 1997. № 3.
- Смирнова*, 1998а – *Смирнова Г. И.* Немировское городище и гальштатский мир // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М. И. Артамонова. СПб., 1998.
- Смирнова*, 1998б – *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. Симферополь, 1998. Вып. 6.
- Смирнова*, 1999 – *Смирнова Г. И.* Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья // К 100-летию со дня рождения Михаила Илларионовича Артамонова. СПб., 1999 (АСГЭ; Вып. 34).
- Смирнова*, 2001а – *Смирнова Г. И.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.
- Смирнова*, 2001б – *Смирнова Г. И.* К вопросу периодизации и хронологии Немировского городища // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет: Тез. докл. науч. конф. СПб., 2001.
- Смирнова*, *Бернякович*, 1965 – *Смирнова Г. И.*, *Бернякович К. В.* Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатье (по поводу некоторых работ венгерских и чешских археологов) // Материалы и исследования по археологии европейской части СССР. Л., 1965 (АСГЭ; Вып. 7).
- Смирнова*, *Кашуба*, 1988 – *Смирнова Г. И.*, *Кашуба М. Т.* О двух локальных группах культуры позднего Черноросья на Среднем Днестре // Материалы и исследования по археологии СССР / Под ред. Б. Б. Пиотровского. Л., 1988 (АСГЭ; Вып. 29).
- Kaşuba*, *Smirnova*, *Vakhtina*, 2010 – *Kaşuba M.*, *Smirnova G.*, *Vakhtina M.* 2011. Un secol de la inceputul investigailor arheologice la cetatea Nemirov de pe Bugul de Sud (scurpe bilanțuri și noi obiective) // Revista arheologică. 2010. Vol. 6, N 2.
- Smirnova*, 1998 – *Smirnova G. I.* Die Ostkarpatenregion zur Vorkythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). Rahden/Westf., 1998 (PAS; Bd 12).

**ЗАМЕТКИ М. А. ТИХАНОВОЙ ПО ИСТОРИИ
РАИМК–ГАИМК В 1920–1930-е гг.
(публикация полного текста статьи 1980 г.)**

Н. Ю. Смирнов¹

*К 115-летию со дня рождения
Марии Александровны Тихановой*

В 1980 г. в 163-м выпуске КСИА, посвященном 60-летию Института археологии, была опубликована краткая, буквально на две страницы, заметка М. А. Тихановой «Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК–ГАИМК)». В ней достаточно подробно описывались основные события, происходившие в жизни Академии в 1920–1930-е гг. (Тиханова, 1980. С. 34–36). Сама заметка, отличаясь несколько большей подробностью и личностным приближением, более естественными для ее мемуарного характера, тем не менее соответствовала общему стилю юбилейного сборника, авторами которого были сотрудники Института археологии, примерно в равной пропорции представлявшие московское и ленинградское отделения (К 60-летию..., 1980).

К 1980 г. Мария Александровна Тиханова являлась одной из старейших сотрудниц ЛОИА,² так как была зачислена в Академию на должность регистратора еще летом 1920 г. (НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 5, д. № 310, л. 1; *Киртичников, Щукин*, 1981. С. 286; *Платонова, Киртичников*, 2010. С. 51–52). При этом она была одним из немногих очевидцев практически всех переломных этапов истории РАИМК–ГАИМК–ИИМК–ЛОИА в XX в., включая реорганизацию и чистки 1929–1930 гг., снятие и расстрел руко-

водства Академии в 1936 г., вхождение Института в состав АН, годы блокады Ленинграда и эвакуацию Института, перевод головного отделения в Москву и многое другое (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 651; ф. 35, оп. 5, д. № 310).

Совсем недавно мне удалось сопоставить опубликованный текст с оригинальным авторским.³ Оказалось, что при публикации заметки в 1980 г. первоначальный текст Тихановой был подвергнут значительной редакторской правке, в том числе были изъяты некоторые его части. Внимательному читателю об этом говорит, например, совершенно нелогичное, «оборванное» окончание заметки (Тиханова, 1980. С. 36). Более того, оказалось, что редактор вырезал, пожалуй, самый интересный с мемуарной точки зрения и, несомненно, значимый для самой Марии Александровны фрагмент ее воспоминаний – о личной встрече с Максимом Горьким!

Достаточно подробные, насыщенные рядом мелких деталей воспоминания Тихановой весьма важны в контексте сложной и наполненной неоднозначными событиями истории РАИМК–ГАИМК–ИИМК в довоенный период, поэтому представившаяся возможность публикации полного варианта воспоминаний оказывается очень своевременной.⁴

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Формально находясь на пенсии с 1965 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 5, д. 310, л. 226 об.), Мария Александровна, по словам очевидцев, регулярно появлялась и продолжала научную деятельность в Институте, многолетняя и плодотворная работа в котором была для нее главным и основным делом жизни. Среди старейших сотрудников ГАИМК (ЛОИА) она числилась уже в 1960-е гг. (Там же, л. 217).

© Н. Ю. Смирнов, 2013

³ Архив М. А. Тихановой находится в Рукописном архиве ИИМК РАН в неразобранном состоянии, из-за чего доступ к нему невозможен. К счастью, в домашнем архиве Д. А. Мачинского сохранился один из машинописных экземпляров полной авторской версии заметки М. А. Тихановой. В декабре 2012 г. он был передан мне Л. А. Иволгиной, за что я приношу ей глубокую благодарность.

⁴ Один только обзор историографической литературы, вышедшей в 2000-е гг., явственно показывает, что настала пора более глубоких исследований и анализа событий, происходивших в отечественной истории и в отечествен-

Машинописный экземпляр заметок, озаглавленных так же, как и в публикации 1980 г., напечатан на 10 страницах и несет на себе следы незначительной авторской рукописной правки. На последней странице имеется подпись М. А. Тихановой. Ее же рукой проставлены дата и место: «24-I-1979, Ленинград». На первой странице имеются две надписи служебного характера: «3-ий экз. Получено с машины 1.II.1979 веч.» и «1–2-ой экз. отправлены И. Т. Кругликовой 2.II.1979».⁵

Ниже я привожу полный текст этих интересных и важных воспоминаний Марии Александровны

Тихановой, представляющих собой, как оказалось, не только фрагменты истории главного советского археологического учреждения в годы его становления, но и, неожиданно, яркий «портрет» одного дня частной жизни Максима Горького, написанный заинтересованным и небезразличным очевидцем. В тексте сохранен авторский стиль, исправлены лишь явные опечатки. Фрагменты авторского текста, вырезанные редактором КСИА, помещены в квадратные скобки. Рукописные авторские вставки помещены в угловые скобки.

М. А. Тиханова

Из прошлого Института археологии АН СССР
(РАИМК–ГАИМК)

[В подготовке организации Академии истории материальной культуры наряду с Н. Я. Марром активнейшее участие принимали крупнейшие ученые-гуманитарии – академики В. В. Бартольд, С. А. Жебелев, С. Ф. Ольденбург, член-корреспондент АН Б. В. Фармаковский, И. А. Орбели, А. А. Спицын. Первоначально, как это явствует из доклада подготовительной Комиссии в заседании 13 марта 1919 г., предполагалось организовать на смену Российской Гос. Археологической Комиссии (утверждена Наркомпросом 17 октября 1918 г.) и на ее базе Академию Археологических знаний с ассоциацией учреждений и обществ, ведущих исследования в области археологии, но уже в проекте, предоставленном в Совет народных комиссаров, это название было изменено. Декретом СНК, подписанным В. И. Лениным 19 апреля 1919 г., в новое название «Академия материальной культуры», как известно, Владимир Ильич внес слово «история». Так возникла в Петрограде Российская академия истории материальной культуры. 5–7 августа того же 1919 г. состоялись выборы членов Академии, в которых приняли участие

виднейшие ученые страны – представители Академии наук, двух петроградских (I и III) и Московского университетов, Петроградского и Московского археологических обществ, Археологического института, а также персонально приглашенные археологи, искусствоведы и музейеведы. Согласно декрету основной задачей вновь организованной Академии должно было стать исследование вещественных как монументальных, так и бытовых памятников, предметов искусства и старины, а также их научная охрана. Академия должна была ведать в пределах РСФСР научной стороной всех археологических раскопок, право на производство которых выдавалось, на основании заключения Академии, Археологическим отделом коллегии по делам музеев и старины Наркомпроса.⁶

Академия была организована в составе трех отделений – этнологического, археологического и художественно-исторического, с подразделением на разряды каждое. При Академии был создан с самого начала Институт археологической технологии, в работе и руководстве подразделениями которого участвовали крупнейшие представители естественных наук – академики А. Е. Ферсман, Н. П. Курнаков и др. Проживавшие в Москве ученые РАИМК организовали специальную Московскую секцию Акаде-

ной исторической науке в 1920–1950-е гг. Об этом свидетельствует и повышенный интерес к этой теме внутри академического ученого сообщества (Альмов, 2009; Ильина, 2001; Китова, 2007; Платонова, 2010; Проблемы..., 2012; Формозов, 2004; Чистиков, 2007 и др.) и определенный общественный спрос на такие исследования.

⁵ И. Т. Кругликова на тот момент занимала должность главного редактора «Кратких сообщений...». Последняя надпись как раз свидетельствует об отправке именно этого, т. е. полного, варианта текста в редакцию КСИА, в Москву.

⁶ Таким образом, последняя крупная реформа современного правительства РФ в области надзора за археологическими раскопками и получением Открытых листов отправляет нас в своеобразное «путешествие во времени» – прямо в эпоху становления советской власти!

мии, также с рядом подразделений.]⁷ В течение первого десятилетия своего существования Российская (с 1924 г. Государственная) Академия истории материальной культуры была занята в основном собиранием и регистрацией материалов, вела раскопки не только в пределах РСФСР, приступив тогда же к уточнению и совершенствованию методов полевых исследований и попыткам применения методов естественных наук. Однако в плане методологическом никаких сдвигов не было. В ней по-прежнему царил дух Археологической комиссии, господствовал формально вещеведческий подход в изучении материалов. Академия оставалась, как правильно заметил в свое время (1923 г.) А. В. Арциховский, «могущественной крепостью былых традиций», что отражалось и в ее просветительской деятельности [– открытые заседания с публичными докладами сотрудников по средам, с которыми выступали не только маститые ученые, но и молодежь (в том числе в 1922 г. и автор настоящих строк⁸)].⁹ [Доклады эти]¹⁰ посвящались нередко весьма частной тематике. [Наряду с]¹¹ разрядом Кавказа и яфетического мира, возглавляемого Н. Я. Марром, позднее преобразованным в секцию генетики культур, [насчитывавшего первоначально 5–7 человек – кроме самого Николая Яковлевича,] постоянными участниками его были И. И. Мещанинов, И. А. Орбели и [совсем юный тогда] Б. Б. Пиотровский, [где

ставились вопросы увязки памятников материальной культуры с данными языка]¹² – единственным очагом, в котором делались попытки, правда довольно робкие и не всегда удачные, приблизиться к марксистскому пониманию исторического процесса, [была Комиссия по искусствоведению].¹³ Организованная в мае 1923 г. под руководством проф. Б. Л. Богаевского, она тотчас же приступила к систематической работе путем организации ежемесячных докладов как сотрудников Академии, так и допущенных к постоянному участию в ней сторонних РАИМК искусствоведов. В марте следующего 1924 г. Комиссия по искусствоведению была реорганизована в Комиссию по социологии искусства и искусствоведению. Председателем ее стал А. В. Луначарский, его заместителем Б. В. Фармаковский, товарищем председателя Б. Л. Богаевский, ученым секретарем, как и прежде, оставалась Т. М. Девель.

Комиссия ставила своей целью изучение явлений искусства в связи с историей материальной культуры, развитием производительных сил, производственных отношений, общественности, классовой борьбы. В перспективном плане на 1926–1930 гг. в качестве исследовательских работ были намечены: а) разработка проблем методологии и теории искусства на основе теории исторического материализма, б) построение истории искусства на основе теории исторического материализма. Усматривая главную свою задачу в исследовательской деятельности, Комиссия считала желательным иметь связи практического характера с производственными центрами, с университетом, с художниками и рабочими аудиториями, что в известной мере и осуществляла, участвуя в обсуждении выставок АХРР и других, как советских, так и зарубежных организаций.

⁷ Этот фрагмент текста, описывающий историю создания РАИМК–ГАИМК, был исключен редакцией КСИА, по всей видимости, потому, что частично дублировал начальную часть статьи П. И. Борисковского «Первые 30 лет Института археологии АН СССР», открывавшую сборник (*Борисковский*, 1980, С. 5), а также отдельные положения статьи К. М. Пескаревой, специально посвященной истории создания РАИМК (*Пескарева*, 1980, С. 26–32).

⁸ Речь идет о докладе Марии Александровны «Эпизод Друзианы в легенде Иоанна (в литературной и изобразительной традиции западного средневековья)», прозвучавшем на одном из публичных заседаний ГАИМК в 1922 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 5, д. № 310, л. 4, 16).

⁹ Информация об академических «средах» имеется в статье П. И. Борисковского (*Борисковский*, 1980, С. 6). Вероятно, потому она и изъята из заметки М. А. Тихановой. Парадокс заключается в том, что Тиханова в данном случае опирается на личные воспоминания как участник и очевидец, а П. И. Борисковский, контрактированный в ГАИМК десятилетием позже, в 1930 г., уже ссылается на опубликованные в изданиях РАИМК и ГАИМК отчеты Б. В. Фармаковского (Там же, С. 6, примеч. 10).

¹⁰ В опубликованном тексте начало этого предложения дано в варианте редакции КСИА (*Тиханова*, 1980, С. 34).

¹¹ То же.

¹² О своем участии в этих лингвистических штудиях и особом расположении к нему Н. Я. Марра в студенческие годы и в ГАИМК очень красочно вспоминает Б. Б. Пиотровский (*Пиотровский*, 1995, С. 47–49, 57–58, 73–76).

¹³ На мой взгляд, в результате редакторской кушоры и частичной переработки фразы в первой публикации была искажена мысль М. А. Тихановой о том, что именно Комиссия по искусствоведению была тем единственным очагом (наряду с разрядом Кавказа и яфетического мира), в котором «делались попытки... приблизиться к марксистскому пониманию исторического процесса». Такое прочтение полностью подтверждается последующим подробным описанием работы Комиссии, информация о которой занимает, по сути, половину (опубликованной) заметки (*Тиханова*, 1980, С. 34–35).

Среди прочитанных на заседаниях Комиссии докладов можно назвать доклады Б. В. Фармаковского ([24.XI.]1923) «О некоторых вышедших русских книгах по искусству». Доклад был посвящен книге Г. В. Плеханова «Искусство» со вступительной статьей Л. И. Аксельрод и В. М. Фриче и книге В. М. Фриче «Очерки по искусству», доклад того же Бориса Владимировича ([5.V.]1924) «Искусство как функция производительных отношений на примере найденных памятников античного искусства», в котором докладчик отмечал, что «материалистический подход к науке об искусстве, как самой младшей среди гуманитарных наук, применялся лишь в незначительной степени, однако такой подход имеет важное значение, так как в области искусства зависимость надстройки от основания (базиса) не менее ясна». В обсуждении доклада (заседание происходило под председательством А. В. Луначарского) среди других принял участие Н. Я. Марр, указавший «на необходимость учета внутренних сил, вероятно участвовавших в направлении ориентализации эллинистического искусства», и А. В. Луначарский, который, [«]поддерживая конкретно-исторические положения докладчика, [«]подчеркивал то решающее значение, которое имела колониальная политика богатого эллинистического купечества в проникновении восточных элементов в греческое искусство[«]». ¹⁴ Большое внимание и горячую дискуссию вызвали доклады Ф. И. Шмита «Теория стиля» ([22.XII.]1924 г.) и «Искусство и общественность», в обсуждении которых участвовали многие члены Комиссии – Г. И. Котов, Н. П. Сычев, Б. В. Казанский, Б. В. Фармаковский, П. Н. Шульц, Б. Л. Богаевский. [Последний, в частности, указал, что докладчик опускает основное положение марксизма – теорию классовой борьбы. Б. В. Фармаковский подчеркнул, что вообще нельзя согласиться с тем, что положения докладчика похожи на построения Маркса, Энгельса, Плеханова, как это кажется автору доклада. Однако в заключительном слове Ф. И. Шмит отстаивал свои положения.] ¹⁵ Назо-

вем еще доклады Н. Б. Бакланова ([9.V.]1928 г.) «Социологическая значимость архитектурного памятника» и М. И. Артамонова ([28.V.]1929 г.) «Миниатюры Кенигсбергского списка летописи».

Наряду с отдельными докладами Комиссия предпринимала и коллективные работы. Так [12. IV.] 1926 г. было предложено организовать коллективную работу по выяснению вопросов методологии социологии искусства. В первую очередь была избрана «смена стилей и диалектика искусства», в которой было намечено участие кроме [зачинателя этой работы] Б. Л. Богаевского – Б. В. Фармаковского, О. Ф. Вальдгауэра, К. К. Романова, а также ряда молодых сотрудников и аспирантов Е. Ч. Скржинской, М. А. Тихановой, Е. Н. Глезер, Е. А. Пистолькорс, Л. М. Шуляк, В. А. Богусевича, Е. К. Мроз, Т. М. Девель, при этом историки архитектуры должны были работать под руководством К. К. Романова.

Комиссия перестала существовать при реорганизации ГАИМК в 1930–31 гг. [поскольку перестала существовать в Академии искусствоведческая тематика].

Говоря об Академии в первом десятилетии ее деятельности, нельзя умолчать об ее организационных связях с зарубежными археологами. Так в 1925–1926 гг. членами-корреспондентами Академии были избраны директор Германского Археологического института Т. Виганд и его заместитель Г. Роденвальд, исследователь Самарры проф. Р. Зарре, а также проф. Миннс (Англия), проф. Т. И. Арне (Швеция), проф. А. Гальгрэн (Финляндия) — последние получали материалы и работали в фотоархиве ГАИМК. Проф. Виганд, Роденвальд и Зарре выступали с публичными докладами в открытых заседаниях ГАИМК в 1926 г. [В раскопках Ольвии принимал участие в 1926 г. от Германского Археологического института д-р Э. Гозе]. ¹⁶

отметить, еще вполне самостоятельного и гуманного «приближения».

¹⁶ Доктор Э. Гозе, работавший в Отделении Германского археологического института в Афинах, весной 1926 г. написал С. С. Дложевскому, директору Одесского музея, а затем и Ученому секретарю ГАИМК и руководителю Ольвийской экспедиции Б. В. Фармаковскому, о своем желании принять участие в раскопках Ольвии в наступающем сезоне. Учитывая то, что Э. Гозе принимал участие в раскопках Берлинского музея в Милете (метрополии Ольвии), Дложевский и Фармаковский, а с подачи последнего и Н. Я. Марр, как Председатель ГАИМК, стали хлопотать перед различными советскими инстанциями (Всесоюзным

¹⁴ Логика расстановки кавычек в данном случае не очевидна (невозможно достоверно выделить прямую речь Луначарского), возможно, поэтому редакция КСИА их сняла.

¹⁵ Этот колоритный пассаж, к сожалению также вырезанный редакцией КСИА, прекрасно отражает атмосферу «приближения» ученых старой школы «к марксистскому пониманию исторического процесса». В этот период, надо

Идеологический перелом в работе ГАИМК наступил в 1929 г. [когда в стенах Академии появился первый ученый коммунист. Ф. В. Кипарисов – член партии с 1906 г., филолог-классик по образованию, великолепный знаток трудов классиков марксизма, лично знавший Владимира Ильича Ленина и долгие годы работавший с Надеждой Константиновной Крупской. Федор Васильевич стал заместителем Н. Я. Марра, а после его смерти председателем ГАИМК. С его появлением]¹⁷ был сразу же организован методологический семинар под руководством М. В. Серебрякова не только для сотрудников Академии, но и для более широкого круга ленинградских историков, а также два специальных кружка по изучению трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, которыми руководил сам Федор Васильевич, первый по переводу и комментированию «Капитала», [как его немецкого подлинника, так и авторизованного самим Марксом его французского перевода], второй по работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [в которых участвовал ряд молодых сотрудников Академии,

в том числе К. М. Колобова и М. А. Тиханова. Роль Ф. В. Кипарисова в деле воспитания молодого поколения и перевоспитания старшего трудно переоценить].¹⁸ В начале 30-х гг. началось широкое привлечение к работе в Академии историков-марксистов и было положено начало перестройке всей ее работы на основе марксистско-ленинской методологии. Однако при перестройке от одной крайности – традиционного формально-вещеведческого подхода, господствовавшего в предыдущие годы, увлеклись первоначально другой крайностью – абстрактным социологизированием и пренебрежением к конкретному материалу, что объясняется, разумеется, недостаточным и поверхностным еще владением методологией, правда археологические работы продолжались, но в основном лишь на новостройках. [Изменилась и структура ГАИМК – она слагалась теперь из ряда Институтов – доклассового общества, общества рабовладельческого и феодального.]¹⁹ История материальной культуры, понимавшаяся Н. Я. Марром и его соратниками как совокупность всего, что создается человеком из материи, т. е. всего вещественного,

обществом культурной связи с границей, Археологическим комитетом Украинской АН, Управлением научными установлениями Украины (Укрнаука), Главнаукой Наркомпроса, НКВД и др.) о получении разрешения для Гоце на въезд в СССР и работу в составе Ольвийской экспедиции (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1926 г., д. № 103, л. 16, 18–20 и др.). хлопоты завершились удачно, и Э. Гоце прибыл 12 июля 1926 г. в Ольвию, где принял участие в археологических исследованиях (Там же, л. 99, 102, 202, 234). Об участии д-ра Гоце в раскопках Ольвии в 1926 г. пишет Т. И. Фармаковская (*Фармаковская*, 1988. С. 186).

¹⁷ Возможно, причиной редакторской переработки и вырезания отдельных абзацев, посвященных личности Ф. В. Кипарисова и его выдающейся роли при внедрении марксистской методологии в ГАИМК, послужил их ярко апологетический характер. Имя Ф. В. Кипарисова упоминается еще в двух статьях из этого сборника, в контексте идеологических перемен в ГАИМК в самом начале 1930-х гг. (*Борисковский*, 1980. С. 7; *Массон*, 1980. С. 20), но упоминания эти весьма нейтральны и носят чисто информативный характер. Безусловно, и апологетика М. А. Тихановой, и сдержанно официальные высказывания П. И. Борисковского и В. М. Массона связаны с участием, постигшей премьера Н. Я. Марра на посту Председателя ГАИМК. Следует напомнить, что Ф. В. Кипарисов был арестован в 1936 г. по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, вместе с М. Г. Худяковым, С. Н. Быковским и В. С. Адриановым. 19 декабря 1936 г. все осужденные были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны в тот же день в Ленинграде. Ф. В. Кипарисов и остальные члены «террористической группы» были реабилитированы в 1957 г., а дело было прекращено за отсутствием состава преступления (*Султанбеков*, 2002).

¹⁸ По всей видимости, достаточно молодой и хорошо образованный (*Платонова, Аникович*, 2005. С. 15; *Платонова, Кирпичников*, 2010. С. 52; РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 279, л. 5, об.) марксист, с богатой революционной биографией и огромным опытом общественной работы (Там же, л. 5–6) очаровал Марию Александровну, а в год ее вынужденного ухода из ГАИМК – по результатам чистки, прошедшей в Академии весной 1930 г., она была уволена с правом работы в других советских учреждениях (РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 5, д. № 310, л. 3, об.) – вероятно, поддержал ее. Именно на этот период – лето 1930–осень 1931 гг. приходится их кратковременный роман (Там же, л. 53). Так что апологетические строки по адресу Ф. В. Кипарисова, вырезанные редакцией КСИА в заметке 1980 г., можно объяснить не только склонностью Тихановой к воссозданию исторической правды, но и желанием вернуть из небытия имя когда-то близкого ей человека. Об этом свидетельствуют и записи пользования личным делом Ф. В. Кипарисова в рукописном архиве ИИМК РАН, где М. А. Тиханова упоминается первым читателем, сначала в декабре 1955 г., а затем в мае 1956 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 279, лист использования), и то, что единственная (?) дошедшая до нас фотография Ф. В. Кипарисова хранилась именно у Марии Александровны. В устных воспоминаниях К. М. Пескаревой, записанных Н. И. Платоновой в 1979 г. (т. е. в год написания М. А. Тихановой настоящих заметок!), можно найти еще один аргумент в пользу предложенного выше объяснения – возможное чувство вины, ощущаемое Марией Александровной за неверие, проявленное в момент ареста Ф. В. Кипарисова, в его не причастность к тем «преступлениям», в которых он был обвинен (*Платонова, Кирпичников*, 2010. С. 52).

¹⁹ См. примеч. 7.

что создается трудом человека, в том числе и памятников искусства, сменяется теперь изучением истории материального производства докапиталистических социально-экономических формаций. Из проблематики ГАИМК выпала история искусства. Однако это был лишь временный, переходный этап в жизни ГАИМК. В 1934 г. Академия становится центром, объединяющим [кадры] историков [Москвы и Ленинграда], занимающихся историей докапиталистического общества [и подготовкой в порядке аспирантуры молодых кадров историков-марксистов].²⁰ ГАИМК создает ряд индивидуальных и коллективных трудов – учебников по истории Древнего Востока, древней Греции и Рима и истории средних веков, [первые из которых выдержали повторные издания, последние же в силу неизвестных для авторского коллектива причин так и не увидели света.]²¹

Одним из больших начинаний ГАИМК этого периода, [также правда неосуществленных по независящим от последнего причинам,]²² была «Ис-

²⁰ Интересно, что вырезанный фрагмент подчеркивает объединяющую роль ГАИМК, расположенной в Ленинграде, для *московских* и ленинградских кадров, а также позиционирует ее как уникальную для этого периода – середина 1930-х гг. – «кузницу» молодых историков-марксистов! В то же время об этом достаточно подробно пишет П. И. Борисковский (*Борисковский*, 1980. С. 7–8).

²¹ Здесь речь идет о вышедших в 1937 г. в издательстве СОЦЭГИЗ томах учебных пособий по Истории древнего мира (*История...*, 1937а; 1937б). В ГАИМК эту работу, в стадии подготовки и подписания договора с издательством, курировал заместитель Председателя Академии А. Г. Пригожин, а после его ухода из Института – и. о. Председателя Ф. В. Кипарисов, о чем свидетельствует акт передачи дел от 29 мая 1934 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 536, л. 26). Возможно, именно арест и расстрел руководства ГАИМК осенью 1936 г. положили конец этому проекту.

²² В данном случае причины не совсем ясны. Утверждать можно лишь то, что точку в эпопее с созданием «Истории женщины» поставила смерть в 1936 г. инициатора затеи, Максима Горького, и некоторые последовавшие за ней события. А именно арест и последующая гибель основных организаторов и кураторов работы ГАИМК по «Истории женщины»: бывшего ответственного организатора от ГАИМК А. Г. Пригожина (арестован в 1935 г., с последующей ссылкой в Уфу, повторно арестован в 1936 г., расстрелян в 1937 г. – *Васильков, Сорокина*, 2003); и. о. Председателя ГАИМК – Ф. В. Кипарисова (арестован в 1936 г., тогда же расстрелян – *Султанбеков*, 2002); директора издательства Academia – Л. Б. Каменева (арестован в 1934 г., дважды осужден в 1935 г., расстрелян в 1936 г. – *Крылов*, 1993. С. 355); сотрудника издательства Academia, связанного с подготовкой проекта – второй жены Л. Б. Каменева – Т. И. Глебовой (арестована в 1935 г., отправлена в ссылку, расстреляна в 1937 г. – Там же); секретаря М. Горького – П. П. Крючкова

тория женщины», [которой я и хочу завершить свою заметку об истории РАИМК–ГАИМК.]²³

[Тогда],²⁴ когда под идейным руководством Алексея Максимовича Горького создавались Истории фабрик и заводов, была /им/ задумана и «История женщины». За это трудное и сложное дело взялся коллектив ГАИМК. В подготовке этого издания, которое должно было осветить историю женщины во всемирном масштабе, начиная от первобытности и кончая сегодняшним днем, приняли участие виднейшие археологи и историки – П. П. Ефименко, В. В. Струве, Б. Л. Богаевский, С. П. Толстов, Б. Д. Греков и многие другие. На начальной стадии работы для обсуждения плана и предварительного проспекта издания по вызову А. М. Горького в начале января 1934 г. в Москву была направлена делегация ГАИМК в составе ответственного организатора этой работы, одного из заместителей председателя Академии, А. Г. Пригожина, проф. Б. Л. Богаевского (ответственного за раздел «Женщина в античном обществе») и ответственного секретаря издания М. А. Тихановой.

[А. М. Горький жил тогда в Горках под Москвой. После пятидневного выжидания в Москве (попасть в Горки, несмотря на вызов, из-за ежедневных посещений Алексея Максимовича высокими лицами) было невозможно. Только 10 января мы смогли направиться в Горки. В поездке приняли участие кроме названных лиц тогдашний ответственный редактор Литературной газеты тов. Болотников,²⁵ директор ГИМ – тов. Воробьев²⁶ и личный секретарь Алексея Максимо-

(арестован в 1938, тогда же расстрелян. (*Переписка...*, 1997, Письмо от 2 ноября 1930 г., примеч. 1). Характерно, что после 1934 г. о своей работе над проектом «История женщины» Мария Александровна более не упоминает.

²³ Предложение опубликовано в варианте редакции КСИА (*Тиханова*, 1980. С. 36).

²⁴ См. примеч. 10, 11.

²⁵ Алексей Александрович Болотников (1894–1937) – профессор философии, владел арабским и персидским языками, член ВКП(б), помощник заведующего Отделом школ при ЦК ВКП(б), ответственный редактор «Литературной газеты» в 1933–1935 гг., редактор альманаха «Творчество народов СССР». В 1933 г. руководил бригадой по изучению арабской культуры в ГАИМК. Имел непосредственное отношение к разработке проекта «История женщины» и, по всей видимости, был инициатором того, чтобы «Историей женщины» занялся коллектив ГАИМК. Впоследствии отошел от участия в проекте ввиду чрезвычайной занятости по службе. Арестован в 1937 г., по обвинению в участии в антисоветской террористической организации, и в том же году расстрелян (*Быстрова*, 2010).

²⁶ Павел Иванович Воробьев (1892–1937) – маньчжуровед, китаист, монголовед. Член РКП(б) с 1917 г., член Ле-

вича – Крючков.²⁷ Поездка состоялась в холодный зимний вечер. Приехали мы в Горки к 8 часам вечера.

Встреченные швейцаром, мы вошли в большой холл и через огромную столовую, где был накрыт длинный обеденный стол, прошли в маленькую соседнюю комнату, куда минут через 12–15 пришел Алексей Максимович. Автор настоящих строк видел Горького так близко впервые. Хотя видал его еще в детстве, в Петербурге, в Доме Паниной. Алексей Максимович, высокий, худой в светло-сером костюме и бледно-розоватой рубашке встретил нас очень приветливо, я бы сказала, ласково, сел с нами за маленький круглый стол на низенький пуф – в разговоре приняли участие только ГАИМК-овцы – внимательно выслушал Пригожина и меня, которые кратко изложили основные задачи, построение, объем работы (30 п. л.) и предполагаемые сроки ее окончания (в течение менее одного года). При этом Алексей Максимович подчеркнул огромную важность этого начинания, не меньшую, чем написание истории фабрик и заводов. Он напомнил, о чем говорил и раньше, что «едва ли когда в мире случались такие вещи, чтобы женщины из батрачек превращались в философов и преподавали философию как специалисты. Женщина властно начинает играть роль более чем заметную... Между тем буржуазное отношение к женщине глубоко въелось в людей, и мы тоже не совсем свободны от этого влияния власти веков лавочников и попов» //». Вскрыть истинные причины закабаления

нинградского горкома ВКП(б). В 1926–1930 гг. директор Государственного Русского музея; с 1932 г. директор ГИМ в Москве; с 1934 г. директор Музея этнографии народов СССР в Ленинграде; заместитель директора ИВ АН СССР и проч. Арестован в 1937 и в том же году расстрелян (*Васильков, Сорокина, 2003*).

²⁷ Петр Петрович Крючков (1889–1938) – личный секретарь А. М. Горького, без ведома которого в жизни главного советского писателя не происходило ни одного события. П. П. Крючков был арестован в 1937 г., обвинен в убийстве А. М. Горького и его сына Максима, осужден на Третьем Московском процессе 1938 г. вместе с Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Г. Ягодой и «врачами-убийцами» Д. Д. Плетневым, Л. Г. Левиным, И. Н. Казаковым и в том же году расстрелян (*Басинский, 2011. С. 21–25, 47–51; Судебный отчет..., 1938*). О сложном личном (друга семьи) и служебном (необходимость быть информатором Г. Ягоды и самого И. Сталина) положении Крюčkова см.: *Смирнова, 2001; Басинский, 2011. С. 47–51*. Вместе с П. П. Крючковым была уничтожена и его семья: отец, П. П. Крючков, и жена – Е. З. Крюčkова, расстрелянные в том же году.

в прошлом большей половины человечества, показать, как в дальнейшем в этих целях использовалась религия, суеверия, быт, – прямой долг поколения Октября. Это долг не только признательности по отношению к женщине, сбросившей с себя на одной шестой части мира иго всякого угнетения, но и по отношению к ее сестре в остальных пяти шестых земного шара, которая еще до сих пор находится в тисках империализма и национально-колониальной угнетенности...».²⁸

Одобрив наш проект, Алексей Максимович просил как можно скорее прислать ему окончательно отредактированный проспект, который он обещал внимательно посмотреть и сделать свои замечания. (Просьба Алексея Максимовича была выполнена: проспект был послан 23 января 1934 г.)²⁹ Закончив беседу и пригласив нас

---

²⁸ Этот пространный пассаж (начинающийся со слов «Он напомнил» и заканчивающийся многоточием после слов «национально-колониальной угнетенности»), выделенный кавычками как цитата, требует особого объяснения. Текст выглядит как прямая речь одного лица (что подразумевает авторство А. М. Горького), однако против этого свидетельствует присутствие непарных кавычек после слов «лавочников и попов». При этом в тексте непарные машинописные кавычки перебивают опечатку в конце слова «попов», а рядом, рукой М. А. Тихановой, они же повторены чернилами. Этот пассаж (слово в слово) встречается еще два раза в подготовительных материалах к «Истории женщины», хранящихся в Архиве ИИМК РАН, что позволяет прояснить ситуацию с цитированием слов А. М. Горького. В машинописи проекта книги, отправленного сотрудниками ГАИМК в Москву Горькому, кавычками выделены всего две фразы: «едва ли когда в мире случались такие вещи, чтобы женщины из батрачек превращались в философов и преподавали философию как специалисты. Женщина властно начинает играть роль более чем заметную...» и «Между тем буржуазное отношение к женщине глубоко въелось в людей, и мы тоже не совсем свободны от этого влияния власти веков лавочников и попов» (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1934 г., д. 91, л. 3). Т. е. все остальное в разбираемом пассаже – либо вольная передача слов Горького, либо текст, написанный сотрудниками рабочей группы ГАИМК, скорее всего, самой Тихановой. Это подтверждает рукописный вариант того же проекта, написанный рукой М. А. Тихановой, – фразы, выделенные кавычками, еще более кратки: «едва ли когда в мире случались такие вещи, чтобы женщины из батрачек превращались в философов и преподавали философию как специалисты. Женщина властно начинает играть роль более чем заметную...» и «и мы тоже не совсем свободны от этого влияния власти веков лавочников и попов» (Там же, л. 65–67).

²⁹ Проспект книги (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1934 г., д. 91, л. 2–39) был послан А. М. Горькому 23 января 1934 г. Он его прочитал, в целом одобрил, но внес некоторые поправки, касающиеся роли церкви в судьбе женщины средневековья и нового времени (Там же, л. 50; РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 2, 1934 г., д. 1571: «За создание истории женщины». л. 10–11).

с ним отобедать, Алексей Максимович на время удалился.

За обедом, помимо Алексея Максимовича и его сына Максима, присутствовало много лиц, видимо, постоянных домочадцев – довольно бесцветных и, в основном, пожилых, которые молчаливо и деловито занимались поглощением обильных яств. Б. Л. Богаевскому и мне посчастливилось оказаться в непосредственной близости от Алексея Максимовича. Бориса Леонидовича Горький посадил рядом с собой, меня – напротив: моим соседом справа был Максим. Узнав, что Борис Леонидович Богаевский одно время был в Геттингенском университете, Алексей Максимович сразу же стал вместе с Б. Л. вспоминать этот немецкий городок и рассказывать о своем пребывании в нем. Вспоминал он сохранившийся в Геттингене старый, еще средневековый обычай возвещать о своем приходе не звонком, – звонков там не было, а – ударом молотка в дверь, даже в домах геттингенских профессоров. Рассказ свой Горький сопровождал выразительнейшими движениями руки, пальцев, показывая, как он шел по улицам городка, брал в руки молоток, стучал в двери, из-за которых показывалась служанка, а чаще почтенная Frau Professor или даже сам ученый муж. Рассказ этот с аккомпанементом движений рук был настолько ярким и выразителем, что и сейчас, по прошествии 45 лет, я помню, вижу Алексея Максимовича как будто это было сегодня...

Алексей Максимович мало говорил о современности: только раз как-то горько посетовал, что он сидит в Горках, как в золотой клетке, любя природу, должен ограничиваться прогулками по парку и не может даже встречаться с мальчишками окружающих деревень.]³⁰

/М. Тиханова/
/24-I-1979, Ленинград/

В дальнейшем работа над изданием застопорилась, возможно, из-за финансовых проблем (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1934 г., д. 91, л. 48, 5–52), но в том же году Горький опубликовал статью «О женщине», во многом основанную на проспекте, подготовленном ГАИМК (*Горький*, 1934; *Переписка...*, 1997, Письмо от 25 января 1932 г., примеч. 7).

³⁰ По воспоминаниям Е. Н. Носова, об этой своей встрече с Горьким в рамках работы над «Историей женщины» М. А. Тиханова рассказывала на одном из заседаний «комсомольского лектория» ЛОИА в начале 1970-х гг. (*Носов*, 2010. С. 88–89).

Ощущение себя зверем, посаженным в красивую клетку, присуще Горькому 30-х гг.: « – Окружили... обложили... ни взад, ни вперед! Непривычно сие!» — так передает его слова писатель И. Шапка (*Басинский*, 2011. С. 19).

Альмов, 2009 – *Альмов С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // *Новое литературное обозрение*. М., 2009. № 97.

Басинский, 2011 – *Басинский П.* Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти. М., 2011.

Борисковский, 1980 – *Борисковский П. И.* Первые 30 лет Института археологии АН СССР // К 60-летию Института археологии. М., 1980 (КСИА; Вып. 163).

Быстрова, 2010 – *Быстрова О.* Завертелось колесо наших дней. К истории переписки А. М. Горького и А. А. Болотникова // *Литературная газета*. 2010. 21 апр. № 15.

Васильков, *Сорокина*, 2003 – *Васильков Я. В.*, *Сорокина М. Ю.* Люди и судьбы: Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб., 2003.

Горький, 1934 – *Горький А. М.* О женщине // *Большевик*. М., 1934. № 7.

Ильина, 2001 – *Ильина И. Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2001.

История..., 1937а – *История древнего мира*. Т. 1: Древний Восток. М., 1937.

История..., 1937б – *История древнего мира*. Т. 2, ч. 1–2: Древняя Греция. М., 1937.

К 60-летию..., 1980 – К 60-летию Института археологии. М., 1980 (КСИА; Вып. 163).

Киртичников, *Щукин*, 1981 – *Киртичников А. Н.*, *Щукин М. Б.* Памяти Марии Александровны Тихановой // *СА*. 1981. № 3.

Китова, 2007 – *Китова Л. Ю.* История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007.

Крылов, 1993 – *Крылов В. В.* Издательство «Academia» – бесценный вклад в духовную культуру // *Вестник Российской Академии наук*. М., 1993. Т. 63. № 4.

Массон, 1980 – *Массон В. М.* У истоков теоретической мысли советской археологии // К 60-летию Института археологии. М., 1980 (КСИА; Вып. 163).

Носов, 2010 – *Носов Е. Н.* Археологический «комсомольский» лекторий (к истории ЛОИА АН СССР–ИИМК РАН) // *ЗИИМК РАН*. 2010. № 5.

Переписка..., 1997 – *Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина «Жму Вашу руку, дорогой товарищ»* // *Новый мир*. М., 1997. № 9.

Пескарева, 1980 – *Пескарева К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // К 60-летию Института археологии. М., 1980 (КСИА; Вып. 163).

Пиотровский, 1995 – *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.

Платонова, 2010 – *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX–первая треть XX века. СПб., 2010.

Платонова, *Аникович*, 2005 – *Платонова Н. И.*, *Аникович М. В.* Александр Николаевич Рогачев: Материалы. Воспоминания. Размышления // *Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района и сопредельных территорий*. СПб., 2005. С. 10–28.

Платонова, *Киртичников*, 2010 – *Платонова Н. И.*, *Киртичников А. Н.* Сектор/отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР–ИИМК РАН: исследования и исследователи // *ЗИИМК РАН*. 2010. № 5.

Проблемы..., 2012 – *Проблемы российской историографии середины XIX–начала XXI в.: Сб. трудов молодых ученых*. М.; СПб., 2012.

РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 5, д. № 310, л. 1–9: Трудовой список Тихановой-Клименко М. А. с 1920 по 1937 г.

РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 651: Личное дело Тихановой-Клименко М. А., 1920–1931.

- РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 5, д. № 310: Личное дело Тихановой М. А., 1933–1964.
- РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 279: Личное дело Кипарисова Ф. В., 1930–1936.
- РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. № 536: Личное дело Пригожина А. Г., 1933–1935.
- РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1934 г., д. 91: «История женщины».
- РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 2, 1934 г., д. № 1571: «За создание истории женщины».
- Смирнова*, 2001 – *Смирнова Л. Н.* Memento mori // Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии. М., 2001.
- Судебный отчет..., 1938 – Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». М., 1938.
- Султанбеков*, 2002 – *Султанбеков Б.* Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Эхо веков. Казань, 2002. № 1/2.
- Тиханова*, 1980 – *Тиханова М. А.* Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК–ГАИМК) // К 60-летию Института археологии. М., 1980 (КСИА; Вып. 163).
- Фармаковская*, 1988 – *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
- Формозов*, 2004 – *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004.
- Чистиков*, 2007 – *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 2012 г.

В 2012 г. сотрудники ИИМК РАН, в рамках «Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008–2012 гг.», успешно завершили научно-исследовательские работы по 10 темам, утвержденным для Института на 2010–2012 гг. Президиумом РАН (список тем см. АВ. 2012. № 18. С. 310).

Начаты исследования по направлению «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным» в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Работы велись по девяти проектам:

1.1. Преемственность и трансформации культурных традиций в среднем и верхнем палеолите Европы, рук. – д. и. н. М. В. Аникович (†).

1.2. Разработка методического руководства по изучению каменной индустрии палеолита, рук. – зав. Отделом палеолита, д. и. н. С. А. Васильев.

1.4. Традиции и трансформации в раннем палеолите Кавказа и Ближнего Востока, рук. – д. и. н., проф. В. П. Любин.

1.5. Олдованские традиции и их развитие в раннем палеолите Южного Приазовья (по материалам стоянок Родники 1 и 4 на Таманском полуострове), рук. – зав. Экспериментально-трассологической лабораторией, д. и. н. В. Е. Щелинский.

1.8. Преемственность и прерывистость культурного развития палеолита Костенковской группы, рук. – к. и. н. А. А. Синицын.

1.11. Природная среда и эволюция культур каменного века Северо-Востока России: преемственность и трансформации (Янская стоянка в контексте культур палеолита Северо-Восточной Азии), рук. – к. и. н. В. В. Питулько.

1.17. Мультиизотопные исследования традиционных форм мобильности населения Северо-

Западного Кавказа и степного Прикубанья в IV–II тыс. до н. э., рук. – к. х. н. Г. И. Зайцева.

1.19. Культурные ценности и преемственность традиций (по материалам археологических памятников Центральной Азии и Кавказа), рук. – зав. Научным архивом, д. и. н. Г. В. Длужневская.

1.24. Культурный комплекс Таракташ в Восточном Крыму. Традиции и инновации в культуре населения Крыма позднеримской эпохи, рук. – д. и. н. О. В. Шаров.

По направлению программы Президиума РАН «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре» в ИИМК РАН выполнялся проект:

3.18. Погребальные традиции и ритуалы древнего населения Русской Лапландии, рук. – к. и. н. В. Я. Шумкин.

Программа ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» на 2012–2014 гг. включает направление II «Источники изучения исторических общностей».

В его рамках начаты научно-исследовательские работы по проектам:

2.5. Культурные взаимодействия славян, финнов и скандинавов в Приильменье в конце I тыс. н. э., рук. – чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носов.

2.10. Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Взаимодействие и взаимовлияние славян, скандинавов и финнов в процессе становления древнерусской государственности, рук. – зав. Отделом славяно-финской археологии, д. и. н. А. Н. Кирпичников.

В 2012 г. РФФИ профинансировал 13 новых и 5 продолжающихся инициативных проектов сотрудников ИИМК РАН, а также один грант на проведение полевых исследований. В 2012 г. успешно закончены исследования по 6 грантам РФФИ:

1. «Узловые проблемы становления верхнего палеолита Европы по данным новейших иссле-

дований в Костенковско-Борщевском районе», рук. – в. н. с., д. и. н. М. В. Аникович (†).

2 «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей (Первоначальное заселение человеком Восточной Европы)», рук. – д. и. н. Н. К. Анисюткин.

3. «Ранняя преистория *Homo sapiens*: происхождение, пути расселения, культурная дифференциация», рук. – д. и. н. Л. Б. Вишняцкий.

4. «Хронологические, палеоэкологические и культурные аспекты заселения Закавказского нагорья (Южный Кавказ) в раннем и среднем плейстоцене», рук. – д. и. н., проф. В. П. Любин.

5. «Комплексные исследования древнейшего памятника палеолита Арктики – Янской палеолитической стоянки», рук. – к. и. н. В. В. Питулько.

6. «Формирование верхнего палеолита Восточной Европы: Костенковская модель», рук. – к. и. н. А. А. Сеницын.

Результаты проведенных исследований доложены руководителями грантов на Всероссийской научной конференции «Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы сложения», Москва, декабрь 2012.

РГНФ в 2012 г. финансировал работы сотрудников ИИМК РАН по 14 новым, 6 продолжающимся исследовательским и одному издательскому проектам, по грантам на проведение конференций, полевых исследований и создания информационных систем.

Особо следует отметить работы по двум совместным проектам РГНФ: с Белорусской академией наук (рук. – к. и. н. Г. Н. Поплевко) и Национальной академией наук Украины (рук. – к. и. н. Н. Н. Скакун).

В 2012 г. в Институте были организованы полевые исследования 37 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России, и была проведена Международная экспериментально-трассологическая школа для молодых ученых, аспирантов и студентов (рук. – к. и. н. Е. Ю. Гиря).

Полевая работа экспедиций ИИМК РАН, как это обычно в последнее время, носила как научно-исследовательский, так и охранный и аварийно-спасательный характер. На юге России Западно-Кавказская экспедиция (нач. – к. и. н. В. А. Трифонов) и отряды Боспорской экспедиции (начальники: д. и. н. Ю. А. Виноградов, д. и. н. В. А. Горончаровский, к. и. н. М. Ю. Вахтина и С. В. Кашаев) провели раскопки памят-

ников различных эпох на Северо-Западном Кавказе и на Таманском полуострове. На Северо-Западе России вели исследования Новгородская областная (нач. – чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носов), Староладожская (нач. – д. и. н. А. Н. Кирпичников), Выборгская (нач. – д. и. н. А. И. Сакса) и другие экспедиции и отдельные отряды.

Более выраженный спасательный характер носили археологические работы в Сибири на памятниках истории и культуры по трассе строительства железной дороги «Кызыл–Курагино», в Республике Тыва и в Красноярском крае. В рамках этого большого проекта работали три экспедиции ИИМК РАН, включающие по несколько отрядов:

Тувинская археологическая экспедиция (нач. – к. и. н. В. А. Семенов) состояла из четырех отрядов;

Саяно-Тувинская археологическая экспедиция (нач. – к. и. н. Н. А. Боковенко) включала три отряда;

Саянская археологическая экспедиция (нач. – к. и. н. А. В. Поляков) состояла из четырех отрядов.

Большие научно-исследовательские и охранные работы провела Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН в Мурманской области (нач. – к. и. н. В. Я. Шумкин).

Значительные археологические работы в рамках нескольких десятков договоров были приняты экспедициями и отрядами Отдела охранный археологии ИИМК РАН. Их география обширна – от Выборга до Тувы и Краснодарского края. Большинство исследований проводилось на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей (32 договора). Раскопки 2012 г. в исторической части города дополнили источниковедческую базу ранней истории Санкт-Петербурга, что нашло отражение в статье д. и. н. В. А. Лапшина и к. и. н. Н. Ф. Соловьевой – «Археология Петербурга // Археология Москвы – линия жизни. М., 2012».

Сотрудники Института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, на Украине, в Армении, в Азербайджане, в Средней Азии и Турции. Необходимо отметить, что Министерство культуры РФ в 2012 г. выделило специальное финансирование «по продолжению работ Староладожской археологической экспедиции».

ИИМК РАН активно участвовал в проведении «Года Российской истории», прежде всего

в подготовке и праздновании 1150-летия образования Древнерусского государства.

Новгородская областная экспедиция (рук. – чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носов) провела раскопки на Рюриковом городище, первом Новгороде русских летописей, подготовив участок для установки памятного знака к 1150-летию образования Древнерусского государства. Этот знак – «Княжий камень», многотонная гранитная глыба с текстом из Повести временных лет, говорящим о приходе на Русскую землю скандинавского князя Рюрика, был торжественно открыт 22 сентября 2012 г. в день празднования юбилея государства. Ко времени проведения юбилейных торжеств вышли в свет две книги. Одна – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий (СПб.: «ЛИК», 2012. 224 с.) – подводит итоги раскопок Рюрикова городища, древнейшего центра в истоке Волхова, и определяет место Новгорода в процессе консолидации северных славянских племен и становлении государственности. Книга богато иллюстрирована, в ней широко используются находки последних лет и уникальные фотоматериалы Научного архива ИИМК РАН. Другая монография – второе, переработанное и дополненное издание книги – *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога – первая столица Руси (СПб.: Славия, 2012. 216 с.), посвященной археологии и архитектуре Ладоги – древнейшего протогородского поселения Северной Руси, – основывается на продолжавшихся и в этом году раскопках Староладожской экспедиции (рук. – д. и. н., проф. А. Н. Кирпичников).

Основные итоги работы ученых ИИМК РАН в 2012 г. нашли отражение в многочисленных публикациях (521), в том числе в девяти монографиях; четырех сборниках статей, четырех сборниках материалов научных конференций, № 18 «Археологических вестей» и № 7 «Записок ИИМК РАН». Надо отметить, что более чем из 501 статьи и заметки, вышедших в 2012 г., 133 были опубликованы в зарубежных журналах и сборниках, а 84 статьи – в журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ.

В 2012 г. вышел в свет «Российский археологический ежегодник» № 2 (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. 808 с.). Главным редактором является сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, д. и. н. Л. Б. Вишняцкий. Этот второй, еще более объемный номер нового российского археологиче-

ского ежегодного издания, так же как и первый, посвящен обсуждению наиболее актуальных проблем археологии и древней истории. В нем представлены работы исследователей из России, Украины, Белоруссии, Грузии, Германии, Словении и Румынии, посвященные ключевым проблемам археологии и смежных с ней наук. Впервые публикуется часть уникальных материалов Янской палеолитической стоянки. Продолжена начатая в предыдущем номере дискуссия о путях заселения Америки, подробно рассматривается вопрос о переходе от бронзового века к железному в разных регионах Евразии, обсуждаются различные аспекты развития материальной и духовной культуры в бронзовом и железном веках Восточной Европы и Кавказа.

Особо следует отметить издание монографии к. и. н. Е. М. Колпакова и к. и. н. В. Я. Шумкина «Петроглифы Канозера» (СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 424 с.). Этот фундаментальный труд опубликован на высоком научном и полиграфическом уровне всего корпуса интереснейших археологических источников – наскальных рисунков местонахождения Канозера на Кольском полуострове. Петроглифы Канозера являются уникальным историческим и художественным памятником IV–II тыс. до н. э., входящим в круг самых значительных памятников археологии крайнего севера Европы. Первые наскальные выбивки на Канозере были открыты в 1997 г. Сейчас их известно более 1200. Главной темой канозерских петроглифов является охота с лодок на китообразных животных с помощью гарпуна.

В 2012 г. вышли в свет:

Монография д. и. н. А. Е. Матюхина «Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона». Труды ИИМК РАН, Т. XXXIX. СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с., ил. Книга посвящена исследованию многослойного памятника Бирючья балка 2, расположенного в долине Северского Донца на территории Ростовской области. Приводятся результаты полевого исследования памятника и анализа средне- и верхнепалеолитических индустрий. Рассматриваются также некоторые общие вопросы развития материальной культуры в среднем палеолите, переход к верхнему палеолиту в Восточной Европе и в первую очередь на территории Русской равнины.

Монография к. и. н. А. Д. Резепкина «Новосвободненская культура (на основе материала

могильника Клады»). Труды ИИМК РАН, Т. XXXVII. СПб.: Нестор-История, 2011. 344 с., ил. В монографии представлена полная публикация раскопанного автором в течение ряда полевых сезонов курганного могильника Клады, расположенного в Майкопском районе Республики Адыгея. На основании проведенной типологии и стратиграфического анализа погребальных сооружений и инвентаря второй (новосвободненский) этап майкопской культуры предлагается считать самостоятельным культурным явлением, имеющим свой специфический генезис. Рассматривается вопрос о возможной принадлежности носителей одного из компонентов новосвободненской культуры к индоевропейской языковой группе.

Монография Ю. А. Виноградова, В. Н. Зинько, Т. Н. Смекаловой «Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 1: История изучения и топография» // Боспорские исследования. Supplementary 9. Киев: Майстер Книг, 2012. 288 с. В томе 1 этого многотомного издания коллективом авторов впервые в полном объеме рассматривается история изучения и топография курганных погребений IV в. до н. э. аристократии Боспорского царства на скалистой возвышенности Юз-Оба в южной части современной Керчи (Крым, Украина). Исследование этих богатейших курганов проводилось в XIX в. и составило славу классической археологии Российской империи.

Сборник статей «Петербургский апокриф. Послание от Марка» / Отв. ред. О. В. Шаров. – СПб.; Кишинев: изд-во «Stratum plus», 2011. 588 с. Сборник посвящен памяти выдающегося ученого-археолога Марка Борисовича Щукина. В книгу вошли статьи друзей, коллег по работе и многочисленных учеников. В ней обсуждаются проблемы археологии – от латена до эпохи Великого переселения народов.

Вышел в свет сборник статей о деятельности Группы археологического мониторинга ИИМК РАН «Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010)» / Отв. ред. А. В. Субботин. СПб.: «Инфоол», 2012. 176 с.

В 2012 г. опубликован очередной том археологической библиографии «Археологическая литература стран СНГ: Библиографический указатель. 1992–1994. СПб.: ОПП Библиотека РАН.» 430 с., составителем которого является ветеран издания Л. М. Всевиов.

В 2012 г. заметно активизировалась деятельность сотрудников ИИМК РАН в средствах массовой информации по популяризации археологической науки и пропаганде сохранения историко-культурного мирового наследия. Многие сотрудники Института (Е. Н. Носов, А. Н. Кирпичников, В. А. Трифионов, М. Е. Килуновская, А. Е. Мусин) выступали с различными научными комментариями на общероссийских и местных телевизионных каналах (1-й канал, Российское телевидение, НТВ, ТНТ, «Моя планета»), публиковали научные данные в различных газетах и журналах: «Родина», «Российская газета», «Аргументы и факты», «Санкт-Петербургские ведомости», «Комсомольская правда», «Вокруг света», «Центр Азии», «Вестник Кавказа». «ИТАР ТАСС Кубань», «Новгород». Выступления Л. Б. Кирчо транслировали три канала Телевидения Туркменистана.

ИИМК РАН организовал и провел два крупных научных мероприятия.

22–26 октября 2012 г. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, при участии Государственного Эрмитажа и Германского Археологического института (Берлин), был основным организатором Международной научной конференции «Древние культуры степей Евразии и их взаимодействие с цивилизациями», посвященной 110-летию со дня рождения д. и. н., лауреата Госпремии СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, проф. М. П. Грязнова. Этот научный форум собрал более 150 ученых, специалистов по широкому кругу проблем изучения археологии и древней истории Евразии из многих археологических центров России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Монголии, Германии, Нидерландов, США, Турции и Египта. На заседаниях пяти секций было заслушано и обсуждено более 100 докладов. К началу работы форума был выпущен сборник материалов «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями» / Редакционная коллегия: В. А. Алёшкин, Е. В. Бобровская, Г. В. Длужневская, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо, С. В. Красниенко, В. П. Никоноров, М. Н. Пшеницына, М. Б. Рысин, Д. Г. Савинов, Л. А. Соколова, В. Я. Стеганцева. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Периферия», 2012. Кн. 1 – 432 с. Кн. 2 – 584 с.

3–5 декабря Отдел славяно-финской археологии ИИМК РАН, при участии Государственного Эрмитажа и кафедры археологии СПбГУ, орга-

низвал и провел Международную научную конференцию «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства», посвященную 110-й годовщине со дня рождения И. И. Ляпушкина. В работе конференции приняли участие археологи и историки из многих научных центров России, Украины, Беларуси. К началу работы форума вышел в свет сборник «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). 3–5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург / Сост., ред. О. А. Щеглова, науч. ред. В. М. Горюнова. СПб: СОЛО, 2012. 298 с.

Сотрудники ИИМК РАН принимали активное участие в проведении ряда международных научных форумов как в России, странах СНГ, так и за рубежом, прочитав на них 281 доклад.

В Российской Федерации сотрудники Института приняли участие в конференциях в Москве, Твери, Санкт-Петербурге, Пскове, Великом Новгороде, Кызыле, Абакане, Архангельске, Мурманске, Старой Ладого, Нижнем Новгороде, Ростове Великом, Туле, Самаре, Саратове, Махачкале, Краснодаре, Екатеринбурге, Салехарде, Омске, Красноярске, Смоленске, Брянске, Калининграде, где выступили со 181 докладом.

В странах ближнего зарубежья сотрудники ИИМК РАН выступили с 36 докладами на конференциях в городах Киеве, Львове, Харькове, Луганске, Симферополе, Севастополе, Керчи, Гаспре (Украина), Кишиневе (Молдавия), Баку, Агсу, Габала (Азербайджан), Ашхабаде, Мары (Туркменистан), Душанбе (Таджикистан), Минске, Витебске, Могилеве (Беларусь), Сухуми (Абхазия), Ереване (Армения).

В дальнем зарубежье сотрудники ИИМК РАН приняли участие в работе научных форумов в городах Париже, Лангедок, Бордо (Франция), Берлине, Штральзунде, Ахене (Германия), Глазго (Великобритания), Чанаккале (Турция), Люблине, Жешуве, Вольтроне (Польша), Фессалониках (Греция), Ассизи (Италия), Буззу (Румыния), Льеже (Бельгия), Асперихе, Несебре (Болгария), Амстердаме (Нидерланды), Гетеборге, Мальмё (Швеция), Хельсинки, Котке (Финляндия), Вашингтоне, Огайо (США), Сиане, Ланьчжоу, Хух-Хото (КНР), где выступили с 64 докладами.

Под руководством зав. Отделом палеолита ИИМК РАН д. и. н. С. А. Васильева в Институте

продолжал работать Методический семинар. Большой интерес вызвало заседание, посвященное обсуждению книги в двух томах: Л. С. Клейн «История археологической мысли». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

В рамках проведения «Года Российской истории. 1150 лет образования Древнерусского государства» чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носов и д. и. н. Н. В. Хвошинская участвовали в подготовке выставки «Рюриково городище – у истоков российской государственности» на материалах раскопок памятника, в главном здании Новгородского музея-заповедника (сентябрь 2012 г., Великий Новгород). Д. и. н., проф. А. Н. Кирпичников и чл.-корр., проф. Е. Н. Носов приняли участие в организации выставки «Меч и златник» в Государственном Историческом музее (Москва), а А. Н. Кирпичников также в выставке «Старая Ладога – столица Северной Руси» в Музее истории Санкт-Петербурга.

К. и. н. Н. А. Боковенко, к. и. н. В. А. Семенов, к. и. н. М. Е. Килуновская организовали работу выставки в рамках проведения Международной конференции «Древние культуры Евразии и их взаимодействие с цивилизациями» – «Наскальное искусство Сибири», в ноябре 2012 г., в Итальянских залах Российской академии художеств, Санкт-Петербург.

К. и. н. В. Я. Шумкин и к. и. н. Е. М. Колпаков стали вдохновителями и одними из организаторов создания и открытия в 2012 г. выставочного зала Муниципального учреждения культуры МНИ «Петроглифы Канозера» в пос. Умба Мурманской области. Д. и. н. С. Н. Астахов и к. и. н. М. Е. Килуновская организовали проведение выставки «Археология Тувы» в С.-Петербургском отделении РГО в январе 2012 г. в Санкт-Петербурге.

К. и. н. О. А. Щеглова являлась ответственным исполнителем научного описания коллекции, каталога и текста буклета открывшейся в мае 2012 г. выставки «Золото гуннов. Возвращенные сокровища» в Курском государственном областном музее-заповеднике.

К. и. н. С. С. Миняев принял активное участие в организации выставки «Культура древних бронз Ордоса» в ноябре 2012 г. в университете Огайо, США.

Научный архив ИИМК РАН (зав. – д. и. н. Г. В. Длужневская) в апреле–мае 2012 г. организовал и провел выставку «Великий Шелковый путь в фотографиях XIX в.» в Уральском федеральном государственном университете.

Сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, д. и. н. А. Е. Мусин принял участие в подготовке выставки археологических находок «Чермно – город между Востоком и Западом» в региональном музее г. Томашув Любельский, Люблинское воеводство, Польша.

В декабре 2012 г. в Санкт-Петербурге была открыта экспозиция, созданная совместно с Русским географическим обществом, посвященная реализации комплексного проекта «Кызыл-Курагино» и подводящая некоторые итоги изучению историко-культурного наследия Республики Тува и Красноярского края. На выставке были представлены материалы археологических раскопок экспедиционных отрядов ИИМК РАН и материалы из Научного архива ИИМК РАН, посвященные истории исследования Тувы. Центральное место в экспозиции занимает археологическая карта Республики Тува, составленная сотрудниками ИИМК РАН по материалам многолетних исследований.

Ученый совет ИИМК РАН провел девять заседаний, на которых, наряду с организационными вопросами, рассматривались и научные проблемы. В январе было проведено расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита, при участии Генерального консульства Франции и Французского института в Санкт-Петербурге, на котором состоялось вручение проф. А. де Люмлею (директору Института палеонтологии человека, Париж) диплома почетного доктора ИИМК РАН. Проф. А. де Люмлей выступил с лекцией «Ашельские горизонты грота Лазаре в Ницце. Новейшее открытие антропологических остатков возрастом около 170 000 лет».

В мае 2012 г. расширенное заседание Ученого совета ИИМК РАН и Отдела истории античной культуры было посвящено памяти двух выдающихся ученых-антиковедов – И. Б. Брашинского и И. Г. Шургая.

В ноябре на расширенном заседании Ученого совета был заслушан доклад председателя Ученого совета ИИМК РАН, чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носова «Год Российской истории. 1150 лет образования Древнерусского государства».

Два заседания Ученого совета были посвящены выдвижению ведущих ученых археологов на заслуженные награды. В марте было поддержано выдвижение зав. Отделом славяно-финской археологии д. и. н. А. Н. Кирпичникова на соискание «Премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся научные результаты

в области науки и техники». В сентябре Ученый совет ИИМК РАН единогласно поддержал ходатайство о присуждении д. и. н. М. В. Шунькову звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Завершающее заседание Ученого совета ИИМК РАН совместно с Отделом палеолита было посвящено памяти безвременно ушедшего от нас в августе 2012 г. д. и. н. М. В. Аниковича.

В 2012 г. Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200.15.01) провел защиты одной докторской (сотрудника ИИМК РАН) и трех кандидатских (одна из них – сотрудника ИИМК РАН) диссертаций. Среди них защита на соискание ученой степени доктора исторических наук сотрудника Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, к. и. н. А. В. Курбатова по теме «Кожевенное ремесло в средневековой России» и защита на соискание ученой степени кандидата исторических наук сотрудника Отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН Н. Ю. Смирнова по теме «Западные компоненты в культуре ранних кочевников Саяно-Алтайского нагорья (VIII–V вв. до н. э.)».

Сотрудники ИИМК РАН плодотворно сотрудничали со специалистами, представлявшими смежные естественнонаучные дисциплины в рамках выполнения тем НИР, а также в работах по различным программам и грантам – это Геологический институт РАН, Институт географии РАН, Институт геоэкологии РАН (Москва); Зоологический институт РАН, Институт озераведения РАН, ВСЕГЕИ, ААНИИ, СПбГУ (Санкт-Петербург) и др.

В аспирантуре ИИМК РАН с отрывом от производства обучались шесть аспирантов (два из них на контрактной основе), два аспиранта – без отрыва от производства. В ИИМК РАН проходили подготовку 10 соискателей ученой степени кандидата исторических наук и 8 стажеров из различных научных и музейных центров России и СНГ.

Кроме научного руководства в Институте ведущие ученые ИИМК РАН осуществляют научное руководство соискателями степени кандидата исторических наук в различных археологических центрах России и за рубежом. Еще одним выражением образовательной деятельности в сфере послевузовского профессионального образования ученых ИИМК РАН является составление отзывов и рецензий на диссертации и другие научные работы. В 2012 г. сотрудниками Инсти-

туда было подготовлено 29 таких отзывов и рецензий.

Специфика научно-исследовательской деятельности ИИМК РАН как археологического центра России отражается и на формах участия ИИМК в образовательном процессе. Некоторые экспедиции Института уже много лет являются базовыми для проведения археологической практики студентов различных вузов страны. Полевую археологическую практику студенты проходили: в Новгородской областной экспедиции – студенты кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета; Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН – студенты исторического факультета СПбГУ; Тувинской археологической экспедиции – студенты Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и студенты Тувинского государственного университета; Боспорской археологической экспедиции – студенты филологического факультета СПбГУ и студенты Белгородского госуниверситета; Санкт-Петербургских городских археологических отрядах – полевая археологическая практика студентов СПбГУ и Смольного института; в Энеолитической экспедиции ИИМК РАН – студенты Луганского национального университета (Украина); Таманском отряде Боспорской экспедиции ИИМК РАН – студенты кафедры древнего мира Саратовского государственного университета (СГУ) им. Чернышевского, кафедры классической филологии СПбГУ; Староладожской экспедиции ИИМК РАН – студенты исторического факультета СПбГУ, Санкт-Петербургского госуниверситета культуры и искусств, Ленинградского областного университета, воспитанники Суворовского военного училища МВД России.

В научном архиве ИИМК ежегодно проходят архивную практику студенты из СПбГУ и Екатеринбургского государственного университета, а в 2012 г. к ним добавились студенты Санкт-Петербургского госуниверситета культуры и искусств, Санкт-Петербургского университета профсоюзов.

Научные сотрудники ИИМК РАН постоянно участвуют в научном руководстве курсовыми, дипломными и аспирантскими работами на исторических факультетах СПбГУ, Санкт-Петербургского госуниверситета культуры и искусств, Санкт-Петербургского университета профсоюзов.

Сотрудники ИИМК ведут регулярную педагогическую деятельность в вузах Санкт-Петербурга: д. и. н. Ю. А. Виноградов читал курс лекций «Античная культура Северного Причерноморья» на факультете филологии и искусств СПбГУ; д. и. н. И. Ю. Шауб является доцентом кафедры западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ; д. и. н. С. В. Белецкий читает курсы лекций «Вспомогательные исторические дисциплины», «История материальной культуры допетровской Руси» в Санкт-Петербургском госуниверситете культуры и искусств; к. и. н. Н. А. Боковенко читает курс лекций «Археология» в Санкт-Петербургском госуниверситете культуры и искусств; к. и. н. В. А. Семенов читает курсы лекций «Первобытное искусство» и «Основы археологии» в Санкт-Петербургском государственном академическом институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; д. и. н. В. А. Горончаровский читает курсы лекций «История археологических открытий» и «Всеобщая история» в Санкт-Петербургском госуниверситете технологии и дизайна; Н. В. Григорьева прочла курс лекций по археологии и истории родного края «С чего начинается Родина...» для курсантов Суворовского военного училища МВД Санкт-Петербурга; д. и. н. О. В. Шаров провел курс лекций в залах Государственного Эрмитажа для студентов факультета искусствознания Санкт-Петербургского университета профсоюзов; к. и. н. А. А. Липатов несколько лет работает преподавателем в сфере повышения квалификации специалистов-реставраторов; к. и. н. Р. В. Стоянов был руководителем семинаров «Межкультурные взаимодействия в Северо-Западной Анатолии в VII–II вв. до н. э.», «Методика полевой и камеральной обработки античной керамики» в Университете г. Чанаккале, Кафедра археологии, Фонд Трои (Турция).

Кафедра археологии исторического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета является основным источником пополнения молодыми научными кадрами ИИМК РАН. Директор ИИМК чл.-корр. РАН, д. и. н. Е. Н. Носов, являясь заведующим кафедрой, читает лекционные курсы на кафедре археологии и на историческом факультете СПбГУ. Научные сотрудники ИИМК являются штатными преподавателями кафедры археологии: с. н. с. В. С. Бочкарев (археология эпохи энеолита–бронзы); к. и. н. О. А. Щеглова – доцент ка-

федры археологии читает курсы по раннему железному веку и общий курс на кафедре музееологии.

ИИМК РАН продолжает поддерживать научные контакты с зарубежными коллегами. В Институте выступали с докладами, проходили стажировку и работали с материалами археологи из Франции, Китая, Японии, Израиля, Польши, Финляндии и стран СНГ.

В отчетный период ИИМК РАН продолжал активно развивать сотрудничество с родственными учреждениями стран СНГ. В настоящий момент у Института заключено 12 договоров о сотрудничестве, которые являются основой для более конкретных договоренностей о совместных мероприятиях, экспедициях и т. д.

К. и. н. Е. Ю. Гиря организовал и провел в период 15–25 сентября 2012 г. на базе ООО «Этно-Археологический комплекс 'Затерянный Мир'» (Ростовская обл.) Международную экспериментально-трассологическую школу, при поддержке «Донского археологического общества» (Ростов-на-Дону). В ней приняли участие научные сотрудники, аспиранты и студенты из археологических институтов и университетов России, Украины и Японии: Владивостока, Барнаула, Новосибирска, Луганска, Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Саппоро. Был прочитан курс лекций «Экспериментально-трассологические исследования в археологии».

Сотрудники ИИМК РАН активно участвовали в работе по программам международного сотрудничества РАН и по международным грантам: 1. к. и. н. С. С. Миняев является исполнителем проекта American Foundation for Science researcher, grant «Iron metallurgy for Asian nomads»; 2. к. и. н. А. А. Сеницын работает как основной исполнитель в пяти международных проектах: программа радиоуглеродного датирования в рамках проекта «Переход от среднего к верхнему палеолиту» (рук. T. Higham) Оксфордской лаборатории RLANA; программа радиоуглеродного датирования в рамках проекта «Формирование граветта Европы» (рук. T. Higham) Оксфордской лаборатории RLANA; грант Европейского сообщества: EU Marie Curie – Career Integration Grant (EU FP7 funding – Marie Curie Actions) «Neanderthals and modern humans in Eastern Europe» (рук. Ph. Nigst, Cambridge, UK); McDonald Institute Grant and Awards Fund of GBP J8325 (рук. Ph. Nigst, Cambridge, UK) с участием в раскопках Костенковских палеолитических

стоянок; RESET project (RESponse of humans to abrupt Environmental Transitions) по программе изучения вулканических пеплов в разрезах палеолитических стоянок Европы (dir. Ch.Stringer, D.White, Oxford, UK); 3. зав. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН, д. и. н. В. А. Горончаровский является соруководителем (с российской стороны) проекта «Греческие центры Северного и Восточного Причерноморья по программе сотрудничества РАН и Польской академии наук» на 2011–2013 гг.; 4. к. и. н. Р. В. Стоянов принимал активное участие в работах по международным проектам: «Керамические комплексы VI–IV вв. до н. э. из раскопок поселения Menekşe Çatađı». Исследовательский проект по подготовке к публикации и изданию материалов Menekşe Çatađı из раскопок 1995–2007 гг. на территории поселения Menekşe Çatađı (пров.Такирда, Турция). Фонд Трои (Чанаккале–Тюбинген). Руководитель проекта: д-р А. Эрм-Оздоан; «Междисциплинарный анализ культурных контактов в древних пограничных зонах». Министерство науки, исследований и искусства, Баден-Вюртемберг (Германия). Руководитель проекта д-р Р. Позаментир; 5. н. с. С. Г. Попов является координатором международного проекта «Estonia–Latvia–Russia Cross Border Cooperation Programme within European Found and Parthnership Instrument (Archaeology & Power & Community)», 2012–2014 гг.; 6. к. и. н. Н. Н. Скакун руководила работой по совместному проекту РГНФ – Национальный центр научных исследований Франции (CNRS) «Технология изготовления и функциональное назначение костяных изделий в древних культурах Евразии»; 7. зав. Экспериментально-трассологической лабораторией ИИМК РАН, д. и. н. В. Е. Щелинский осуществлял руководство международным российско-болгарским проектом в рамках Соглашения о научном сотрудничестве между РАН и Болгарской АН. Совместный проект № 50 «Древние пути заселения Европейского континента: миграционные процессы через Приазовье и Балканы. Характеристика индустрий и развитие культурного обмена между человеческими группами», 2012–2014 гг.; 8. осуществляется взаимодействие по программе сотрудничества ИИМК РАН и Краковского отделения Института археологии и этнологии Польской АН по теме: «Между романизацией и ромеизацией. Русь Рюриковичей и Польша Пястов на путях европеизации» – координатор д. и. н.

А. Е. Мусин; 9. д. и. н. А. И. Сакса принимал активное участие в реализации совместного проекта «Кафедральный собор XV–XVIII вв. в Выборге. Архитектурно-археологические исследования. Подготовка материалов и предложений к консервации и реставрации объекта» (2010–2015 гг.)» администрации МО «Выборгский район» Ленинградской области, Общества Микаэля Агриколы, университета Турку (Финляндия) и ИИМК РАН.

Д. и. н. Ю. А. Виноградов возглавил археологические работы на памятниках античного времени, проводящиеся на острове Сокотра (Йемен).

Кипрская экспедиция ИИМК РАН (нач. – зав. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН, д. и. н. В. А. Горончаровский) на спонсорские средства произвела археологические работы на античном поселении Влю близ сел. Аногира (округ г. Лимасол, Республика Кипр).

Зав. Отделом охранной археологии ИИМК РАН, к. и. н. Н. Ф. Соловьева руководила работами Международной комплексной археологической экспедиции, исследующей поселения энеолита и бронзового века Монжуклы-депе и Илгынлы-депе на юго-востоке Туркменистана, в сентябре–октябре 2012 г.

При финансовой поддержке РГНФ начала изучение памятников бронзового века в Таджикистане Южно-Таджикская экспедиция ИИМК РАН, нач. – к. и. н. Ю. Г. Кутимов.

К. и. н. Е. Ю. Гирия принимал участие в организации и проведении летней полевой школы «Доисторические орудия и адаптация человека в горных условиях: теория, методика, эксперимент», 27–30 августа 2012 г., Университет Тренто, г. Тренто, Италия.

Зав. Отделом палеолита ИИМК РАН, д. и. н. С. А. Васильев и к. и. н. А. А. Сеницын продолжали представлять археологов России в постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP).

К. и. н. М. Е. Килуновская является координатором С.-Петербургского отделения Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства.

Д. и. н. А. И. Сакса является членом финского археологического общества, финского литературного общества, общества Калевала (Финляндия). В 2012 г. он назначен экспертом Ученого совета гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия). В 2012 г.

А. И. Сакса как признанный эксперт по финской археологии давал заключения: 1. на докторскую диссертацию Вилле Лааксо о православных христианских древностях в Финляндии; 2. по научной компетенции доктора философии Кари Уотила для присвоения ему ученого звания доцента.

В 2012 г. в ИИМК РАН получен новый Патент на изобретение № 2466379 (третий за последние пять лет) от 10 ноября 2012 г. Коллектив авторов: В. Е. Куликов, от ИИМК РАН; Е. Ю. Медникова, С. С. Миняев, Е. Н. Носов, получили патент на «Способ бесконтактного полиполяризационного исследования минералов и органических структур с различными коэффициентами пропускания». Изобретение относится к области оптико-физических исследований состава естественных и искусственных минералов, а также органических структур с различными коэффициентами пропускания. Изобретение позволяет визуально и с высокой степенью достоверности определить структурный состав исследуемого объекта для целей его идентификации, чрезвычайно важно для изучения и сравнения между собой древних искусственных материалов (керамики, красок, строительных растворов, стекла и пр.).

Законодательное Собрание Ленинградской области Постановлением от 26 апреля 2012 г., № 412., наградило Почетной грамотой коллектив Института истории материальной культуры Российской академии наук за археологические исследования в Старой Ладогге, директор ИИМК РАН, чл.-корр. РАН Е. Н. Носов был награжден в соответствии с Указом Губернатора Новгородской области от 14.09.2012 № 274 знаком «1150-летие зарождения российской государственности». Е. Н. Носов получил также диплом губернатора Новгородской области С. Г. Митина «За высокие достижения в исследовании Рюрикова городища, памятников археологии Новгородской области и изучении проблем древнейшей истории славян и Древнерусского государства». Ему же был вручен диплом Председателя комитета культуры Новгородской области С. Б. Богданова «За большой вклад и выдающиеся успехи в исследовании и популяризации исторического наследия Новгородской земли».

Зав. Отделом славяно-финской археологии ИИМК РАН, д. и. н., проф. А. Н. Кирпичников награжден премией Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся научные результаты в об-

ласти науки и техники за 2012 г., в номинации «9. гуманитарные науки – премия им. С. Ф. Ольденбурга». Он же награжден золотой медалью Академии художеств России, решение от 13.11.2012 г.

К. и. н. М. Н. Пшеницына получила благодарственное письмо Верховного Совета Республики Хакасия «за большой личный вклад в исследование, сохранение и популяризацию историко-культурного наследия Республики Хакасия». К. и. н. В. А. Семенов и к. и. н. М. Е. Ки-

луновская удостоены Почетных грамот РГО «За участие в проекте Кызыл–Курагино».

Н. с. С. Г. Попов получил благодарность от митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира «За проведение археологической инспекции останков семейства Демидовых в церкви преп. Александра Невского (д. Александровка, Тайцы, Гатчинский р-н)», а к. и. н. О. А. Щеглова (в коллективе авторов) удостоилась «Премии им. И. Е. Забелина в области научных исследований по итогам 2011 года».

С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААНИИ – Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт, СПб.
АВ – Археологические вести. СПб.
АИУ – Археологические исследования на Украине.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л.–СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БИН РАН – Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН. СПб.
БРЭМ – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Харбин.
БФ – Боспорский феномен. СПб.
ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
ГИН РАН – Геологический институт РАН. М.
ГКУ ЯНАО – Государственные казенные учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард.
ЗИИМК РАН – Записки ИИМК РАН. СПб.
ЗИН РАН – Зоологический институт РАН. СПб.
ИАА – Историко-археологический альманах. Армавир; М.
ИАК – Известия Археологической Комиссии. СПб. – Пг.
ИА НАНУ – Институт археологии НАН Украины. Киев.
ИА РАН – Институт археологии РАН. М.
ИВ РАН – Институт востоковедения РАН. М.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.
ИРГО – Императорское Русское географическое общество. СПб.
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.
КСД – культура строителей дольменов.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАГК – Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МАИКЦА – Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Л.–СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МНО – майкопско-новосвободненская область.
НА ІА НАНУ – Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НИАЗ «Ольвия» НАНУ – Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия» НАН Украины.
ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАИ – Полевые археологические исследования АН Грузинской ССР. Тбилиси.
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук.
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.; Л.
СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТМАЭ – Труды Маргианской археологической экспедиции. М.
Тр. ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
ХКААМ – Художественная культура и археология античного мира.
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
AA – Archäologischer Anzeiger. Berlin.
AAE – Arabian Archaeology and Epigraphy.
AARI – Arctic and Antarctic Research Institute. SPb.
Aas – Arts Asiatiques. Paris.
AJA – American Journal of Archaeology. New York.
AMIT – Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
AOS – American Oriental Series. New Haven, Connecticut.
ASPF – American School of Prehistoric Research. Cambridge.
CDAFI – Cahiers de la Délégation Archéologique Française en Iran. Paris.
CRAIBL – Comptes Rendus de l' Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris.
EW – East and West. Rome.
JHS – Journal of Hellenic Studies. London.
MAG – Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.
MARQ – Museo Arqueológico Provincial de Alicante. Spain.
MASI – Memoirs of the Archaeological Survey of India. Delhi.
MDAFA – Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris.
MJ – Museum Journal. Philadelphia.
MMAFAC – Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. Paris.
MMAUM – Memoirs of the Museum of Anthropology University of Michigan. Ann Arbor, Michigan.
MNI – Minimum number of individuals.
NISP – Number of Identified Specimens or Number of Individual Specimens.
OIP – Oriental Institute Publications. Chicago, Illinois.
PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Berlin.
PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin; Leipzig.
RA – Revista Arheologică. Chişinău.
SA – Slovenská archeológia. Nitra.
SAA – South Asian Archaeology.

Научное издание

Археологические вести

Выпуск 19

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Издательская группа ИИМК РАН
*А. В. Гилевич, Н. В. Головачева,
Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова,
В. Я. Стеганцева*

Адрес редакции:
Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Н. В. Коробовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Подписано в печать .
Формат 60×90 1/8. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. . Печ. л. 39.
Тираж 400 экз. Заказ

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12/28